

Мир приключений

Мариэтта
ШАГИНЯН

Месс-менд

Мир приключений

**Мариэтта
ШАГИНЯН**

Месс-менд

Часть I

Часть II

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1988

84 Р 7

III 15

Послесловие
Л. И. Скорина

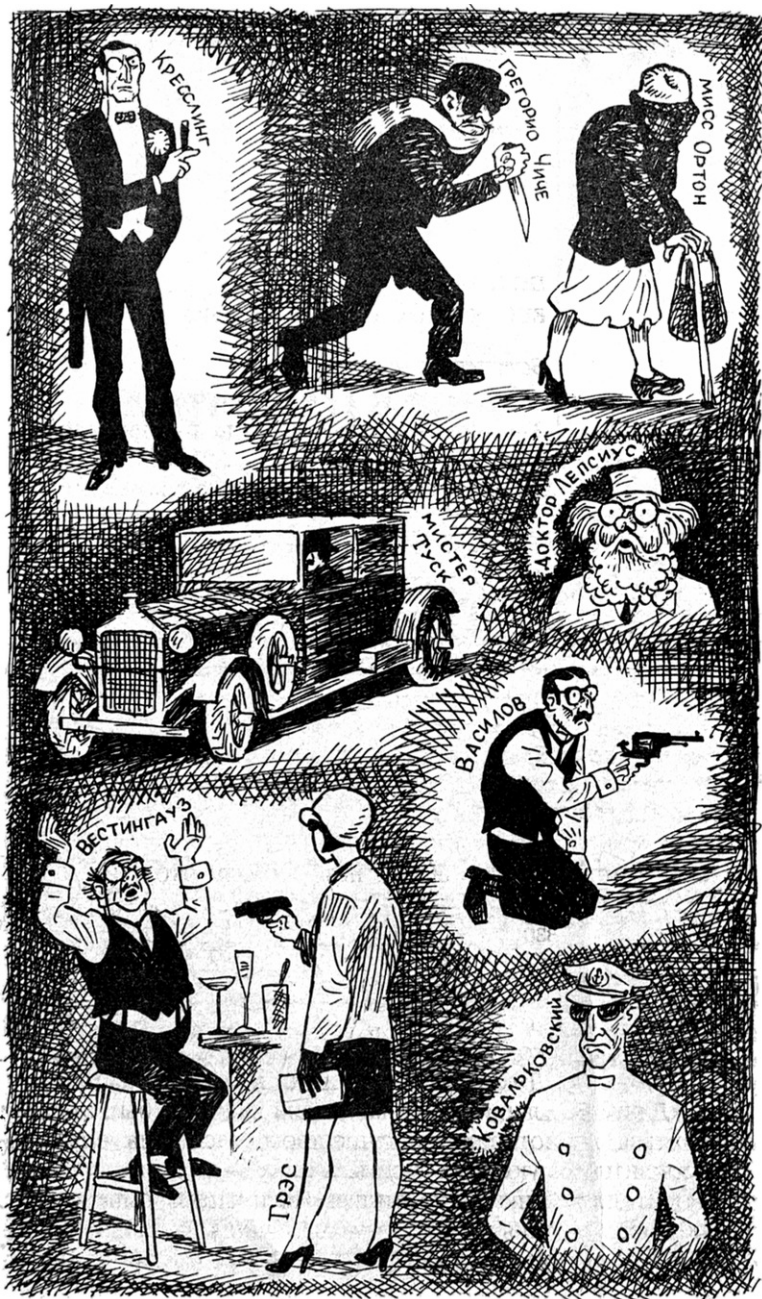
Иллюстрации
Е. А. Ведерникова

III $\frac{4702010200-1653}{080(02)-88}$ 1653-88

©Издательство «Правда». 1988.
Послесловие. Иллюстрации.

Часть I

Янки в Петрограде

ДОЛЛАР, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Вступительный очерк

В мартовское утро 1888 года на одном из вокзалов Нью-Йорка к носильщику бляха № 701 подбежал прилично одетый человек с новорожденным ребенком на руках.

— Носильщик, ваш номер? Отлично, возьмите ребенка, да осторожней, черт возьми, если хотите заработать доллар... Ждите меня вон там у остановки омнибусов — я бегу разыскивать даму...

Проговорив это, незнакомец кинулся в толпу. Бляха № 701 осторожно понес ребенка на площадку, ждал десять минут, потом полчаса, потом час. Ребенок заплакал. Носильщик струсил — уж не подкинут ли ему ребенок. Когда спустя два часа никто не появился, а на вокзале незнакомца не оказалось, носильщик сказал себе с горечью: «Вот так доллар», — и понес ребенка в участок.

По дороге на него нашло раздумье. Дитя прекрасно одето, пеленки с метками. Что, если с незнакомцем что-нибудь случилось, а потом он хватится ребенка, разыщет носильщика по номеру и будет взбешен, узнав, что дитя в полиции. Не подержать ли его у себя дома, а тем временем поискать незнакомца?

Он понес его домой и сдал жене. Дитя оказалось прехорошеньким мальчиком. Белье было помечено Д. Д. Так как носильщика звали Джемсом, он в шутку называл мальчика раза два — «Джим Доллар», — и этому имени суждено было навеки укрепиться за потерянным существом, заслужив ему впоследствии широкую известность.

Родители ребенка не появились. Носильщик усыновил его. Он рос обыкновенным городским мальчишкой, проводил все свое время на улице, покуда бляха № 701 не скончался. Вслед

за ним умерла и жена, оставив Джиму Доллару бляху приемного отца и краткую историю его усыновления.

Года полтора Джим ведет бродячую жизнь. Он ночует под мостом и на крышах, питается вместе с собаками городскими отбросами. «В эти годы усовершенствовалось мое обоняние,— рассказывает он в краткой автобиографии,— я узнал, что у каждого города, у каждой улицы, у каждого двора есть свой запах».

Однажды он увидел перед пивной воз с большими дорожными картонками, забрался в одну из них, прикрыл себя крышкой и заснул. Он проснулся от толчков. Вслед за тем на него полился яркий электрический свет. Высокая девица в папильотках стояла над картонкой и разглядывала его, поджав губы. Он выскочил из картонки, собираясь улизнуть.

— Я полагаю, что заплатила за картонку настоящими деньгами,— сказала девица.

— Не думаете ли вы, мэм, что купили меня вместе с картонкой? — в ужасе воскликнул Джим.

— Да, я думаю,— ответила неумолимая девица,— ведь я беру вещи не иначе, как на вес.

Несчастный Джим не знал законов. Он искренно поверил девице и остался у нее в услужении добрых двенадцать лет.

Это были самые мрачные годы его жизни. Девица эксплуатировала мальчика, заставляя его работать даже по воскресеньям. Урывками он выучился читать и писать. Когда ему стукнуло девятнадцать лет, она внезапно подарила ему велосипед. Спустя некоторое время она снова сделала ему подарок — дюжину галстуков. Странное предчувствие овладело Джимом: не задумала ли девица женить его на себе? Как только он оформил в мозгу это предчувствие, природная любовь к свободе вспыхнула в нем, он вскочил на велосипед — и был таков.

Джим свободен. Он снова на улицах Нью-Йорка. Но тут ему пришлось на собственной шкуре испытать всю тяжесть социального бесправия: что нужды в свободе, когда нет куска хлеба. Пространствовал по фабричным окраинам Нью-Йорка, он кое-как устраивается на спичечной фабрике и становится рабочим. Резкое влияние оказывают на него два обстоятельства: первая стачка и первое знакомство с кинематографом.

Стачка, как он впоследствии писал, научила его «умению защищаться, становясь спиной к врагу», а кинематограф привел его к той теории «городского романа», которая насчитывает в настоящее время многочисленных последователей.

Вернувшись из кинематографа, где он смотрел примитивную драму из парижской жизни, с благородным апашем и кошкой, Джим Доллар, как безумный, начинает имитировать кинематограф для своих товарищей по работе. Он собирает вокруг себя кучку молодежи, сочиняет пьесы, разыгрывает их в обеденный перерыв тут же на фабрике, используя для своих акробатических фокусов станки машины. К этому времени относятся первые эскизы двух его излюбленных героев, металлиста Лори и «укротителя вещей», Микаэля Тингсмастера, Мик-Мага его позднейших романов. По ночам он лихорадочно поглощает учебники, стараясь «поймать ту связь установленных представлений, которую принято называть образованием»¹. Не отказываясь ни от какой работы, он перебирается из одного промышленного центра Америки в другой, периодически возвращаясь, однако же, на старую спичечную фабрику, где у него остались друзья и знакомцы.

Та же фабрика, точнее — кружок сгруппировавшихся вокруг него спичечников, знакомится с первым литературным опытом Джима Доллара, сценарием большого киномана, который он задумал и набросал в течение двенадцати часов. Тут, между прочим, обнаружилась роковая особенность Доллара, долгое время препятствовавшая его карьере романиста. Впервые постигший значение фабулы через зрительный образ (не в книге, а на экране кино), Доллар непременно зарисовывал своих героев на полях рукописи и вставлял там и сям в текст рисунки, служившие иллюстрациями. Как большинство одаренных людей, Джим видел свой талант совсем не в том, что у него действительно было талантливо, а в наиболее слабой своей области. Так он в глубине души считал себя прирожденным рисовальщиком. Между тем рисунки Джима Доллара были более чем худы — они были безграмотны и бесполезны.

Первый его киноман (впоследствии уничтоженный автором) встречен был в спичечном кружке взрывом восторга. Доллар, поощренный друзьями, отправляется в крупное нью-йоркское издательство «При-фикс-Бук» и показывает свою рукопись. Редактор, едва увидев его рисунки, сворачивает рукопись трубочкой и немедленно возвращает ее молодому автору, не говоря ни слова.

— В чем дело? — спросил вспыхнувший Джим.

— Обратитесь в обойный магазин, молодой человек, — ответил безжалостный редактор.

¹ «Нью-Йорк Джеральд», № 381, автобиография Доллара.

Джим пожал плечами и два последующих года лихорадочно работал над новыми сценариями, обильно уснащая их рисунками. Но, несмотря на все его страдания, их ожидала та же участь. Неизвестно, что случилось бы с нашим романистом, если б однажды он не услышал безумного стука в свою дверь.

— Джим! — заорал спичечник Ролльс, влетая в каморку с газетой в руках. — Гляди, дурья башка!

В отделе объявлений жирным шрифтом стояло:

**СРОЧНО, УБЕДИТЕЛЬНО, НАСТОЯТЕЛЬНО
РАЗЫСКИВАЕТСЯ БЫВШИЙ НОСИЛЬЩИК**

БЛЯХА № 701

**Для благосостояния своего собственного
и вверенного ему**

МЛАДЕНЦА

Ольстрит № 92

С газетой в руках Доллар побежал по указанному адресу. Он мечтал уже о найденных родителях, братьях и сестрах. Жирный нотариус вышел к нему навстречу и, по проверке документов, после тщательного допроса Джима, ввел его во владение довольно-таки солидным наследством, ни единым словом не подняв завесы над тайной его происхождения.

Доллар был утрюм; он не радовался неожиданному богатству. Как это ни странно, но он не ушел даже со спичечной фабрики и первые полгода не прикасался к деньгам.

Однажды редактор «При-фикс-Бука» получил новую рукопись, испещренную забавными рисунками. Он посмотрел себе за спину — есть ли огонь в камине — и уже собрался отправить туда злополучную бумагу. Но из рукописи выпало письмо, а в письме было написано Джимом Долларом, что он предлагает издательству сумму, втрое возмещающую убытки по опубликованию его романа. Редактор пожал плечами и развернул рукопись. Его внимание оказалось скованным кинороманом; дважды звонил телефон, входил секретарь, кашляла машинистка — он не слышал. На другой день он сказал Джиму:

— Мы покупаем у вас роман. Одно условие: выбросьте рисунки.

— Я покупаю у вас все издание вперед и дарю вам его целиком с условием печатать рисунки, — ответил Джим.

Переговоры шли десять дней. Наконец «При-фикс-Бук» взялось за опубликование первой книги Доллара.

Наши читатели, по всей вероятности, знают, что книга разошлась в первые восемь дней и ныне выходит двадцать вторым изданием.

Не без тайного вздоха сказал как-то редактор Джиму Доллару:

— Вы отличный писатель, Джим. Но, ей-богу, у вас есть недостаток. Не сердитесь на меня, вы совсем некстати возомнили себя художником.

Доллар впервые слышал намек на негодность своих рисунков. Это уязвило его, он покраснел и надменно ответил:

— Если даже это недостаток, он у меня общий с неким Гете.

К сожалению, он не перестал разрисовывать свои романы, ставя каждому издателю непременно условием воспроизведение этих рисунков. Нашим читателям мы предлагаем под общим названием «Месс-менд» серию романов Джима Доллара, доставившую ему наибольшую популярность и одновременно вызвавшую всевозможные административные гонения вплоть до ареста первого романа этой серии «Янки в Петрограде», вдохновленного русской Октябрьской революцией.

Чтобы уяснить себе облик Доллара как романиста, следует помнить, что традиции его восходят к кинематографу, а не к литературе. Он никогда не учился книжной технике и не дает себе труда быть обычным писателем. Он учился только в кинематографе. Весь его романический багаж условен. Сам американец, уроженец Нью-Йорка, он не дает ничего похожего на реальный Нью-Йорк. Названия улиц, местечки, фабрики, бытовые черты — все это совершенно фантастично, и перед нами в романах Доллара проходит совершенно условный, я бы сказала «экранный», мир. Он сказал как-то, что кинематограф есть эсперанто всего человечества. Вот на этом общем «условном» языке и написаны романы Доллара, отнюдь не приведшие ни к безвкусице, ни к пошлости.

Если искать нечто подобное в прошлом, то следовало бы с некоторыми оговорками указать, как на предшественников Доллара, пожалуй, Дюма-отца и Понсон дю Террайля, писателей, которых он, кажется, весьма мало читал. Потребность давать фабулярную серию, плодovitость, неутомимое чередование света и тени, резкие контрасты, борьба доброй и злой силы — такие же, как у вышеупомянутых французских романистов. К ним добавьте нечто отсутствующее у Дюма и в Рокамболе: пламенный эрос, заразительную эмоциональность и местами — англосаксонский юмор.

Наконец, для русского читателя небезынтересно узнать, что Джим Доллар — отчасти создатель «пролетарской литературы» в Америке, понимаемой им совершенно своеобразно. Он неоднократно говорит о себе, что он не политический и не социальный писатель, а только занимательный рассказчик. Он просит «не требовать он него позы вождя и страдающего пролетария», так как он «всегда шел за своим классом, а не впереди него, имел хорошее пищеварение и чувствовал себя превосходно». Как политик же и социалист, он «никогда не станет писать книги, а будет делать стачки и строить баррикады».

Несмотря на эти заявления, романы Джима Доллара, как читатель, впрочем, и сам увидит, оказывают чрезвычайно благотворное действие на городские массы, воспитывая в них сознание своей силы и непреодолимую охоту к борьбе.

23 ноября 1923 г.

М. III.

ПРОЛОГ

— Ребята, Уптон Синклер — прекрасный писатель, но не для нас! Пусть он томит печень фабриканту и служит справочником для агитаторов. Нам подавай такую литературу, чтобы мы могли почувствовать себя хозяевами жизни. Подумайте-ка, никому еще не пришло в голову, что мы сильнее всех, богаче всех, веселее всех: дома городов, мебель домов, одежду людей, печатную книгу, утварь, оружие, инструменты, корабли, пушки, сосиски, пиво, пирожное, сапоги, кандалы, железнодорожные рельсы — делаем мы и никто другой. Стоит нам опустить руки — и вещи исчезнут, станут антикварной редкостью. Нам с вами не к чему постоянно видеть свое отражение в слезливых фигурах каких-то жалких Хиггинсов и воображать себя несчастными, рабами, побежденными. Этак мы в самом деле недалеко уйдем. Нам подавай книгу, чтоб воспитывала смельчаков!

Говоря так, огромный человек в синей блузе отшвырнул от себя тощую брошюру и прыгнул с читального стола в толпу изнуренных, бледных, нищенски одетых людей. Дело происходит в Светоне, на металлургическом заводе Рокфеллера. Металлисты бастуют уже вторую неделю.

— Ты сказки рассказываешь, Мик, — крикнул в спину оратору желтолицый ямаец Карло.

— Сказки? Зайди к нам на фабрику, посмотришь своими глазами. Я говорю себе: Мик Тингсмастер, не ты ли отец этих красивых вещичек? Не ты ли делаешь дерево нежнее и красивее, чем бумажная ткань? Не щебечут ли у тебя филенки, как птички, обнажая письма древесины и такие рисунки, о которых не подозревают школьные учителя рисования? Зеркальные шкафчики для знатных дам, хитрые лица дверей, всегда обращенные в вашу сторону, шкатулки, письменные столы, тяжелые кровати, потайные ящики, разве все это не мои дети? Я делаю их своею рукою, я их знаю, я их люблю, и я говорю им: эге-ге, дети мои, вы идете служить во вражеские кварта-

лы; ты, шкаф, станешь в углу у кровопийцы; ты, кресло, затре-
щишь под развратником; ты, шкатулка, будешь хранить
брильянты паучихи; так смотрите же, детки, не забывайте от-
ца! Идите туда себе на уме, себе на уме, верными моими
помощниками...

Тингсмастер выпрямился и обвел глазами толпу:

— Да, ребята. Одушевите-ка вещи магией сопротивления.
Трудно? Ничуть не бывало! Замки, самые крепкие, хитрые, на-
ши изделия, размыкайтесь от одного нашего нажима. Двери
пусть слушают, передают, зеркала запоминают, обои скрыва-
ют тайные ходы, полы проваливаются, потолки обрушиваю-
тся, стены сдвигаются. Хозяин вещей тот, кто их делает, а раб
вещей — тот, кто ими пользуется!

— Эдак нам нужно знать больше инженера, — вставил ста-
рый рабочий, — темному человеку не придумать ничего ново-
го, Мик, он делает, что ему покажут, и баста.

— Ошибаешься! Влюбись в свое дело, и у тебя откроются
глаза. Взгляните-ка на эти полосы металла. Ведь они дышат,
действуют, имеют свой спектр, излучаются на человека, хоть
и невидимо для врачей. Вы должны знать их действие, вы под-
вергаетесь ему десятки лет. Изучите каждый металл, пропи-
тайтесь им, используйте его, пусть он течет в мир с тайным ва-
шим поручением и исполняет, исполняет, исполняет...

...Тингсмастер удаляется, речь все глуше, большое борода-
тое лицо с прямыми белыми бровями над веселым взглядом
меркнет мало-помалу — он далеко, ему нужно взбодрить в Ро-
вен-Квере бастующих телеграфистов, он скрылся...

— Кто это был? — взволнованно спрашивает молодой,
только что поступивший рабочий, глядя ему вслед. — Черт по-
бери, кто это был?

— Да что ты, Лори, неужто не слышал! Это Микаэль Тин-
гсмастер, с деревообделочного в Миддльтоуне. Он же токарь,
слесарь, столяр — все, что тебе угодно: самый умный из наше-
го брата в Америке!

Глава первая

АРТУР РОКФЕЛЛЕР
ВСТРЕЧАЕТ
СВОЕГО ОТЦА

В майское утро по Риверсайд-Драйв с сумас-
шедшей скоростью мчался автомобиль.

Молодой человек, весь в белом, сидевший рядом с задум-
чивым толстяком, кричал ему на ухо наперебой с ветром:

— Мачеха всегда вспоминает обо мне в последнюю минуту. Я встревожен ее телеграммой. Вот увидите, у отца неприятности с этим польским займом или что-нибудь вроде этого.

— Мистер Еремия — слишком умный человек, Артур! Вам нечего тревожиться, — ответил толстяк, — да и телеграмма самая обыкновенная: едут домой с отцом на «Торпед», придут сегодня. Вы слишком экзальтированы, вот и все.

— Молчите, доктор, — прервал его молодой человек, — все, что исходит от моей мачехи и ее черноусой дочери, всегда полно неприятных сюрпризов. Я всегда ненавижу женщин, вы знаете. Но после женитьбы отца я их ненавижу вдвое, втрое, вдесятеро, я наслаждаюсь каждым доказательством их низости. Я готов... ах, что бы я только не сделал, чтоб их растоптать, обезвредить, унижить, уничтожить!

— Но, мистер Артур, — засмеялся доктор, — это похоже на горячку. Я обеспокоен, решительно обеспокоен вашей любовью к отцу. Сыновья привязанность, конечно, вещь почтенная, но не до такой степени... Возьмите себя в руки.

Стоп. Шофер круто повернул и затормозил автомобиль. Перед ними лежал, весь в ярком блеске солнца, Гудзонов залив, влившийся в берега тысячью тонких каналов и заводей. На рейде, сверкая пестротой флагов, белыми трубами, окошками кают-компаний, стояли бесчисленные пароходы. Множество белых лодочек бороздило залив по всем направлениям.

— «Торпеда» уже подошла, — сказал шофер, обернувшись к Артуру Рокфеллеру и доктору. — Надо поторопиться, чтобы подоспеть к спуску трапа.

Молодой Рокфеллер выпрыгнул из автомобиля и помог своему соседу. Толстяк вылез, отдуваясь. Это был знаменитый доктор Лепсиус, старый друг семейства Рокфеллеров. Попугачьи пронзительные глазки его прикрыты очками, верхняя губа короче нижней, а нижняя короче подбородка, причем все вместе производит впечатление удобной лестницы с отличными тремя ступеньками, ведущими снизу вверх прямехонько под нос.

Что касается молодого человека, то это самый приятный молодой человек, — из тех, на кого существует наибольший спрос в кинематографах и романах. Он ловок, самоуверен, строен, хорошо сложен, хорошо одет и, по-видимому, не страдает излишком рефлексии. Белокурые волосы гладко зачесаны и подстрижены, что не мешает им виться на затылке крепкими завитками. Впрочем, в глазах его сверкает нечто, делающее этого «первого любовника» не совсем-то обыкновенным. Мистер Чарлз Диккенс, указав на этот огонь, намекнул бы своему читателю, что здесь скрыта какая-нибудь злоеющая

черта характера. Но мы с мистером Диккенсом пользуемся разными приемами характеристики.

Итак, оба сошли на землю и постыжились вмешаться в толпу ньюйоркцев, глазевших на только что прибывший пароход.

«Торпеда», огромный океанский пароход братьев Дуглас и Борлей, был целым городом с внутренним самоуправлением, складами, радио, военно-инженерным отделом, газетой, лазаретом, театром, интригами и семейными драмами.

Трап спущен, пассажиры начали спускаться на землю. Здесь были спокойные янки, возвращавшиеся из дальнего странствования с трубкой в зубах и газетой под мышкой, точно вчера еще сидели в нью-йоркском «Деловом клубе». Были больные, едва расправлявшие члены, красивые женщины, искавшие в Америке золото, игроки, всемирные авантюристы и жулики.

— Странно! — сквозь зубы прошептал доктор Лепсиус, снимая шляпу и низко кланяясь какому-то краснолицему человеку военного типа. — Странно, принц Гогенлоэ в Нью-Йорке!

Шепот его был прерван восклицанием Артура:

— Виконт! Как неожиданно! — И молодой человек быстро пошел навстречу красивому брюнету, опиравшемуся, прихрамывая, на руку лакея.

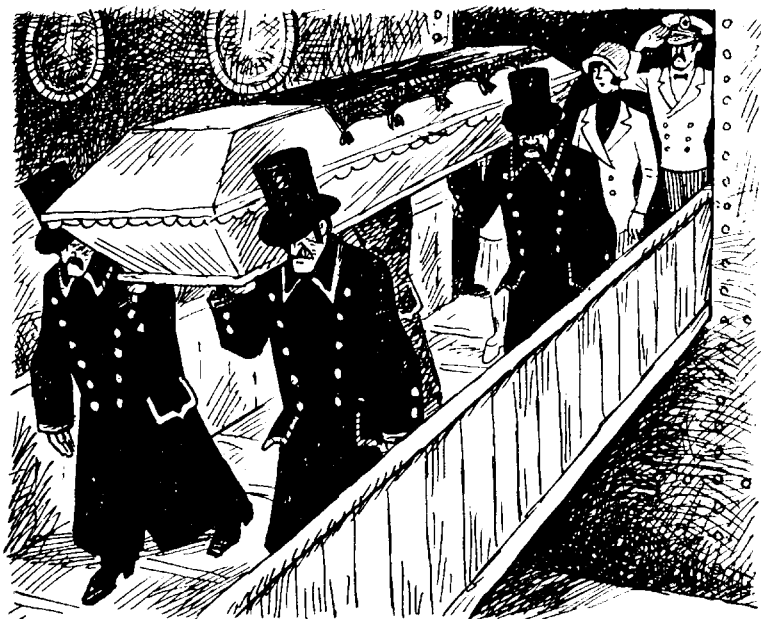
— Виконт Монморанси! — пробормотал Лепсиус, снова снимая шляпу и кланяясь, хотя никто его не заметил. — Час от часу страннее. Что им нужно в такое время в Нью-Йорке?

Между тем толпа, хлынувшая от трапа, разделила их, и на минуту Лепсиус потерял Артура из виду. Погода резко изменилась. Краски потухли, точно по всем предметам прошлись тушью. На небо набежали тучи. Воды Гудзона стали грязного серо-желтого цвета, кой-где тронутого белой полоской пены. У берега лаяли чайки, взлетев целым полчищем возле самой пристани. Рейд обезлюдел, пассажиры разъехались.

— Где же семейство Рокфеллера? — спросил себя доктор, озираясь по сторонам. В ту же минуту он увидел Артура, побледневшего и вперившего глаза в одну точку.

По опустелому трапу спускалось теперь странное шествие. Несколько человек, одетых в черное, медленно несли большой цинковый гроб, прикрытый куском черного бархата. За ним, прижимая к лицу платочки, шли две дамы в глубоком трауре, обе стройные, молодые, рыжие и, несмотря на цвет волос, оливково-смуглые. Они были подавлены горем.

— Что это значит? — прошептал Артур. — Мачеха и Клэр... а где же отец?

Шествие подвигалось. Одна из дам, подняв глаза, увидела молодого Рокфеллера, слегка всплеснула руками и сделала несколько шагов в его сторону.

— Артур, дорогой мой, мужайтесь! — произнесла она с большим достоинством.

— Мужайтесь, братец! — неожиданным басом воскликнула другая, тоже подходя к Артуру. Это была на редкость красивая девушка, которую портили разве только две вещи: густой басистый голос и черные усики.

— Где отец? — воскликнул молодой Рокфеллер.

— Да, Артур, он тут. Еремия тут, в этом гробу, — его убили под Варшавой.

Мистрисс Элизабет Рокфеллер проговорила это дрожащим голосом, закрыла лицо и зарыдала.

— Братец, я возьму вас под руку, — шепнула красивая Клэр, прижимаясь к неподвижному молодому человеку.

Но Артур отшатнулся от них и впился пальцами в пухлую руку Лепсиуса.

— Спросите их, кто убил отца, — шепнул он побелевшими губами.

Лепсиус повторил его вопрос.

— Не сейчас... мне трудно говорить об этом, — пробормотала вдова.

— Отчего не сказать ему прямо, мама? — вступилась Клэр своим мужским басом. — Тут нет никаких сомнений, его убили большевики.

Скорбная процессия двинулась дальше. Лепсиус подхватил зашатавшегося Артура и довел его до автомобиля. Набережная опустела, с неба забил частый, как пальчики квалифицированной ремингтонистки, дождик.

Сплеывая, прямехонько под дождь, к докам прошли, грудь нараспашку, два матроса с «Торпеды». Они еще не успели, но намеревались напиться. У обоих в ушах были серьги, а зубы сверкали как жемчуга.

— Право, Дип, ты дурак, право так.

— Молчи, Дан, будь ты на моем месте, ты бы остолопом стал.

— Скажи, пожалуй!

— А я тебе говорю, остолопом.

— От такого-то пустяка? Да у меня и в животе бы не пробурчало!

— Пустяк! А я тебе скажу — я лучше дам себя съесть акуле, начиная с ног и кончая головой, чем опять переживу это-кое дело.

— Да какое дело-то? Бабы фокусы!

— Ни-ни, милейший, тут не баба, тут сатана. Если б ты увидел, как она ручьем разливалась, да с капитаном на голос выводила, а потом сухими глазами взглянула и смешок вырвался, будто невзначай, — понимаешь, она думала, что одна осталась, а я за брезентом, — так тебе стало бы страшно дневного света.

— Тю, дурак. Ну что же тут страшного?

— Сам дурак, вот что. Помяни мое слово...

Остальное пропало в коридоре, ступеньками вниз, подвала «Океания», — горячая пища и горячительные напитки — специально для моряков». Если мы туда с вами и спустимся, читатель, то во всяком случае не сию минуту, когда, по моему счету, выходит ровнешенько «стоп» первой главе.

Глава вторая

**ДОКТОР ЛЕПСИУС
НАЕДИНЕ
С САМИМ СЕБОЙ**

Быстрыми шагами, не соответствующими ни его возрасту, ни толщине, поднялся доктор Лепсиус к себе на второй этаж. Он занимал помещение более чем скромное.

Комнаты были свободны от мебели, окна без штор, полы без ковров. Только столовая с камином да маленькая спальня казались жилыми. Впрочем, за домом у доктора Лепсиуса была еще пристройка, куда никто не допускался кроме его слуги, чье желтое лицо с несомненностью выдавало его смешанное происхождение.

Поднимаясь к себе, Лепсиус казался взволнованным. Он танцевал всеми тремя ступеньками, ведущими к носу, бормоча про себя:

— Съезд, настоящий съезд. Какого черта все они съехали в Нью-Йорк? Но тем лучше, тем лучше! Как раз вовремя для тебя, дружище Лепсиус, когда твое открытие начинает нуждаться в экспериментах, примерчиках, проверочных субъектах... Тоби! Тоби!

Муллат с выпяченными губами и маленькими, как у обезьяны, ручками выскользнул из соседней комнаты. Лепсиус отдал ему шляпу и палку, уселся в кресло и несколько мгновений сидел неподвижно. Тоби стоял как собака, глядя в пол.

— Тоби,— сказал он, наконец, тихим голосом,— что поделяет его величество Бугас Тридцать Первый?

— Кушает плохо, жалуется. На гимнастику ни за что не полез, хоть я и грозил ему кнутом.

— Не полез, ты говоришь?

— Не полез, хозяин.

— Гм, гм. А ты пробовал вешать наверху бананы?

— Все делал, как вы приказали.

— Ну пойдем, навестим его. Кстати, Тоби, пошли, пожалуйста, шофера с моей карточкой вот по этому адресу.

Лепсиус написал на конверте несколько слов и передал их мулату. Затем он открыл шкафчик, достал бутылочку с темным содержимым, опустил ее в боковой карман и стал медленно спускаться вниз, на этот раз по внутренней лестнице, ведущей к тыловой стороне дома. Через минуту Тоби снова догнал его. Они миновали несколько пустых и мрачных комнат, со следами пыли и паутины на обоях, затем через небольшую дверку вышли на внутренний двор. Он был залит асфальтом. Высокие каменные стены справа и слева совершенно скрывали его от уличных пешеходов. Нигде ни скамейки, ни цветочного горшка, словно это был не дворик в центральном квартале Нью-Йорка, а каменный мешок тюрьмы. Шагов через сто оба дошли до невысокого бетонного строения, похожего на автомобильный гараж. Дверь с железной скобой была заперта тяжелым замком. Только что Лепсиус собрался вставить ключ в замочную скважину, как с той стороны, из главного дома, раздался чей-то голос. Лепсиус нервно повернулся.

— Кто там?

— Доктор, вас спрашивают,— надрывалась экономка в белом чепце, красная как кумач,— вас спрашивают, спрашивают, спрашивают!

Мисс Смоулль, экономка доктора, была глуховата,— очень незначительное преимущество у женщины, не лишенной употребления языка.

— Кто-о? — растягивая звуки, крикнул Лепсиус.

— Хорошо! — ответила ему мисс Смоулль, усиленно закивав головой. Тотчас же некто, бедно одетый, быстро направился через дворик к Лепсиусу.

— Черт побери эту дуру! — выругался про себя доктор. — Держишь ее, чтоб не подслушивала, а она знай гадит тебе с другого конца. Кто вы такой, что вам надо? — последние слова относились к подошедшему незнакомцу.

— Доктор, помогите больному, тяжело больному, — сказал незнакомец, едва переводя дыхание.

Лепсиус посмотрел на говорившего сквозь круглые очки:

— Что с вашим больным?

— Он... на него упало что-то тяжелое. Перелом, внутреннее кровоизлияние, одним словом — худо.

— Хорошо, я приду через четверть часа. Оставьте ваш адрес.

— Нет, не через четверть часа. Идите сейчас!

Доктор Лепсиус поднял брови и улыбнулся. Это случилось с ним редко. Он указал мулату глазами на дверь гаража, передал ему ключ и двинулся вслед за настойчивым незнакомцем. Только теперь он разглядел его как следует. Это был невысокий, жиденький человек, с ходившими под блузой лопатками, со слегка опухшими сочленениями рук. Глаза у него были впалые, унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие, жесткие кошачьи усы, на шее болтался кадык.

— Вот видите, только перейти улицу, — лихорадочно твердил он доктору, приближаясь к высочайшему небоскребу коммерческого типа, — только и всего, экипажа не надо... — Видно было, что его стесняет каждый шаг, сделанный доктором, и он охотно ссудил бы ему для этого свои собственные ноги.

Доктор Лепсиус начал удивляться. Перед ним было отделение Мексиканского кредитного банка, не имевшее ничего общего ни с рабочими, ни вообще с квартирантами.

— Куда вы меня тащите? — вырвалось у него. — Тут контора и банк. Все закрыто. Где тут может быть больной?

— У привратника, — ответил незнакомец, быстро отворяя боковую дверку и пропуская доктора в светлую маленькую комнату подвального этажа.

Здесь действительно находился больной. Это был огромный мужчина, видимо только что принесенный сюда на носилках и поспешно сброшенный прямо на пол. Он был прикрыт простыней. Над ним склонялись двое: седой, важного вида старик, в торжественном мундире с галунами, и старуха, сухая, маленькая, остроносая, плакавшая навзрыд.

Незнакомец быстро снял с раненого простыню и подтолкнул к нему доктора. Лежавший человек был буквально искромсан. Грудь его была сильно вдавлена и разбита, ребра сломаны, живот разорван, как от нажима гигантского круглого пресс-папье, оставившего ему в целости лишь оконечности и голову. Он отходил.

— Я тут ничего не могу сделать, — отрывисто произнес доктор, с изумлением глядя на умирающего, — он уже в агонии, к великому моему счастью.

— Как! И, по-вашему, его нельзя заставить говорить? — вскрикнул незнакомец, как показалось Лепсиусу — в самом настоящем отчаянии. — А если гальванизировать, впрыснуть ему что-нибудь, а? — Он смотрел на доктора умоляющими глазами.

— Нет, — ответил доктор, — он умирает, умер. Он ваш родственник?

Но, к его удивлению, незнакомец, не дослушав даже вопроса, быстро повернулся и выбежал из комнаты. Старики, склонившиеся над мертвецом, плакали. Лепсиус только теперь увидел, что несчастный был матросом. На рукаве синей куртки его была нашивка с якорем и крупной прописью: «Торпеда».

Доктор невольно вздрогнул. Он тронул за плечо плакавшую старуху.

— Голубушка, кто этот бедняжка?

— Сын мой, сыночек мой, Дип-головорез, — так его звали на пароходе... Ох, сударь, что это за день! Ждали мы его из плавания, а вместо этого дождались из-под камня... Океан не трогал его, голубчика, а в городе, среди бела дня... Ох-охо-хо!

— Как это случилось?

— Да говорили нам, что он шел из кабачка, а сверху с виадука оторвался кусок плиты и придавил его, как букашку. И рта не разинул, и принесли, так не кричал.

— Кто же его принес, вот этот рабочий, что сейчас вышел?

— Принесли полицейские с матросами. А этот, сударь, нам незнаком, должно быть — от доброты сердца сжалился. Сам и за доктором вызвался сходить, и все старался, чтоб Дип, сыночек наш, последнее слово сказал... Верно вы его знаете, так скажите ему от нас, стариков, спасибо.

— Хорошо, хорошо, надо теперь вызвать полицейского врача, — сказал Лепсиус и вышел из привратничкой.

— Странно,— сказал он самому себе,— множество странностей в один день. Приходит «Торпеда» и привозит с собой знатную публику,— странность номер первый. На той же «Торпед» нам доставляется мертвый Рокфеллер,— странность номер второй. И вот, наконец, матрос с «Торпеды», умерший ни с того ни с сего, от камня, слетевшего с виадука. А страннее всего — неведомый человек, с виду простой рабочий, которому, видите ли, непременно нужно заставить раздавленного матроса заговорить. Будь я немножко свободней, я занялся бы этими странностями на досуге, позадумался бы с трубочкой. Но теперь...

Теперь у доктора Лепсиуса была своя собственная странность — номер пятый, и совершенно очевидно, что она оттесняла другие.

Придя в свою спальню и засветив электричество, доктор со вздохом облегчения скинул смокинг. Мулат расшнуровал ему ботинки и надел ему на ноги вышитые турецкие туфли.

— Шофер возвратился? — спросил доктор.

Мулат молча протянул ему конверт с великолепным гербом. «Принц Ульрих Гогенлоэ просит доктора Лепсиуса пожаловать к нему между 7—8 вечера».

Доктор поднял к очкам полную руку с браслеткой. Дамские часики с крупным, как горошина, брильянтом, показывали без четверти семь.

— Черт возьми, ни отдыха, ни спокойствия. Его величество Бугас Тридцать Первый будет опять дожидаться своей бутылочки до глубокой ночи. Тоби, постарайся угостить его какими-нибудь сказками, чтоб он не заснул до моего прихода.

Полчаса доктор сидит, протянув ноги на решетку холодного камина. Он отдыхает молча, сосредоточенно, деловито, как спортсмен или атлет перед выступлением. Дышит то одной, то другой ноздрей, методически прикрывая другую пальцами. Не думает. Натер виски одеколоном пополам с каким-то благовонным аравийским маслом. Но вот полчаса проходит. Бессмысленное выражение лица становится снова островнимательным, лукавым, большие очки бодро поблескивают. Туфли сбрасываются, — снова смокинг, ботинки, шляпа, все по порядку, палка — в руку, бумажник и трубочка — во внутренний карман, — доктор Лепсиус освежился, он готов для нового странствования, быть может, снабжающего его фактиками, экспериментиками и проверочными субъектами для чего-то такого, о чем мы никак не можем догадаться, тем более, что мулат Тоби, преспокойно пропустив мимо ушей распоряжение доктора, а за воротник две-три рюмочки, лег спать на холодную циновку в полупустой комнате и не подумав навесить таинственного Бугаса.

НАЧИНАЮЩАЯ С МЕЖДОМЕТИЙ

— Ай, ай!

— О, господи!

— О-ой! Ой, батюшки, ой, голубчики!

Такими возгласами встретила верная челядь тело Еремии Рокфеллера. Старая негритянка Полли одна не плакала, — это было тем удивительнее, что она-то и любила старика по-настоящему. Круглыми глазами, не мигая, глядела она на цинковый гроб, теребя в руках серенький камешек-талисман. Позднее ей сделал замечание дворецкий, правда — почтительное, — негритянки в кухне побаивались:

— Что же это вы, Полли, как будто того-с?..

— Дурак, — ответила спокойная Полли и так-таки и не проронила ни слезинки.

Наверху, в будуаре Элизабет Рокфеллер, сидели на низеньком диване мачеха и пасынок. Артур был бледен, но совершенно спокоен.

— Расскажите мне все, как было!

— Хорошо, только молю тебя, не волнуйся, Артур, — нервно начала мачеха. — Тебе известно, что Еремия не торопился на сделку, но все-таки твердо решил уступить. За день до подписания обязательства его вызывают по телефону в Пултуск...

— Тот самый Пултуск, где когда-то жили ваши родственники?

Элизабет Рокфеллер вздрогнула от неожиданности. На лбу ее, чуть повыше левой брови, загорелось яркое красное пятнышко, — особенность мистрисс Рокфеллер, указывавшая на крайнюю степень ее волнения.

— Боже мой, Артур, какая у тебя память! В Пултуске давно никто из нашей семьи не живет... Еремия поехал и не вернулся в назначенный срок.

— Вы остались в Варшаве?

— Конечно. Нам с Клэр нечего было делать в Пултуске, и потом он же собирался вернуться на следующий день. Когда прошел срок, я собралась и поехала. Тело его нашли в лесочке, неподалеку от станции. Оно было изуродовано. Никаких указаний от местных властей, кроме того, что в окрестностях бродят переодетые большевики...

Артур сомнительно покачал головой и посмотрел на мачеху.

— Какое дело большевикам до моего отца? Это странно.

— Ты наивен, Артур, очень большое дело! Суди сам, Ере-

мия идет навстречу Польше — это раз. Еремия капиталист — это два. Еремия, наконец, пишет новое завещание, которое может оказать огромное влияние на ход политики.

— Как, отец написал новое завещание?

— Да, мой друг, — твердо ответила мачеха, — этот удар тебе еще предстоит перенести. Но в твоём благородстве я уверена.

— Так нужно вызвать старого Крафта, я хочу прочитать завещание при нём! — воскликнул Артур.

Крафт был нотариусом семейства Рокфеллеров. Артур взял телефонную трубку.

— Allo 8—105—105. Вызовите нотариуса Крафта. Как?.. Но когда же? Только что? Боже мой, боже мой!

Он положил трубку и повернулся к мачехе:

— Его только что принесли домой с проломленным черепом. Шофер был пьян и налетел под локомотив.

Мистрисс Рокфеллер не реагировала на это слишком горячо: она почти не знала Крафта. Артур же был подавлен.

— Лучший друг отца! Можно сказать — единственный! Знавший его как свои пять пальцев...

Слуга вошел и доложил о приходе доктора Лепсиуса. Артур кинулся ему навстречу.

Доктор подвигался не спеша. На лице его была приличная случаю скорбь.

— Дорогой мистер Артур, меня вызвали к Гогенлоэ, но по дороге я решил заглянуть и к вам... Мистрисс Рокфеллер, днем мне не удалось выразить вам свое глубокое соболезнование...

Он поцеловал руку мистрисс Элизабет.

— Я рад вам, — коротко сказал Артур, — я прошу вас вместе со мной прочесть новое завещание отца.

— Новое завещание? Мистер Рокфеллер, сколько помнится, написал одно до своего отъезда в Варшаву.

— А там написал второе... — вмешалась мачеха Артура, и слезы показались у нее на глазах, — должно быть, и приведшее к его смерти.

Она встала, отперла драгоценную шкатулку, стоявшую у нее на столике, и протянула Артуру пакет, где с соблюдением всех формальностей, на гербовой бумаге было написано завещание Рокфеллера.

Артур и Лепсиус, приблизив друг к другу головы, прочли его почти одновременно. Это был странный документ, составленный в патетическом тоне. В нем говорилось, что Европе грозит опасность мировой революции. Поэтому он, Еремия Рокфеллер, в случае своей смерти завещает все свое состояние от первого до последнего доллара на борьбу с нею и с очагом ее заразы, Советской Россией, назначая исполнителем своей воли Комитет международных фашистов. Далее следовала

подпись Рокфеллера и двух свидетелей. Лепсиус одним глазом охватил содержание документа и невольно воскликнул:

— А где же Крафт? Это надо первым делом показать Крафту.

— Он умер.

— Умер?

— Несчастный случай с автомобилем, — вставила мачеха Артура.

Лепсиус прикусил нижнюю губу. Кое-что, готовое сорваться у него с языка, было мудро подхвачено за хвостик и водворено обратно, в глубину молчаливой докторской памяти.

— Да, — сказал он, — вы разорены, Артур, и вы тоже, мистрисс Рокфеллер.

— Нам не следует думать об этом, — вздохнула вдова.

Артур резко повернулся и протянул ей руку:

— Я счастлив, что вы так говорите. Да, мы не должны думать. Клянусь всем, что у меня есть святого, я отомщу убийцам!

Он порозовел, глаза его засверкали. Лепсиус несколько мгновений смотрел на него, потом взял шляпу.

— От всего сердца, мистер Артур, желаю вам успеха, — произнес он медленно.

Он поцеловал руку вдове и двинулся к выходу, храня на лице все такое же наивно-скорбное выражение.

Но на лестнице лицо его мгновенно изменилось. По трем ступенькам к носу взбежал фонарщик, заглянул ему под стекла очков и сунул туда зажженную спичку. Глаза Лепсиуса положительно горели, как уличный газ, когда он пробормотал себе под нос:

— Или я дурак и слепец, или это не подпись Рокфеллера.

Он вышел на улицу, где в нескольких шагах дожидался автомобиль, но тут ему пришлось остановиться. Чья-то черная, худая рука схватила его за палку. Старушечий голос произнес:

— Масса Лепсиус, масса Лепсиус!

— Это ты, Полли? Что тебе надо?

— Вы большой хозяин, масса Лепсиус? Вас станут много слушать?

— А в чем дело?

— Черная Полли говорит вам: прикажите открыть гроб мастера Еремии, прикажите его открыть!

— Что взбрело тебе в голову, Полли?

Но негритянки уже не было. Лепсиус посмотрел по сторонам, подождал некоторое время, а потом быстро сел в автомобиль, приказав шоферу ехать в «Патрициану». Он ни о чем не думал в пути. У доктора Лепсиуса правило: никогда не думать ни о чем в краткие минуты передышки.

ОТЕЛЬ «ПАТРИЦИАНА»

Надо вам сказать, что хозяин «Патрицианы», богатый армянин из Диарбекира, по имени Сетто, имеет только одну слабость: он не пьет, не курит, не изменяет жене, но он бессилен перед своей страстью к ремонту. Должно быть, отдаленные предки Сетто были каменщиками. Каждую весну, при отливе иностранцев из своего отеля, Сетто начинает все ремонтировать, снизу и доверху. Он перелицовывает мебель, штукатурит, красит, меняет дверные фанеры, лудит, скребет, чистит, мажет, разрисовывает. Это равносильно лихорадке в 40°. Что хотите делайте с ним, а он непременно затеет ремонт на всю улицу, заставляя чихать нью-йоркских собак.

Многие скажут, что это звучит плебейски и не согласуется с названием гостиницы. Они правы. Но диарбекирец тут ни при чем: он не хотел иметь гостиницы, не хотел называть ее «Патрицианой» и не хотел предназначать ее для знатного люда. Это вышло роковым образом. Когда Сетто с женой и детьми и большим запасом столярных инструментов, а также армянских вышивок, эмигрировал из Диарбекира в Америку, пароход наскочил на плавучую мину, и множество пассажиров потонуло. Среди несчастных, барахтавшихся в воде, был владетельный князь Монако. Он уже собрался потонуть, как вдруг, подняв глаза, увидел над собой целую эскадрилью больших желтых круглых тыкв. Они плыли, а за ними, как ни в чем не бывало, поджав ноги, плыло все семейство диарбекирца, перебрасываясь мирными замечаниями насчет погоды.

— Спасите меня! — крикнул им князь.

Сетто пристально посмотрел на жену. Та кивнула головой и произнесла по-армянски:

— Спаси человека однажды, а бог спасет тебя дважды.

— Это хороший процент, — ответил Сетто и кинул князю пару великолепных пустых тыкв. Князь ухватился за них и безмятежно поплыл, благословляя судьбу. Так они носились три дня, подкрепляясь глотками рома и месивом из муки «Нестле», хранившимся в жестянке на груди у диарбекирца. Вот в эти-то часы морского существования князь и обещал своему спасителю построить для него чудесную гостиницу в Нью-Йорке, с одним непременным условием: чтоб она принимала только коронованных особ и дворян и была названа в честь этого благородного сословия «Патрицианой». Диарбе-

кирец согласился. Их подобрали на четвертые сутки, и каково было удивление Сетто, когда его морской попутчик сдержал свое обещание. Таким-то образом Сетто из Диарбекира стал хозяином «Патрицианы».

Он свято выполнял условие. Ни один Рокфеллер, ни один Морган, ни даже сам Николай Рябушинский не смели у него остановиться. Зато любой беглый принц или же грузинский князь, все состояние которого заключалось в одних серебряных позументах, не говоря уже о чисто опереточном дворянстве из негритосов, эскимосов, тюркосов, атосов и порто-сов, имело к нему неограниченный доступ. Несчастный диарбекирец выручал очень мало со своей гостиницы. Он зарабатывал на стороне торговыми оборотами. Часто случалось, что знатные постояльцы просили у него займы. Он терпел и сносил это безропотно. Только однажды жена услышала от него слово гнева: войдя к ней в комнату, он внезапно снял со стены икону, изображавшую святую Шушаник, и повернул ее лицом к стене.

— Что ты делаешь, несчастный! — воскликнула жена.

— Пусть они там наверху поучатся сведению баланса и двойной бухгалтерии, — ответил Сетто, — я ждал от бога сто на пятьдесят, а он вместо этого заставляет меня спасать знатных иностранцев уже не единожды, а восемьдесяттысячегрижды.

Так вот, с наступлением весны этот самый Сетто задумал опять на досуге отдаться своей страсти и приступил к ремонту. «Рабочий союз для производства починок по городу Нью-Йорку» получил от него срочный заказ и тотчас же выслал ему армию квалифицированных маляров, кровельщиков, штукатуров, обойщиков, водопроводчиков, канализаторов и трубочистов.

Только-только приступили они к работе, как автомобиль доставил в «Патрициану», к истинному бешенству Сетто, двух знатных господ: принца Гогенлоэ и виконта де Монморанси.

Как назло, комнаты, предназначавшиеся для них, были в ремонте.

— Ничего, хозяин, — сказал молодой слесарь, приводивший в порядок замки в № 2 А—Б, — не трудите себе головы. Пусть их въезжают, а я при них уж dokonчу. Тут работы самое большее на часок.

И покуда знатные господа сидели за табльдотом, слесарь, как обещал, со всеми своими инструментами, направился в апартаменты бельэтажа, носившие затейливую нумерацию 2 А—Б и состоявшие из анфилады больших парадных комнат со всеми решительно удобствами, вплоть до самостоятельной междугородской телефонной станции и почтового отделения.

Захлопнув за собой дверь, слесарь Виллингс поставил корзину с инструментами на пол и, к моему собственному удивлению, вместо того, чтоб начать ремонт, сделал прыжок. Потом он остановился и прислушался — ни звука. Тогда Виллингс сделал еще один пируэт, нажимая пятками на какую-то невидимую нам точку, и тотчас же квадратный кусок паркета под ним зашевелился, поднялся и стал ребром поперек комнаты, открыв черную дыру вниз.

— Менд-месс! — шепотом сказал слесарь, наклонившись к дыре.

— Месс-менд! — тотчас же послышалось оттуда, и в отверстии показалась голова водопроводчика Ван-Гопа.

— Это ты, Виллингс? Я тут чиню трубы. А ты что делаешь?

— Исправляю замки. Скажи, пожалуйста, Ван-Гоп, у тебя там внизу на всех вещах есть клеймо Мик-мага?

— Почти на всех, Виллингс. Только обойная фабрика из Биндорфа подкузьмила. Ребята на ней еще не записались в союз, у них вещи не согласованы с нашими. Обидно это, тут ведь за обоями дверь с клеймом прямехонько в верхний номер русского попрошайки, а обои не слушаются.

— Надо бы нажать на Биндорф. Упреди Тингсмастера. Да смотри, Ван-Гоп, не выходи из трубы до завтра. Должно быть, будут интересные передачи.

После этого Виллингс закрыл паркет и, весело посвистывая, принялся осматривать замки. Он делал это в высшей степени странным образом. Так, он брал лупу и внимательно глядел через нее на шейки замков, на петли ключей, на дверные, комодные, шкафные скобки и всякий раз одобрительно кивал головой. Заглянув с ним вместе, я вижу в лупу только две микроскопические буквы, стоящие одна внутри другой, мелкие, как инфузории:

И больше ничего.

Кончив осмотр, Виллингс крепко запер ключом одну из дверей, подошел к ней и, не вынимая ключа, провел ногтем по какой-то невидимой полоске. Дверь тотчас же тихо открылась, хотя ключ по-прежнему торчал в замке.

— Менд-месс! — позвал кто-то громко из стены.

— Месс-менд,— поспешно ответил Виллингс. Стена раздвинулась, и с куском штофной материи в руках в комнату вошел обойщик.

— Виллингс, дай немедленно знать по всей линии. Тут что-то готовится. Только что с экспрессом из Сан-Франциско приехал лорд Хардстон. Я думаю, нам пора кончить починку, тут все до последнего в порядке.

— Ван-Гоп говорил насчет обоев...

— Да, это лишает нас возможности слышать, что делается у русского и в смежном с ним номере. Ну, да не беда. Поставь, брат, часовых и выбирайся отсюда поскорей.

Оба немедленно вошли в стену и бесшумно очутились в комнате телефонистки, мисс Тотер. С ней они обменялись все тем же таинственным приветствием, а потом вышли из боковой двери и попали прямехонько на шумную улицу.

Тем временем принц Гогенлоэ и виконт де Монморанси благополучно кончили длинный обед, запили его чем следует, закурили и, тихо переговариваясь, шли к себе, в общие апартаменты № 2 А—Б.

Глава пятая

СОВЕЩАНИЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО

В этой главе имеет выступить человек, к которому я не питаю симпатии, чтобы не сказать больше. Как честный автор, предупреждаю об этом читателя. Может случиться, он на самом деле лучше, чем изображен у меня, но я вовсе не обязан быть объективным, тем более что его родственники меня об этом не просили.

Принц Гогенлоэ вошел к себе в комнату и подождал, пока виконт, с трудом опустившись в кресло, жестом отпустил лакея. Затем он прошелся раза два и остановился перед ним:

— Итак, виконт, мы выиграли два козыря. Один из крупнейших капиталов в мире волею завещателя переходит к нам в руки, и величайший заводчик Америки, Кресслинг, становится членом нашего союза. Этим нельзя пренебрегать.

— Не забудьте, принц, что союз с буржуазией всегда опасен,— улыбаясь, ответил Монморанси,— рано или поздно она потребует компенсации.

— И мы дадим ее. Мы дадим молодому Рокфеллеру титул барона, а Кресслингу дворянский герб и частицу «фон». Я по-

лагаю, этого достаточно. И мы не будем иметь никаких расходов, кроме разве накладных.

В дверь постучали. Лакей принес на подносе карточку русского вельможи, князя Феофана Ивановича Оболенкина. Князь жил уже третий год в Нью-Йорке, занимая комнату № 40 во втором этаже, и все счета, получаемые им, посылал главе русского правительства в Париже, содержавшему своих придворных и дипломатических представителей. Злые языки, впрочем, уверяли, что в Берлине, Риме, Мадриде и Лондоне также имеются правящие династии русского престола и что дипломатический корпус имеет тенденцию к постоянному приросту населения, но это уже относится к области статистики, а не беллетристики.

Гогенлоэ посмотрел на карточку и утвердительно кивнул лакею. Через несколько минут дверь снова открылась, и на этот раз в комнату влез боком крошечный старикашка с моноклем в глазу, красным носом и дрожащими ножками, сильно подагрическими в суставах.

— Мое почтение, принц; добрый вечер, виконт. Поздравляю с приездом. Очень, очень рад. Газеты, знаете ли, стали какими-то неразборчивыми. Перепутали день тезоименитства его величества, самодержца всея Тульской губернии, Маврикия Иоанновича, со спасением на суше и на водах генерала Врангеля, и я из-за этого должен был опоздать к вам: с самого утра принимаю депутации.

— Как? — рассеянно переспросил Гогенлоэ. — Маурикий? А, да, да, Тульская губерния. Это претендент группы народных сепаратистов, известной под именем «Россия и самовар». Знаю, знаю, садитесь, князь, вы ничуть не опоздали. Мы поджидаем еще кое-кого!

— Кстати, — промямлил виконт, — милейший Оболенкин, ваш сосед, перед отъездом не дал вам никаких поручений?

— Вы говорите о синьоре Грегорио Чиче? Нет, он только сообщил, что непременно появится в нужную минуту. — С этими словами Феофан Иванович потянулся к столику, где у принца лежали гаванские сигары.

— Странный человек этот Чиче, — понизив голос, заговорил виконт, — уезжает и возвращается, как волшебник, ни разу не пропустив важной минуты. Никому не отдает отчета, вертит комитетом и каждым из нас как хочет, мы знаем только одно, что без него ничего не выйдет.

— Он великий организатор, — заметил принц, — не забудьте его происхождения, ведь он из Корсики.

— Да-с, крепкий человек. Насчет дамского пола, можете быть уверены, — я слежу — крепость необычайная и полней-

ший нейтралитет,—вмешался князь,—не то, что банкир Вестингауз. Этот в ваше отсутствие ... вы прямо-таки не отгадаете!

— Чем отличился Вестингауз?— лениво спросил виконт.

Но Феофану Ивановичу не суждено было высказаться. Дверь снова раскрылась, впустив на этот раз в комнату доктора Лепсиуса.

Здесь читатель, во избежание обременительных церемоний, сам может вставить «здравствуйте», «как поживаете» и прочие фразы, служащие обычным словарем между цивилизованными людьми. Я пропускаю все это и начну с того, как доктор Лепсиус, согласно своей профессии, стал орудовать своими инструментами.

Каждый доктор должен иметь: трубочку, рецептную книжку, часы, щипчики для нажима на язык и—желательно—электрический фонарик с головным обручем. Все это у Лепсиуса имелось. Все это он извлек и приступил к делу.

— Давненько я вас не слушал, ваше высочество,—бормотал Лепсиус,—пульс хорош, так, так. Цвет лица мне не нравится, шея тоже. А скажите, пожалуйста, как обстоит с теми симптомами, которые удручали вас в прошлом году?

— Вы говорите о позвоночнике? Да, они не утихают, доктор. Я бы хотел, чтобы вы ими занялись.

— Позвоночник, черт его побери!—вмешался де Монморанси.—Вот уж с месяц, как меня изводит эта беспричинная хромота, почему-то вызывающая боль в позвоночнике. Посмотрите и меня, Лепсиус.

Глазки доктора под круглыми очками запрыгали, как фосфорические огоньки. Все три ступеньки, ведущие к носу, сжались взволнованным комочком. Он вскочил, впопыхах рассыпав инструменты:

— Я должен осмотреть вас. Необходимо раздеться. Выйдете в соседнюю комнату.

— Вот таков он всегда,—со вздохом сказал принц, когда виконт и Лепсиус скрылись за дверью,—чуть дело коснется позвоночника или, точнее, седалищного нерва, наш доктор на себя не похож,—волнуется, мечется, раздевает больного и прелюбопытно его осматривает. Когда нет причин для осмотра, он их выдумывает из головы. Я видел трех знатных бельгийцев, которых он ухитрился осмотреть ни с того ни с сего, под предлогом какой-то болезни...

Между тем в соседней комнате виконт де Монморанси лениво предоставил доктору Лепсиусу изучать его обнаженную спину. Толстяк был совершенно вне себя. Он пыхтел, прыгал, как кролик вокруг больного, бормотал что-то по-латыни и, наконец, весь замер в созерцании.

Куда он смотрит? Он смотрит на позвоночник молодого француза, изящно пересекающий его белое с голубыми жилками тело. Все как будто в порядке, но предательская лупа в дрожащей руке Лепсиуса указывает на маленькое, с булавочную головку пятнышко, ощущаемое как небольшая выпуклость.

— Вот оно, вот оно, — забывшись, шепчет Лепсиус с выражением восторга и ужаса на лице. И внезапно задает виконту нелепый вопрос, не удивляющий француза только потому, что его лень сильнее, чем все остальные способности.

— Вы очень знатного происхождения, виконт?

— В моем гербе есть лилия Бурбонов и петух Плантагенетов, доктор, — вяло отвечает француз.

— Прекрасно, прекрасно, одевайтесь, мы вам пропишем великолепные капли.

Между тем к принцу опять постучали. То был высокий, седой англичанин, пропитанный крепчайшим запахом табака.

— Лорд Хардстон?

— Он самый.

Сердечные рукопожатия. Опять «здравствуйте», «как поживаете» и пр., и пр. Но лорд Хардстон не расположен тратить время. Он оглядывается вокруг, смотрит на часы и отрывисто говорит:

— Я только что видел Чиче. Он приказывает нам немедленно открыть заседание под его председательством.

— Позвольте, но Чиче нет здесь.

— Это все равно, его председательство незримо. Дорогой принц, отпустите, пожалуйста, этого толстяка, он, кажется, доктор?

— Доктор Лепсиус.

— А, так это знаменитый Лепсиус! Рад познакомиться. Однако время не терпит. Объявляю заседание открытым от имени председателя. Прошу всех посторонних удалиться!

Лепсиус никогда не мог дожидаться гонорара от постояльцев «Патрицианы». Тем не менее он уходил от них в состоянии, похожем на экстаз. Так и сейчас, прижимая к себе палку, он выскочил из № 2 А—Б с восторженным лицом и, не переставая бормотать про себя «так оно и есть», спустился к ожидавшему его авто.

Сетто-диарбекирец укоризненно посмотрел ему вслед.

— Тщеславный человек, — сказал он своей жене, — только и подавай ему людей знатного происхождения. Ему владыка папуасов интереснее, чем купец-армянин. А я бы всех этих знатных обоего пола, да еще их лакеев в придачу, с удовольствием променял на хороший салат из помидоров...

— С луком, — вздохнув, ответила его супруга.

СТРАННОСТИ СОДЕРЖАНКИ
БАКИРА
ВЕСТИНГАУЗА

Если бы Феофану Ивановичу не помешали высказаться о банкире Вестингаузе, он сказал бы следующее:

— Вестингауз, хи-хи-хи, завел себе содержанку... Да не простую, а можете себе представить — в маске. Да, вот именно, в маске. Женщина эфемерная, элегантная, с походкой сильфиды, а появляется не иначе, как в маске. Я убежден, что она спекулирует на мужском любопытстве. Будь я лет на пять, на шесть помоложе...

Князь Феофан не врал. События, отмеченные нью-йоркской прессой, таковы.

24 февраля в театре «Конкордия» на опере «Сулейман» публика видит внезапно в одной из фешенебельных лож красиво сложенную женщину в маске. Как ни в чем не бывало эта женщина глядит на сцену парой глаз, сверкающих в миндальном разрезе шелковой маски, не смущается от устремленных на нее со всех сторон биноклей и лорнетов, кутает обнаженные плечи в роскошный мех, читает афишку, словом — ведет себя непринужденно. Ньюйоркцы поражены. Незнакомку никто не может признать. Ходят слухи о том, что это знатная иностранка, чье лицо обезображено оспой. Тогда любопытство сменяется состраданием, и на некоторое время инцидент забывает.

2 марта на катании возле Вашингтон-авеню женщина в маске появляется снова, на этот раз не одна. С ней в коляске сидит банкир Вестингауз, старый развратник, известный на всю Америку своими выездами и любовницами. Вестингауз — холостяк. У него нет родственниц. Ни одна приличная женщина не согласится проехать в его коляске. Вывод ясен: таинственная маска — дитя того мира, откуда вышли Виолетта и Манон Леско, это — демимонденка.

В Нью-Йорке нет того культа кокоток, который характерен для Парижа. Но женщина, сумевшая приковать к себе внимание своей странностью, удостоивается некоторого уважения. Таинственную маску пытались сфотографировать, поймать врасплох; ей писали влюбленные письма, посылали цветы и подарки — все напрасно. Она оказалась недоступной ни для кого. Банкир Вестингауз, с улыбкой принимавший поздравления друзей, пожимал плечами на все расспросы:

— Дети мои, это перл создания! Уверю вас, я бы женился на ней, если б только она согласилась. Но показать вам ее — нет. Никому, никогда, до самой моей смерти!

Можете себе представить, как любопытствовала нью-йоркская молодежь! Представители торговых династий корчили гримасы от зависти. Один из них, только что кончивший Гарвардский колледж, упитанный сибарит Поммбербок, вздумал даже победить Вестингауза: он взял маленькую Флору из кордебалета, нарядил ее в маску и прошелся с ней по Пятой авеню, но был позорно освистан сторонниками маски, а Флора целую неделю не смела появиться на улице. В конце концов из маски сделали нечто вроде тотализатора, держали на нее пари, клялись ею, гадали по цветам ее костюмов о погоде, удаче, выигрыше и пр., и пр.

Не менее были заинтересованы и девушки. Каждая из них в глубине души хотела походить на маску. Портнихи получали заказ: сделайте по фасону маски.

Но ни одна не питала такого влюбленного восторга, такого преклонения перед маской, как дочь сенатора Нотэбита, шалунья Грэс. Грэс сидит в настоящую минуту в своей музыкальной комнате с учительницей, мисс Ортон, и делает тщетные попытки отбарабанить четырнадцатую сонату Бетховена. Ей двадцать лет, она кудрява, как мальчишка, веснушчата, с немного большим, но милым ртом, подвижна, как ящерица. Ее нельзя назвать хорошенькой. Но с нею вы тотчас же чувствуете себя в положении человека, ни с того ни с сего вызванного на китайский бокс. Грэс делает фальшивый аккорд, мисс Ортон нервно вскрикивает, Грэс поворачивается к ней, кидается ей на шею и восклицает:

— Мисс Ортон, дорогая, это выше моих сил! Сегодня я видела маску перед цветочным магазином. Если б только вы знали, какая у нее ножка! Я сделала глупость, схватила ее за платье и объяснилась ей в любви.

— Что же было потом? — улыбаясь, спросила учительница, гладко причесанная, можно сказать — зализанная, кривобокая молодая дама в скромном и чрезвычайно неуклюжем платье. Голос ее, впрочем, был очень музыкален и походил на мурлыканье флейты.

— Ах, мисс Ортон! В том-то и дело, что этот мерзкий старикашка, банкир Вестингауз, свалился откуда-то с неба и ехидно заявил мне: «Мисс Нотэбит, честь имею проводить вас в магазин». И прежде чем я успела опомниться, он сунул меня в магазин, а маска порхнула в коляску и исчезла.

— Да, Грэс, это было очень неосмотрительно с вашей стороны. Не забывайте, что вы дочь сенатора.

— Очень мне нужно помнить об этом, мисс Ортон. Я объявляю категорически: я влюблена в маску. Я чувствую, что этот проклятый Вестингауз мучит ее. Я намерена ее спасти... Раз-два, раз-два, — бессмертное трио четырнадцатой сонаты разлетелось на куски под ее энергичными пальцами.

— Боже мой,— вздохнула мисс Ортон,— вы не понимаете Бетховена.

Неизвестно, что ответила бы ей Грэс, если б в эту минуту дверь не распахнулась настежь и чей-то странный, басистый по-мужски, голос не произнес:

— Милая Грэс, наконец-то!

Мисс Ортон вздрогнула, должно быть, от неожиданности. В музыкальную вошла очень смуглая, изящно одетая девушка с большими пунцовыми губами, рыжеволосая, в мехах, несмотря на майский день. Это была мисс Клэр Вессон, дочь второй супруги Рокфеллера и закадычная подруга Грэс по школьной скамье.

— Клэр! Ты, наконец, тут!— Грэс рассыпала ноты, вскочила и повисла у нее на шее.— Одну минуточку, мисс Ортон, простите, пожалуйста. Я dokonчу урок, только дайте нам поздороваться.

Мисс Ортон и не думала протестовать. С терпением бедного человека она сложила руки на коленях, села в теневой угол и молчаливо сидела с полчаса, покуда девушки болтали, забыв об ее присутствии. Они болтали, как подобает двум юным бездельницам привилегированного класса, о том, о сем, о варшавской опере, о концертах Рахманинова, о молодом Артуре Рокфеллере, о маске, еще о молодом Рокфеллере, еще о маске. Выяснилось: об Артуре предпочтительно говорила Клэр, о маске предпочтительно говорила Грэс.

— Этот твой Артур— порядочная мямля,— вырвалось у дочери сенатора к концу разговора,— по крайней мере скажи, видел ли он хоть разочек мою маску.

— Мистер Рокфеллер не интересуется коготками,— сухо ответила Клэр,— у него все мысли поглощены местью. Ведь ты знаешь, его отца убили большевики, это теперь окончательно доказано. Он собирается поднять против них всю Европу.

— Фи, как глупо. Клэр, знаешь что: мне все хочется, чтоб ты посмотрела на маску, мне интересно узнать твое мнение. Она— шик, изящество, прелесть, ну, я сказать тебе не могу, что она такое. А главное— она мне кажется ужасно несчастной.

— Грэс, повторяю тебе, что ни я, ни Артур, мы не интересуемся подобными женщинами.

— Ты говоришь таким тоном, будто вы помолвлены.

Клэр вспыхнула, Грэс надулась. Разговор был прерван. Мисс Ортон тихонько встала со своего места, незаметно надела шляпку, спустив на лицо вуаль, простилась с обеими девушками и прихрамывая вышла из музыкальной.

Клэр с удивлением проводила ее глазами:

— Грэс, я не могу понять, почему ты берешь уроки у этой безобразной, хромоногой, неуклюжей старой девы, похожей скорее на прачку, чем на музыкантшу. Ведь ты могла бы найти себе превосходного учителя!

Грэс вскочила с места и плотно притворила дверь; она вспыхнула от гнева:

— Стыдись! — шепнула она подруге. — Мисс Ортон еще не успела спуститься с лестницы, она, наверное, все слышала. И совсем она не урод, а...

Тут Грэс остановилась и сообразила, что она ни разу, ни разу не задумалась о наружности мисс Ортон. Тряхнув кудрями, девушка принялась вспоминать свою учительницу, ее лицо, глаза, улыбку, руки: правда, глаз она не поднимала и безобразила их очками, руки носила в перчатках от ревматизма, волосы гладко зализывала в сетку, улыбалась раз в месяц, но все-таки, все-таки, если вспомнить... Лицо Грэс озарилось положительно торжеством. Она взглянула на подругу победоносно и закончила неожиданно для себя самой:

— А все-таки я тебе скажу — мисс Ортон красавица.

Глава седьмая

УЧИТЕЛЬНИЦА МУЗЫКИ И НОТАРИУСА

Бедная мисс Ортон слышала все, что сказала Клэр. По-видимому, это не слишком огорчило ее. Она только застегнула на груди вязаную кофточку и стала еще сильнее прихрамывать. Дойдя до Седьмой авеню, она села в автобус, ехала с полчаса и слезла как раз напротив темного старого дома в стиле прошлого столетия, одного из немногих обломков старины, сохранившихся в Нью-Йорке.

Прошло несколько минут, прежде чем ей отворили. Мальчик в куртке с позументами спросил ее хриплым голосом (лицо его было красно от слез):

— Кого вам надо?

— Мне нужно видеть нотариуса Крафта. Вот моя карточка.

Мальчик с изумлением глядел на девушку, в то время как рука его машинально приняла карточку.

— Дома нотариус? — повторила она еще раз.

К мальчику подошел старый негр, черное лицо которого также распухло от плача. Он дрожащей рукой отстранил его и произнес:

— Мисс извинит нас. Мисс не может видеть нотариуса. Крафт умер, попал под автомобиль.

— Умер? Боже мой, боже мой!

Мисс Ортон казалась совершенно потрясенной. Она побелела так, что негр сочувственно поддержал ее и, доведя до плетеного кресла, предложил ей сесть.

— А как же теперь его бумаги? Кто-нибудь заменяет нотариуса?

— Там, наверху, в кабинете покойника вам дадут справку, — мрачно ответил ей негр, и его круглые глаза сверкнули, как у дикого зверя. — Не успел масса умереть, как уже сюда пришли хозяйничать, завладели всеми его бумагами, взломали шкафы, а потом запечатали красными печатями. Да, уж заменить-то его заменили, без всякой совести, мисс может быть покойна на этот счет.

Девушка выслушала его и молча двинулась по лестнице. Но на полпути она остановилась и повернула голову к негру.

— Скажите мне, — шепнула она как можно тише, — как имя того, кто заменяет мистера Крафта?

Негр посмотрел на нее снизу вверх, все так же мрачно сверкая глазами, и ответил негромко:

— Это суший дьявол, мисс. Беда всем и каждому, кто станет иметь с ним дело. А имени его сказать вам никак не могу. Знаю только, что помощники величают его синьором Грегорио.

Мисс Ортон поднялась по лестнице, на этот раз уже не оборачиваясь, и вошла в общую канцелярию.

Здесь сидели бывшие помощники Крафта, его молодой секретарь Друк и четверо маленьких черномазых людей, усиленно заглядывавших им за плечи. Все они были, по-видимому, заняты разбором бумаг, оставшихся после Крафта.

Мисс Ортон обвела их глазами. Потом, повинувшись тому верному инстинкту, который бывает у очень чутких людей, попавших в беду, она двинулась прямо к Друку.

Это был молодой человек со смъшленным, широким лицом, пухлыми щеками и ямочкой на подбородке. Близко знавшие Друка сказали бы, что он притворяется глупее и легкомысленнее, чем он есть на самом деле. В данную минуту Друк изобразил такое простодушие, такое беспамятство, такую придурковатость, что четверо черномазых молодчиков переглядываются друг с другом, пожимая плечами, и один уже тихонько выругал его идиотом.

Вот к этому-то дурачку и направилась мисс Ортон. Подойдя, она подняла вуаль, сняла с глаз очки и посмотрела ему прямо в глаза. Друк оцепенел на месте, как загипнотизированный. Тогда мисс Ортон снова надела очки, спустила вуалетку и тихо произнесла:

— Я пришла сюда с большой просьбой. Умер Рокфеллер,

чье завещание должно находиться у нотариуса Крафта. Я пришла узнать содержание этого завещания.

— Как ваше имя? — спросил Друк безмятежно, подмигивая ей очень выразительно на черномазых.

— Мисс Ортон.

— Мисс... как? Буртон, Мортон... Ага, Ортон. — Он написал что-то на бумаге и протянул ее девушке. — Вот, будьте добры, попросите у курьера перед той дверью, чтоб он пропустил вас прямехонько к синьору Грегорио, назначенному уполномоченным по принятию архива нотариуса Крафта. — Говоря так, он снова выразительно подмигнул ей, на этот раз на бумажку.

Мисс Ортон прочла бумажку. В ту же минуту один из черномазых подошел к ней вплотную, стараясь заглянуть ей в руки. Ему это не удалось, и он сердито промолвил:

— Эй, Друк, что вы такое написали мисс?

— Мое собственное имя, — вмешалась мисс Ортон спокойным и тихим голосом, складывая и пряча бумажку в сумочку, — вероятно, для передачи курьеру. — Спасибо, мистер Друк, если вас так зовут, — обратилась она к секретарю, снова принявшему придурковатый вид, — только в этой записке нет надобности, у меня ведь есть своя карточка.

Она вынула из сумочки карточку и передала ее черномазому.

Тот, сердито ворча и поблескивая кофейными глазками, взял карточку и лично прошел за темную дубовую дверь.

Через несколько минут он вышел. Выражение лица его резко изменилось. Сияя любезностью и отвесив два-три поклона, он пригласил мисс Ортон к синьору Грегорио, все время пятясь перед ней к двери, подобно опереточному лакею. Как только она вышла и дубовая дверь захлопнулась, он сорвал с вешалки зеленую кепку, сделал какой-то жест своим товарищам и опрометью сбежал вниз. Тотчас же один из черномазых, тот, кто сидел в непосредственной близости с телефоном, взял трубку, тихо проговорил неразборчивый номер и, когда его соединили, шепотом сообщил какой-то Нетти, что «ей придется купить новую шляпку».

Мы не знаем, понравились ли все эти манипуляции белобрысому Друку, так как на лице его было безмятежное спокойствие, а судя по овечьему выражению глаз, он вряд ли особенно толково рассортировывал находящиеся перед ним рукописи.

Тем временем мисс Ортон переступила порог большой комнаты с тяжелой кожаной мебелью и цветными готическими окнами, где когда-то нотариус Крафт принимал своих посетителей. Она вошла, сильно прихрамывая и болезненно сутулясь. И в ту же секунду, хотя ни в человеке, находящемся в комнате, ни в самой комнате не было ничего особенного, ве-

щий инстинкт прошел холодком по ее позвоночнику и зашевелил волосы на голове от ужаса.

Сидевший перед столом человек в черном встал, отодвинул кресло и поклонился ей. Он держал в руках ее карточку.

— Вы мисс Ортон? Присядьте, пожалуйста,— это был самый банальный голос в мире.

Она села, и ей понадобилось несколько мгновений, чтобы оправиться. В это время незнакомец пристально оглядел ее с головы до ног и снова спросил:

— Итак, мисс Ортон, вы одна из клиенток покойного Крафта. Чем могу вам служить?

— Я не клиентка нотариуса Крафта. Я пришла просить вас об одной исключительной любезности. Мне известно, что Еремия Рокфеллер перед отъездом в Европу оставил завещание. Теперь он умер. Не можете ли вы познакомить меня с его завещанием?

— Нет ничего легче, мисс Ортон. К сожалению, я должен сообщить вам, что завещание, о котором вы говорите, не найдено в бумагах Крафта, да оно к тому же уничтожено последующим завещанием покойного, составленным в Варшаве. Вот вам его точная копия.

Он протянул мисс Ортон бумагу, и девушка прочла документ, уже известный читателю. Прочтя его дважды, она встала и вернула бумагу незнакомцу.

— Благодарю вас. Вы не помните, не упоминается ли имя Ортон в каких-нибудь бумагах Крафта?

— Этих бумаг очень много. Но, сколько помню, я не встречал вашего имени.

Говоря так, он еще раз пристально оглядел девушку. Сквозь очки и вуалетку мисс Ортон тоже взглянула на него и, тотчас же содрогнувшись, опустила глаза. Между тем перед ней был только безукоризненно одетый мужчина со смуглым лицом, черными усами и бескровными желтыми губами.

Мисс Ортон снова вышла в канцелярию, прихрамывая сильнее обыкновенного, и, простившись кивком головы со стряпчими, спустилась на улицу. Здесь она некоторое время медлила, высматривая, нет ли где доброго старого негра, впустившего ее в дом. Потом побрела к остановке омнибуса и, укрывшись в тень большого металлического зонтика, за спиной дремлющего толстяка, прочла еще раз записочку, врученную ей Друком. Там стояло:

«Бруклин-стрит, 8, Друк, в 4 часа».

— По-видимому, этот Друк что-то знает. Но кто, по какому праву хозяйничает в архиве Крафта? — Она твердо решила пойти по указанному ей адресу, а чтобы заполнить оставшееся время, направилась на набережную. Миновав два-три квартала, она вышла к сияющей ленте Гудзона, в этом месте по-

чти пустынной. Не было видно ни пароходов, ни моторных лодок. Внизу, под гранитами набережной, шла спешная майская починка водопроводных труб. На развороченной мостовой отдыхали два веселых блузника, с аппетитом уписывавших колбасу.

Мисс Ортон шла вдоль берега, совсем не замечая того, что вслед за нею плетется неотступный спутник. Это был тщедушный, небольшой мужчина, с ходившими под блузой лопатками, со слегка опухшими сочленениями рук. Глаза у него были впалые, тоскующие, унылые, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие, жесткие кошачьи усы, на шее болтался кадык. Он шел, поглядывая туда и сюда, как вдруг, в полной тишине, за безлюдным поворотом, он вынул что-то из-за пазухи, бесшумно подскочил к мисс Ортон и взмахнул рукой. Мгновение — и несчастная девушка с ножом между лопатками, без крика, без стога, свалилась с набережной в Гудзон. С минуту человек подождал. Все было пустынно по-прежнему. Тогда он повернулся и исчез в переулке.

Блузники, dokonчившие колбасу, вернулись к работе.

— Виллингс,— сказал один из них,— мне это не нравится. Тут проходила хромая девушка, а сейчас от нее и следа нет, точно в воду канула.

— Я тоже слышал всплеск воды. Спустись-ка, Нед, пониже, да стукни Лори,— он заливает трубы под самой набережной.

— Ладно! — ответил тот и прыгнул в отверстие.

Глава восьмая

ЗАСТЕННЫ И МИР

Я оставил лорда Хардстона в ту минуту, когда он объявил заседание открытым под председательством незримого синьора Чиче. Все сели за стол. Лакей подвел хромающего виконта к креслу возле Гогенлоэ, помог ему сесть и вышел. Русский князь выкатил из глаза монокль и протер его носовым платком. Над ними, в каменной трубе, молодой человек с ярко-черным носом, черными щеками и лбом тоже уселся покомфортабельнее, то есть упер ноги выше головы в выступ трубы, а голову свесил вниз, прижав ухо к незаметной щели.

— Господа фашисты! Время не терпит,— начал лорд Хардстон энергично.

— Скажите, пожалуйста, какая любезность,— шепнул про себя Том-трубочист, сплевывая вниз,— откуда он знает, что у меня каждая минуточка на счету?

— Поэтому,— продолжал Хардстон,— я предлагаю вам воспользоваться ключом синьора Чиче, любезно мне отданным, и перенести заседание в его комнату.

— Позвольте, какое имеет это отношение...

Но дальше Том-трубочист слушать не стал. Быстрее обезьяны он взметнулся по трубе, влез в какую-то заслонку, вынырнул из нее, повис над пустой ванной, раскачался, скакнул через нее в уборную и тут попал прямехонько в горничную Дженни, убиравшую купальные принадлежности.

— Ай,— вскрикнула Дженни,— ай! Кто вы такой?

— Я черт, красавица. Ей-богу, черт.

— Как бы ни так, станут черти божиться,— недоверчиво произнесла Дженни, думая про себя: «Вот уж мистрисс Тиндик лопнет от зависти, если узнает, что я видела настоящего черта».

Но время ее раздумья было для Тома спасительным. Он тихонько попятился к двери, otvorил ее и исчез.

Дженни разинула рот.

— Верь после этого пастору Русселю,— пробормотала она в душевном смятении, не сводя глаз с двери.— С чего это он уверяет, будто чудеса есть промысл божий. Черти-то, оказывается, тоже этим промышляют. Гляди-кось, голубчики мои, прошел через запертую дверь, а она и опять заперта с моей стороны.

В это время Том, пролетев стрелой по коридору, вошел в шкаф, сделал два-три перехода по стене и очутился перед дверью синьора Чиче. Но он опоздал. Заседание уже началось — перед самым его носом. И благодаря несознательности ребят с обойной фабрики в Биндорфе он не мог в нее проникнуть. Том чуть не заплакал со злости, что, разумеется, очень повредило бы профессиональному цвету его лица. Поблизости был камин. Он грустно вошел в него и провалился в трубу. Внизу, под страшным жаром кухонной плиты, в сетке всевозможных труб и цилиндров, Том нажал кнопку и шепнул:

— Менд-месс.

— Месс-менд,— тотчас же послышалось в ответ.

Цилиндр раздвинулся, обнаружив мирно сидящего Ван-Гопа с каучуковыми трубками на ушах.

— Почему ты ушел со сторожевого поста, Том?

— А потому, что, черт их поberi, они перебрались в комнату этого итальянца!

— В комнату без номера?

— Вот именно, Ван-Гоп. Я совершенно сдурел. Я метался

по стенам, въехал на голову одной красотке, даже обчистился малость от переделки, а придумать ничего не могу.

— Да, этим ты, Том, никогда особенно и не отличался. Удивляюсь, почему это ребята посадили именно тебя. Ну да ладно, молчи и слушай. Алло, мисс Тоттер!

Сквозь одну из каучуковых раковин послышалось:

— Я слушаю, это вы, Ван-Гоп?

— Я. Соедините меня с Миком.

— Сейчас не могу, требуют из конторы. Обождите.

Ван-гоп и Том принялись молча ждать. Через две минуты раздался голос мисс Тоттер:

— Ван-Гоп, слушайте. Я вас соединила с Миком.

Откуда-то, из отчаянной дали глухо донеслось:

— В чем дело?

— Тингсмастер, помоги,— заговорил в трубку Ван-Гоп,— совещание перебросили в комнату без номера. Том и я бессильны. А должно быть, они шушукаются не без важного дела.

— Умеете орудовать зеркальным аппаратом? — донеслось по складам. Тингсмастер старался говорить внятно.

Ван-Гоп взглянул на Тома, Том взглянул на Ван-Гопа.

— Как будто не умеем, Мик,— сконфуженно ответил Ван-Гоп.

— Иду сам,— раздалось из трубки.

Как только водопроводчик повесил свой каучуковый телефон на место, трубочист толкнул его легонько в бок не без ехидства:

— Видать, Ван-Гоп, что и ты не особенно отличаешься этим самым.

— Чем такое?

— Смекалкой.

И прежде чем Ван-Гоп смог дать ему подзатыльник, Том уже взлетел на самый верх цилиндра и превесело задрывал оттуда пятками.

Между тем широкоплечий, русобородый силач в рабочей блузе, перепоясанный ремешком, положил на место рубанок у станка в ярко освещенной мастерской деревообделочного завода, счистил с себя стружки, оглянулся вокруг и внезапно исчез в стену. Он мчался со всех ног по темным, шириной не более аршина проходкам, двигаясь вбок и то и дело отряхиваясь от земли и водяных капель. Спустя десять минут проходы расширились, ноги его нащупали ступеньки, взбежали по ним, и вот из щели на свет появилась русая голова Тингсмастера с веселыми голубыми глазами из-под прямых пушистых бровей. Он огляделся вокруг: это была телеграфная вышка, самый высокий пункт фабричного городка Миддлтоуна. Отсюда, с высоты нескольких сот метров, уходила в Нью-Йорк

сеть стальных проводов, несших не только депеши. Часть служила для гигантских элеваторов, часть перебрасывала отсюда квадраты миддлтоунского сена в манеж Роллея, находившийся неподалеку от «Патрицианы». Как раз в эту минуту двое рослых рабочих подвешивали цепь от спрессованного квадрата к стальной петле на проводе.

— Менд-месс,— шепотом сказал им блузник.

— Месс-менд,— ответили ему оба.— Хотите прокатиться, Мик? Садитесь, садитесь.

Через секунду, лежа на тюке сена и плотно прижав руки к бокам, Тингсмастер неся со скоростью стрелы в Нью-Йорк. Внизу под ним по телефонным проволокам неслись незримые людские тайны; их принимал на бумагу меланхолический Тони Уайт, телеграфист. Еще ниже, по земле, катил знаменитый экспресс североамериканского Ллойда; но он должен был пробежать расстояние между Миддлтоуном и Нью-Йорком в полтора часа, а Мик Тингсмастер сделал его в семь минут и три четверти. Тони Уайт не успел еще принять и первую телеграмму, как наш путешественник, спрыгнув на крышу манежа, никем не замеченный, исчез в одно из отверстий между железными обшивками. Спустя три минуты он добрался до цилиндра, где Ван-Гоп в бессильной ярости на Тома бомбардировал его пятки кусочками сжеванной газетной бумаги.

Мик Тингсмастер поглядел на обоих с укоризной.

— Я вижу, ребята, вы тут развлекаетесь. А те наверху, можете мне поверить на слово, времени не теряют. Марш наверх!

Он засветил карманным фонариком, и все трое помчались по трубам. Но Тингсмастер внезапно остановился, приложил ухо к металлической облицовке, прислушался, издал невнятное восклицание, потом вернулся на несколько шагов. Здесь он снова остановился, вынул складной метр, бумагу и карандаш и стал что-то вымерять. По-видимому, результаты измерения не очень-то его утешали, так как Ван-Гоп и Том услышали юмористическое посвистывание, что служило у Мика знаком крайней досады. К их удивлению, он вынул и молоток, которым постучал в разных местах коридора. Затем, не говоря ни слова, продолжал путь, но уже не с прежней поспешностью. Войдя в стеклянный шкаф, откуда можно было видеть дверь нумерованной комнаты, он обернулся к товарищам:

— Ребята, слушайте и запоминайте: кроме наших проходов, в эту комнату ведет еще один. Он сделан не нашим союзом. Он тут, должно быть, с первого дня этой самой гостиницы. И только что кто-то прошел этим проходом — скорей, чем мы с вами.

Том и Ван-Гоп недоверчиво переглянулись. Они не очень-то верили всяким бумажным вычислениям. Но прежде

чем они смогли ответить, дверь комнаты медленно открылась и выпустила в коридор всю известную нам компанию из четырех лиц. Русский князь тут же простился с попутчиками и ушел в соседнюю комнату. А Гогенлоэ и Хардстон, поддерживая сильно хромавшего виконта, спустились вниз.

— Теперь мы можем войти, — шепнул Тингсмастер. — Тот, кто пришел тайным ходом, уже отправился обратно, я слышу царапанье за фанерой.

Они осторожно вышли из шкафа, приоткрыли дверь и бесшумно, один за другим, вошли в комнату без номера.

Глава девятая

ЗЕРКАЛА-ПОМОЩНИКИ

Это был самый обыкновенный «номер» гостиницы, хотя и оставленный почему-то без номера. Он был убран несравненно менее роскошно, нежели апартаменты Гогенлоэ. Но и здесь, как и там, шли вдоль стен зеркала, уставленные у подножий тропическими растениями. Их было три — по одному у каждой стены.

Тингсмастер подошел к одному из них, вынул лупу и указал своим товарищам на два микроскопических «м» в уголке:

— Эти зеркала — дело рук наших ребят с фотохимического и техника Сорроу. Смотрите-ка в оба глаза и учитесь, как с ними обращаться.

Раз — Мик сдвинул зеркало вокруг своей оси, остановив его под прямым углом; два — Мик взял из-под стекла, прямохонько с цинковой пластинки, тончайшую пачку пленок; три — надвинул откуда-то сбоку новую пачку — и опустил зеркало на место. Потом они вышли из комнаты, заперли ее, и Тингсмастер прошел через стену к мисс Тоттер.

Пачка пленок была опущена в банку с розовой жидкостью. Затем извлечена оттуда. Затем вставлена в маленький аппарат с фонариком на носу, похожий на пушку. Электричество потушили, нос аппарата засветился, на стене образовалось круглое пятно.

— Учитесь, друзья, — сказал Тингсмастер, — не все еще в наших руках. Бывают случаи, когда мы бессильны проникнуть к врагу. Нам не удалось нынче услышать, о чем они там между собой сговаривались, но зато мы можем увидеть их. Зеркальный аппарат Сорроу устроен так, что при повороте выключателя три зеркала передают все, вокруг совершающееся,

в поле фотографической камеры. Тотчас же начинается бесшумная съемка — и вот извольте посмотреть.

Он завертел ручкой машины, и на освещенном экране появилось изображение только что покинутой ими комнаты. Она не была пуста. В ней двигались, рассаживаясь вокруг стола, четверо мужчин.

Том и Ван-Гоп радостно вскрикнули. Они признали их. Но теперь они могли рассматривать всех четверых невозбранно. Я привожу в сокращении поток их выкриков:

— Жирный какой — этот немецкий принц! Что это он сердится? Руки-то, руки, так и норовит ими дубасить по столу! А маленький, вроде как вошь, видите, вьюном вьется, носиком туда-сюда, это русский. Немец как будто не хочет, русский пристаёт. Вмешался француз, ну и красавец же этот молодчик, любая баба в него втемяшится, только ему, должно быть, лень даже ресницами хлопать, так и норовит держать свои ставни открытыми. Эй ты, французишка, чего ты губами жуешь? Ага, поддерживает, братцы, русского, поддерживает против немца. А тот, солидный, уперся. Не хочет, колбаса! Они ему свое, а он, знай, откачивается. Куда это он руки сует? В карманы! Ага, мол-де выкладывает, что денег мало. Это еще кто, братцы? Англичанин! Этот тоже за немца, видно, слов тратить не любит, трубку сосет, а бровью повел, дескать, не согласен... Ай, Мик, это еще кто, отцы родные, кто такой?! Гляди, гляди, братцы, прямехонько из-под пола!

На экране действительно происходит замешательство. В разгар спора вдруг открывается люк, и оттуда медленно поднимается, как в балетной феерии, длинная черная фигура. Хотя она и остается на экране, наши зрители почему-то не могут ее рассмотреть, точно в глаза соринки попали.

— Черт, чего это оно пестрит, разобрать не могу, — пожаловался Том, изо всех сил теряя глаза.

Один Тингсмастер неотступно смотрел на экран. Черная фигура вынула из портфеля какой-то лист и прочитала его вслух, после чего все присутствующие выразили негодование, изумление, торжество. Потом черная фигура подняла руку, что-то сказала, и все четверо наклонили в ответ головы... Мгновение — человек провалился обратно в люк. Четверо идут к дверям... Темнота... Опять свет. И на этот раз Том с восторгом закричал:

— Гляди, гляди, это мы сами!

Пленки кончились. Тингсмастер вынул их и сложил в стеной несгораемый шкаф. Потом он задумчиво сказал Тому и Ван-Гопу:

— Видно, там что-то замышляется. Недоброе это дело, не будь я Мик Тингсмастер. Идите-ка, ребята, по трубам, да сговорите себе смену, авось выудите что-нибудь из номера 2 А—Б.

— А ты куда, Мик?

— Мне надо назад, на завод. У нас срочная вечерняя работа, братцы. Хозяин отделявает свою виллу, и тут тоже надо постараться, понимаете.

С этими словами Тингсмастер простился, вошел в стену — и был таков. Мисс Тоттер мечтательно посмотрела ему вслед. Том и Ван-Гоп со вздохом разбрелись по своим сторожевым будкам. Но напрасны были все их старания, напрасно потрачена целая долгая ночь, — ни Гогенлоэ, ни Монморанси больше не разговаривали, и тайна их совещания осталась на этот раз нераскрытой.

Между тем Тингсмастер вышел на улицу, преспокойно обошел ее и с подъезда как ни в чем не бывало проник снова в «Патрициану». Он, заложив руки в карманы и посвистывая, идет в контору. Здесь он останавливается и мирно снимает шляпу.

Сетто-диарбекирец, подсчитывавший недельный дефицит, в изумлении поднял голову.

— Здорово, хозяин.

— Здравствуй, Микаэль, чего тебе надо?

— Не будет ли какого ремонта?

— Господь благослови вас, Микаэль, за такие слова, — вмешалась жена Сетто, разделявшая неукротимую страсть своего мужа к ремонту, — так вы нам в прошлое лето все чисто и недорого справили!

— А теперь еще лучше справлю.

— Никак нельзя, Микаэль, — грустно ответил Сетто, — наехало ко мне знати, чтоб им лопнуть, — сперва расплатиться по счету, а потом лопнуть! Какой уж тут ремонт.

— Жаль, жаль, а я было хотел у вас все заново наверху переделать, особенно в комнате без номера.

— Этой-то комнаты, Микаэль, я по уговору не смею касаться. Ты ведь знаешь, гостиницу мне построил князь Монако, чтоб ему во второй раз ни на суше, ни на воде не встречать второго такого дурака-армянина. Так вот, он и поставил условие: не трогать этой комнаты ни летом, ни зимой. Я и так согрешил, украсил ее по твоему совету зеркалами.

— Да кто вам дом-то построил, хозяин, ведь не сам же Монако?

— Итальянского архитектора выписали, Микаэль. Да и рабочих набрали одной масти с архитектором.

— Вот оно как. Жаль, хозяин. Всего доброго.

И на этот раз Тингсмастер поспешил в Миддлтоун.

ДРОВЯН

А
БАРК

На металлургическом заводе Рокфеллера в Светоне забастовка. Ни одного штрейкбрехера, бастуют все, вплоть до чахоточного ямайца Карло. А чтоб не голодать, послушались совета Мика и разбрелись кто куда работать сдельно.

Молодому Лоренсу Лэну досталась заливка дырявых труб, глубоко под набережной, возле самого Гудзона. Волны так и хлещут к ногам Лори, угнездившегося на двух металлических стержнях и работающего с бензиновым паяльником в руках. С раннего утра, в неудобной позе, Лори штопает и штопает трубы, не свистя и не напевая, чтоб не потерять равновесия и не бухнуться в воду. Наконец, сильно устав, он воткнул свои принадлежности глубоко в дыру между плитами, расправил насколько возможно кости и вынул из-за пазухи кусок хлеба. Но не тут-то было. Не успел он поднести его ко рту, как что-то пролетело сверху мимо него, перевернулось в воздухе и тяжело ухнуло в Гудзон.

«Странно,— подумал Лори,— уж не самоубийца ли? Ведь всякий другой крикнул бы или забарахтался, а от этого одни круги пошли».

Он пристально поглядел в воду, ничего подозрительного не заметил и стал есть.

Однако его снова прервали. Слева, из темного туннеля, откуда он добрался до своего места, раздался шум, и до его слуха долетело знакомое:

— Менд-месс.

— Месс-менд,— поспешно ответил Лори, ухватившись за свои кольца и акробатически спрыгнув в туннель.— Кто тут? В чем дело?

Из туннеля вынырнули замазанные глиной головы Виллингса и его приятеля Нэда.

— Слушай-ка, Лори, тут мимо тебя не падал в воду человек?

— Упал тяжелый предмет, а какой — я не видел. Крику никакого не слышал.

— Лори, кажись, это была хромая девушка. Мы видели, как она шла, а потом исчезла неведь куда.

— Странно,— ответил Лори,— обождите меня, ребята, ведь я отлично ныряю. Уцепитесь за мои кольца и смотрите, не вытащу ли я чего. Если долго не покажусь, бросайтесь мне на выручку.

— Ладно,— ответили блузники,— только куда ты ее денешь, если вытащишь?

Лори задумчиво оглядел Гудзон. Он был пустынен в этом месте, за исключением небольшой заводи, где стояла старая барка, груженная дровами. В этот час на ней не было ни единой живой души.

— А вон на ту барку,— беспечно ответил он, скинул с себя железные клешни и цепочку, при помощи которых висел на своем рискованном выступе, взмахнул руками и, описав дугу, полетел вниз головой в Гудзон.

Виллингс и Нэд между тем уцепились, крихтя и брыкаясь, за железные кольца, уперлись коленями в стержни и стали смотреть туда, где расходились теперь широкие круги.

— Ловкий паренек,— сказал Виллингс,— он у нас в союзе не более, как с неделю. Так и смотрит Тингсмастеру в рот.

— Это немудрено,— ответил Нэд,— умней нашего Мика не было, нет, да, пожалуй, и не будет.

— Чего это он не выплывает? Я сосчитаю до ста, а ты гляди... Ну, что, показался?

— Нет.

Виллингс опять сосчитал до ста. Но Лори все не показывался. Тогда они решили броситься вслед за ним, раскачались на кольцах и неуклюже ухнули туда, где исчез Лори. Через несколько секунд оба всплыли, фыркая, и в ту же минуту увидели Лори. Он плыл в нескольких саженях от них, таща за собой какой-то тяжелый предмет, и кричал им во весь голос. Ветер относил, однако, его слова в сторону, и они ничего не могли разобрать. Посоветовавшись, оба решили плыть вслед за Лори. Спустя некоторое время, тяжело дыша и отплеываясь, оба блузника доплыли до барки, где Лори поджидал их, не в силах поднять собственными силами свою тяжелую находку.

Это была женщина в темном платье и вязаной кофте, видимо, потерявшая сознание. Лицо ее было плотно окутано вуалью, слипшейся в синий непроницаемый комок. Одна нога казалась длиннее другой.

— Ну, так и есть, хромая девушка,— вскричал Виллингс,— кто же это толкнул бедняжку в воду. Жива она, Лори?

— А вот посмотрим,— ответил тот.

Все трое втащили ее на барку и здесь, согласно правилу спасения утопленников, перевернули ее лицом вниз. В ту же минуту они громко вскрикнули: у несчастной девушки торчал между лопатками нож.

— Убийство,— глухо пробормотал Виллингс,— черт побери, Лори, это скверная штука! Оставь девушку, как она есть, а Нэд пусть сбегает за полицией и врачом.

— Погоди,— ответил Лори,— это что-то непонятное. Видели вы когда-нибудь, братцы, чтоб нож проткнул человека без

единой капельки крови? Здесь ее нет и в помине, платье чистехонько, и вода была без кровинки.

Он подошел к девушке, дотронулся до ножа, а потом, став на колени, принялся щупать ей спину. Улыбка раздвинула ему рот чуть ли не до ушей. Резким движением он сорвал с девушки кофту, вместе с куском спины и торчавшим в ней ножом. Блузники ахнули.

— Должно быть, это профессиональная нищая, — сказал Лори, — бедняга носила искусственный горб для пущей важности. Внесем ее под навес и приведем в чувство.

Они внесли девушку в глубину барки, где была устроена под куском брезента убогая ночлежка, положили ее на солому и принялись стягивать с нее липкую вуаль. Это оказалось нелегким делом. Когда же Лори, орудуя перочинным ножом, сорвал с лица девушки синий пластырь, оказалось, что краска с вуали порядочно-таки высинила лицо. Виллингс, невольно улыбаясь, принес в пригоршне воды. Лори снял с девушки круглые темные очки и принялся обмывать лежавшую перед ним утопленницу. Каково же было удивление всех троих, когда, смыв синюю краску, они увидели перед собой лицо дивной, безупречной красоты.

— Эге! — сказал Лори, срывая безобразную сетку, и по плечам девушки рассыпались мокрые каштановые локоны. — Та-

кой нечего было нищенствовать. Чем просить полцента фальшивым горбом, она могла бы загребать сотни долларов своим личиком.

— Да ведь бедняжка была хромая! — жалостливо произнес Нэд.

— Хромая? — протянул Лори. — А вот посмотрим, какая она хромая.

Он нагнулся к ногам и не без удивления оглядел огромные толстые ноги девушки. Надо сознаться, они были пребезобразны, и одна нога чуть ли не на два вершка длиннее другой.

— Гм, Лори, красotka-то, как видно, разочаровала тебя? — спросил Виллингс.

Но Лори бросился стягивать с девушки высокие, грубые башмаки. Они вымокли, и затея была не из легких. Когда же она удалась, Лори с торжеством сунул в нос насмешнику сапожище с искусственной пяткой, отлитой из чугуна, и радостно объявил:

— Я теперь понимаю, почему она не всплыла, а прямехонько пошла ко дну. С этакой гирей ей бы ни в жизнь не всплыть, не подцепи я ее за платье на самом дне.

Виллингс и Нэд на этот раз промолчали. Сильно заинтересованные, они стянули с девушки вместе с чулками целую кучу ваты и тряпок, обнажив две белые, как мрамор, миниатюрные ножки. Перед ними лежала теперь, едва прикрытая остатками мокрой одежды, совершеннейшая красавица.

— Н-да, — сказал Виллингс задумчиво, — тут есть тайна, братцы. Дадим знать Мику.

— Но прежде дадим ей самой виски, — ответил Лори, открыв девушке рот и влив в ее стиснутые зубы живительной влаги.

Прошло несколько мгновений, в продолжение которых все трое невольно любовались красавицей. Наконец она вздохнула и открыла синие, как фиалки, глаза.

В ту же секунду смертельная бледность разлилась по ее лицу и шее. В глазах сверкнул дикий ужас. Она вскрикнула, вскочила и бросилась в глубину барки.

— Успокойтесь, мисс! — закричал ей вдогонку Лори. — Право, успокойтесь. Мы честные ребята, рабочие здешних мест. Мы вас выволокли со дна Гудзона. А ежели мы сняли с вас горб и пятку, так не беда. Будьте спокойны, в секреты ваши мы не вмешиваемся.

Несчастливая повернулась и снова подошла к ним, оглядев каждого из них внимательным взглядом.

— Я хочу верить вашим словам, — сказала она медленно, — вы спасли меня, и это хорошо. Но вы можете подвергнуть меня в тысячу раз худшей участи, чем гниение на дне Гудзона, если выдадите меня кому бы то ни было.

Лори переглянулся с товарищами:

— Беру в свидетели Мика, что не выдадим вас, мисс. Ни я, ни они,— торжественно произнес он.— Сильнее этого слова у нас нет. А если вам нужна помощь, то мы можем оказать вам такую, о какой вам и во сне не мерещилось.

— Хорошо,— ответила девушка.— Пусть же кто-нибудь из вас даст мне свою одежду, уничтожив остатки моей собственной, а остальные отведут меня куда-нибудь в сокровенное место и спрячут, потому что в целом Нью-Йорке у меня нет сейчас безопасного приюта.

Прежде чем она договорила свою просьбу, Лори скрылся за брезент и бросил оттуда свои сапоги, штаны и куртку. В это время Виллингс и Нэд собрали в комок ее одежду, привязали ее к тяжелым башмакам и бросили в воду.

— Ребята, отведите мисс в Миддлтоун, прямо на квартиру к Мику, да смотрите, чтоб ни единого волоска с ее головы...

— Ладно, молчи уж. Сиди тут гольшом, пока мы не пришьем кого-нибудь.

— И еще одна просьба,— вмешалась девушка, превратившаяся в красивого мальчика-подростка с каштановыми локонами по плечам,— когда вы получите одежду и выберетесь с барки, не откажите сходить к мистеру Друку на Бруклин-стрит, 8. Сообщите ему, что приходите от мисс Ортон и просите передать вам все, что он намеревался передать мне. Поняли?

— Исполню в точности,— ответил Лори из-за брезента и долго смотрел в дырочку, как его товарищи вели с барки по головокружительным мосткам на берег прелестного мальчика.

Глава одиннадцатая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛОРИ ГОЛЬШОМ

— Да,— сказал себе Лори,— ее зовут мисс Ортон. Эдакая красота. Но, скажи на милость, что я буду здесь делать гольшом, покуда ребята не пришлют мне какую-нибудь штанину!

Он вышел из-под брезента и меланхолически принялся разгуливать по барке— первый человек отдаленнейших веков нашей планеты. Но тут нога его запнулась за что-то, и он упал.

— Кажись, это горб. Так и есть, они забыли скинуть его с барки.

Он мечтательно поднял фальшивый горб мисс Ортон и даже понюхал его, отдавшись приятному воспоминанию, как вдруг глаза его упали на торчавший нож.

В ту же минуту Лори выгнул его из горба и стал изучать со всех сторон. Как ни был он молод, а знал две вещи: во-первых, что перед ним «вещественное доказательство», во-вторых, что всякую тайну можно раскрыть, если уцепиться за одно из ее звеньев.

Нож был не американский. Он не был английским. Странное клеймо изумило его: что-то вроде коронки и под нею только четыре буквы «Roma». Лори не знал, что это написано по-итальянски. Нож был остер, как бритва, а по краю он казался окрашенным. Лори поднял его на свет, осмотрел внимательно, а потом, повинуясь тайному голосу, всунул назад в тот же кусок горба и все это вместе связал в узел, оторвав край своей рубахи.

Потом он опять принялся за прогулку, чтоб согреться. Приближались сумерки, становилось холодно. Барка была скучнейшим местом. Кроме соломенной настилки, под брезентом ничего не было, а вокруг этого убежища ровными стенами возвышались дрова.

Лори здорово озяб. Он уже начал приходить в отчаяние, думая, что его забыли, и со злости начал перекладывать полена, чтоб устроить себе более теплое убежище на ночь. Разобрав два ряда полен, он принялся за третий, как вдруг перед ним открылось совершенно пустое темное пространство. Невольно вскрикнув, Лори оглянулся вокруг. Все было пустынно по-прежнему. Тогда он храбро вошел в проход. Некоторое время было темно и сыро, но шагов через десять он нащупал дверку, открыл ее и ахнул. Перед ним была маленькая круглая комната с куполом наверху, освещенная закатом. Вдоль стен шли диваны, посредине же комнаты стоял дамский туалетный стол, уставленный множеством баночек для грима; вокруг валялись в беспорядке всевозможные одежды, начиная с рабочей блузы и кончая великолепным фраком; одежды были мужские, на средний рост.

— Вот так случай прикрыть наготу, — усмехнулся Лори, но, прежде чем приступить к делу, вернулся назад, на барку, и огляделся. Глаза у Лори были зоркие. В закатном свете он различил далеко на берегу одинокую темную фигуру. Тотчас же быстрее белки сложил по-прежнему дрова, уничтожил все следы своего присутствия на барке, схватил в зубы узел с ножом и кинулся в воду. Обогнув барку, он залег в самой ее тени, внимательно вглядываясь в подходившего человека. Он мог быть своим, с одеждой для Лори, но мог быть и хозяином

барки, а Лори отлично понимал теперь, что встретиться с ним было бы далеко не пустым делом.

Фигура медленно приближалась; она остановилась на самом берегу и долго оглядывала Гудзон. Потом прошла раза два по набережной, посматривая туда и сюда, и наконец крадучись спустилась к мосткам. Это был чужой. Лори не мог понять, почему он почувствовал внезапный, мальчишеский ужас и, не раздумывая долго, нырнул под воду.

Плыть под водой было для Лори пустым делом. Но тут ему еще приходилось локтем прижимать к себе узел и работать несвободной рукой, что затруднило ему плавание вдвое. Тем не менее, сжимая свои легкие, не дыша, не всплывая, Лори двигался вперед, по темно-зеленой морской дорожке, куда не истощил весь запас набранного воздуха. Тогда он всплыл наверх и отдышался. Барка была далеко, и на ней никого не было видно. Перед Лори темнели гранитные массивы, он оказался неподалеку от места своей работы.

Спустя несколько минут он добрался до железных колец, подпрыгнул, как рыба, уцепился за них и нырнул в туннель. Здесь он был спасен окончательно. Оставалось спасти и того, кому было поручено нести на барку одежду.

Со всех ног, крепко держа свой узел, Лори бросился бежать по туннелю. Здесь было сыро, мокро, почти темно. Невидимые скважины едва пропускали свет. Шагов через тысячу Лори добрался до лесенки, откуда неслись шум и вой, — там проходил метрополитен. Ему предстояло теперь показаться перед людьми голышом.

Как быть? Лори сел и стал раздумывать. Ага. Умные люди не растеряются ни от чего. От стащил рубашку, всунул ноги в рукава и крепко завязал ее у пояса. Штаны были готовы. Потом он поднялся по лесенке, собрал рукой деготь, стекавший на ступеньки, и вымазал себя им с ног до головы. Теперь он был исправным черным человеком с узелком в руках. Ему ничего не стоило добраться до станции подземной железной дороги, найти стену с заветным значком «м.м.», раздвинуть ее и опять через железную стену попасть в никому не известное купе, не подлежащее проездной оплате, между уборной и топкой, построенной ребятами с Чикагского вагоностроительного. На Бруклин-стрит он слез, прошел опять через стену, миная турникеты, и на улице остановился в задумчивости.

Что теперь делать? Надо дать знать Виллингсу в Миддлтоун насчет барки. Но, должно быть, они уже послали туда кого-нибудь. Лори надеялся, что не дурака. Увидит чужого на барке, повернется и уйдет. А вдруг? При воспоминании о фигуре человека, крадучись взбиравшегося на мостки, его снова пробрала дрожь.

Подняв машинально глаза, он увидел, что стоит перед большим старым домом номер 8. Тотчас же он вспомнил поручение мисс Ортон и, подойдя к массивным дверям, стал читать металлические дощечки, во множестве покрывавшие двери. Тут были самые мудрые имена. Тут жили исключительно стряпчие. Это был муравейник стряпчих. Лори с великим трудом отыскал скромную надпись:

РОБЕРТ ДРУК

стряпчий

и через секунду уже взбирался по длинной, казенного вида лестнице, пахнувшей сыром, кошками и мусорною корзиной.

Чистенькая старушка с выпуклыми глазами, в настоящую минуту сильно заплаканными, отворила ему дверь. Тотчас же, не говоря ни слова, она взяла со стола добрую краюху хлеба и сунула ее Лори, приняв его за нищего.

— Я с удовольствием съем это, мэм, за ваше здоровье, — сказал Лори, — но только мне нужен не хлеб, а сам мистер Друк.

— Боба нет, — дрожащим голосом сказала мистрисс Друк, и слезы посыпались у нее по щекам.

— Как нет? Когда же он будет?

— Ничего не знаю, — продолжала плакать старушка, — скушайте хлебец и, если хотите, я вам дам пудинга, но только вы не увидите моего голубчика, нет, не увидите его.

— Да что же с ним случилось? Не бойтесь, мэм, выкладывайте начистоту, я друг-приятель вашего Боба, хоть и должен по некоторым причинам ходить в таком виде.

— О боже мой, мистер, не знаю, как звать, дело-то очень непонятное. Ровнешенько, как всегда, в четыре часа приходит Боб со службы такой ласковый да веселый, я, говорит, мама, жду одну дамочку, так если придет, ведите ее прямо ко мне, — покушал и прилег у себя. Я на кухне мою посуду, вдруг четверо таких странных людей с пуговицами и спрашивают Боба. Я говорю: вы от дамочки? А они поддакнули. Провела я их к Бобу, а через минуту они вышли все вместе и Боб с ними, и бегом, бегом вниз по лестнице; Боб даже и не простился со мной. Гляжу в окно — вижу, катит от нас черный автомобиль, и нет его. Жду час, жду два — нет Боба. А вот недавно, ох... голубчик мой... Приходит полиция, запечатала Бобину комнату, у меня все перерыли, говорят, будто мой Боб обокрал нотариуса Крафта и бежал с деньгами...

Старушка опять разрыдалась.

Лори постоял в полном недоумении, потом вежливо поклонился старушке и вышел. Он не знал ни Друка, ни нотариуса Крафта. Он подумал не без горечи:

«Неужто и мисс Ортон замешалась в эдакое дело!»

ИСП **0** ВЕДЬ
МИСС **0** РТОН

Между тем красавицу доставили в Миддлтоун. Стемнело. Фабричный грязный поселок, раскинутый высоко в горах, кончал свой день. Высыпали гурьбой измученные рабочие со сталелитейного завода Кресслинга. Разошлись последние рудокопы с угольных копей Кресслинга. Побежали рабочие и работницы с деревообделочной фабрики Кресслинга. Все, что жило, ело и пило в городе Миддлтоуне, принадлежало Джеку Кресслингу.

А вот он сам: Джек Кресслинг катит верхом на серой английской кобыле в горы, туда, где сияет тысячью огней его необыкновенная вилла, построенная со сказочной роскошью и названная им «Эфемеридой». Кресслингу сорок лет, у него мужественное лицо, которое часто кажется жестоким, и суровые серые глаза. Джек Кресслинг не имеет ни жены, ни детей. Он величайший заводчик Америки. Про него ходят тайные слухи, что это человек с наклонностями маркиза де Сада.

Рабочие Джека Кресслинга живут хуже собак. Не потому, что им мало платят, нет, наоборот, потому что им платят много. Джек Кресслинг изобрел свою систему эксплуатации. Он — дает. Но он дает не даром. Кому угодно, сколько угодно, только работайте, работайте, работайте еще час, еще час, еще час... И задыхаясь от возможности заработка, спеша, как сумасшедшие, люди Миддлтоуна не знают ни сна, ни отдыха; они работают, работают, работают десять, двенадцать, двадцать четыре часа в сутки. Джек Кресслинг — триллиардер, они состоятельные люди. Но если вы захотите навестить их на тридцать пятом году от рождения их, идите не в Миддлтоун, а пониже, к Миддлтоунскому кладбищу, там они лежат рядом, и над каждым из них Джек Кресслинг не поскупился поставить памятник.

Впрочем, так было пять лет назад. Теперь это не так. С тех пор, как на деревообделочном поднял голову белокурый гигант Микаэль Тингсмастер, люди работают и работают, но уже не умирают, а между усами их, как кролик в норе, сидит себе комочком улыбка. Мик Тингсмастер знает, что делает. Можете положиться на него смело, ребята, не будь я Джим Доллар.

Мик живет в сером домике возле завода со старой стряпухой. У Мика тоже нет ни жены, ни детей. Огромная собака Бьюти, залааяв, подошла к дверям, обнюхала Виллингса и тотчас же протянула каждому из прибывших пушистую лапу.

В комнатке Мика было тепло и уютно. Виллинг посадил дрожащую от холода девушку в кресло возле камина и побежал за Тингсмастером. Нэд остался с ней, тщетно ворочая языком в поисках какой-нибудь порядочной темы для разговора. Но, кроме анекдота о том, как жена Тома облила своего мужа помоями, Нэд ровнешенько ничего не мог припомнить. Рассказать же его он не решился, сообразив, что мисс в достаточной степени надоело свое собственное пребывание в мокром месте.

На его счастье, дверь открылась, и белокурый гигант с трубкой во рту появился на пороге. Он пристально посмотрел на девушку, вынул изо рта трубку, подошел к мисс Ортон и протянул ей свою широкую руку. Мик Тингсмастер мало кому протягивал руку.

Мисс Ортон вложила в нее свои ледяные пальчики и вдруг вздрогнула от сотрясшего ее рыдания. Она сжала теплую ладонь Мика, опустила головку на грудь и заплакала так, как могут плакать лишь очень гордые, очень сдержанные и очень несчастные люди.

Микаэль Тингсмастер дал ей выплакаться, указал Виллингу и Нэду бровями на дверь и подбавил угля в камин. Потом, когда она затихла, он сказал:

— Мисс, вы у честных людей. Я вас ни о чем не спрашиваю, но если вам нужна помощь, выложите всю правду.

Мисс Ортон схватила его руку обеими руками:

— Я вам скажу всю правду, и вы будете первым человеком, кто ее услышит от меня. Но знайте, мой друг, за вашу доброту вы жестоко поплатитесь. Я несчастное существо, у меня есть страшные враги, и самый лютый враг — это я сама.

— Полно, дитя, — мягко проговорил Тингсмастер, — валяйте-ка все, как оно есть, начистоту.

Мисс Ортон несколько мгновений глядела на огонь. Глаза ее приняли горькое и дикое выражение, складка ненависти искавила рот. Потом она медленно заговорила, все не сводя глаз с огня:

— Меня зовут Вивиан Ортон. Я дочь капитана Ортона. Он умер десять лет назад, оставив меня и мою мать без всяких средств. Я училась и была еще подростком. Моя мать, чтоб дать мне кончить школу, поступила машинисткой в контору Рокфеллера... Я забыла сказать, что мы жили в Светоне. Мать моя была в то время в полном расцвете своей красоты. Я кончила школу и узнала, что она полюбила Рокфеллера.

— Старика или молодого? — прервал Тингсмастер.

— Еремико Рокфеллера. Они сблизились. Он обещал на ней жениться. Мать моя была беременна. Мы обе жили очень скромно, в маленьком светонском домике, с одной прислугой. Рокфеллер приезжал к нам всегда поздно вечером, прятался

от людей, не показывался с нами на улице. Он казался очень утрюмым и под разными предлогами оттягивал свадьбу. Я почему-то боялась его и ненавидела. Но для мамы он был не миллионер Рокфеллер, а близкий человек, отец будущего ребенка. Она была душою моложе и чище меня, она не думала ни о чем, кроме любимых людей, и, когда я остерегала ее, она плакала. Ей казалось ужасным, что я расту недоверчивым человеком. Не могу вам сказать, какие это были томительные полгода, что мы провели вместе в Светоне в ожидании дня свадьбы. Внезапно Рокфеллер перестал у нас бывать. Время от времени он посылал нам деньги, лакомства и цветы. Наконец незадолго до маминых родов он прислал целую корзину вкусных вещей и радостное письмо, где назначил день свадьбы — ровно через неделю. Мы с мамой устроили праздник. Она убрала стол, украсила его цветами, оставила дорогими яствами и села в кресло. Я под села к ней, но у меня почему-то было тяжело на душе, и я ни до чего не могла дотронуться. Мама взяла из вазы красивую грушу, очистила ее и вздохнула:

— Как мне больно, Вивиан, что, кроме нашей Кэт, мы никого не можем позвать к себе и угостить.

Она откусила кусочек груши и вдруг рванулась с места. Я успела разглядеть страшную судорогу, пробежавшую у нее по лицу. Она даже не вскрикнула. Я бросилась к ней. Она умерла. Я кинулась в кухню — Кэт исчезла. Тогда я схватила другую грушу и, едва сознавая, что делаю, сунула ее в карман, а потом опустилась возле мамы, сотрясаемая страшнейшим ознобом. Это не была скорбь, это не был ужас. В ту минуту я чувствовала только одно: ненависть! Ненависть переполняла меня и вызывала сердцебиение, я едва не лишалась сознания, я клялась себе каждой каплей крови убить Рокфеллера, отомстить ему за маму и за нерожденное дитя. В эту минуту в комнату без стука и без спроса вошел незнакомый человек в очках. Он объявил, что он полицейский врач и что за ним прибегала наша Кэт. Я поняла, что окружена врагами и должна молчать, чтоб спасти себе жизнь. Он спросил, отчего умерла мама. Я ответила, что от припадка. Он спросил, бывали ли такие припадки раньше. Я ответила: бывали. Он немедленно написал что-то на бумажке, и маму похоронили на другой день. Я ни до чего не дотронулась, Кэт не вернулась. Через несколько дней мне удалось найти врача, который произвел анализ полусгнившей груши. Он сказал, что она наполнена страшнейшим ядом, убивающим тотчас же, как только он проникает в человека. Он дал мне по моей просьбе письменный анализ этой груши. Спустя некоторое время я заметила, что за мной следят. Тогда я притворилась совершенно безвредной, я вела себя тихо, наивно, непритязательно. Меня

оставили в покое. Чтоб замести следы, я перебралась в Нью-Йорк...

Здесь мисс Ортон запнулась. Тингсмастер положил ей руку на голову и успокоительно сказал:

— Говорите, дитя мое.

— Смыслом всей моей жизни стало одно — отомстить; жизнью всего моего сердца стало одно — ненависть. Я следила за Рокфеллером, пока у меня хватило средств. Потом деньги иссякли, я стала давать уроки музыки, обезобразив себя до неузнаваемости. Мне удалось получить доступ в хорошие дома и узнать кое-что о семействе Рокфеллера. Так, я узнала, что он женился на мистрисс Элизабет Вессон через несколько месяцев после смерти моей матери. Но отомстить ему в моем положении полунницей учительницы музыки было невозможно. В доме, где я давала уроки, часто бывал богатый банкир Вестингауз. Мне показалось, что он подходящий человек, и я продала себя банкиру Вестингаузу, чтоб иметь деньги.

Мисс Ортон произнесла это бестрепетным голосом. По широкому лицу Тингсмастера прошла грусть и сострадание. Девушка продолжала:

— Чтобы иметь козырь в руках, знать всех, а самой оставаться ни для кого неведомой, я сочинила игру с маской. Я — та знаменитая «маска», которая интригует весь Нью-Йорк. И вот, очутившись уже у цели, заплатив за это жизнью, совестью, самой собой, я вдруг узнаю, что Рокфеллер уже убит. Он ушел от моей мести. Я спешу к его нотариусу Крафту, знавшему мою покойную мать, но тот погиб, а вместо него в конторе... вместо него в конторе...

— Странно, — прервала она себя, хватаясь за лоб рукой, — у меня чудная память, я всегда все помню, а вот сейчас не могу припомнить, кто был в конторе вместо Крафта... Я даже не помню, о чем я с ним говорила. Но помню завещание Рокфеллера: он все свои богатства оставил не семье, а комитету фашистов для борьбы с Советской Россией.

— Мисс Ортон! — вскричал Тингсмастер. — То, что вы говорите, важное дело. Вы не путаете, не ошиблись?

— Нет, не ошиблась. Это я прочитала своими глазами. Но я ушла из конторы, а молодой человек Друк дал мне свой адрес, чтоб я пошла к нему в четыре часа. Мне показалось, он знает какую-то тайну, но только чего-то или кого-то боится... Друк, Бруклин-стрит, 8. Я вышла к Гудзону, чтоб убить время до четырех, и больше ничего не помню.

Страшная бледность покрыла ей щеки. Она опустила голову на грудь и шепнула:

— Мне очень плохо, мне странно, что я стала как будто забывчива.

Тингсмастер внимательно посмотрел на нее и принес ей воды с виски. Когда она выпила и пришла в себя, он спросил ее:

— Дорогая мисс, скажите мне, чего бы вам теперь хотелось?

— Отомстить Рокфеллеру,— медленно ответила девушка,— ему нельзя, он умер,— значит, отомстить Артуру Рокфеллеру, его сыну.

Наступило молчание. Тингсмастер помешал уголь в камине, прошелся несколько раз по комнате, потом остановился и взглянул на бедную девушку.

— Слушайте меня, мисс Ортон. Вы попали к людям, цель жизни которых — борьба с Рокфеллером, и не с одним, а со всеми Рокфеллерами в мире. Но, дорогая моя мисс, мы боремся не оттого, что ненавидим отдельных людей, и мы не хотим кровожадной борьбы. Мы боремся потому, что тысячи наших братьев и мы сами погибаем, не видя настоящей жизни. Мы боремся потому, что дети бедняков задыхаются в подвалах, лишенных солнца и воздуха, потому, что наши юноши посылаются убивать таких же несчастных, как они сами, во время войны, загоняются в рудники и на фабрики во время мира. Мы боремся не для того, чтоб отомстить. Мы хотим установить справедливость на земле и светлую жизнь для каждого человека, от первого до последнего. Понимаете вы меня?

— Тингсмастер!— воскликнула девушка, вскочив с места.— Вы удивительный человек, вы прекрасны. Я хотела бы чувствовать то, что вы говорите. Я знаю, вами движет любовь, а я не могу любить! Но вы не смеете отказать мне в поддержке, вы должны взять меня в свой союз и поручить мне дело ненависти. Я убью Рокфеллера! Я убью всех, кого надо!

— Мы не хотим убивать,— ответил Мик,— мы не ворует, не убиваем, не мстим. Мы добились того, что все вещи, выделяемые руками рабочих, нас слушаются,— но мы от этого ни на один цент не богаче. Мы всюду проникаем, мы открываем кладовые банка, но ни один из нас еще не похитил ни одного доллара. И руки наши не обагрены ни единой кровинкой врага.

— Тингсмастер, вы не смеете мне отказать. Ну, хорошо... Пусть! Я буду действовать одна. Я все равно вернусь в Нью-Йорк и убью Рокфеллера.

Мисс Ортон встала, забыв, что на ней рабочий костюм Лори. Мик взял ее за плечо и усадил снова в кресло.

— Вы останетесь у нас, покада не поправитесь,— сказал он просто,— а там мы увидим. Виллингс, Нэд!

В комнату так быстро вбежали оба приятеля, что не было необходимости спрашивать их, дошло ли до их ушей все гово-

рившееся в комнате. С ними вместе вбежал и вымазанный дегтем Лори.

— Тингсмастер, — воскликнул он, едва переводя дух, — вот нож, которым ее пырнули. Я был у аптекаря, он говорит, что нож отравлен страшнейшим ядом. А вы, мисс Ортон, лучше бы не хлопотали о Друке. Он удрал. Говорят, он обокрал Крафта и удрал с его деньгами.

— Тише ты, Лори, — остановил его Тингсмастер. — Положи нож на стол и не пугай бедную мисс. Я прошу кого-нибудь из вас, ребята, раздобыть ей женское платье.

— Кстати, Мик, — продолжал Лори выкладывать свои новости, — дровяная барка на Гудзоне оказалась с потайной комнатой. А ее хозяин... ее хозяин... черт побери, я не помню, что такое с ним было... Надеюсь, ребята не имели с ним столкновения, когда носили туда одежду?

— Да что ты, Лори! — ответил Виллингс. — Отто-булочник ходил туда и, сколько ни рыскал, не нашел и следа барки. Она стинула, точно во сне нам приснилась. Мы ломали голову, что это за наваждение и куда ты делся.

— Стинула, — повторил Лори, и по спине его пробежал холодок непонятного ужаса.

Глава тринадцатая

ПРИ ДРУ В **К** **ЛЮЧЕНИЯ А ОСТЮМЕ**

Как только кончились занятия в конторе Крафта, мистер Друк широко зевнул, изобразил на лице блаженное утомление, поглядел в зеркальце, пригладил голову и, добродушно простившись со всеми черномазыми, отправился, помахивая тросточкой, восвояси.

Мистер Друк был парень хоть куда. Он отлично знал, что люди не имеют глаз на спине. Но, с другой стороны, ему было известно, что часовые и ювелирные магазины имеют двойные зеркала, заменяющие вам любой глаз, куда бы его ни приставили. В то же время мистер Друк собирался, видимо, завести себе новые запонки, так как восхищению его перед витринами ювелира Леонса положительно не было пределов. Широко раскрыв рот и пожирая глазами пару алмазных запонок, мистер Друк стоял до тех пор, пока не разглядел человека, неотступно за ним следовавшего. Тогда он вошел в магазин, купил запонки, разговорился с ювелиром о том о сем, вышел с черного хода на другую улицу и по трамваю добрался к себе на Бруклин-стрит. Дело в том, что мистер Друк начитался Га-

борио и Конан-Дойля. Мистеру Друку давно уже хотелось быть замешанным в какое-нибудь чудовищное преступление в качестве сыщика. И вот надежды его как будто начинали сбываться.

Придя домой и наскоро пообедав, он заперся у себя, поднял коврик возле постели, а потом паркетную плиту, вынул оттуда конверт, на котором бисерным почерком мистера Друка было написано:

«ТАЙНА ЕРЕМИИ РОКФЕЛЛЕРА»

вытащил из него несколько листов, приписал к ним еще страничку, а потом спрятал все это на старое место. Сделав это, Друк придвинул к себе еще один лист и написал генеральному прокурору штата Иллинойс следующее забавное письмо:

Господин прокурор,

опасаясь за свою жизнь, прошу вас быть начеку. Я держу в руках нити загадочного происшествия. Если меня убьют или я исчезну, прошу вас немедленно вынуть конверт из тайника в моей комнате на Бруклин-стрит, 8, двенадцатый паркетный кусок от левого окна, прочитать его и начать судебное расследование. Пишу именно вам, а не кому другому, так как вы отличаетесь любовью к уголовным тайнам.

Стряпчий Роберт Друк.

Написав и запечатав письмо, он взглянул на часы и подошел к окну. Был теплый день, мистрисс Друк держала окна в его комнате открытыми. Отсюда был виден кусок улицы, и мистер Друк разглядел черный автомобиль, остановившийся у подъезда. Сердце его приятно сжалось, когда взору его представились четверо черномазых, один за другим выскочивших из автомобиля.

— Начинается,— шепнул он про себя с восторгом,— четверо против одного!

Он положил запечатанный конверт, адресованный генеральному прокурору Иллинойса, на подоконник, прикрыл его шторой, а сам лег на кушетку, притворяясь спящим. «Интересно знать,— думал он,— с чего они начнут? Уж не предложат ли мне миллион долларов за участие в деле?»

Но встреча с черномазыми оказалась гораздо прозаичнее, чем мечты мистера Друка. Они вошли к нему в комнату, плотно заперли двери, и один из них шепотом сказал Друку:

— Слушайте-ка. Синьор Грегорио не намерен лишать вас доброго имени, он хочет кончить дело тихо. Вы обокрали касу Крафта. Сейчас же верните деньги, или мы обратимся к полиции.

Друк вскочил с кушетки, разинув рот. Круглое лицо его приняло глупое, оскорбленное выражение, уши покраснели,

как у мальчишки,— и на этот раз мистер Друк ни чуточку не притворялся.

— Как вы смеете,— заорал он свирепо.— Вы сошли с ума!

— Не кричите, Друк, чтоб не взвинчивать вашу матушку. Докажите, если это не вы; ключ от кассы у вас. Она отперта и очищена до последнего цента.

— Да ведь я ушел!— изумленно воскликнул Друк.

— Извольте-ка пойти и посмотреть, кто это мог сделать без вас.

Друк лихорадочно схватил шапку и побежал вниз, даже не простившись со своей матерью. Он был вне себя. Он забыл Конан-Дойля и генерального прокурора. Он дрожал от оскорбления, как только могут дрожать честные молодые люди двадцати двух лет с таким круглым лицом и голубыми глазами, как у мистера Друка.

Черномазы сели в автомобиль, и Друк вместе с ними. Шофер тронул рычаг, автомобиль помчался стрелой. Черномазы рассказывали друг другу о различных случаях покраж, произведенных секретарями. Они возмущались и негодовали. Они намекали на излишек доверия, оказанный кое-кому. Друк краснел и пыхтел, он готов был отгузить всех четырех. Как вдруг, взглянув в окно, он увидел странную вещь. Они мчались по пустынному береговому шоссе, они выезжали из Нью-Йорка, они летели не туда, куда следовало.

— Эй!— воскликнул он, и в ту же минуту оглушенный удар свалил его с ног. Через секунду Друк сидел смирно с кляпом во рту и крепко связанными руками. А еще через полчаса автомобиль подъехал к мрачной черной решетке на пустынной дороге. За решеткой расстился парк, где бродили невидимые с улицы тихие люди в белых халатах. Несколько рослых мужчин в белых фартуках и с красным крестом на рукаве вытащили барахтавшегося мистера Друка из автомобиля, подняли его и внесли в огромное мрачное здание с многочисленными коридорами и нумерованными дверями.

— Опасно-буйный,— сказал кто-то металлическим голосом,— посадить его в номер сто тридцать два.

И мистер Друк был посажен в номер сто тридцать два, где он должен был исчезнуть, по всей вероятности, навсегда. Черномазы простились со служителями, ворота снова захлопнулись, автомобиль покати́л назад.

Я мог бы уже закончить эту неприятную главу, если бы не мешалась самая обыкновенная ворона.

Эта ворона жила в сквере католической церкви на Бруклин-стрит. По обычаю своих предков, она должна была свить себе гнездо. Это серьезное дело обставлено в Нью-Йорке большими трудностями, ибо ворон в городе во много раз

больше, чем деревья, и они уже давно поднимали вопрос о недостатке строительного материала.

Итак, наша ворона задумчиво летела по крышам, выглядывая себе прутики, веточки, дощечки и тому подобные вещи, как вдруг глаза ее усмотрели красивый белый пакет на одном из подоконников. Она каркнула, огляделась во все стороны, быстро схватила пакет и унесла его на самое высокое дерево в сквере, где он превратился в прочное доньшко очень комфортабельного гнезда. Генеральный прокурор Иллинойса, таким образом, не получил возможности проникнуть в новую уловную тайну, но зато этой же возможности лишились и многие другие люди, вплоть до полиции, ровно ничего не нашедшей в комнате «беглого Друка».

Глава четырнадцатая

СОВЕЩАНИЕ НА ВЕЧЕРЕ «ЭФЕМЕРИДА»

— Мистрисс Тиндик, — сказала горничная Джени сухопарой особе в очках и с поджатыми губами, — мистрисс Тиндик, что это вы день и ночь хвастаетесь сиамскими близнецами, как будто сами их родили?

Дерзость Джени вызвала в кухне одобрительное хихиканье.

— Девушка Джени, — ответила мистрисс Тиндик ледяным тоном, — выражайтесь поосторожней. Я не думаю хвастаться. Я констатирую факт, что сиамские близнецы доводятся мне двоюродной группой и что ни у кого из людей, кроме меня, не может быть двоюродной группы. Двоюродных сестер и братьев сколько угодно, но «группы» — ни у кого, никогда.

— А вам-то какой толк от этого?

— Девушка Джени, я не говорю о «толке». Я констатирую факт. Я не виновата, что люди завидуют своему ближнему.

— Вот уж ни чуточки! — вспыхнула Джени. — Плевать мне на вашу группу, когда я видела самого черта!

В кухне отеля «Патрициана» воцарилось гробовое молчание. Джени была известна как самая правдивая девушка в Нью-Йорке. Но увидеть черта — это уж слишком.

— Верьте не верьте, а я видела самого черта, — повторила Джени со слезой в голосе, — я прибирала в ванной, а он въехал мне прямо с потолка на затылок, потом попятился и исчез через стену.

Мистрисс Тиндик торжествующе оглядела все кухонное общество: было очевидно, что Джени лжет.

Несчастная девушка вспыхнула как кумач. Слезы выступили у нее на глазах:

— Провалиться мне на месте, если не так. И черт был весь черный, голый, без хвоста, с черным носом и белыми зубами.

— Эх, Дженни, — вздохнул курьер, пожилой мужчина, мечтавший о законном браке, — а ведь я на тебе чуть было...

Но тут с быстротой молнии, прямо через потолок, свалился на плечо мистрисс Тиндик голый, черный черт без хвоста, подпрыгнул, как кошка, и исчез в камине. Мистрисс Тиндик издала пронзительный вопль и упала в обморок. А неосторожный Том, проклиная свою неловкость, со всех ног мчался по трубе на соседнюю крышу, а оттуда спустился на Бродвей-стрит, прямехонько к зданию телеграфа.

Прохожие кидались прочь от стремительного трубочиста, локтями прочищавшего или, правильнее сказать, прочернявшего себе дорогу. Наконец он наверху, в будочке главного телеграфиста, и останавливается, чтобы отдышаться.

Меланхолический Тони Уайт с белокурым локоном на лбу и черным дамским бантом вместо галстука, взглянув в окошко, узнал Тома, придвинул к себе чистый бланк и тотчас же поставил в уголке две буквы «М.М.».

— Ну, — поощрил он Тома.

— Телефон испортился, Тони, а нам Мик нужен до зарезу, — объяснил Том, тяжело дыша, — подавай в первую очередь.

— Да ну, диктуй. — И Тони написал под диктовку трубочиста:

Миддльтоун, Мику.

Публика собирается сегодня семь часов вечера вилле Эфемериде Кресслинга важное совещание будут все.

Том продиктовал это шепотом и удрал, как молния. Тони Уайт справился, скоро ли починят Миддльтоунский телефон, разрушенный ночью бурей, и, узнав, что через час, сам сел к телеграфному аппарату. «М.М.» — выстукал он в первую голову. Буквы побежали по линии, и все телеграфисты и телеграфистки тотчас же вскакивали, бросая работу, и срочно передавали телеграмму. Сделав свое дело, Тони свернул бланк в трубочку и сжег его, а потом появился с другой стороны будочки, где его поджидала длиннейшая очередь ругавшихся ньюйоркцев.

Через четверть часа бойкий телеграфист города Миддльтоуна, разнося депеши, зашел для чего-то и на деревообделочную фабрику. Увидев, что рабочие одни и никого из начальства нет, он сунул в руку Тингсмастера белую бумажку, прикурил и поспешил дальше. Мик прочитал и сжег бумажку. Потом дал кое-какие распоряжения в гуттаперчевую трубку,

не отходя от станка, и продолжал изо всех сил работать, по-свистывая песенку.

А между тем наступал теплый майский вечер. После ночной грозы Миддлтоун освежился и растушился. По главному шоссе в горы то и дело ездили сторожевые мотоциклетки, — это Джек Кресслинг поджидал к себе гостей. Высоко в горах, чуть стемнело, засияло сказочное море света, похожее на полчище гигантов-светляков или на горсть бриллиантов, величиной с пушечное ядро. Это сияла знаменитая вилла «Эфемерида», построенная по специальному проекту Эдиссона, вся из железных кружев, тончайшей деревянной резьбы и хрусталия, насыщенного электрическим светом.

Джек Кресслинг был человек с фантазией. Он создал себе «царство света», как говорила почтительная газетка, издававшаяся на его средства. Он нашел способ обходиться без людей. В его сияющей вилле все подавалось и принималось бесчисленными электрическими двигателями, а лучезарные комнаты населялись любимыми друзьями Кресслинга — обезьяной Фру-фру, английской кобылой Эсмеральдой и двумя молодыми крокодилами, которых он привез из Египта и держал в золотом бассейне. Этого общества Кресслингу было вполне достаточно. По его мнению, люди были слишком нечистоплотны, и он не находил в двуногой твари ровно ничего забавного. Джек Кресслинг презирал человечество.

Как только на электрических часах «Эфемериды» раздались мощные звуки седьмой симфонии Бетховена, Кресслинг встал с кресла и нажал кнопку. Надо сказать, что часы у него отбивались девятью симфониями Бетховена, а роль десятой, одиннадцатой и двенадцатой выполняли, к величайшему удивлению посетителей, мяуканье кошки, кукование кукушки и крик филина. Когда его спрашивали, он отвечал без улыбки: музыка не должна вмешиваться в час любви, в час смерти и в час познания.

— Семь часов, — сказал себе Кресслинг, — пора. — С этими словами он сел в кресло и поджал ноги. В ту же минуту кресло вознеслось с ним вместе через хрустальные потолки и переплеты в верхний этаж, где была роскошная зала с богато убраным столом посредине. Кресслинг лениво прошелся по коврам, нажимая кое-где кнопки, — и в залу заструились ароматы, посыпались цветы, проплыли хрустальные бочонки с замороженным шампанским. Снизу и сверху, на платиновых полочках, сдвинулись и разместились по столу всевозможные яства.

Не успел Кресслинг нажать последнюю кнопку, как оконное зеркало показало ему несколько медленно подъезжавших по главной аллее автомобилей. Он быстро передвинул стен-

ные клавиши, и воздушный лифт вознес в залу одного за другим его знатных посетителей.

Тут был принц Гогенлоэ, виконт, лорд Хардстон, несколько испанцев, болгарский посланник, швейцарский генеральный консул, румынский князь, русский князь, португальский дворянин. Тут были бельгийцы, австрийцы, латыши, поляки, эстонцы, финны из самого высшего общества. С ними прибыли и коммерсанты. Знаменитый немецкий Стиннес, его приятель Крупп, банкир Вестингауз, английский купец Ротшильд и молодой Артур Рокфеллер. Как всегда, не доставало одного только синьора Чиче.

— Усаживайтесь, господа,— сказал Кресслинг обычным своим, не особенно любезным голосом,— я прошу извинить моих крокодилов, которые не могли вас дожидаться и откушали раньше.

Болгарский и румынский гости не без удивления переглянулись; им показалось, что это чисто балканская, но отнюдь не американская шутка. Остальные, знакомые со странностями Джека Кресслинга, не обратили на его слова ровно никакого внимания.

На вилле «Эфемериды» нельзя тотчас заняться делом. Требовалось посмотреть и покушать. Когда, наконец, ужин пришел к концу, Джек Кресслинг встал и сказал своим суховатым голосом:

— Мы собрались здесь, господа, чтоб выяснить наше обоюдное положение. Я чужд всякой сентиментальности, и гибель нашего мира мало меня трогает. Но я люблю борьбу. Я не могу допустить, чтоб мой раб и поденщик оказался сильнее меня. Потому я протягиваю руку фашистской организации. Я вступаю в нее членом. Я отдаю в ее распоряжение половину моего состояния. Но прежде я должен знать, каковы ближайшие намерения нашей организации.

Принц Гогенлоэ встал с места и, обменявшись взглядом с лордом Хардстоном, ответил Кресслингу:

— Я уполномочен синьором Чиче довести до вашего сведения, господа, следующий план. По данным синьора Чиче, Советская власть в России опасно укрепляется, и пропаганда ее в наших странах становится угрожающей. Необходимо свергнуть эту власть, но не снаружи, а изнутри, путем заговора. План тайного заговора у нас уже готов. Привести его в исполнение берется мистер Артур Рокфеллер. В ближайшем будущем мистер Рокфеллер отбывает в Петроград с паспортом американского коммуниста.

Кресслинг взглянул на Рокфеллера.

— Артур, вы действительно беретесь за это?

— Клянусь прахом моего отца,— с горячностью воскликнул молодой человек.

— Великолепно. Это мне нравится. Но что же остается на нашу долю?

— Синьор Чиче выработал обширную программу,— вмешался лорд Хардстон,— не бойтесь, никто из нас не останется без дела.

Настроение присутствующих стало весьма горячим. Кресслинг, против обыкновения, пил и чокался со своими гостями и на прощание показал им двух крокодилов, мирно дремавших на дне бассейна.

Совещание кончено, шампанское выпито, хрустальные часы Кресслинга прокричали филином. Гости один за другим отбыли в мрак теплой майской ночи. Один Кресслинг, страдая от вечной бессонницы, обречен долгие часы ходить взад и вперед по сияющим залам «Эфемериды».

Между тем в темном чулане маленького домика, где жил Тингсмастер, экран показывал, а фонограф рассказывал все, что произошло в «Эфемериде». Ребята смотрели и слушали, стиснув кулаки, и между ними в скромном платье работницы находилась Вивиан Ортон.

Глава пятнадцатая

ВАСИЛ И ЕГ О ЖЕНА

Всякий честный коммунист на первое место ставит долг, а на второе жену. Всякая жена норовит поставить на первое место себя, а на второе все остальное.

У товарища Василова, члена нью-йоркской компартии, создалась именно такая семейная конъюнктура. Вернувшись с ночного заседания партии, он разбудил жену и сказал:

— Катя Ивановна, мы едем в Россию.

— Очень рада,— ответила та спросонок,— «Амелия» отходит послезавтра. Поедем вместе с мистрисс Дебошир.

— Мы с тобой едем на «Торпед»,— возразил товарищ Василов,— таковы полученные мною инструкции.

— Неужели вы думаете, что, получая какие-то там инкрустации, можете не считаться с чувствами своей жены?!

— Инструкции, дорогая,— терпеливо повторил Василов. Он сделал глупость только раз в жизни, когда женился, и теперь нес все ее последствия.

— Инкрустации,— повторила жена.

— Инструкции!

— Инкрустации!

— Инструкции!

— А! Если вы хуже всякого будильника и не даете мне выспаться, так я заявляю вам: я еду на «Амелии» — и кончено!

— Как хочешь, — устало ответил Васильов, горько вздохнул и принялся раздеваться.

На следующее утро Катя Ивановна встала чуть свет, насмешливо взглянула на спящего мужа и в самой нарядной шляпке выскочила на улицу. У ворот стоял посыльный. Он гладил себе бороду. Борода имела почтенный вид.

— Посыльный, — произнесла Катя Ивановна, — вы не знаете, где находятся пароходы, справочные кассы, и куда надо сесть, чтоб поехать в Россию?

— Пустое дело, м-ам, — ответил, густо закашлявшись, посыльный, — идите себе домой и садитесь, куда хотите. А я с вашего позволения выхлопочу вам билет и занесу на дом. Так и запомните, посыльный номер 7.

— Неужели вы это делаете? Но видите ли, в чем дело, у меня вышли контры с моим мужем. Я хочу поехать на пароходе «Амелия» вместе с мистрисс Дебошир. Вы можете взять мне билет на «Амелию»?

— Легче, чем плюнуть, м-ам.

— Ну, так возьмите. Вот вам деньги. Вот вам документы. И знаете что? Занесите мне билет не домой, а прямо к мистрисс Дебошир, Ровен-Квер, 10.

— Завтра утречком, м-ам, все получите в полном порядке.

Катя Ивановна, в восторге от своего плана, вынула блокнот, карандаш и конверт и энергически повернула посыльного спиной к себе.

— Номер 7, я на вас облобочусь на минутку... Вот так. Мне хочется написать письмо мужу.

Она вывела кривыми буквами на спине посыльного:

«Васильов! Ты нуждаешься в уроке и потому вот тебе мои собственные инкрустации: я еду на «Амелии» с мистрисс Дебошир. Домой больше не вернусь. Уложи все мои вещи, лиловое платье и ноты для пения. Надеюсь, ты тоже поедешь на «Амелии», в противном случае мы встретимся на пристани в Кронштадте. Твоя жена

Катя Ивановна».

— Вот, — сказала она, — несите это письмо наверх, прямо по адресу. Бросьте ему письмо на кровать и бегом обратно. На все его вопросы — гробовое молчание. Поняли?

— Как не понять, м-ам, — ухмыльнулся посыльный. Он поглядел, как веселая дама, распустив над головой зонтик, помчалась по направлению к Ровен-Кверу, а сам пробежал глазами доставшееся ему письмо. Потом он взглянул на адрес, покачал головой и отправился с письмом наверх. Добудив-

шись Василов, он сунул ему письмо в руку и, не отвечая на вопросы, сбежал вниз.

До сих пор посыльный Джонс, старый посыльный этого района, действовал, как ему было приказано. Очутившись на улице, он проявил неожиданную самостоятельность, а именно: он дошел до водосточной ямы, оглянулся вокруг и исчез в яме с быстротой крысы. Темный, мокрый проход вывел его сперва на каменную лестницу, потом на станцию подземной дороги. Джонс выбрал минуту и вскочил в узкую щель между железными обшивками вагона: он был в купе между уборной и топкой, не подлежащем оплате.

Честный Джонс сделал несколько пересадок, снова углубился в подземный ход, вымок, выпачкался, растрепал свою бороду, но добрался-таки до жаркого местечка под самой кухней «Патрицианы», где сидел в цилиндре и с гуттаперчевыми трубками на ушах водопроводчик Ван-Гоп.

— Менд-месс,— запыхавшись, проговорил посыльный.

— Месс-менд,— ответил Ван-Гоп,— это ты, Джонс? Ну что новенького?

— Жена Василова поручила мне купить ей билет на «Амелию». Она, видишь ли, желает ехать самостоятельно. Завтра утром я должен доставить ей билет и документы по адресу ее подруги.

— Ладно, Джонс, делай свое дело. Я все передам Мику. Да смотри, Джонс, не случилось бы чего с Васильевым. Поставь своих ребят по всем углам, охраняйте его пуще глаза, покуда не попадет на паромные мостки. Клади сюда бумаги.

Посыльный Джонс, поклонив карандаш, набросал подробное донесение всего, что случилось с ним утром, прибавил на память копию письма Кати Ивановны, сложил все это возле Ван-Гопа и быстро выскочил из цилиндра, через стену, прямо за угол «Патрицианы», где помещалась касса паромного, железнодорожного и авиасообщения.

Товарищ Васильев между тем не без досады прочитал записку своей жены. Он знал, что легче найти квадратуру круга, чем совпасть с намерениями своей супруги, а потому махнул рукой и занялся укладкой. Васильев был стройный и ловкий человек с бритым лицом, успевшим значительно американизироваться за пятнадцатилетнее пребывание в Америке. Кроме партийной деятельности, он был отличным инженером и ехал теперь на родину с мандатом в кармане и горячим желанием работать на русских заводах и фабриках. Сложив кой-как в чемодан многочисленные тряпки, лиловое платье и ноты Кати Ивановны, он разместил по карманам свои собственные бумаги, сунул туда же полученное только что послание, взял шляпу и отправился покупать себе билет второго класса на паром «Торпеду», отбывавший через три дня в Европу.

ПРИЯТНОЕ ЗНАКОМСТВО

Опустелый подъезд, где разговаривали Джонс и Катя Ивановна, был таковым лишь на первый взгляд. Не успели они разойтись в разные стороны, как из-за вешалки вынырнул невысокий, смуглый человек в костюме с блестящими пуговицами. Он зашел в будку автоматического телефона, назвал неразборчивый номер и, когда его соединили, шепотом сообщил какой-то Нетти, что «ей придется купить себе новую шляпку». Только всего и было сказано, и ровненько ничего больше. Неизвестно, в какой связи было это с дальнейшими событиями, но только Катя Ивановна, не дойдя еще до жилища мистрисс Дебошир, почувствовала внезапное желание отдохнуть.

Она оглянулась вокруг и увидела, что неподалеку, в маленьком и пустынном сквере, стоит одинокая скамейка. Дойдя до нее, Катя Ивановна хрустнула пальчиками, откинула голову и зевнула несколько раз с непонятным утомлением. Солнца на небе не было, глаза ее никогда не болели, но тем не менее ей казалось, что перед ней прыгает что-то вроде красного солнечного пятнышка.

— Странно, — сказала себе упрямая дама, — в высшей степени странно. Я хочу спать, хотя я не имею намерения спать. Это мне не нравится.

Через сквер проходил между тем какой-то среднего роста человек, щегольски одетый, задумчивый, можно даже сказать — грустный. Руки его, со слегка опухшими сочленениями, висели безжизненно, глаза были впалые, унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие кошачьи усы.

Он опустил на скамейку возле нее, глубоко вздохнул и закрыл лицо руками.

Катя Ивановна почувствовала странное сердцебиение.

Незнакомец вздохнул еще раз и прошептал:

— Я не переживу этого. Я не в силах жить. Дайте мне умереть!

— У всех есть горе, — ласково заметила мистрисс Василова, придвинувшись к незнакомцу, — сегодня одно, сэр, а завтра другое. Бывает и так, что оба горя сразу. Надо закалять характер.

— Я не в силах, — глухо донеслось со стороны незнакомца.

— Соберитесь с силами, сэр, и вы перенесете.

— Дайте мне вашу руку, м-ам, нежную руку женщины. Влейте в меня бальзам.

Катя Ивановна немедленно сняла фильдекосовую перчатку и протянула свою энергичную руку незнакомцу. Тотчас же электрический ток прошел по всему ее телу, причинив ей головокружение, впрочем, очень приятное. Привыкнув к самоанализу, она подумала с изумлением:

«Я, кажется, влюбляюсь. Это странно. Я влюбляюсь, хотя я не имею намерения влюбиться».

Между тем незнакомец вливал в себя целыми бочками бальзам при посредстве протянутой ему руки. Он прижимался к ней носом, губами и щеками, гладил, водил по глазам, совал себе за пазуху, покалывал жесткими усиками.

— Женщина!— воскликнул он вдруг проникновенно.— Будь ангелом! Будь сестрой милосердия. Пожертвуй мне час, два часа, оттони от меня демона самоубийства.

Как это так случилось, но Катя Ивановна не смогла бы отказать ему решительно ни в чем. Она подумала, что отлично попадет к мистрисс Дебошир, и в четыре часа дня встала со скамейки, приняла предложенную руку, а другой рукой вознесла свой зонтик над страдающим незнакомцем.

— В минуту скорби,— поучала она его твердым, хотя и ласковым голосом,— самое важное, дорогой сэр, это орнаментировка на общество. Когда вы орнаментируетесь, сэр, на общество, вы убеждаетесь, что, кроме вас, есть другие люди, большое количество других людей, со своими собственными горестями и радостями. Это успокаивает и расширяет горизонт.

— Вы правы,— глухо прошептал незнакомец,— идемте прямо туда, где есть общество. Сядем на пароход и поедем в Борневильский лес.

Мистрисс Василова никогда не была в Борневильском лесу и не знала, есть ли там общество. Тем не менее ей очень польстило, что слова производят на несчастного человека решительное впечатление.

Они сели на пароход и мирно проехали две остановки, миновав Нью-Йорк и отплыв довольно-таки далеко в сторону Светона. Во время пути Катя Ивановна вела беседу на общеобразовательные темы, как то: кто живет в воде и на суше, бывают ли у рыбы крылья, а у птиц плавники, кто изобрел паровое отопление и почему дома с паровым отоплением не двигаются, а пароходы двигаются. Два-три раза ей пришлось остановить незнакомца в его намерении броситься через борт и кончить жизнь самоубийством.

Наконец, на третьей остановке они сошли с парохода на землю. Место было довольно пустынное. Здесь начинались Рокфеллеровские рудники, поросшие тощим кустарником,

скалы и небольшой лес, мрачный и неприятный, так как он был из осины и можжевельника.

Мистрисс Василова вздрогнула:

— Куда вы ведете меня? — прошептала она с тревогой, когда незнакомец потащил ее прямо в этот лес, носивший гордое наименование «Борневильского». — Что вы хотите от меня, дорогой сэр? Здесь нет общества, здесь нет даже людей.

Но приятный попутчик Кати Ивановны преобразился. Тусклые глаза его оживились, худое тело напряжилось, мускулы сделались стальными. Он пристально глядел на нее и тащил за собой в лес, не отвечая на вопросы. Странная слабость овладела мистрисс Василовой. Руки и ноги ее налились тяжестью, во рту было горько, в голове стоял непонятный туман. Она уже не помнила ничего, кроме необходимости дойти до леса, и, кой-как дотащившись до первой осины, поникла всем телом на кочку.

— Мне худо, — прошептала она тихо, — я не имею намерения, но меня тошнит.

Незнакомец вынул коробочку с круглыми голубоватыми шариками и протянул ее Кате Ивановне. Почти машинально взяла она шарик и положила его себе в рот. В ту же секунду страшная судорога прошла по ее телу с пяток до головы, и несчастная свалилась вниз головой в овраг. Человек прыгнул туда вслед за ней, убедился, что она мертва, натаскал хворосту, валежника, осиновых прутьев и закрыл ими тело своей жертвы.

Потом он оглянулся вокруг, зашел за дерево и исчез. Все было пустынно кругом по-прежнему. Шелестели осины. На Гудзоне неподвижно стояла одинокая дровяная барка.

Глава семнадцатая

ЛЕПСИУС ВИДИТ РЫБУ

— Тоби! — крикнул доктор Лепсиус, войдя к себе в комнату. — Куда он делся, сонная рыба, пингвин, мерзкий мулат, мумия, гангренозная опухоль! Тоби! Тоби!

Молчаливый мулат с припухшими веками вынырнул сбоку и остановился перед доктором с видом полнейшего равнодушия.

— Тоби. Бери ключ, идем к его величеству Бугасу Тридцать Первому. А если ты будешь спать, раскрыв рот, как дохлая рыба, я наложу туда пороху и взорву тебя со всеми твоими потрохами!

Доктор Лепсиус весь день был в плохом настроении. Его экономка, мисс Смоулль, объявила, что выписала из Германии новый ушной аппарат и теперь, благодарение небу, будет слышать, как все остальные люди. Мисс Смоулль намекнула даже доктору Лепсиусу, что теперь у нее не будет недостатка в женихах.

Если б к колокольне церкви сорока мучеников прибавили мотор в тысячу лошадиных сил, нервное потрясение доктора, наверное, не было бы ужаснее, нежели от картины его экономки, говорящей, слышащей и замужней зараз. И это именно в такое время, когда открытие доктора Лепсиуса превратилось из ослепительной догадки в странную очевидность, когда недостает только скомбинировать факты и расширить примеры.

Резкими шагами спустился Лепсиус во второй этаж, прошел вслед за Тоби пустынный дворик, уже известный читателю, и остановился перед запертым на замок гаражом. На этот раз Тоби благополучно отпер замок, приоткрыл дверку и, пропустив вперед доктора, осторожно вошел вслед за ним, заперев дверь изнутри.

Они находились в большом, просторном сарае, охватившем их своей парниковой атмосферой. Пол был усыпан здесь густым слоем песка, потолок сиял сотней электрических лампочек, вдоль стен стояли кадушки с араукариями и гигантскими, во всю высоту комнаты, пальмами. Посредине сарая возвышалась трапедия с качелями и кольцами для гимнастики.

— Бугас, Бугас! — позвал доктор, помахивая бутылочкой, вынутой из кармана.

Тотчас же из глубины сарая раздалось злобное кряхтение, кто-то приподнялся с соломы, и навстречу доктору и Тоби пошел человек среднего роста. Это был индеец. Красный цвет кожи, кольцо в носу, голое тело, разукрашенное татуировкой, и прямые черты лица не оставляли в этом ни малейшего сомнения.

Дойдя до Лепсиуса, он гордо тряхнул головой, увенчанной перьями, схватил бутылку, ловко вышиб пробку и в мгновение ока осушил ее содержимое. Затем, повернувшись к ним спиной, он принялся отплясывать, трястись и содрогаться всеми своими членами.

Доктор Лепсиус не отрывал глаз от его движений. В первую минуту они казались самыми обыкновенными. Но потом внимательный наблюдатель мог бы заметить две странности: спина стройного индейца временами горбилась не у лопаток, а внизу, у самого конца позвоночника, делая его похожим на

ощетинившуюся кошку. И в эти минуты обе руки индейца невольно свисали вниз, почти касаясь пола.

Доктор Лепсиус вынул вторую бутылочку и кинул ее Тоби, указав ему на верхушку трапеции. Молчаливый Тоби с бутылкой во рту взобрался по столбу до самого верха, сел верхом на перекладину и принялся играть бутылкой. Покуда он взбирался, индеец следил за ним злобными красными глазами. Но на верхушке трапеции Тоби, казалось, перестал его интересоваться. Он опустил голову и стоял неподвижно.

— Бугас, Бугас! — позвал его Тоби.

Напрасно. Бугас не поднимал головы кверху.

— Бугас! Подними голову, получишь бутылку, — ласковым голосом убеждал доктор Лепсиус. Но все было тщетно. Индеец заупрямился. Он не поднимал глаз. Он не вскидывал головы.

...Тоби сбросил бутылку в руки доктора, и оттуда она перешла к индейцу. Пока Бугас жадно хлюпал губами, доктор подкрался ему за спину, выхватил лупу и принялся с необыкновенным вниманием изучать его позвоночник, начиная с шеи и кончая седалишным нервом. Потом он похлопал его по плечу, кивнул Тоби и вышел из сарая.

Лицо доктора Лепсиуса прояснилось. Три ступеньки, ведущие ему под нос, плотно сомкнулись, образовав удобный трап.

— Тоби, — сказал он у себя в комнате, — если ты будешь спать и таращить во сне глаза, я женю тебя на мисс Смоулль. А если ты опять побежишь через улицу к кондитеру и заведешь с ним разные разговоры, я продам тебя военному министерству на пушечное мясо. Дай мне пиджак, портфель, палку.

Быстро одевшись, Лепсиус вышел, сел в поджидавший его автомобиль и приказал шоферу ехать к доктору Бентровато, имевшему образцовую клинику и рентгеновский кабинет.

Он делал это не совсем охотно. Он боялся, что его открытие выкрадут у него из-под самого носа. Ворча сквозь зубы, Лепсиус поднялся по лестнице и попал в руки двух молодых девиц, с карандашами и блокнотами.

— Сорок, — промолвила одна девица.

— Сюда, — подтвердила другая, подставляя ему ящик, битком набитый деньгами.

— Дорогие мои, — мягко ответил Лепсиус, — я беру больше.

И, отстранив их рукой, он прошел прямо в кабинет к своему коллеге.

У Бентровато шел прием. Множество людей дожидалось его, развлекая себя всевозможными занятиями, приспособлен-

ными к услугам пациентов в комнатах для ожидания. Тут были книги на всех языках, домино, шахматы, вышивание и вязание для дам, игрушки для детей, прохладительные напитки.

В кабинете было полутемно. За китайской ширмой перед экраном стоял человек, подвергнутый действию рентгеновских лучей. Лепсиус не мог разглядеть его внутренностей и видел лишь тень от небольшой и продолговатой головы да руку, небрежно закинутую за спинку стула и выступавшую из-за ширмы.

Лепсиус сел равнодушно в кресло, дожидаясь конца сеанса. Он рассеянно смотрел туда и сюда, испытывая неодолимый приступ зевоты. Как вдруг совершенно случайно глаза его задержались на вышеупомянутой руке.

— Что такое... Где, черт возьми! Где видел доктор Лепсиус эту руку, худую, слабую, с припухшими сочленениями?

Но, сколько он ни напрягал память, ответа не приходило. Пальцы лежали все так же безжизненно, потом внезапно скрючились, будто схватились за что-то, скользнули и исчезли.

Бентровато выпустил своего пациента из боковых дверей кабинета.

— Здравствуйте, здравствуйте, Лепсиус. Чем могу?

— Здравствуйте, Бентровато, кто это у вас был?

— Вы хотите проверить, соблюдаю ли я профессиональные тайны?

Лепсиус с досадой покосился на коллегу.

— Я заехал к вам, уважаемый друг, с просьбой произвести рентгенизацию одного дегенеративного субъекта. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо, в первый же свободный час. Пойдите-ка, запишем: «28 августа будущего года в 4^{1/2} часа дня».

Бентровато занес это к себе в блокнот и копию записи с улыбкой протянул своему коллеге.

Широкое лицо Лепсиуса не выразило ничего, кроме благодарности. Но на лестнице он сжал кулаки, побагровел и со свирепой миной подскочил к швейцару.

— Кто тут сейчас прошел, а?

Швейцар флегматически повел плечами:

«Многие проходили...»

Фруктовщик Бэр.

Профессор Хизертон.

Штурман Ковальковский».

Лепсиус сел в автомобиль, тщательно похоронив у себя в памяти три услышанных имени.

ОПЫТЫ «АМЕЛИИ»

Кто не знает об Эдиссоне? Слава его ходит по всему земному шару.

А кто знает техника Сорроу? Никто.

Техник Сорроу — пожилой, маленький человек с небольшой бородкой, тонкими губами и привычкой ходить, заложив руки за спину. Он почти никогда не сидит. Он ходит работая, ходит говоря с вами, ходит кушая и даже ходит сидя. Последнее возможно лишь потому, что техник Сорроу изобрел себе подвижную сиделку, род ходячего стула.

Техник Сорроу еще мальчишкой был другом-приятелем Эдиссона. Однажды они разговорились за рабочим станком.

— Эх,— сказал Эдиссон,— уж я выдумую такую штуку, что все люди ахнут. Короли будут здороваться со мной за руку, самые почтенные профессора придут у меня учиться.

— А потом что? — спросил Сорроу.

— А потом буду жить и изобретать. Жить буду в собственном дворце, а изобретать чудеса за чудесами.

Сорроу смолчал на эти речи. Сказать по правде, они ему не понравились.

«Что же это такое? — подумал он про себя. — Не по-товарищески рассуждает Эдиссон. Сам рабочий, а думает о королях. Посмотрим, куда он загнет».

Эдиссон загнул как раз туда, куда собирался. Телефоны, граммофоны, фонографы, трамваи, бесчисленное множество чудес попало в руки богачей и королей, умножая их удобства и украшая их жизнь.

— Вот что может сделать простой рабочий! — сказал Эдиссон на приеме у одного короля, здороваясь с ним за руку.

Бывшие товарищи Эдиссона гордились им. Рабочие частенько пили за его здоровье, пропивая свой недельный заработок. Техник Сорроу молча глядел на все это и качал головой.

— Завистник, — говорили ему на заводе.

Но техник Сорроу продолжал молчать и покачивать головой. В ту пору он был помощником мастера Шульца на сталелитейном заводе Кресслинга. Он чинил машины, подлечивал винтики, смазывал, спрыскивал, разбирал и собирал негодные машинные части — словом, был на заводе мелкой сошкой. Никогда никакой сверхурочный заработок его не соблазнял. Джек Кресслинг был бессилен над техником Сорроу. Предложи он ему миллион за лишний час, а Сорроу снимет синий

фартук, помоем руки под краном, заложит руки за спину и уйдет себе, посвистывая, домой. А что он делал у себя дома — об этом не знал никто, даже его квартирная хозяйка.

Когда Микаэль Тингсмастер произнес свою первую речь, положившую начало новой миддльтоунской эре, техник Сорроу постучался к нему после работы, вошел, запер дверь и заговорил:

— Тингсмастер, ты именно тот человек, которого я жду тридцать лет. Сунь мне руку в карман.

Мик Тингсмастер сунул ему руку в карман, вытащил оттуда сверток бумаг и вопросительно поглядел на техника Сорроу.

— Ходи рядом со мной и слушай, — сказал шепотом Сорроу. Они ходили таким образом весь вечер, всю ночь и все утро, вплоть до рабочего дня. А спустя некоторое время побежали из всех фабрик, из всех заводов, с копеек, с рудников, с доков, с верфей, с мельниц, с элеваторов, из депо, из гаражей, из ремонтных мастерских веселые значки «м.м.» на веселых вещах, обученных всем секретам техника Сорроу.

Вот этот самый безвестный техник Сорроу по причинам, не обсуждавшимся ни на каких собраниях, и без всякого мандата в кармане, скромно и тихо взял расчет у Джека Кресслинга и сел монтером машинного отделения на пароход «Амелия», зафрахтованный компанией Гувера. За два часа до отплытия он уже был на пристани, наблюдая за нагрузкой парохода.

Ирландец Мак-Кинлей, капитан парохода, посасывал свою трубку, разгуливая на борту. Подъемники сбрасывали на пароход одно за другим: бочки с салом, прессованные тюки с маисом и сахаром, ящики с консервированным молоком, мешки с маисовой мукой, — все это предназначалось для тонких кишок голодающего русского народа с целью приобщения его к вершине американской цивилизации — суррогату. Рабочие, грузившие пароход, весело подмигивали Сорроу, и он подмигивал им в свою очередь.

Как вдруг посыльный Джонс, красный, запыхавшийся, расстрепанный, опрометью влетел на пристань, огляделся туда и сюда, подбежал к технику Сорроу и, задыхаясь, шепнул ему:

— Жены Василова нет ровненько нигде. Не видел ли ты ее в числе пассажиров?

Сорроу отрицательно покачал головой.

— Что мне теперь делать? — взвыл Джонс. — Эта вздорная дамочка, верно, спит вторые сутки. Но где ее искать! У подружки она не была, домой не вернулась, а я, видишь ли, не смею расспрашивать ее мужа, не знает ли он, куда сбежала от него его собственная жена. Что мне делать с билетом, с документами, куда девать сдачу. Кто мне заплатит комиссионные?

— Посоветуйся с Миком,— флегматически ответил Сорроу, продолжая шагать по пристани,— да торопись, до отплытия осталось всего час пятьдесят восемь с половиной минут.

Джонс подпрыгнул, как ужаленный, метнулся между фонарными столбами туда и сюда, провалился сквозь землю и через десять минут мчался на деревянном стуле по проволоке с крыши манежа Роллея—вверх и вверх, к вышке Миддлтоуна. Путешествие было рискованное, провода свистели вокруг него, тюки сена могли налететь на него сверху, если ребята не успеют попрiderдержать их, электрическая энергия могла прекратиться, но честный посыльный Джонс не имел другого способа попасть в Миддлтоун вовремя, и он рискнул на него.

— Ты говоришь, ее никто и нигде не видел?—спросил Тингсмастер, выслушав сбивчивую речь Джонса.

— Именно так, Мик.

— Это значит, что несчастную убрали с пути. Это значит, что Василова тоже ждет западня. Они уберут и Василова, пошлав вместо него заговорщика Рокфеллера.

— Васильов поедет на «Торпедe», Мик, времени у тебя много, а куда мне девать билет, документы, сдачу? Кто мне заплатит коммиссионные?— был честный Джонс.— «Амелия» стоит под парами, говорю я тебе!

Тингсмастер недолго раздумывал.

— Так подожди же,— крикнул он решительно,— мисс Ортон, дитя мое, скорей, бегите-ка сюда!

На пороге появилась мисс Ортон.

— Слушайте. Вот вам документы и билет. Вы едете через час на пароходе «Амелия», как жена коммуниста Василова, в Кронштадт. Ваш муж едет туда же на «Торпедe». Вы по капризу сели на «Амелию». Вы встретите его на кронштадтской пристани. Вы шепнете ему, что посланы рабочими вместо его жены, чтоб охранять его жизнь от покушений и раскрыть заговор фашистской организации... Поняли?

— Да,— ответила мисс Ортон.— Спасибо, Микаэль Тингсмастер. Вы будете рады, что поручили это дело мне.

— Постойте-ка. Может случиться, что Василова уберут и вместо него подошлют Артура Рокфеллера...

— А-а!— вырвалось у девушки сквозь стиснутые зубы.

— Тогда мстите, мисс Ортон. Но сумеите мстить. Вы будете женой заговорщика, вы притворитесь, что не угадали подмены. Вы день и ночь будете сторожить его и раскрывать шаг за шагом, нить за нитью гнусный заговор, покуда все нити не будут в наших руках. Тогда откройте все Советской власти. Поняли?

— Да!— воскликнула девушка.— Еще раз спасибо.

— Ты немедленно доставишь ее на «Амелию», — обратился Тингсмастер к посыльному Джонсу, — поручи ее Сорроу, и пусть Сорроу снабдит ее всем необходимым. Во время пути пусть Сорроу каждый час принимает радио с «Торпеды». Мы пошлем монтера Биска охранять жизнь Василова. Понял? Иди.

— Мик, — простонал бедный Джонс, почесав у себя в бороде, — а кто же заплатит мне комиссионные? Кому передать сдачу?

— Бери себе сдачу вместо комиссионных, — крикнул Тингсмастер, схватив за руку обоих, Джонса и девушку, и увлекая их к телеграфной вышке.

Через полчаса стройная молодая дама под темной вуалью заняла каюту первого класса на пароходе «Амелия», а техник Сорроу принял от Джонса подробнейшие указания Тингсмастера.

Трап поднят. Дым повалил из трубы. Палуба, рей, бесчисленные окошки кают полны высунувшихся голов, шапок, носовых платков. Все это машет, свистит, визжит, кивает — и в ответ машет, свистит, визжит, кивает залитая толпой пристань. Пароход «Амелия» делает красивый поворот и, задымив, отправляется в далекий рейс.

Глава девятнадцатая

Р ИСКОВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ БЬЮТ

Редко кто мог бы сказать, что видел Микаэля Тингсмастера в таком гневе, в каком он находился сейчас. Мик ударил кулаком по столу:

— Убивать женщин, подлецы! Если б я только мог напасть на следы этого человека!

— Менд-месс, — раздалось из стены.

— Месс-менд, — ответил он поспешно; и в комнату с ловкостью обезьяны прыгнул трубочист Том.

— Мик, — начал он свою речь запинаясь.

— Ну?

— Мик, хоть в обществе и поговаривают, будто я черт, но, не в обиду тебе будь сказано, Мик, я сам начинаю побаиваться черта. Видишь ли, мы с Ван-Гопом, как ты приказал, день и ночь сторожили «Патрициану». Только сидим мы в стене, а под нами, тоже в стене, кто-то знай себе сторожит нас. И ей-ей, Мик, если черт только по фальшивому наговору, то под нами в стене ходит что ни на есть настоящий черт, в этом я тебе прозакладываю собственную голову.

-Значит, вы продолжаете слышать шаги в подземном ходе?

— Называй это подземным ходом, если тебе нравится, а мы с Ван-Го-пом называем это бесовской тропой!

Тингсмастер поглядел на широкую черную рожицу Тома, хотел было сказать ему слова два, но махнул рукой и решительными шагами подошел к двери. Раскрыв ее, он крикнул в темноту:

— Бьюти, Бьюти!

Тотчас же в комнату ворвалась огромная белая собака с золотистыми пятнами. Она прыгла вокруг Тингсмастера, била хвостом, припадала на передние лапы, дружески рыча, потом вскакивала на задние и обнимала своего хозяина с самой пылкой нежностью. Наконец, утомившись, она лизнула его в нос, свернулась на полу и положила морду на его пыльный сапог.

— Бьюти, — ласково сказал Мик, нагнувшись к своему другу. Белый хвост энергично забарабанил в ответ. — Бьюти, мне требуется от тебя важная штука. Опасная штука, понимаешь?

Хвост дал ритмически понять, что Бьюти готова на все.

— Я не могу послать туда человека, Бьюти, потому что это сильно смахивало бы на убийство. Ты же сумеешь выкрутиться. Но гляди, Бьюти, гляди, дружище, тот, за кем мы с тобой охотимся,— величайший враг твоего хозяина.

— Rrrrrr!— раздалось снизу.

— И величайший враг человечества. Будь осторожен, песик.

— Rrrxав! Хав!— пролаял Бьюти свирепо и положил лапу на колени Тингсмастера.

— Мик,— умоляюще произнес Том,— что это ты задумал? Что может собачка противу черта!

Но Тингсмастер не любил лишних разговоров. Он оглядел зубы, уши и лапы Бьюти, надел ей на грудь тонкий, как батист, металлический панцирь и привязал к ошейнику веревку с нанизанными на ней кусочками мяса.

— Смотри, Бьюти, по кусочку в день, не больше того,— сказал он умной собаке, следившей за каждым его движением.

Оглянувшись вокруг, он сунул себе в карман электрический фонарь и кое-какую мелочь, кивнул головой Тому и двинулся в путь.

Между тем на кухне отеля «Патрициана» шло торжественное совещание служебного персонала с администрацией. За первых представляла мистрисс Тиндик, вторую возглавлял Сетто из Диарбекира.

— Я скажу коротко,— начала мистрисс Тиндик, поджимая губы,— со дня смерти мистера Тиндик, моего мужа, ни одна мужская рука, не говоря о мужских ногах, не касалась моих плеч. Я введена в убыток. Я положительно настаиваю на возмещении убытков, причиненных мне прикосновением мужских ног к моим плечам на территории вашей гостиницы, мистер Сетто.

— Правильно!— хором поддержала ее вся кухня.— Насчет убытков— это она в самую точку. Мы тоже в убытке, хозяин. Если этак, не разбирая времени, каждый божий день станут на нас сыпаться черти с потолка, вы можете преждевременно потерять свою рабочую силу.

Мистрисс Тиндик с неудовольствием обернулась к своей аудитории:

— Не будем путать наших законных претензий,— сказала она твердо.— Я, как известно даже мировому судье, могу рассчитывать на особую поддержку общества, ибо общество принимает во внимание роковую игру природы. Я должна стоять за честь своего имени. Я имею положительное намерение оградить свое имя от посягательств джентльменов неизвестного происхождения на территории вашей гостиницы, мистер Сетто.

Сетто из Диарбекира вынул изо рта чубук, оглядел всех присутствующих и спокойно произнес:

— Правильно. Вы в убытке, я в убытке. Как утверждает эта умная женщина, мистрисс Тиндик, на самой что ни на есть территории моей гостиницы поселился бесплатный элемент. Разберем дело. Жена, иди сюда, разбери дело. Я нанимаю швейцара, я нанимаю курьера, я нанимаю сторожа, я нанимаю камердинера, я нанимаю официанта, я нанимаю девушку. Верно я говорю, жена?

— Истинную правду, Сетто.

— И я нанимаю, слушайте меня крепко, мистрисс Тиндик, я нанимаю даму, надзирающую за швейцаром, курьером, сторожем, камердинером, официантом и девушкой. И что же получается? Вы не можете досмотреть жильца, поселившегося в стенах моей гостиницы и противозаконно попирающего мою территорию. За что, спрашивается, вы получаете жалованье, мистрисс Тиндик, а?

Такой оборот дела очень не понравился служебному персоналу.

— Но мои плечи, мистер Сетто! — возмущенно воскликнула мистрисс Тиндик.

— Э, дорогая моя мистрисс Тиндик, — продолжал неумолимый Сетто, — если б даже вы были девушкой, мистрисс Тиндик, так и то, с вашего позволения, дело-то надо было бы начинать не с плеч, а совсем с другого конца.

Мистрисс Тиндик вскрикнула, как ужаленная, и закрыла лицо обеими руками. В кухне раздался хохот. А Сетто из Диарбекира, подхватив свою жену под руку, как ни в чем не бывало отправился восвояси.

Пока этот знаменательный разговор происходил в кухне, наверху, перед комнатой без номера, бесшумно выскочив из стеклянного шкафа, появились Мик со своей собакой, Том-трубочист и водопроводчик Ван-Гоп.

Мик нажал невидимую кнопку, и дверь вместе с замком и запором тихо отошла от стены. В комнате никого не было. Вообще это жилище синьора Чиче производило странное впечатление необитаемого места. Постель казалась нетронутой, стулья — несдвинутыми, занавески на окнах — никогда не поднимавшимися. Мик покачал головой и направился прямо к тому месту, где должен был находиться люк.

— Ни один квадрат этого пола не снабжен нашим клеймом, — шепнул он своим спутникам, — сдается мне, братцы, что мы в логове самого крупного зверя. Все остальные пляшут под его дудку.

Он опустился на колени, вынул лупу и долго изучал поверхность пола. Потом вскочил и побежал к стене. Здесь был вбит крохотный гвоздь, на котором криво висел стенной ка-

лендарь. Тингсмастер сдвинул календарь в сторону и указал Тому и Виллингсу на едва заметную выпуклость под обоями. Надавив на нее, он вернулся к полу и снова пристально оглядел его в лупу. Между двумя кусками паркета появилась теперь едва заметная щель. Тингсмастер вынул тонкую полосу стали и принялся ею орудовать. Щель расширилась, паркет шевельнулся, затрепетал и медленно встал ребром. Внизу чернела дыра.

— Бьюти! — подозвал собаку Тингсмастер.

— Ребята, взгляните-ка, что с ней!.. — воскликнул Том.

Собака тряслась всеми членами, зевала так, будто ей раздвигали челюсти щипцами для расширения сапог, и шерсть у нее на спине стояла дыбом.

— Я говорил тебе, Мик, я тебе говорил, — в ужасе бормотал Том, — не связывайся с чертом! Зачем губишь собаку!

Но Тингсмастер тоже казался удивленным, тем более что на него самого напала непреодолимая потребность зевать. Он стал, однако же, смотреть вовсе не на собаку, а на окно, на ставни, на драпировку. Он пододвинул стул, вскочил на него и стал шарить по кисейной занавеси, складками спускавшейся вниз. Найдя что-то, он сорвал это и прыгнул на пол. В комнате раздался лишь треск от оборвавшейся нитки, и в ту же минуту собака перестала трястись. Она подняла умную морду к хозяину и забила хвостом.

Тингсмастер подошел к Тому и Ван-Гопу и раскрыл ладонь. На ней лежало круглое стеклышко странного цвета, того молочно-мутного цвета с примесью теплого багрянца, какой можно увидеть в глазах новорожденного теленка.

— Фабионит, — сказал Мик, тотчас же опять зажав камень, — техник Сорроу может рассказать вам про него интересные вещи, ребята. Это искусственный камень, изготовленный химиком Фабио-Душси года полтора назад на одном из заводов Франции. Я не могу понять, откуда и зачем он очутился здесь. Эта штука может усыпить целую армию, если направить на нее световые лучи.

Он спрятал стеклышко в карман и опять подошел к дыре.

— Бьюти, собачка, поди-ка сюда!

Бьюти подошла к хозяину, не выражая на этот раз никакого страха. Но дух, шедший из подземного хода, действовал на нее, по-видимому, возбуждающе. Шерсть Бьюти шевелилась на спине, а ноздри беспрерывно втягивали воздух. Тингсмастер взял ее морду обеими руками и пристально посмотрел в умные собачьи глаза.

— Бьюти, — сказал он медленно, — иди туда в дыру. Не давайся никому в руки. Проследи, куда идет дыра и где другой выход. Возвращайся назад в Миддлтоун и покажи нам всем, откуда ты выбралась, — поняла?

Бьюти повизгивала, тыкаясь носом в хозяина.

— Иди. Раз-два-три!

Бьюти еще раз взглянула на трех людей, стоявших над люком, вильнула хвостом и в мгновение ока бесшумно исчезла в дыре. Минут десять все трое ждали ее, прислушиваясь к каждому шороху. Но все было тихо. Собака не возвращалась.

Тогда Тингсмастер закрыл трап. Снова повесил календарь, как он висел раньше. Каждую вещь поставил на прежнее место и вместе с товарищами вышел из комнаты.

Глава двадцатая

ХАРВЕЙСКИЕ доки

В трех милях от Нью-Йорка, по пути к Светону, высятся знаменитые Харвейские доки. Пароход «Торпеда», отправленный сюда на починку, готов к отплытию. Он вычищен внутри и снаружи, заштопан, облицован, перекрашен и весело косится на вас тысячью выпуклых круглых окошек кают-компаний, похожих на лягушечьи глаза.

Матросы, которым уже надоело шмыгать по городу и уже нечего было пропивать, собрались дружной семьей в машинном отделении. Табачный дым заволакивал все, как банный пар. Матросы рассказывали друг другу страшные истории и коротали досуг, оставшийся им до отплытия «Торпеды».

— Ну, ребята,— сказал новый механик, рекомендованный «Торпед» союзом докеров, веселый шотландец Биск.— «Торпеда» хоть сейчас снимайся,— так мы ее заштопали. Братья Дуглас и Борлей могут быть довольны.

— Был бы доволен капитан,— мрачно ответил старый матрос Ксаверий, до сих пор молчавший,— а уж братья Дуглас и Борлей не пикнут.

— Помалкивай!— крикнул ему бледный, как смерть, матрос, с глазами, обведенными черными кругами. Это был Дан, еще недавно веселый смельчак, друг и собутыльник несчастного Дипа, а сейчас истощенный, хилый, как тень, человек, боявшийся заглянуть себе за спину.

— Что с тобой стало, баба ты!— сердито огрызнулся Ксаверий.— Коли я говорю громко, значит, можно говорить громко. Я не дурак, отдаю себе отчет. Ты, товарищ, здесь третьи сутки,— снова обратился он к Биску,— а пробудешь еще трое, так проклянешь день и час, что занес тебя на нашу «Торпеду».

— Ну, я не из робких! — засмеялся Биск. — Нашему брату тоже приходится испытывать всякую всячину. А кто же капитан «Торпеды», разве не Джексон из Гаммерфорта?

— Джексон уж как год ушел. Это был капитан в самый раз. Про Джексона, парень, тебе никто даже спьяну не скажет худого слова. А теперь у нас...

— Молчи! — опять перебил его Дан, трясаясь как в лихорадке.

На этот раз старый Ксаверий как будто послушался Дана. Во всяком случае, он закрыл рот и не пожелал продолжать речи.

— Как зовут нового капитана? — спросил Биск, оглядывая матросов. Лица их были пасмурны. Кто-то ответил нехотя:

— Капитан Грегуар.

— Что он, француз, что ли?

— Француз ли, черт ли, — вмешался опять Ксаверий, — а только он рыжий. Этакой масти нечего соваться на море. Если ты рыжий, так и служи в банке, а на море тебе делать нечего, коли не хочешь накликать беду на всю команду. Не было еще случая, чтоб океан спокойно снес рыжего человека.

Разговор оборвался. Матросы забились каждый в свой угол, и неизвестно, от сумерек или от табачного дыма, но лица их стали серыми. Биск выбрался из отделения на лестницу, сделал шагов сто, оглянулся туда и сюда, быстро провел пальцем по железной обшивке и юркнул в образовавшуюся щель. Обшивка тотчас же задвинулась, а Биск очутился в крохотной, но очень уютной комнатке, с вентилятором на потолке и электрической лампочкой сбоку, — сделанной ребятами с кораблестроительного и не подлежащей оплате. На столе перед Биском лежала тетрадь, в стол была вделана походная чернильница, перо висело на длинной цепочке. Биск открыл первую страницу тетради —

ДОНЕСЕНИЯ БИСКА

О ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ «ТОРПЕДЫ»

и написал на первом месте:

«Личность капитана Грегуара, судя по рассказам матросов, очень подозрительна. Пассажиров записалось всего 980 человек. Из них в Россию никто не едет, кроме одного Василов. Он записался на каюту II класса NQ 117, находящуюся между трапом и каютами служебного персонала. Я осмотрел ее и ничего подозрительного не нашел. На всякий случай осмотрел и смежные каюты. По-видимому, железо на обшивку всего служебного отделения взято не с наших металлургических, ни на одном листе нет нашего клейма. Проникнуть к капитану не удалось. Среди пассажиров, отправляющихся в Европу, подозрительны: банкир Вестингауз — на Гамбург; сенатор Нотэбит с дочерью — на Штеттин. По слухам, Вестингауз едет развлечься после исчезновения своей любовницы, а сенатор Но-

тэбит исполняет каприз своей дочери, с некоторого времени преследующей, без всякой видимой причины, банкира Вестингауза. Совершенно непонятно отсутствие на пароходе Артура Рокфеллера, который должен был по плану фашистов инкогнито отправиться в Советскую Россию. Среди пассажиров нет ни одного, кто мог бы оказаться переодетым Рокфеллером».

Написав все это, Биск вырвал страничку, запечатал ее в конверт, тихо выбрался из каюты и через минуту был уже в комнате почтового отделения, где восседала наша старая знакомая, мисс Тоттер. Она была помещена сюда прямехонько из «Патрицианы», по рекомендации знатных жильцов Сетто-диарбекирца.

— Мисс Тоттер, — сказал Биск, — вот вам первое письмо для Мика. Я надеюсь, их еще будет с добрую дюжину, и надеюсь также, что мы с вами доберемся до Кронштадта.

Мисс Тоттер ничего не ответила, взяла письмо и подошла к одной из многочисленных темных клеток, висевших в комнате. Микроскопическими буквами «м.м.» была отмечена дверца.

— Это голуби Мика, — шепнула мисс Тоттер и меланхолически вздохнула. Потом она достала одного из почтовых голубей, вложила письмо в его сумочку на груди, раскрыла верхнее окошко и выпустила птицу на волю.

Биск свистнул, как человек, выполнивший свой долг, заложил руки в карманы и кратчайшим путем отправился на палубу, то есть раздвинул обшивку и углубился в узкий межстенный ход. Он шел в темноте не более двух минут, как вдруг замер как вкопанный. Из стены, близехонько от него, донесся свистящий звук. Спустя мгновение звук превратился в царапание, и кто-то прошел в стене мимо Биска так близко, так слышно, что механик невольно отодвинулся, хотя проходивший был отделен от него железным листом. В то же время над ним что-то хлопнуло с тихим треском, словно закрылся невидимый люк.

Но шотландец Биск недаром считал себя не из робкого десятка. Он выждал несколько минут, раздвинул обшивку и вышел на трап, не заходя к себе в каюту.

— Придется делать дополнение к письму. Довольно-таки скоро! — сказал он себе философски.

В это время мимо него пробежали матросы с криком:

— Сниматься, сниматься! Приказ от капитана снимать «Торпеду» на Нью-Йоркский рейд. Завтра утром отплытие. Биск остановил пробежавшего юношу и спросил его:

— Когда отдано приказание? Разве капитан на «Торпед»?

— Капитана никто из нас не видит, — шепнул ему на ухо матросик, — а приказание отдается через штурмана.

И голубоглазый матросик опрометью бросился дальше.

ОТПЛЫТ «ТОРПЕДЫ»

Хороший денек для отплытия парохода, нечего сказать! С утра полил дождь. Вода в Гудзоне поднялась на несколько вершков. Ночным ураганом вдребезги разбило все частновладельческие лодки, стоявшие у пристани.

И, наконец, утренние газеты отметили понижение цен на американскую пшеницу, одновременно упомянув еще о трех событиях: в овраге, возле Борневильского леса, найден совершенно обезображенный труп неизвестной женщины; секретарь покойного нотариуса Крафта бежал бесследно, обворовав кассу; гроб с телом Еремии Рокфеллера, назначенный ко вскрытию по ходатайству кормилицы покойного и его дальних родственников, прибывших из Европы, был внезапно украден из родовой часовни Рокфеллеров неизвестными злоумышленниками и, несмотря на все поиски, не разыскан...

Доктор Лепсиус, прочитавший все это, бессильно уронил газету на колени и откинулся в полном изнеможении на спинку кресла. Он почувствовал прилив ненависти к человечеству. Он недоумевал, какие силы заставляют его жить и работать на пользу этого самого человечества...

Но спустя мгновение природный оптимизм доктора Лепсиуса взял верх, и он повернул страницу газеты, надеясь отдохнуть душой на театральных, брачных, спортивных, биржевых и тому подобных увеселительных бюллетенях.

Как вдруг взор его упал на несколько строк, напечатанных курсивом. Вне себя от злобы Лепсиус прочитал следующее:

«Вчера, в семь часов вечера, в церкви сорока мучеников состоялось бракосочетание девицы мисс Смоулль с мистером Натаниэлем Эпидермом, мажордомом нашего знаменитого рентгенолога Бентровато. Со стороны новобрачной присутствовали родственники, г.г. Смоулль из Миддльтоуна, со стороны жениха — сам доктор Бентровато, одновременно прочитавший собравшейся вокруг него густой толпе молодежи лекцию о рентгенизации младенца во чреве матери с целью определения его пола».

Лепсиус вскочил, судорожно скомкав газету. Глаза его налились кровью. Он махнул рукой, сорвал с вешалки шляпу и кубарем скатился вниз с лестницы.

Доктор Лепсиус положительно задыхался. Не будь он доктором, он побежал бы сейчас к доктору, чтоб пустить себе

кровь или по крайней мере получить какой-нибудь рецепт, написанный по-латыни, что, как известно, имеет свою хорошую сторону, наглядно доказывая серьезность затраченных вами денег.

Но и этого утешения он не мог себе доставить. И поэтому Лепсиус бежал со всех ног по улице, бежал от проклятого вероломства своей экономки, бежал куда глаза глядят, пока не выбежал прямехонько к Гудзону.

Дождь шел как из ведра. Газетчики и чистильщики сапог попрятались. Редкие пешеходы принадлежали к разряду людей, ходивших босиком. Туман клубился по улицам Нью-Йорка, стоял над Гудзоном, заволакивал всю набережную до такой степени, что Харвейский маяк опоясывал лентами прожектора весь кусок залива, а набережная расцвела электричеством в двенадцать часов дня.

Лепсиус промок до нитки и не без удивления заметил, что вышел к рейду, где, залитая тысячью огней, стояла «Торпеда», уже готовая к принятию пассажиров. Трап, однако же, еще не был спущен. Толпа, стоявшая под дождем, выражала все признаки страшного нетерпения.

— Они боятся демонстраций, — сказал кто-то возле Лепсиуса ворчливым голосом, — как будто в наше время делают демонстрации!

— Еще как делают, — ответил другой, — ведь коммунисты посылают своего представителя в Совдепию. Смотри, его вышли провожать, ей-ей, не хуже, чем президента.

Тут только Лепсиус заметил необычайное стечение народа и огляделся внимательней.

Вся огромная площадь вокруг него была залита людьми в фуражках и рабочих куртках. Они пришли сюда прямо с фабрик, не успев переодеться. Лица их горели воодушевлением, руки протягивались со всех сторон к товарищу Василову, стоявшему среди них в дорожном костюме.

— Передайте им, Василов, что мы не дремлем! — кричал кто-то, размахивая картузом. — Мы не прозеваем своего часа!

— Кланяйся Ленину! — кричал другой.

Толпа напирала со всех сторон, не давая подойти к Василову решительно никому с той половины набережной, где собралась публика буржуазная. Лепсиус увидел там Вестингауза, с элегантным саквояжем в руках и моноклем в глазу. Неподалеку от него кудрявая Грэс, теребя своего отца, оглядывалась во все стороны, ища кого-то глазами. Их провожали девицы, дамы и кавалеры, в смокингах, с 5-й Авеню, тщетно пытаясь спрятаться от дождя под парусиновым навесом. Но кучка нарядных ньюйоркцев, отбывающих в Европу проветриться, совершенно терялась среди тысячной толпы рабочих, рокота-

шей глухо, как море. Полисмен, робко пробираясь к ней, делал вид, что распоряжается движением, тогда как рабочие перебрасывали его с одного места на другое, как мячик.

Лепсиус выбрался из толпы к самому боку «Торпеды», где из кают-компаний высовывались головы мичманов и матросов.

— Ковальковский! — крикнул кто-то. — Пора спускать трап, отдайте распоряжение!

Розовый, как херувим, толстый-претолстый мичман, с губами-шлепанцами, побежал отдавать приказание. Лепсиус оглядел его с ног до головы критическим оком, вынул записную книжку, где стояли три фамилии:

1. Фруктовщик Бэр
2. Профессор Хизертон
3. Мичман Ковальковский

и вычеркнул последнюю из списка.

Между тем, забравшись на якорную цепь «Торпеды», шептались два человека. Один из них был трубочист Том, другой — механик Биск.

— Мик передает тебе, что отсутствие Рокфеллера гораздо подозрительней, чем его присутствие. Мик боится за жизнь Василова. Смотри, Биск, охраняй его собственной шкуркой, не щадя себя самого.

— Знаю, — ответил Биск, — а что, собака вернулась?

— Нет, Мик в большом горе. Собака исчезла, должно быть, ее пырнули ножом. Ну, прощай, Биск, посылай вести.

— Прощай, Том, будьте покойны.

Том спрыгнул вниз, на швартовый, повис, раскачался, сделал пируэт и исчез в воде.

Трап спущен; приветствия, пожелания, проводы. Несколько пар острых глаз, принадлежащих людям одной профессии, но, по-видимому, служащих разным хозяевам, так как они не знают друг друга, — оглядывали, словно обшаривали, каждого пассажира, поднимавшегося на трап, где проверяли билеты и документы.

— Один.

— Другой.

— Третий.

— Четвертый.

— Пятый.

— Нет Рокфеллера, нет ничего похожего на Рокфеллера.

Знатная публика прошла, на трап поднимается коммунист Василов. Он бледен от волнения. Буржуазная часть публики награждает его свистом.

Но свист тотчас же поглощается ревом, тысячеголосым ревом толпы, подбрасывающей вверх шапки, платки, кепи.

— Урра! Василев! Урра, Советская Россия! Езжай, товарищ, кланяйся ребятам, пусть держатся крепко! Да здравствует Ленин!

Рев стал громовым, и к нему присоединился, как бы поддерживая рабочие глотки, могучий свист паровой сирены, треск поднимаемого трапа, звяканье цепей, свист ветра, скрип досок и снастей, — «Торпеда» медленно тронулась в путь.

Пароход уже отошел в глубину залива, туман уже скрыл тысячи огней, заливших его палубу и кают-компанию, а громовые крики и приветы Ленину все продолжали потрясать набережную, причиняя кое-кому и в Нью-Йорке и на пароходе небезосновательное сердцебиение.

Глава двадцать вторая

ДНЕВНИК БИСКА

19 мая в полдень мы снялись. Я был занят в машинном отделении и часа три не мог выбраться на палубу. День спокойный, событий нет, если не считать странного рассказа некоего матроса Дана, порядочного труса и эпилептика. Он рассказал, будто слышал несколько раз из-под нар, где спят матросы, протяжный нечеловеческий вой. Мы все ходили туда, чтобы его успокоить, но ничего не слышали. Дан ведет себя странно. Сегодня с ним был припадок, он выл, колотился головой о землю, и изо рта его шла пена. Я подумал, что его собственный вой очень мало похож на человеческий.

Получив полуторачасовой отпуск, я бросился на палубу под предлогом проверки электрических проводов. Все в порядке. Палуба напоминает приемную президента в Белом доме — всюду тропические растения в кадках, ковры, статуи. Пассажиры слушали в 5 часов маленький концерт и пили чай на палубе. Василев не поднимался из каюты. Я спустился в наш проход, открыл глазок и заглянул к нему. Меня удивило, что он делает: он сидел посреди каюты на корточках, держал револьвер в руках и глядел на дверь. Лицо его мне показалось растерянным и напуганным. Я бросил ему в комнату записку:

«У вас есть здесь защитник. Сообщите, чего вы боитесь, и оставьте записку у себя на столе. Будьте наружно спокойней, проводите все время с другими пассажирами».

Он поднял записку, прочитал и вместо ответа сказал шепотом:

— Я прошу того, кто мне бросил записку, зайти в каюту.

Тогда я вынырнул из-под обшивки в коридор и постучал к нему. Он открыл, держа револьвер в руках, осмотрел меня и потом выпустил. Я назвал себя и сказал, что еду с ним до самого Кронштадта, чтоб охранять его жизнь. Он улыбнулся и показал мне клочок бумаги, на котором грубыми буквами и совершенно безграмотно было написано:

«ВЫ УМРЕТЕ, КАК ТОЛЬКО ПЕРЕСТУПИТЕ ПОРОГ СВОЕЙ КАЮТЫ».

Василов пристально смотрел на меня, пока я читал бумажку, а потом произнес:

— Вы видите, что я окружен слишком уж большими заботами. Один советует мне быть с пассажирами, другой — не выходить из каюты. Чей совет я должен принять во внимание? Откуда я знаю, кто мне враг, а кто друг.

Прежде чем ответить, я еще раз прочел бумажку. Это был грязный лист, вырванный из корабельной кухонной книги. Тот, кто писал, оставил на нем следы жирного большого пальца. Трудно было предположить, что записка исходит из вражеского лагеря.

— Слушайте! — вскричал я, составив план действий. — Возьмите эту записку, идите с ней к штурману и скажите, что вы чувствуете себя встревоженным и хотите быть помещенным или в общую каюту второго класса или в общую

палату корабельного лазарета. Это самое умное, что мы можем придумать.

Василов покачал головой.

— Мне все же неприятно выйти за порог этой каюты.

— Бойтесь оставаться в ней!— продолжал я под наитием своих мыслей.— А чтоб вы были спокойны за свою жизнь,— вот.

С этими словами я распахнул дверь, вышел на трап и спокойно произнес, обращаясь к нему, в то время как кончиком глаза отлично видел фалду чьего-то черного сюртука, исчезнувшего за перилами:

— У вас все в порядке, сэр... Должно быть, это внизу сорвана пробка.

Василов вышел вслед за мной, и мы вместе поднялись на палубу. Я старался держаться рядом с ним, чтоб в случае опасности принять беду на свою шкуру. Но ничего ровнешенько не случилось — он благополучно добрался до стеклянной будочки, где сидел толстый штурман Ковальковский. Я занялся своими проводами, которые ухитрился предварительно испортить, и видел, как Ковальковский прочитал протянутую ему записку. Толстое лицо его вспыхнуло от негодования, он несколько раз передернул плечами. Потом встал, и Василов пошел вслед за ним, по направлению лазарета.

Я не мог пойти туда же. Но, чиня провода, я спиной продвигался к трапу, откуда видны были каюты второго класса и служебное отделение. К своему изумлению, я увидел невысокого, совершенно незнакомого мне человека, в длинном черном сюртуке, стоявшего прямо перед каютой Василова. Он был рыжий. Я не удержался от восклицания. В ту же минуту он обернулся и взглянул на меня. Это был невзрачный человек с блуждающими глазами. Они глядели без всякого выражения, точь-в-точь как у рыбы на песке или у горького пьяницы, если продержишь его денька три на чистой водичке. Не знаю почему, по телу у меня прошли мурашки. Я вспомнил слова старого Ксаверия.

«Должно быть, это капитан Грегуар», — подумал я и поспешил скрыться с палубы.

Внизу, перед машинным, шли толки о болезни Дана. Португалец Пичегра, мой прямой начальник, набросился на меня:

— Вы бы поменьше шатались, Биск! Беднягу Дана пришлось снести в больницу, он мне теперь ни к чему, а вас велено всю ночь держать без смены, вот извольте-ка поработать.

— Кто велел?

— Приказ вышел — и баста! — угрюмо ответил Пичегра. — Не беспокойтесь, если начальству угодно осыпать вас сверхурочными неизвестно за что про что, так уж оно вытянет из вас все соки!

Ворча и ругаясь, он мало-помалу выболтал мне, что капитан Грегуар лично распорядился назначить меня на ночное дежурство к машинам и что «Торпед» приказано развить рекордную скорость, ввиду полученных по радио сведений о надвигающемся шторме.

— Мы должны перебежать ему дорогу, вот что, — пропыхтел Пичегра за своею вонючей трубкой.

Мне это очень не понравилось, но делать было нечего. Я решил смириться, быть на дежурстве часа два-три, а потом улизнуть под предлогом нездоровья в уборную и попытаться пройти по стене к мисс Тоттер. Донесение для Мика обо всем происходящем лежало у меня в кармане. Итак, я остался, надел свой фартук и очки, потушил трубку и пошел в машинное отделение.

Чугунные двери молча делали свое дело. Они сжимали и разжимали челюсти, жевали сцепившимися зубами минуту за минутой, поедая время с ненасытной прожорливостью. Час, другой, третий, — я схватился за живот, закричал и выбежал, мимо кучки рабочих, в темный коридор, откуда мне ничего не стоило пролезть за обшивку, сделать два-три перехода в стене и постучаться к мисс Тоттер.

— Менд-месс! — Ни звука.

— Менд-месс!

Мисс Тоттер не отвечает.

Что за странности? Я заглянул в щель — мисс Тоттер лежит на полу в позе спящего человека, бумаги ее перерыты, в иллюминатор льется свежий морской воздух, шкафчики мисс Тоттер открыты, и от голубей, знаменитых голубей Мика, и след простыл.

Глава двадцать третья

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА БИСКА

— Биск! Какого черта вы запропалились? — услышал я голос португальца.

Пришлось вернуться в машинное отделение, не разобрав толком причины сна мисс Тоттер и исчезновения голубей Мика Тингсмастера.

Всю ночь «Торпеды» развивала предельную скорость. Пока пассажиры мирно спали, паровой котел грозил разорваться от напряжения, кочегары носились в топке, как черти, а за стенами летевшей вперед «Торпеды» бился и ревел дьявольский шторм.

К самому утру, когда я уже шатался от усталости, португалец пришел сменить меня, и я побежал в каюту. Зевая, залез я на первые попавшиеся нары, рядом с храпящим матросом, и, не раздеваясь, собрался заснуть.

Как вдруг из-под пола донесся до нас полуглушенный вой — жуткий и нечеловеческий вой, от которого у меня поднялись дыбом волосы. Я вскочил, смахивая сон. Несколько матросов проснулись и сели, свесив с нар голые ноги. Мы прислушались. Вой повторился опять, и на этот раз он был так пронзителен, так уныл, что многие из матросов в ужасе кинулись друг к другу и сбились в испуганное стадо.

— Ребята, это воет мертвая собака капитана! — глухо сказал Ксаверий, и матросы затряслись от страха. Мой сосед кинулся на постель и сунул голову под подушку.

— Молчи, Ксаверий. И без того тошно, — остановил кто-то старика.

— Не буду я молчать, — упрямо шепнул Ксаверий. — Ясное дело, мертвая собака опять завывала. Не иначе, как быть покойнику, ребята; вот помяните мое слово.

— Что за мертвая собака? — вмешался я.

— А это, видишь ли, парень, была у нас на пароходе собачка, еще от прежнего капитана Джексона. Тот ушел, а собаку оставил, но только она невзлюбила рыжего, я разумею капитана Грегуара. И завела себе удивительный обычай: выть перед покойником. Веришь ли, каждое плавание чуть завоет, уж мы знаем — быть у нас мертвецу. Рыжему сильно это не понравилось, и вот он однажды, проходя мимо собачки, поднял ногу, а собака возьми да и зарычи. И как поднял он ногу, так и опустил ее прямехонько ей на голову и проломил ей каблуком череп. Силища в этом рыжем бесовская, а не человеческая!

— А она все-таки воет перед покойником, — шепотом вмешался молодой матросик, лязгая зубами от страха.

И точно в подтверждение, нечеловеческий протяжный вой снова донесся до нас из-под самых нар, как будто завывавшее существо, пока мы говорили, передвинулось к нам.

В ужасе кинулись матросы к себе на нары, прыгнул и я под одеяло, не столько от страха, сколько от усталости, и тотчас же заснул мертвым сном.

Я проснулся уже на вторую смену. Утренний гонг изо всех сил дребезжал нам в уши, сзывая к первому завтраку. Матросы повскакали, уступая теплые нары усталым до одури товарищам.

Когда я пошел в умывальную и подставил голову под струю холодной воды, старый Ксаверий улучил минутку и шепнул мне:

— А покойник-таки нашелся. Ведь телеграфистка скончалась в тот самый час, как вышла собака.

Я выскочил из-под крана и, не вытираясь, помчался в машинное отделение:

— Пичегра! — крикнул я. — Правда ли, что умерла мисс Тоттер? Отчего она умерла?

— Не ори, — флегматически ответил португалец, — должно быть, шторм перепугал беднягу или объелась сверх меры, вот сердце-то и не выдержало. Да и надо сказать, что ей было за сорок, хоть и носила цветные бантики.

Я стал на работу. С этой минуты мне было ясно, что малейшая неосторожность приблизит меня к моей собственной смерти. Первую свободную минуту я употребил на то, чтоб набросать эти странички и приготовить в своем тайничке бутылку. Потом я скользнул в лазарет, куда меня пропустили без труда. Я пошел навестить Дана.

Несчастный эпилептик лежал без движения, стиснув поспевшие губы. Пришлось повозиться с ним, прежде чем он раскрыл рот.

«Чего хотят от него? Он намерен умереть, и чем скорее, тем лучше. Нельзя жить человеку, видевшему сатану. А он видел, как сатана убил его друга, Дипа... Нет, никого не приводили в лазарет, кроме него. Пассажирская палата рядом; в лазарете общая контора; он непременно узнал бы, если б, кроме него, был еще больной...».

С этими словами Дан замолк и повернул мне спину. Я вышел из несчастного все, что мне было нужно, и с тревогой прошмыгнул на палубу. Значит, Василиов не ночевал в госпитале. Я рассердился на него за неосторожность. Почему он не послушался разумного совета?

Наверху, в маленьком салоне, было шумно. Вокруг Ковальковского столпились пассажиры I и II классов, шла речь о смерти телеграфистки.

— Я требую, чтоб была произведена дезинфекция! — надрывалась пожилая дама из каюты № 8.

— Да, помилуйте, ведь она умерла от разрыва сердца.

Человек, проговоривший это веселым голосом, стоял спиной ко мне. Я посмотрел и облегченно вздохнул. Это был Василиов собственной особой — живой, веселый, разговорчивый, ничем не напоминавший вчерашнего запутанного пассажира. Он жив, — тяжесть спала у меня с плеч, слава богу! Я хотел подойти к нему, но побоялся попасться на глаза штурману.

Между тем Василиов оживленно разговаривал с пассажирами, успокоил ворчливую пожилую даму, поднял крошечный носовой платок, оброненный дочерью сенатора Нотэбита, словом — вел себя как заправский светский человек.

— Вот какие у тебя замашки,— подумал я не без ехидства и, улучив минуту, когда он зашел за кресло с газетой в руках, тронул его за плечо.

— Отчего вы не ночевали в лазарете?

Василов быстро повернулся и посмотрел на меня острым взглядом.

Ребята! Это был Василов, это было его лицо, нос, губы, волосы, пиджак, брюки, жилетка, сапоги, это был Василов, говорю я вам, и это был не он. Это был совсем другой человек, не будь я Биск, шотландец! Я не удержался, я вскрикнул.

— Что с вами? — спросил, улыбаясь, мнимый Василов, другой Василов, призрак Василова, не знаю, как его назвать,— но я не ответил, у меня лязгали зубы, я опрометью кинулся вниз, к его каюте.

Мне удалось попасть под обшивку никем не замеченным. Я взглянул в глазок: все было по-прежнему в каюте Василова, даже револьвер лежал на столе и в углу стоял нетронутый саквояж. Сплю я, что ли? Нет ли у меня кошмара? Но, если только не подменили меня самого, тот человек наверху не был Василовым, нет и нет!

Я выскочил снова на трап, чтоб пробраться к себе в тайничок. Пробегая по лестнице, я увидел позади себя, в двух шагах, не больше, рыжего человека в скюртуке. Он спешил за мной, легонько дотрагиваясь до перил тощей и безжизненной рукой с сильно опухшими сочленениями. Я рванулся со всех ног вперед, опередил его шагов на двадцать, завернул за угол и стрелой влетел в узкое отверстие.

Уф! Спасен, хоть на час, да спасен! Я оглянулся, тщательно запер все выходы из моего тайничка, приготовил бумагу, чернила, дописываю дневник. Сейчас я закупориваю это в бутылку и брошу в море, написав на стекле кусочком алмаза

Кто бы ни был тот, кто выудит бутылку из океана, он доставит ее Микаэлю Тингсмастеру. наших ребят разбросано по белу свету больше, чем знаем мы сами.

Я только что собрался сунуть бумагу в бутылку, как послышался звук льющейся воды. Оказывается — наверху открылась щель в два пальца, и оттуда хлынула вода. Я попробовал на язык — соленая. Ринулся к выходу — он не раздвинулся. Меня захватили, как в мышшеловку. Вода наберется часа через два, и я утону. Прячу бумагу в бутылку, закупориваю, стараюсь расширить щель, чтоб выбросить бутылку из каюты. Ребята,

вспоминайте шотландца Биска! Предупредите тех, кто едет на «Амелии», что подмен совершился. Остерегайтесь капитана Грегуара!
Менд-месс!

Глава двадцать четвертая

ДОЧЬ СЕНАТОРА

— Милая моя, ты ведешь себя не-при-лично,— сказал сенатор Нотэбит своей дочери Грэс, лежавшей на кушетке, укрепив обе ноги выше головы, на спине отцовского стула.

— Очень может быть, папа,— ответила Грэс,— я ничего не имею против твоих замечаний. Если это тебе нравится, говори сколько угодно.

— Дело не в том, нравится ли это м н е, дочь моя,— внушительно возразил сенатор,— а в том, чтобы ты приняла мои слова во внимание.

— Не считайся со мной, дорогой папочка. Недоставало еще, чтоб мой отец считался с такой глупой девчонкой, как я. Умоляю тебя, делай только то, что тебе нравится.

Сенатор помолчал несколько минут, сбитый с толку. Он, впрочем, был недаром сенатором и недаром посещал официальные и домашние приемы президента. Высморгаться и снова приступить к делу ему ничего не стоило.

— Ты ведешь себя не-при-лично,— начал он опять,— ты не отстаешь от Вестингауза ни на шаг. Я понимаю, если б это было из нежного чувства. Многие браки в Нью-Йорке проистекали от нежного чувства, порожденного качкой на пароходе и другими явлениями гальванического порядка, возможными на Тихом океане. Но в данном случае дело, очевидно, не в нежном чувстве.

— Папа, как ты можешь говорить мне подобные вещи!— с негодованием воскликнула Грэс, вскочив с кушетки.— Как ты можешь злоупотреблять тем, что я сирота, что у меня нет матери. Ах!— Она немедленно разрыдалась, забив ногами об пол и тряся головой с такой силой, точно это была не голова, а спелая яблоня.

— Но что же я такое сказал?— пробормотал смущенный сенатор.

— Ты сказа-ал... ты ска-зал...— рыдала несчастная Грэс.— Ты сказал о гальванических... нет, я не могу повторить.

— Ну, будет, будет, — миролюбиво произнес сенатор, хлопая свою дочь по спине, — я ведь знаю, что ты у меня славная девочка, Грэс, ты у меня хорошая девочка, воспитанная девочка. Не рыдай таким ужасным образом, это повлияет на твои легкие!

— Н-не буду, папа, дорогой, — плакала Грэс, — ах, ты не знаешь, как у меня тяжело на душе, когда вспоминаю, что у меня нет мамы... Мой гардероб, ты знаешь... и шляпки... и никто, никто, никогда!..

Ноги Грэс опять выразили намерение забарабанить по полу. Сенатор был совершенно уничтожен. Он раскис и утер слезу. Он полез в боковой карман за бумажником.

— Полно, полно, Грэс. На континенте мы все это приведем в порядок. Ты увидишь, душечка, что отец тоже имеет значение в таких делах, как гардероб.

— И шляпки! — воскликнула Грэс.

— И шляпки, цыпочка. Поцелуй своего папу. Спрячь в сумочку эту бумажку.

Грэс прикоснулась к отцовской щеке, спрятала бумажку в сумочку и снова свернулась на кушетке калачиком.

Между тем сенатор, удалившись в свою собственную каюту, предавался сладким и горделивым мыслям.

— Совсем как покойница мать! — шептал он про себя с чувством. — Такая же кроткая, ласковая, незлопамятная. Приласкаешь ее, утешишь пустячком, и сейчас же все забудет. Ребенок, совершенный ребенок.

Он мирно растянулся на кровати, смежил глаза и заснул.

Между тем Грэс, полежав некоторое время, вскочила, прислушиваясь к храпу своего отца, пригладила кудри и, сунув что-то за широкий кушак, тихонько выбралась из каюты.

Банкир Вестингауз, похудевший и постаревший, сидел у себя за привинченным к полу столиком,пил виски с содовой и лихорадочно просматривал нью-йоркские газеты. Этот старый развратник был выбит из строя. Он испытывал нечто похожее на меланхолию. Он тосковал по таинственной Маске, ушедшей от него в один майский день и больше не возвратившейся. В каюту постучали.

— Войдите, — пробормотал он рассеянно. Дверь открылась, кто-то быстрыми шагами вошел в каюту, остановился близехонько от него, и не успел Вестингауз поднять глаз, как навстречу ему устремилось дуло прехорошенького дамского револьвера и женский голос грозно произнес:

— Руки вверх!

Вестингауз за всю свою банкирскую практику не испытывал подобного потрясения. Он хотел было поднять руки, но они тряслись и положительно отказывались оторваться от защитной поверхности стола.

— Руки вверх, старая крыса! Раз, два!..

— Мисс Нотэбит, — взмолился Вестингауз, разглядев, наконец, кудрявого бандита, — я согласен поднять руки, как только они поднимутся. У меня слабое сердце. Отпустите эту вредную игрушку вниз.

— И не подумаю, — спокойно ответила Грэс, — я буду держать ее до тех пор, пока не узнаю от вас все, что мне нужно. Негодай, тиран, деспот, дарданельский турок, куда вы дели Маску? Отвечайте сию минуту, где она, куда вы ее запрятали!

— Поистине, мисс Нотэбит, вы в роковом заблуждении. Я раздавлен, покинут, я брошен, она бежала от меня, я страдаю, а вы задаете мне вопросы, которые я сам готов задавать с револьвером в руках.

— Так я и поверила, — протянула мисс Грэс, — выкладывайте доказательства, старичок!

Вестингауз в бешенстве прикусил губу. Он схватил со стола газеты, целый ворох газет, и швырнул их в лицо мисс Нотэбит.

— Читайте! — простонал он с отчаянием.

Грэс подобрала газеты одной рукой, держа другую с револьвером на уровне банкирского носа. Она тотчас же увидела несколько объявлений, подчеркнутых красным карандашом.

«Банкир Вестингауз умоляет Виви вернуться, обещая за это все свое состояние».

«Банкир Вестингауз предлагает Виви, в случае ее возвращения к нему, законный брак».

«Банкир Вестингауз просит Виви зайти к нему только на одну минуту, чтоб получить брильянтовое кольцо...»

— Гм! — произнесла Грэс недоверчиво, прочитав все эти объявления. — Но тогда чего ради вы поехали в Европу?

— Я собираюсь сделать себе прививку Штейнаха, — пробормотал Вестингауз, закашлявшись.

Грэс окинула его презрительным взглядом и надула губки:

— И этому человеку, — произнесла она уничтожающим тоном, — этому человеку принадлежала самая красивая женщина в мире. И я считала его деспотом! Фи!

Она хотела попятиться к дверям, все не опуская своего револьвера, как вдруг глаза ее упали на другое объявление в последнем номере нью-йоркской газеты, только что сброшенном на «Торпеду» воздушной почтой. Там извещалось о скромном торжестве, состоявшемся в особняке Рокфеллера на Риверсайд-Драйв: в тесном кругу своих близких, по случаю траура, была отпразднована помолвка мистера Артура Рокфеллера с мисс Клэр Вессон.

Она раздраженно взмахнула револьвером, как если б он был хлыстом, свистнула по-мальчишески и выбежала из каюты, оставив потрясенного мистера Вестингауза с поднятыми к небу обеими руками именно в ту минуту, когда в этом не было на малейшей необходимости.

Глава двадцать пятая

ЧАСТЬЮ Н А СУШЕ, А Ч А СТЬЮ Н А ВОДЕ

— Клэр женилась на этой телятине, Артур! — гневно сказала себе мисс Нотэбит, бросая револьвер на стол. — Она все-таки женилась на нем, глупая девочка!

— Артур обручился с этой рыжей Клэр! — изумленно сказал себе доктор Лепсиус, вытаращив две пары глаз, считая очковые и свои собственные, на лежавший перед ним утренний выпуск газеты. — Просто невероятно. Артур, женоненавистник, убежденный холостяк, собиравшийся уничтожить всех женщин в мире, ненавидевший мистрисс Вессон и эту уса-тую красавицу, он обручился с Клэр! Тоби! Тоби!

Мулат с разинутым ртом безмолвно вынырнул возле докторского кресла.

— Тоби. Ущипни меня. Ай, я не сплю! Тоби, день это или ночь? Я это или не я?

Мулат хлопал глазами, молчаливо пуская слюну.

— А, дурак! — выругался доктор, ударив его палкой по ногам. — Теперь, я вижу, по крайней мере, что ты — это ты. Пошел вон!

Тоби исчез так же безмолвно, как и появился. Доктор Лепсиус снова прочел объявление, и в ту же минуту на лбу его появилась грозная складка.

— Ага, — сказал он себе, — ага! «В тесном кругу своих близких...» С каких это пор, любезные друзья, вы извергаете доктора Лепсиуса из числа своих близких! Помолвка — и меня не приглашают. Помолвка — и я лишний человек. Помолвка — и доктор Лепсиус забыт, как будто о нем можно помнить только при гриппе, катаре, запоре. Погодите же!

Три ступеньки, ведущие ему под нос, развалились в разные стороны, — признак крайнего расстройства доктора Лепсиуса. Он вскочил с необычайной для себя ловкостью, накинул смокинг, взял шляпу и палку и тотчас же вышел из дому. По дороге он купил цветы. И с ядовитой улыбкой на устах, с букетом цветов в руках доктор Лепсиус энергично звонил

спустя двадцать минут в парадные двери рокфеллеровского особняка.

— Нет дома, — ответил дворецкий.

— Знаю, знаю, Томас Биндшток. Я надеюсь, ты помнишь, как я вылечил тебя от жабы? — С этими словами Лепсиус прошел мимо дворецкого и поднялся вверх.

— Нет дома, — сказал лакей.

— Отлично знаю, Питер, а ну-ка покажи, все ли еще у тебя каплет из уха? — И доктор Лепсиус заглянул в ухо Питера, где давно уже не производилось никакой разгрузки, бросил Питеру шляпу и палку и решительно отворил дверь в гостиную.

На мягком диване, уютно подобрвав ноги, сидела мистрисс Элизабет Рокфеллер и вышивала шелком по атласу. Прямо против нее на кушетке полулежала мисс Клэр Вессон и ничего не делала. Увидев доктора Лепсиуса, обе вскочили с места и вскрикнули.

— Позвольте мне на правах старого, хотя и забытого друга! — галантно произнес доктор, протягивая цветы. — Я счастлив, что милые моему сердцу люди соединились в еще более тесную семью. А где же Артур? Позвольте мне прижать его к сердцу.

Мистрисс Рокфеллер обменялась с дочерью быстрым взглядом.

— Спасибо, доктор, — произнесла она в некотором смущении. — Артура вы, к сожалению, не увидите. Он болен, сильно болен, и мы решительно никого не принимаем.

— Артур болен! — вскрикнул Лепсиус. — Ведите меня к нему. — С этими словами он вытащил из кармана слуховую трубку и прочие профессиональные орудия.

— Да, то есть он... он совсем по-другому болен, — окончательно смутилась мистрисс Рокфеллер.

— Он болен не по вашей специальности, доктор, — вмешалась Клэр мужским басом, — его лечит доктор Бентровато.

Лепсиус остановился, не веря своим ушам. Он пожевал губами, силясь выговорить хоть слово, посмотрел на мистрисс Элизабет Рокфеллер, посмотрел на мисс Клэр Вессон и, повернувшись, резкими шагами направился вон из этого дома.

Питер протянул ему шляпу и шепнул ему на ухо с таинственным видом:

— Мистер Лепсиус, спуститесь в людскую. Полли хочет поговорить с вами. Скверное это дело, сэр!

По телу доктора прошел как бы электрический ток. Он подпрыгнул и ударил себя в лоб. Он сардонически искривил губы. И, ни о чем не расспрашивая Питера, бегом спустился в людскую.

Негритянка Полли давно собиралась умереть. Но по ее мрачному виду было ясно, что земные дела упорно мешали ей в этом намерении, и она со дня на день скрепя сердце откладывала день смерти.

Увидев доктора Лепсиуса, она выслала всех из людской, схватила его черной высохшей рукой за плечо и зашептала, мрачно сверкая глазами:

— Масса Лепсиус не послушал меня. Старая Полли много знает! Старая Полли имеет камень Гонхуакангу. Она сразу узнала, что в гробе мастера Еремии лежит не мастер Еремия. Она сказала тебе: масса Лепсиус, прикажи открыть гроб. И вот они украли гроб, они его спрятали от всех глаз и от глаз камня Гонхуакангу. Теперь слушай меня, масса Лепсиус, много слушай. Мастер Артур женится на желтолицей ведьме, хорошо. Но кто видел мастера Артура? И кто был на свадьбе? Никто, никто, никто! Был один немец, и один русский, и был один француз, и был священник, которого никто не знает, и не было ни одного слуги, ни одного доброго негра, не было Полли, не было массы Лепсиуса. И вот уже три дня, как никто не видит мастера Артура, никто, никто, никто!

Проговорив все это, старая Полли закатила глаза, захрипела, забилась и умерла. Доктор Лепсиус выслушал предсмертный монолог Полли не моргнув глазом. Он позвал слуг, вошедших в людскую, трясаясь от страха, велел им молчать обо всем, что они слышали от Полли, и быстро уехал к себе домой.

Здесь он ходил некоторое время взад и вперед, против своего обыкновения не вызывая Тоби и не обнаруживая никаких признаков гнева. Потом сел за стол, придвинул к себе бумагу и написал:

«Главному прокурору штата Иллинойс.

*От доктора Лепсиуса, кавалера ордена Белого знамени,
почетного члена Бостонского университета*

Высокочтимый господин прокурор!

Не так давно в газетах было напечатано, что вы являетесь национальной американской гордостью по части раскрытия таинственных преступлений. В заметке было сказано, что Нат Пинкертон, Ник Картер и Шерлок Холмс являются перед вами не чем иным, как простыми трубочистами. Я зываю к вам

о помощи в одном чрезвычайно странном деле. Вы слышали, что в Пултуске был убит Еремия Рокфеллер. Есть основания думать, что он был убит отнюдь не теми лицами, кого обвиняют официально. В настоящее время исчез Артур Рокфеллер, его сын, хотя домашние скрывают его исчезновение. Во имя справедливости и для спасения жизни молодого человека займитесь загадочным делом.

*Честь имею, высокочтимый
и т. д., и т. д., и т. д.»*

Написав это письмо, доктор Лепсиус запечатал его, наклеил марку и позвал Тоби:

— Тоби,— сказал он внушительно,— дай это письмо мисс Смоулль и прикажи ей немедленно бросить его в почтовый ящик.

Тоби схватил письмо и опрометью помчался в верхний этаж, где урожденная мисс Смоулль, засучив рукава, гладила белье своего мужа, Натаниэля, пришедшего к ней на полчасика. Когда уютю ставился на печь, молодожены занимались поцелуями.

— Мисс Смоулль! — заорал Тоби. — Берите письмо и бросьте его в почтовый ящик.

— Я тебе не мисс Смоулль, желтый болван! Двадцать раз в день говорю тебе: мистрисс Эпидерм, мистрисс Натаниэль Эпидерм!

— Да чем же я виноват, если сам масса Лепсиус! — прохныкал Тоби.

Мистрисс Эпидерм величественно взяла письмо и взмахнула им в воздухе.

— Вот что я тебе скажу, Тоби, мулат. Если твой хозяин на старости лет приревновал меня, или хочет подыгаться ко мне, или затеял другую какую насмешку,— знай, обезьяна, я не из таковских! Я слышу все, что говорится мне в лицо и за глаза, благодарение берлинскому наушнику. Вот тебе! Вот твоему барину!

Раз, два — письмо полетело в открытое окно, прямо на улицу. Натаниэль радостно захихикал. Тоби вскрикнул и бросился вниз подобрать злополучное письмо,— но, увы, сколько он ни искал на тротуаре и на мостовой, его нигде не оказалось. Можно смело положиться на Тоби,— он не расскажет об этом своему барину ни наяву, ни во сне.

Что же касается читателя, то он вправе узнать, что письмо упало прямо на воз с премированными кроликами, торжественно отправлявшимися домой с нью-йоркской выставки по животноводству.

ЦЕЛИКОМ НА СУЩЕ

Солнце зажаривает над Миддлтоуном, птицы поют, деревья распустились, — словом, природа подогнала себя под календарь почти в самую точку, хотя, надо сознаться, старухе это с каждым годом становится все труднее и труднее.

Мастерская деревообделочного завода залита полным светом. Веселый гигант, Микаэль Тингсмастер, в переднике и с трубкой в зубах, знай себе работает да работает рубанком, стряхивая с лица капли пота. Белокурые волосы слиплись на лбу, фартук раздувается, как парус, стружки взлетают, свистя, во все стороны. Хорошая, гладкая штучка выходит из рук Микаэля Тингсмастера, весело подмигивает она двумя глазками:

Мик поднял ее на свет, полюбовался, вынул трубку и запел вполголоса, глядя на свою штучку:

Клеим, стругаем, точим,
Вам женихов пророчим,—
Дочери рук рабочих,
Вещи-красотки!
Сядьте в кварталы вражды,
Станьте в дома на страже,
Банки и бельэтажи —
Ваши высоты.

Кто не знает песенки Тингсмастера? Один за другим к Микку сошлись рабочие, улыбаясь и подтягивая.

— Ну, как дела, Мик? Как подвигается кресслингова затея?

Тингсмастер поднял вверх великолепный квадратный ящик, сделанный из драгоценного эбенового дерева.

— Вот оно как, ребята, — сказал он с улыбкой, — осталось только украсить его резьбой да передать на оптический завод, где уже все смастерил техник Сорроу. Вставят, вправят — и готова штучка!

— Ловко! — захохотали рабочие. — А химики знают?

— И химики сделают свое дело. Дочь не пойдет против отца, никогда не пойдет, так и знайте, ребята.

— А секрет-то тебе известен, Мик?

— Не приставайте, не скажу. Да и не нашего это ума дело, братцы. Техник Сорроу намудрил, чуть ли не по-латыни.

Рабочие схватились за живот, надрываясь от хохота. А Мик как ни в чем не бывало смахнул с фартука стружки, надел картуз и пошел к себе домой скоротать полчаса, ассигнованных Джеком Кресслингом на обеденную передышку.

Скучно стало в маленьком домике Тингсмастера без верной Бьюти. Стряпуха поставила на стол тарелку с салатом и мясную похлебку, нацедила Мику жидкого пива и села с ним есть. Молча и торопливо окунали они ложки в тарелку, как вдруг задребезжало чердачное окно.

— Голубь!— воскликнул Мик и, бросив ложку, помчался на чердак. В самом деле, в окно бился почтовый голубь Мика.

Распахнув окно, он поймал голубя, погладил и опустил пальцы в мешочек на его шее.

— Странно!— пробормотал он, спуская голубя с пальца.— Никакой записочки ни от Биска, ни от мисс Тоттер.

Не успел он сказать это, как в чердачное окно влетели, один за другим, еще девять почтовых голубей и опустились с ласковым воркованием к нему на плечи и на голову. Голуби были живы и здоровы, мешочки у них на шее в полном порядке, но ни один из них не принес Мику письма.

— Несчастье!— воскликнул Мик. Он посадил голубей на их жердочки, насыпал им корму, налил воды и бросился бегом на ближайшую радиостанцию.

— Менд-месс!

— Месс-менд. В чем дело, Мик?— отрывисто спросил дежурный, возившийся над приемом депеши.

— Пошлите радио на «Амелию», дружище.

— Можно. Кому?

— Технику Сорроу. Передайте так: «Вестей нет, предполагаю несчастье, берегитесь Кронштадте подмена».

— Будет исполнено, Мик. Крупная игра, а?

— На человеческую жизнь,— ответил Мик, приложив к картузу два пальца, и опрометью помчался на завод.

Стряпуха аккуратно доела свою порцию похлебки и выглянула в окошко, не идет ли Мик. Потом вздохнула, почесала в ухе и честно разделила оставшуюся похлебку на две части, съев свою часть и облизав ложку.

— Мы люди бедные, но справедливые,— шептала она себе под нос, выйдя за дверь и поджидая Мика,— сейчас он, голубчик, вернется и съест свою долю, ровнешенько половину.

Однако же Мик не шел и теперь. Вздохнув еще громче, стряпуха опять поделила остаток на две равные части и съела свою долю, не забрав ни капельки у соседа. Так она делила и ела вплоть до сумерек, пока, наконец, на долю Мика не

осталась одна деревянная ложка. Вздыхнув, стряпуха убрала посуду и залегла малость вздремнуть.

А Тингсмастер вынул из-за пазухи горячую хлебную краюху и, разжевывая ее на ходу, нес изготовленный им ларец к себе домой, чтоб здесь выполнить для Кресслинга диковинную сверхурочную работу: покрыть драгоценное дерево тончайшей резьбой, вызвать к жизни сотню-другую лапчатых птиц, охотничьих собак, лисиц, зайчат, добрых коней и охотников на конях в длинных шляпах с перьями, в развевающихся плащах, в соколиных перчатках. А вокруг зверья и людей выточить тропку, обсадить ее листьями папоротника, ивой, тополем, дубом, поставить в стороне избушку, словом, навести таких чудес, таких тонких штук, чтоб каждый любовался и похваливал. В уголку же проставить невидимо для смертного глаза две крохотные буквы, чтоб свой брат, рабочий, поглядев сквозь лупу, сказал:

— Кто не угадает хитреца Тингсмастера? Кто, кроме него, еще может выдумать подобную штучку?!

Мик засветил лампу, заработал тончайшей иглой и замурлыкал свою песенку:

На кулачьих кадушках,
Генераловых пушках,
Драгоценных игрушках —
Всюду наше клеймо.

За мозоли отцовы,
За нужду да оковы,
Мстит без лишнего слова —
Созданье само!

Глава двадцать седьмая

«АМЕЛИЯ» ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ

Красивая молодая дама под вуалью, записанная в книге под именем Кати Ивановны Васильевой, произвела сильное впечатление на мужскую половину «Амелии».

Капитан Мак-Кинлэй, ирландец, набил трубку лучшим сортом табака. Штурман, ходивший с обвислыми панталонами, подтянул стрипки. А мистер Пэль, тот самый мистер Пэль, который возил индокитайцам водопроводные трубы, кафрам — спирт и Библию, новозеландцам — спирт, Библию и бусы, зулусам — Библию, бусы и нашатырь, русским — маис в сухом виде, маис в перемолотом виде, маис в тертом виде, маис в виде риса и маис в виде сахара, отчего один из его со-

трудников сострил не без грации — «вот вам Ara Massacre»¹ — этот самый мистер Пэль, тонкий, изящный и рыжеватый, внезапно стал разговорчивым, как русский эмигрант.

Одетый в парусиновый костюм песочного цвета, чисто выбритый за исключением шеи, где было отпущено ровно столько рыжих волос, сколько нужно для соблюдения стиля «ян-ки», мистер Пэль большую часть времени проводил на палубе, грызя золотой набалдашник своей трости. Стоило показаться где-нибудь мистрисс Василовой, как уже мистер Пэль вынимал изо рта набалдашник и, дотрагиваясь кончиком трости до стоявших вокруг него бочек, ящиков и мешков, называл их содержимое, число кило, себестоимость кило, прибавочную ценность кило, процент обвешивания, процент обмеривания, процент увлажнения по пути следования и, наконец, процент своей собственной выручки, считая по общей сумме голов подкормленного русского народа. Мистер Пэль называл свою речь публичной лекцией. С чисто американской выдержкой он повторил ее несколько раз, покуда не заметил, что мистрисс Василова, остановившись поблизости, прислушивается к его словам. Мистер Пэль тотчас же снял шляпу и поклонился.

Молодая женщина подняла на него большие глаза цвета фиалки:

— Простите, сэр, но вы, кажется, знаток русского народа? — спросила она с очаровательным смущением.

— О! — ответил мистер Пэль обещающим голосом.

— Так не можете ли вы... (робкий взгляд и улыбка). Не можете ли вы (фиалковые глаза устремляются вниз, на кончик крохотного башмачка) ознакомить меня с общеупотребительными русскими выражениями?

— С величайшей готовностью, — воскликнул мистер Пэль, облокотившись на ящик маиса и вынув записную книжку, — вот, для первой ориентации в русском городе... вы входите в ресторан, вы спрашиваете национальные блюда... Позвольте, я прочту, — и мистер Пэль прочел по складам: «Вши, касса, плин, яичники...»

— Нет, нет, — прервала его мистрисс Василова с легким вздохом, — я хотела бы знать совсем другие слова и, если можно, попросить вас записать мне их английскими буквами. Например, слово «муж», потом слово «будьте осторожны»...

— О-о! — кисло улыбнулся американец. — Очень опасный подбор слов. Муж по-русски — это «муш» или ласкательно «мушка», а ваше предостережение надо произнести так: «будь ты осторожник».

¹ Игра слов, основанная на созвучности maize (маис) и sugar (сахар) с massacre (смертоубийство). *Прим. ред.*

— Спасибо,— мило произнесла молодая женщина, записывая себе в книжечку эти слова,— сэр, я — русская по происхождению, но совершенно забыла родной язык. Особенно после морской болезни... Такая странная болезнь, отняла память событий, лиц, хронологии...

— Разве вы страдаете морской болезнью?

— По ночам у себя в каюте,— смутившись, произнесла мистрисс Василовы и удалилась, областав мистера Пэля очаровательным поклоном.

Она не прошла и десяти шагов, как из маисовой кадки слева раздалось какое-то странное кряхтение. Вздрыгнув, она отшатнулась направо, но из стоявшего там ящика с маисом слышалось совершенно явственное сопение. Испуганная красавица побежала прямо на груды мешков, как вдруг до ушей ее долетел тяжелый сдвленный вздох, и один из мешков несомненно зашевелился. Это было уж слишком для ее чувствительных нервов. Она закрыла лицо руками и помчалась по трапу вниз, к себе в каюту.

У мистрисс Василовой очень элегантная каюта первого класса. Для такой старой и маленькой развалины, как пароход «Амелия», рассчитывающей больше на груз, нежели на пассажиров,— это очень миленькая каюта. Мягкая мебель ввинчена в пол, заркало и вешалка привинчены к стенам, всюду ковры, коврики и занавески. Мнимая Катя Ивановна бросилась на кушетку, вытянула ножки и закинула обе руки за голову. Каштановые локоны, выбившись из прически, мягкими прядями свесились вдоль ее свежих, бледных щек, фиалковые глаза потемнели, губы страдальчески сжались.

Катя Ивановна, Вивиан Ортон то ж, думала о том, что ее ждет в Кронштадте. Она ехала в сумасшедшую страну, которую Тингсмастер называл великой. Она ехала к народу, который Тингсмастер называл гениальным. Но ни та, ни другой не занимали ее мыслей. Она думала о человеке, с которым должна была встретиться в Кронштадте. Если это Василов, она подойдет к нему и скажет «будь ты осторожник», а если это Артур Рокфеллер, ей придется сказать ему нежным голосом «мушка» и начать страшную комедию,— бог даст, последнюю комедию в ее жизни...

Вивиан устало опустила ресницы. Она больна ненавистью, убивающей ее лучше всякого яда. Но у нее есть и яд, настоящий яд, действующий, как молния, спрятанный в механизме ее маленьких золотых часиков. Вивиан не хотела бы убить им Рокфеллера, этот яд она прячет для себя, Вивиан проследит за всеми тайнами своего врага, прочтет его мысли, узнает его планы и стюит его на дне самой страшной тюрьмы в течение часов, недель, месяцев, лет...

Ресницы ее хищно вздрогнули, и у прелестного рта легла жестокая складка.

Стук в дверь. Вивиан вскочила, и лицо ее приняло прежнее наивное выражение.

— Кто там?

В каюту просунулась голова небольшого человечка. Это был техник Сорроу. Он тотчас же вошел, заложив руки за спину, и шепнул тревожным тоном:

— Дорогая мисс Ортон, мы приняли радио из Нью-Йорка... От Микаэля Тингсмастера...

— И что же?

— Готовьтесь к худшему, мисс Ортон. Мик предполагает несчастье. Он думает, что Василев убит и заменен... Кем — не знаю. По всей вероятности — Рокфеллером, согласно плану заговорщиков.

Вивиан ничего не ответила. Руки ее судорожно сжались в кулаки.

— Еще одно, дорогая моя мисс, — «Амелия» сильно запаздывает. Мы только завтра придем в Кронштадт. И одновременно с нами придет «Торпеда». Мы снеслись по радио и узнали, что она развила предельную скорость. Она выиграла два дня.

— Хорошо, — медленно ответила Вивиан, — не бойтесь, друг Сорроу. Я помню все ваши наставления, я знаю свой долг, и я его исполню.

Глава двадцать восьмая

АРТУР РОКФЕЛЛЕР ЛИЦОМ К ЧИТАТЕЛЮ

Мы оставили «Торпеду» в ту злополучную минуту, когда Биск, матросы, бедняга Дан, сам португалец Пичегра, мнимый Василев, дочь сенатора и даже банкир Вестингауз были объаты ужасом, впрочем, далеко не от одной и той же причины. Оставляя в стороне психологический анализ, я должен вкратце назвать эти причины:

Вестингауз был в ужасе, потому что испугался дочери сенатора.

Дочь сенатора была в ужасе, потому что последняя ее надежда найти Маску исчезла.

Биск был в ужасе, потому что погибал.

Матросы были в ужасе от нового пронзительного воя под палубой, предвещавшего еще одного покойника.

Португалец Пичегра ужаснулся не столько исчезновению Биска, сколько количеству работы, выпавшей отныне на его долю.

Ужас бедняги Дана установился раз навсегда от лицемерия сатаны.

Что касается ужаса мнимого Василова, то об нем нельзя сказать в двух словах, и спокойное течение этой главы, я полагаю, подготовит читателя в достаточной мере к его восприятию.

Мистер Артур Рокфеллер, так как это был он, целиком и безусловно отдался на волю Центрального комитета фашистов. Жизнь перестала интересовать его. Он решил стать орудием мести, не больше. Он ни о чем не спрашивал, и ему никто ничего не говорил, кроме сухих предписаний: сделать то-то и то-то.

Он терпеливо сидел, спрятанный в узкую черную каюту, откуда не было, казалось, никакого выхода. Стена раздвигалась и выбрасывала ему на подвижном подносе питье и еду; когда же «Торпеда» была уже на расстоянии дневного пути от Нью-Йорка, тот же поднос последовательно выбросил ему сапоги, брюки, пиджак, воротничок, галстук, запонки, манжетки и прочие предметы, снятые с несчастного Василова и еще теплые от его тела.

Когда Рокфеллер надел все это на себя, стенное отверстие бесшумно раздвинулось в вышину человеческого роста, и в комнату вошел невысокий человек в маске и монашеском капюшоне. Он знаком показал Рокфеллеру, чтобы тот сел перед зеркалом, вынул множество баночек и флакончиков и рукой в черной перчатке ловко загримировал его под Василова. Надо, впрочем, сказать, что это вовсе не было трудно, так как молодой Рокфеллер и русский коммунист были удивительно похожи друг на друга, — обстоятельство, предусмотренное фашистами заранее. Итак, черная рука наложила легкий грим, указала Артуру, как это делать без помощи, и фигура бемолвно исчезла туда, откуда появилась.

В ту же минуту в отверстие раздался сухой голос, показавшийся Рокфеллеру удивительно знакомым:

— Настало время вашего выступления, мистер Рокфеллер. Отныне вы — русский коммунист Василон. Вы не знаете русского языка. Вас встретят, вам отведут комнату на Мойка-стрит, 81. У себя под подушкой вы будете ежедневно находить наши инструкции. Под тюфяком лежит миллион долларов на ваши расходы. Люди с правой рукой в черной перчатке будут навещать вас и передавать различные предметы. Ваша основная задача — укрепиться на главнейшем из русских металлургических заводов, чтоб взорвать его, подготовив одновременно взрывы в других производственных русских пунктах, и войти

в доверие вожakov коммунизма, чтоб подготовить их массовое уничтожение в день Октябрьской годовщины. Держите себя тактично. Играйте свою роль талантливо. Комитет облакает вас своим доверием.

С этими словами голос замолк, и отверстие стены задвинулось.

Артур Рокфеллер еще не пришел в себя от всего услышанного, как пол под ним медленно заколыхался и стал опускаться с ним вместе. Через минуту движение прекратилось, наверху раздался сухой треск. Артур оглянулся и увидел себя в каюте Василова, где все стояло в прежнем порядке. Дверь каюты была полуоткрыта.

Рокфеллер запер ее на ключ, подошел к зеркалу и оглянул себя с ног до головы. Потом он сунул руки в карманы, достал все документы Василова и принялся внимательно их изучать. Все было в порядке — вот партийная книжка, полицейское удостоверение, письма и рекомендации от нью-йоркских коммунистов. Вот конверты, адресованные главарям русской революции. Вот письмо из Петрограда, где он, Антон Васильев, приглашается главным инженером на Путиловский завод. А вот — что это такое, черт возьми?!

Рокфеллер держал в руках смятый клочок бумаги, с вышарапанными на нем карандашом безграмотными буквами. Когда, наконец, он разобрал его содержание, из груди мнимого Василова вырвался гневный вопль. Да что же это такое, будь оно проклято! Эй, кто-нибудь, сюда, сюда! Господа фашисты, синьор Чиче, принц, виконт!..

Артур Рокфеллер как бешеный колотил в стену кулаками, но никто не отзывался, и ни одна щель не раскрылась. Все было тихо, за окном клочкотал шторм. Рокфеллер с ужасом опустился в кресло.

Он был подготовлен ко всему, но не к этому. Он готов был двадцать раз пожертвовать своей жизнью, чтоб стереть с лица земли мерзких людей, убивших его отца. Но иметь жену... Иметь упрямую и безграмотную жену по имени Катя Ивановна, из упрямства поехавшую на другом пароходе и поджидавшую его в Кронштадте!.. Артуру Рокфеллеру, величайшему женоненавистнику, было невозможно совладать с охватившим его ужасом.

Долго он сидел, как пригвожденный. Но мало-помалу мысли его прояснились.

В конце концов фашисты знают, что делают, и, быть может, эта самая Катя Ивановна нужна ему как помощница... Кроме того — Рокфеллер заглянул в иллюминатор, — шторм и не думает утихать, он подбрасывает «Торпеду», как щепку. Разве нет надежды, что старая дырявая «Амелия» разлетится от его напора вдребезги прежде, чем дойдет до Кронштадта?

И, наконец, Артур Рокфеллер имеет право отстоять свою свободу. Он... ага! Вот блестящая идея. Он перенес тяжкую морскую болезнь, разрушившую его душевное спокойствие. Он должен отдохнуть, он не в силах исполнять своих супружеских обязанностей, он потерял память на многие вещи, имена, события в прошлом. Ему следует держаться независимо и раздражительно. Он не даст ей раскрыть рта, черт побери... Все-таки лучше уж фиктивная жена, чем настоящая, если судьбе угодно сделать его женатым человеком...

Несмотря на этот поток благоразумных мыслей, Артур Рокфеллер чувствовал себя далеко не спокойно. В продолжение всего путешествия он много раз пытался вступить в сношение с таинственными людьми, управлявшими его судьбой. Он несколько раз в день спрашивал капитана Грегуара, но ни капитан, ни фашисты не подавали никаких признаков жизни. Его предоставили самому себе.

Шторм утих, «Торпеда» медленно вошла в Финский залив, оставив почти всех путешественников в Гамбурге и Штеттине.

Мнимый Василев стоял на палубе парохода, нервно разглядывая в бинокль наплывающие очертания Кронштадта. Погода была холодная, дул резкий северо-восточный ветер.

Штурман Ковальковский бегал по палубе с сердитым лицом. Черт побери эту страну! Очень нужно ехать в порт, где вы не найдете ни одного порядочного человека и где во главе государства стоят рабочие.

Между тем в топке, в машинном отделении, в кухне, в рулевой будке тоже царил возмущение, и чем дальше подвигался пароход, тем оно становилось сильнее и сильнее.

— Да уж я вам доложу, братцы,— ораторствовал Ксаверий, бледный от волнения,— вот мы с вами тут сидим, обливаемся седьмым потом, и эта собака штурман, не говоря уже о рыжем, может дать вам кулаком в зубы, а там, ребята, ого-го-го! Там наш брат — первый человек. Там сам адмирал из простых матросов и ходит себе в обнимку с кочегаром, вот оно как!..

— А на заводах-то рабочие — директорами! — вырвалось у португальца Пичегры сквозь стиснутые зубы.

— Работать, сволочь! Я вас! — завизжал сверху голос Ковальковского. — И чтоб ни один из вас носу не казал на берег, поняли?

Матросы, ворча, разбрелись по своим местам.

Кронштадт. Безлюдный рейд прошел перед биноклем Артура (будем называть его отныне Василевым). «Торпеда» подвигалась и подвигалась. В туманном северном небе, как призраки, высились далекие башни, пики и купола Петрограда.

Вот они стали. Сброшен трап. Штурман Ковальковский со злобным лицом указывает Василеву на выход. Пароход кажет-

ся мертвым, нигде ни живой души. Но когда Васильов, с чемоданом в руке, спустился вниз в обществе красивого русского красноармейца и двух таможенников, матросы «Торпеды» не вытерпели: они высыпали гурьбой на палубу, с Ксаверием во главе, и заорали все, сколько их было, — американцы, немцы, итальянцы, португальцы, французы, абиссинцы, англичане, швейцарцы, ямайцы:

— Ура! All'right, русские товарищи!

— Здорово, ребята! — крикнул красноармеец, обернувшись. — Кланяйтесь американским рабочим.

Обе стороны почувствовали прилив энтузиазма, хотя слова, произнесенные ими, были не понятны и той и другой. Штурман Ковальковский, как лев из засады, прыгнул в гущу своих матросов.

Тем временем к Васильову подошло несколько молодых людей в военной форме, поздравившихся с ним на чистом английском языке и отрекомендовавшихся ему как его будущие партийные товарищи. Один из них вежливо вывел кого-то из-за сваленных в кучу бочонков и сказал:

— Ваша жена дожидается вас с утра, товарищ Васильов.

Несчастный Васильов вздрогнул, похолодел, поднял глаза и...

Глава двадцать девятая

ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ

Вместо вздорной и упрямой женщины, преисполненной всех пороков, перед Васильовым стояла красавица. Она взглянула на него, запнулась и протянула ему ледяные пальчики.

Люди в военных фуражках довели их до автомобиля, усадили, один вскочил рядом с шофером, другие приветственно подняли руки, и автомобиль помчался по Петрограду.

Васильов растерянно наблюдал за своей женой. Он с наслаждением уцепился бы мыслью за какой-нибудь из ее изъянов, чтобы расшевелить свою ненависть. Но Катя Ивановна была возмутительно хороша собой, возмутительно совершенна. Каждое движение ее было полно грации, голос походил на мурлыканье флейты; она не говорила и не делала ничего неуместного, ничего такого, что оправдало бы его презрение.

Между тем вокруг них летели величественные улицы Петрограда. Они ничуть не походили на фотографии в уличных нью-йоркских листках. Дома-дворцы стояли рядами, отражаясь в зеленой воде каналов. Тысячи автомобилей и мотоцикле-

тов сновали взад и вперед, по каналам бежали моторные лодочки, магазины были открыты, витрины полны товаров, и пешеходы сновали мимо них с ужасающей быстротой. Не успели Василев с женой отвести глаза друг от друга, как уже заметили эту несообразность, и оба воскликнули, обращаясь к своему спутнику:

— Дорогой сэр... то есть товарищ!

Человек в военной куртке весело улыбнулся:

— Меня зовут Евгений Барфус, я профессор шагистики нашего Первого университета практической экономии.

— Товарищ Барфус, почему эти люди так быстро шагают?

— Вопрос по моей специальности! — ответил Барфус. — Мы бы давно погибли, дорогие товарищи, если бы не пустили в ход несколько изобретений. Видите вы там это красное здание?

Они проносились сейчас по обширной площади, на которой возвышалось, окруженное великолепной колоннадой, огромное красное здание. Василев с женой посмотрели, куда им указал спутник.

— Это Университет практической экономии, — продолжал Барфус, — здесь мы учим целые кадры людей, как возродить нашу страну без помощи иностранного капитала, без техники, денег, нужного материала, срочно, в боевом порядке. Мы воспользовались для этого теорией относительности Эйнштейна.

— Но каким же образом? — воскликнул изумленный Василев.

— Путем ее дополнения. Мы установили теснейшее взаимоотношение между избытанием времени и пространства. Мы открыли его цифровой закон. Мы создали циркуль, отмечающий угол времени, — измерительный прибор для движения в пространстве. Это дало нам возможность колоссально экономить время и силы и ускорить темпы во всех областях.

Не успел Василев как следует сообразить, что за странное изобретение делает петроградцев быстроногими, как внимание его остановилось на другом. Они мчались сейчас по гранитному берегу бурной Мойки, катившей свои волны через весь город. Справа и слева от нее высились странные пирамиды, украшенные наверху огромными фарфоровыми чашками, что делало их похожими на подсвечники. От пирамидок над всем городом протягивалась сеть бесконечных проволок.

— Что это такое? — вырвалось у Василова.

— Это электроприемники колоссальной мощности, — ответил товарищ Барфус, — вы видите здесь нашу гордость. Благодаря этим приемникам мы можем в одно мгновение наэлектризовать все пространство над городом на высоте более чем тысячи метров, что делает нас недоступными для непри-

ятельского воздушного флота. Когда до нас дошли сведения об изобретении французами ядовитого вещества, мы занялись в свою очередь техникой. Но цель наша — не нападение, а защита. Мы электрифицировали огромные воздушные пространства над всеми нашими городами и производственными центрами. Мы укрепили границы тысячью электрических батарей, благодаря чему можем отразить любую армию с помощью одного только монтера нашей петроградской центральной аэроэлектростанции.

Василов почувствовал себя на минуту Артуром Рокфеллером:

— Да! — вырвалось у него без восторга. — Вы тут, в России, не дремлете. Но скажите же, чем может быть вам полезен такой простой, средний инженер, как я?

По лицу Барфуса скользнула усмешка:

— Дорогой товарищ Василов, вы нужны нам более, чем кто бы то ни было, потому что, видите ли...

Он наклонился к самому уху Василова и закончил, улыбаясь:

— Потому что у нас почти нет средних людей. Эпоха предъявила к нам сверхчеловеческие требования, и каждый из нас перестал быть средним человеком. А кто не перестал, тот умер. Вы понимаете теперь, что для нас вы — желанный гость!

Василов прикусил себе губу не без оскорбленного самолюбия. В эту минуту автомобиль затормозил перед роскошным дворцом на Мойке-стрит. Товарищ Барфус протянул ему руку и сказал:

— Вам отведена комната в этом доме. Отдохните. Через два часа вам подадут мотоциклет для первой поездки на завод.

Шофер сложил на землю оба чемодана, и Василов рассеянно поднял тот и другой. Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице и, сопровождаемые указаниями всех встреченных, достигли наконец своей комнаты. Это была очень уютная спальня с двумя кроватями, печкой в углу, двумя письменными столиками, двумя книжными шкафами, двумя окнами и двумя надписями на двух стенах:

«Береги время! Записывайся в Лигу времени!»

— Удивительная страна, — пробормотал Василов, ставя чемоданы на пол.

— Поразительная страна! — шепнула Катя Ивановна. Они взглянули друг на друга и вдруг вспомнили, что за весь этот час ни разу не подумали ни о себе, ни о мести, приведшей их сюда.

**МУЖ, ЖЕН
И
СОБАКА**

Катя Ивановна вспыхнула, поймав себя на этой мысли. Васильов вспыхнул по той же причине. Он раздражительно швырнул шляпу на одну из кроватей, сел и произнес:

— После вашего поведения в Нью-Йорке, Кэт, я полагаю, вы не имеете никаких претензий на мою любезность!

Катя Ивановна молчала, повернувшись к нему спиной.

— Я должен предупредить вас,— отчаянно продолжал Васильов,— что морская болезнь резко повлияла на меня. Я сел на пароход одним человеком, а покинул его другим...

— О, да!— едва вырвалось у молодой женщины.

— Что такое вы бормочете?— смутился Васильов.— Вы должны раз навсегда понять меня. Я не могу отказать вам в товарищеском внимании, но я мертв для всего другого. Я приехал сюда, чтобы работать и... я убедительно прошу вас, дорогая Кэт, оставить меня в покое!

Он облегченно вздохнул, осмотрелся и, заметив в углу хорошенькую китайскую ширму, вытащил ее на середину комнаты:

— Мы с вами дружески поделим территорию. Вот та часть комнаты— ваша. Берите себе ту кровать, ту стену, тот письменный стол и тот плакат, одним словом, все, что по ту сторону границы, и располагайтесь как вам угодно. Я буду, в свою очередь, совершенно свободен!

Он расставил ширму, загородив свой угол от взоров Кати Ивановны, сбросил пиджак и с наслаждением растянулся на кровати.

«Я сократил ее с самого начала!— думал он не без самодовольства.— Пусть-ка попробует теперь завести свою музыку. Интересно знать, неужели все эти беллетристы, воспевающие любовь и красивых женщин, действительно искренни? Я почти уверен, что они подогревают себя мыслями о гоноре».

С этим чисто рокфеллеровским выводом он закрыл глаза и приготовился задремать.

Катя Ивановна, покинутая на своей территории, несколько минут была неподвижна. Два крохотных ушка, выглядывавших из-под каштановых локонов, стали пунцовыми. Слова и поведение Рокфеллера были как раз таковы, чтобы пробудить в ее душе всех фурий ненависти. Стиснув зубы, сжав руки

в кулаки, она обозрела умственно весь стратегический план, обдуманный еще на пароходе, потом тряхнула локонами, провела рукой по лицу и — переступила через вражескую границу.

Василов услышал легкие шаги, открыл глаза, и в ту же минуту шелковистые пальчики очутились у самой его щеки. Несносная Катя Ивановна сидела на краю его постели, болтала ножками и как ни в чем не бывало безмятежно глядела на него фиалковыми глазами.

— Что вам угодно? — промолвил он нетерпеливо. — Кажется, я был с вами вполне откровенен.

— Да! — ответила она и засмеялась, точнее замурлыкала, как флейта на самой своей нежной ноте. — Но, милый Тони, вы ведь не дождались моего ответа. Вы должны выслушать противную сторону...

«Черт ее побери», — подумал про себя Василов и натянул одеяло до самого подбородка.

— Да, вы должны меня выслушать, — продолжала она, рассеянно водя рукой по его лицу и старательно разглаживая пальчиком каждую морщину на его лбу, — дело в том, что морская болезнь... о, эта проклятая морская болезнь! Она совершенно переродила и меня. Я сама себя не узнаю. Я виновата перед вами, дорогой, я знаю это... Но больше никогда, никогда...

Катя Ивановна смахнула с ресниц жемчужинку и опустила голову прямехонько на грудь растерявшегося Василова.

— Я чувствую себя такой несчастной, Тони! Вы не должны больше бранить меня. И потом... — она запнулась.

Василов лежал, волей-неволей вдыхая аромат ее волос и глядя на розовый кончик ее уха.

«Надо сознаться, — думал он про себя, — что среди зоологических особей, именуемых женщинами, она довольно безобидный экземпляр».

— Я могу сказать вам это совсем на ухо, — продолжала мурлыкать Катя Ивановна, — дайте мне вашу голову.

Она коснулась губами его уха, выждала минуты две, в течение которых он испытывал состояние, мысленно названное им «довольно сносным», и вдруг прошептала:

— Тони, я, кажется, собираюсь подарить вам бэби.

Черт возьми! Если б ему пустили в ухо гальванический ток, Василов не подпрыгнул бы выше, чем сейчас. Он слетел с кровати, швырнул подушку в одну сторону, одеяло — в другую и в бешенстве затопал босыми ногами.

— Это черрт! черрт знает, что такое! — кричал он с совершенно искаженным лицом. — Я отсылаю вас назад, в Нью-Йорк! Я подам в суд! Оставьте меня в покое!

Катя Ивановна побледнела и подняла руки, словно защищаясь от удара. Губки ее сжались, как цветочные лепестки. Она стояла перед ним — олицетворение чистоты, невинности и отчаяния — и глядела на него такими широкими, такими беспомощными глазами, что Василев внезапно замолк, махнул рукой и спасся на другую половину комнаты.

«Что мне делать? — думал он в бешенстве. — Ясно, как день, — это настоящая жена Василева... Она не подозревает ничего... И как она ухитрилась, как ухитрилась, несмотря на все ссоры... Гнусная, легкомысленная, преступная женщина! Любить этого пошлого коммуниста!»

Поток его мыслей делал столь капризные зигзаги, что я был бы, как автор, совершенно сбит с толку, если б это продолжалось долго. К счастью, он резко шагнул к Кате Ивановне и, глядя мимо нее, официальным тоном произнес:

— Я отрицаю, категорически отрицаю, что это мой ребенок! Вы можете делать что хотите. Я умываю руки.

С этими словами он надел башмаки, пиджак, шляпу, посмотрел на часы и вышел, чтобы прогуляться перед домом на Мойка-стрит в ожидании кого-нибудь, кто спас бы его от ненавистного tête-à-tête'a с Катей Ивановной.

Катя Ивановна поглядела ему вслед с жестокой усмешкой. Она была довольна собой. Она имела решительно все причины быть довольной собой. И он, этот жалкий мальчишка с чудаковатым характером, был слаб, растерян, вспыльчив, нетерпелив, неумен, упрям и нервен, как Еремия Рокфеллер. И его было так же легко обернуть вокруг пальца, как старика Вестингауза...

Но довольная собой красавица повела себя с чисто женской непоследовательностью. Вслед за жестокой усмешкой глаза ее сверкнули отчаянием, она подошла к кровати и вдруг упала на подушку, разрыдавшись.

— Тук-тук, царап-царап...

Что за странные звуки у двери? Кто-то тычется в нее тупой мордой, царапает когтями, кусает скобку... Катя Ивановна подняла голову и прислушалась.

— Хав! Ррр! Хав! — раздалось за дверью уже совершенно явственно. Потом еще несколько тупых ударов, царапанье, визг, и дверь распахнулась перед каким-то безобразным огромным комком шерсти и грязи, как вихрь ворвавшимся в комнату.

Еще секунда — и грязный комок, как мячик, взлетел прямо на кровать Кати Ивановны, бешено забил хвостом, облапил ее, лизнул в рот, нос, подбородок.

— Бьюти! — воскликнула молодая женщина. — Бьюти! Бьюти!

Да, это была она, верная Бьюти Микаэля Тингсмастера, но в каком виде! Тощая, одичалая, всклокоченная и грязная до того, что шерсть ее слиплась комьями. Она повизгивала, тыкалась носом в Катю Ивановну, кружилась по комнате, обнюхивала каждый угол.

Наконец, утомившись, Бьюти села у ее ног и положила ей на колени лапу, устремив на нее говорящий взгляд.

— Откуда ты взялась, Бьюти? — спросила мистрисс Василова.

Бьюти взвизгнула и шевельнула лапой. Тут только молодая женщина заметила у нее на лапе грязный полотняный лоскут, покрытый темными пятнами. Она осторожно развязала его, подошла к окну и вгляделась в покрывавшие его пятна. Они походили на кровь. В их расположении ей почудилась симметрия. Расправив лоскут на подоконнике, она прочла букву за буквой:

«БИСК. ТОРПЕДА».

Собака следила за ней умными глазами. Как только Катя Ивановна снова повернулась к ней, она забила хвостом и обеими передними лапами стала срывать с себя ошейник, делая уморительные движения.

— Что еще, Бьюти?

Ну да, конечно, у нее найдется и еще кое-что. Откиньте ей голову, суньте ручку за ошейник и сорвите с веревочки конверт, привязанный туда с большими хитростями, так что собачьей лапе трудно его сорвать, а уж зубами и носом ни за что не достанешь! Вот так. Раскройте его, читайте!

Катя Ивановна молча сорвала конверт, распечатала его и прочитала:

«Генеральному прокурору штата Иллинойс.

Высокочтимый сэр,

Если вы получили мое предыдущее письмо и вынули пакет из моего тайника, вам небезынтересно узнать продолжение рок-феллеровского дела. Я держу в руках все его нити. Я посажен в сумасшедший дом, откуда как нельзя лучше можно следить за главным преступником. Вы поймете меня, если потребуете освобождения из камеры NQ 132

умалишенного

Роберта Друка».

ПОМОЩЬ Г
И ПРИВХ
ОВСТ

О
ЛОДАЮЩИМ
ДЯЩИЕ
ЯТЕЛЬСТВА

В то время как «Торпеда», выпустив на берег Василову, закупорилась со всех сторон, как средневековый рыцарь в броню, и отошла в глубь залива, молчаливая и мрачная «Амелия» весь день и до глубокой ночи разгружала свои товары.

Мистер Пэль с тросточкой в руках бегал туда и сюда, периодически выбрасывая с языка весь свой запас русских слов. Мешки, бочонки, ящики скатывались с палубы на берег, а оттуда перетаскивались на огромные грузовики. Техник Сорроу, поступивший к мистеру Пэлю на службу, заложив руки за спину, наблюдал за работой.

В эту минуту из бочки, стоявшей подле него, раздался протяжный вздох. Сорроу прислушался и толкнул бочку ногой.

— Эй! — раздалось с бочки. — Эге-ге-й, друг Сорроу! Менд-месс!

Это было сказано на самом понятном языке для техника Сорроу. С быстротой молнии оглянувшись вокруг, он шепнул:

— Месс-менд... — и выбил из бочки днище. Тотчас же на встречу Сорроу высунулась знакомая голова, а потом шея и плечи, а потом туловище с прочими оконечностями, и из бочки ловко выпрыгнул Лори Лэн, худой, веселый и встре-панный.

— Сорроу! Хлебца и глоток виски! — шепнул он умоляюще. — Жизнь этого самого греческого, как его, Диогена чертовски лишена всяких удобств, особенно в своем закупоренном виде.

Сорроу дал ему хлеба, спрятал его за баррикадой из мешков и ящиков, заложил руки за спину и сурово произнес:

— Объясни-ка ты мне теперь, Лори Лэн, чего ради ты вковырнулся в гуверову бочку и, не спросясь Мика, отчалил на «Амелии».

— А ты чего? — спросил Лори, разжевывая хлеб с силой мельничных жерновов.

— Ты прекрасно знаешь, что я поехал по наказу Мика следить здесь за собаками-фашистами.

— Ну, а я приехал поработать для Советской России! — невозмутимо ответил Лори и сунул в рот последнюю корку хлеба. — И ежели ты мне, дружище Сорроу, хочешь подсобить в этом, так не медли ни дня, ни часа. А кроме того... — Лори

запнулся и покраснел, как кумач.— Кроме того, хотел бы я знать, Сорроу, куда вы дели мисс Ортон, то есть мистрисс Васильову?

— Вот оно что! — протянул Сорроу многозначительно.— Хорош же ты, я тебе скажу, Лори Лэн, металлист!

Неизвестно, что бы ответил ему Лори, покрасневший пуще прежнего, если бы из соседнего ящика не раздалось странное кряхтение.

— Кха-кхи-ки-ки-кха! — надрывались в ящике странные звуки. Сорроу сдвинул брови, подошел к ящику и заколотил в него что было силы.

— Сорроу, менд-месс! — раздалось оттуда жалобно.

Лори и техник Сорроу, переглянувшись, сорвали с ящика крышку, и взорам их предстал слесарь Виллингс, скрюченный наподобие английского замка и глядевший на них жалобными голодными глазами.

— Виллингс! — воскликнул Лори.

— Виллингс! Ты! — сокрушенно вырвалось у техника Сорроу.

— Я, ребята, я самый! Я теперь, можно сказать, перенес самое худшее, что может нас ожидать на том свете, ребята: герметическую закупорку, ни больше ни меньше. После этого я не боюсь смерти, нет, ни чуточки не боюсь смерти, подавай мне ее кто хочет, хоть сама холера.

— Не философствуй, — мрачно ответил Сорроу, — скажи мне лучше, как это ты, опора нашего союза, степенный парень Виллингс, как это ты уподобился мальчишке Лэну и шмыгнул в ящик за юбкой?

— Нет, Сорроу, нет, не за юбкой! — сердито ответил Виллингс.— Я, брат, видел ее в штанах нашего Лори, и я тебе говорю, что, будь на ней не то, что штаны Лори, а футляр от барабана или почетное знамя Бостонского университета, я бы и то пошел за ней, куда она хочет, вот провалиться мне на этом месте!

— Правильно, — произнес кто-то возле них.

Все трое, вздрогнув, обернулись во все стороны. Но вокруг не было ни души, а грузчики суетились на далеком расстоянии, в обществе мистера Пэля.

— Правильно, — повторил кто-то еще раз, и мешок, лежавший у ног техника Сорроу, резко изменил свои очертания.

— Черт тебя побери, кто бы ты ни был, — сказал техник, шлепнув мешок всей пятерней, — вот пошлю я тебя отсюда в хлебопекарню, а там уж разберут, что из тебя выпечь, негодный бездельник, трус, дезертир!

— Этого ты не сделаешь, Сорроу, — произнес мешок, распоролся пополам и выпустил оттуда не кого иного, как Нэда.

— Так я и думал,— расхохотался Лори,— ну, ребята, теперь вся наша компания налицо. Мы ее спасли из Гудзона, так уж нам, значит, на роду написано не отставать от нее ни на шаг.

— Это мы еще посмотрим,— проворчал Сорроу,— прежде всего я сведу вас прописаться, ребята, а потом устрою на работу. Можете нюхать с мисс Ортон один и тот же воздух, если это вам нравится, но видаться с ней я вам положительно запрещаю.

— Как бы не так! — воскликнул Лори.

— Как бы не так! — промычал Виллингс.

— Как бы не так! — процедил Нэд.

И словно в довершение их слов на пристани вдруг показалась высокая тоненькая фигурка в белом костюме, в ореоле каштановых кудрей и с большой лохматой, грязной собакой, шедшей за ней по пятам, виляя хвостом. Фигурка оглядывалась из-под беленькой ручки во все стороны, пока не заметила техника Сорроу и наших трех приятелей. Тогда она радостно вскрикнула, всплеснула руками и со всех ног бросилась им навстречу. Собака, в два прыжка опередив ее, кинулась в ноги технику Сорроу, завизжала и неистово забила хвостом.

— Черт меня побери, если это не Бьюти! — вырвалось у потрясенного техника, и он, что было силы, стиснул в объятиях запачканную и взерошенную собаку, предоставив своим товарищам выражать такие же чувства по адресу мисс Ортон.

Глава тридцать вторая

МИСТЕР ВАСИЛОВ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Василов выскочил из подъезда, стараясь ни о чем не думать. Он закурил папиросу и сделал два-три конца перед домом, он успокоился и занялся обзором окружавшей его местности. Дом, где их поместили, был старинной постройки, должно быть, от петровских времен. Первоначально ядро его обстраивалось несколько раз, и от множества наслоений архитектура казалась чудовищной, хотя и грандиозной. Здесь было общежитие художников и писателей. Сюда помещали приезжих коммунистов. Почти у каждого подъезда стоял автомобиль, то и дело, стрекоча, подлетали мотоциклеты. Не успел он пройти несколько шагов, как его внимание привлекла торговка хлебом.

Это была старуха в дырявом платье, в мужских сапогах и с кусочком оконной занавески на голове. Лицо ее было так

помято, прищлепнуто и обвисло, что походило скорей на кусок кожи, чем на человеческое лицо. Глаза были белы от старости и казались бессмысленными. Она стояла неподвижно, и покупатель сам бросал ей деньги в корзину, забирая оттуда булку. Не успел он разглядеть ее, как из ворот вышел высокий седой газетчик, с ногой на костыле, с лицом, обезображенным темными пятнами, и с висячей, как у бульдога, губой. Он вышел, прихрамывая, оглянулся во все стороны и, не заметив Василова, быстро подошел к старухе. Каково же было удивление Василова, когда газетчик почтительно поцеловал руку торговке, отвесив ей самый придворный поклон, и произнес на изысканном английском языке:

— Как ваш ревматизм, княгиня?

— О, я не ропщу, — кокетливо ответила торговка, — я надеюсь, вы читали последнюю речь нашего возлюбленного монарха?

— Читал и ношу в сердце!

После обмена церемонными приветствиями, газетчик побежал, прихрамывая, к пешеходам, а торговка застыла в прежней позе.

— Хорошенькое местечко, где нищие похожи на придворных, — пробормотал Василев и двинулся дальше, присматриваясь и прислушиваясь. В эту минуту на улицу вылетел автомобиль, украшенный красным флагом. В нем сидело двое простых рабочих в заштопанных куртках, оживленно беседовавших о чем-то со статным человеком в военной форме. Как только автомобиль был замечен с улицы, пешеходы подняли шляпы, и многие крикнули какое-то приветствие.

«Должно быть, важное лицо в городе, — подумал Василев, — забавно, что оно разъезжает с простыми рабочими».

В эту минуту автомобиль, летевший во всю мочь, остановился как вкопанный.

«Что случилось? Кто может помешать проезду такого важного лица в городе?» — продолжал раздумывать Василев, оглядев почти пустынную улицу. Вот тебе и раз! Через нее проходило несколько пар крохотных детей, одетых в одинаковые бедные платица с одинаковыми шапочками на стриженных головах. Их вела некрасивая девица в очках, похожая на квакершу. Она энергично размахивала руками и, проведя последнюю пару своих птенцов под самым носом автомобиля, сделала шоферу величественный жест рукой, после чего тот пустил машину. Поистине необыкновенное зрелище! Бедные, бездомные дети идут, как выводок английского пэра или американского миллиардера, загораживая путь важному лицу в городе...

Василев пожал плечами и ускорил шаги, миновав бурную Мойку. Он очутился на мрачной площади, застроенной стары-

ми, темными домами с заплесневелыми и облупившимися сырыми стенами.

«Здесь, должно быть, притоны нищеты и разврата, как и во всех больших городах!» — подумал он про себя, нащупал в кармане бумажник и осторожно двинулся дальше. Как будто в подтверждение его слов со всех сторон на мрачную площадь стали собираться удивительные люди. Одетые в старые, полинялые платья, в ситцевые платки, в картузы, они шли гурьбой, неся в руках какие-то странные предметы. И что всего удивительней, эти люди как на подбор были стариками. Женщины — седые, сморщенные, с темными мозолистыми руками, мужчины не моложе шестидесяти; многие прихрамывали, горбились, другие опирались на клюку, третьи стучали дедовской вместо ног.

«Инвалиды? Преступники? Нищие?» — Василев не знал, что подумать. Старики между тем стали входить в один из домов. У дверей не было ни швейцара, ни сторожа. Василев смешался с толпой, скользнул в дверь и стал подниматься по лестнице.

«Теперь я узнаю, что это за притон», — подумал он с любопытством туриста. Они вошли между тем в большую светлую комнату, заставленную столами и скамьями. На стене висела огромная черная доска. На маленьком возвышении стоял человек в синей блузе. Старики и старухи расползлись по скамьям, уселись рядком и положили перед собой принесенные предметы, похожие на молитвенники. Человек в синей блузе поднял руку.

«Ага! — подумал Василев, морщась от запаха старушечьих тел. — Это какая-нибудь религиозная секта. Значит, и в этой стране есть нечто похожее на наших несносных нью-йоркских фарисеев. Проповедник начинает проповедь... Какая скука! Уйду!»

Не успел он это подумать, как старики и старухи раскрыли свои молитвенники, а человек в синей блузе написал на доске мелом... большую букву.

Василев оглянулся по сторонам. Сморщенные лица сияли самым непритворным вниманием, лбы были нахмурены, старые ввалившиеся рты шамкали, а раскрытые перед этими кандидатами в иной мир молитвенники оказались не чем иным, как... азбукой!

Это Василев снести не мог. Он вскочил и выбежал на улицу, он задыхался от изумления.

— Сумасшедший народ! — воскликнул он по-английски. — Учить умирающих азбуке! И они учатся, черт побери, и даже, кажется, с удовольствием учатся!

— Извините меня, сэр, вы — англичанин? — спросил его кто-то по-английски, нагнувшись к самому его уху.

Василев вскинул глаза и увидел высокого, как атлет, крупного человека военной выправки с седыми генеральскими усами и в щегольской форме командира. Он стоял рядом с Василевым на панели, следя за тем, как через площадь стройно проезжали колонны артиллеристов с пушками.

— Да, — машинально ответил Василев, — я турист... Я впервые в этой стране.

— Чему же вы изволили так громко удивиться?

— Я удивился сумасбродству стариков, обучаемых вот в этом доме направо — азбуке.

— О, сэр, это один из способов омолаживания, практикуемый у нас, — ответил с улыбкой командир, — я сам сдал недавно экзамен политической грамоты. И смею вас уверить, я не променяю ни мою артиллерию, ни моих солдат ни на одну армию в мире, до такой степени мне было приятно начать жизнь сначала.

Он приложил два пальца к фуражке, любезно поклонился Василеву и сел в мотоциклет.

Изумление смешалось у Василова с завистью. Он проводил глазами кавалерию, гарцуя, проехавшую через площадь, и повернул обратно на Мойка-стрит. У подъезда, где помещалось их общежитие, стояло два человека в военных куртках, оглядывавшихся во все стороны. Один из них был Евгением Барфусом. Другой, высокий, сероглазый, с трубкой в зубах, был Василеву незнаком. Оба тотчас же подошли к нему, Барфус взял его под руку, высокий представился:

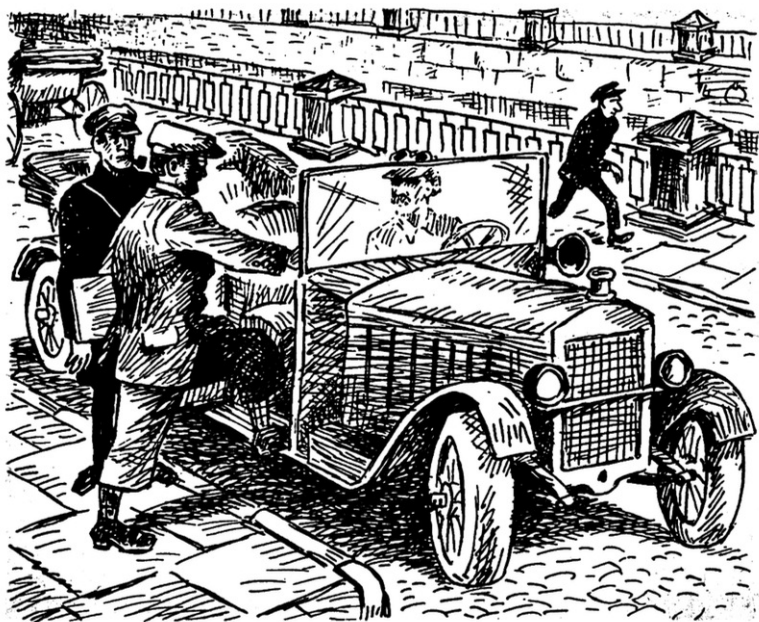
— Ребров, — и дал знак автомобилю подъехать.

— Товарищ Ребров повезет вас на Путиловский завод, мы вас ждем уже десять минут, — торопливо сказал Барфус, — все нужные объяснения вы получите от него, он — ваш непосредственный начальник.

С этими словами Барфус поднес пальцы к фуражке, сел в мотоциклет и исчез как молния.

Василев поднялся в автомобиль, Ребров вскочил вслед за ним, шофер тронул рычаг, и они отъехали от общежития Василова.

Василев искоса поглядел на своего соседа. Это был стройный мускулистый человек с юношески моложавым лицом, ровными тонкими губами и утонченной линией подбородка.

«Аристократы еще не вымерли в этой стране рабочих и крестьян,— подумал Василев иронически,— держу пари, что мое начальство — отпрыск каких-нибудь древних поколений, засекавших крепостного мужика».

— Товарищ,— обратился он к нему,— вы, должно быть, и раньше служили на Путиловском заводе?

Ребров вынул трубку изо рта и ответил на хорошем английском языке:

— Вы угадали.

— Где же вы учились на инженера? Должно быть, в Англии?

— Вы опять угадали,— улыбнулся Ребров,— если то, что я делал в Англии, можно назвать «учением на инженера», то я учился в Англии.

Василев думал несколько минут, с какого конца возобновить свой вопрос. Но прежде чем он раскрыл рот, Ребров выколотил трубку, быстрым движением спрятал ее в карман, обратил к Василеву лицо, так поразившее его своим изяществом и тонкостью, и дружелюбно заговорил:

— Ведь я смазчик Путиловского завода, а отец мой был слесарем на том же заводе. Семнадцати лет меня сослали в Сибирь, я бежал в Англию и кое-чему там научился, работая

кочегаром у Паукинса в Бирменгаме. Ребята выбрали меня в директора, ну, мои знания игодились немножко.

«Черт побери! — опять подумал Василов, поминая черта чуть ли не в сотый раз за сегодняшний день. — Я не могу понять этой страны, даже если бы тридцать немецких Бедекеров описывали ее на тридцати языках. Я отказываюсь ее понимать!»

Они мчались сейчас по широкому шоссе, окаймленному великолепными липами. Быстроногие пешеходы сновали взад и вперед. Дворцы сменились тенистыми садами с прорытыми в них прудами и каналами, и, наконец, вдалеке, в дымном и как будто закоптелом небе обрисовались гигантские очертания тысячи заводских труб разной длины, ширины и формы. Это был целый лес воздетых к небу оконечностей, похожих на выпяченные губы, выдыхавшие со свистом и хрипом дымное дыхание.

— Это наш фабричный поселок, — заговорил Ребров, указывая туда пальцем, — мы сконцентрировали все наше производство в одно место. Раньше Петроград с четырех сторон был окружен заводами, а сейчас мы перенесли их в эту гористую часть, развив колоссальное единство метода. Взгляните сюда: вы видите три круга, похожих на три этажа?

Василов взглянул, куда показывал Ребров, и увидел странное зрелище: внизу, обрамленный каменной стеной, шел круг первого яруса. Винтообразные лестницы восходили от него в круг второго яруса, тоже обрамленного стеной. Совсем наверху, более легкой, изящной, портативной архитектуры, напоминавшей деревянную, возносился третий круг, увенчанный крыльями ветрянок, площадками для причала аэропланов, воздушной сетью сигнализаций и целым морем красных флагов, мелькавших в этой сети труб и проводов, как алые маки в колосьях пшеницы. Зрелище это, во всей своей головокружительной пестроте и симметрии, сильно захватило Василова.

— Неужели вы зовете это фабричным поселком? — воскликнул он с удивлением.

— Вы не дали мне договорить, — улыбнулся Ребров, — здесь перед вами торжество единого метода хозяйства. Вам придется изучить его, чтоб работать вместе с нами. Взгляните вниз, на первый круг, — он охватывает побережье Невы, массивы финского гранита, торфяные болота — с запада, кусок леса — с востока. Здесь поместилась у нас промышленность добывающая. Вот эти высоты Токсовского хребта, подходящие к нам с границы Финляндии, открывают богатейшие земли минералов, драгоценную древесину, смолу, всевозможные необходи-

мые для нас ископаемые. Гигантская стена вокруг первого яруса служит электроприемником колоссальной электрической энергии с Волховстроя, помогающей взрывать недра и по системе двойного давления передаваемой наверх, во второй ярус. Взгляните теперь повыше,—продолжал Ребров, встав с места и указывая Василову вперед, а другой рукой охватив его плечи,—взгляните туда—это второй круг, там у нас промышленность обрабатывающая. Видите вы дым и блеск от огромных домен, слышите щелканье железных зубьев, визг пил, трескотню колес, жеванье динамо-машин? Там сырье становится материалом, дар природы преобразуется в ткань искусства. А еще выше, поднимите глаза, венцом всего поселка, у нас расположена последняя царица вещи,—промышленность фабричная, делающая из материала фабрикат и выбрасывающая его на тысячи наших воздушных грузоподъемников в город, в порт, в окрестности и на станции железнодорожных магистралей...

— Чудесно!—воскликнул Василов, опять почувствовавший в себе Артура Рокфеллера.— Я горжусь, что еду работать с вами. Но я не вижу, товарищ, в чем смысл вашего единого метода, кроме территориального сближения всех областей промышленности?

— В чем смысл нашего «единого метода»? Вы еще не видите его, хотя уже почувствовали. Об этом вам скажет не я, а товарищ Энно, блюститель метода. Вот он, у въезда в поселок. Он уже увидел нас и приветствует...

Шофер затормозил, Василов и Ребров выскочили на гранитные плиты дороги и пошли навстречу белокурому, почти белому человеку с розовыми щеками и сияющими голубыми глазами, похожему одновременно и на старца, и на младенца.

— Добро пожаловать к нам, дорогой товарищ,—сказал он приятнейшим голосом, протягивая Василову руку,—мы пойдем с вами на завод кружными путями, и я прочитаю вам мое маленькое напутствие.

Тем временем товарищ Ребров, кивнув им, уже вскочил на какую-то платформу, застегнул вокруг талии металлический обруч, и прежде чем Василов мог что-либо сказать ему, уже понесся на передвижной платформе в глубину каменного коридора.

— Идемте, идемте, друг мой,—ласково проговорил румяный человечек, беря Василова под руку,—мы с вами сделаем долгий путь на собственных ногах, потому что человеку всегда полезно узнавать новое с некоторым усилием, а не в виде легкого развлечения.

Он тоже говорил по-английски, но с небольшим шведским акцентом. Выведя Василова на гранитную балюстраду, он показал ему внизу, на необъятном пространстве, поля, засеянные самыми разнообразными злаками. От мокрых квадратов рисовой плантации до сухого бамбукового поля, от исландского мха до рощи кокосов — здесь было все. Маленькие человечки работали на каждом поле, причем тут были люди желтые, красные и черные, тут были самоеды в теплых штанах, голые китайцы по колено в воде, полуголые негры с соломенными шляпами.

— Не удивляйтесь на это, здесь нет никакого волшебства, — сказал Энно пораженному Василову. — Вы видите башенку на каждом из полей? Это знаменитый регулятор Савали, примененный к нашему изобретению электроклимата. Мы распределяем влагу и тепло совершенно равномерно на определенный участок, мешая его утечке в пространство тем, что создает вокруг него передаточные течения большой силы, как бы закупоривающие его сверху. Это изобретение стоит больших средств, и потому мы применяем его лишь с показательной стороны. Эти поля служат сельскохозяйственной показательной станцией, и только сырье, получаемое от них, еще очень незначительно. Теперь обернитесь назад.

Василов быстро обернулся и увидел по расположенному горному амфитеатру каменоломню и добычу глины.

— Всю длину этого амфитеатра занимают рудники и небольшие добывающие центры, уже не только показательные, но и вполне производственные. Мы обойдем их с вами, и во время пути я открою вам тайну нашего метода.

Они прошли по асфальтовым и гранитным дорожкам. Каждый шаг открывал перед ними все новые и новые картины. Тысячи рабочих копошились, добывая уголь, соль, торф, глину. Вертелись мельничные крылья, беспрерывно свистела лесопильня, стучали топоры. И все встреченные рабочие, дружески кивая им, поворачивали к Василову веселые, счастливые лица. Не было ни единого, кто бы не улыбался. Счастье светилось в каждом взгляде.

— Посмотрите на них, — начал Энно, — они счастливы. Мы произвели величайшую в мире революцию, но мы были бы глупцами, если б не пошли дальше, мой друг. Завоевав орудия производства, мы пожелали сделать человека счастливым.

— Утопия! — вздохнул Василов.

— Вот именно, — живо подхватил Энно, — мы поставили себе задачей осуществление утопии. Лучшие из наших умов сидели над этим много дней. Счастье дают лишь две вещи: сози-

дание и познание. Но до сих пор те, кто созидал, ничего не знали, а те, кто познавал, ничего не созидали. Уродливый ублюдок прошлого — рассеянный профессор и автомат-рабочий — должен был раз и навсегда исчезнуть! Мы твердо решили сделать производство познавательным, а познание — производственным. Как этого можно было достичь? Тут-то, мой друг, и помог нам метод единого хозяйства. Да, обедневшие, истощенные, голодные, лишенные продуктов и рынка, мы начали с того, что на своей собственной шкуре испытали метод единого хозяйства. Мы сеяли картошку в ящиках от письменного стола, дубили кожу для сапог, шили сапоги, красили старое сукно, мы добывали, возделывали, обрабатывали, и постепенно, от городского интеллигента и до мужика, мы нащупали круговорот хозяйственной механики, зависимость производств друг от друга. Наш «единый метод хозяйства» и заключается в том, что ни один из наших рабочих отныне не приступает к своей работе без полного представления обо всех звеньях производства. Он выделяет головку гвоздя, зная не только о добыче минерала, но и его спектре, с одной стороны, с другой — и о роли своего гвоздика в самой сложнейшей из фабричных вещей, начиная с мебели и кончая винтиком микроскопа. Иными словами, мой друг, мы рассадили наше производство по системе оркестра. От барабанщика и до скрипки — каждый выполняет свою партитуру в общей симфонии; но каждый слышит именно эту общую симфонию, а не свою партитуру. Поняли?

Василов с изумлением слушал восторженную речь Энно.

Пока он раздумывал, мимо них проходили группы рабочих с цифрами II и III на рукаве.

— Посмотрите, это экскурсанты со второго и третьего производственного яруса. Ежедневно каждый из них ходит на соседнюю территорию, чтобы изучить связь хозяйств. Рабочие, инженеры, учащиеся, изобретатели у нас больше не делятся на группы. У нас нет учащегося, не работающего в деле, и нет рабочего, который бы не учился. А теперь я должен проститься с вами. Становитесь на этот квадрат и держитесь за металлические кольца, он вас подымет на Путиловский завод! Энно приветственно махнул ему рукой и присоединился к одной из рабочих групп. Ошеломленный всем виденным, Василов почти бессознательно встал на указанный ему квадрат и едва успел ухватиться за кольца, как уже понесся с этажа на этаж по каменному колодцу, покуда не остановился на своем квадрате посреди небольшого гранитного дворика.

Ребров вышел ему навстречу, взял его за руку и повел его на завод.

ПЕРВЫЕ
СУПРУГОВЫЕ
В АСИЛОВЫХ
АЯ НОЧЬ

Было уже темно, когда Василев оторвался, наконец, от своего станка. С ним приключились удивительные вещи. Он послушно стоял у станка, обтачивая металлические ободки для фарфоровых чаш электроприемников. В минуту работы он испытывал необычайное наслаждение. Рабочие, окружавшие его, были всех национальностей. Каждый понимал слова два на языке другого, некоторые составляли группы для практики на чужом языке. С ним обращались не как со старшим, а как с равным. Среди шуток и песен он успел научиться нескольким русским фразам. Когда же он присоединился к экскурсии, ходившей на второй и третий ярус, восхищение его перешло в экзальтацию.

— Я влюбился в поселок и в свой станок, — сказал он Реброву, когда тот пришел силой снять его с работы, — это чудесная штука, это лучше всякой гимнастики, бокса и фокстрота! Я положительно повеселел у вас!

Он с большим сожалением снял ногу с педали, отвернул засученные рукава рубашки, снял фартук и накинул свой пиджак.

— Я готов проводить здесь целые сутки!

— Вы можете приезжать к нам с девяти утра и оставаться до одиннадцати ночи, то есть весь период бодрствования, — ответил с улыбкой Ребров, — больше этого нельзя. В Советской республике каждый трудящийся свято соблюдает период ночного бессмятства, от одиннадцати ночи и до восьми утра. Иначе у него не будет сил на работу.

С этими словами Ребров указал Василеву на движущуюся платформу, через несколько минут доставившую нашего героя вниз. Стало свежо, небо усыпали крупные звезды, с показательных полей несло необычайным ароматом тропиков и полярного лета. Василев сбежал с лестницы к ожидавшему его автомобилю, наслаждаясь мягким ночным воздухом, звездным небом и эластичностью своего разгоряченного тела. Но когда автомобиль понес его к роковому дому на Мойка-стрит, Василев вздрогнул и ударил себя по лбу. Он забыл и инструкции фашистов под тюфяком и свою роль заговорщика!

Сердце его сжалось, и холод прошел по коже. Вот эту сумасшедшую, удивительную, трижды милую страну должен он помочь разрушить, залить кровью, обесплодить, наводнить врагами. Этих сумасшедших и милых, со всех концов света

пришедших сюда людей с благородными лицами, с горячими глазами, со счастливой улыбкой должен он предать и убить из-за угла!

Он знал, что прежней ненависти в нем нет ни капли. Он знал, что дух старого Рокфеллера веселится в нем, как и его собственный, чудесному зрелищу труда, только что виденному им в поселке.

— Отец влюбился бы в них, как и я,— прошептал он уверенно,— какого черта он стал бы преследовать их... Да полно! Уж не убит ли он не ими, а кем-нибудь другим?

В ту же секунду он почувствовал, как волосы у него на затылке зашевелились от ужаса.

Стоп! Шофер затормозил перед темной дверью общежития.

Медленно сошел Василов на землю и медленно поднялся по лестнице своего дома. Он столько пережил за сегодняшний день, что даже женщина, поджидавшая его наверху, казалась ему теперь даже добрым товарищем. Как хорошо было бы сказать ей всю правду! Он не знает, что сделали с ее мужем. Он не знает, что сделают с ним самим.

Постучав и не получив ответа, он нажал дверную ручку и вошел в комнату. Было совершенно темно, занавеси на окнах спущены, мистрисс Василова, судя по ее ровному дыханию, уже спала.

Василов нащупал свой письменный стол и зажег лампочку. На столе был приготовлен ужин и стакан холодного чая. Кровать раскрыта, на подушке чистая ночная рубашка, на коврике мягкие туфли. Он окинул взглядом все эти удобства и невольно улыбнулся. Потом прислушался к дыханию своей жены и быстро приподнял тюфяк. Ничего! Там не было ни долларов, ни инструкции. А впрочем — откуда он знает, что они должны быть именно под этим тюфяком? Ведь в комнате было две кровати, он выбрал свою произвольно, это могло быть еще неизвестно.

Он скинул пиджак и пыльные башмаки. Он с наслаждением закурил бы и уже протянул руку к зажигалке, как вдруг остановился. Эта женщина ...кто бы она ни была, ей все-таки может быть неприятен табачный дым. Он с наслаждением помылся бы, но стук может разбудить ее... Возмутительно! Остается только раздеться и спать.

Василов осторожно сел на кровать и задумался. Нервы его не хотели успокаиваться. Он был взвинчен, взбудоражен, зажжен. Он перешел от экзальтации к мрачному отчаянию. Он спутался. Он не знает, что делать. С тоской хрустнул он пальцами и в ту же минуту услышал тихий шепот мистрисс Василовой:

— Тони...

В мурлыкающем, сонном голосе было такое очарование, что Василов невольно поднялся с места. Он помянул про себя черта — в тысячный и последний раз за этот день — на цыпочках перешел установленную им пограничную полосу и остановился у кровати своей жены.

Она спала. В слабом освещении электрической лампочки он видел очаровательное существо, сбросившее к ногам одеяло и едва прикрытое батистом и кружевами. Одну руку она положила на грудь, другую закинула под голову. Рот ее полуоткрылся, каштановые локоны упали на глаза, от ресниц легла на щеки темная тень, ступившая еще более ее сонный, как у спящего ребенка, румянец.

Он увидел ямочки на локтях и круглое, гладкое плечо. Он увидел мерное движение рубашки над грудью, форма которой навеки приковала бы художника. Надо сознаться, Артур Рокфеллер не спешил покончить с этим зрелищем, тягостным для каждого честного женоненавистника.

Мистрисс Василова глубоко вздохнула во сне и улыбнулась, блеснув жемчужной полоской зубов. Нижняя губка ее оттопырилась с детской капризностью. Она снова пробормотала:

— Тон-ни,— и повернулась на другой бок.

Василову следовало бы отойти заблаговременно на тыловую позицию. Но он подкрепил себя мыслью о том, что ему надлежит как следует изучить своего врага.

«При ближайшем рассмотрении вещи часто оказываются совсем другими! — подумал он фарисейски. — В конце концов я имею на это право, поскольку она расположилась без всякого спроса на моих миллионах и инструкциях...»

Счастливая мысль об инструкциях внушила ему новую идею. Она спит — самое подходящее время, чтобы сунуть руку под тюфяк и извлечь все, что там имеется. Он оперся одной рукой о стену, над самой головкой своей жены, а другую осторожно засунул под тюфяк. Он чувствовал тепло и тяжесть ее тела, чувствовал биение ее сердца. Вместо того, чтобы искать инструкции, мистер Василов замер в весьма неудобной позе и вперил глаза в кудрявый затылок.

Между тем в лице спящей красавицы произошло какое-то магическое изменение. Ресницы и ноздри ее затрепетали, губы сжались, брови сдвинулись. Она еще раз вздохнула, широко раскинула руки и вдруг — обвилась ими вокруг шеи Василова. Кожа их была шелковиста и прохладна. Может быть, именно по этой причине мистер Артур Рокфеллер побледнел и походил как мертвец.

— Кэт, вы проснулись? — сказал он глухо. — Простите меня. Пустите меня.

Но Кэт не пускала его. По-прежнему закрыв глаза и не страхивая с лица кудрей, она все ближе нагибалась к себе белокурую голову Рокфеллера, она нагибалась ее до тех пор, покуда губы его не коснулись ее груди. Будь мой роман греческой трагедией, в этом месте должен был бы появиться потрясенный хор женоненавистников с приличными случая угрожающими и оплакивающими стихами и посыпанием волос (или лысин) пеплом. Однако же в романе моем ничего подобного не случилось, и если сердце мистера Рокфеллера бешено колотилось в эту минуту, презирая всякие нормальные медицинские темпы, то часы его, движимые хладнокровным механизмом, стучали совершенно так, как и раньше.

— Кэт, простите меня, простите меня! — шептал Рокфеллер, покрывая поцелуями ее грудь. — Я... о, простите меня!

Он не мог говорить. Он ни разу в жизни не чувствовал такого острого, непобедимого, почти непереносного блаженства. Он был сражен им, как бурей. Высвободив руку из-под тюфяка, он откинул локоны со лба своей жены, дрожащими пальцами провел по ее лбу и щекам, приподнял за подбородок ее лицо, пораженный открытием невиданного чуда.

Артур Рокфеллер ни одной женщины никогда не любил до этого вечера. Артур Рокфеллер впервые встретился с единственным и величайшим чудом земного шара, именуемым женщиной. И вдруг он почувствовал, как его непереносное волнение разрешилось бурей слез, заструившихся у него по щекам.

В ту же минуту Вивиан подняла ресницы. Глаза их встретились. Рокфеллер отшатнулся и вскрикнул. Он встал, закрыл лицо и, как лунатик, зашагал к себе. Он сел у себя на кровать, не разжимая рук, — и будет так сидеть до самого утра.

Я не имею ни малейшего намерения дежурить около него и, что еще хуже, — замораживать вместе с собой читателя, а потому прямо скажу, что творилось у него на сердце. В иные минуты человек воспринимает с почти звериной чуткостью. Всеми нервами своего потрясенного существа Рокфеллер увидел взгляд ненависти, сверкнувший на него из фиалковых глаз мистрисс Василовой. В ту же секунду ему стало ясно, что она — такая же Кэт, как он — Тони. Вивиан лежала у себя тихо, как мышь. Грудь и шея ее были закапаны слезами Рокфеллера. Прикусив нижнюю губу, Вивиан смотрела в темноту остановившимися глазами. Она выдала себя Рокфеллеру. Она отдавалась мерзкому старику, она была готова на все, чтоб отомстить, — и она не посмела солгать Рокфеллеру! Ни за что на свете, ни для какой мести не смогла бы она продолжать придуманную комедию.

Так два сердца с манией отмщения в один и тот же день объявили капитуляцию.

ЧЕРНАЯ РУКА

Белая петроградская ночь перешла в белое утро. Часы Рокфеллера хладнокровно добрались до шести.

Измученная долгой бессонницей, Вивиан тихо поднялась с кровати и стала одеваться, стараясь не производить никакого шума. Накинув платье, она причесалась, надела шляпу и кофточку и на цыпочках приблизилась к заповедной меже. У нее была только одна мысль: бежать, со всех ног бежать к Сорроу, ехать назад в Америку, дать знать Тингсмастеру, что она никуда не годится и ничего не может...

Она перешагнула границу и вздрогнула. Посреди комнаты стоял совершенно одетый Рокфеллер и смотрел на нее. Как он изменился в одну ночь! Вместо безличного «первого любовника» с раздражающе красивым лицом, каких много в любом журнале мод, перед Вивиан был возмужавший, постаревший, неузнаваемый человек. Черты лица его стали твердыми и острыми, кожа оттянула их в одну ночь, словно Рокфеллер похудел от шести часов бессонницы. Взгляд углубился, но стал непроницаем. Губы сомкнулись с суровостью, для них необычной. Он спокойно глядел на нее до тех пор, пока Вивиан не опустила глаза. Тогда слабая усмешка тронула его губы, но тотчас же исчезла.

— Я ждал вас,— заговорил он просто,— я хочу объяснить-ся с вами.

Вивиан обвела глазами комнату, подошла к стулу и опустилась на него, стиснув руки. Артур остался стоять:

— Я не Васильев,— заговорил он снова,— я не знаю, что сделано с Васильевым, хотя не смею считать себя невиновным. Вы не жена Васильева и ненавидите меня. Я не знаю ни вас, ни ваших планов. Возможно, что вы знаете меня и мои. Но как бы то ни было, я хочу вам сказать, что не трону вас и не буду разгадывать вашей тайны, если, конечно...

Вивиан молча подняла на него глаза. Он выдержал ее взгляд и спокойно добавил:

— Если только вы захотите остаться здесь.

Она повернулась к нему спиной и выбежала на лестницу.

Артур Рокфеллер прошелся несколько раз по комнате, закурил, распахнул окно, потом быстрыми шагами направился за перегородку. Кровать была небрежно прикрыта одеялом, она еще благоухала ароматом ее волос, теплотой ее тела. Он не смотрел и не видел ничего. Стальной рукой швырнул он

одеяло и подушки в одну сторону, тюфяк — в другую и издал легкое восклицание.

Под тюфяком, запечатанные сургучом, лежали белые пакеты. Артур вскрыл их и пересчитал деньги, потом пробежал глазами бумажку:

«Войти в доверенность Реброва. Узнать, где спит электромонтер, заведующий электрификацией пространства над Петроградом. Попробовать подкупить монтера. Приготовить срочное донесение о положении и положить его на первую книжную полку над письменным столом.

К. Ф.»

Он свернул записку и деньги в пакет, обвязал его веревочкой и бросил в чемодан. Потом скинул пиджак, лег на кровать и закрыл глаза. Ему оставалось два часа до поездки на завод.

Спит или не спит Артур Рокфеллер, мы не знаем. В сером утреннем свете лицо его имеет мертвенный вид. Веки тяжело легли на глаза, и у рта прошла черточка, состарившая его лет на десять. Он выдержал два часа полной неподвижности, потом тихо встал, умылся, взял шляпу.

Но только что сделал он несколько шагов к двери, как вздрогнул и замер на месте. Дверь перед ним стала медленно раскрываться. Она отходила от стены без единого звука, и по мере ее движения в комнату просовывалось нечто, оледенившее в нем кровь. Это была человеческая рука в длинной черной перчатке. Того, кому она принадлежала, не было видно. Рука протянула Рокфеллеру конверт, потом разжала пальцы, мелькнула в воздухе и — исчезла. Дверь захлопнулась. Конверт лежал на полу.

Артур поднял его, разорвал и подошел к окну. В конверте были лист бумаги и голубой шарик, похожий на лекарство. Он развернул письмо и прочел:

«Женщина, к вам присоединившаяся, не жена Василова. Это агент вражеской партии. Дайте ей прилагаемый шарик. Не заботьтесь о трупe. Торопитесь устранить ее.

К. Ф.»

Пальцы Рокфеллера сделали быстрое движение — точно он хотел поднести шарик к собственным губам. Но через секунду письмо и шарик были заботливо свернуты и спрятаны в самый дальний уголок чемодана. Крак — щелкнул замок. Ключ подвешен к часовой цепочке. Артур внимательно огляделся, взял шляпу и на этот раз беспрепятственно спустился к поджидавшему его автомобилю.

КОШКА МИСТРИСС ДРУК

Что-нибудь одно: или горюй, или исполняй свои обязанности. Но когда горюешь, исполняя свои обязанности, или исполняешь свои обязанности, горюя, ты уподобляешься в лучшем случае соляному промыслу, потребляющему собственную продукцию без всякой экономии.

Этот вывод сделала кошка мистрисс Друк в ту минуту, когда шерстка ее стала походить на кристаллы квасцов, а молоко, которое она лакала, на огуречный рассол.

Мистрисс Друк днем и ночью орошала слезами предметы своего обихода.

— Молли, — твердила она, прижимая к себе кошку, — право же, это был замечательный мальчик, мой Боб, когда он еще не родился. Бывало, сижу себе у окна, а он стучит кулачком, как дятел. Септимий, говорю я, наш мальчик опять зашевелился. — Почему ты знаешь, что это мальчик, отвечает он... — А я... ох, ох, Молли, ох, несчастная моя жизнь! Я отвечаю: вот увидишь, говорю, Септимий, что это будет самый что ни на есть ма-аль... ма-альчик!..

На этом месте волнение мистрисс Друк достигло такой точки, что слезы ее величиной с горошину начинали прямо-таки барабанить по спине Молли, причиняя ей мучительное хвостокружение.

— Молли, поди сюда, — звала ее мистрисс Друк через несколько минут, наливая ей молоко, — кушай, кушай, и за себя, и за нашего голубчика... как он, бывало, любил молочко. Выпей, говорю я ему, а он... ох, мочи моей нет, ох, уж хоть бы померла я, — он отвечает, бывало: нне... нне... приставайте, мамаша!

Рыдания мистрисс Друк длились до тех пор, покуда блюдец в дрожащих руках ее не переполнялось свыше всякой меры. Молли тряслась всем телом, опуская в него язык, свернутый трубочкой. Но после двух-трех глотков она неистово фыркала, ошетикивалась и стрелой летела в кухню, прямо к лоханке, в надежде освежиться пресной водой. Увы! В мире, окружавшем мистрисс Друк, пресной воды не было. Влага, подвластная ее наблюдению, оседала в желудке сталагмитами и сталактитами. Если б Молли знала Библию, она могла бы сравнить свою хозяйку с женой Лота, превратившейся в соляной столб, заглядевшись на свое прошлое.

Но Молли не знала Библии и в одно прекрасное утро прыгнула в окно, оттуда на водосточную трубу, с трубы

в чей-то цветочный горшок, с цветочного горшка кубарем по каменным выступам вниз, вниз, еще вниз, пока не вцепилась со всего размаху в пышную дамскую прическу из белокурых локонов, утыканых гребешками, шпильками и незабудками.

— Ай! — крикнула обладательница прически. — Погибаю! Спасите! Летучая мышь!

— Совсем наоборот, летучая кошка, — флегматически ответил ее спутник, заложив руки в карманы.

— Натаниэль, спаси, умираю! — вопила урожденная мисс Смоулль, ибо это была она. — Мышь ли, кошка ли, она вгрызлась в мои внутренности! Она меня высосет!

По-видимому, между супругами Эпидерм уже не существовало гармонии душ. Во всяком случае, угроза высосать внутренности мистрисс Эпидерм была встречена ее мужем с полной покорностью судьбе.

— Изверг! — взвизгнула урожденная мисс Смоулль, швыряя зонтиком в мужа. — Умру, не сделав завещания, умру, умру, умру!

На этот раз Натаниэль Эпидерм вздрогнул. Очам его представилась картина многочисленных претендентов на наследство его жены. Он схватил оцепенелую кошку за шиворот, рванул ее; что-то хряснуло, как автомобильная шина, и колесом полетело на дорогу.

Оглушительный хохот вырвался у прохожих, лавочника, газетчика, чистильщика сапог. Мистер Эпидерм взглянул и обмер. Перед ним стояла его жена, лысая больше чем Бисмарк, лысая, как площадка для скэтинг-ринга, как бильярдный шар.

— Вы надули меня! — заревел он. — Плешивая интриганка, вы за это поплатитесь! Адвоката! Иск!

Между тем внимание прохожих было отвлечено от них другим необычайным явлением: несчастная Молли, запутавшаяся в локонах и незабудках мисс Смоулль, обезумела окончательно и покатилась вперед колесом, нацепляя на себя в пути бумажки, тряпки, солому, лошадиный помет и папиросные окурки.

— Га-га-га! — заревели уличные мальчишки, летя вслед за ней.

— Что это такое? — спросил булочник, выглянув из окна и с ужасом уставившись на пролетающее колесо. Но в ту же секунду оно подпрыгнуло, укусило его в нос и, перекувырнувшись в воздухе, полетело дальше.

— Держи! Лови! Саламандра! — и булочник, со скалкой в руке выпрыгнув из окна, понесся вслед за колесом, неистово осыпая мукой мостовую и воздух.

Напрасно полисмен, воздев оба флага, останавливал безумную процессию. Она неслась и неслась из переулка в переулок, покуда он не вызвал свистком целый наряд полиции

и не понесся вслед за нею. Толпа народа запрудила все тротуары. Староста церкви сорока мучеников разрешил желающим за небольшое вспомоществование приходу усесться на балюстрадах церкви. Окна и крыши были усеяны любопытными. Учреждения принуждены были объявить перерыв.

— Я вам объясню, что это,— говорил клерк трем барышням,— это биржевой ажиотаж, честное слово.

— Откуда вы взяли?— возмущился сосед.— Ничего подобного! Спросите булочника, он говорит, что это реклама страхового общества «Саламандра».

— Неправда! Неправда!— кричали мальчишки.— Это игрушечный дирижабль!

А колесо катилось и катилось. С морды Молли капала пена, желтые глаза сверкали в полном безумии, спина стояла хребтом. Метнувшись туда и сюда и всюду натываясь на заставы из улюлюкающих мальчишек, Молли пронеслась в единственный свободный переулок, ведущий к скверу, и волчком взлетела на дерево, как раз туда, где между ветвями чернело воронье гнездо.

— Карр!— каркнула ворона, растопырившись на яйцах. Но Молли некуда было отступать. Фыркая и дрожа, в локонах, незабудках, бумажках и навозе, она двинулась на ворону, выпуская пронзительный боевой клич. Та взъерошилась в свою очередь, подняла крылья, раскрыла клюв и кинулась прямо на Молли. Пока этот кровавый поединок происходил высоко на дереве, внизу, в сквере, разыгрались другие события.

В погоне за саламандрой наметились две партии: одна мчалась на сквер со стороны церкви, возглавляемая булочником, церковным сторожем и депутатом Пируэтом, затесавшимся сюда со своим секретарем, портфелем и бульдогом. Другая, летевшая с противоположной стороны и состоявшая из газетчиков, чистильщиков сапог и мальчишек, вынесла на первое место толстого, красного человека в гимнастерке, с соломенной шляпой на голове.

Стремительные партии наскочили друг на друга, смешались в кучу, и церковный сторож вместе с депутатом Пируэтом получили от красного человека по огромной шишке на лоб.

— Сэр!— в негодовании воскликнул депутат.— Я неприкосновенен! Как вы смеете!

— Плевать! Не суйтесь!— заорал красный человек.

— Так его, жарь, бей!— поддерживали со всех сторон разгорячившиеся янки.— Лупи его чем попало!

— Полисмен!— кричал депутат.— Буйство! Пропаганда! Тут оскорбляют парламент и церковь!

— Так и есть,— мрачно вступился булочник,— это большевики, ребята! До чего они хитры, собаки! Выпустили саламан-

дру, чтоб агитировать за торговое соглашение. А нашему зерну пробьет смертный час, провалиться мне на этом месте.

— Истинно, истинно! — поддержал его церковный сторож, прикладывая к шишке медную монету. — Голосуйте против, пока эта саламандра не стинет!

— Эка беда! — орал красный человек. — Торговое соглашение! Что тут плохого поторговать с Советской Россией! Я сам торговый человек. Выходи, кто против соглашения! Раз — два!

Депутат оглянулся по сторонам. Его партия следила за ним горящими глазами. Он понял, что может потерять популярность, оттолкнул бульдога и секретаря, бросил портфель, скинул пиджак, засучил рукава и с криком: «Долой соглашение!» ринулся врукопашную. Спустя полчаса наряд полиции уводил в разные стороны борцов за и против соглашения, а карета «Скорой помощи» нагружалась джентльменами, получившими принципиальные увечья. Толстяк вышел победителем, а депутат потерял бульдога, портфель и популярность.

Не менее трагически закончился поединок несчастной Молли с вороной. Прокаркав над разоренным гнездом и раздавленными яйцами, практичная ворона ухватила конверт с письмом Друка и, подобно жителю Востока, уносящему на своих плечах крышу дома, отправилась с этим ценным предметом в далекую эмиграцию.

Что касается Молли, то она лежит на земле с проклеванными глазами и сломанным хребтом. Мир ее праху! Она пожертвовала своей жизнью для развития нашего романа.

Глава тридцать шестая

ЛЕПСИУС ВСТРЕЧАЕТСЯ С ♦ Р УКТОВЩИКОМ БЭРОМ

Тоби только что вычистил первый сапог и собирался малость вздремнуть, прежде чем приступить ко второму, как вдруг в дверь кухни кто-то тихо постучал. Он вооружился метлой для изгнания попрошайки и приотворил дверь как раз настолько, чтоб просунуть туда свое оружие, но в ту же секунду метла вывалилась у него из рук, а рот открылся на манер птичьего клюва. Дело в том, что за дверями стоял не попрошайка, а некто.

Спереди этот некто ужасно походил на мисс Смоулль. Это были глаза мисс Смоулль, нос мисс Смоулль, рот мисс Смоулль и кружевная мантилья мисс Смоулль. Но сверху некто напоминал круглый аптекарский шар, налитый малиновыми кислотами. И держал себя некто совсем не как мисс Смоулль:

он не ругался, не плевался, не подбочивался, не напирал ни коленом, ни животом, а сказал нежным голосом:

— Впусти-ка меня, голубчик Тоби!

Мулат попятился, испугавшись до смерти. Некто вошел, снял мантильку, повесил на крючок и проговорил еще более трогательным голосом:

— Достань из печки золы, Тоби, дружочек мой!

Тоби достал полный совок золы, трясаясь от ужаса.

— А теперь подними-ка его, миленький, и сыпь ее мне на голову!

Но тут совок выпал из дрожащих рук Тоби, и он, судорожно всхлипывая, помчался наверх по лестнице, залез в чулан и спрятал голову между колен.

Дух мисс Смоулль между тем не обнаружил ни раздражения, ни досады. Он терпеливо нагнулся над печкой, собрал пригоршню пепла и вымазал им себе круглую голову не так, чтоб уж очень, а в самую пору, чтоб указать на символический характер этой операции.

Потом мисс Смоулль смиренно двинулась в кабинет доктора, смиренно остановилась на его пороге и сложила руки на животе. Лепсиус поднял глаза с медицинской книги о позвоночниках и грозно нахмурился.

— Мисс Смоулль, что это значит? Если не ошибаюсь, я вижу вас без парика и с перепачканным сажей черепом. Какого черта означает подобная демонстрация?

— Не демонстрация, сэр, нет! Не подозревайте этого ради моей бессмертной души! Раскаяние, сэр, раскаяние глубочайшее, чистосердечное, фатальное!

— Не плетите вздора. В чем дело?

— Сэр, я раскаиваюсь в том, что не придавала значения вашим отеческим советам. Я имела безумие смеяться над ними! Судьба жестоко наказала меня, сэр. Вы были правы, трижды правы. Моя невинность поругана, чувства мои растоптаны, идеалы ниспровергнуты. На цветущей долине, сэр, дымятся обломки:

— Что это за диктант? — взбесился Лепсиус, бросая книгу на пол. — Если вы собрались шантажировать меня с этим вашим Натаниэлем Эпидермом...

— Натаниэля Эпидерма больше нет, сэр! — кротко ответила мисс Смоулль. — Забудьте его. Отныне, сэр, я предана вашему хозяйству душой и телом.

Неизвестно, какая трогательная сцена была еще в запасе у мисс Смоулль, но на счастье доктора Лепсиуса раздался пронзительный звонок, и Тоби влетел в комнату, все еще беглый от ужаса.

— Вас спрашивает какой-то красный джентльмен, сэр, — пробормотал он, переводя дух, — и с него так и каплет!

Доктор Лепсиус молча поглядел на свою экономку и служителя, подвел им в уме весьма неутешительный итог и направился к себе в кабинет.

Муллат оказался прав. В докторской приемной стоял толстый красный человек в гимнастерке, и с лица его стекала кровь.

— Рад познакомиться, — сказал он, энергично пожимая руку доктору, — фруктовщик Бэр с Линкольн-Плас, — небольшое мордобитие на политической подкладке... Я ехал мимо и вдруг заметил вашу дощечку, и вот я здесь, перед вами, с полной картиной болезни, если можно так выразиться!

Спустя минуту он уже сидел в кресле, обмытый и забинтованный искусными руками доктора Лепсиуса. Доктор внимательно изучил его со всех сторон, оглядел его огромные пальцы с железными ногтями, здоровенные ребра и задал вопрос, неожиданный для толстяка:

— Вы рентгенизировались у Бентровато, мистер Бэр?

— Верно. Откуда вы это знаете?

— Как не знать! Это было в тот день, когда с вами вместе рентгенизировали... как его?! Ах, черт побери, небольшой человек, похожий на пьяницу и с подагрическими руками... Да ну же!

— Профессор Хизертон! — перебил его фруктовщик довольным тоном. — Как же, как же! Важная птица! Из-за него меня даже не пустили в приемную, как будто можно не пустить фруктовщика Бэра с Линкольн-Плас! Я, разумеется, вошел и не очень-то понравился этому человечку. Да, и признаюсь вам, он был прав, что прятался от соседей. Будь я на его месте, я бы выбрал себе пещеру и сидел в ней наподобие крота целые сутки.

— Как вы странно говорите о профессоре Хизертоне! — возразил Лепсиус. Он был с виду спокоен, но три ступеньки, ведущие ему под нос, дрожали, как у ищейки. — Для чего бы ему прятаться?

— Ну, уж об этом пусть вам докладывает, кто хочет. Я держу язык за зубами. Спросите на Линкольн-Плас о фруктовщике Бэре, и вам всякий скажет, что он умеет хранить секреты. Не из таковских, чтоб звонить в колокол.

— Похвальное качество, — кисло заметил Лепсиус, складывая в хрустальную чашу со спиртом свои хирургические инструменты, — ценное качество во всяком ремесле. Вы, кажется, торгуете фруктами, мистер Бэр?

— Кажется! — воскликнул толстяк. — Да вы бы лучше скажали о Шекспире, что он кажется писал драмы! Весь Нью-Йорк знает фрукты Бэра! Все 5-е Авеню кушает фрукты Бэра. Моим именем названа самая толстая груша, а вы говори-

те — кажется... Если у вас когда-нибудь таяло во рту, так это от моих груш, сэр.

— Не спорю, не спорю, мистер Бэр, я человек науки и держусь в стороне от всякой моды. Но признайтесь, что вы все-таки преувеличили качества своего товара.

Эти слова, произнесенные самым ласковым голосом, не на шутку взбесили толстяка. Он сжал кулаки и встал с места.

— Вот что, сэр, едемте ко мне. Я вас заставлю взять свои слова обратно. Вы отведаете по порядку все мои сорта или же...

— Или же?

— Вы их проглотите!

С этими словами Бэр подбоченился и принял самую вызывающую позу. Доктор Лепсиус миролюбиво ударил его по плечу.

— Я не отказываюсь, добрейший мистер Бэр. Но, чтоб угощение не было, так сказать, односторонним, разрешите мне прихватить с собой в автомобиль плетеную корзиночку...

Он подмигнул фруктовщику, и фруктовщик подмигнул ему ответно. Был вызван Тоби, которому было тоже подмигнуто, а Тоби, в свою очередь, подмигнул шоферу, укладывая в автомобиль корзину с бутылками. Шофер подмигнул самому себе, взявшись за рычаг, и доктор Лепсиус помчался с фруктовщиком Бэром на Линкольн-Плас, в великолепную фруктовую оранжерею Бэра.

Здесь было все, что только растет на земле, начиная с исландского моха и кончая кокосовым орехом. Бэр приказал поднести доктору на хрустальных тарелочках все образцы своего фруктового царства, а доктор, в свою очередь, велел раскупорить привезенные бутылочки.

Спустя два часа доктор Лепсиус и Бэр перешли на «ты».

— Я женю тебя, — говорил Бэр, обнимая Лепсиуса за талию и целуя его в металлические пуговицы, — ты хороший человек. Я женю тебя на гранатовой груше.

— Не надо, — отвечал Лепсиус, вытирая слезы, — ты любишь профессора Хизертона! Жени лучше Хизертона!

— Кто тебе сказал? К черту Хизертона! Не омрачай настроения, пей. Я женю тебя на ананасовой тыква!

Приятели снова обнялись и поцеловались. Но Лепсиус не мог скрыть слез, ручьем струившихся по его лицу. Тщетно новый друг собственноручно вытирал их ему папиросными бумажками, тщетно уговаривал его не плакать, доктор Лепсиус был безутешен. При виде такого отчаяния фруктовщик Бэр в неистовстве содрал с себя бинт и поклялся покончить самоубийством.

— Нне будду! — пролепетал доктор, удерживая слезы. — Не буду! Дорогой, старый дружище, обними меня. Скажи, что ты

наденешь бинт. Скажи, что проклятый Хизертон... уйдет в пещице-ру!

— Подходящее место! — мрачно прорычал фруктовщик, прижимая к себе Лепсиуса. — Суди сам, куда еще спрятаться человеку, которр...

Он икнул, опустил голову на стол и закрыл глаза.

— Бэрочка! — теребил его Лепсиус. — Продолжай! Умоляю! Который — что?

— У которр... у которого... туловище... — пробормотал фруктовщик и на этот раз захрапел, как паровой котел.

Опьянение соскочило с доктора Лепсиуса, как не бывало. Он в бешенстве толкнул толстяка, разбил пустую бутылку и выбежал из оранжереи на воздух, сжимая кулаки.

— Ну погоди же, погоди же, погоди же! — бормотал он свирепо. — Я узнаю, почему ты переодевался! Почему ты шлялся ко мне, беспокоясь о судьбе раздавленного моряка! Почему ты рентгенизировался! Почему ты вселил ужас в этого остолопа! Почему ты зовешься профессором Хизертоном! И почему у тебя на руке эти суставы, суставы, суставчики, — черт меня побери, если они не отвечают всем собранным мною симптомам!

Глава тридцать седьмая

ТОРГОВ **О** **С** **ГЛАШЕНИЕ**

— Вы слышали, что произошло на бирже?

— Нет, а что?

— Бегите, покупайте червонцы! Джэк Кресслинг стоит за соглашение с Россией!

— Кресслинг? Вы спятили, быть не может!

Но добрый знакомый махнул рукой и помчался распространять панику на всех перекрестках Бродвея.

В кожаной комнате биржи, куда допускались только денежные короли Америки, сидел Джэк Кресслинг, устремив серые глаза на кончик своей сигары, и говорил секретарю Конгресса:

— Вы дадите телеграмму об этом по всей линии. Гарвардский университет должен составить резолюцию. Общество распространения безобидных знаний — также. От имени негров необходимо организовать демонстрацию. Украсьте некоторые дома, предположим, через каждые десять, траурными флагами.

— Позвольте, сэр,— почтительно перебил секретарь,— я не совсем вас понял, вы говорите о радостной или о печальной демонстрации?

Кресслинг поднял брови и презрительно оглядел его:

— Я провел на бирже торговое соглашение. Америка должна одеться в траур.

— Ага,— глубокомысленно произнес секретарь, покраснев как рак. В глубине души он ничего не понимал.

— Но часть интеллигенции, заметьте себе — часть, выразит свое удовлетворение. Она откроет подписку на поднесение ценного подарка вождям Советской Республики. Вы первый подпишетесь на тысячу долларов...

Секретарь Конгресса заерзал на кресле.

— Вздор,— сурово сказал Кресслинг, вынимая из кармана чековую книжку и бросая ее на стол,— проставьте здесь необходимые цифры, я подписался на каждом чеке. Подарок уже готов. Это часы—символ труда и экономии. Озаботьтесь составлением письма с родственными чувствами, вставьте цитаты из Эммерсона и профессора Когана. Подарок должен быть послан от имени сочувствующих и поднесен через члена компании, отправленного в Россию. Довольно, я утомился.

Секретарь выкатился из комнаты весь в поту. Ему нужно было снестись с Вашингтоном. В полном отчаянии он бросился с лестницы, гудевшей, как улей. Большая зала биржи была набита битком. Черная доска то и дело вытиралась губкой. Цифры росли. Маленький человек с мелом в руке наносил на доску новые и новые кружочки. Правые эсеры честно предупредили Джэка Кресслинга, что готовят на него террористическое покушение в пять часов дня у левого подъезда биржи.

Винючник всей этой паники докурил сигару, встал и медленно спустился с лестницы. Внизу, в вестибюле, его ждали две борзые собаки и ящик с крокодилами. Он потрепал своих любимцев, взглянул на часы — без пяти пять — и кивнул головой лакею. Тот поднял брови и кивнул швейцару. Швейцар бросился на улицу и закричал громовым голосом:

— Машина для собак мистера Кресслинга!

К подъезду мягко подкатил лакированный итальянский автомобиль, обитый внутри лиловым шелком. Лакей приподнял за ошейник собак, они уселись на сиденье, и шофер тронул рычаг.

— Машина для крокодилов мистера Кресслинга!

Тотчас же вслед за первым автомобилем к подъезду подкатил другой в виде щегольской каретки с цетральным внутренним отоплением и бананами в кадках. Лакей со швейцаром внесли в него ящик с крокодилами, и автомобиль отбыл вслед за первым.

— Кобыла мистера Кресслинга!

Лучший конь Америки, знаменитая Эсмеральда с белым пятном на груди, кусая мундштук и косясь карим глазом, протанцевала к подъезду, вырываясь из рук жокея. Шепот восхищения вырвался у публики. Даже биржевые маклеры забыли на минуту о своих делах. Полисмен, чистильщик сапог, газетчик, продавец папирос обступили подъезд, гогоча от восторга. Раздался треск киноаппарата.

В углублении между двумя нишами мрачного вида человек в мексиканском сомбреро и длинном черном плаще, перекинутом через плечо, сардонически скривил губы.

— Бутафория! — пробормотал он с ненавистью. — Я не могу жертвовать нашу последнюю бомбу на подобного шарлатана.

И, завернувшись в складки плаща, он тряхнул длинными прядями волос, сунул бомбу обратно в карман и мрачно удалился к остановке омнибуса, где ему пришлось выдержать множество любопытных взглядов, прежде чем он дождался вагона.

А Джэк Кресслинг лениво сунул ногу в стремя, оглянулся вокруг в ожидании бомбометателя, пожал плечами, и через секунду его статная фигура покоилась в седле, как отлитая из бронзы, а укрощенная Эсмеральда понеслась по Бродвей-стрит, мягко касаясь асфальта золотыми подковами.

В таможене наложили печать на великолепно упакованный ящик. Он был адресован в Петроград, товарищу Василову, от целого ряда сочувствующих организаций. Дежурный полицейский пожимал плечами и недовольно бормотал себе в усы:

— Подумаешь, какие нежности! И без таможенного сбора, и без осмотра! Пари держу, что избиратели намнут бока не одному депутату за такую фантазию. Эх, Вашингтон, Вашингтон! — странный холодок прошел по его спине, и полицейский прервал свою речь, почувствовав на себе чью-то руку.

— Кто там? Какого черта вы делаете в таможене, сэр?

Перед ним стоял невысокий человек в черной паре. Глаза у него были унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, с неделю сидящего без водки. Левую руку он положил на плечо полицейскому. Холод снова прошел по спине таможенника. Он поглядел на незнакомца с непонятым ужасом.

— Вы были при упаковке, друг мой? — мягко спросил незнакомец, едва шевеля бескровными губами.

— С самого начала, сэр, — лихорадочно ответил полицейский, начиная дрожать как лист, — при мне заворачивали, бинтовали, зашили и запечатали.

— Никто не мешал упаковке? Не сунул туда письма или бумажки? Не заглядывал в пакет?

Голос незнакомца, задававшего эти вопросы, был тих и безразличен. Взгляд его, покоившийся на полицейском, совершенно невыразителен. Тем не менее ужас таможенника

рос с каждой минутой, и зубы у него начали стучать друг о дружку:

— Не-не-не, сэр, никкого, никкакой бумажки!

Незнакомец снял руку с его плеча, повернулся и исчез. Полицейский вынул платок и принялся утирать пот, холодными каплями скатывавшийся у него со лба.

— Что это с тобой случилось? — спросил другой таможенник, подходя к нему из-за тюка запечатанных пакетов. — Уж не хватил ли ты вместо виски бензину?

— Поннимаешь, — тяжело ворочая языком, ответил полицейский и оглянулся вокруг с выражением ужаса, — приходит сюда человек... такой какой-то человек... и спрашивает, спрашивает... погоди, дай вспомнить... странно! — прервал он себя и дико взглянул на товарища. — Я не пьян и не сплю, а вот убей меня, коли я помню, о чем он такое спрашивал.

Глава тридцать восьмая

СНОВ В А ПЕТРОГР АДЕ

Мисс Ортон сидела перед техником Сорроу, сложив руки на коленях и устремив на него потемневшие глаза.

— Сорроу, вы хотите, чтоб я выполнила свою задачу, не смотря на все, что случилось?

— Да что особенного случилось, Вивиан? — сурово ответил техник. — Мальчишка раскис, а у вас угрызение совести. Помните, что личные мотивы — это ваше частное дело. Тингс-мастер положился на вас, и, коли я знаю толк в людях, вы не пойдете на попятный.

— Хорошо, — тихо сказала Вивиан, — но вы должны избавить меня от жизни в одной с ним комнате.

— Фокусы! — проворчал Сорроу. — Вы добьетесь того, что выдадите наших ребят этому проклятому Чиче.

— Сорроу! — тихо произнесла красавица.

Это было сказано без упрека, но таким голосом, что сердце старого техника сжалось. Он с силой махнул трубкой, выбил весь табак и забегал по комнате, выпуская сердитые бормотания. Когда запас их истощился, Сорроу подпрыгнул, ударил себя в лоб и настежь раскрыл стенной шкафчик, где у него висела одежда.

— Слушай-ка! — воскликнул он решительным голосом. — Не хотите быть Катей Ивановной — и не надо. Я сделаю

вас матросом, их тут тьма-тьмушая. Берите это и переоденьтесь, да поскорей. Марш за ширму!

Он кинул мисс Ортон широчайшие панталоны, книзу расхоdivшиеся колоколом, белую с синим куртку, матросскую шапочку и пару штблет. Спустя минуту из-за ширмы вышел молодой и стройный матросик с каштановыми кудрями, выбивавшимися из-под берета.

— Так, — одобрил Сорроу, — теперь выслушайте меня, Вивиян. Вы должны следить за каждым шагом Рокфеллера и не прозевать ни одной мелочи, иначе я попросту выдам нашего молодца Советской власти. И без того уже у нас много жертв. Поняли?

— Да, — ответил матросик.

— Теперь ведите меня в эту вашу комнату, куда Рокфеллер на заводе. Ведь вы, пари держу, и не подумали порыться у него в чемодане.

С этими словами Сорроу взял фуражку и вышел из своего убежища в одном из грязных портовых переулков Петрограда. Он был сильно рассержен. И было за что. Виллингс, Лори и Нэд мотались без всякого дела, с головой, наполненной дребеденью, а эта женщина, свихнувшая их с толку, начинает церемониться с заговорщиком. Сорроу остался совершенно равнодушным к ее прелестям. Не будь Тингсмастера и его наказов, он донес бы русским властям все, как оно есть. Так-то вернее, чем охотиться за целым заговором и, может быть, прозевать врага. Он быстро прошел несколько улиц, не оглядываясь на бежавшего за ним матросика. Выйдя на Мойку, он зашагал рядом с матросом и пропустил его вперед, в дверь общежития.

Вивиян вынула ключ, открыла комнату и ступила в нее со странным чувством. Сорроу взглянул на нее, покачал головой и первым долгом запер дверь на два оборота. Потом кинулся к чемодану Рокфеллера и, вынув маленькую лупу, оглядел его.

— Так и есть, наша работа, — пробормотал он с улыбкой, — видите тут две буквы «м.м.». Теперь глядите! — он провел ногтем по невидимой полоске над замочной скважиной, и чемодан тотчас же раскрылся без единого звука. Вивиян подошла поближе. Сорроу перебирал пакеты. Белье, мыло, бритва, воротнички, носки, платки, гастуки... А это что? Эге!

У Сорроу вырвалось восклицание. Перед ним были две инструкции фашистов и голубой шарик в конверте. Он прочитал их буква за буквой, сложил и кинул на прежнее место. Вивиян стояла рядом с ним, бледная как смерть, неотступно глядя на шарик.

— Вот вам и угрыzenie совести, — спокойно произнес Сорроу, поднося шарик к носу и двигая ноздрями, как охотничья

собака.— Пока вы сочиняете всякие романы, он вас отправит на тот свет не хуже, чем полевого грызуна. Это страшный яд, насколько я смыслю в химии. Это мурра теккота, выжимка из южноафриканского корня. Две-три секунды — и все готово, а лицо покойника искажается до неузнаваемости...

— Мурра теккота! — воскликнула Вивиан. — Так назвал аптекарь яд, убивший мою мать.

Сорроу посмотрел на нее с состраданием. Вивиан была бледнее смерти, губы ее дрожали, глаза уставились на голубой шарик в совершенном безумии.

— Успокойтесь! — повелительно сказал он, трясая ее за плечо. — Сядьте! Тот ли, не тот, — яд предназначен для вас. Они пронюхали, кто вы, и хотят вас убрать. Если вы будете неосторожны, они вас сметут с пути, как соломинку.

Вивиан провела рукой по лицу и стиснула зубы с такой силой, что они скрипнули.

— Этак вот лучше, чем падать в обморок, — одобрил ее Сорроу. — Поищите-ка в ящиках его стола.

Но, прежде чем Вивиан выдвинула ящик, ухо Сорроу, шевельнувшееся, как у собаки, уловило странный шум в стене. Тотчас же он схватил мисс Ортон за руку, потянул ее вниз, и оба притаились под письменным столом, сдерживая дыхание.

Шум повторился. Стена тихо раздвинулась, и оттуда протянулась рука в черной перчатке. Прошло мгновение, другое, третье. Рука шарилась по столу, потом раздалось тихое восклицание, и черные пальцы исчезли, мелькнув в воздухе. Сорроу поднялся, как только звуки за стеной замерли. Он был серьезен. На письменном столе, где шарили пальцы, ничего не оказалось.

— Вот что, дитя, — сказал он шепотом, наклоняясь к Вивиан, — ждите меня тут, если не дождетесь, бегите в ближайший милицкий участок, требуйте, чтоб вас повели в Совет, и расскажите все дело. Я попробую забраться в ихнюю нору.

С этими словами он вынул тонкую стальную полоску и начал тихонько ударять ею в разные места стены. Ударив, он подносил ее к ушам, подобно камертону. Это длилось недолго. Нащупав местечко, Сорроу вытащил темный кристалл, сверкнувший у него в руке острым блеском. Вивиан видела, как стена медленно расступилась, уступая блеску этого кристалла. У нее заболели глаза, она сомкнула ресницы, а когда открыла их, Сорроу уже не было в комнате, и на месте черного отверстия опять возвышалась гладкая стена.

Между тем Сорроу, вошедший в узкий и сырой проход, надел на глаза темные очки и, осторожно орудуя кристаллом, стал пробираться вперед. Раза два подошвы его шаркнули о каменные плиты. Тогда он поднял их одну за другой и натер

все тем же кристаллом, судорожно гримасничая, словно прикосновение этого камушка причиняло ему острую боль. Теперь шаги его были беззвучны и ловки, словно он шел по воде. Шагов через сто проход круто поворачивал вниз и заканчивался черной нишей, сквозь которую падали слабые пятна света. Здесь Сорроу остановился и еще раз полез в карман. Он вынул баночку с мазью и зеркало. Мазью методически растер себе руки, лицо и шею, зеркало укрепил между стенными кирпичами, подперев его снизу гвоздиком, и затем навел на него острый огонек кристалла.

Тотчас же с зеркалом сделалось нечто необычайное. Темная масса стены за ним стала просвечивать через пинковую пластинку. Потом и эта масса начала высветляться, опрозрачиваться, расходиться, как облако, и в квадрате зеркала, словно в открытом иллюминаторе, перед взором Сорроу открылась комната с круглым столом и висячей лампой над ним. Вокруг стола сидело несколько человек. Но Сорроу не видел их — зеркало оказалось слишком маленьким, оно охватило лишь круг стола и восемь пар человеческих рук, лежавших на этом столе. Руки слабо жестикулировали. Все они были в длинных черных перчатках. Сорроу поднес кристалл к уху и потер им его, судорожно дергая мускулами от боли. Тотчас же слух его утончился до необычайных пределов. Он слышал дыхание мисс Ортон в покинутой им комнате; он слышал дыхание восьми человек, сидевших за столом. Каждое их слово отдавалось ему в мозг.

— Первая почта придет завтра, в Токсовский лес. До этого мы не можем ничего предпринять, — сказал один голос на чистом английском языке, — мы не можем предупредить Чиче о наших подозрениях.

— А до тех пор Рокфеллер окончательно изменит, — вмешался другой, — я только что от него. Он получил наши инструкции и не оставил никакого ответа, я обшарил весь стол.

— Не успел! — примирительно произнес третий. — Ваши подозрения ни на чем не основаны.

— Как! А его поведение на заводе, его бегство от нас, его молчание по поводу этой женщины! Он отлынивает, клянуся жизнью!

— Подождем еще сутки.

— Не ждите ни минуты!

— Нет, подождем сутки. Не забывайте, господа, что мы не могли наладить ни радио, ни телефона, ни телеграфа. Эти большевики хитрее, чем мы думали. Мы бессильны на их земле. Тут нет ни одной пяди, даже в Токсовском лесу, где можно было бы не опасаться сюрпризов.

— Тем более опасен Рокфеллер!

— Не забудьте, господа, что документы Василова у него. Не забудьте, что Чиче ему доверился. Наконец, нельзя же с первого дня во всем видеть измену.

— На голосование!

Руки в черных перчатках радиусами легли на стол.

— За смерть Рокфеллера!

Поднялись две руки.

— За суточную проверку!

Поднялось шесть рук.

— Я скажу еще одно, — вмешался глухой и гортанный голос, которого до сих пор Сорроу не слышал. — Эта женщина — лучший наш помощник. Сегодня она убежала от Рокфеллера, опасаясь, что он раскрыл ее тайну. Чем убирать ее с дороги, поступим экономно.

— То есть как это?

— Дадим ей съесть Рокфеллера! — произнес глухой голос с таким страшным прищелкиванием зубов, что у Сорроу похолодела кровь. Наступило молчание.

— Он прав, — тихо поддержал кто-то, — пусть женщина мстит. Они сэкономят нашу энергию, уничтожив друг друга.

— А теперь...

Сорроу увидел, как восемь рук в черных перчатках скрестились друг с дружкой в зловещем узоре, похожем на квадрат свастики. Лица приблизились к столу. Сорроу на мгновение ока схватил зеркало и передвинул его по оси, вглядываясь в сияющий круг. Что это? Сорроу задрожал всем телом. Вот первое лицо человека с черными руками, второе, третье, — великий боже, что это значит?!

Перед оцепеневшим Сорроу мелькнуло восемь лиц, похожих друг на друга, как две капли воды. И все эти лица были... лицами Артура Рокфеллера!

Глава тридцать девятая

ПОХОЖДЕНИЕ МАТРОСА

— Эй ты, клёшник, куда бежишь? — крикнула бойкая торговка подсолнухами вдогонку молодому матросу, со всех ног мчавшемуся по направлению к гавани.

Но матрос, не останавливаясь, пробежал дальше. Он походил на сумасшедшего. Лицо его было искажено ужасом, каштановые локоны трепались за плечами. Изредка он вглядывался в клочок бумаги, зажатый у него в кулаке, и бежал дальше. Но вот матрос остановился, оглянулся, схватился за

голову и помчался назад. На перекрестке он опять оглянулся, выпил глазами в клочок бумаги и издал восклицание ужаса.

Улицы перед ним и улицы, план которых он держал перед собой, были не схожи. Вот тут, по плану, надо повернуть налево, а поворота нет. Здесь по плану должна быть церковь, а вместо нее перед матросом — мрачный извозничий двор. А главное — гавани нет и помину, и как о ней спросить по-русски — он не знает.

В полном отчаянии матросик закрыл лицо руками и опустился на тумбу.

— Наклюкался, клешник, — сказал кто-то грубым голосом и толкнул его в спину. Вивиан, так как это была она, не шелохнулась. Грубый голос перешел в хохот и вдруг пробормотал по-английски:

— Погоди, погоди, скоро придет конец и тебе, и твоему флоту!

Вздогнув, Вивиан чуть приоткрыла глаза и в щелку между пальцами поглядела на говорившего. Это был высокий старик с клюкой и в нищенском одеянии. На глазах у него были искусственные бельма, которые он поднял сейчас на лоб, совсем как очки. Рядом с ним шла грязная горбатая нищенка с седыми бровями и сверкающими черными глазами.

— Осторожней, граф, — сказала она шепотом, — может быть, этот мальчишка понимает по-английски.

— Если и понимает, так не сейчас. Он пьян! — насмешливо возразил старик, спустил свои бельма на глаза и зашагал вместе с нищенкой дальше.

Вивиан вскочила с места. Она не долго задумывалась над тем, что ей делать: Сорроу послал ее разыскать Лэна и Виллингса, но Вивиан заблудилась. Спрашивать дорогу она не может. А здесь перед ней нечто поважнее, чем поручение Сорроу. Надо выследить этих нищих, выследить их во что бы то ни стало!

Матросик спустил берет на лицо, сунул руки в карманы и пьяной походкой стал пробираться вдоль стен, не выпуская из виду парочку нищих. Они шли, ковыляя и изредка затягивая гнусавую песню, по самым безлюдным закоулкам Петрограда. Раз а два одинокий прохожий протягивал им милостыню, и оба раза зоркие глаза Вивиан отмечали, что это не были деньги. Один раз нищий зашел в пивную, а горбатая старуха осталась ждать его у входа.

Тогда матросик тоже остановился, спрятавшись за тумбу, оклеенную объявлениями, и притворяясь мертвецки пьяным. Вивиан была уверена, что ее не заметили. Старик и старуха опять пустились в путь, не оборачиваясь в ее сторону, и на этот раз они не стали просить милостыню, а делали самые ужасные зигзаги, обходя черные дворы, прошмыгивая подъез-

ды, перелезая пустынные заборы. Матросик с ловкостью акробата перелезал и прыгал вслед за ними, пока не заметил странной вещи: все эти кружения вели на Мойка-стрит, к тому самому дому, где находилось их общежитие.

«Странно! — подумала Вивиан. — Неужели они из шайки Чиче? Я послежу их до самого входа, а потом забегу к Сорроу, чтоб рассказать обо всем и снова взять адрес Лори».

Как кончились ее намерения, мы узнаем через несколько строк, а теперь воротимся на полверсты назад, к той самой тумбе, на которую села Вивиан, когда она убедилась, что потеряла дорогу. Внимание ее было обращено на старого нищего, и внимание нищего было обращено на матросика. Ни один из них поэтому не слышал странного шороха, доносившегося из железного котла, стоявшего среди улицы и предназначавшегося для варки асфальта.

Шорох был явственный и походил на драку. Трое взрослых мужчин вцепились друг другу в волосы с похвальными намерениями соблюсти дисциплину.

— Ни с места! Сорроу не велел! — шептал один, тузя другого.

— Сам ни с места, и тебе не велел! — рычал другой.

— Никому не велел, — шипел третий, наваливаясь на обоих, державших его за ноги свободными руками.

— Уф, мы опрокинем котел! — вырвалось у первого. — Черти, дайте отдышаться. Ай, она уходит, уходит, уходит!

В ту же минуту из котла показались три всклоченные головы, и на мостовую один за другим выпрыгнули Лори, Виллингс и Нэд.

— Она уходит! — простонал Лори, глядя вслед удаляющемуся матросику. — Братцы! Сорроу не велел нам заговаривать с ней на улице, чтоб не испортить дела. Но он ничего не говорил насчет прогулки. Понимаете?

— Ладно, не дураки, — ответил, ухмыльнувшись, Виллингс, — кому это помешает, скажите, пожалуйста, если мы проводим ее до дому, деликатно, разумеется!

Они взяли друг друга под руки, нахлобучили шапки и осторожно направились по стопам кудрявого матросика, держась теневой стороны улицы.

Некоторое время они шли молча, останавливаясь, когда останавливалась Вивиан. Но, перемахнув в двух местах через заборы и миновав чью-то черную лестницу, Нэд шепнул товарищам:

— Ребята, дело пахнет перцем. Мисс Ортон охотится за этими двумя нищими, что идут впереди. Не подпортить бы нам всю историю.

— Глядите, она зашла им за спину! Ай, что это такое?

Все трое схватили друг друга за руки и уставились как сумасшедшие на странную сцену: Вивиан, дойдя до стены красного дома, подкараулила старика и горбунью, шмыгнувших в подворотню. Но в ту же секунду каменная плита под ней дрогнула и, прежде чем она успела вскрикнуть, черное отверстие образовалось в стене, длинная черная рука схватила ее за кушак, и через секунду на улице уже не было ни матросика, ни отверстия.

Лори с проклятием бросился к стене, забарабанив в нее кулаками.

— Ослы! Идиоты! Собаки! — кричал он в отчаянии. — О чем мы думали! Мы не сумели даже спасти ее от гибели!

— Лори! — вскричал Виллингс. — Не ори! Еще не все пропало. Смотри-ка, это Мойка-стрит, 81, здесь, в этом самом доме она и жила. Пойдем-ка, спросим швейцариху, разыщем кого-нибудь!

И все трое как безумные кинулись в подъезд.

— Мистрисс Василова! — заорал Виллингс, ухватив привратника за плечо. Тот молча указал наверх. Они побежали по лестнице, перепрыгивая через ступени.

ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПУТЫВАЕТСЯ

Сорроу застонал и посмотрел на часы. Мисс Ортон должна была бы вернуться. Ей сказано — мчаться во весь дух. Он лежал за ширмой на ее кровати и грыз себе губы от невыносимой боли. Глаза, лицо, руки, шея ныли от незаметных ожогов, все тело горело, как исколотое иглками. Временами терпение его иссякало, и он начинал стонать, содрогаясь всеми членами.

— Сорок, пятьдесят, шестьдесят минут... час с четвертью... Черт возьми!

Тррах! — в дверь стукнули что есть силы, потом распахнули ее, и в комнату вместо Вивиан влетели Лори, Виллингс и Нэд. Они оглянулись во все стороны, заметили Сорроу и бросились к нему, отчаянно жестикулируя.

— Она-таки нашла вас! — судорожно проговорил Сорроу. — Ребята, вы должны вытащить меня отсюда и доставить домой. Я плох, очень плох.

— Мисс Ортон погибла! Она провалилась! В стену! — закричали все трое в один голос, не проявляя ни малейшего беспокойства по поводу здоровья их патрона.

— Кто провалился? С ума вы сошли? — сердито простонал Сорроу.

Но они продолжали, перебивая друг друга, кричать одно и то же до тех пор, пока Сорроу не запустил в Нэда подушкой, а в Лори табакеркой.

— Виллингс, валяй, в чем дело, — проговорил он, морщась от боли, покуда Лори и Нэд подбирали вещественные доказательства его гнева.

— Провалилась, Сорроу, ребята не врут, — мрачно начал Виллингс. Он описал по порядку сидение Вивиан на тумбе, сцену с нищими, двойную слежку и роковое исчезновение в стену.

— Заблудилась-таки, — задумчиво молвил Сорроу, — а на что ей понадобилось выслеживать нищих — ясно из конца этой истории. Вот что, друзья мои. Хныкать сейчас не время. Я напал на след черной шайки и знаю, что мне делать. Каждая секунда дорога. Ты, Нэд, лети сейчас в аптеку за китовым жиром. Ты, Виллингс, отправляйся за извозчиком, чтоб вывезти меня восвояси, а тебе, Лори, нужно остаться со мной, чтоб послушать слова два...

— Но мисс Ортон, мисс Ортон! — завопили все трое в один голос.

— Молчать и слушаться! — крикнул Сорроу, и на этот раз Нэд и Виллингс повиновались ему.

Лори подошел к кровати и сел, понурившись, у его изголовья.

— Лори, — начал Сорроу, гримасничая от боли, — я обжег себя чуть не до смерти. Я нарушил запрет Тингсмастера и пустил в ход кристалл радионатрия. Мне, видишь ли, надо было разглядеть через стену этих молодчиков. Я их видел. Восемь штук, Лори, один к одному, и все загримированы под Рокфеллера... Но кристалл здорово меня прожег... Ох, китовый жир! Хоть бы поскорей китового жиру!

— Сейчас, Сорроу, — успокоительно пробормотал Лори, — я тебя слушаю, доканчивай.

— Заговорщики не верят Рокфеллеру. Они, пожалуй, убьют его, как только захватят документы. Завтра у них совещание в Токсовском лесу, запомни, — Токсовский лес, — тебе придется обшмыгать этот лес вдоль и поперек... Ох!

Сорроу издал нечеловеческий вопль и опрокинулся на подушку, потеряв сознание.

— А мисс Ортон? — вырвалось у Лори. Это было, впрочем, последним эгоистическим возгласом с его стороны. Нэд прибежал с банкой китового жира, Виллингс привел извозчика. Втроем они растерли несчастного Сорроу и перенесли его вниз. Он не пришел в себя ни от долгой тряски по мостовой, ни от забот русского доктора, разысканного по соседству.

Наступила ночь, а Сорроу по-прежнему лежал без сознания. Виллингс, Нэд и Лори, сидевшие у его изголовья, взглянули наконец друг другу в глаза. Это уже не были прежние ребята, беспечные, как суслики. Страшная ответственность обрушилась на их плечи. Лори, самый младший, казался теперь старше всех. Он проговорил шепотом:

— Первое дело, надо телеграфировать Мику. Он должен получить телеграмму скорей, чем письмо, посланное с Мак-Кинлеем и Бьюти. Ты, Виллингс, возьмишь на себя обработку телеграфиста.

Виллингс кивнул головой, сунул руку в карман и вынул жетон, украшенный таинственными значками и буквами, — это был почетный значок Союза телеграфистов.

— Тебе, Нэд, — произнес Лори дрогнувшим голосом, — я поручаю заботу о мисс Ортон. Сторожи у дверей и у стены, где она скрылась, а также предупреди Рокфеллера. Шепни ему, что несчастную убрали, что его ждет та же участь и что ему будет лучше во всем признаться Советской власти.

— Ладно, — коротко ответил Нэд, — а что будешь делать ты?

Лори положил руки в карманы и кивнул головой на стену. Там висела огромная карта Петрограда и его окрестностей.

Красными кружками были отмечены производственные пункты, синими — административные.

— Мне в эту ночь предстоит хорошенькая прогулка за город, ребята. Вон там, видите, ветка Финляндской железной дороги и конечный пункт — Токсово. Зеленая полоса выше — это лес. А коли вы вспомните, что мосты, машины, вагоны всего этого района вышли от наших ребят в Светоне и Миддльтоуне, то, ей-ей, поверите мне, что я буду там не хуже, чем дома.

— Ладно, Лори, — еще раз ответил Нэд, — бедняга Сорроу сомневался в нас. Пришла, видно, минута разубедить старичищу. За дело!

Все трое пожали друг другу руки, усадили у постели больного сиделку и быстро, один за другим, канули в белую петроградскую ночь, похожую на огромный, выброшенный на город саван.

Виллингс держал путь на ближайшую телеграфную станцию. Дежурный телеграфист, рыжий юноша с пером за ухом, при свете лампочки дочитывал переводной роман про человека-обезьяну. Он вздрогнул, когда чья-то мохнатая голова вынырнула в окошко и голос, не похожий на русский, произнес:

— Пст! Оз!

— Что вам нужно? — крикнул он в ответ.

Мохнач покачал головой в знак непонимания. Он глядел в глаза рыжему юноше с большой убедительностью и сунул ему под самый нос магический жетон Союза телеграфистов.

— Вы иностранец? — недоверчиво спросил юноша.

Виллингс подумал с минуту и вдруг хлопнул себя по лбу. И не останавливаясь, скороговоркой, он принялся произносить на всех языках, европейских, азиатских и африканских, — «пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

— Ага, это другое дело, — произнес телеграфист с улыбкой. — Теперь, камерад, я готов вам служить и по своей профессии. Ну-ка, валяйте, в чем дело?

Виллингс сунул ему бланк с телеграммой, начинающейся двумя заветными буквами «м. м.». И спустя минуту весть обо всем происшедшем побежала к Микаэлю Тингсмастеру, объединяя всех телеграфистов обоих полушарий.

Между тем Нэд сбегал кой-куда, пошевелил магическими кружочками долларов в кармане и к самому утру был смугл, как эфиоп. Черный, грязный парик свисал ему на горбатый нос, лицо изрядно перепачкано ваксой, рубаха вываляна в керосине и в скипидаре. В таком виде он преспокойно стал возле самого подъезда № 81 на Мойка-стрит и развесил на гвоздиках многочисленное добро: шнурки для сапог, щетки, резинки, подметки, стельки. А внизу, на табуретке, разместил целую серию банок с сапожной ваксой. Для ушей раннего про-

хожего, поспешавшего на службу, Нэд изредка затягивал гор-
танным голосом песню своего родного края, звучавшую при-
близительно так:

Азер-азер-азер-бей-джан!
Тотайшвили! Эриван!

Глава сорок первая

ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ

— Том Топс!—крикнул редактор «Иллю-
стрированной нью-йоркской газеты».— Том Топс!

— Я, сэр.

— Знаю, что вы! Уверен, что вы! Только мне теперь нуж-
ны большевистские комиссары, а не вы, сударь. Понимаете?

— Очень понимаю, сэр.

— На черта мне далось ваше понимание, наххал!—про-
скрежетал зубами редактор.— Я держу вас и плачу вам деньги
не для понимания! Весь номер посвящен Советской России,
три статьи о торговом соглашении, восемь — о съезде психи-
атров, и ни одной советской иллюстрации!

— Иллюстрации есть, сэр! Собачка лорда Сесилия в ка-
бриолете президента, новый туалет принцессы Монако, чай-
ный сервиз, приобретенный мистером Кресслингом за сорок
тысяч долларов, и сбор шишек в штате Висконсин.

— Вы издеваетесь надо мной! Говорят вам, ни одной ил-
люстрации по существу дела! Я пропал! Меня засмеют! Соци-
алисты расторгнут всю свою лавочку, а мы сядем на мель!
И все из-за вас! Не могли вы, черт вас побери, достать хоть ка-
кого-нибудь комиссара, хоть в три четверти, вплоборота,
хоть задом наперед, наконец!

— Ни слова больше, сэр!—воскликнул Том Топс, вставая
с места и хватая свой фотографический аппарат.— Вы подали
мне идею, которая даст блестящие результаты! Ждите, сэр...
Ждите меня в редакции!

С этими словами Топс выбежал на улицу и, как безумный,
понеся в автомобильный гараж.

Спустя минуту человек двадцать шоферов окружило его,
наперебой хватая Тома Топса за рукава и за пуговицы.

— Десять долларов,—кричал один, высокий и длинноно-
сый,—я вам говорю, за такую спину, как моя, другой отвалил
бы и двадцать!

— И у меня в самый раз!—внушительно твердил его со-
сед, тыча Топсу в глаза тыловую сторону своего тела,—я сог-

ласен за восемь, коли на то пошло. Восемь, ни на один цент не меньше!

Том Топс успокоил разыгравшиеся страсти, щедро пообещав каждому столько, сколько он хочет, и приступил к подготовительной работе по размалевке автомобилей.

Поздно вечером редактор и Топс лихорадочно сидели в цинкографии, пробуя многочисленные оттиски и обсуждая, с привлечением к делу наборщиков, важный вопрос о том, какую фамилию проставить под каждой из фотографий.

А на следующее утро деловые ньюйоркцы с удовольствием разворачивали богатейший номер «Иллюстрированной газеты». В ней было все, чего только жаждет человеческое любопытство.

МИСТЕР И МИСТРИСС ЛЕНИНЫ НА ЗАГОРОДНОЙ ПРОГУЛКЕ

Снимок собственного корреспондента! Огромный автомобиль с серпом и молотом на лакированном кузове и дюжиной красных флагов, болтающихся с обеих сторон, совершенно закрывая сидюков, мчался вдоль огородов, спиной к зрителю, развив предельную скорость.

МИСТЕР ЧИЧЕРИН ПРИВЕТСТВУЕТ ПРИБЫТИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПАРОХОДА!

Прямехонько перед самым носом настоящего американского парохода стояла статная фигура в цилиндре, поворачив к зрителю величественную спину.

Далее шла несколько менее внушительная спина — мистера Бухарина, обменивавшегося рукопожатием с собственным корреспондентом «Иллюстрированной нью-йоркской газеты», в котором читатели могли без труда узнать юного Тома Топса, и еще несколько спин в разных наклонках и под разными наименованиями.

В этот же день тираж «Иллюстрированной газеты» превзошел все ожидания. На углах, площадях, перекрестках, в трамваях, толкая друг друга, дамы, мужчины, отроки, мальчишки и даже карманные воры с увлечением покупали газету, одни на свои собственные деньги, другие — на деньги, в поте лица добытые из чужого кармана.

К вечеру давка стала еще ужасней, так как пронесся слух, что номер запрещен. Редактор потирал руки. Том Топс заболел от возбуждения. Бостонские клерикалы открыто запрашивали у правительства, неужели оно не понимает оскорбительного намека, брошенного советскими комиссарами Американским Соединенным Штатам?

— Почему...— так запрашивали клерикалы.— Почему все они поворотились к нам задом?!

На деревообделочном в Миддлтоуне царило не меньшее волнение. Вокруг белокурого гиганта, орудовавшего рубанком, столпились рабочие, только что прочитавшие газету.

— Тингсмастер,— сказал один, ударив его по плечу,— штучка-то пойдет в Петроград раньше срока!

— Наделает она делов,— подмигнул другой, давясь от хохота,— читайте-ка, братцы, передовую.

Газета пошла гулять по рукам, покуда не дошла до лучшего грамотея, возвысившего голос на всю мастерскую.

«Два события,— так начиналась передовица,— знаменуют собою торжество науки и торговли,— это соглашение с Россией и съезд психиатров в Петрограде, куда мы посылаем лучших представителей медицины. Надо надеяться, что наши пищевые продукты неспроста завоевывают себе путь в Республику Советов одновременно с нашей медициной. Всем известно и ни для кого не секрет, что врачебная помощь поставлена в Америке на невиданную высоту, а статистический подсчет недавно обнаружил, что на каждый ресторан у нас имеется по три лечебницы и по 1758 вольнопрактикующих врачей. Граждане, покупайте пилюли «Антигастрит» д-ра Поммера!»

— Подожди-ка, это что ты читаешь?— перебил Микаэль Тингсмастер.— Пропусти, брат, малую толику и держи пониже.

Грамотей пропустил столбец и при одобрительных кликах «Ага» прочитал следующее:

«В означенный день утром состоится торжественное заседание Петросовета, причем в дар русским комиссарам от группы американцев, проводшей соглашение, будут поднесены роскошные часы в эбеновом футляре. Вечером того же дня состоится открытие съезда психиатров, в присутствии научных делегатов всего мира, а также властей и наших граждан, находящихся по случаю соглашения в Петрограде».

— Черт возьми!— вырвалось у деревообделочников, когда они вдоволь нахохотались.— А мы тут сиди у станка да жди известий.

Они нехотя разбрелись по своим местам, и в этот день Джэк Кресслинг потерпел несомненный убыток, так как работа не клеилась даже под руками самого Тингсмастера.

В обеденный перерыв все рассыпались по домам. Мик не дошел до порога деревянного домика, как зоркие глаза его усмотрели необычайную картину.

Его стряпуха, повязанная платком до самого носа, энергически отмахивалась от объятий большущего белого пса, а во-

круг нее вертелся толстый капитан Мак-Кинлей, в тщетной надежде пожать ей руку.

— Бьюти, Мак-Кинлей! — заорал Тингсмастер во всю силу своих легких и кинулся к домику.

Спустя десять минут, когда белый ком раза четыре перемахнул через голову своего хозяина, попутно облизывая ему нос и щеки, а потом блаженно оцепенел, уткнув морду ему в ладонь, Мак-Кинлей добился наконец ответного рукопожатия от стряпухи и, отдуваясь, сказал Тингсмастеру:

— Сорроу вам кланяется, Мик. Дела идут как по маслу. Лори, Нэд и Виллингс тоже там. Бьюти прибыла на «Торпед» вот с этим лоскутом от Биска, да еще с письмом генеральному прокурору Иллинойса, которое я послал по адресу. Берите-ка его копию.

Подобного спича Мак-Кинлей не произносил, будучи честным ирландцем, еще ни разу в жизни. Речь его ограничивалась до сих пор чисто евангельским «да, да» и «нет, нет» с прибавлением коротенького словечка «водки!»

Понятно поэтому, что он совершенно обессилел и упал бы на руки к стряпухе, если б эта последняя не вынесла ему порядочного шкальчика, к которому дважды приложилась по пути в целях проверки его содержимого.

— Мы люди бедные, но честные, сэр, — произнесла она твердо, глотнув из шкальчика в третий раз, — мы не поднесем гостю не то что вина, а и простой воды, не дознавшись, — голт, голт, — хорошо ли, — голт, — она пахнет, сэр!

Мак-Кинлей предпочел бы, по-видимому, обойтись без этой вежливости. Пока он доканчивал шкальчик, к Тингсмастеру бегом подлетел миддльтоунский телеграфист и, оглянувшись по сторонам, шепнул:

— Менд-месс!

— Месс-менд, — ответил Мик, — что случилось?

— Депеша, Мик, — тревожно ответил телеграфист и сунул ему в руку бумажку, где в торжественном стиле Виллингса извещалось о гибели мисс Ортон, болезни Сорроу и возможном провале всего их дела.

Тингсмастер дважды перечитал записку и задумался, прикусив губы. Широкие голубые глаза его взглянули вниз, на Бьюти, и, внезапно решившись, он взял собаку за ошейник.

— Дело-то ухудшилось, Мак-Кинлей, — сказал он ирландцу, вытиравшему себе губы, — дайте знать на завод, что я свалился в лихорадке. А мы с Бьюти — собака бешено забила хвостом, — мы с Бьюти пустимся по горячему следу, и не будь я Тингсмастер, если я не сцапаю его за глотку, этого самого Грегорио Чиче!

РОКФЕЛЛЕР
В ДЕЙСТВИИ

Второй день на Путиловском заводе пришел к концу. Боль в сердце Артура утихла. Он на десять лет вырос за эти сутки, и всякому, кто поглядел бы сейчас на эти сжатые губы, чистый лоб и внимательные глаза, стало бы ясно, что Рокфеллер нашел свою линию поведения.

Он кончил работу, простился с товарищами, и мотоциклет доставил его домой. Но как не походило сегодняшнее возвращение на вчерашнее! Комната была темна, не убрана, неуютна. Кровать Кати Ивановны смята и холодна. Его собственная не раскрыта. На столе ни следа — ни чая, ни ужина. Засветив электричество, Рокфеллер сделал несколько кругов по комнате и бросился на кровать в твердом намерении бодрствовать. Но усталость и непонятная сонливость сломили его. Несколько мгновений он сохранял еще способность чувствовать, и ему казалось, что длинные черные руки, как пауки, шаривают его тело. Потом все провалилось в черную дыру беспамятства.

Прошло много времени, прежде чем он снова открыл глаза. Голова его кружилась, и, вскочив с кровати, он почувствовал себя дурно. Сколько времени он спал? Часы остановились. За окном — дождливый иконьский день. Рокфеллер ощупал свои карманы и вытащил бумажник с документами. Все было цело, но смято, перевернуто, переложено в другие отделения. В его бумагах хозяйничали.

Он схватил кепи и выбежал на улицу, чтоб узнать, который час. Чистильщик сапог, сидевший у парадного, покосился на него из-под мохнатых черных бровей.

— Добрый человек, который час? — машинально спросил его Рокфеллер по-английски.

— Четыре часа, сэр, — ответил чистильщик сапог как ни в чем не бывало, — ведь вы только что вернулись из своей поездки.

— Я только что вернулся? Я спал!

— Ну, не знаю, может быть, вы спите в ходячем и сидячем положении, мистер Рокфеллер. Только я видел вас сию минуту выпрыгивающим из автомобиля.

Рокфеллер пристально поглядел на чистильщика сапог и поставил ему свою ногу.

— Займитесь-ка этим делом, — сказал он шепотом, — и если вы не мой враг, сообщите, кто вы такой и откуда вы меня знаете.

— Хорошие сапожки, — с чувством ответил Нэд, — сейчас видно, что сделаны по заказу на Бродвее. Да и вы сами человек с выдержкой. Вот мы их сейчас малость пообчистим. Откуда я вас знаю, сэр? Я из той самой партии, которая подставила вам красавицу жену, вот я кто.

— И вы видели меня выходящим из автомобиля?

— Потихонечко, сударь! Пожалуйста-ка левую ногу. Фашисты вами не очень-то довольны. Их восемь штук, сэр, и все они загримированы под вас.

Артур вздрогнул и издал невольное восклицание.

— Коли у вас мозоли, сэр, — внушительно произнес чистильщик, поплеывая на щетку, — вам бы лучше носить парусиновую обувь. Берегитесь их. Они уберут вас так же, как убрали вашу жену.

— Где она? Что с ней сделали? — отрывисто вырвалось у Артура.

— Теперь суконка — и готово. Красавицу заточили в подполье этого дома, сэр. Лучше бы вам притвориться по-прежнему ихним, — ах, что за товар, — а не то выдать их Советской власти.

— Сколько с меня следует? — спросил Рокфеллер, вынимая бумажник.

— Сколько дадите, сэр.

— Вот, добрый человек, спрячьте это! Оно будет сохраннее у вас. Боюсь, что загримированные под меня люди будут этим пользоваться в своих целях.

— Правильно. Доброго вечера, сэр, — ответил Нэд, мельком взглянув на протянутые ему документы и опуская их в карман, — я сижу тут с утра и до вечера. Чуть что, — мои щетки в вашем полном распоряжении.

И чистильщик затянул унылую национальную песню, выразительно подмигнув Рокфеллеру.

Артур поднялся к себе наверх, забыв, что ему надо пообещать. Он понял, что фашисты угадали его душевное состояние. Без сомнения, они воспользовались утром его документами, и кто-то, загримированный под него, ездил в его автомобиле. Что ему делать?

Первым его побуждением было — отдать все свои бумаги человеку, выдавшему себя за чистильщика сапог. Он враг фашистов и сторонник рабочих, он сумеет воспользоваться ими хотя бы для того, чтоб выдать мнимого товарища Василова. Все это хорошо, но дальше?

Почему он не борется, не едет к Реброву, не выдает себя сам? Почему он не бросает фашистам открытого вызова?

Артур Рокфеллер честно заглянул в себя и решил, что у него есть еще один невыполненный долг.

— Кто бы она ни была,— пробормотал он решительно,— она попалась им в лапы по моей милости. Возясь с моей особой, она погубила себя. Может быть, они уже прибегли к голубому шарiku... Ах, черт!

И уравновешенный, флегматичный Артур Рокфеллер внезапно схватил со стола пресс-папье и со всей силой заколотил им об стену.

Все было тихо в комнате, на стук не отозвалось ни души, глазок над карнизом был замкнут.

— Господа фашисты!— во весь голос крикнул Рокфеллер и забарабанил в стену кулаками.— Отзовитесь, или я буду стрелять! Меня обокрали, обокрали, обокрали! У меня украдены документы и деньги!

В ту же минуту возле письменного стола открылась стенная отдушина, и в нее показалась черная маска.

— Послушайте!— крикнул Артур Рокфеллер, поднимая кулак к самому ее носу.— Это нечестно с вашей стороны! Это предательство! Синьор Грегорио Чиче уполномочил меня на ответственную работу, а вы не можете даже оберечь меня от неприятностей! Вы подставляете мне какую-то женщину, которая выкрала все ваши деньги и инструкции, прежде чем я успел их прочитать! Вы ни о чем меня не предупреждаете! Вы не оказываете мне никакой помощи! И, наконец, вы не являетесь ко мне и оставляете меня одного!

— В чем дело?— спросила маска глуховатым голосом. Тон его показался Рокфеллеру удивленным.

— Вот в чем дело,— раздражительно крикнул он,— вчера я заснул, не найдя от вас никакого письма, и, должно быть, эта женщина подслунала мне ночью сонный порошок. Я спал до трех часов! Я только что вышел пообедать, вынимаю бумажник — и не нахожу ни документов, ни долларов.

— Документы исчезли?— воскликнула маска.

— Говорю же я вам, что они украдены! Черт меня побери, если я не пожалуюсь на вас Чиче! Это называется — вести дела! Ни один мой клерк не станет так разгильдяйничать, как это сделали вы! Уж не подкуплены ли вы, чего доброго, этой разбойничьей республикой?! Сию минуту ведите меня к вашему главарю!

Черная маска исчезла на секунду. Потом отверстие удлинилось, пара длинных рук в черных перчатках потянула в него Рокфеллера, и не успел он ступить в темный и узкий проход, как на лицо ему накинута что-то мягкое, связали ему руки и повлекли за собой по ступеням в колодец, шедший вниз бесконечными, кружащимися зигзагами.

Прошло минут пять, десять, двенадцать. Ступени прекратились. Ослепительный свет полился на Артура Рокфеллера. В ту же секунду с него сорвали повязку, он поднял глаза и вскрикнул от неожиданности.

ЗЕРКАЛЬН

А
ПЫТК

Перед ним была темная комната, слабо освещенная зеленой лампочкой. На деревянном столбе, туго завязанная веревками, висела мнимая Катя Ивановна в костюме матроса, свесив на грудь голову с рассыпавшимися каштановыми кудрями. Нескольких человек, с лицами Артура Рокфеллера, повернули к нему головы.

— Что означает этот маскарад? — крикнул он с досадой, незаметно ослабив веревки, стягивавшие ему кисти. — Какого черта вы не посвящаете меня в дело? Я ставленник Чиче, как и вы сами! Я намерен жаловаться!

— Сядьте, Артур Рокфеллер, — сухо ответил металлический голос. В ту же минуту к нему подкатили кресло, и несколько рук усадили его.

— На что вы жалуетесь?

Рокфеллер тайком оглянул комнату и, сдвинув локти, нащупал в кармане револьвер. Они были в каменном помещении, похожем на склеп или на винный погреб. Ничего похожего на выход, кроме лестницы, с которой его притащили. Ничего похожего на окно, кроме узенького отверстия в каменной стене, плотно закрытого решеткой.

— Вы не считаетесь со мной, — раздражительно начал он, — я не знаю, что мне делать! Не знаю, кто эта женщина, — он кивнул головой в сторону пленницы, — не знаю, кто выкрал у меня документы.

— Когда вы заметили покражу?

— Только сейчас! Я был в ресторане, вынимаю бумажник и...

— Когда вы были в ресторане?

— Да говорю же вам, — только что!

— Вы лжете! — перебил его тот же голос, и мужчина, выше всех остальных ростом, подошел к решетчатому окошку. Он указал Рокфеллеру на передвижное зеркальце, нажал кнопку и снял решетку с окна. В зеркале тотчас же отразился полукруг Мойки-стрит с уходящей направо и налево набережной.

— Вы лжете, — повторил он, — наш часовой день и ночь сидит у этого окна. Вы не выходили сегодня из дому.

Артур бегло посмотрел на окно и пожал плечами. Он убедился, что подъезд не отражается в зеркале и что фашисты не могли видеть ни его, ни чистильщика сапог.

— Это только доказывает,— ответил он хладнокровно,— что вы следите за мной, как за врагом. Очень рад, что вы не отрицаете моего главного обвинения.

Человек с металлическим голосом улыбнулся.

— Превосходно, Артур Рокфеллер,— проговорил он насмешливо,— вы упорствуете в занятой вами позиции. Нам ничего не остается, как поверить вам.

Он хлопнул в ладоши. Один из загримированных подошел к стене и стал поворачивать какой-то рычаг. Глаза Вивиан Ортон, следившие за всем происходящим, сверкнули в лицо Артуру, с чем-то, похожим на предостережение.

Высокий человек продолжал:

— Итак, Артур Рокфеллер, вы лишились документов,— вы не знаете, кто эта женщина. Вы не получали наших инструкций. Очень хорошо. Вы должны согласиться с нами в том, что ее надо допросить. К сожалению, она проявила редкое упорство и отказалась назвать нам свое имя и пославших ее людей. Вы разрешите приступить к принудительному допросу?

И прежде чем Артур мог ответить, он еще раз хлопнул в ладоши. В ту же минуту сверху сползли вдоль стен комнаты десятки длинных зеркал, соединившихся своими ребрами в плотный многогранник. Каменные плиты пола с шумом разошлись и спрятались в стену, обнажив круглую стеклянную платформу. Сотни лампочек зажглись огненным ожерельем вдоль стен и потолка. И все это сразу сдвинулось, медленно вращаясь вокруг своей оси. Стены ползли слева направо, потолок крутился вокруг точки купола, поля двигались справа налево, и вся зеркальная комната наполнилась несметным множеством одинаковых людей. Они кишели в стенах, наверху, внизу. Они были обращены к Рокфеллеру в профиль, лицом, спиной, они бежали по потолку, они стояли головой вниз в зеркальном полу, причиняя ему острую дурноту. Он хотел побежать — и потерял равновесие, сделал два шага и закрыл глаза, чувствуя себя внезапно заболевшим морской болезнью.

Между тем движение зеркал становилось все быстрее и быстрее. Уже давно все заговорщики, кроме одного, спрятались на лестницу, оставив свистящие зеркальные многогранники мчаться с двумя одинокими мужчинами,— Артуром, стоявшим закрыв глаза, и высоким человеком, двумя руками державшим голову Вивиан Ортон. Он не давал ее векам упасть на глаза. Несчастная глядела на зеркальное кружение, побледнев, как смерть, с приступами невыносимой дурноты. Еще секунда, и в зрачках ее сверкнуло безумие.

— Имя! — крикнул ей в уши высокий человек.

Вивиан стиснула зубы.

— Хорошо! — угрожающе промолвил он и кивнул на лестницу. Тотчас же раздался легкий свист. Столб с пленницей стал вращаться в обратную сторону, а в зеркалах отразились тысячи игл, обращенных остриями к глазам пленницы. Веки ее судорожно затрепетали, но человек оттянул их на лоб и, вынув шарики, вкатил их ей в глаза, укрепив веки над глазными яблоками.

Между тем Рокфеллер снова открыл глаза. Перед ним неслетным полчищем справа, снизу, сбоку пронеслась все одна и та же картина: несчастная девушка, привязанная к столбу, с обезумевшими глазами, и черный человек с тысячько игл, направленных в ее зрачки.

Артур рванул и высвободил руки, схватил револьвер, и в ту же секунду тысячи людей вокруг него выхватили револьверы. Страшное иступление овладело им, волосы стали дыбом, и в припадке невыносимого ужаса он разрядил револьвер в черных двойников раз — два — три — четыре!

Раздался треск зеркал и дикий человеческий крик. Лампы потухли. Зеркала остановились. У его ног лежал убитый фашист.

В ту же минуту в комнату кинулись загримированные, схватили упавшее тело и вытащили его на лестницу. С резким стуком упала железная дверь.

Медленно приходя в себя, Рокфеллер обвел глазами комнату. Он убил человека! Перед ним на столбе висела Вивиан со вздутыми веками над стеклянными глазами. Она была без сознания. Он кинулся к ней, разрывая веревки руками и зубами, снял ее безжизненное тело, усадил в кресло. Он вынул шарики из ее распухших век, гладил ей голову, называл ее всеми ласковыми именами, какие только могут прийти на язык женоненавистнику, как вдруг, подняв глаза к потолку, он вскрикнул. Там загорелось странное белесоватое пятно, и в ту же минуту все члены Артура сковала непреодолимая сонливость. Зевнув так, что хрустнули кости, он затрепетал, склонил голову на плечо спасенной им женщины и через секунду погрузился в непробудный сон.

Глава сорок четвертая

ТОКСОВ СКИЙ ЛЕ

Последний поезд на Токсово, пограничный пункт Финляндской железной дороги, отходил поздно ночью. Сотня женщин с пустыми ведрами из-под молока ринулась

в вагоны, гогоча, как гусиное стадо. Мало кто мог протиснуться в их гущу, не вызвав целого дожда крепких ругательств. Поэтому три дачника в темных дождевых макинтошах и низко надвинутых на глаза фетровых шляпах предпочли остановиться в проходе, нерешительно перешептываясь между собой на чужом для женщин языке.

— Динь-динь-динь, третий звонок!

Колеса звякнули под вагонами, поезд пополз от станции, вдруг на перроне раздались отчаянные вопли.

Красивый белобрысый финн в национальном костюме, с огромной трубкой в зубах, со всех ног мчался вдогонку поезду. Он размахивал руками, выл, не вынимая трубки изо рта, и подпрыгивал, как кенгуру.

Женщины столпились у окон, помирая с хохоту.

— Эй, ты!— кричали они ему.— Сюда, сюда! Прыгай в окно!

Финн подпрыгнул еще раз, гримасничая, и вцепился в ступеньку последнего вагона. Тогда белобрысое лицо его расплылось в улыбку, и он прошел через весь вагон, раскланиваясь на радость со всеми пассажирами.

Белая июньская ночь напоминала день. Придурковатый финн самодовольно оглядывал каждого пассажира, пыхтя своей трубкой, и шел себе из вагона в вагон, всюду вызывая улыбки. Наконец, он добрался до того вагона, где стояли три дачника. Здесь на него напал приступ самого беспричинного веселья, и, подмигнув двум краснощеким молодкам, он повалился прямехонько между ними, с грохотом опрокидывая пустые жестянки.

Соседки наградили его несколькими щипками.

— А-ля-ляй!— во всю глотку заорал финн, что, как известно, может означать любую фразу, смотря по вашему выбору.

Не прошло и минуты, как в вагоне установилось самое непринужденное веселье, выражавшееся в громком сморкании, щипках и полете жестянок. Наградив каждую соседку игривым тумачом, финн вынул из кармана бутылку пива, выбил пробку и осушил ее одним взмахом.

— Это как раз нужный нам человек,— шепнул по-английски один дачник другому,— смерть Франсуа ставит нас в безвыходное положение. Ведь он не успел даже сообщить нам план этого леса!

— Во всяком случае будь осторожен,— шепнул другой.

Поезд между тем шел и шел. Мимо тянулись мрачные отроги Токсовского хребта. В открытые окна лил запах можжевельника и сосны. Далеко за полночь показались, наконец, бледные огни станции.

Финн быстро выскочил, и дачники видели в окно, как он приятельски раскланивался с доброй сотней приезжих. Потом

он зажег свою трубочку и быстро зашагал к Токсовскому лесу, во все легкие горланя песню:

А-ля-ляй-кен,
Ойкен, ляйкен!
А-ля-ляй!

Три дачника переглянулись между собой и бросились вдогонку парню. Один из них ударил его по плечу, другой сунул к самому носу круглую золотую монету.

Финн вытаращил глаза.

— Финляндия, Финлянд, Хельсинки! — бормотал дачник, кивая в сторону леса. — Не понимает, собака! Вот тебе монета и еще вторая в придачу! — он повернул финна лицом к лесу и поощрительно толкнул его в спину.

Тот, однако же, не сдвинулся с места, покуда обещанные монеты не перешли в его руки. Тогда он сунул их себе за обе щеки, чмокнул языком и быстро зашагал к лесу.

Идти было сыро и страшно. Нога то и дело проваливалась в болото. Из лесу пронзительно кричала сова, а в дуплах старых сосен светились древесные гнилушки, пугая наших путешественников своим зеленоватым блеском. Парень неумоимо прыгал с кочки на кочку, покуда впереди, среди туманных болотных испарений, не зачернели проволочные заграждения. Это была граница.

— А-ля-ляй! — отрывисто сказал финн, указывая туда пальцем. Потом беспечно повернулся и запрыгал по кочкам обратно.

Дачники, не говоря ни слова, провожали его глазами, покуда он не исчез за поворотом. Тогда один из них вынул из кармана пищалку, и в воздухе раздался пронзительный свист коростеля. Раз — другой — третий. Минутное затишье. Потом опять свист... Вдалеке едва слышно засвистел кто-то в ответ. Дачники ждали, с напряжением вглядываясь в белую ночь. Из-за проволочных заграждений вынырнули две высокие серые фигуры и стали молча приближаться.

— Кто идет?

Подошедшие распахнули плащи. На груди их блеснул блестящий квадрат свастики.

Между тем финн, исчезнув за поворотом, нырнул в густые заросли черники и стал ползти в них, перекатываясь с места на место, как еж. Раза два он проваливался в болото, зачерпывая воротником немалую толику воды, но и не думал отряхиваться. Мокрый, испачканный, оклеенный мхом, он очутился прямехонько за сосной, где только что простился с дачниками. Здесь с быстротой белки он юркнул в дупло и стал смотреть в дырочку на происходящее.

Дачники уже переговаривали с двумя незнакомцами. Они заняты были сейчас укладыванием в карманы макинтошей не-

больших одинаковых пакетов. Когда это было сделано, высокий человек в сером плаще пробормотал:

— Я буду ждать знака. Вы выпустите голубя, если подкуп монтера удастся. Аэрэлектро должно быть в наших руках до поднесения часов и взрыва Петросовета.

— А Рокфеллер?

— Чиче сам явится в нужную минуту!

С этими словами две серых фигуры сделали прощальный знак рукой и исчезли за проволочными заграждениями. Не дожидаясь дачников, финн выпрыгнул из дупла и понесся через лес с заячьей скоростью, шлепая со всего разбега по болотам и топям. Он добрался до молчаливой станции, пробрался на запасной путь, как молния юркнул за обшивку вагона и очутился в купе между уборной и топкой, не подлежащем оплате и сработанном ребятами с вагоностроительного. Здесь он утер пот, градом катившийся с лица, и пробормотал без малейшего недавнего акцента:

— Уж теперь-то Сорроу похвалит меня! Ей-ей он похвалит меня, не будь я Лори Лэн, металлист!

Глава сорок пятая

МОНТЕ АЭ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Техник Сорроу раскрыл глаза после пяти дней спячки. Кожа его покрылась белыми волдырями, боль утихла. Он выздоравливал.

Против его постели стояло три человека, поджидавших первого его взгляда. Один был черным и грязным чистильщиком сапог восточного типа, другой — белокрысым финном с трубочкой, а третий, самый солидный, горделиво носил на себе интернациональный жетон телеграфистов.

— Так что, Сорроу, мы в полной амуниции и порядке, — произнес этот последний. — Ты, старичина, лежал пять суток.

— Ну? — вопросительно вырвалось у Сорроу. — Виллингс, выкладывай начистоту. Как дела? Где заговорщики?

— Мы, Сорроу, докатили дело до самой точки, — выразительно ответил Виллингс, — ребята орудовали под предлогом национальных меньшинств, а я прошелся насчет Интернационала. Принимай отчет!

С этими словами он положил на одеяло расписку от телеграммы Тингсмастеру и отошел малость в сторону, уступив свое место Нэду.

Чистильщик сапог прочистил горло, сунул в руку Сорроу документы Василова и важно произнес:

— Я остерег Рокфеллера. Коли они его не уколошили, он вызовет мисс Ортон. А заговорщики, Сорроу, шмыгают теперь во множестве, все как один под его лицо.

Теперь пришла очередь финна; он вынул изо рта трубку и торжественно заговорил:

— Я, Сорроу, был ихним проводником до самой финляндской границы в Токсовском лесу — даром что изучил местность вот по этой карте, не отходя от нее ни на ярд. Могу тебе сказать, что они затевают разные фокусы с динамитом и сильно хотят подкупить монтера Аэрэлектро.

Сорроу оглядел всех трех с довольной гримасой, сбил одеяло в комок и меньше чем через пять минут был на ногах.

— Лори, баночки с гримировкой!

Лори Лэн тотчас же принес ему ящик с красками.

— Ну-ка, усаживайтесь все трое, рядком, чтоб мне не раздельывать вас поштучно!

Лори, Виллингс и Нэд уселись на скамейку, в недоумении глядя на Сорроу.

Тот обмакнул тряпку в воду, раз-два — сорвал с Лори белобрысые усы и брови, с Нэда весь восточный гарнитур, а потом прошелся по ним мокрой тряпкой. Покончив с нею, он взял кисть, три белокурых парика, щипцы для носа и прочие тайны гримировки и стал быстро орудовать над всеми тремя молодцами, промазывая их с полной равномерностью и беспристрастием. Спустя полчаса перед ним было три молодых человека, отделанных не без таланта под несчастного Артура Рокфеллера.

— Выделка, можно сказать, без тонкости, хромовая, — произнес Сорроу, любуясь делом своих рук, — ну, да хватит с нас и этого. Лори, есть у нас приличная одежда?

— На одного джентльмена, Сорроу, вон там в шкафу.

Сорроу вынул новую черную пару, штiblеты, цилиндр, галстук, перчатки и тросточку и поглядел на все это критическим оком.

— Не беда, братцы, — произнес он решительно, — поделите-ка одного джентльмена на троих, сойдет и так.

Не прошло и минуты, как Виллингс щеголял в отличном смокинге, Нэд — в щегольских брюках, а Лори — в цилиндре, лакированных штiblетах, перчатках и с тросточкой.

— Честное слово, — сказал Сорроу, — вы сойдете, куда ни шло! А теперь нате-ка эти документы!

Он дал Лори рекомендательное письмо на имя Василова, Нэду — удостоверение на имя Василова, а Виллингсу — партийный билет на имя Василова и серьезным голосом произнес:

— Слушайте меня с толком, ребята. Динамита я не боюсь. Все эти штучки со взрывами — дело наших заводов. Единственно, чего нам надо бояться, это несчастья с монтером. Поняли? Сейчас еще рано. Вряд ли фашисты полезут к нему с такого часу. А поэтому, братцы, возьмите-ка на себя небольшую работишку, отправляйтесь на Аэрэлектро и потолкуйте с монтером от имени Василова...

— О чем это? — с изумлением спросил Лори.

— Ну, да как о чем, — подмигнул Сорроу, — натурально на счет подкупа. Так и так, говорите ему, не продаст ли он за приличную валюту Советскую власть и не отвинтит ли там перед вами каких-нибудь винтиков.

— Сорроу, ты спятил! — вырвалось у Виллингса.

— И не думал, — спокойно ответил Сорроу, — оно, конечно, первому из вас не миновать тюрьмы, а вы пустите второго. При умелой дипломатии можно рассчитывать, что и второго упекут, тогда в самый раз выйти третьему.

— Да на кой черт? — простонал Нэд.

— А на тот черт, дурья твоя башка, что уже четвертому-то Василкову они и говорить не дадут, — понял?

Ребята переглянулись и, расхохотавшись, полезли было целовать Сорроу, но тот увернулся как раз вовремя, чтоб сберечь драгоценную гримировку на лицах товарищей.

Станция Аэрэлектро была самым укрепленным пунктом города. Монтер, заведующий электрификацией пространства, день и ночь оставался на ней, лишенный, как римский папа, права выхода на другую территорию. Белые аэропланы непрерывно прорезывали небо, сторожа гигантские электроприемники. При первой же вести об опасности колоссальный рычаг, с передаточной силой на двадцативерстную цепь из железных перекладин, должен был выбросить на высоту тысячи метров над Петроградом огненную броню электричества. Одновременно с этим весь город выключался из сети и погружался в абсолютную темноту.

Внизу, у ворот станции, стоял взвод часовых, сменявшихся каждые полчаса.

Не успел только что назначенный на смену отряд промаршировать, салютуя своим заместителям, на отдых, в казармы, как на площади появился вертлявый молодой человек в цилиндре и с тросточкой. Он подвигался вперед всеми своими конечностями, забирая туловище, елико возможно, внутрь, отчего створный пиджакишко и заплатанные брюки совершенно свешивались перед наблюдателем.

— Я коммунист Василев, — проговорил он отрывисто и бросил документ в лицо дежурному, — мне нужно немедленно видеть монтера!

Документ был прочитан и принят, а Василов препровожден в первый дворик, куда он пробежал, помахивая перчатками.

Пройдены, не без затруднения, все заставы.

Приемная станция Аэрэлектро. Монтер, седой человек с неподвижным и строгим лицом, вышел к посетителю.

— Товарищ... э? Вы говорите по-английски?

— Да,— ответил монтер.

— Я пришел... Э... по поручению одной державы. Монтер, знаете вы курс доллара? Какого вы мнения о курсе великолепного доллара?

Монтер с изумлением уставился на странного человека.

— Полно дурака валять!— примирительно произнес человек в цилиндре и схватил монтера за плечо.— Испорти всю эту музыку! Держава не поскупится! Тысяча миллиардов... Раз-два!

Монтер свистнул и крикнул подбежавшему отряду хранителей станции:

— Душевнобольной или преступник! В тюремное отделение станции!

Молодого человека подхватили под мышки и, хотя он и делал неоднократные попытки кусаться и плевать, немедленно водворили в общую камеру станционной тюрьмы.

Спустя полчаса взвод часовых, чинно стоявших у входа на станцию, был заменен новым. Он отсалютовал пришедшим, взял ружья наперевес и стройно отмаршировал в казармы.

— Кха! кха!— раздался заискивающий кашель, и к новому взводу подошел человек, горделиво выпятивший живот. Он был в великолепном смокинге, и каждый зритель невольно останавливал взор свой на импозантной фигуре джентльмена, что давало ему возможность держать обе ноги в рваных сапогах далеко позади всего прочего корпуса.

— Товарищи! Я коммунист Василов. Вот мой документ. Ведите меня к монтеру!— важно и с расстановкой произнес смокинг.

Ворота были открыты, и джентльмен устремил туда свой передний корпус с таким проворством, что обе ноги едва не были оставлены за быстро захлопнувшимися воротами.

Седовласый монтер не без досады вышел ко второму посетителю. Он вздрогнул, когда увидел его разительное сходство с первым. Но удивление его перешло в оторопь, когда посетитель поманил его пальцем и сказал таинственным тоном:

— Монтер, иди сюда! Иди, брат! Я к тебе по знатному делу. Не можешь ли ты, за хороший миллион долларов, отвинтить мне пару-другую приемников? Мы собираемся с одной дружественной державой метнуть сюда бомбочку... А?

Спустя десять минут он уже барахтался в общей камере станционной тюрьмы, пугая сторожей громоносным кудатаньем, похожим не то на рев, не то на хохот.

Между тем перед новым взводом часовых, расставляя ноги в виде циркуля и отогнув голову набок, как если б она была несущественным пакетом с покупкой, стоял молодой человек в блестящих бальных брюках. Он растопыривал их перед рослым часовым с большим достоинством, произнося в нос свою фамилию:

— Я ком-мунист Василлов, вот мой документ. Я должен видеть монтера по государственному делу!

Получив пропуск, он поворотился вокруг своей оси и медленно прошел за ворота, ставя ноги носками внутрь и расширяя их диаметр, насколько это позволяла анатомия человеческого тела.

— Странно,— пробормотал монтер, увидя третьего посетителя.

— Друг,— сказал молодой человек в брюках,— предположи, что у тебя жена и дети. С одной стороны, жена, дети и триллион долларов, не каких-нибудь, а вашингтонских, заметь себе. С другой стороны, какая-то плевая электрификация. Поразмысли, дружище!

Заперев его в общую камеру, монтер вызвал по телефону дежурного.

— Allo!— сказал он отрывисто.— В городе появилась психическая эпидемия, если только это не заговор,— не сменяйтесь до вечера. Если появятся новые Василловы, хватайте их без всяких разговоров, обыскивайте и под конвоем препровождайте в станционную тюрьму.

Не успел дежурный повесить трубку, как перед взводом часовых остановился служебный автомобиль Путиловского завода и оттуда выпрыгнул стройный молодой человек в полной паре и прочих принадлежностях туалета.

— Я коммунист Василлов,— вежливо произнес он, подходя к дежурному и поднимая два пальца к кепи,— вот просьба от заведующего заводом...

Он не успел закончить, как несколько дюжих красноармейцев кинулись на него, связали по рукам и по ногам и обшарили его сверху донизу.

— Спрячь-ка это в будку,— сказал один, подавая дежурному странное стеклышко, отмычки, флакон с голубыми шариками и уродливый стальной инструмент.

Пойманный был взят за шиворот и под конвоем проведен в общую камеру станционной тюрьмы, где он вздрогнул и свирепо уставился на трех веселых молодчиков, ужасно похожих на него и залившихся при виде его неистовым гоготаньем.

БЛАГОДАРНЫЙ
СЕЛ
С СЕДА

Жаркий полдень в штате Иллинойс, известном главным образом тем, что он принадлежит к Северному центру, походил на жаркие полдни всяких других стран, не уступающих ему по части широты и долготы.

На террасе дачного коттеджа, под парусиновым балдахином, сидел безмятежный старец, разбитый параличом. Два старых негра справа и слева отмахивали от него мух. На плече его сидел розовый попугай. На коленях лежала кошка, а у ног — ирландская сука с четырьмя сосунцами. Взор старца был устремлен на превосходный аквариум неподалеку от его кресла, наполненный всякими китайскими мокроподами, — излишняя особенность для рыб, и без того обитающих в мокром месте.

Язык старца, с трудом ворочавшийся, пришел в действие:

— Ккак... мои шпороссятки? — спросил он у негра.

— Кушают, масса Мильки, благодарение богу.

— А ммоя жжабба?

— Опущена в колодец, масса Мильки.

— А ммоя дочь?

Но эта последняя не дала негру ответить, появившись на террасе в сопровождении гостя, проезжего депутата Пируэта.

— Вытрите папе нос! — сердито сказала она неграм и усе-
лась в кресло, скрестив ножки. Депутат сел рядом с ней.

Молодая мисс Мильки была девицей пятидесяти трех лет. Коротенькое платьице лаун-теннис выгодно обтягивало ее формы, а рыжекудрый парик придавал ее задорному личику еще большую пикантность.

— Не утешайте меня, дорогой мистер Пируэт! Я уверена, что сойду с ума! И чем скорей, тем лучше! — вырвалось у нее страдальческим шепотом.

— Но ваш милый папенька... — тревожно заметил Пируэт.

— О! Ему ни за что не дают отставки! После этого знаменитого дела они вцепились в него, как щипцами! И понимаете, дорогой мистер Пируэт, всю его корреспонденцию, все эти письма, жалобы, апелляции, интерpellации, все это должна читать я сама. В мои лучшие годы, когда другие танцуют, резвятся и... ах!, встречаются с себе подобными, я должна сидеть над бумагами! — из пышной груди мисс Мильки вырвалось стелание.

— Но почему бы вам не взять секретаря?

Мисс Мильки устремила на депутата изумленный взор.

— Здесь, в Иллинойсе, секретаря! Дорогой мистер Пируэт, вы должны знать, что у нас легче купить железную дорогу, чем нанять секретаря! У нас нет здесь ни единой рабочей руки!

Депутат Пируэт взглянул на нее с ужасом.

— Ни единой! — энергично повторила она. — А когда перепадет к нам кой-какой польский эмигрантишка, — вы знаете, ведь иной раз они добираются до Иллинойса, — так его перехватывает эта собака, этот изверг, этот безумец, этот молодой Нерон и Навуходоносор, мистер Дот!

С этими словами мисс Мильки откинулась на спинку стула и затрепетала всем телом в нервной конвульсии.

— Скажите мне, кто такой мистер Дот? — нежно осведомился депутат, кладя свою руку на трепещущие пальцы несчастной мисс.

Долгое молчание было ответом. Наконец, собравшись с силами, она открыла глаза и глухо произнесла:

— Дот — это роковой человек, мистер Пируэт. Он виновник всех наших несчастий... Когда-нибудь, на досуге...

— Но я сегодня уезжаю! — с испугом вырвалось у депутата.

— На досуге я расскажу вам страшную драму нашей жизни. А пока только одно слово: Дот — автор! Он автор гнусного фельетона о детективных талантах моего отца. Он автор прогремевшего интервью, в котором мой папенька... — мисс Мильки всхлипнула... — мой папенька обзывается такими... такими словами, что будто бы Шерлок Холмс и Нат Пинкертон перед ним трубочисты!

Не в силах продолжать разговора, мисс Мильки набросила на лицо кружевной платочек, как раз вовремя, чтоб подхватить кусок штукатурки, упавший у нее из-под левого глаза.

Мистер Пируэт почувствовал себя заинтересованным. Он уже собрался сказать мисс Мильки, что согласен отложить свой отъезд, как со стороны проезжей дороги, огибавшей коттедж, раздались неистовые вопли.

— Стой! Стой! Стой! — вопил кто-то в бешенстве, размахивая дубиной и со всех ног летя за небольшим серым ослом, волочившим по дороге странную ношу.

Но осел, как это чаще всего бывает с ослами, выразил совершенно обратное намерение и, брыкнув своего преследователя, галопом понесся дальше.

Пальцы мисс Мильки вонзились в руку депутата. Очи мисс Мильки устремились на ослиного преследователя.

— Дот! — шепнула она лихорадочно. — Взгляните, этот ужасный Дот преследует своего осла... А осел... Великий боже, что такое он тащит?! Дорогой Пируэт, держите меня за талию, я падаю, я умираю! Он тащит польского эмигранта!

Зрелище, разыгравшееся на шоссе, было все более и более катастрофическим. Дот, черноусый мужчина в соломенной шляпе и небрежном костюме фермера, мчался наперерез ослу, пытаясь загнать его в свой двор и осыпая его проклятиями. Но осел, неистово мыча, проскочил мимо него, сделал два-три поворота и, задрав хвост, неожиданно для всех вдруг влетел во двор коттеджа мистера Мильки. Он пронесся прямо-хонько к креслу, где лежал параличный старец, и замотал головой, сиюсь сбросить со своей шеи кушак, за который держалась его странная ноша.

— Ослик! — прошептал мистер Мильки, блаженно улыбаясь. — Подди сюда, ослик! Благодарный друг мой! Осел-джжентельммен!

Пока эти фразы срывались с языка старца, мисс Мильки и депутат энергично освобождали ослиную ношу. Это был немолодой, бедно одетый и страшно изнуренный человек. На лице его лежала печать глубокого страдания.

— Вы наняты! Подпишите контракт! — визжала мисс Мильки в то время, как мистер Дот с проклятиями требовал назад своего осла, обещая снять с него кожу и сунуть ему под хвост горящую головню.

— Я польский эмигрант, — пробормотал бедняк, понунив голову, — я не имел силы идти пешком и привязал себя к этому доброму животному, пасшемся на лугу, в надежде, что он доведет меня до жилья.

— Вы приняты на место! — отчеканила мисс Мильки. — Здание, которое вы здесь видите, есть родовое поместье моего отца, генерального прокурора штата Иллинойс.

— Для эмигранта вы отлично владеете языком, — вмешался депутат, — как ваше имя, милейший?

Бедняк провел рукой по лицу.

— Меня зовут Павлом Туском.

Глава сорок седьмая

О ПРИЧИНАХ БЛАГОДАРНОГО ЧУВСТВА В ОСЛЕ

— Теперь, когда у вас есть секретарь, а я остался на лишние сутки, — нежно начал депутат Пируэт, сидя с мисс Мильки при луне на садовой скамейке, — теперь я хочу узнать от вас обо всех этих тайнах! И почему вашему папе не дают отставки, и почему этот Дот прославил его по всей Америке, и почему мистер Мильки назвал осла благодарным животным?

— Ах,— вздохнула мисс Мильки,— вы хотите взглянуть на дно моей души... Я согласна. Слушайте меня, дорогой мистер Пируэт, слушайте и исторгайте слезы!

Она поникла головой, собралась с духом и начала следующий рассказ, прерываемый частым кваканьем жабы, хрюканьем поросят и ночными стонами летучей мыши.

— Мы переселились сюда, когда папеньку разбил паралич, года два тому назад, сэр. Место это было глухое и мрачное, особенно для юного существа. Папаша чувствовал себя прекрасно, будучи любителем животных, а я должна была дни и ночи наблюдать за сельским хозяйством, в то время как в груди моей пели мелодии Шопенгауэра.

— Вы хотите сказать Шопена? — перебил ее депутат.

— Ну да, Шопена Гауэра,— поправилась мисс Мильки;— отец мой подал в отставку, и ее хотели уже принять, ждали только подходящую рабочую руку для его замены, что у нас в Иллинойсе, как я вам уже сказала, адски трудно. И вот в один прекрасный день прибегают к нам и говорят, что соседняя ферма куплена и что у нас скоро будет сосед, некий мистер Дот из Арканзаса. Я тотчас же взяла географическую книгу, сэр, и навела справку. Я узнала, что Арканзас лежит на юге и что тамошние уроженцы обладают горячим темпераментом. Ах, сэр, мучительное предчувствие охватило меня!.. Сосед приехал, и не прошло трех дней, как он явился к нам с визитом.

Мисс Мильки прервала свой рассказ, прижав руку к сердцу. Депутат поощрительно налег на ее талию.

— Вообразите себе, сэр, высокого стройного мужчину с черными усами. Вообразите себе, с одной стороны, это пустынное сельскохозяйственное место и молодую беспомощную девушку, с другой — высокого мужчину с черными усами и горячим арканзасским темпераментом. То, чего я опасалась, свершилось: мистер Дот влюбился в меня с первого взгляда. Правда, он не признался мне в этом. Но его взгляды, его жесты были красноречивей слов. Стоило мне придвинуться к нему поближе, как он судорожно отталкивал меня от себя. Не успевала я войти в комнату, как он прекращал разговор с папенькой и хватался за шляпу. Если я глядела на него за столом, он не кушал; если я заболела и оставалась в своей комнате, он на целый день приходил к папеньке, видимо беспокоясь о моем здоровье. Это не могло так продолжаться, сэр. Я умею быть твердой, несмотря на всю свою молодость. Я написала мистеру Доту письмо с просьбой объяснить и прекратить излишние страдания, ставящие и меня и его в фальшивое положение...

Мистер Дот не ответил. Мало того, он прекратил бывать у нас и заперся на своей ферме в течение двух недель. Негры

рассказывали, что в это время он вел образ жизни Нерона. Он пил один только алкоголь, сэр, жег целые груды навоза у себя на дворе и ходил купаться к пруду. Я поняла свой долг женщины. Из опасения его самоубийства, я накинула на себя легкий шарфик и при закате солнца пошла к нему, пренебрегая пустыми предрассудками.

Мистер Дот при виде меня издал восклицание, вскочил с места, сделал два шага и, как подкошенный, упал к моим ногам. Я скрыла свое торжество и положила обе руки на голову этого неистового человека. Я шепнула:

— Не надо объяснений! Идемте к папаше!

Но самолюбие мистера Дота оказалось до того болезненным, что он принялся отвергать очевидный факт и, словно ребенок, твердил, будто упал вследствие сломавшегося каблук и даже ухитрился показать мне этот каблук, сломанный каким-то случайным образом. Кнут Гамсун, сэр, если только вы читали этого писателя, был знатоком подобного самолюбия в своих любовных романах. Я вспомнила их и не дала себя вовлечь в обман. Ласково улыбнувшись, я погрозила мистеру Доту пальчиком и назвала его «влюбленным безумцем». Ах, сэр, я не подозревала, что из этого выйдет. Мистер Дот схватил шапку и убежал в степь. Он скрывался в степи три дня, ночуя под открытым небом и питаясь зеленым горохом. На четвертый день он явился, ведя с собой небольшого серого осла.

Мисс Мильки вздохнула и утерла глаза.

— Надо вам сказать, сэр, что меня зовут в честь моей бабушки Юноной. И вот этот безумный арканзасец перестал кланяться и мне и моему папаше, найдя противоестественное удовлетворение своим страстям. Он назвал своего осла Юноной и целый день перед самой нашей террасой бил это животное дубинкой, улыбаясь улыбкой маркиза де Сада. Мой отец, как вы, должно быть, заметили, питает положительную нежность к животным обоего пола и всех видов. Не успела я опомниться, как он закачался на своем стуле и потребовал от меня подачи в суд на мистера Дота за истязание осла. Этого мало, сэр. Папаша раскачался до того, что велел нести себя на судебное разбирательство и сам произнес обвинительную речь. Если б вы только видели, что это было! Вся зала рыдала ручьем. Присяжные рыдали ручьем. Папенька был весь заплакан и не мог вытереться. Мистера Дота присудили к огромному штрафу. С тех самых пор, сэр, я жила под угрозой его мести. Некоторое время все было тихо, он куда-то уехал. Как вдруг ударила молния. Дот поместил в газетах статью о знаменитых способностях моего папаша. Отставку его отклонили, и с того дня, сэр, мы ежедневно получаем сотни писем о различных уголовных преступлениях, с просьбами их распу-

тать... Что переживаю я над этими письмами, оскорбляющими мою невинность,— не поддается описанию!

Мисс Юнона Мильки вздохнула и прислонила головку к плечу депутата. Потом вскрикнула, как ужаленная, поцеловала его прямо в губы и, как легкая лань, умчалась в коттедж.

Мистер Пируэт поспешно вытащил изо рта кусок упавшей туда штукатурки, оглянулся по сторонам и, как вор, пробрался в конюшню.

— Оседлайте моего коня! — шепнул он негру, энергично растолкав его ногой. — Я должен чуть свет добраться до Мичигана и не хочу тревожить хозяев!

Уже сидя на коне и отъехав за двадцать километров от коттеджа, депутат нашел в себе мужество обернуться и отправить по адресу Юноны прощальную речь.

— При создавшейся обстановке,— пробормотал он,— она замуровала бы меня штукатуркой в пять-шесть приемов. Хорошо бы я был перед моими избирателями, наглухо замурованный, как какая-нибудь дверь! И хотел бы я знать, как мне удалось бы тогда агитировать против торгового соглашения с Россией!

Глава сорок восьмая

МО ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Не успели утренние лягушки проквкать гимн солнцу, как уже новый секретарь мистера Мильки появился на террасе и приступил к исполнению своих обязанностей. На столе кипой лежала корреспонденция, только что доставленная по адресу генерального прокурора.

Он механически вскрыл несколько конвертов, пробежал их и стал делать отметки в своей записной книжке. Павел Туск — человек аккуратный. Несмотря на странную печать безжизненности и омертвения, разлитую по всей его внешности, глаза Туска обличают высокую интеллигентность. Он дошел уже до половины своей работы, когда в руках у него очутился небольшой грязноватый конверт, пропитанный табачным дымом. Все с той же методичностью он вскрыл и этот конверт и погрузился было в чтение, как вдруг по лицу его разлилась краска, глаза сверкнули, как у сумасшедшего. Мистер Туск вскочил с места и стал искать взглядом звонок. Надо сознаться, что манеры его отнюдь не походили на манеры должностного лица польско-эмигрантского происхождения. Негр, вы-

нырнувший на его звонок, остановился в дверях как вкопанный.

— Эй, послушайте! — начальственным тоном произнес секретарь, держа в руках конверт. — Кто читал у вас до сих пор корреспонденцию мистера Мильки?

— Мисс Юнона, — пролепетал негр, выпуча на него глаза.

— Позовите ее сюда!

— Мисс Юнона принимает молочную ванну, — осмелился доложить негр.

— Позовите ее, когда она будет готова! — сказал секретарь и снова погрузился в письмо.

— Нолла, — сказал негр толстой негритянке, заведовавшей горничными мисс Юноны, — скажи молодой мисс, чтоб она вылезла из молока. Новый секретарь ждет не дождется ее появления, так и передай.

— Дурень, — ответила негритянка, — ты бы еще назвал молодой ту солонину, которую она отпускает нам на обед!

И, подвязав себе чепчик, она пошла в ванную, где мисс Юнона Мильки мирно покоилась в молоке, к сомнительной пользе для себя, но к большому счастью для своих близких, ибо молоко, как известно, не отличается прозрачностью.

Мисс Юнона была сильно не в духе, но основной чертой этого стойкого характера было умение не сдаваться судьбе ни живой ни мертвой.

— Ты говоришь, он уехал поздно ночью, не велел никого будить? — переспросила она у своей горничной, приготовлявшей в ступе бальзамическую смесь из сухого гелиотропа, пудры и различных замазок.

— Так оно и было, мисси, — словоохотливо ответила горничная, — конюх говорит, что он как будто плясал в ожидании лошади, вроде горячей кобылки, а потом перемахнул через седло, да и был таков.

— Вот что значит ревность, — задумчиво произнесла мисс Юнона, похрустывая в молоке суставами на манер кастаньет, — никогда не советую тебе, Доротея, рассказывать о своих обожателях новому поклоннику. Это ужасно действует на их самолюбие.

Она помолчала минуты две и мечтательно произнесла, глядя на потолок:

— И мне не следовало при нем так радоваться появлению мистера Туска, совсем, совсем не следовало!

— Мистер Туск просит вас, мисс Мильки, выйти к нему как можно скорее, — запыхавшись, произнесла Нолла, просунув в дверь черную голову, — он сказал Саму, а Сам мне, а я...

Мисс Мильки не дала ей закончить. Бросив торжествующий взгляд в сторону Доротеи, она рассекла млечные волны и вынырнула из них во весь свой рост наподобие Афродиты.

Спустя полчаса рыжая девушка в коротком платье задорно выбежала на террасу:

— Идемте завтракать, дорогой мистер Туск! Дела могут подождать! — вскричала она с пленительной наивностью и повисла на руке секретаря.

Но секретарь проявил необычайное упорство. Он посмотрел на нее пронизательным взглядом, протянул ей конверт и сказал:

— Прочитайте письмо и постарайтесь вспомнить, куда вы дели предшествующее, на которое ссылается автор.

Мисс Мильки невольно подчинилась приказу секретаря. Она прочла следующее:

«Неизвестного происхождения, доставлено на собаке, прибывшей из Америки в Кронштадт, и послано адресату капитаном судна «Амелия» ирландцем Мак Кинлеем».

Вслед за этими крупными каракулями, основательно одобренными табачным дымом, шло письмо:

«Генеральному прокурору штата Иллинойс.

Высокочтимый сэр,

если вы получили мое предыдущее письмо и вынули пакет из моего тайника, вам небезынтересно будет узнать продолжение рокфеллеровского дела. Я держу в руках все его нити. Я посажен в сумасшедший дом, откуда как нельзя лучше можно следить за главным преступником. Вы поймете меня, если потребуете освобождения из камеры № 132 умалишенного Роберта Друка».

Мисс Мильки нетерпеливо пожала плечами:

— Дорогой мистер Туск, он нисколько не скрывает, что он умалишенный. Я не могу понять, неужели можно придавать значение письмам сумасшедших.

— Но вы получили его первое письмо?

— Ах, какой вы неотступный! Вон в этом сундуке решительно все письма, полученные на имя папаши! Если хотите, берите и разбирайте их до самого дна!

Павел Туск именно так и сделал. Несмотря на депутацию из четырех негров, трижды призывавшую его завтракать, он засел над сундуком и просидел над ним с добрую половину дня. Все его поиски оказались тщетными. Ничего похожего на письмо Роберта Друка там не отыскалось. Тогда он проявил необычайную энергию: велел заложить лошадей и отвезти себя на соседнюю телеграфную станцию, откуда он протелеграфировал в Чикаго от имени генерального прокурора о немедленной высылке ему полного списка нью-йоркских сумасшед-

ших домов. Затем он вернулся в коттедж и принялся сшивать в тетради деловые бумаги и письма.

Когда безмятежного старца после обеда выкатили на террасу, он подсел к нему с таким независимым видом, что в груди мисс Юоны шевельнулось страшное предчувствие: не ставленник ли это самого Дота.

— Любезный сэр,— сказал он старцу деловым тоном,— вы сильно запустили дела. Если разрешите, мы с вами съездим сегодня в город на сессию и дадим ход кое-каким из поступивших на ваше имя жалоб.

— Нне ссегодня, сэр!— жалобно простонал старец, бросая на своего секретаря беспомощный взгляд.— Ссегодня я а-адски занят!

— Масса Мильки ждет сегодня знаменитого моржа, сэр,— вмешался негр Сам, приходя на помощь своему господину.

— Моржа?

— Из Сан-Франциско, сэр. По газетному описанию!

— Ну да,— капризно вмешалась Юона, становясь в оппозицию к своевольному секретарю,— если мы нанимаем людей, мистер Туск, мы всегда задаем им вопросы, и они отвечают, а вовсе не наоборот!

— Что за морж из Сан-Франциско?— продолжал допытываться неумолимый секретарь отрывистым тоном.

— Морж!— истерически вскрикнула Юона.— Я прочитала папе в газете, что на берег в Сан-Франциско вышел удивительный морж необычайной толщины и стал страшно лаять. Когда его захотели поймать, он кинулся на своих плавниках прямо в город, пробежал три улицы, залез в аптеку и едва не искусал аптекаря. Папаша, разумеется, захотел купить этого моржа, и мы выписали его от аптекаря наложенным платежом.

— Хорошо же вы занимаетесь государственными делами, мистер и мисс Мильки,— сурово отрезал секретарь, вперив в обоих укоризненный взгляд.— Вот здесь в портфеле ждет очереди таинственное убийство вдовы полковника, похищение брильянтов у креолки, пропажа завещания из конторы в Чикаго, два-три дела не меньшей важности. Здесь лежит обвинительный акт против кокаиниста, восемь жалоб на истязание и изнасилование, четыреста неразобранных случаев шантажа и вымогательства, донос на акционерное общество по сплавке бревен вдоль реки Миссисипи, извещение о поимке бежавшего банкрота с двумя миллиардами долларов и, наконец, анонимное письмо о подкупе депутата Пируэта князем Феофаном Оболонкиным, и вы ничего этого не читали и ни о чем этом не заботитесь. Негр! Подать мне перо, чернила, бумагу!

Сам выбежал из комнаты с трясущейся челюстью и через секунду доставил все необходимое.

— Мисс Мильки, пишите!

Неизвестно почему, но мисс Мильки покорно взяла перо и написала под диктовку секретаря следующее:

«Ввиду моего болезненного состояния передаю все свои права по генеральной прокуратуре штата Иллинойс мистеру Павлу Туску».

— А теперь подпишите за отца!

Дрожащие пальцы мисс Мильки вывели подпись.

— Так! А теперь занимайтесь моржами, и чтоб вся корреспонденция до моего возвращения не была распечатана!

С этими словами секретарь схватил бумажку, кивнул мисс Мильки и ее отцу и быстро сошел с террасы, направляясь к конюшням.

— Узурпатор! — визгливо крикнула ему вслед мисс Мильки, раскинула руки по обе стороны корпуса, подобно двум веслам над утлой ладьей, и упала в обморок. Безмятежный старец сидел в кресле, глядя на нее с детским состраданием и тчательно взывая к разбежавшимся неграм.

— Юнни, — произнес он с трудом, — джентльмен прав... Не плачь, Юнни!

Полежав с пять минут, Юнона пришла в себя, взглянула на отца странным помутившимся взором и удалилась к себе в комнату.

Павел Туск проскакал до станции и с экспрессом прикатил в город. Он энергично расследовал с десятков уголовных дел, произнес две речи, провел несколько приговоров, навестил двух-трех заключенных, пообещав им скорое окончание их дела, и кончил тем, что до чрезвычайности понравился судейской публике.

— Вот это так рабочая рука! — шептались у него за спиной, покуда он вел деловые разговоры своим отрывистым тоном.

Был уже вечер, когда он вернулся в коттедж. Взорам его представилась странная картина.

Перед креслом мистера Мильки в цинковом ящике с водой сидел огромный блестящий морж, глядя маленькими умными глазками прямо в глаза старцу. Из полураскрытой глотки его вырывались лающие стоны, плавники безжизненно распластались по стенкам ящика.

— Получили-таки! — без особенного удовольствия сказал секретарь, проходя мимо моржа на террасу.

В ту же секунду морж закинул голову, и воздух огласился таким ужасным, таким раздражающим лаем, что негры упали на землю, пряча лица в колени, а сам мистер Туск почувствовал неприятное стеснение сердца.

— Моржжик страдает! — пробормотал мистер Мильки. — Помогите ему, сэр!

— Вздор, — отрывисто проговорил секретарь, подходя, однако же, к моржу. Он пристально оглядел его, приподнял плавники, провел рукой по шее и брюху, и морж сносил это с изумительной кротостью. Внезапно рука секретаря нырнула под воду, и он крикнул неграм:

— Эй! Несите сюда чашку рвотного!

Ворча и спотыкаясь, испуганные негры принесли ему все, что нужно.

— Влейте моржу в глотку!

Но на этот раз магический голос секретаря не возымел никакого действия. Негры попятились друг за друга и остановились шагах в десяти от моржа. Пробормотав ругательство, мистер Туск поднял морду моржа, и свирепое животное без единого протеста проглотило лекарство; потом он, засучив рукава, снова сунул руку в воду и нажал на что-то с такой силой, что по телу моржа прошла судорога.

— Хав! Хав! — пролаял он еще раз и стал корчиться в ужасных муках. Секунда — две — три, и из моржовой глотки показалось что-то блестящее. Еще секунда — оно вылетело наружу, упало на пол и со звоном разбилось у ног мистера Мильки.

— Бутылка! — сказал секретарь, высвободив руку из воды. — А в ней сверток бумаги!

С этими словами он быстро подхватил пожелтевшую пачку листов и унес их в свою комнату, оставив моржа и прокурора в приятном созерцании.

Глава сорок девятая

ПОЛ КРОВИ И КОВОДСТВА

Ночь.

В окне мисс Юноны таинственный свет. Она пишет что-то, прочитывает и разрывает на мелкие клочки.

В окне секретаря тоже свет. Он только что прочел рукопись под названием:

«Дневник Биска»

и глубоко задумался. Потом вынул конверт с письмом Друка, сшил оба документа вместе, покачал головой и лег спать.

В окне кухни тоже свет. Вся черная прислуга, собравшись вокруг стола, занята обсуждением таинственной личности мистера Туска.

— Переодетый президент, — шепчет Сам убежденным голосом.

— А по мне, это покойный Вашингтон, вот кто! — вставила свое слово кухарка. — Покойнику-то ведь бояться нечего, у него одна видимость, а тело вроде как из кисеи, вот он и задается. Неужто живой человек стал бы у нас болтаться, когда его что ни час могут оженить? Уж какой был мужчина мистер Дот, а и тот испугался.

В окне мистера Дота тоже свет. Но, заглянув к нему, мы видим, что у него творится нечто совершенно таинственное: свет льется с потолка, один мистер Дот мирно похрапывает на постели, скрытой за ширмой, а другой Дот стоит перед забарикадированной дверью, подняв рукав, из которого торчит револьверное дуло. Голова этого второго Дота имеет большое сходство с половой щеткой, а из брюк выглядывают две кочерги, обутые в высокие сапоги.

Темно только у безмятежного мистера Мильки. Он спит, окруженный сонмом своих животных, и, если б не темнота, мы увидели бы у него на губах блаженную улыбку.

Утренняя почта принесла неутомимому секретарю официальный пакет с печатью. В нем был перечень всех сумасшедших домов Нью-Йорка.

Мистер Туск, быстро покончив с завтраком, развернул список и отметил красным карандашом два адреса: это были единственные дома, где число камер доходило до цифры 132.

Затем он аккуратно сложил салфетку, спрятал корреспонденцию в портфель, вынул блокнот и составил деловое расписание на текущий день. Покончив с этим, он молниеносно повернулся и схватил за шиворот черномазую Ноллу как раз в ту минуту, когда она собиралась пощупать его сзади.

— Какого черта вам от меня нужно? — грозно крикнул он, вперив в несчастную негритянку свои стальные глаза.

— Сэр, простите меня! — бормотала Нолла, трясаясь всем телом. — Я только хотела пощупать, сэр, человек вы или призрак!

Мистер Туск выпустил ее, и на лице его не появилось ни малейшего гнева. Черная Нолла клялась позднее на кухне, что лицо это сделалось даже грустным, совсем как у настоящего покойника, обмытого и одетого в саван.

— Да, я, пожалуй, призрак, добрая женщина, — ответил он очень странным голосом и ушел к себе.

Такое подтверждение кухаркиной гипотезы наполнило души негров окончательным и паническим ужасом. Они долго

еще совещались и перемигивались друг с другом, встречаясь в коридорах, в кухне и на лестнице, — но странность их поведения осталась скрытой от семейства мистера Мильки, так как Юнона упорно сидела у себя в комнате, а безмятежный старец был лишен средств передвижения.

В городе секретарю сказали торжественным тоном:

— Дорогой мистер Туск, отставка мистера Мильки принята! Вы назначены на его место генеральным прокурором Иллинойса.

— Принимаю, но с условием, — отрывисто ответил Туск, как человек, привыкший приказывать, а не подчиняться приказаниям, — вы дадите мне месячный отпуск, чтоб я мог кой-куда съездить и расследовать одно преступление.

Он тотчас же получил все, что хотел, вплоть до казенной печати, бланков для ареста, всевозможных полномочий и удостоверений. Остаток дня новый прокурор посвятил блистательному обвинению депутата Пируэта, не явившегося на суд, и целому ряду разнообразных дел и опять лишь на закате вернулся в коттедж.

Было еще светло, когда он подъезжал к знакомым воротам. Большая телега, доверху наполненная корзинками, преградила ему дорогу. Возница, рослый мужчина, загорелый, как черт, орал во все горло в припадке самого необузданного гнева.

— Чего вы орете? — спросил Туск, подъезжая к телеге.

Мужчина обернулся к нему, красный как кумач, и затопал ногами:

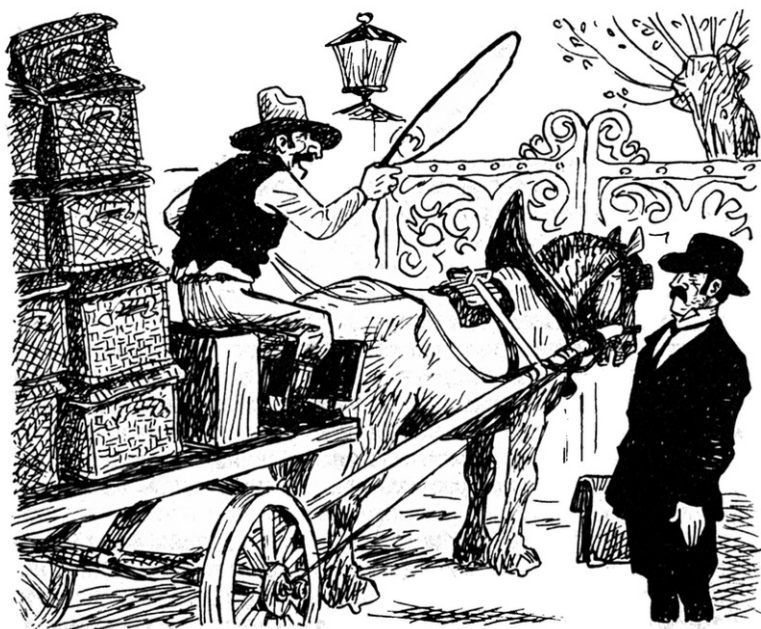
— Я человек казенный, понимаете! Мое время рассчитано до самой что ни на есть секундишки! Я не таковский, чтоб стоять даром полтора часа да надсаживать себе казенную глотку!

— В чем дело?

— Хорошо дело! Безделье, сударь, форменное безделье! Стою полтора часа, чтоб сдать ихних кроликов по адресу, стучу, зову, кричу, топочу, а они будто вымерли. Сидит вон там какой-то олух, глядит на меня во все глаза, а чтоб ворота отпереть — это ему в голову не приходит, да!

Туск привязал лошадь к дереву, в одно мгновение взобрался на ворота и, осторожно миновав полосу гвоздей, прыгнул в сад. Он собственноручно открыл ворота и впустил мрачного краснолицего человека, понесшего к мистеру Мильки на террасу превосходно упакованную корзину с парой великолепных серых кроликов.

— Получайте! — сказал он злобно. — Нехорошо это с вашей стороны, я человек казенный, через меня могут выйти казне очень даже чувствительные убытки.

— Это нне мои кролики, сударь! — кротко пробормотал мистер Мильки.

— Как это не ваши, сэр! — в бешенстве крикнул возница, доставая из-за пазухи письмо. — Выставочный комитет по животноводству поручил мне, сэр, обратную перевозку кроличьих экспонатов штата Иллинойс. Каждая корзинка адресована в свое место, а на вашей, сэр, даже целый конверт. Я казенный человек, мне, сэр, не к лицу ошибаться!

Он бросил на колени старца письмо, сердито мотнул головой и удалился, злобно нахлестав свою лошадь спереди, сзади и по бокам.

Мистер Туск спокойно запер ворота, поднялся на террасу и хотел было спросить у старика, куда попрятались черные слуги, как взгляд его упал на белый конверт.

Генеральному прокурору штата Иллинойс.

— Мистер Мильки, — сказал Туск, взяв письмо, — ваша отставка принята, и я беру у вас это письмо уже не только по праву секретаря, — я назначен вашим заместителем, генеральным прокурором штата Иллинойс.

Он поклонился старику, не дождавшись его ответа, и быстро прошел к себе. Здесь он разорвал конверт, развернул письмо и прочитал следующие строки:

*«Главному прокурору штата Иллинойс
от доктора Лепсиуса, кавалера ордена Белого знамени,
почетного члена Бостонского университета.*

Высокочтимый господин прокурор.

Не так давно в газетах было напечатано, что вы являетесь национальной американской гордостью по части раскрытия таинственных преступлений. В заметке было сказано, что Нат Пинкертон, Ник Картер и Шерлок Холмс являются перед вами не чем иным, как простыми трубочистами. Я взываю к вам о помощи в одном чрезвычайно странном деле. Вы слышали, что в Пултуске был убит Еремия Рокфеллер. Есть основание думать, что он убит отнюдь не теми лицами, кого обвиняют официально. В настоящее время исчез Артур Рокфеллер, его сын, хотя домашние скрывают его исчезновение. Во имя справедливости и для спасения жизни молодого человека займитесь этим загадочным делом.

*Честь имею, высокочтимый
и т. д., и т. д., и т. д.»*

Стальные глаза мистера Туска потемнели. Во мгновение ока он кинулся к столу, где лежали его бумаги и немногочисленные пожитки, приобретенные им в городе. Быстро взглянув на часы, он стал поспешно укладываться, сортируя и приводя в порядок пакеты, завязывая их и складывая в портфель.

Пока он занят был этим делом, мы навестим мисс Юнону, безвыходно сидящую у себя уже вторые сутки.

Мисс Юнона Мильки встала с кровати, где она лежала одетая, и поглядела в окно. Спускались сумерки. Странная тишина стояла в саду, на террасе, в доме. Не слышно было никаких шагов, не доносилось ни единого человеческого голоса. Мисс Мильки вздрогнула и повела плечами.

К ней никто не входил с самого утра. Кухарка не явилась с отчетом о своих приготовлениях. Конюх и садовник не принесли ключей. Горничные исчезли все до одной. Нолла ни разу не просунула в дверь свой чепец, а Сам не зашел сообщить о здоровье старого барина.

Мисс Мильки была голодна. Она была, кроме того, удивлена и напугана. Постояв с минуту, она подошла к зеркалу, накинула на плечи платок и решительно двинулась к выходу.

Безмятежный старик тихо сидел в кресле, ласково глядя в круглые глаза серых кроликов, протягивавших к нему свои мордочки сквозь прутья решетки. Признаться, ему было довольно-таки холодно и голодно. Кроме утреннего завтрака, никто не принес ему ничего, не подходил перекладывать его и убирать за ним, не укутал его вечером пледом. Он не успел пожаловаться мистеру Туску на странный порядок, установившийся у него в доме, и сейчас терпеливо сидел, утешаясь зрелищем хороших зверьков.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо, и голос, в котором он едва узнал голос своей дочери, испуганно произнес:

— Папа, дорогой, неужели вы сидите тут с утра?

— Как всегда, Юнни,— кротко ответил старик.

— Я разумею, папа, что вы сидите без всякой помощи. Бог ты мой, неужто они вас сегодня не накормили?

— Я завтракал утром, Юнни!

Мисс Мильки вскрикнула, сама сдвинула кресло старика и вкатила его в столовую. Потом она опрометью бросилась на кухню, растопила печь, приготовила теплое питье и еду и стала кормить своего отца как малого ребенка, приговаривая между делом:

— Все они сбежали от нас, папа! Я видела их комнаты,— они унесли все свои вещи. Понять не могу, что это такое с ними случилось.

Мистер Мильки ел, надо сознаться, с исключительным аппетитом и широко открытыми глазами смотрел на свою дочь, словно видел ее впервые. Оба они до такой степени занялись друг другом, что прослышали твердые шаги бывшего секретаря и заметили его только тогда, когда он остановился посреди столовой с портфелем и чемоданом в руках и шляпой на голове.

— Я должен немедленно ехать,— начал он отрывисто и вдруг вскрикнул. Взгляд его упал на мисс Мильки... но какая это была мисс Мильки!

Перед ним стояла пожилая высокая женщина в домашнем платье, с измученным лицом и клочком седых волос, собранных на затылке. Она не отвела лица от взгляда Туска и просто произнесла:

— Нас покинули все слуги, мистер Туск. Мы с папой остались одни во всем коттедже.

Мистер Туск положил чемодан и портфель на стул, снял шляпу, протянул ей руку и сказал тоном, каким еще ни разу с ней не говорил:

— Здравствуйте, мисс Мильки, мы с вами сегодня не виделись. Не беспокойтесь, я останусь здесь на ночь, а завтра мы что-нибудь да придумаем. Боюсь, что они сбежали, напуганные моей особой.

Глава пятидесятая

**ЭМИГРАЦИЯ ВОРОН,
ИЛИ ЧЕГО МОЖНО
ДОБИТЬСЯ СИДЯ НА ОДНОМ МЕСТЕ**

Рано утром мистер Туск встал, спустился вниз и критическим оком обозрел все хозяйственные задачи, связанные с необходимостью обитания в коттедже. Он был да-

леко не сентиментален и отнюдь не стал повязывать себя фартуком, колоть дрова, топить печь, резать кур и прочее, как это сделал бы на его месте джентльмен, взятый напрокат из какого-нибудь романа. Мистер Туск был человеком дела. Он закурил папиросу, вышел из коттеджа и резкими шагами перешел расстояние, отделявшее жилище мистера Мильки от фермы Дота.

На его стук никто не отозвался. Туск постучал еще два-три раза с тем же результатом, а потом поднялся на обе руки, упертые им в заборную перекладину, и довольно-таки ловко перебрался по ту сторону границы.

Ферма Дота поражала своей пустынною и заброшенностью. По двору сонно бродили индюшки и поросята, дорожки сада поросли травой, огород служил местом раскопок большого петуха, сопровождаемого десятком кур. Дом был наглухо заколочен и, по-видимому, погружен в крепкий сон.

Туск попытался проникнуть в дверь, но, когда это не удалось, пожал плечами и осуществил свое намерение через окно. Он очутился в передней, где спали на циновках человек двадцать негров, испуская пронзительный храп. Не успел он дотронуться до одного из них, как проснулись все двадцать, вскочили с места и замахнулись на него дубинками.

— Я дух! — отрывисто произнес Туск, скрестив руки на груди. — А ну-ка! Бросайтесь-ка на меня с дубинками! Пусть хоть один сумеет ударить меня по живому месту!

Негры переглянулись. Туск понял, что попал в точку.

— Я призрак! — произнес он снова. — Мне известно все, что творится за моей спиной. Дурачье сбежало от мистера Мильки, и ваш брат отлично знает, куда оно делось. Пусть один из вас немедленно догонит их и вернет, иначе я съем сегодня ночью душу каждого из вас, души ваших покойников и души ваших детей, зачатых во чреве, но еще не рожденных. Поняли?

Негры сбились в испуганное стадо и тряслись, как перепела.

— Масса Дот поколотит нас, — дрожащим голосом промолвил один.

— Ничего не поколотит, я сам с ним объяснюсь. Ну — раз, два, три! — он крепко шлепнул одного из близстоящих негров, и тот опрометью вылетел из комнаты.

Мистер Туск прехладнокровно направился к главной крепости фермы — к двери самого Дота. Убедившись, что она заперта, он забарабанил в нее сперва руками, а потом ногами.

— Кто этот нахал, кто стосковался по пуле? — крикнул взбешенный голос Дота. — Пусть-ка он покажет мне свое лицо, чтоб я превратил его в хорошую яичницу с помидорами!

— Новый прокурор штата Иллинойс, — спокойно ответил Туск.

За дверью водворилась тишина, потом шелкнул ключ, босые ноги затопали в глубине комнаты, и Дот слабым голосом предложил Туску «пожаловать к нему».

Туск не заставил себя долго просить и наткнулся первым делом на живописную статую Дота, устремившую на него из пустого рукава револьверное дуло. Пройдя комнату, он усмотрел второго Дота, черноусого мужчину с добродушным лицом, под одеялом, на собственной кровати.

— Сядьте, сэр,— сказал он вежливо,— и если хотите курить, вон там превосходные гаванны. Не удивляйтесь моему поведению. Когда несчастный и слабохарактерный человек, подобный мне, доведен до белого каления, он утрирует, сэр, все человеческие приемы самозащиты.

— Кто вас довел до белого каления? — сухо спросил Туск, закулив сигару.

— Рыжий бесенок шестидесяти лет, сэр, задумавший женить меня на себе.

— Не знаю ничего похожего на сорок миль вокруг, — отрезал Туск, пуская ароматичные кольца с видом заправского курильщика, — я пришел к вам, мистер Дот, по важному делу. Негры соседнего коттеджа сбежали, оставив на произвол судьбы разбитого параличом старика и почтенную старую леди — его дочь. Я послал одного из ваших слуг за ними вдогонку, а вас прошу немедленно отправить к ним на помощь половину ваших людей. Сказать по правде, я и сам бы на вашем месте отправился к ним, тем более, что мое личное пребывание в этой симпатичной семье, к сожалению, заканчивается.

Дот слушал, выпучив глаза. На лице его выступила краска.

— И рыжий бесенок не собирался вас околпачить, сэр? — пробормотал он растерянно.

— Повторяю, — резко ответил Туск, — я не встречал никого похожего на ваши слова. Старая леди, хозяйка коттеджа, достойна всяческого уважения. Одевайтесь!

Совершенно ошеломленный, Дот подчинился, как подчинялись и все, суровому голосу пожилого джентльмена. Он надел все части своего туалета по порядку, сполоснул лицо, глотнул из бутылки, взял шляпу и утрюмо произнес:

— Ну так идем, черт побери меня за хвост и голову!

Это странное пожелание мистера Дота не вызвало со стороны невозмутимого Туска ни малейшего протеста. В передней они наткнулись на оцепеневших негров, и Дот скомандовал половине из них идти вслед за ними.

Между тем в коттедже началось хозяйственное оживление. Мисс Мильки выкатила своего отца на террасу, сварила ему яйцо и только что приступила к его кормежке, как рука ее сильно задрожала, а лицо побледнело.

Двое мужчин быстрыми шагами, со шляпами в руках, приблизились к террасе и отвесили ей по низкому поклону.

— Мистер Дот пришел просить вас, дорогая мисс Мильки, принять его посильную помощь в деле поимки слуг, — сказал Туск доброжелательно, проталкивая вперед оторопевшего арканзасца, с остановившимися глазами, выпученными на то, что сидело взамен рыжего бесенка.

— Благодарю вас, сэр, — смущенно ответила пожилая леди, — я все-таки справилась с утренним кофе. На вашу долю тоже заварено, и, если мистер Дот не откажется позавтракать, я налью чашечку и ему.

Она с достоинством кивнула обоим мужчинам и собственноручно принесла из кухни завтрак.

Спустя полчаса мистер Дот, освоившийся с новым положением вещей, развивал свою теорию о том, как можно в кратчайший срок добиться новой породы индюшек, а его негры занялись хозяйственными работами в коттедже.

— Мне пора ехать, — не без сожаления произнес мистер Туск, взглянув на часы, — я оставляю вас, друзья мои, на месяц, чтобы... это что такое? — последнее восклицание мистера Туска относилось к утреннему небу, внезапно потемневшему, как перед солнечным затмением.

Все вскинули глаза вверх и повскакали с мест. Огромная черная туча надвигалась на их коттедж. Она ползла, закрывая горизонт и спускаясь все ниже да ниже. Вскоре из тучи посыпались странные звуки, напоминавшие раскаты хохота.

— Вороны! — закричал Дот. — Мы погибли! Они снижают, они засыплют все наши огороды, поля, сады! Стучите, кричите, бросайте в них камнями! Негры, сюда, сюда!

Он неистово заорал на ворон, бросая в них чашкой, тарелкой, шапкой, стульями, зонтиком мисс Мильки — всем, что только попадало ему под руку.

— Ничего! Ничего! Нне ббойтесь, друзья мои, — лепетал безмятежный старец, спокойно глядя на ворон. — Птички!

— Хороши птички! — взвизгнул Дот. — Поймите вы, безумный человек, что это наше разорение! Их больше, чем саранчи! Ни за что на свете нельзя допустить их снизиться! Туск! Черт возьми, да куда же вы делись?

Мистера Туска среди них уже не было.

— Он побежал в коттедж, — прошептала Юнона.

Дот сорвал скатерть и, вскочив на стол, принялся неистово ею размахивать в воздухе. Негры, сев на корточки, устроили настоящий кошачий концерт. Они выли, визжали, скулили, свистели, били в импровизированные барабаны. Животные безмятежного старца подняли адскую кутерьму: сука лаяла и кидалась в воздух с ошетинившейся шерстью, попугай раз

сто подряд раздирающим голосом вопил «гудбай», морж стоял, как иступленный, но ничто не помогало: вороны все снижались да снижались.

Первые из них, отделившиеся от тучи, были уже отчетливо видны. Страшное карканье и свист от взмаха крыльев переполняли воздух. Дышать было трудно от ветра и запаха перьев, еще десять — пятнадцать минут, и страшное черное полчище обрушилось бы на коттедж.

В эту минуту на террасе появился Туск. Он держал в руках ружье, поднял его и выстрелил по воронам:

— Бац-бац-бац...

Туча дрогнула, края ее рассыпались в разные стороны черным кружевом. Секунда, и полчище ворон стало снова подниматься, держа свой путь в направлении Чикаго, а сверху, кружась и белея, что-то начало падать вниз.

— Я стрелял холостыми зарядами, — отрывисто произнес Туск, — у добрейшего мистера Мильки в целом доме не нашлось ничего похожего на пулю. Ай, что это падает?

Медленно кружась в воздухе, сверху продолжало падать нечто, покуда на коленях у старца не лег плотный белый конверт.

Туск быстро схватил его, издал восклицание и, отойдя в сторону, без всяких разговоров распечатал свою находку. Он прочитал следующее:

«Генеральному прокурору штата Иллинойс.

Господин прокурор.

Опасаясь за свою жизнь, прошу вас быть начеку. Я держу в руках нити загадочного происшествия. Если меня убьют или я исчезну, прошу вас немедленно вынуть конверт из тайника в моей комнате на Бруклин-стрит, 8, двенадцатый паркетный кусок от левого окна, прочитать его и начать судебное расследование. Пишу именно вам, а не кому другому, так как вы отличаетесь любовью к уголовным тайнам.

Стряпчий Роберт Друк».

— Последнее звено! — пробормотал Туск со странной улыбкой и, вытащив из портфеля пачку бумаг, быстрыми шагами подошел к столу.

— Друзья мои! — воскликнул он повелительным голосом. — Прежде чем мне уехать, послушайте несколько слов. Эй, негры! Лучших бутылок с погреба и стаканы!

Изумленное общество, только что оправившееся от вороной угрозы, не возражая, приняло по бокалу хорошего шампанского. Дот влил безмятежному старцу в рот его порцию. Все глаза устремились на Туска.

— Друзья мои! — повторил он с бокалом в руках. — В первую ночь моего пребывания я услышал в саду, не станем говорить от кого и как, подробную историю некоей шутки. Дело шло о дружеском фельетоне относительно детективных способностей присутствующего здесь мистера Мильки. Шутка хотела быть только шуткой. И что же? Беспомощный старец, скованный страшным недугом, не двигаясь с места, ничего не читая, ни о чем не зная — распутал самое таинственное преступление нашего века! Да, милые мои друзья, вот в этой пачке собраны почти все звенья страшного дела, раскрытие которого навеки прославит имя мистера Мильки. И знаете ли вы, чем он достиг такого результата? Любовью к животным, черт возьми! Мистер Мильки отдал бессловесным тварям все свое сердце. Он любит их с нежностью, достойной подражания. И что же мы видим? Первое звено этого дела доставляется ему на собаке, — мистер Туск потряс в воздухе конвертом, — второе звено извергается к его ногам из желудка моржа, — мистер Туск потряс в воздухе пачкой желтых листов, — третье звено приезжает к нему на корзине с кроликами, — мистер Туск махнул вторым конвертом, — и, наконец, четвертое и последнее доставляется ему великим переселением ворон!

Мистер Туск поднял последний конверт и бокал.

— Выпьемте, друзья мои, в эту прощальную минуту за здоровье достойного мистера Мильки и его бессловесных любимцев, а также за торжество справедливости, которая добивается своего, джентльмены, через посредство всего живого и мертвого!

С этими словами Туск осушил свой бокал, поклонился и вскочил с чемоданом и портфелем в поджидавший его кабриолет.

Глава пятьдесят первая

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР ШТАТА ИЛЛИНОЙС В ПОИСКЕ АХ ДРУКА

Экспресс доставил Туска в Нью-Йорк без четверти девять утра. Спустя несколько минут он уже был на Бруклин-стрит, 8, и поднимался по лестнице в квартиру бывшего стряпчего Роберта Друка.

На его стук долго не отворяли. Наконец раздалось кряхтение, и старушка в чепце приотворила дверь.

— Проведите меня в комнату вашего сына, — отрывисто произнес пожилой джентльмен, снимая шляпу и входя в кухню, — я намерен у вас остановиться.

— Великий боже, сэр! — воскликнула старушка. — Вы не агент полиции?

— Я друг вашего сына, — ответил гость, положил чемодан и шляпу на стул и сделал движение, чтоб пройти дальше.

— Был тут один такой, — задумчиво ответила старушка, — только он был, сэр, весь голый, за исключением чресел, как говорится в Библии, и сверху донизу вымазан дегтем. «Я друг-приятель вашего сына, — сказал он мне и скушал, бедняжка, кусочек пудинга, — даром что, — говорит, — в таком виде». Уж не вы ли это, переодевшись и помывшись?

— Я самый, — спокойно ответил Туск и проследовал внутрь квартиры.

Старушка провела его в комнату Боба, где все сияло чистотой и, казалось, поджидало своего хозяина. По пути она сообщила ему, что со дня смерти своей кошки Молли она замкнулась в своем горе и, если он согласен, может разомкнуться для него на часок-другой, между растопкой печки и варкой обеда.

— Не размышкайтесь! — перебил ее Туск. — Кроме того, у вас нет причин для горя. Роберт Друк жив, он через месяц, а может быть, и через день, будет дома.

Старушка вскрикнула. Но Туск, в свою очередь, замкнулся перед самым ее носом и, оставшись в запертой комнате, немедленно приступил к делу. Он нашел левое окно, отсчитал паркетные плиты, сдернул коврик перед постелью и, став на колени, пустил в ход перочинный нож. Паркетная плита была вынута безо всякого труда, а под ней лежал конверт, на котором было написано:

ТАЙНА ЕРЕМИИ РОКФЕЛЛЕРА

Туск схватил его, распечатал и, сев в кресло возле окна, погрузился в чтение. Рукопись оказалась отрывочными записями стряпчего Друка. Мы приводим ее, выпустив несущественные подробности:

«Сегодня старый Рокфеллер приезжал в контору. Он советовался с Крафтом. Лицо его было порядком взволновано. После занятий патрон позвал меня в кабинет и сказал:

— Боб, вы честный и умный парень. Я хочу оказать вам доверие. Вот завещание мистера Рокфеллера, где он делит все свое состояние поровну между сыном и мистрисс Ортон, а на случай ее кончины — мисс Вивиан Ортон и другими детьми мистрисс Ортон, буде они родятся. Копию я оставляю у себя. Оригинал вручаю вам, и вы его храните, как зеницу ока. Дело в том, что мистер Рокфеллер имеет причины бояться всяких случайностей и кражи завещания из моей конторы.

Я удивился, однако выполнил в точности волю патрона. После этого Еремия Рокфеллер к нам не заходил месяцев пять.

Получили письмо от мистрисс Ортон, где она выражает тревогу о состоянии здоровья Рокфеллера и спрашивает нас, где он находится. Патрон написал ответ.

Новостей никаких.

Новостей никаких, кроме странных слухов о свадьбе Рокфеллера и мистрисс Элизабет Вессон. Патрон принес кипу русских и польских газет и долго совещался о чем-то с переводчиком. Меня не посвятили в дело.

Недоволен патроном: он явно держит меня в резерве. Решил сам заняться расследованием. Целую неделю вынюхивал, кто такая Элизабет Вессон. Узнал странные вещи: она итальянка, уроженка Корсики. Первый ее муж — простой аптекарь. В посольстве не указывают его происхождения, должно быть — немец. О смерти его никто не знает ничего путного. Начал розыски с другого конца.

Новостей никаких.

Новость потрясающая! Вессон, муж этой женщины, польскоподданный. Живет до сих пор где-то в городе Пултуске под Варшавой и держит частную лечебницу. Неизвестно, имеют ли они формальный развод. Говорят, мисс Клэр Вессон — вовсе не его дочь. Удивляюсь, почему у этой женщины в Нью-Йорке вполне приличная репутация. Она принята в лучших домах.

Сегодня патрон вызвал меня к себе:

— Друк, я нуждаюсь в вашем совете!

Я сделал самое невинное лицо. Он стал говорить, что Рокфеллер сильно изменился и при встрече с ним на улице обходит всякий разговор о завещании. Он опасается, что на Рокфеллера кто-то оказывает давление, может быть — даже шантажирует его. На правах друга и нотариуса он считает необходимым предпринять личные шаги и запрашивает меня, насколько это удобно. Я раскусил, что патрон пришел в тупик, и доложил ему о собственных открытиях. Он задумался.

Мы продолжаем свои поиски. Патрон утверждает, что Элизабет Вессон живет в Нью-Йорке не для собственного удовольствия. Он назвал ее деловой женщиной типа дипломатических агентов или шпионок. Новый слух: свадьба откладывается. Никаких известий о судьбе обеих Ортон.

Мистрисс Ортон умерла от припадка. Мисс Ортон исчезла. Свадьба старого Рокфеллера состоялась. Н-ну! поживем — увидим!

Молодой Рокфеллер был несколько раз в конторе по поручению отца. Парень ничего себе, держится просто. Удивляюсь, почему старый Рокфеллер не меняет завещания и не пишет нового, будто и не знает о смерти мистрисс Ортон.

Говорил с патроном по поводу завещания Рокфеллера.

Тот не знает, что и думать. Решили переговорить с ним откровенно при первой же встрече.

Опять новость! Рокфеллер вместе с женой и падчерицей укатил в Европу. Говорят, он собирается дать Польше золото на очень выгодных для себя условиях. Что-то не похоже на старика! Политика была не по его вкусу.

Ничего нового.

Никаких новостей.

Через неделю Еремия Рокфеллер возвращается.

Сегодня патрон удивил меня своею нервозностью. Дергался, оглядывался по сторонам, бледнел. Пожаловался мне, что видит плохие сны, и начал бояться смерти, чего с ним раньше никогда не было. Я посоветовал взять недельный отпуск и проехаться в Атлантик-Сити. Он согласился со мной, хочет только дожидаться приезда Рокфеллера.

У нас в конторе штурм и дранг! Старый Рокфеллер приехать приехал, но мертвый, в цинковом гробу. Просто не верится этому. Его убили где-то под Пултуском большевики. Не страшно ли, что под тем самым городом, где живет благоверный теперешней мистрисс Рокфеллер. Я намекнул об этом патрону. Тот мрачен, как туча. Говорит, что будет сегодня у Рокфеллеров. Я не знаю, что мне делать с завещанием. Хочу вернуть его патрону, пока никто в конторе не знает, что оно у меня.

Патрон умер! Автомобиль попал под трамвай, шофер жив, патрона раздавило. Наша контора закрыта на три дня.

На место Крафта назначен ликвидатором какой-то итальянец, синьор Грегорио, он рассчитал всех наших клерков и посадил своих. Я оставлен впредь до сдачи дел. Прислали новое завещание Рокфеллера, завтра я его увижу.

День потрясающий! Роберт Друк, ты — свидетель преступления! Держи язык за зубами! Дело по порядку такое: я видел завещание, привезенное из Варшавы. Оно аннулирует все предыдущие и передает капитал Рокфеллера до последнего цента Комитету фашистов. Мистрисс Вессон, мисс Ортон, молодой Рокфеллер — все оставлены на бобах. Но дело-то в том, что подпись Рокфеллера подделана самым явным образом. Я мог бы доказать это, если б захотел. Но я боюсь начать дело неизвестно против кого. Упрятал старое завещание в тайник. Решил ждать каких-нибудь наследников Ортон или Рокфеллера, чтоб начать дело вместе с ними. Грегорио рвет и мечет в поисках завещания, перерыл все шкафы, неизвестно, на что оно ему нужно. Я веду себя как сознательный олух. Этот синьор мне очень не по вкусу. Не знаю наверное, но думаю, что он не без прибыли в этом деле.

Сегодня в контору приходила горбатая девушка, назвалась мисс Ортон. Она поглядела на меня, сняв вуальку, — более

красивого лица в жизни моей не видал. Спросила патрона. Я сунул ей свой адрес. Синьор Грегорио ее принял и вел себя весьма подозрительно, клерк звонил куда-то по телефону. Боюсь, что он догадался, что это наследница и что она может оспорить новое завещание. Жду ее сейчас к себе».

На этом месте рукопись прерывалась. Мистер Туск глубоко вздохнул и несколько минут сидел в полной неподвижности. Потом он развернул записную книжку, прочел два адреса: «Нью-Джерсей, 40» и «Береговое шоссе, 174»; взял свой портфель, уложил туда прочитанную рукопись и вышел.

— Мистрисс Друк,— сказал он старушке,— я вернусь к обеду. Никому ни единого слова о моем приезде. Никого не пускайте в квартиру.

Спустившись вниз, он нанял автомобиль и велел ехать в Нью-Джерсей, 40. Через два-три квартала они остановились у элегантного здания со швейцаром, лифтом и золоченой решеткой. Туск зашел туда, навел справку и через минуту вышел снова.

— Береговое шоссе, 174,— отрывисто сказал он шоферу.

Теперь они помчались вон из города. Блестящие многочисленные улицы одна за другой отлетали направо и налево. Надвигалось пустынное шоссе, с мрачными, редкими постройками, окруженными садами, с бесконечными заборами и огородами. Прохожих становилось все меньше и меньше. Наконец автомобиль свернул в сторону, въехал на асфальтовый двор и остановился у мрачной черной решетки, за которой расстилался парк.

— Ждите меня здесь. Если не дождетесь, поднимите тревогу. Я генеральный прокурор штата Иллинойс,— повелительно сказал он шоферу, спрыгивая на землю.

На звонок мистера Туска дверь приотворил высокий мужчина в белом фартуке, с лицом, изрытым оспой.

— Что надо? Приема нет!— грубо крикнул он, не снимая цепочки.

Туск махнул в воздухе своим документом:

— Сию минуту впустить меня! Я генеральный прокурор, посланный сюда ревизовать сумасшедшие дома.

— Директора нет в Нью-Йорке, сэр,— в замешательстве ответил мужчина,— я имею приказание не пускать никого до его приезда.

— Государство назначило ревизию как раз в отсутствие директоров,— невозмутимо ответил Туск, пристально глядя на привратника,— впустите, пока я не свистнул полицейского.

Сильно побледнев, привратник снял цепочку.

Туск быстро вошел, нащупал свой револьвер и пропустил вперед высокого мужчину. Тот нехотя повел его вдоль тусклых, мрачных коридоров, в которые выходили бесчислен-

ные двери. Из-за дверей неся дикий вой, плач и иступленные крики несчастных, от которых в жилах менее спокойного человека остановилась бы кровь. Но Туск шел как ни в чем не бывало, приказывая открывать камеры и заглядывая в них бесстрашным оком. Он видел истязуемых, умирающих, катающихся в корчах, видел оцепеневших и глядящих в одну точку, видел пляшущих, — пожалуй, более страшных, чем первые. Но самыми потрясающими были странные, бледные, бритые люди, сидевшие, как сторожевые собаки, на цепи, вверченной в стену. У одного из них был вырезан язык.

— Я здоров, — шепнул мистеру Туску бледный человек на цепи, — меня здесь держат родственники, расследуйте мое дело.

— Все они так говорят! — прорычал привратник, покосившись на несчастного с дикой ненавистью.

Туск спросил имя и фамилию пленника, занес в свою книжку, вышел в коридор и пристально поглядел на привратника:

— Вы показали мне все камеры?

— Все! — отрезал мужчина.

— Вы лжете! Ведите меня в сто тридцать второй номер!

— Там сидит личный родственник директора, мы за него отвечаем, — пробормотал привратник, становясь из бледного красным, а из красного фиолетовым.

Туск уставился на него повелительно, и мужчина побрел вперед неверной походкой. Они вышли на лестницу и стали спускаться вниз. Один, два, три этажа. Стены стали сочиться сыростью, на лестнице стоял отвратительный запах плесени, лампочки горели тускло. Глубоко внизу шел еще один коридор со странными нишами. Здесь царствовало безмолвие. Ни единого звука не доносилось ниоткуда, кроме тихого шелеста воды по стенам. Шаги гулко отдавались в ушах. Привратник загремел ключами и с большим трудом отпер тяжелый железный замок.

Камера № 132 была темным, сырым погребом. Свет проникал через коридорное окно. В углу на соломе, скорчившись, спал узник.

Привратник направил на него свет фонаря, бритый человек зашевелился, вскочил, повернул к мистеру Туску бескровное лицо и дико вскрикнул.

— Не бойтесь, я генеральный прокурор Иллинойса! — отчеканил мистер Туск, подойдя к нему вплотную и пристально на него глядя. — Я получил ваше письмо. Расследование начато. Одевайтесь, я беру вас с собой!

Привратник уронил на пол ключи.

— Профессор убьет меня! — пробормотал он дико. — Я не выпущу этого человека, будь вы хоть сам президент.

— Поворачивайтесь, милейший! — крикнул Туск, направляя на него свои серые глаза. — Что это еще за чепуха! Выдать одежду мистера Друка, раз, два, три!

Через десять минут Туск и Роберт Друк как ни в чем не бывало вышли из дверей сумасшедшего дома и уселись в автомобиль к великой радости перепуганного шофера.

— Ну, — отрывисто сказал Туск, когда они тронулись, — я вас слушаю, Друк.

Глава пятьдесят вторая

ДОКТОР ЛЕПСИУС В ПОИСКАХ ПРОФЕССОРА ХИЗЕРТОНА

Мисс Смоулль сидела на корточках, а мулат Тоби у нее на плечах. Они отнюдь не показывали акробатического номера. Целью их была замочная скважина, ведущая в кабинет доктора Лепсиуса.

— Сидит, — бормотала мисс Смоулль, роняя слезы, — сидит, наш голубчик, на том же месте с самого утра. Не кушает, не звонит, не ходит, не ругается, господи боже мой, я прямо разрыдаюсь.

Она не успела привести свою угрозу в исполнение, как Лепсиус неожиданно бросился к дверям, распахнул их и опрокинул живую пирамиду в обратном порядке, так что мисс Смоулль очутилась на плечах у Тоби.

— Автомобиль! — рявкнул он. — Тоби! Звони шоферу!

Вслед за этим он метнулся обратно, схватил шляпу, перчатки и трость и кубарем слетел с лестницы. Лицо его было красно. Глаза сверкали решимостью. Он обдумал план вторжения к профессору Хизертону.

— Университет! — приказал он шоферу, садясь в автомобиль.

Через десять минут он был на месте. Войдя в канцелярию, он осведомился, в какой аудитории читает Хизертон. Служитель удивленно посмотрел на Лепсиуса.

— Как, сэр, разве вы не знаете, что профессор командирован на съезд психиатров в Петроград?

— Он уже выехал? — вырвалось у Лепсиуса.

— Вероятно. Впрочем, вы можете осведомиться у него на дому: Береговое шоссе, 174.

Лепсиус записал адрес и снова прыгнул в автомобиль.

— Береговое шоссе, 174, — крикнул он шоферу.

Снова пустынная улица, чем дальше, тем мрачней и безлюдней. Снова черная решетка у ворот жуткого дома, закупо-ренного и безмолвного, как если б все живое окостенело в нем на манер музейных чучел.

Лепсиус резко дернул звонок. Рябой привратник, весь белый от бешенства, высунул нос из-за решетки.

— Убирайтесь к черту! — заорал он, разглядев Лепсиуса. — Приема нет! Убирайтесь, а не то спущу собаку!

— Друг мой, — шепотом произнес доктор, — я должен передать профессору Хизертону важную вещь. Дело идет о спасении его жизни.

— Поздно, — утрумо ответил привратник, — директор уехал на съезд в Россию, а сегодня была ревизия. Все дочиста записали и увели из камеры 132...

— И все-таки еще не поздно. Речь идет о том, что знает один только Хизертон. Я его самый близкий друг. Он поручил мне в случае чего обратиться к вам. Если вы хотите спасти собственную шкуру, придумайте, как мне его догнать.

Привратник уставился на Лепсиуса подозрительно.

— Как ваше имя?

Лепсиус поперхнулся...

— Олео Ричини! — пробормотал он первое, что пришло на язык.

В ту же секунду лицо привратника прояснилось. Он снял печочку и почтительно произнес:

— Войдите, сударь, войдите! Как видно, вы тоже будете итальянец?

— Разумеется, — пробормотал Лепсиус, входя вслед за ним в мрачное жилище смерти. Но рябой повел его совсем не туда, где был только что Туск. Он отворил маленькую дверь и впустил Лепсиуса в блестящий докторский кабинет, сияющий безукоризненной чистотой.

— Сядьте, сударь, сядьте, я сейчас позову нашу секретаршу, она обмозгует дело.

Лепсиус сел, чувствуя себя крайне плачевно. Он знал по-итальянски не больше десятка слов. Что если секретарша заговорит с ним на этом языке. Не в силах сидеть он опять вскочил и прокатился раза два по кабинету, утирая с лица холодный пот. Вдруг взгляд его упал на превосходные картины, развешанные по стенам, и в ту же секунду он почувствовал, что за ним наблюдает пара черных глаз.

— Питореско э... э каскаро саграда! — пробормотал он, не отводя глаз от картин. — Рома Акрополи. Мультиатули!

Поток его восхищений был прерван чистой английской речью.

— Здравствуйте, сэръ!

Перед Лепсиусом стояла немолодая брюнетка с лицом, до странности похожим на кого-то, кого он знал очень хорошо... но кого? Черт побери, как ни напрягал он своей памяти, он не мог его вспомнить.

— Я восхищался картинами, хотя душа моя в полном хаосе и смятении, — смущенно пробормотал он, идя навстречу секретарше, — дорогая мисс или мистрисс...

— Мисс Кроче. Как итальянка, я понимаю ваш восторг, сэр, но, к сожалению, не знаю родного языка. Что привело вас к профессору?

— Синьорина Кроче, — зашептал Лепсиус, выкатывая глаза из орбит и, насколько это возможно, стремясь достичь максимальной экспрессии, — я его близкий друг. Мы затеяли вместе одно важное дело... одно тайное дело чрезвычайного значения. Оно сорвалось. Если профессор не примет меры, его убьют с пути. Я должен во что бы то ни стало догнать его и предупредить.

Мисс Кроче стала серьезна:

— Опасность грозит ему в Петрограде?

— Именно, именно!

— В таком случае, дорогой сэр, я немедленно устрою вам все документы, и вы завтра утром сядете на пароход.

— Чудесно, — воскликнул Лепсиус.

— Ах, произнесите это по-итальянски! — мечтательно проговорила мисс Кроче, закрывая глаза. — Мне так отрадно слышать родную речь.

— Хипероксидато! — улыбаясь, повторил Лепсиус. Он чувствовал себя на рельсах, и тревога его улеглась.

— Но только, сэр, до отъезда вам нельзя больше показываться в городе. Мы спрячем вас у себя до самого утра.

— Меня ждет автомобиль, — попытался Лепсиус протестовать.

— Вот и отлично! Передайте шоферу, что вы уезжаете и чтобы вас не ждали дома.

Лепсиус сошел вниз к шоферу. Доверчивые лица привратника и мисс Кроче выглядывали из дверей.

— Передай Тоби и мисс Смоулль, что я уехал на три недели! — величественно сказал Лепсиус шоферу и повернул обратно.

Когда автомобиль скрылся, рябой привратник с грохотом запер дверь.

— А теперь... — произнесла мисс Кроче, обращаясь к слуге. — Брось эту жирную свинью в камеру 132 и мори ее голодом до тех пор, пока она не признается, какая шпионская шайка ее подослала!

В ту же минуту ошеломленный Лепсиус был схвачен за шиворот, и железные руки привратника потащили его по

страшному коридору. Как сквозь сон слышал он визг, вопли и стоны, как сквозь сон видел мрачные мокрые стены, вдоль которых влекли его вниз да вниз, пока не всунули в страшный полутемный склеп, где бросили на солому.

Привратник дьявольски расхохотался, захлопнув железную дверь, и шаги его смолкли. Лепсиус остался один.

— Дурень! Дурень! Махровый дурень! — шептал он самому себе, остервенело дубася себя в лоб. — Сиди теперь, капуста, клюква, редиска, сиди, околевай!

Злоба на самого себя спасла доктора Лепсиуса от беспробудного отчаяния. Израсходовав на нее весь запас своей нервной энергии, он стал вяло раздумывать о том, что предпринять. Как только глаза его освоились с сумерками, он разглядел низкий и страшный склеп, его окружавший. Стены сочились от сырости. Только в одном углу, возле соломы, было сухо, и Лепсиус, начиная чихать и дрожать, забился в этот угол. Коснувшись ладонью стены, он почувствовал, что она вся в зазубринах и выемках. Лепсиус вытащил свой докторский электрический фонарик, счистил солому и нагнулся к стене. Каково же было его изумление, когда он прочитал великолепно выгравированное письмо:

«Моему преемнику.

Подними ближайшую к стене плиту ножом, который оставляю под соломой. Спустишь. Копай на пол-аршина ниже. Увидишь отверстие. Если ты наблюдатель, открывай секреты. Если ты трус, пытайся удрать. И в том и в другом случае благодарно помяни знаменитого

Боба Друка».

— Это мне нравится! — сказал себе Лепсиус. — Здесь был, по-видимому, человек с очень крепкими нервами. Попробуем!

Он порывлся в соломе и без труда нашел нож, которым осторожно поднял плиту. Под ней оказалось земляное отверстие, очевидно, прокопанное его предшественником. Он сунул туда ноги с такими телодвижениями, как если б лез в холодную воду. Пол был недалеко. Спустившись в яму, Лепсиус стал рыть землю. Он рыл, как крот, и довольно скоро дошел до отверстия шириной с человеческую голову, а длиной с аршин. Оно было обложено каменной рамой, и сквозь него что-то слабо светилось. Лепсиус возвратился к своей камере, опустил над тайником плиту и, скрючившись в земляной норе, принялся выглядывать в мерцавшее отверстие.

— Открывай секреты! — хорошее занятие для человека, приговоренного к голодной смерти. И что тут можно открыть, кроме того, что отверстие выходит в длинный камен-

ный коридор, уходящий в бесконечную даль. Превосходно мощный и залитый тусклым светом лампочек.

Лепсиус просунул руку и помахал ею в воздухе. Отверстие слишком крепко замуровано, чтоб можно было отсюда бежать. Отчаяние опять овладело несчастным пленником.

— Я пропал! — пробормотал он истерически. — Эта мерзкая мисс Кроче... а черт! Как это раньше мне не пришло в голову!

Лепсиус выпучил глаза и разинул рот. Он вспомнил, на кого была похожа мисс Кроче. Несмотря на цвет волос, некрасивость, худобу, возраст, она безошибочно походила на мистрисс Элизабет Рокфеллер, тем страшным сходством, какое бывает у близких родственников.

Покуда Лепсиус сидел, пораженный своим открытием, в сумасшедшем доме происходили события другого порядка. Взвод полицейских арестовал рябого привратника и мисс Кроче, а судебный следователь с многочисленными спутниками обходил одну за другой страшные камеры. Он заглянул и в № 132, но никого в нем не нашел.

— Молодчага, этот генеральный прокурор штата Иллинойс, — пробормотал он в результате своего осмотра, — недаром о нем прокричали газеты!

Глава пятьдесят третья

М И К В ПО ИСКАХ ГРЕГОРИО Ч И ЧЕ

— Тю! — сказал Ван-Гоп трубочисту Тому с полнейшим презрением. — Тю-тю-тю!

Том только что сделал ему признание о своей любви к горничной Дженни.

— Это ты от зависти, — пробормотал он, покраснев, как рак.

— Тю! — повторил Ван-Гоп еще выразительнее.

— Завидуешь, брат! — настаивал бедный Том, болтая ногами в воздухе.

— Тю-тю! — отчеканил Ван-Гоп.

— А вот посмотрим! — вскрикнул Том, кидаясь к водопроводчику и дубая его по спине.

За стеной обшивкой что-то щелкнуло, и перед обоими драчунами выросла внушительная фигура Тингсмастера.

— В чем дело, ребята? — коротко спросил он, выведя Бьюти из-за стены и сомкнув за собой обшивку.

— Он ругается, Мик! — вскрикнул Том, не переставая угощать Ван-Гопа. — День-деньской только и слышу одни издевки. Сидишь тут в трубе, как оборотень, да еще он тебя обзывает самыми последними словами.

— Тю-тю-тю! — послышалось со стороны Ван-Гопа.

— Видишь! Видишь! — неистово заорал Том, бросаясь на противника с удвоенной силой.

Будь Микаэль Тингсмастер ученым человеком, он сразу открыл бы, что буквы далеко не самое главное в образовании речи, и мог бы даже написать целый том по-латыни о птичьем и собачьем языке. Но теперь он ограничился двумя ударами тома, отбросившими Тома от Ван-Гопа, и пристальным взглядом в сторону того и другого. Том и Ван-Гоп молчаливо почесали затылки.

— Так-то, парни, — произнес он медленно, — вы как есть избаловались! Видно, подслушивание да подглядывание портит и нашего брата. Слушайте-ка в оба уха: я с Бьюти отправляюсь на поимку Чиче. Весь наш союз уже оповещен. Коли что случится, вы получите от меня вести. Я установлю здесь приемник и беру с собой батарею.

— Мик! — воскликнули Том и Ван-Гоп в один голос. — Он укокошит тебя, не ходи!

Тингсмастер молча потушил трубку, уставил в нише, где помещалась сторожевая будка Ван-Гопа, небольшой приемник и побегал вместе с Бьюти по стенам в верхний этаж «Патрицианы». Том и Ван-Гоп, как убитые, побрели за ним.

Сетто из Диарбекира наслаждался полным покоем. Ни один высокопоставленный посетитель не тревожил в этот мертвый сезон стен его гостиницы. Даже князь Феофан Оболюнкин выехал с дипломатическим визитом к новому алжирскому бею, которого он должен был склонить к открытому выступлению против Советской России, переведя с этой целью на алжирский язык оскорбительные нападки русского писателя Гоголя. Все было тихо и мертво в гостинице, и Тингсмастер без всяких хлопот добрался до комнаты без номера.

Он нажал невидимую полоску, и дверь, запертая изнутри, неслышно открылась. Том и Ван-Гоп вошли вслед за ним. Комната Чиче казалась еще пустыней, чем раньше. Слой пыли поднялся на мебели едва ли не выше курса доллара, ниточка, с которой Мик сорвал недавно камешек фабионита, все еще болталась на занавеске.

— Сдается мне, здесь так никого и не было! — произнес, Мик, оглянувшись по сторонам. Он без всякого труда нашел люк, неслышно приподнял половицу и поманил к себе Бьюти.

— Песик, — сказал он, — ты молодцом провела первый рейс. Теперь мы должны пуститься во второй. Найди мне человека, которым пахнет это место, слышишь!

Он несколько раз нагнул голову Бьюти к вещам и углам, где мог еще сохраниться запах Чиче, и толкнул ее к отверстию. Но прежде чем сойти туда вслед за нею, он повернулся к трубочисту и водопроводчику.

— Менд-месс, ребята! — сказал он им серьезно. — Не валяйте дурака.

— Месс-менд, Мик! — с жаром ответили ему оба.

Тингсмастер махнул им рукой и исчез в люке. Собака дожидалась его, взволнованно дыша и высунув язык. Они были в потемках длинного ступенчатого коридора, выложенного ровными каменными плитами. Тингсмастер засветил ручной фонарь и двинулся вперед, придерживая Бьюти за ошейник. Бесконечный ход снижался все больше да больше и, наконец, превратился в туннель, изредка расширявшийся в полукруглую нишу. Они пробирались вперед, не слыша ни малейшего звука, покуда нога Микаэля не наткнулась на что-то, и он не издал изумленного восклицания.

Это был рельс. По туннелю проходила однопутная дорога.

Мик опустился вниз и тщательно изучил рельс, рассмотрел гайки, винты, гвоздики. Работа была старая, крепкая и не американских заводов. Тогда он двинулся дальше, время от времени поглядывая на часы. Черт побери! Они шли уже без малого полдня, а впереди темнела все такая же дыра туннеля, уходящая в бесконечность, и если б оттуда показался таинственный вагон, и Мик, и Бьюти были бы раздроблены.

Выбившись из сил к десятому часу пути, Тингсмастер залез в нишу, достал кусок хлеба и принялся за еду. Бьюти, несколько не утомленная, уселась возле него, вертя хвостом и лоя куски из рук хозяина.

— Мы, должно быть, уже за городом, Бьюти, — задумчиво сказал Мик. — Таких вещей, как этот туннель, просто не строят. Мы с тобой охотимся за крупным зверем.

Поев и отдохнув, они двинулись дальше. Однообразие пути уже начинало утомлять Микаэля до дурноты, как вдруг он увидел, что туннель здесь делает крутой поворот и колея внезапно обрывается. В ту же минуту Бьюти опередила его, повернула к нему голову с умным, зазывающим взглядом и бесшумно бросилась вперед. Он со всех ног бежал за ней.

Каково же было его удивление, когда за поворотом он увидел собаку, неистово кидающуюся на стену, повизгивающую и машущую хвостом. Подойдя к ней, Тингсмастер почувствовал судорожное пожатие чьей-то руки, и хриплый голос произнес близехонько от него:

— Рад вам несказанно, сэр! Счастливая и спасительная встреча!

Мик тщетно искал глазами человека, произнесшего эти слова, пока не заметил скрытого в стене отверстия длиной не больше аршина. Снаружи его не было видно вовсе, и, если б не Бьюти, он спокойно миновал бы его. В отверстии виднелась растерянная и всклокоченная голова толстого человека, бледного и дрожащего как в лихорадке.

— Я в плену, сэр! Заперт в сумасшедшем доме! Умоляю вас всеми богами, сэр, освободите меня!

Тингсмастер молча осмотрел дыру, вынул лом и с полчаса работал над кирпичами. Освободив один, он принялся расшатывать другие, пока не образовал дыры, достаточно широкой, чтобы пропустить доктора Лепсиуса со всеми его принадлежностями.

— Уф! — пробормотал толстяк, вываливаясь в туннель. — Благословен будет этот Боб Друк и на земле, и на небесах, если он уже не нуждается во врачебной помощи. Спасибо вам, сэр! Спасибо вашей собаке! Я доктор Лепсиус.

— Ладно! — ответил Тингсмастер, критически оглядев своего компаньона. — Вы говорите о Друке. Кто это такой?

— Мой предшественник по камере, откопавший это отверстие.

Мик задумался. Он понял теперь, как письмо Друка очутилось на шее у собаки.

— Идемте с нами, — обратился он к Лепсиусу решительно, — мы в погоне за крупным негодяем. Вам ничего не остается, как усилить нашу партию.

Доктор Лепсиус обчистил фалды своего костюма, пригладил волосы, надел перчатки и философски ответил:

— Я тоже охотился за преступником. Надеюсь, сэр, что в дальнейшем это дело пойдет у меня удачнее.

Они опять двинулись по туннелю, изредка обмениваясь односложными словечками. Бьюти весело бежала вперед. Дорога была ей, по-видимому, хорошо знакома и не скрывала в себе ничего страшного. Изредка она останавливалась и поглядывала на своего хозяина умными черными зрачками.

Пройдя шагов сто, они снова запнулись о колею. На этот раз Тингсмастер вынул лупу и пристально изучил обе стены с правой и с левой стороны. Но все его поиски оказались тщетными: в стенах не было ни щелей, ни скважин, ничего похожего на скрытые двери в депо или гараж.

— Куда девается вагон, черт побери? — спросил он себя. — Сэр, пока вы сидели у своей лазейки, вы не заметили проходивших тут поездов или вагонов?

— Ни звука, ни шороха, ни шелеста! — воскликнул Лепсиус. — Лай вашей собаки был первой живой вестью.

— Странно, — пробормотал Тингсмастер.

Еще два часа, и у них подкосились ноги. Забравшись в нишу, Мик и Лепсиус мирно заснули, в то время как верная Бьюти караулила их, бегая взад и вперед по туннелю.

Проснувшись, Тингсмастер мгновенно вскочил с места.

— Бегом! — скомандовал он доктору, и толстяк без малейшей досады засеменил за гигантом вдоль бесконечного коридора.

Колея прекратилась опять. На этот раз Мик заметил в стенах странные отзвуки, показывавшие пустоту. Но он не долго интересовался этим.

— Мы опускаемся, взгляните-ка! — шепнул он, показывая на туннель. И действительно, дорога круто спускалась вниз. Со стены начала сочиться вода. Отверстие туннеля становилось все уже и уже, до тех пор, покуда не превратилось в цилиндрическую дыру. Бьюти, как ни в чем не бывало, взмахнула хвостом и проползла вперед. Тингсмастер стал осторожно ползти вслед за нею, а за ним, тяжело отдуваясь, втиснулся в дыру и Лепсиус.

Здесь было трудно дышать. Металлические стены цилиндра казались сильно нагретыми. До них доносились какие-то странные ритмические звуки. Вдруг собака схватила зубами металлическое кольцо, с силой потянула его к себе, и в ту же минуту она, Тингсмастер и Лепсиус с быстротой пушечного ядра были выброшены из своего цилиндра куда-то вниз, а отверстие сейчас же захлопнулось за ними со скольльзящим звуком.

При падении их друг на друга раздался страдальческий стон. Тингсмастер ощупал доктора Лепсиуса, Лепсиус ощупал Тингсмастера, оба ощупали собаку, — целехоньки!

— Кто простонал? — в один голос спросили они друг друга.

— Я! — ответил кто-то в углу до жуткости знакомым голосом.

Это не был ни Лепсиус, ни Тингсмастер. Это не была и Бьюти.

В ту же секунду Тингсмастер засветил фонарь, уронил его вниз и с криком кинулся в угол:

— Биск! Дружище!

— Мик! Менд-месс!

Прошло полчаса, прежде чем оба друга пришли в себя и смогли, наконец, пуститься в расспросы. Тем временем Лепсиус обозрел пространство при помощи оброненного Миком фонаря и, найдя большую кадку с сухарями, принялся безмятежно за подкрепление.

— Мы на «Торпед», — шепотом заговорил Биск, — у меня переломлены обе ноги и рука, но, по счастью, уже срастаются. Ты выловил из бутылки мое донесение?

— Нет, я получил девять голубей сразу,— ответил Мик,— и понял, что с тобой случилось несчастье.

Биск вкратце рассказал ему обо всем, что нам уже известно из его дневника. А потом закончил свой рассказ:

— В ту минуту, дружище, я думал, что часы мои сочтены. Я схватился за отверстие, выбросил бутылку в воду, как вдруг оно втянуло меня, будто в воронку, закрутило по зубьям и переломало порядком костей. Не будь я Биск, шотландец, оно, должно быть, сделало бы из меня котлету. Да, только каким-то чудом я зацепился за стержень и был сброшен в этот угол с переломанными ногами. Дня три я истекал кровью. Здесь никогда не бывает света. Раз два тут хлопали тайники, и мимо проشمывал кто-то, по счастью, меня не заметивший. Один раз из тайника выскочила собака. Она зализала мне раны, высосала мне язвы, нашла сухари и воду, притащила их ко мне, сухари — в зубах, а воду — на языке. Не будь так темно, я мог бы ее разглядеть. Честное слово, мне показалось, что это Бьюти. Я оторвал лоскут от рубахи, написал в темноте своей кровью:

«БИСК. ТОРПЕДА»

и навязал ей лоскут на лапу. С того дня и началась моя поправка, Мик! Потом как-то, когда качка прекратилась и я понял, что мы остановились, с воронкой стало что-то приключаться, она задвигалась, завертелась, собака кинулась к ней и исчезла в дыре. Да, Мик, я прозакладываю голову, что это была мертвая собака капитана, завывавшая весь наш рейс внизу под палубой.

— Это была Бьюти, дружище! — весело воскликнул Мик. — Она-то и доставила нам твой лоскут. А теперь мы с тобой поохотимся на Чиче!

— Какой там Чиче, — тихо произнес Биск, и голос его дрогнул, — помяни мое слово, Мик, главный преступник не кто иной, как рыжий капитан Грегуар!

— Ну, извините! — спокойно процедил Лепсиус, с торчащим изо рта сухарем. — Я слышал все ваши речи, друзья мои. Я скомбинировал факты. Пари на сто против одного, что главный преступник — профессор Хизертон!

Не успели еще прозвучать эти слова, как собака судорожно взвизгнула. Под ними начались ритмические содрогания, весь их тайник пришел в мерное движение.

— «Торпеда» тронулась! Мы опять поплыли! — горестно воскликнул Биск.

И в то время как эти трое вместе с собакой пустились в далекое путешествие, не подозревая куда, — наверху, в одной из кают «Торпеды» ехал в Кронштадт молчаливый и важный прокурор штата Иллинойс — мистер Туск, оставив спасенного им Друка на попечение счастливой матери.

Ч К ПРИБЫТИЮ АСОВ

Сознание медленно, медленно возвращалось к Рокфеллеру. Сперва он вздохнул, потом потянулся, потом раскрыл глаза.

Он лежал у себя в комнате, на ковре, рядом с женщиной, спасенной им от пытки. Ни он, ни она не были связаны. В окна лился горячий солнечный свет. Что это значит?

Он приподнялся, чувствуя страшную слабость. Но нет, сидеть он не мог и опять повалился на ковер, уткнувшись головой в ее плечо. Женщина шевельнулась и раскрыла глаза.

— Постарайтесь встать, — шепнул Рокфеллер, — я ничего не понимаю. Я так слаб, что не могу приподняться.

Вивиан оперлась на ковер рукой, но рука ее дрожала как былинка, и все ее усилия хотя бы поднять голову оказались тщетными.

— Я не могу, — шепнула она едва слышно, — у меня ничего не болит, но я не могу вынести своей тяжести.

— Как вас зовут? — спросил Рокфеллер после минутного молчания.

— Вивиан, — покорно ответила женщина.

— Мы, должно быть, умрем, Вивиан, — проговорил Рокфеллер, — хотя мне непонятно, почему они выбрали столь поэтический способ отправки на тот свет... Скажите, что вы меня больше не ненавидите!

Вивиан молчала.

— Скажите мне это, Вивиан! — настаивал Рокфеллер, чувствуя, что он все более слабеет от затраченных усилий. — Я больше не фашист... я ваш единомышленник.

— Артур Рокфеллер, — медленно произнесла Вивиан, — ваш отец убил мою мать.

Она закрыла глаза и сделала тщетную попытку отвернуть от него лицо. Но кончик ее щеки по-прежнему касался его лба, и, надо сознаться, в этом прикосновении не было ничего ненавистнического.

Не успел Рокфеллер обдумать услышанные им слова, как в комнате раздались шуршащие шаги. Кто-то медленно приближался к ним, слегка волоча ноги. Это был человек среднего роста, чье лицо он не мог разглядеть. В походке его было нечто неестественное, нечто такое, что оледенило в жилах Рокфеллера остаток его крови. Слабые, безжизненные руки подходившего существа с сильно опухшими сочленениями висели вдоль тела.

Он подошел и медленно опустился перед Рокфеллером. Свет упал на его лицо, лишенное всякого выражения, с тоскующими унылыми глазами горького пьяницы, на время оставленного без спирта.

— А-а! — вырвалось у него сквозь зубы.

Голос, по которому Артур узнал одного из заговорщиков, злобно произнес:

— Мы исполнили ваши инструкции, синьор. Но мы понесли огромную потерю: Франсуа убит, Антес схвачен большевиками. Что вы думаете теперь предпринять?

— Веер! — беззвучно произнесло существо.

Человек в маске протянул ему простой бумажный веер, употребляемый бедными женщинами юга и складывающийся в линейку.

— Веер, — повторил незнакомец, раскрывая и закрывая игрушку над лицом неподвижного Рокфеллера, — раз-два-три-четыре...

Тихие кольхания воздуха причинили Рокфеллеру внезапную дурноту. Он успел взглянуть на Вивиан и увидел, как зрочки ее дико уставились на бессмысленную игрушку.

А мягкие опаживания веера становятся все чаще и чаще, глаза незнакомца загорелись фосфорическим блеском, слабые руки его напряжились, мускулы сделались стальными, из полуоткрытых губ со свистом вырывается:

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... двадцать...

Миг — и сознание Артура Рокфеллера утрачено. Память его парализована. Воля в тисках чужой воли. Как сомнамбула, он медленно поднимается с пола, твердой походкой идет к столу и там останавливается.

С мертвым лицом, бледными веками, тонкая, послушная, бесшумно, как тень, Вивиан вытягивается, подобно ему, и с теми же жестами, тем же шагом идет вслед за ним.

— Вы перестрадали... Вы хотите отдохнуть! — отчеканивает незнакомец.

— Отклоняете разговоры... Часы, прибывающие на ваше имя. Пригласительные билеты. Вместе с женой вы торжественно доставляете часы в подарок комиссарам к двенадцати дня на заседание Петросвета.

— Да, — послушно отвечает Васильов.

— Вы произносите речь, написанную на бумаге... ставите часы на стол перед председателем... ровно в двенадцать заводите их, заводите их, заводите их и остаетесь стоять возле этих часов неподвижно, вы и ваша жена, что бы ни случилось. Но тут к вам обоим вернется сознание, хотя вы и не сдвинетесь с места!

Отвратительная улыбка исказила лицо незнакомца. Он взмахнул пальцами, как будто схватил что-то, повернулся

и быстро вышел из комнаты. Василев остался стоять у стола, бессмысленно глядя на двери. Вивиан безумно улыбалась.

Прошло несколько минут в совершенной тишине, как вдруг снаружи в дверь постучал кто-то здоровым человеческим стуком, и в комнату озабоченно вошел Евгений Барфус.

— Дорогие товарищи, — сказал он, крепко пожимая руки Рокфеллеру и Вивиан, — мы все выражаем вам сочувствие по поводу этой проклятой истории с переодеванием. Все четыре преступника молчат на допросе, как убитые.

— Я хочу отдохнуть! — вяло произнес Рокфеллер.

— Я понимаю, товарищ, — мягко ответил Барфус, — они вас порядком замучили. Но я пришел вас успокоить относительно действий ваших двойников. Мы объехали все заводы, где они побывали. Существенного вреда они нам не принесли. Вообще мы недоумеваем над тем, какие цели преследовали эти психопаты! До завтра.

Он сердечно простился с обоими и вышел, оставив Рокфеллера и Вивиан все в тех же странных позах у письменного стола. Часы протекали. День кончился. Наступил вечер. А тот и другая продолжали стоять, впериw бессмысленные глаза в двери и не обмениваясь ни единым словом.

Глава пятьдесят пятая

ЗАСЕДАНИЕ ПЕТРОВСКОГО

Бессмысленное оцепенение Василова и его жены продолжалось всю ночь. Они не глядели друг на друга, не ели и не разговаривали. Но ни голод, ни жажда не имели, казалось, над ними никакой власти. Утром по телу их пробежал трепет, оба одновременно сделали несколько шагов к двери, и в ту же минуту раздался стук.

— Войдите! — крикнул Василев ровным голосом.

Дверь отворилась, и в нее заглянуло несколько красноармейцев.

— Машина доставлена, — сказал один из них на скверном английском языке, — мы везем ее с собой на тележке. Вам пора идти, чтоб поспеть на заседание.

Он порывлся в кармане, вынул два пригласительных билета и письмо и передал их Василеву.

— От товарища Барфуса. А это письмо доставлено вместе с машиной как приветствие.

Василев взял шляпу, помог жене одеться, предложил ей руку, и оба спустились с лестницы. Внизу стояла тележка

с привязанным к ней ящиком. Красноармейцы покатили ее вперед, и чета Василовых двинулась вслед за ними. Ехать сегодня не было никакой возможности. Толпа загромодила все тротуары, улицы, скверы, крыши домов. Аэропланы то и дело сбрасывали с неба летучки. Красные флаги развевались с каждого карниза. Огромные воззвания, наклеенные на стенах и тумбах, оповещали о торговом соглашении с Америкой.

Ни Василев, ни Катя Ивановна не обращали ровно никакого внимания на то, что делалось вокруг них. Автоматически шагая вслед за тележкой, они не обменялись ни одним словом. Дойдя до колончатого дома, у которого тучей толпился народ, красноармейцы сняли машину с тележки и понесли ее вверх по лестнице.

— Что несешь? — крикнули в толпе.

— Мерикианцы подарок прислали! — весело ответил самый юный, оскалив зубы. Лестница, затянутая коврами, шла в партер огромного, залитого солнцем театра, гудевшего как улей. Они прошли коридоры, наводненные народом, выбрались за кулисы и здесь остановились, сложив свою ношу. Красноармейцы сняли деревянную крышку, вынули упакованную в футляр коробку, развязали ее, счистили стружки, вату, бумагу, еще вату, еще бумагу, и перед взором нескольких человек, следивших за распаковкой, предстали часы в эбеновом ящике изумительной работы.

— Что за красота! — вырвалось у Барфуса, подошедшего к Василеву. — Спрячьте это до минуты поднесения.

Он наклонился к часам красное знамя и повернулся к чете Василовых.

— Я вижу, вы еще не совсем здоровы, — шепнул он с участием, — садитесь вот тут, отсюда вы увидите всю трибуну. Смотрите сюда!

Безжизненный взор Василова устремился по направлению, указанному Барфусом.

Залитая солнцем трибуна медленно наполнялась. Каждого входящего зала встречала громом аплодисментов, криками и пением Интернационала. Вокруг длинного стола, покрытого пурпуром и благоухавшего в белых гиацинтах, собрались все вожди Советских Республик.

Начались речи. Барфус шепотом передавал Василеву содержание каждой из них. Но ни речи, ни шум, ни музыка, ни солнце, ни всеобщее воодушевление не вывели его из безразличия. Он сидел, тупо глядя туда, куда указывал Барфус, отвечал односложно и ни о чем не спрашивал.

— ...И вот мы накануне всеобщего признания. Договор подписан... Группы, сочувствующие торговле с нами, прислали нам свое приветствие... — донесся голос с трибуны.

В ту же минуту по телу Василова пробежал электрический ток. Он схватился рукой за карман, где был конверт, вскочил и механически шагнул на трибуну. Катя Ивановна ринулась вслед за ним, прежде чем Барфус успел ее остановить. Два красноармейца подняли ящик и поставили его на пурпурный стол. Вся зала вскочила с мест, бешено рукоплеская и стараясь через головы и плечи друг друга разглядеть диковинный дар. Большие часы, висевшие над трибуной, указывали без десяти двенадцать.

— Я пришел к вам от имени той части Америки... — механически стал читать Васильов, развернув бумажку. — Той части Америки...

Он остановился... вздрогнул, провел рукой по лицу. Прямо против него, в упор устремив на него огненные глаза, казалось, читавшие до глубины его души, сидел Ленин.

— От имени той части Америки, — в третий раз произнес Васильов неверным голосом. По лицам всех собравшихся пробежало недоумение. Он дернул головой и плечами, судорожно спрятал конверт в карман и бросился прямо к часам, ощупью отыскивая их завод.

В зале воцарилось гробовое молчание. Васильов нащупал завод, он стал поворачивать его — раз, два, три — сухой треск пронесся по зале, похожий на пересыпание мельчайшего бисера. В ту же минуту глаза Василова и его жены расширились, в них впервые сверкнуло сознание, они поглядели друг на друга, потом на трибуну, с ужасом, раскрыли рты, как для крика, дернули руками как бы для предостережения, но изо рта их не вырвалось ни единого звука, а мускулы их оцепенели, как налитые свинцом. А часы между тем издали невнятный свист, разверзлись пополам, выбросили прямо на стол круглый стальной предмет и произнесли на всю залу ясным, металлическим голосом, похожим на щелканье ключа в замке:

«НЕ ВЕРЬ БОГАЧАМ И ДАРЫ ПРИНОСЯЩИМ!»

Вся зала хлынула к трибуне, отделенной от нее оркестром. Многие поскакали вниз, на плечи музыкантов.

— Что это значит? Покушение! Спасайте вождей! Не создавайте паники!

Тысячеголосые крики переполнили театр. Но громовой голос прорезал их, мгновенно восстановив тишину:

— Ничего не случилось! По местам, товарищи!

Круглый предмет переходил из рук в руки. Все сидевшие на трибуне обменялись удивленной улыбкой. Секретарь поднялся и показал его зале.

— Товарищи! — произнес он взволнованно. — Часы были начинены бомбой, формула которой выгравирована на метал-

лической обшивке. Если бы она разорвалась, не только мы с вами, но и весь окружающий район превратился бы в клоушья. Непостижимым образом неизвестные друзья обезвредили механизм и привели в действие вместо бомбы вот эту фонографическую пластинку, произнесшую весьма поучительные слова. Я полагаю, товарищи, мы примем их к сведению!

Зал загремел от восторженных рукоплесканий.

Заседание между тем было прервано снова. Из главного входа, стуча сапогами, бежал милиционер с лицом, красным как кумач. Волнение и суматоха после взрыва были так велики, что его никто не останавливал. Он добежал до трибуны, остановился, чтобы перевести дыхание, и загремел сочным басом:

— Товарищи, я командирован с экстренным донесением! Прощу слова!

Его окружили, и через минуту он рапортовал, молодецки приложив два пальца к кепи:

— Так что имею донести нижеследующее: на семи главных заводах сей минут обнаружено по запытанной бомбе адского содержания. Эти самые бомбы, товарищи, выкатились ровно в двенадцать часов на середины комнат вроде как волчки да и принялись разделять... Интернационалы на манер оркестра. Вот извольте видеть своими глазами.

И сияющий милиционер горделиво опустил руку в ранец и разложил на столе одну за другой семь одинаковых бомб.

— Черт возьми! — крикнул один из членов Петросовета, ухитрившийся перепрыгнуть через оркестр прямехонько на трибуну. — Покажите мне эти штуки.

Он был известным химиком, и вся зала с интересом следила за ним глазами, пока он разглядывал диковинные игрушки. Прошло несколько минут. Химик пожал плечами.

— Ничего не понимаю! — вырвалось у него. — Самые настоящие бомбы с сильным взрывчатым составом. Но механизм их мне абсолютно незнаком! Тут надо позвать механика!

— Объявляю заседание закрытым, — произнес секретарь, — дело будет расследовано, товарищи, до мельчайших подробностей. Пока же сохраните спокойствие и умолчите о происшедшем, чтоб не создавать в городе паники. Не забудьте, что сегодня у нас собрались иностранные гости и что паника может сорвать съезд психиатров, имеющий крупное международное значение.

Ворча и волнуясь, тысячная толпа хлынула из театра на улицу.

— Не создавайте паники, молчите! — шептал каждый своему соседу, а тот жене, а жена доброму знакомому, до тех пор, пока весь Петроград не стал говорить о происшедшем на разные лады.

— Слышал? — шептал один торговец другому. — Заказали эта мы бомб за границей по цене франко шестьсот штук раз-ной величины, а они возьми да вместо стрельбы только цукают вроде примусов. Вот тебе и заграница! Хают наш товар по-чем зря, а далеко ли сами-то уехали!

— Слышали? — говорила слушательница кинокурсов своей соседке. — Заграница опять подсунула нам своих бомб, а потом напечатала меморандум, будто бы мы у них разводим агитацию. Я удивляюсь, до каких пор мы будем ставить ихние ленты и не давать ходу собственным экранным силам?!

Между тем Барфус, дождавшийся, когда трибуна и зал опустели, подошел к Васильевым и взял их обоих под руку. Несчастные были сейчас в ужасном состоянии. Оцепенение прошло, память вернулась. Ужас, пережитый ими в момент взрыва, когда оба думали, что все будет разрушено, и не могли шевельнуть ни языком, ни рукой, наградил Рокфеллера седой прядью, а Вивиан — нервным подергиванием век.

— Вам нужен основательный отдых, — говорил Барфус, ведя их по опустевшему коридору, — все эти события истрепали вам нервы. Соберитесь с силами еще на часок, а с завтрашнего дня я вас обоих засажу в санаторию!

— Куда вы нас ведете? — слабо запротестовал Рокфеллер.

— На съезд психиатров! — ответил Барфус. — Если вы не покажетесь, о вас станут толковать по поводу часов... Посидим полчаса, поведем всех европейских светил, это вас чуточку встряхнет.

Они сели в автомобиль, и Вивиан, забывшись, вложила руку в руку своего мнимого мужа, сжавшего ей пальчики с нежным покровительством защитника и друга.

Глава пятьдесят шестая

СЪЕЗД **П**СИХИАТРОВ

«Торпеда» опять подошла к берегу, и штурман Ковальковский опять имел повод орать на своих матросов. По мосткам сошел почтенный седой человек. Он предъявил документы на генерального прокурора штата Иллинойс и заявил, что охотится за опасным уголовным преступником. Ему тотчас же выдали все бумаги и снабдили пропуском туда, куда он хотел.

Получив бумаги, он нанял автомобиль и приказал везти себя на съезд психиатров.

Далеко не так комфортабелен был выход на берег Мика, Лепсиуса и Биска. Шотландец, превесело ковыляя на своих заживших ногах, упражнялся в беге между пустыми бочками, когда «Торпеда» остановилась. В ту же секунду в стене открылся люк, втянувший в себя с невероятной силой все, что не было привинчено к полу. Мик, Бьюти, Биск, Лепсиус один за другим влетели в воронку, а вслед за ними посыпались сухари, жестянки, бумажки, окурки, бочки, канаты, швабры и мусор. Залепленные ими с головы до ног, наши путешественники очутились на дне деревянного колодца, снабженного почти отвесными ступенями. Держась за кольца, они поползли вверх, предводительствуемые умной Бьюти. Спустя десять минут она выпрыгнула на землю.

Они находились в топкой, слабо застроенной местности, неподалеку от гавани. Здесь доктор Лепсиус выразил твердое намерение обчиститься, а Биск — определить при помощи компаса широту и долготу.

— Вздор! — ответил Мик. — Мы в Петрограде! Времени терять нечего! Взгляните-ка на собаку, как она пляшет и волнуется! Я дам ей хорошую понюшку, и пусть она приведет нас к Чиче!

С этими словами он вынул из кармана платок, натертый о половицы в номере «Патрицианы», и приложил его к самому носу Бьюти. Собака фыркнула, ошетичилась и стрелой понеслась по улице.

— Эй! — заорали наши путешественники, кидаясь вслед за нею. Но догнать Бьюти было трудновато, Мик решительно оглянулся во все стороны и увидел чей-то велосипед, приставленный к забору. Он вытащил лупу и посмотрел на его педаль. Там были две крохотные буквы «м. м.».

— Нашей работы, Биск, мы спасены! — крикнул он и быстро нажал невидимую кнопку. В ту же минуту велосипедное седло расслоилось на три откидных кресла. Биск прыгнул в одно из них, Лепсиус втиснул себя в другое, а Мик, разбежавшись с велосипедом, вскочил в седло. Он работал педалями, как бешеный, пока не догнал мчавшейся Бьюти. Они неслись по улицам Петрограда с быстротой молнии, не обращая внимания на свистки милиционеров, до тех пор, пока Бьюти не добежала до огромного дворца, украшенного саженными афишами.

СЪЕЗД ПСИХИАТРОВ

Открытие

1. Приветственные речи.
2. Доклад профессора Бехтерева.
3. Доклад профессора Хизертонна.

— Черт побери! — проворчал Биск. — Уж не цирк ли это и не завела ли нас Бьюти к своим четвероногим приятелям?

— Собака не из таковых, — ответил Мик, — нам нужно обдумать, что предпринять!

— Нечего и обдумывать, — вмешался Лепсиус, лингвистические способности которого на этот раз оказались на высоте. — Друзья мои, здесь есть афиши на всех языках, даже на итальянском. В этом дворце — съезд психиатров! Здесь выступает профессор Хизертон! Немедленно идите за мной, я проведу вас всех!

И, стряхнув с себя стружки и опилки, Лепсиус принял величественный вид.

— Профессор Лепсиус! — произнес он, подходя к привратнику и тыча ему свои документы. — Меа мекум. Ассистенти! — с этими словами он указал на Биска и Тингсмастера.

— Собаку пропустить нельзя, — твердо отрезал привратник, — иди сюда, пес, иди, голубчик, посиди у меня в чулане.

Бьюти дружески замахала привратнику хвостом, а Лепсиус важно поднялся на лестницу в сопровождении Биска и Мика.

— Вы оказались нелишним человеком, доктор, — не без уважения шепнул ему Тингсмастер, — только помните, — пока вы там будете охотиться на вашего Хизертон, я должен словить моего Чиче.

— А я — моего Грегуара! — вмешался Биск.

Съезд психиатров был уже в полном разгаре, когда наши трое путешественников смешались с толпой и быстро протолкнули себя к эстраде. Несмотря на дневной свет, зал был залит сотнями электрических фонарей. С обеих сторон партера шли нарядные ложи дипломатических представителей. В партере собрался весь цвет русской науки. В коридорах и проходах толпилась учащая молодежь. А на эстраде, богато декорированной зеленью и портретами, стоял длинный зеленый стол, за которым профессор Бехтерев только что приступил к докладу.

Тингсмастер внимательно оглядел залу. Его голубые глаза переходили от лица к лицу, как вдруг кто-то шепнул ему:

— Менд-месс!

— Месс-менд! — ответил он, вздрогнув.

Техник Сорроу, весь покрытый плохо зажившими шрамами, тощий, оборванный, сияя положил ему руку на плечо.

— Вот уж не знал, что встречу тебя, старина! — шепнул он взволнованно. — Сегодня взорвалась наша бомбочка, известная тебе, дружище. Весь Петроград только и говорит что о ней. Ну и несолоно же хлебали господа фашисты! Мы с ребятами тоже малость поштурмовали их!

— Где Чиче, Сорроу?

— Увидишь, Мик, — спокойно ответил Сорроу.

Тингсмастер внимательно обвел глазами ложи для иностранных гостей. К своему изумлению, он увидел в них сенатора Нотэбит с дочерью, банкира Вестингауза и с десятков богатых американских заводчиков. Все они перешептывались о чем-то, пожимали плечами, косились на пустую ложу Советского правительства.

— А это кто?

В третьем ряду партера, рядом и рука об руку, сидела бледная пара: Артур Рокфеллер с седой прядью в волосах и исхудавшая Вивиан.

Голубые глаза Мика скользнули и по этим двум лицам. Он хотел что-то шепнуть Сорроу, но в это время зал задрожал от бурных аплодисментов: Бехтерев кончил свой доклад. Он встал, склонил перед собранием львиную голову и удалился с эстрады.

Прошло несколько томительных минут. Распорядитель съезда вынес для следующего оратора новый стакан чаю, сдвинул стулья, потом произнес на нескольких языках:

— Сейчас предстоит доклад профессора Хизертонa о перерождении нервных центров под влиянием гипноза.

Тингсмастер невольно покосился на Лепсиуса. Толстяк стоял, вперив глаза в эстраду, и не замечал ничего и никого. Ноздри его трепетали, зрачки сузились, как у ищейки.

Еще несколько секунд, и раздались тихие старческие шаги. Перед ними выросла небольшая фигурка профессора Хизертонa, седого как лунь, заросшего снежно-белой пушистой бородой, розового, как младенец, веселого, милого, кроткого старичка, устремившего в зал немного рассеянный, из-под нависших бровей, добродушный взгляд ученого. Неистовые аплодисменты раздались в зале.

Биск фыркнул и дернул Лепсиуса за фалду. Толстяк продолжал, однако же, глядеть на бедного профессора в сердитом отчаянии. Он был разочарован, разбит, уничтожен.

Профессор обвел зал глазами и начал тихим шамкающим голосом свой доклад. Но в эту минуту в правительственной ложе напротив хлопнула дверь. Один за другим туда вошли все советские комиссары и уселись, на мгновение притянув к себе взгляды всего зала. Когда же, спустя секунду, эти взгляды снова направились на эстраду, стало ясно, что там нечто произошло. Зрачки профессора Хизертонa, расширившись, остановились на ложе. Руки профессора Хизертонa судорожно вздернулись к его лицу — миг, и профессор Хизертон уже не сидел на эстраде, он лежал на полу, он упал в обморок.

Распорядитель кинулся к нему со стаканом воды. Профессора подняли и посадили в кресло. Но все попытки привести его в себя были тщетны: он дрожал, бессмысленно блуждая глазами, не отвечал на вопросы и не проявлял ни малейшего намерения продолжить доклад.

Лицо Тингсмастера, следившего за этой сценой, стало серьезно. Он поглядел на доктора Лепсиуса. Но тот уже выработал план действий.

Застегнувшись до самого подбородка и достав из кармана пачку каких-то бумаг, он твердыми шагами направился к распорядителю и сказал ему шепотом несколько слов. Распорядитель помог ему взобраться на эстраду, записал себе в книжку его фамилию и обратился к публике:

— Профессору Хизертону дурно, он, к сожалению, не в силах закончить свою речь. Вместо него доктор Лепсиус сделает доклад об открытой им болезни.

В ту же минуту толстяк выкатился на край эстрады. Он стал возле профессора Хизертонa, обвел публику горящим взглядом и потянул в воздухе кипой бумажек.

— Леди и джентльмены!— вскричал он звонким голосом.— Я ждал этого часа всю мою жизнь! Я ждал часа, когда я смогу изложить мое открытие перед собранием ученых и властей и продемонстрировать его на живом объекте. Все подобралось наилучшим образом: и собрание, и власти, и даже объект! Позвольте мне не торопиться, леди и джентльмены! А вам позвольте посоветовать быть очень внимательными, сугубо внимательными, ибо то, что я вам скажу, должно потрясти все человечество!

Речь эта ничуть не походила на ученый доклад. Но в голосе Лепсиуса была такая сила, толстое лицо его так внушительно преобразилось, что спокойная и нарядная публика сдвинулась плотнее с непонятным для нее возбуждением. Даже Сорроу, Биск и Тингсмастер устремили на него глаза. Даже Артур Рокфеллер, сжав тихонько руку Вивиан, шепнул ей:

— Добрый старый Лепсиус тоже очутился здесь!

Даже стальные глаза генерального прокурора Иллинойса остановились на Лепсиусе с чем-то вроде дружелюбия. Один только профессор Хизертон лежал в своем кресле, тяжело дыша и не проявляя ни к чему никаких признаков интереса.

— Я начну издавека,— продолжал Лепсиус,— много лет назад, еще молодым врачом, я попал на аристократический европейский курорт на практику. Здесь я познакомился с моим первым пациентом, представителем одного из древнейших родов континента. Он жаловался на легкую хромоту и небольшую боль в позвоночнике. Я лечил его массажем, ваннами, во-

дами. Это не помогло. Тогда я тщательно исследовал его позвоночник. Меня поразило, господа, ничтожное пятнышко, припухлость, едва прощупывавшаяся внизу позвонка, и странный бугорок между третьим и четвертым ребрами, позволявшие моему пациенту как-то низко держать плечи. Потеряв его из виду, я забыл этот случай. Практика моя росла. Мне пришлось почти сплошь работать среди высших классов. Меня вызывали на диагноз в Европу к коронованным особам. Приезжие в Америку аристократы лечились исключительно у меня. Среди моих пациентов я набрел еще на несколько случаев вышеупомянутой припухлости и бугорка. Симптомы были все одинаковы. Больные жаловались на одно и то же. Лечение не помогало. Почти всегда я наблюдал неуловимые изменения в структуре позвоночника. Мне пришлось, наконец, сделать два вывода: что означенные явления встречаются исключительно среди потомков древнейших родов и что они являются редчайшей формой дегенерации. Какой? Отныне вся моя жизнь была посвящена искомому ответу. Но я лишен был возможности клинически изучить моих высокопоставленных пациентов. Тогда, леди и джентльмены, я на два года удалился в дебри наших отдаленных штатов. Я поселился среди индейцев. Я изучал их королевские роды и набрел на царственного индейца, Бугаса Тридцать Первого, обладавшего всеми интересными для меня симптомами.

«Мне удалось произвести революцию среди индейцев, провозгласить республику и арестовать Бугаса. Я увез его с собой в Нью-Йорк, создал для него клиническую обстановку и шаг за шагом изучал на нем роковое перерождение позвоночника. Бугорок превратился в утолщение кости, темное пятнышко — в круглую выбоину. Плечи Бугаса с каждым годом опускались все ниже. Голова его с величайшей неохотой занимала вертикальное положение, и я не мог никакими соблазнами заставить его глядеть вверх. В то же время, леди и джентльмены, руки моего пациента стали резко видоизменяться. Сперва они были только сильно подагрическими в суставах. Потом я заметил, что утолщения начинают превышать обычную человеческую норму. Здесь, господа, я хотел бы сделать оставку и иллюстрировать для вас дело примером».

Доктор Лепсиус сильно вздохнул, горящим взглядом обвел безмолвный зал, слушавший его с затаенным дыханием, и как бы случайно взял безжизненную руку профессора Хизертон. Рука была в черной перчатке.

Он дружески похлопал по ней, подняв ее кверху, и стал стягивать с нее перчатку. Один, другой, третий палец. Над публикой с эстрады вознесено нечто странное, долженствующее означать человеческую руку.

ТАЙНА
ДОКТОРА
ЛЕПСИУСА

В зале пронесся шепот ужаса. Все, как один, не отрываясь, глядели на перепончатую конечность, сильно распухшую в суставах, омерзительно цепкую и деформированную.

— Эта рука, — продолжал доктор Лепсиус сильно дрогнувшим голосом и побледнев как смерть, — эта рука превзошла все мои ожидания. Она показывает такую степень дегенерации, которой мне еще не приходилось наблюдать в натуре! Я прошу поэтому у почтенного собрания разрешения продемонстрировать этого старца целиком!

Распорядитель, окаменев от ужаса, не произнес ни слова. Кое-кто в зале встал с места. Женщины были близки к истерике.

И как раз в эту минуту на лице профессора Хизертоня появились первые признаки оживления. Блуждающие глаза стали сознательней. Они упали на свою собственную руку, и в них сверкнул страх. Зубы его щелкнули, скулы обтянулись. Вырвав руку у Лепсиуса, Хизертон вдруг подпрыгнул и вцепился ему в грудь.

Толстяк вскрикнул, в зале раздался стон. Два рослых милиционера, вынырнув из-под эстрады, оттащили профессора Хизертоня от Лепсиуса. Несмотря на их рост и мускулы, они с трудом удерживали этого небольшого человечка.

— Продолжайте! — крикнул кто-то из зала. — Теперь уже нельзя остановиться на середине!

— Я продолжаю, — с трудом ответил Лепсиус, вытерев холодный пот с лица, — я продолжаю и dokonчу. Этот профессор — не профессор! Он не может идти вразрез с собранным мною опытом. Он должен быть представителем аристократического рода!

Решительными шагами подойдя к Хизертону, Лепсиус схватил его за белоснежную шевелюру и сдернул ее. Зал вскрикнул. На месте старца в руках милиционеров бился яркий рыжий человек средних лет, с упавшей на пол бородой.

— Капитан Грегуар! — завизжал Биск, ринувшись к эстраде. — Убийца! Держите его!

Но Биска не допустили наверх. Железные пальцы Тингстера сжали его руку.

— Смотри и слушай! — шепнул он ему повелительно. — Дойдет очередь и до тебя!

Между тем Лепсиус, бросив белый парик наземь, бесстрашно схватился и за рыжий. Минута — и вместо рыжего человека перед залом был бледный, перекошенный брюнет с бескровными губами и сверкающими глазами.

— Грегорио Чиче! — вскрикнул на этот раз сам Микаэль Тингсмастер. Наступила жуткая тишина.

— Дамы, удалитесь! — потребовал Лепсиус. — Милиционеры, разденьте его.

Переводчик быстро перевел приказание Лепсиуса, но никто не хотел удалиться, а милиционеры в одну минуту стащили с Чиче одежду, оставив его в одном белье. Теперь им на помощь подошли еще двое. На голову Чиче накиннули платок.

— Поверните его спиной к публике! Вот так! Обнажите спину до пояса!

Милиционеры что-то замешкались.

— Леди и джентльмены, — продолжал Лепсиус свою речь, — я должен открыть вам теперь, в чем сущность отмеченной мною дегенерации. Многие из вас читали, вероятно, Хердера. Он приводит мысль о вертикальном строении человеческого позвоночника в противоположность горизонтальному звериному. И вот открытый мною буторок оказался не чем иным, как деформированной точкой хребта. Это — *vertebra media sine bestialia*! Это начало роста позвоночника не по вертикали, а по горизонтали, как у зверей. Взгляните вот сюда...

Он быстро повернулся к Чиче и вдруг вскрикнул:

— Черт побери, да что это такое?

— Не знаю, сэр, — пробормотал переводчик, стоявший возле милиционеров, трясущихся от страха, — на нем что-то железное, сэр, его не сдернешь с тела.

Спина оголенного человека была в железном футляре.

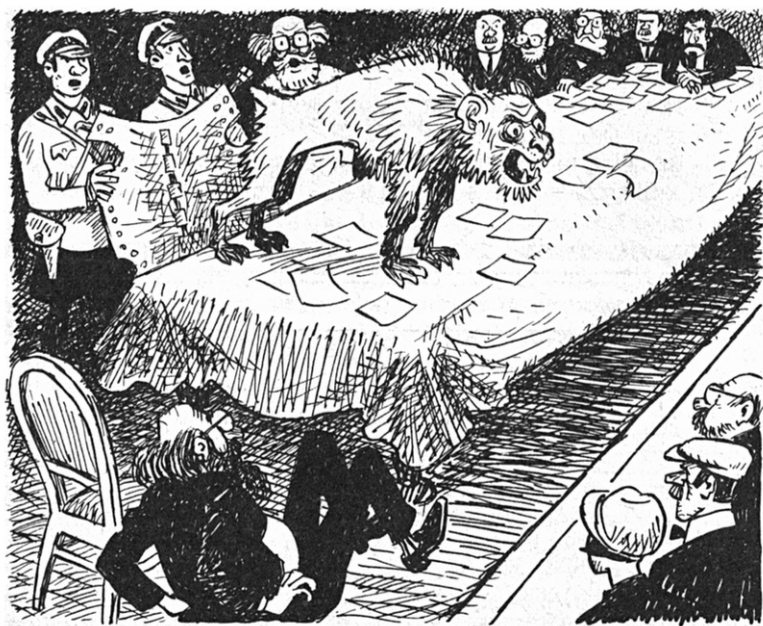
Лепсиус кинулся к ней, заглянул во все стороны, нашел металлические пряжки, какие бывали у старых фолиантов, и лихорадочно начал их отстегивать. Одна, другая, третья...

— Снимайте футляр!

Милиционеры рванули, на минуту выпустив Чиче. В ту же секунду потрясающий вопль вырвался из тысячи уст. На стол прыгнул зверь с поднятым, как у кошки, хребтом. Он на четвереньках соскочил со стола в зал и понесся, едва касаясь пола, к выходу.

— Держите его! — истерически крикнул Лепсиус. — Это бесподобный, законченный объект!

Но ни одна душа не могла бы задержать Чиче. Толпа с воплем шарахнулась от него, и он мчался к свободному про-

ходу до тех пор, пока громовой голос Тингсмастера не крикнул:

— Бьюти!

Тогда наперерез бегущему Чиче выросла белая фигура собаки. Бьюти пересекла ему путь, но тут произошло нечто непостижимое. Шерсть на собаке стала дыбом, пасть ее жалобно оскалилась, она затряслась и отступила. Проход был свободен. Чиче исчез.

Никто в течение нескольких минут не был в состоянии ни говорить, ни сдвинуться с места. Наконец раздался спокойный голос Тингсмастера:

— Тот, до кого побрезгал дотронуться зверь, пусть минует человеческих рук. Товарищи! Ни одно правосудие в мире не в силах наказать его больше, чем он уже наказан!

— Вот именно! — ответил чей-то стальной голос. К эстраде приблизился пожилой человек. Он взошел на нее. Он оглядел публику серыми глазами, на мгновение задержавшись на чете Василиховых. Но Артур и Вивиан не выдержали пережитого ужаса, они оба были в обмороке.

— Я генеральный прокурор штата Иллинойс, — отчеканил незнакомец, отстраняя рукой кинувшегося к нему Лепсиуса, — я послан сюда, чтобы задержать опасного преступника. Но я был сейчас в публике, и я шарахнулся вместе с нею, дав

ему бежать. Тем не менее следует немедленно организовать погоню, не для того, чтобы поймать его, а для того, чтобы пристрелить!

— Погоня организована! — крикнули ему из дверей.

Незнакомец продолжал:

— Вы видели перед собой величайшего преступника эпохи. Он корсиканец. Его зовут принц Грегорио Чиче. Но у него есть множество оболочек. Он — польский аптекарь Вессон из местечка Пултуска, составитель и продавец страшнейших ядов! Он — рыжий капитан Грегуар, хозяин парохода «Торпеда»! Он — преступный профессор Хизертон, гноящий в своем сумасшедшем доме под Нью-Йорком десятки здоровых людей. Он — всюду! В конторах, банках, армии, церкви, в лучших кварталах и последних кабаках. Его магнетическая сила неопишима. Его изобретения неисчислимы. Он вертит, как марионетками, европейскими фашистами, которые слепо ему повинуются, не зная ни кто он, ни что он. Трудно сказать, руководится ли он какой-нибудь целью. Можно сказать только одно: он есть зло и плоды его есть зло. Последний убийца на земле человечней, чем он!

Сказав это, пожилой человек медленно сошел с эстрады, догоняемый дрожащим Лепсиусом. Внизу, в толпе, толстяк схватил его, наконец, за фалды и с жаром упал ему на шею.

— Тсс! — произнес генеральный прокурор, приложив палец к губам. — Молчите! Позаботимся прежде всего об этих двух. — И он показал на Артура Рокфеллера и Вивиан, лежавших в глубоком обмороке.

Вдвоем они вынесли их обоих из зала, подозвали автомобиль, уложили молодых людей на сиденье, вскочили сами, и прокурор назвал шоферу одну из петроградских гостиниц.

Молчаливо расходился народ со съезда. Правительственная ложа опустела уже давно. Тингсмастер, Сорроу, Биск побрели в гавань, к скромному жилищу Сорроу. Бьюти медленно следовала за ними. Шерсть ее все еще стояла дыбом, а хвост был судорожно поджат между задними лапами.

— Дело-то кончилось благополучно, Мик, — тихо сказал Сорроу, — и ребят наших выпустят не сегодня-завтра. А все-таки жутко на душе, когда подумаешь, что он бежит теперь на свободе и мы не сумели послать ему в голову две-три хороших пульки.

— Да, — ответил Тингсмастер, — а еще жутче, брат, представить себя в его шкуру!

ОБРАЩЕ
ЖЕНО
Н
ЕНАВИСТНИК

Генеральный прокурор и Лепсиус внесли безжизненную молодую чету в номер гостиницы. Доктор пустил в ход свои профессиональные приемы, и спустя несколько минут Вивиан, а за ней и Артур проявили признаки жизни. Молодая девушка глубоко вдохнула, шевельнула губами и подняла веки. Прямо против нее сидел генеральный прокурор штата Иллинойс, озабоченно на нее глядя. В ту же секунду у Вивиан вырвался слабый крик:

— Еремия Рокфеллер! — и она снова упала на подушку.

— Отец! — пробормотал Артур, приходя в себя. — Вы живы!

— Я жив, друзья мои, — спокойно ответил генеральный прокурор, протягивая руку сыну, — но, прежде чем рассказать вам мою историю, я должен заверить Вивиан, что смерть ее матери была для меня не меньшим горем, чем для нее. Я был в те дни жертвой ее убийц. Я был пленен, обезоружен, искалечен, удален из Америки. Я был лишен памяти и рассудка. Если б не железные нервы, которых вы, Артур, к сожалению, от меня не унаследовали, я до сих пор блуждал бы в бесконечных польских лесах, как жалкий маньяк.

— Но мистрисс Элизабет... — с ужасом пробормотал Артур, начиная подозревать истину.

— Она никогда не была моей женой! Эта преступная женщина, Артур, — подруга того, кто убил мать Вивиан, кто убил бы и меня, и вас обоих, — она жена принца Чиче! Но на сегодня довольно. Вы оба должны хорошенько оправиться, прежде чем вернуться в Нью-Йорк.

Артур на минуту закрыл глаза.

— Отец, — пробормотал он, — я предпочел бы остаться здесь!

Старый Рокфеллер удивленно поднял брови. Глаза его сделались холодными.

— Остаться здесь?! — переспросил он резко.

— Да, — ответил Артур и на мгновение стал похож на своего отца, — здесь я нашел самого себя. Здесь у меня есть дело!

— Вы распропагандированы, — отрывисто промолвил старик, — вы, сын крупнейшего капиталиста Америки, стали на сторону враждебного нам класса! Лепсиус, он распропагандирован! — с этими словами Еремия Рокфеллер сдвинул седые брови, скрестил руки на груди и грозно взглянул на сына. — Хорошо, сэр. Оставайтесь! Но помните, что от меня вы не получите никогда ни единого доллара! Я враг мелодрамы

и не намерен проклинать вас. Но я скажу вам: «Прощайте, сэр!» И это будет раз и навсегда.

Артур вскочил с места и подошел к отцу. Оба они были одного роста, и молодой человек с седой прядью на лбу походил сейчас как две капли воды на старика Рокфеллера.

— Как бы не так, сэр! — воскликнул он твердо. — Вы отлично знаете, что я никогда не возьму у вас ни цента. Вы отлично знаете, что мое слово крепко и что вы, старый хитрец, должны будете признать это, и черт меня побери, если вы не намерены обнять своего сына, сэр!

С этими словами Артур бросился на шею к суровому старику, который немедленно осуществил его прозорливую догадку.

Вслед за этим объятием Еремия Рокфеллер без дальнейших разговоров схватил в охапку Вивиан, в то время как Лепсиус машинально целовал Артура. Но когда, наконец, Вивиан попала к доктору Лепсиусу и, совершив круговорот объятий, молодые люди очутились друг перед другом, старый Рокфеллер отрывисто кашлянул, подмигнул толстяку, и оба они скрылись из комнаты.

— Вивиан, — произнес Артур Рокфеллер, подходя к бледной девушке и протягивая ей руки...

В эту минуту кто-то резко дернул меня за волосы, и я увидел у себя над плечом разъяренное лицо Еремии Рокфеллера.

— Сударь, — сказал он мне отрывисто, — как отец и генеральный прокурор, я приказываю вам оставить этих молодых людей в покое!

— Но я автор! — возмутился я. — Нельзя же кончать роман без единого поцелуя! Что скажет читающая публика!

— Она скажет, Джим Доллар, что любовные сцены вам не удаются! — иронически ответил Еремия Рокфеллер.

Он отбил у меня всякую охоту, братцы, и потому распростимся со всей этой публикой прежде, чем доведем свое дело до точки.

Глава пятьдесят девятая

СЕТТО ПОЛУЧАЕТ ПРОЦЕНТЫ

Мистрисс Тиндик, собрав всю прислугу «Патрицианы» перед собой, только что закончила речь об игре природы, исправленную и дополненную ею для нового состава подчиненных, как вдруг окно с треском разбилось, и в комнату влетело тухлое яйцо.

Мистрисс Тиндик подняла брови.

Но гнилой картофель в ту же минуту ловко расплющил ей нос, а два-три новых яйца размалевали щеки.

— Пожар! — вскрикнула мистрисс Тиндик и как подкошенная свалилась наземь.

Между тем Сетто из Диарбекира торопливо сбежал с лестницы.

— Что бы это значило? — спросил он прислугу, нахмурившись. — Перед гостиницей толпа. Уставились в наши окна и швыряются провизией третьего сорта!

— Политика, хозяин, — мрачно ответил повар, — при политике первое дело поднять цену на продукт.

— Сходи-ка за газетой!

Повар недовольно нахлобучил шапку и вышел выполнять приказание своего патрона.

Спустя пять минут Сетто развернул свежий лист «Нью-Йоркской газеты» и пробежал глазами столбцы.

— Эге! Это что такое?

Глаза диарбекирца сузились, как у кошки, когда ее щеко-чут за ухом, щеки диарбекирца порозовели, губы диарбекирца распустились тесемочкой. Перед ним жирным черным шрифтом стояло:

АМЕРИКАНЦЫ, читайте об открытии знаменитого доктора Лепсиуса!!!!!!!!!!!!!!

ДАМЫ, читайте нашу газету!

МИЛЛИОНЕРЫ, имеющие дочерей!!!

ВСТУПАЮЩИЕ В БРАК, покупайте сегодняшний номер!!!

ЗАГЛЯНИТЕ в газету!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

«Мы очень хорошо знаем, — так начиналась статья, — что многие американские семейства в погоне за предками совершенно забывают о потомках. Одни из них покупают себе пергаменты в твердой уверенности, что если у них есть пергамент, так есть и древний предок знаменитого рода. Другие уверяют, что родичи их приплыли в Америку на первом корабле. Третьи мчатся в Европу в поисках лордов и виконтов. Нелишне будет, джентльмены, узнать, как обстоит дело с древними родами в медицине. Наш знаменитый авторитет, почетный член Бостонского университета, доктор Лепсиус,

только что вернувшийся из поездки в Россию, дал нам разъяснения о своем открытии. Будучи строго научным, оно затруднительно для понимания, но маститый ученый не отказал нам в его популяризации. Дело идет, — так выразился он в разговоре с нашим сотрудником, — о «констатировании вертебра бесталиа в процессум у креатура хумана». Иначе говоря, леди и джентльмены, высший класс обречен в самом ближайшем будущем прыгать на четвереньках и кушать, не сидя за столом, а, можно сказать, лакая из блюдец. Спрашиваю я вас: допустимо ли для подобного класса избирательное право? Нет и нет, джентльмены! Долой аристократию! Прочь троны и титулы! Туда же епископов и кардиналов! Пергамент изъять из высшего общества и распределить между гастрономическими магазинами Соединенных Штатов для строго торговых целей. Такова воля миллионной толпы избирателей!»

Сетто прочитал газету и встал с места.

— Жена! — крикнул он прерывающимся голосом. — Жена! Жена! Жена!

Хозяйка «Патрицианы» выбежала на его зов, как была — в кухонном переднике и с помидором в руке.

— Жена! — произнес Сетто торжественным тоном. — Зови журначей, бей в ладоши, ходи вокруг меня с музыкой. Сетто из Диарбекира большой человек! Он получил свой полный процент: сто на пятьдесят!

ЭПИЛОГ

А в Миддлтоуне на деревообделочном работа кипит как ни в чем не бывало. Белокурый гигант ловко орудует рубанком, отряхивая с лица капли пота. Фартук его раздувается, стружки взлетают тучей, а голос гиганта весело выводит знакомую песенку:

Клеим, стругаем, точим,
Вам женихов пророчим,
Дочери рук рабочих,
Вещи-красотки!
Сядьте в кварталы вражды,
Станьте в дома на страже,
Банки и бельэтажи —
Ваши высоты!

— Слушай-ка, Джим Доллар, — сказал Микаэль Тингсмастер, остановив рубанок и глядя на меня широкими голубыми глазами, — ты малость прикрасил всю эту историю. Ребята сильно ворчат на тебя, что ты выдал наши секреты раньше времени.

— А разве это худо, Мик? — пробормотал он в ответ. — Мое дело — описывать, а ваше дело — орудовать.

Веселые, знакомые лица обступили нас гурьбой. Тут были сероглазый Лори, солидный Виллингс, длинноносый Нэд. Тут был старичина Сорроу с трубкой в зубах: Биск, Том и Ван-Гоп заглянули в мастерскую ради сегодняшнего дня. И даже кой-кто из ребят от обойной фабрики в Биндорфе, наконец-то присоединившейся к союзу, сунули нос в двери.

— Ладно, помалкивай! — заорали они, надавав мне дружеских тумаков. — Прикуси свой бабий язык насчет всего дальнейшего! — И мастерская, как один человек, затянула песню Мика:

На кулачьих кадушках,
Генераловых пушках,
Драгоценных игрушках —
Всюду наше клеймо!
За мозоли отцовы,
За нужду да оковы
Мстит без лишнего слова
Созданье само!

Джим Доллар.

*Написано в ноябре — январе
1923/24 года в Петрограде.*

КАК Я ПИСАЛА «МЕСС-МЕНД»¹

1. Открываю секрет производства

Прежде всего:

Сердобольные люди должны перестать утверждать: «Да разве Шагинян напишет такую вздорную штуку, как «Месс-менд», или «Ну разве сможет Шагинян сделать такую веселую вещь, как «Месс-менд».

Вздорный или веселый, может быть — то и другое, а может — еще и третье в придачу, но «Месс-менд» изобретен, выдуман и написан только мной и ни одна живая душа, кроме меня, не вписала в него ни единого слова и не принимала в его создании ни малейшего участия, за вычетом трех лиц:

1. Моей дочки, Мирэли.

2. Моей сестры, Лины.

3. Моего мужа, Джима.

Участие их выразилось в следующем:

Дочь Мирэль (тогда пяти лет) потребовала, чтобы в книге непременно была ученая собака.

Отсюда — Бьюти.

Сестра Лина, встревоженная судьбой шотландца Биска, умоляла оставить его в живых.

Отсюда — спасение Биска.

Муж Джим, большой патриот и крестный отец Джима Доллара, возмутился: неужели в книге не будет армянина?

Я ответила: выстави кандидатуру.

Он выставил: «Сетто из Диарбекира».

Отсюда — Сетто из Диарбекира.

Тремя этими уступками и ограничилось допущение чужого творчества в создание «Месс-менд».

¹ Написано для Кинопечати после выхода первого романа трилогии «Месс-менд, или Янки в Петрограде».

< ... >

Как бы то ни было, заявляю о секрете производства во всеуслышание и беру на него патент:

I. «Месс-менд» написан мной, и только мной.

II. «Месс-менд» — самая счастливая и самая умная из моих книг.

III. Сердобольных людей прошу больше не беспокоиться.

*2. Все началось
с елисеевской мебели,
лаврового листа и статьи Бухарина*

Лучшие книги — те, что пишутся для себя. Писать на заказ — все равно, что кормить грудью чужого ребенка: отдаешь себя, но не передаешь себя. Осенью 1923 года мне посчастливилось написать книгу для собственного удовольствия, без всякой мысли, что она будет когда-нибудь напечатана.

Есть пословица: «Лавры спать не дают». Мы ее переделали в эпоху военного коммунизма: лавровый суп спать не дает. Нам выдавали ежемесячно треску и лавровый лист, спички и лавровый лист, клюкву и лавровый лист. Запасы лаврового листа лежали в шкафу, и когда паек уже прекратился, а издатели еще «не начали», суп нередко заправлялся только одними лаврами.

В тот день, о котором я пишу, у нас был лавровый суп. Под тарелкой лежала газета. Глаза наши — подобно куриным клювам — клюют каждое печатное слово, где только оно ни попадется. Отодвинув тарелку, я заметила заманчивый фельетон Бухарина о том, что «недурно бы нам создать своего красного пинкертон», и проклевала его от первого до последнего слова.

Ночью пришла лавровая бессонница. С Морской в комнату шел свет, бегали полосы от автомобилей. Вещи казались шевелящимися. Вокруг моей постели теснились аляповатые предметы из будуара купцов Елисеевых, доставшиеся мне по наследству от военного коммунизма вместе с квартирой в общежитии «Дома искусств». Здесь были: ширма, часы рококо, кресло с фигурками дубовых обезьянок по углам, гобеленовый диванчик.

Я стала на них смотреть. Сколько рабочих трудилось над этими штучками, чтобы купцы Елисеевы могли в них сесть. А ведь можно было бы сделать их с фокусами. Пружины — пи-

щат, замки щелкают. Кресла могли бы быть с музыкой, шкафы — со щелчком в нос, с проваливающимися полками, с прищепками. В полусне мир ехидных, наученных, вооруженных вещей обступил меня, выстроился, пошел в поход, — и уже вовсе спящей я увидела большое бородатое лицо, голубые глаза, прямые пушистые брови, трубочку в зубах, — рабочего Мика Тингсмастера, повелителя вещей.

Утром, в постели, я продолжала выдумывать. Родилась мелодия вместе с песенкой:

Клеим, стругаем, точим,
Вам женихов пророчим,
Дочери рук рабочих,
Вещи-красотки...

Почему бы из этого не сделать «красного пинкертон»?

Тема: рабочий может победить капитал через тайную власть над созданиями своих рук, вещами. Иначе развитие производительных сил взрывает производственные отношения.

Содержание: возникает из неисчерпаемых возможностей нового — вещевого — трюка.

3. Отклик на идею

Несколько человек, попавших мне под горячую руку, раскритиковали все в пух и прах.

СOLIDНЫЙ человек сказал:

— Разве вы не знаете, что у нас литературный курс меняется, как киносеанс по вторникам, четвергам и пятницам? Пока вы напишете пинкертон, понадобится красная художественная статистика или красный художественный письмовник.

Осторожный человек прибавил:

— Это наивно писать в «оригинале» и надеяться, что к тебе отнесутся как к переводу. Какие у вас шансы?

Шутник предложил:

— Посоветуйся с Гете.

Я сняла с полки томик, раскрыла и прочитала: «Und da ist auch noch etwas rund» («И там есть еще кое-что кругленькое...») — из песенки о Кристель.

Шутник провозгласил:

— Тебе остается написать пинкертон с приложением статистики и письмовника, объявить его иностранцем и назвать Долларом.

*4. Польский заем
и сельскохозяйственная выставка, —
анализ по Фрейду*

Я засела писать.

У меня не было ни плана, ни названия, ни фабулы, ни действующих лиц, ни малейшего представления о том, что будет содержать первая глава; ничего, кроме Мика Тингсмастера и его песенки.

В газете писали, что Рокфеллер дает Польше заем. В конце концов этот заем давался Польше, и никому другому. Но мне удалось тоже перехватить от него малую толику без ведома Рокфеллера и отчасти даже насолить панской Польше: я немедленно начала первую главу с Еремии Рокфеллера, его сына Артура, его второй жены Элизабет и мисс Клэр Вессон, — членов семьи делать всегда очень легко, был бы отец, — что может подтвердить вам любая врачебная комиссия при родильных заведениях.

Писала я в необычайном возбуждении: мне хотелось поскорей узнать, что будет дальше. За моей спиной стояли домашние. Они имели скверную привычку предсказывать, что будет дальше. Я назло и из самолюбия тотчас же придумывала совсем наоборот. Таким образом интрига все время ускользала от догадок читателя, как преступник от сыщика, и я отыскала моего «покойного Еремию» в «генеральном прокуроре штата Иллинойс» ровным счетом в самую последнюю минуту и неожиданно для себя, как если бы вскочила на подножку отходящего поезда, идущего не туда, куда мне нужно.

Таинственный Грегорио Чиче выходил, окруженный необычайным мраком. По вечерам я его боялась, кто-нибудь непременно должен был сидеть возле меня, и если на пол падала книга или ручка, я вздрагивала от ужаса. Моя сестра жаловалась на кошмары. Но самое страшное было в том, что я совершенно не знала, чем именно страшен Грегорио Чиче и как объяснятся его особенности. От незнания я все больше и больше отодвигала разгадку. Когда она подошла вплотную, я так испугалась, что дала Грегорио Чиче улизнуть от возмездия. Дочь Мирэль долго не могла мне этого простить и не хотела гулять по Кирпичному переулку, потому что там стоит недостроенный дом, и Чиче мог в него спрятаться.

— Знаете ли вы, что Чиче — это фамилия первой итальянской фирмы, которая стала с нами торговать? — спросил меня старый друг.

Тут только я сообразила, что выхватила это имя с московской сельскохозяйственной выставки, куда меня посылала газета.

Но несносному Грегорио Чиче удалось еще раз напугать меня, и на этот раз очень серьезно. В санатории год спустя я встретила чекиста. Он подмигнул мне левым глазом и сказал:

— А что, если Чичерин обидится? Его зовут Георгий, и он по бабушке — итальянец.

Я почувствовала себя несчастной и три дня обдумывала, как мне написать Чичерину:

«Георгий Васильевич, умоляю вас — не обижайтесь».

5. Несчастливая любовь выхохотывается

Говорят, можно зашекотать до смерти. Чего не знаю, того не знаю, а вот несчастную любовь можно выхотать до последней крошинки, это я знаю по опыту.

Каждую неделю я писала по выпуску. Дело дошло до штата Иллинойс. Из-под пера вылезла мисс Юнона Мильки, молодая девица пятидесяти лет в коротеньком платье лаун-теннис и рыжем парике. Я заметила, что она обезьянничает с меня и выставляет в смешном виде мои самые святые чувства. Ее рассказ вышел в черновике расплывчатым, — это не от слез, а от смеха. Я хохотала так, что у меня начинались колики. Старая няня, Вера Алексеевна, приходила кропить меня святой водой. Одной рукой я держалась от смеха за живот, другой писала. А когда кончила, откинулась на спинку стула, зевнула от изнеможения и заметила, что любовь вся ушла вместе с хохотом, как лопнувшее яйцо в кипяток, и что, пожалуй, ее даже и вовсе не было.

6. Откуда взялся «Месс-менд»

Из словаря. Когда понадобился лозунг, я пустила кошку Пашку на словарь. Наша кошка любит поворачивать страницы. Пашка цапнула сразу пять листов, откинула, и я нашла сперва *mend*, а потом *mess*.

А значение самое подходящее: починка, ремонт, общая трапеза, смесь, заварить кашу.

7. Джим Доллар пускается в плавание

Каждое воскресенье у меня собирались друзья — писатели и книжные люди. Они слушали «Месс-менд» от выпуска к выпуску. Когда роман был закончен, каждый высказал свое мнение.

Сложив их, получаешь следующее:

«Это черт знает что. Союз писателей обидится. Что скажет Евгений Замятин? И, наконец, можно организовать и написать целую серию таких романов, основать свое издательство и пойти в гору». Мы немедленно подали заявление, что хотим организовать издательство «Клуб рассказчиков», и нам немедленно в этом отказали.

После этого я осталась один на один со своим детищем, которое каждый читал без передышки, и я сама перечитывала десятки раз, и все, и я в том числе, были в совершенном недоумении, что же это такое.

Но — три месяца прошло. Другой рукописи у меня не было. И в конце концов если лавровый лист и елисеевская мебель могут отмолчаться, то Бухарин скажет несколько слов. Иначе зачем бы ему было писать о красном пинкертоне? Я наскребла денег на максимку, завернула рукопись в газету, надела шинель, стоившую четыре миллиарда, и поехала в Москву.

8. Не хочу рассказывать подробно

Может быть, лучшее, что было в счастливой судьбе моей книги, — это вечер ее принятия Госиздатом, потому что в этот вечер мне пришлось долго ходить и разговаривать с одним из умнейших коммунистов, пытливым и терпеливым в споре.

Не с кем общаться писателю. Где наша среда? Люди, имеющие что сказать и умеющие ответить, заняты. Драгоценнейшее, что может быть в жизни, — общение — закрыто на тысячу замков, а сверху крышка, и на крышке надпись: «Некогда».

9. Несколько слов моим критикам

<...>

В чем тайна «Месс-менд»?

Не забудьте, что это п а р о д и я. «Месс-менд» пародирует западноевропейскую форму авантюрного романа, пародирует, а не подражает ей, как ошибочно думают некоторые критики.

Но судьба многих книг начинаться в насмешку и кончаться всерьез, подобно Пиквику. В процессе писания пародия была изжита, и возник своеобразный пафос, я бы сказала — пафос нового, классового трюка. Изобретенный в «Месс-менд» «трюк с вещами» носит не универсальный характер и не личный (как все трюки в романах и в кино), а рабоче-производственный, и быть другим он не может, потому что вещи делаются рабочими. Отсюда — плодотворность и удачливость темы, ее не надуманный, а сам собой возникающий романтизм.

Потом: никто не заметил (да и я сама — пока не дописала), что в основе «Месс-менд» лежит сказка — народная сказка о благодарных животных. Шуточная уголовная развязка внезапно превращается в «народную словесность».

И самое главное: книга легка — легка именно той трудной легкостью, какой стараются достичь в машинах и паровозах. Попробуйте написать так, как она написана. Это удастся изредка, и я сама не могу больше повторить «Месс-менд».

29 сентября 1926 г.
Москва.

Часть II

Лори Лэн, металлист

СТАТЬЯ, ПРОЛИВАЮЩАЯ СВЕТ НА ЛИЧНОСТЬ ДЖИМА ДОЛЛАРА¹

В разгар предвыборной кампании, когда все мои скромные силы были брошены на защиту святого дела потребления злаков и ограждения жизни кроликов, сусликов, зайцев и других млекопитающих, умерщвляемых в нашем штате в удручающем количестве, толпа избирателей обратилась ко мне с просьбой.

Я принужден изложить эту просьбу, хотя она показалась мне богохульной:

— Защити нашего Доллара! — попросили меня избиратели. — На него возвели разную советскую литературу, будто бы он написан бабой. Это надо вывести начистоту. Доллар — американец. Что наше — то, наше.

Признаюсь, последнее соображение побудило меня согласиться.

Джим Доллар — отпетый преступник, злоумышленный писака и преехидный клеветник, но было бы бесполезно отказываться от того, что тебе принадлежит. С краской стыда на лице утверждаю и провозглашаю:

Доллар — американец. Поскольку он мужчина, само собой ясно, что он не женщина. Джим Доллар существует, и больше того: я лично, к глубокому моему прискорбию, имел столкновение с этим несимпатичным человеком, в продолжение которого имел случай убедиться в его испорченности и злонамеренности.

Дело было так. Незадолго перед прошлыми выборами ко мне в кухню вбегает, запыхавшись, молодой человек в одежде батрака и со слезами на глазах просит моего содействия:

¹ Предлагаемая статья принадлежит перу преподобного Джоната-на Титъкинса, известного вегетарианского проповедника из штата Массачусетс, и печатается нами в порядке дискуссии.

— Преподобный отец Титькинс! Помогите мне! Я больше не могу. Я ознакомился с вашей платформой, и у меня прямо-таки разрывается сердце...

Успокоив и ободрив его, я узнал, что он служит на одной из ферм и был свидетелем жестокого обращения своего хозяина с саранчой, каковое сильно подействовало на его нервную систему.

— Вы бы расплакались,— сказал он мне с дрожью в голосе,— если бы увидели собственными глазами, как тысячи маленьких телец со своими выводками копошатся убитые, израненные и полураздавленные!..

Картина, нарисованная им, была очень сильна. Вечером мне предстояло выступление на большом митинге. Решаюсь сказать, что я недурной оратор.

И вот в пылу своего красноречия, развивая золотые заповеди вегетарианства, я не мог удержаться, чтоб не набросать перед очарованными слушателями картину гибели несчастной саранчи.

Неприятно и тяжело рассказывать о последующих минутах. Меня не выбрали. Грустно признаться, меня даже слегка ушибли чем-то вроде сырого картофеля. В переднем ряду я успел заметить молодого человека, сообщившего мне о случае с саранчой. Это был Джим Доллар, и он бессовестно хохотал в продолжение всего инцидента.

Теперь, если кто сомневается в личности Доллара,— пусть обратится ко мне. Я готов дать ответ и подтвердить его, если надобно, протоколами тогдашнего предвыборного собрания.

Преподобный Джонатан Титькинс, председатель Общества Поощрения Животных и почетный член Лиги Мира.

*Город Лас-Батрас,
Штат Массачусетс.*

КЛЯТВА МЕТАЛЛИСТОВ

Братцы, сбросим рабство с плеч!
Смерть былым мученьям!
В мир велим металлу течь
С тайным порученьем...
Чтоб металл
В себя впитал
Нагревом и ковкой,
Заклепкой, штамповкой,
Сверленьем, точеньем
И волоченьем,
Дутым, прокатанным, резаным, колотым,
Домною, валиком, зубьями, молотом,
Через станки
От рабочей руки
Клятву одну:
К черту войну!
К черту, долой войну!..

Глава первая

ТЯЖЕЛЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИНИСТРА

Ровно в девять часов вечера социалистический министр Пфеффер спустился к ужину в пансионе Рюклинг. Министр был на отдыхе. Он принимал воды, ванны и интервьюеров внутрь, снаружи и в коридорах ровно в таком количестве, какое могли вынести его легкие.

— Боюсь, что у меня предчувствия! — произнес он оглушительным голосом, спускаясь по лестнице. — Над Европой тучи. Пролетариат недоволен, хотя мы, с своей стороны, из последних сил прибавляем ему рабочие часы. Нехорошо, очень плохо!

Интервьюер благоговейно затряс карандашом. Министр проследовал в столовую. Он элегантно одет, приглажен, побрит. В петлице азалия. На шее модный галстук. Благосклонно оглядев стол, он сел рядом с очаровательной молодой дамой, выставившей из целого вороха кружев и бахромы самый свой нравный подбородок, какой только можно себе представить.

Хозяйка пансиона, баронесса Рюклинг, сидела во главе стола. Она зорко следила за тем, чтоб горничная Августа, обносившая пансионеров блюдом, поворачивалась к ним главным образом со стороны морковного соуса, делая подход к жареным фазанам насколько можно более затруднительным. Слабые характеры и ученые умы поддавались на удочку. Дамы грациозно обходили ее. Что касается министра, то он рассеянно ткнул вилкой в морковь, а ложкой мазнул фазана, когда же непроизводительность такого труда дошла до его сознания, блюдо было уже далеко. Вздохнув, министр склонил голову к своей соседке, как вдруг за спиной его выросла фигура лакея, молчаливо держащего поднос с голубым конвертом.

Министр с достоинством принял письмо. Но не успел он прочесть и пары строк, как лицо его исказилось, руки затряслись и он судорожно вскочил с места.

— Прошу прощения,— пробормотал он изменившимся голосом,— я... я не могу остаться на ужин. Мне надо тотчас же ехать в Зузель!

С этими словами он выбежал из столовой, оставив гостей в высшей степени встревоженными — не столько его уходом, сколько вопросом о справедливом распределении его доли.

Вбежав к себе, министр схватил карту проезжих дорог Южной Германии, разложил ее на столе и отыскал нужное место:

Там, где цифра 3 заключена в белый столбик, он поставил большой красный крест.

Стук!.. Стук!..

Министр вздрогнул и обернулся. В комнату прошелестело женское платье. Перед ним стояла его очаровательная соседка, сложив ручки и глядя на него растерянными глазами. Собственно говоря, ее нельзя назвать хорошенькой, особенно сейчас: лицо у нее неправильно и остро, глаза широки, нос ко-

роток, рот слишком велик, веснушки чересчур заметны, — но есть что-то в ее беспокойной фигурке, что-то такое, что ставит вас в положение человека, ни с того, ни с сего вызванного на китайский бокс.

— Фрау Вестингауз! — воскликнул скандализированный министр.

— Тише! — пробормотала фигурка. — Если вы дорожите моим спокойствием, не ездите в Зузель! Слышите? Не ездите! Не смейте ездить! — Она топнула ножкой.

Пфеффер поднял брови. Он поднял бы их выше головы, если б это было в его средствах.

— Вам известно, как я дорожил вашим обществом, — натянуто ответил он, — но я не совсем понимаю... Я отказываюсь понимать! И, наконец, в данном случае я обязан ехать ради государственных интересов.

Он поискал глазами перчатки. Снова стук в дверь. Женщина затрепетала. Министр с негодованием увидел, как в высшей степени приличная дама ведет себя хуже какой-нибудь папиросницы! Она втянула голову в плечи, высунула от страха кончик языка и юркнула за занавеску.

Вошел лакей. Он доложил о поданном автомобиле.

Пфеффер облегченно вздохнул, взял шляпу и вышел, твердо решив не оставаться больше в пансионе «Рюклинг», где вождь народа, министр-социалист, может сделаться объектом экзальтации, ни единого дня и часа.

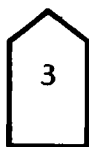
Местечко Мюльрок лежало в огнях. Автомобиль летел в гору, по Зузельскому шоссе, оставляя его за собой все ниже да ниже. Справа в долине был Рейн, слева кустарник и скалы. Министр не смотрел на живописные горные уступы, темневшие в звездном небе, и нетерпеливо нагнулся к светящемуся циферблату часов. Они проезжали сейчас самым пустынным местом. За поворотом начиналась тропинка, ведущая по непролазным кручам в покинутые угольные шахты. Он торопил шофера. Но этот кожаный малый, послушный, как автомобильный рычаг, казался сегодня каким-то странным. Он то и дело поникал плечами, зевал и делал судорожные усилия воспрять. Внезапно он поворотил к министру перекошенное от зевоты лицо:

— Херр Пфеффер... Уах!.. Я, кажется, за-за...

Зевота перешла во вздох, вздох в громовой храп, и шофер тяжело свесился в автомобиль. Он спал.

Министр пробормотал проклятие. С ним никогда не случилось ничего подобного. Он перелез на место шофера, сбросив

его неподвижные ноги вслед за туловищем. Они летели мимо орешника, скал, столбов... Вот из темноты, в бледном звездном свете, вынырнул белый столбик с цифрой 3.

Министр отчаянно налег на тормоз. И в ту же минуту слева, из-за грушевых деревьев, раздался пронзительный вопль. Голос был не мужской и не женский. Это был нечеловеческий, страшный голос, густой, низкий, с контральтовыми переливами, напоминающими рев тигрицы. От этого вопля волосы у министра зашевелились. Он хотел дать полный ход, заткнуть уши, крикнуть в свою очередь, но ни одно из его желаний не могло осуществиться. Руки и ноги его приросли к месту, губы сомкнулись, язык прилип к гортани, а крик повторился уже у самого колеса автомобиля, и тогда министр, не сознавая, что делает, как сомнамбула, весь белый от ужаса, перекинул ногу и выпрыгнул на шоссе.

Между тем фрау Вестингауз, покинутая им за портьерой, не сразу решилась оттуда выбраться. Сперва она высунула кончик носа, потом кудрявую голову, потом плечо. Увидя, что комната пуста, она тихонько прокралась в коридор, как вдруг чьи-то сухие пальцы стиснули ее руку и насмешливый голос произнес:

— Ваше беспокойство, милочка, просто трогательно!

Яркий свет электричества озарил низенького старичка с плешивой головой и множеством морщин вокруг острых крысиных глазок, с приподнятым правым веком от постоянного ношения монокля. Это был банкир Вестингауз. В кабинете, куда они вошли, находился еще человек, полулежавший в кресле.

Женщина метнула на него беспомощный взгляд, но он лениво скривил губы.

— Сядьте, Грэс! — сказал старичок. — С тех пор как мы женаты, это первый случай вашего дурного поведения. Мы недовольны вами, — я недоволен вами, и Луи недоволен вами. Однако я собираюсь вас утешить.

Он взял телефонную трубку и подмигнул красивому брюнету в кресле.

— Алло! Полицейский участок! Вызовите главного агента. Вы слушаете? Прошу отправить жандармов на Зузельское шоссе для охраны министра Пфеффера. Говорит банкир Вестингауз из пансиона «Рюклинг». Никаких сведений, но министр крайне волновался — и, думаю, у него были причины. Вся обстановка его отъезда нам не понравилась!.. Ну, Грэс, — он повернулся к жене, — что скажете? Нет надобности трястись, милая моя, как веточка мимозы. Вспомните счастливые дни, когда эти пальчики сжимали револьверчик... — Он смерил жену с ног до головы взглядом, который не предвещал ничего приятного. — И зарубите у себя на носу, что ваши фантазии неосновательны, неосновательны, неосновательны. Мы — мирные путешественники. Если вы будете бредить, или галлюцинировать, или кидаться в чужие комнаты, то вас придется поместить в клинику.

Глава вторая

УБИЙСТВО НА ОБРАЗЦОВОЙ ДОРОГЕ

Главный полицейский агент Дубиндус и его помощник Дурке сидели друг против друга в канцелярии над ворохом мелких протоколов о краже собак и кошек, а также о голодных смертях в местах общественного пользования и других видах нарушений.

— Что бы вы там ни говорили, — произнес Дубиндус, ударив кулаком по столу, — а на Зузельском образцовом шоссе ни одного протокола! Я всегда утверждал, что это самая лучшая из всех дорог Южной Германии. Ну-ка, попробуйте — найдите на ней корку хлеба, пуговицу, папиросный окурок!

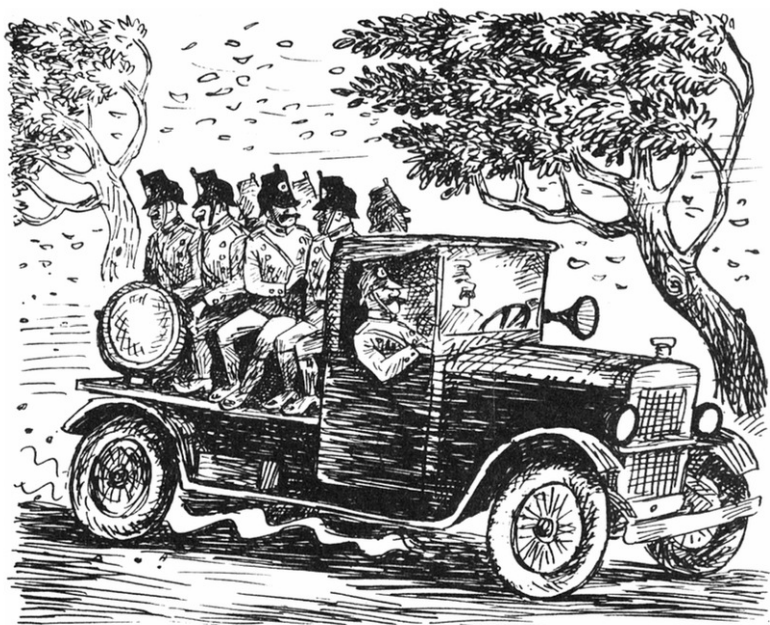
— Дайте мне такое место в Германии, где все это можно найти, херр Дубиндус, — и я вам уступлю за него ваше шоссе с головой и с хвостом!

Дубиндус только что собрался достойно ответить своему помощнику, как зазвонил телефон.

— Алло! Банкир Вестингауз? Так... Так... Понимаю! Хорошо!

Он с досадой швырнул трубку и повернулся к Дурке:

— Живо! Автомобиль, жандармов! И черт меня побери, если там не понадобится парочка кинематографчиков... Едем!

— Куда? — флегматично спросил Дурке.

— За социалистическим министром. Разве вы не знаете, что эта публика не может без покушений! А наш брат лети за ними среди ночи, чтоб сцапать какого-нибудь ловкача, который, уж поверьте, заработает на этом деле больше, чем мы с вами за его поимку!

Дурке, кряхтя, пошел исполнять приказ.

Автомобиль был подан. Жандармы вооружились. Дубиндус застегнул револьвер. Через минуту полицейский автомобиль катил по той же дороге в Зузель, по которой четверть часа назад проследовал Пфеффер.

Но за эти четверть часа погода резко изменилась. Ветер стал крепким и гнал на автомобиль целые тучи пыли. Тяжелые облака затянули небо. Деревья по обе стороны шоссе раскачивались со скрипом и стоном.

— Времена! — злобно бормотал Дубиндус. — Социалистические министры! Если б не шоссе, стал бы я служить новой власти... Ведь на этом самом шоссе тому четырнадцать с половиной лет я оштрафовал его величество, императора Вильгельма Миротворца!

История о том, как Дубиндус оштрафовал Вильгельма, была знакома в Мюльроке каждому мальчишке. Жандармы и Дурке потихоньку заткнули уши.

— Да,— продолжал Дубиндус, сверкнув в темноте очами,— в ту пору я был начинающим агентом. Я знал все статуты и параграфы городских положений. Я прочитал от доски до доски свод законов. Ни одна собака в Мюльроке не ходила у меня без намордника. То было время монархического порядка. Славное времечко! И вот еду я как-то по Зузельскому шоссе, и, вдруг, прямо передо мной, неподалеку от третьей версты, стоит автомобиль без номера, а возле него человек в каске,— Дубиндус торжественно откашлялся,— человек в каске...

Крак! Его собственный автомобиль стал как вкопанный. Шофер нырнул вниз и через секунду крикнул профессиональным тоном, протягивая что-то на ладони:

— Шина лопнула! Нател!

Полицейский агент схватил острый осколок какого-то синего-серого камня, добытый шофером из-под колеса, и в бешенстве сунул его в карман. Камни под полицейским автомобилем! На образцовом Зузельском шоссе! По самой середине шоссе! И — что хуже всего — у них нет запасной шины, и оставшийся путь им придется сделать пешком!

Кряхтя и сутулясь, полез из автомобиля Дурке. Брякая ружьями, выпрыгнули жандармы. Изрыгая ругательства, вывалился Дубиндус. Он приказал шоферу провести машину в кусты и поспешно зашагал во главе своего отряда.

На шоссе разыгрывалась сухая буря. Целые валы из щебня, пыли, песку, сухих листьев сбивали их с ног. На расстоянии шага не было слышно ничего, кроме ветра. Это имело, впрочем, свою хорошую сторону, скрадывая их приближение,— ибо не успел вынырнуть из темноты белый столбик с цифрой 3, как наш отряд наткнулся на какого-то человека, наклонившегося над дорогой. В ту же секунду человек вскочил и бросился от них в сторону. Жандармы помчались наперерез, один ударил его прикладом по спине, а другой схватил за рубашу.

— Стой! — злорадно изрек Дубиндус, засветив электрический фонарь. — Поработал, и баста!

Он направил фонарь на пойманного человека. Это был несомненный бродяга,— впрочем, довольно красивый,— в холстинковой рубаше, штанах и сандалиях на босу ногу. Лицо его было полно такой досады, что Дубиндус не без удовольствия надел бы на него намордник.

— Ничего, приятель, дома подождут! — продолжал он, шаривая его карманы. — Кусок пирога, веревка, план местности, один, другой, третий, четвертый камень... целая дюжина камней...

И все они оказались точь-в-точь такими, какой подобрал шофер из-под лопнувшей шины.

— Мошенник! Кто ты такой?

— Прохожий, — ответил бродяга на скверном немецком языке.

— Иностранец?

— Прохожий.

— А вот я тебе покажу прохожего, бестия! — зарычал полицейский агент, подступая к нему поближе. Но в эту минуту Дурке дотронулся до его руки. Он был бледен и трясся как в лихорадке.

— Херр Дубиндус, — прошептал он, указывая куда-то пальцем.

Агент обернулся. Полукруг фонаря освещал скалистую часть шоссе за белым столбиком. Там лежал человек, раскинув ноги и руки. Это был министр Пфеффер собственной особой, министр Пфеффер, элегантно одетый, с азалией в петлице, в чудесных лакированных ботинках. Цилиндр скатился у него с головы, палка упала к ногам, затылок был плотно прижат к земле.

— Как вы себя чувствуете, господин министр? — почти тельно осведомился Дубиндус.

Никакого ответа.

— Мы изловили вашего злоумышленника.

Молчание.

Дубиндус наклоняется вниз и вскрикивает от ужаса.

Министр холоден — но это бы ничего, министр мертв — но и это еще ничего. Оба глаза министра выпучены прямо на Дубиндуса с выражением такого безумия, что у полицейского агента подкосились ноги.

— Убийство! — прошептал он. — Убийство на Зузельском шоссе!

Бродяга уставился туда же, куда был обращен фонарь. При слове «министр» он вздрогнул. Досада на его лице сменилась изумлением и интересом. Между тем Дубиндус и Дурке медленно обошли убитого, всюду вода фонарем; они внимательно шарили в траве и в кустах, подвигаясь вперед по шоссе, пока не наткнулись на кузов автомобиля. Это был автомобиль министра Пфеффера, в полном порядке и исправности. Он

стоял вкось, уткнувшись в скалу, с сильно поцарапанным лаком. Шофер лежал головой вниз, ногами вверх между двумя сиденьями. Дубиндус немедленно схватил его за ноги.

К его удивлению, ноги слабо брыкнули. Он прислушался — шофер храпел. Вытащив его с большими усилиями наружу, Дурке и Дубиндус увидели здорового малого с налитым кровью лицом и плотно стиснутыми ресницами. Он спал, несмотря на все толчки, щипки и оклики.

— Шофер усыплен. Убитого надо оставить, как есть, до приезда врача. Дурке, вы останетесь при нем с жандармом, а я отвезу преступника в город!

С этими словами Дубиндус сделал знак, и бродягу за шиворот втащили в автомобиль. Несчастный Дурке проводил их глазами, побелевшими от страха, и, проклиная себя, Дубиндуса и министра, залез под прикрытые скалы с оставленным жандармом. Как раз вовремя! Не успел автомобиль отъехать, как сухая буря явно превратилась в мокрую, бросив на Зусельское шоссе целый водопад грязного сильного сплошного дождя.

Глава третья

Ф 0 КУСЫ П 0 Д Д 0 ЖДЕМ

— Служба! — сплонул Дубиндус, залезая головой в капюшон. — И мокни, и дрогни, и сохни, и все это за какой-нибудь республиканский орден, который от стыда заткнешь в плевательницу, а не в петлицу. Куда ты, черт?!

Последнее восклицание относилось к автомобилю. Управляемый его собственной рукой, он то и дело приподымал передние колеса, как какой-нибудь кенгуру.

Агент круто поворотил рычаг. В ту же минуту автомобиль ринулся вперед, делая молниеносные зигзаги направо и налево и шмыгая кузовом, как хвостом. На лице жандарма выдавилась ироническая гримаса. Дубиндус вытаращил глаза.

— Всю жизнь ездил... — бормотал он, борясь с темнотой, ветром, дождем и игривостью машины, — а этакого, этакого!.. Не подсунули ль в него какого-нибудь поила вместо бензина? По-ло-жи-тель-но не автомобиль, а мартовский кот.

Не успел он договорить, как его собственный сапог, бряцающая шпорой, стал выделять те же самые зигзаги. Напрасно он налегал на ногу всем своим корпусом,— никакой груз не мог образумить этой подставки, отплясывавшей вместе с автомобилем дикую пляску. Сдавленный хохот жандарма дошел до его слуха. Дубиндус рывкнул, сбросил капюшон и затормозил. Но не тут-то было! Лакированное животное точно взбесилось. Оно немедленно уткнуло нос в землю, а задние колеса вместе с сиденьем задрало на неприличную высоту. Дождь между тем лил и хлестал сплошными канатами. Не прошло и минуты, как главный агент, полезший под машину с фонарем, был вымочен до последней нитки. Вода текла у него по лицу, за воротник, в сапоги, в карманы. Портфель, где лежали бумаги и отобранные у преступника вещи, превратился в тыкву.

— Тут все в полном порядке!— проревел он и вылез из-под автомобиля.— Надо думать, это атмосфера. Давление осадков. Держи убийцу за шиворот и следы, чтобы он не фокусничал!

Жандарм, мокрый, как белый медведь в бассейне, давно уже стискивал свою жертву, плавая с ней вместе по сиденью. Дубиндус тронул рычаг. На этот раз машина грациозно лягнула и пошла вперед нервной женской походкой, пошевеливая кузовом направо и налево. Это все же было поступательным движением, хотя и малоцелесообразным, и через несколько минут впереди, сквозь тьму и влагу, заблестели первые огни Мюльрока. Здесь шоссе делало крутой спуск. Автомобиль слетел вниз мячиком. Слева стояла отвесная скала, кой-где опущенная дубом, справа начинались дачи. Через минуту они будут на городской площади...

— Стой! Держи!— завопил вдруг жандарм неистовым голосом.

В ту же секунду на плечи Дубиндуса вскочили чьи-то ловкие пятки, мазнули его по голове и взвились в пространство. Он затормозил и повернулся. Перед ним было искаженное лицо жандарма. Пленник исчез.

— Что это значит?— заревел Дубиндус.— Да куда ты глядишь, собачий насморк, куда ты глядишь?!

Жандарм глядел не по сторонам, не вслед пленнику, а на дуло собственного револьвера. Глаза его были перекошены от ужаса. Дубиндус увидел, как из револьверного дула с птичьим чириканьем одна за другой тихонько выползали пули и падали вниз. Он вытащил свой собственный, тупо уставившись на

смертоносную штучку. Черт возьми, револьвер был разряжен. А пули? Он сунул руку за пояс и вытащил несколько шариков, еще трепетавших у него на ладони.

— Дур-рак! Осел! — процедил он, налегая изо всех сил на согласные буквы, как если б они могли изгнать из мыслей жандарма всю метафизику. — Только и было тебе дела, что держать его за шиворот. Струсил... К черту фокусы! Дай проектор.

Яркая полоса света взвилась над скалой. Прямо против них шевелились огромные ветви дуба. Преступник полз по ним, даже не делая попыток спрятаться. Дубиндус вытолкнул жандарма на шоссе:

— Стой тут как истукан! Это пансион «Рюклинг», видишь балкон над скалой? Ему отсюда никуда не удрать. Я оцеплю дом. Смотри, если проворонишь его вторично!

С этими словами он выхватил свисток и помчался к полицейскому участку.

Голубая спальня жены банкира, несмотря на поздний час, была освещена полным светом. За маленьким мраморным столом сидело трое людей, изучавших какие-то бумаги. Один из них был банкиром, другой виконтом Луи де Монморанси, третий высоким седым человеком военного вида. Неподалеку от них в кресле лежала Грэс Вестингауз, щуя глаза и борясь с желанием уснуть. Был второй час ночи, когда со стороны балкона послышался шум, прервавший однообразный шум дождя. Балконная дверь распахнулась, обдав их водой и ветром, и в комнату ввалился мокрый, полуголый, до крови ободранный человек.

Военный выхватил револьвер. Мокрый человек поднял обе руки, но в ту же минуту зашатался и упал на пол. Он был в обмороке. Трое людей переглянулись в изумлении. Грэс встала с места. Внизу между тем послышались суетня и хлопанье дверей. Пансион «Рюклинг» был разбужен в необычное время.

— Я узнаю, в чем дело... Спрячьте бумаги! Разойдитесь по комнатам! — прошептал банкир, сбрасывая смокинг и натягивая ночной халат. Монморанси и военный подбежали к стенному зеркалу, перевернули его вокруг оси и исчезли в потайной двери. Банкир потушил свет и, оставив жену и упавшего человека в полной темноте, осторожно выбрался из комнаты.

Спальня его жены была единственным помещением третьего этажа. Коридор, обтянутый ковром, вел на винтовую лест-

ницу, спускавшуюся во второй этаж. Здесь в плетеном кресле всю ночь дежурила сестра милосердия. Сейчас она стояла, нагнув голову через перила, и прислушивалась к шуму, доносившемуся снизу.

— В чем дело, сестра?

— Не могу сказать, херр Вестингауз! Внизу полиция!

Перескакивая через ступеньки, к ним со всех ног летела горничная Августа. Лицо ее горело от возбуждения, глаза так и сияли. Наткнувшись на банкира, она затараторила что есть мочи:

— Убийство, херр Вестингауз! Убит министр Пфеффер! Убийца в комнате вашей жены... Не пугайтесь, не пугайтесь! Сейчас к вам придут жандармы. Он не успеет ничего сделать...

— Какой убийца? — с тревогой спросил банкир.

— Поймали на шоссе! Простой бродяжка, херр Вестингауз. Министр-то ограблен до самой что ни на есть ни-точ-ки!

Последнюю фразу Августа произнесла от чистого сердца, поддавшись полету воображения и всплеснув обеими руками. Но именно эта фраза имела самые неожиданные последствия. Банкир вздрогнул, лицо его исказилось, он схватил полы халата и помчался к жене.

Глава четвертая

ПРИК В ГО СПА **Л** **ЮЧЕНИЕ УВОЙ БНЕ**

Грэс стояла у балконной двери, готовая каждую минуту броситься со скалы. Страшный человек посреди ее комнаты лежал неподвижно. Банкир зажег электричество, запер дверь на ключ и кинулся к беглецу. Он стал на колени, изучая его лицо, руки, одежду. Сомнения нет, перед ним был бродяга или рабочий, с истощенным лицом, с грязными руками, в нищенской одежде, босой...

— Воришка! Воришка! — в каком-то отчаянии воскликнул он, хватая его за ворот. — Грэс, берите его за ноги, скорей! Грэс повиновалась.

— Куда?! Куда вы тащите, сумасшедшая, безголовая женщина! — прорычал он, щипля ее до крови. — Кто вам говорит — на балкон? Кладите его на кровать. На собственную кровать. Так. Двигайтесь, или я укушу вас в плечо. Дальше к стене!

Прикройте его с головой одеялом. Теперь живо — платье, чулки, башмаки, раздевайтесь, чепчик на голову. Марш в кровать, спрячьте его своим телом. Что? Вы не слушаться!

Банкир оскалился и подпрыгнул, как кошка. Он загнал ее на кровать, бросил на нее одеяло и ударом ноги вплотную придвинул ее к беглецу. Потом он схватил ковер и натянул его вплоть до балконной двери, скрыв мокрые следы человека. Потом он запер балконную дверь на ключ, заставил ее мраморным столиком, перенес на него графин с водой, потушил электричество, бросил туфли и присел на кровать к жене.

— Слушайте меня! — зашипел он зловещим голосом. — Сюда придет полиция. Она не должна его найти, иначе она вцепится в него и состряпает обыкновенное убийство! Все наше дело сойдет на нет! Зарубите у себя на носу, что в вашей спальне никого и не было!

За дверью послышались шаги.

— Душечка... чмок, чмок! — закончил банкир, целуя воздух самым громогласным образом. — Черт возьми, кто там?

— Августа сказала, что она предупредила вас, дорогой херр Вестингауз. Прошу извинения... Ужасное несчастье!

Вестингауз спрыгнул с кровати и приоткрыл дверь. У него было самое невинное лицо в мире, — лицо потревоженного супруга.

— Это вы, баронесса? Как, и полиция?.. Августа плела какую-то чушь, я не придавал ей значения... В чем дело?

— Мы должны оцепить и обыскать эту комнату, херр Вестингауз, — вмешался полицейский агент. — Через ваш балкон скрылся убийца. Он не мог никуда убежать, кроме вашей комнаты.

— Убийца?

— Мы словили его над трупом министра Пфеффера.

— Ай! — вскрикнул банкир. Он тотчас открыл дверь и зажег электричество. — Моя жена в кровати. Умоляю вас не тревожить ее этим ужасом!

Дубиндус и жандармы деликатно отвернулись от алькова банкирши и прошли прямо к балконной двери. Она была заставлена столом.

— Давно стоит этот стол?

— Мы придвигаем его на ночь...

— Гм! Гм! — Агент прошелся по комнате, заглянул под столы, в шкафы, за портьеры, в ванную, умывальную, уборную, — нигде ни следа! Он отодвинул столик и вышел на бал-

кон. Дождь давно смыл с него всякое пятнышко. Дуб стоял неподвижно. Скала чернела, отполированная ливнем.

Никогда еще Дубиндус не испытывал злости, подобной сегодняшней. Он наклонился с балкона и свистнул. Жандарм откликнулся.

— Преступник здесь, черт возьми!— решил Дубиндус.— Я вынужден буду оцепить дом. Прошу всех присутствующих оказать правосудию помощь.

— Разумеется!— с полной готовностью ответил банкир, провожая полицию до дверей.

Вернувшись к жене, он оскалился и шепнул:

— Смотрите же, Грэс! Я должен бежать вниз. Пока дом не будет оставлен в покое, прячьте его, как хотите, где хотите. Потом мы его выбросим. Мелина уехала. Он может сойти за Мелину.

С этими словами Вестингауз прокрался в коридор.

Грэс лежала рядом с неподвижным человеком. Она промокла и продрогла. Холод его измокшей одежды, лихорадка, сводившая ему кости, передалась и ей. Когда полицейский ходил по комнате, она вложила пальцы в открытый рот незнакомца, чтоб стук его зубов не раздавался из-под одеяла. Он был в беспамятстве.

Между тем ливень умолк, небо очистилось, и начинавшийся рассвет проник в комнату. Серые глаза Грэс только теперь разглядели того, кто лежал с ней рядом. Это был совсем молодой человек, не старше ее, с безволосым овалом, коротким прямым носом и нежной линией рта. Он не имел в себе решительно ничего страшного. Он не был похож на убийцу. Грэс скользнула взглядом по его рукам. Эти руки с запекшейся кровью были исцарапаны и грязны. Но форма ногтей и длина безжизненных пальцев могли бы удовлетворить самый причудливый вкус. Старый банкир ошибся. Несчастный не мог быть ни преступником, ни воришкой. Это, наверное, переодетый принц...

— Принц! Принц!..— Он не открывал глаз.

Она протянула руку и коснулась его лба. Он горел. Она отвела мокрую прядь волос, мягкую, как у новорожденного ребенка, и вдруг ее охватила волна нестерпимой нежности. Ей захотелось поцеловать его в губы. Полузакрыв глаза, она приблизилась к его лицу, поймала его дыхание, вздохнула протяжным вздохом и губами взяла его губы, как делают глупые молодые жеребята со всем съедобным и несъедобным. Лучше бы ей никогда не проделывать этого опыта! Беглец ответил ей

на поцелуй. Бессознательным движением он привлек ее к себе и продолжал искать ее губы. Не в силах противиться никогда не испытанной сладости, уже не веря, что это действительность, а не сон, Грэс отвечала на поцелуй, пока что-то сильное и острое не заставило ее почти потерять сознание. В ту же минуту она поняла, что произошло нечто такое, чего у нее никогда не было ни с мужем, ни с любовником (ибо Грэс воображала, что имеет мужа и любовника), — короче сказать, она стала женой неизвестного человека, может быть, убийцы и во всяком случае бродяги, — женой человека, лежавшего в лихорадке и беспамятстве, грязного, чужого, пожалуй, умирающего, с которым она еще не обменялась ни единым словом...

Грэс вскочила, уставившись на него диким взглядом. Он лежал с безжизненно-серым лицом в глубоком, спокойном сне. Вряд ли он даже во сне видел и помнил ее черты. Тогда, с истинно женской логикой, она топнула ножкой и погрозила кулаком — не по его адресу, а по адресу своего воображаемого любовника, виконта Луи де Монморанси.

Глава пятая

КОНЦЕССИОНЕРЫ КАТАРСКИХ РУДНИКОВ

Виконт Луи де Монморанси засыпал только к утру. Происходило это потому, что раздевал виконта лакей Поль, массировал виконта лакей Поль, обтирал виконта лакей Поль, закрывать же глаза приходилось самому виконту по той простой причине, что нельзя поручить закрыть себе глаза, поскольку ты еще не покойник.

Операция закрытия глаз требовала от виконта больших нравственных усилий. Он был решительным противником самодетельности. И в эту ночь, потрудившись в поте лица над смежением своих век, он, наконец, достиг удовлетворительного результата.

Но в ту же минуту дверь в его комнате хлопнула, и банкир Вестингауз приблизился к его постели.

— Луи, вы спите?

— Я только что собирался уснуть, — сердито пробормотал виконт, — приди вы минутой раньше, мне не пришлось бы зря закрывать глаза!

— По-видимому, это вам труднее, чем ночное закрытие сейфов в кладовых моего банка,— отозвался банкир.— Вы, кажется, забыли, что сегодня совещание! И потом, Луи... нам следует поговорить о крошке.

Из груди виконта вырвался тяжелый вздох.

— Она стала капризничать. С ней надо ладить. Что вам стоит, Луи, быть чуточку поласковой?

— Что стоит!— Виконт положительно затрепетал от негодования.— Я удивляюсь глупейшей затее влюбить ее в меня! Это... это решительно то же самое, что отсылать в канцелярии от одного письмоводителя к другому. На языке клерков это называется «водить».

— Вы никогда не убедите меня, что у вас не хватает сил на два-три поцелуя в день,— спокойно возразил Вестингауз.— Между тем у нас были бы развязаны руки по части ее капризов. И заметьте, я говорю сейчас не как муж, а как политик. Наступают в высшей степени ответственные минуты!

В этом он был прав, и Монморанси не мог с ним не согласиться. Он дотянулся до стенного звонка. Лакей Поль, похожий на кладбищенскую статую, молчаливо вырос перед кроватью, чтоб совершить над виконтом ряд обратных операций, вплоть до водворения его на обе ноги перед туалетным столом.

Банкир дождался окончания этой процедуры, схватил своего друга под руку и протащил его по пустынному, слабо освещенному предутренним сумраком коридору в свой собственный номер. Там в полном безмолвии сидели три человека азиатского происхождения. Один из них был высокий мрачный грузин — князь Нико Куркуреки, другой армянин из Лени-накана — мосье Надувальян, и третий — татарский бек, Мусаха-задэ. Все трое имели в лице своем чрезвычайную внушительность и, сев рядышком, мерили друг друга недоверчивыми взорами. Все трое не пожелали снять своих головных уборов.

— Вот, позвольте представить вам, дорогой виконт,— его сиятельство Куркуреки, его высокопревосходительство Мусаха-задэ, а также известный мосье Надувальян... Виконт Луи де Монморанси.

Внушительные рукопожатия. Хотя виконт, со своей стороны, не тратил на них никакой энергии, он почувствовал, что его растрясло не меньше, чем от прогулки на верблюде.

Рассевшись вокруг стола, компания некоторое время подготовительно молчала. Наконец Вестингауз разложил огром-

ную немецкую карту Советской страны, составленную на основании новейших данных.

— Вот Зангезур, а вот и красный кружок, — это ваши бывшие Катарские рудники, дорогой виконт. Вы бывали там?

— О! — произнес Монморанси испуганно. — Я получал еженедельный отчет от моего управляющего. Дела шли недурно.

— Нас интересует другое: годится ли это место как база для нашего предприятия?

— Зачем не годится? Годится! — вступился мосье Надувальян, отодвигая карту в сторону. — Там можно делать дела. Я вам гарантирую сигнализацию на аэроплане, подготовку газов, склад вооружений и химический завод.

— Годится, — мрачно отрезал грузин, сверкнув глазами. — Наша граница на Борчалу недалеко. Сто тысяч грузинских войск будут готовы по мановению кинжала!

— А я посажу на коня еще триста тысяч человек, — вставил Мусаха-задэ.

Вестингауз и Монморанси переглянулись. Дело шло как по маслу. Представители трех внушительных групп — грузин-

ских и татарских националистов и армянской денежной знати — гарантировали им успех. На это стоило рискнуть!

Вестингауз вынул из кармана три увесистых пачки.

— Итак, господа, Лига принимает вас в члены. Виконт Луи де Монморанси, бывший главный пайщик Катарских рудников, передает все бумаги и документы мосье Надувальяну, получившему на свое имя концессию от Советского Союза. Он вручает вам, кроме бумаг, еще небольшую сумму на следующие операции...

Здесь банкир был прерван. Портьера поднялась. В комнату вошли два высоких краснолицых человека.

— Господа, вы знакомы? Лучшие умы закавказской эмиграции: князь Нико Куркуреки, полковник Мусаха-задэ, известный мосье Надувальян... Принц Гогенлоэ, генерал Дюрк. Садитесь, садитесь. Итак, Катарские рудники становятся нашей базой. Мосье Надувальян получил на свое имя концессию, виконт уступает ему все свои формальные права. Мы выдаем мосье Надувальяну сумму, потребную на организацию химического завода, устройство связи, аэродрома, склада и прочего. Князь Куркуреки и полковник поедут вместе с ним, как пайщики предприятия, и получают такие же суммы для вооружения, подготовки восстания и пропаганды. Днем открытого выступления можно назначить...

— Позвольте! — вмешался генерал Дюрк. — День открытого выступления должен совпасть с объявлением войны Союзу. Наши планы могут тормозиться. К нам впутываются дураки. Я дал распоряжение, любезный Вестингауз, чтобы осел, оцепивший ваш дом, был немедленно устранен от службы. Следствие по убийству министра будет передано Карлу Крамеру.

Вестингауз выпучил на него глаза.

— Карлу Крамеру! Этому ду-рач-ку!

— Этому ба-ра-ба-ну! — воскликнул Гогенлоэ.

Дюрк выразительно поглядел на банкира и принца.

— Карлу Крамеру, — повторил он странным голосом. — А теперь еще один вопрос. Я надеюсь, вы уж обдумали, кто из нашего штаба будет послан с ними в Зангезур?

Куркуреки, Мусаха-задэ и Надувальян вспыхнули от оскорбленного самолюбия. Монморанси побледнел от страха.

— Как можно туда ехать? — проямлил он кисло. — Это необыкновенно далеко, и там нужно садиться на мулов, верблюдов или что-то в этом роде!

— Нам нет нужды садиться ни на что, кроме Юнкерса,— сухо отрезал Дюрк,— впрочем, этот вопрос будет передан на обсуждение Лиги.

Пакеты и пачки розданы. Заседание закрылось. Тряска рук, причинившая сердцебиение Монморанси, в конце концов кончилась, как и всякая другая неприятность. Но подумать только: они собираются послать кого-то в Зангезур!

Глава шестая

ДУБИНДУС КЛЯНЕТСЯ СВОИМ МУДРОМ

Дурке только что с аппетитом съел рагу из домашней кошки, приготовленное фрау Дурке в честь дня рождения одного из кронпринцев, как вдруг раздался сильнейший стук в дверь. Дурке заглянул в замочную скважину и отпер. В комнату влетел племянник Дубиндуса.

— Дядюшка требует вас к себе, скорей, скорей. Гм, как у вас славно пахнет!

— Анилиновыми красками, дружок,— утрюмо ответил Дурке, нацепляя на себя все служебные значки.— Вредный, очень вредный запах. Как займусь крашением, так, поверишь ли, теряю волосы. Придержи-ка ноздри и глотку, если собираешься отрастить усы.

С этими словами он выпер мальчишку из комнаты и, не теряя времени, выскочил оттуда сам.

— Ну-ка, что с твоим дядей?

— Не спрашивайте, херр Дурке, не знаю. Дяденька получил какой-то пакет, скинул с себя все, что есть: сперва сапоги, потом брюки, потом мундир, потом фуфайку и, как остался в одном исподнем, велел мне лететь за вами.

В несколько прыжков они достигли приличного деревянного домика в тупичке, полученного Дубиндусом по наследству от покойной жены, и не успели дернуть звонок, как дверь распахнулась.

Величественный, страшный, налившийся кровью полицейский агент, в одной рубашке, стоял на пороге. Глаза его метали искры. Волосы торчали дыбом. Усы шевелились.

— Дурке,— произнес он хрипло,— отныне я не приказываю

вам по службе. Если я что прикажу, а вы исполните, так это по обоюдному согласию. Службы нет, она кончена.

Дурке сел на лавку, мальчишка забился за его спину.

— Служба отстранена, — слышите ли? Отстранена от меня и от вас. Пошел ты, щенок! — Последнее восклицание в сопровождении подзатыльника относилось к племяннику. Дубиндус выпрыгнул его за дверь, запер ее на ключ в два оборота и заходил взад и вперед по комнате.

— Нынешнего утра в восемь часов двадцать три минуты принесли мне бумагу о сдаче обязанностей. Пятнадцать лет непорочной службы! И все из-за того, что мы с вами наделали ошибок... Упустили убийцу... Преследовали воришку... Потребовали именитую публику среди ночи. Одним словом, Дурке, все это оттого, что я, — Дубиндус торжественно понизил голос, — напал на правильный след!

Дурке выслушал речь своего бывшего начальника в холодном поту. Безработный! И как раз в тот день, когда съели последнюю кошку.

— Тсс! — продолжал Дубиндус, хотя Дурке производил столько же шума, сколько часы с прищемленным маятником. — Не бойтесь ничего. У меня кое-что накоплено. Хватит. Я арестовал императора Вильгельма. Уж не думаете ли вы, что я устроюсь перед каким-то социалистическим министром? Я арестую его! Я обвиню его!

— Но ведь он убит, херр Дубиндус, — пролепетал Дурке.

— Это ничего! Дурке, несите сюда мой мундир. Он лежит на полу. Кладите его на колени, между мною и вами! Так! Дайте вашу руку. Повторяйте за мной:

«Клянусь мундиром бывшего полицейского агента, достойного Леопольда Дубиндуса, в том, что раскрою все интриги социалистов и поймаю убийцу, скрывшегося в пансионе «Рюклинг».

Дурке дрожащим голосом повторил мрачную клятву. В ту же минуту тень с лица Дубиндуса спала, очи Дубиндуса прояснели, а ноги Дубиндуса самым спокойным образом полезли в брюки. Одевшись и пригладившись, бывший полицейский агент с хитрой улыбкой подмигнул своему помощнику и достал увесистый кошелек.

— Что вам говорит этакая штучка, а? — пробормотал он весело. — Штучка говорит о монархических временах. Не робейте, Дурке, держитесь за меня. Я холост, наследникам от меня не дожидаться ни пфеннига. Эти золотые кружочки пойдут на исполнение нашей клятвы. Живо, в путь!

Он схватил бывшего своего помощника за воротник и с такой быстротой отворил дверь, что расплющил нос оскорбленному наследнику, изучавшему замочную скважину.

Через пять минут они были у пансиона «Рюклинг».

— Хорошая погода! Приятно размять косточки. А ну-ка, что вы скажете насчет запаса кислых груш, лотка, непромокаемой куртки и складного столика? Через час они будут у вас в руках. Вы получите суточные и полную выручку. Следите краем глаза за выходящими, выпрыгивающими и вылезающими. Стоит молодчику появиться, как вы вскочили на велосипед и марш за ним. Он пешком, и вы пешком. С каждой остановки телеграфируйте или высылайте посыльного. Не выпускайте его из виду, хотя бы он мчался в Бразилию. Кислые груши предоставьте моему попечению. А проездные, суточные и прочие лежат тут, в этом самом кошельке, который перейдет в ваш карман, если только вы обещаете записывать расходы.

— Херр Дубиндус, — пробормотал растерявшийся Дурке, — ну, хорошо, я буду выслеживать, да толк-то какой?

— Толк! А вы забыли про камни? Про покушение на автомобиль должностного лица Республики, ибо тогда я еще был должностным лицом? Ха-ха-ха, Дурке, мы тоже умеем пользоваться покушениями! Пока вы будете разъезжать, Дубиндус соберет такой материальчик, что ни одна власть не посмеет отказать ему в бланке для ареста!

Они обогнули пансион. Часовые, расставленные бывшим агентом, не знали об увольнении начальника и рапортовали ему, что убийца не показывался.

Между тем на кухне пансиона «Рюклинг» шло приготовление ко второму завтраку. Баронесса, повязанная фартуком, накладывала на блюдо холодную телятину, строго выдерживая плоскостной принцип и создавая иллюзию глубины с таким знанием дела, точно она обучалась перспективе в казенной Академии Художеств.

— Если так будет продолжаться, Августа, — сказала она с тяжелым вздохом, — я разорена! Шестой пансионер потребовал завтрак к себе в комнату. Такие ли теперь времена? Одно дело скушать с блюда за табльдотом, а другое дело видеть это блюдо с глазу на глаз в своей комнате. Ты помни, Августа, когда понесешь поднос фрау Вестингауз, гляди ей прямо в глаза, пока она не возьмет сколько нужно. Люди должны брать сколько нужно! Чуть выпадет случай, они берут сколько не нужно.

Выслушав эту речь, Августа приняла поднос и отправилась наверх, сопровождаемая самой баронессой. У дверей Грэс Вестингауз они были разбиты наголову. Худенькая ручка взяла у них завтрак, отклонила услуги Августы и щелкнула замком перед самым их носом.

Глава седьмая

ГОРНИЧНАЯ У ХОРОШЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Бродяга в кровати Грэс Вестингауз не просыпался. Первый завтрак был доставлен в комнату, а он спал. Второй завтрак помещен на подоконник, где Грэс намеревалась скопить для убийцы достаточное количество калорий в прямой убыток баронессе Рюклинг, — а он спал.

Утром к ней заглянул банкир Вестингауз.

— Ваше положение глупо, дорогая! — шепнул он ей. — Но помните, это необходимо. Продолжайте быть тяжело больной. Не спускайтесь ни к обеду, ни к ужину. Как только он станет на ноги, мы его сплавим. Будьте осторожны. Засада еще не снята.

Грэс выслушала все это с полным безразличием и снова заперлась. В десятый и сотый раз, со странным блеском в глазах, наклонилась она к бродяге, пристально изучая каждую подробность в его лице, одежде, позе, бессознательных движениях. Она прилегла с ним рядом на подушку, как кошка к слепому детенышу.

Это был ее собственный человек! Опутав своими кудрями кончик его уха, она окончательно уверовала в свою гипотезу и не заметила, как крепко заснула.

Полный солнечный свет заливал комнату, когда Грэс открыла глаза. В ту же минуту зевок стал у нее поперек горла, и она привскочила с места. Собственный человек перестал быть собственным...

Он преспокойно сидел на постели, свесив босые ноги и устремив на нее подозрительный взгляд таких же серых, как у нее, глаз. Выражение их было враждебное.

— Я, видно, влопался, — произнес он сдержанно. Голос его был приятен, слова же ни в коем случае не происходили из

лексикона для принцев, хотя бы и переодетых. Грэс похолодела.

— Ребята голову ломают, куда я делся... Хозяйка, давно ли я слег?

Грэс молчала. Бродяга дал ей дружеский подзатыльник, вскотил и тут только увидел, где он находится.

— Черт, да здесь не харчевня! — вырвалось у него по-английски.

— Убирайтесь, мерзкий, отвратительный человек! — крикнула Грэс, не сдерживая крупных слез, рассыпавшихся у нее по щекам. — Гадкий, грязный, грубый человек. Уходите вон! Вы влезли сюда вчера ночью и лежали у меня больше суток, а я... Боже мой! Подумать только, что я его приняла за при... за при-инца! О!

Это было невыносимо. Она упала на стул.

Бродяга нахмурил лоб. Вчера вечером? А! В памяти его встало Зузельское шоссе, жандармы, ливень, прыжок из автомобиля на дуб. Он видел перед собой хорошенькую кудрявую женщину в кружевах и батисте. Вокруг была роскошь. Стены обтянуты голубым шелком. Постель, где он спал, походила на царский трон.

— Не ревите, я убираюсь! — сухо произнес он, шагнув к дверям. — Эка беда, спасли рабочего вместо бездельника.

— Стойте! Вам нельзя выходить, там засада. И... поешьте.

Выговорив это не без труда, Грэс схватила с подоконника скопленные калории в сухом, твердом, холодном и прочих видах и метнула их на стол с видом человека, погребаяющего все свои иллюзии.

— Ешьте!

Но бродяга оказался самолюбивее принца. Он посмотрел на нее презрительным взглядом и без единого слова рванул дверь. В ту же минуту она распахнулась, и он очутился носом к носу с двумя нарядными джентльменами разного возраста. Впереди был старичок с сияющими крысиными глазками; за ним, волоча ногу, шел красивый молодой брюнет с ленивыми движениями. Старичок тотчас же впихнул бродягу назад в комнату и запер дверь.

— А, наш мокрый приятель на ногах? Отлично, отлично! Грэс, вы можете быть довольны. Вот вам газета — здешняя полиция отстранена, засада снята. Живей облачите его в платье Мелины, дайте ему мои старые туфли и что-нибудь из вашего кошелька. Вы притворитесь больной, выйдете с его помощью, сядете с ним в автомобиль и отправитесь на северный вокзал.

Берлинский поезд идет через полчаса. Спустите его на перроне в Берлине, а сами возвращайтесь назад с первым поездом. Наврите ему что-нибудь. Ну, например, что мы члены христианского филантропического общества «Помоги ближнему», — поняли?

Он говорил по-английски. Грэс и не подумала его предупредить, что грязный бродяга минуту назад говорил на том же языке. Она молча взяла газету и швырнула ее на пол.

— Ну, ну, кошечка... Без истерики! Вы видите, что мы оба довольны вами. Я доволен вами, и Луи доволен вами. Будьте умницей! — С этими словами два приятных джентльмена удалились.

Бродяга стоял в продолжение этой сцены с самым глупым видом. На лице его было полнейшее простодушие. Он даже стянул с блюда кусок телятины и уписывал его за обе щеки, исподтишка оглядываясь на говорившего, словно заправский воришка. Но не успели они скрыться из комнаты, как он отшвырнул от себя телятину, вытер руку о штаны и подхватил с пола газету.

Здесь все было по порядку: убийство Пфеффера, находка мертвеца, осмотр трупа, намек на таинственную улику, призыв к населению, возмущение народных масс, представленных торговыми рядами Зузеля и Мюльрока...

Он прочитал это с поразительной быстротой и кинулся к неподвижной Грэс.

— Мне нужно удрать отсюда! Делайте, что вам приказано... И если только вы проговоритесь этому старичку теперь или после, что я понимаю по-английски, — вы подпишете его смертный приговор!

Грэс подняла на него затуманенные глаза.

— Я не выдала вас, — произнесла она с ненавистью, — не выдала вас и не выдам, потому что ненавижу вас, как самого последнего негодяя!

С этой загадочной мотивировкой она вскочила с места и бросила ему одежду своей горничной Мелины, старые туфли банкира и свой собственный чепчик. Потом убежала в уборную, чтоб умыться и одеться впервые за эти сутки.

Через четверть часа в комнате Грэс стояли две женщины. Одна была статной красавицей в широкой юбке с фартуком и в чепчике, обрамлявшем ее энергичное молодое лицо. Другая походила скорей на футляр от бритвы или на электрический выключатель в богатом доме по степени стиснутости и опутанности всего ее хорошенького тельца, — но такова уж

дамская мода. От нарядного футляра пахло духами и французской пудрой. Кудри были подобраны под шляпку, похожую на птичье гнездо. Два углубленных, сердитых серых глаза устремились на мнимую горничную далеко, впрочем, не с кукольным выражением:

— Слушайте вы, кто бы вы ни были! Сейчас мы спустимся с лестницы. Прячьте лицо, держите меня под руку, несите мой зонтик, плед и саквояж. В автомобиле ведите себя как горничная. Закутайте мне ноги, раскройте зонтик. Через пять часов мы будем в Берлине, и я надеюсь...— тут она топнула ножкой с явным нарушением законов пространства, установленных портнихой для ее юбки,—надеюсь, что мы больше никогда, никогда, никогда...

Резкая боль искажила ее лицо. По-видимому, это не было вызвано никаким внешним балластом, так как она тотчас же повернулась на каблуках и легко порхнула к двери.

Глава восьмая

КАРЛ КРАМЕР, СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

Известно, что немецкая честность не отступает решительно ни перед чем, в том числе и здравым смыслом.

Следователь Карл Крамер был именно таким честным немцем. Подобно зубному врачу, обзаводящемуся креслом, щипцами, винтами и пилами, он обзавелся полным комплектом загадочных атрибутов, пользуясь ими с убийственной добросовестностью. Каждые два часа он переодевался и гримировался. Никому никогда не показывался в своем натуральном виде ни спереди, ни сбоку, ни сзади. Никогда не говорил вслух. Еще менее говорил про себя. Поддерживал все связи с видимым миром исключительно через секретаря. И был до такой степени, день и ночь, занят сокрытием своей личности от пронырливых преступников, что совершенно не имел времени на раскрытие личностей этих последних.

Понятно поэтому, что о Карле Крамере в Зузеле сложились легенды. Зеленщик клялся, будто он худ, как спаржа. Молочница божилась, что он кругл, как сыр. Старухи считали его молодым, девушки — старым, малыши — высоким, верзи-

лы — низеньким. А зузельские шутники уверяли, будто правительство платит за каждую новую версию о наружности Карла Крамера, как за убитого суслика.

На другой же день после убийства министра Пфеффера стало известно, что именно этому честному человеку поручается следствие, отнятое у мюльброкского полицейского агента. Почтальон рано утром получил казенный пакет с надписью:

Зумм-Гассе КАРЛУ КРАМЕРУ

И двинулся по адресу.

Зумм-Гассе были тупичком, упиравшимся в глиняную стену. За глиняной стеной стоял невзрачный двухэтажный дом, наглухо задвинутый ставнями, — жилище сыщика. Внизу ютилась грязная лавчонка рыболовных принадлежностей, хозяин которой был глух, как тетерев.

Не успел почтальон дойти до тупика, как носом к носу столкнулся с зеленщиком и молочницей.

— Эй! — заорали они во весь дух. — Бегите скорей. У следователя никто не отзывается на звонок!

За долгие годы не было ни единого случая, чтобы секретарь следователя, Франциск Вейнтропфен, не отозвался в положенный час на звонок. Почтальон знал это не хуже зеленщика и в два прыжка очутился перед калиткой. Он дернул что есть силы за веревку. Минута, другая, третья — никакого ответа. Зеленщик и молочница уставились на почтальона. Почтальон почесал за ухом.

— Казенный пакет, братец, не салат, — угрюмо пробормотал он зеленщику, — стучи кулаком в дверь!

Все трое заколотили ногами и руками по дереву, но тут произошло нечто непонятное, нечто такое, от чего волосы на голове у молочницы зашевелились: калитка в святилище таинственного следователя, калитка, обычно замкнутая, заставленная, задвинутая всеми замками, засовами, железными болтами, какие только имелись в Зузеле, — эта калитка не была заперта! Она тихо подалась и со скрипом повернулась на петлях...

— Ну! — пробормотал почтальон, отступив от нее, как от двери в ад. — Уж лучше перемахнуть через забор, чем идти в эту дырку. Неладное это дело!

— Ладное или неладное, — шепнул зеленщик, утрюмо глядя на почтальона, — а у меня продукт скоропортящийся. Не какие-нибудь конверты.

С этими словами он вскинул корзину на голову, шагнул вперед и — смело переступил через порог.

Перед ним был пустынный, затхлый, грязноватый двор. Грязные следы уголька отпечатались на дорожке. Домик следователя наглухо заперт. Вокруг — полное безмолвие.

— Тут, кажись, есть черный ход, — неуверенно проговорил зеленщик, оглядая дом далеко не с прежней решимостью. Но не успел он сделать и десяти шагов, как отчаянно вскрикнул и уронил корзину. Молочница, следовавшая за ним по пятам, издала вопль и повалилась на почтальона, посеревшего, как пепел.

Перед ними, на мусорной куче, вцепившись друг в друга, лежали два страшных, синих, вздутых человека с выкатившимися глазами и высунутыми языками. Один — секретарь, Франциск Вейнтропфен, другой — неизвестный белообрый бродяга в простой рубахе. Неизвестный стиснул секретаря за горло, секретарь вцепился неизвестному под мышки. Вокруг ни единого оружия, ни ножа, ни осколка, ни капли крови, и тем не менее оба лежавших были мертвы.

— Убийство! — глухо произнес почтальон. — Второе убийство в сутки... Стучите в дом! Зовите полицию! Жив ли еще Крамер?

Молочница подскочила к дверям маленького домика и заколотила в них кружкой:

— Херр Крамер! Убийство! Убийство! Отзовитесь!

Она стучала и выла до тех пор, покуда на лестнице не слышались торопливые шаги. Все трое замерли и взглянули друг на друга. Как ни был велик их ужас, они трепетали от любопытства.

Еще минута и — дверь приоткрылась. На пороге стоял легендарный следователь Карл Крамер собственной особой. Он был в длинном бесформенном халате, похожем на женское кимоно. Щека его повязана пунцовым платком, на голове тюбетейка, на глазах круглые синие английские очки. Рот у него обсыпан пудрой, на подбородке огромный пластырь, руки в черных перчатках. Он не высок и не низок, не толст и не тонок, не молод и не стар, не кругл и не плосок. Он — никакой.

— Херр Крамер, — заикаясь, проговорил почтальон, отводя глаза в сторону, — не пугайтесь. Калитка была отперта, мы вошли... Ваш секретарь убит.

Крамер взмахнул черными ручками, подобрал полы халата и, как ящерица, ринулся туда, куда указал почтальон. Увидя секретаря, он заметался в страшном волнении. Он по-женски ломал руки. Но с уст его не сорвалось ни единого стога.

Молочница и зеленщик, вытаращив глаза, глядели на странного следователя.

— Этот молодчик, должно быть, влез в дом, — заговорил почтальон, — а ваш секретарь хотел его сцапать. Неужели вы-то ничего не слышали?

Следователь устался на почтальона с тихим отчаянием. Он отрицательно покачал головой и показал пальцем на горло и на уши. У Крамера был очередной приступ горловой жабы. Он выпил хины. Он ничего не слышал и не мог говорить.

Передав ему казенный пакет, все трое бросились за полицией. И вот поди ты! Не успели они выбежать за ворота, как уже молочнице Крамер казался толстым, зеленщику худым, а почтальону ни тем, ни другим...

С минуту в тупичке стояла тишина. Но вот тихо звякнула дверь в лавке рыболовных принадлежностей, и оттуда на цыпочках вышел старый, грязный, взлохмаченный рыбак, с красным носом, красными глазами и красным лицом, перекошенным гримасой не то ужаса, не то ненависти.

Оборотясь к глиняной стене, он трижды сплюнул и пробормотал хриплым голосом:

— Чур меня, ведьма, кикимора, водяница! — и со всех ног, насколько они были в его собственной власти, помчался из тупичка, выпуча пьяные, злобные, одурелые глаза, точно сгоняя с них какое-то сумасшедшее видение.

Глава девятая

ИНВАЛИДЫ
ПТРЕЙКБРЕХЕРЫ

Единственная газета города Зузеля, «Золотая истина», вполне оправдывала свое название, печатаясь на деньги трех банкиров, одного прокурора и одной шестнадцатой секретаря Европейской Лиги, пятнадцать шестнадцатых которого были распределены между другими прирейнскими печатными органами.

Нет ничего удивительного, что убийство Пфеффера нашло в ней самое истинное освещение.

— Ребята! — процедил старший мастер типографии, наклоняясь над полученным материалом. — Шасть сюда! Навострите уши!

Две дюжины наборщиков, худых, грязных, с лихорадочным блеском в голодных глазах, со свинцовыми полосами на щеках, столпились вокруг него:

— В чем дело, дядя?

— А вот послушайте-ка!

С этими словами он зловецким шепотом прочел подзаголовки: «Таинственное убийство», «Назначение Карла Крамера», «Осмотр трупа», «Находка странного письма в кармане министра», «Экспертиза следователя», «Водяной знак на почтовой бумаге», «Вторая жертва», «Нестерпимая наглость русского советского торгпредства, отказавшегося отвечать на запрос», «Тучи над миром»... еще «тучи», опять «тучи», снова «тучи»...

— Напустили до затмения! — пробормотал он, кончив читать при мертвом молчании наборщиков. — Ребята, жалко мне вас, да нечего делать. Минута приспела. Мик Тингсмастер наказал по всему союзу держать ухо востро! Вот это самое затмение... — Он потряс в воздухе пачкой рукописей. — Это самое затмение не иначе как перед войной.

— Тсс! — тихо шепнул старый наборщик. — Не ори. Начинать так начинать. Мы голоднее не будем!

По серым, изможденным, больным лицам пробежало самое настоящее веселье.

— Раз-два, братцы! Начинай!

С этими словами мастер на клочки разорвал весь полученный им сенсационный материал и пустил его по ветру, а наборщики опрометью кинулись к машинам, разбросали набор, смешали шрифты, разлили краску и нахлобучили фуражки и кепки, готовясь разбежаться по домам.

— Парень! — крикнул мастер самому юному. — Встрепли-ка мне волосы! Вот так! А теперь — марш по домам, да предупредите братишек из Велленгауза, что с сегодняшнего дня начинается ихнее владычество! Союз назначил их штрейкбрехерами.

Наборщики заготовили и один за другим, выразительно кивнув мастеру, выбежали на улицу.

Тот дождался, когда они выйдут, растрепал себе волосы еще малость, оборвал две-три пуговицы на блузе, спустил

подтяжку и лишь после этого, хромая, охая, бормоча проклятия и потирая поясницу, заковылял к ответственному ночному редактору, херру фон Шмейхелькатце, ставленнику банкиров, прокурора и секретаря.

— Боже! Что с вами? — воскликнул фон Шмейхелькатце женственным голосом, откидываясь на спинку кресла при виде мастера.

— Забастовка! — глухо простонал мастер. — Сволочи! И откуда у них сила бастовать, сидят-то на одной картофельной шелухе!

— Забастовка! Сейчас?! Да вы меня ре-же-те!

— Не волнуйтесь, херр Шмейхелькатце! Я найду рабочих! Ох-хохо! — дьяволы, живого места не оставили...

— Да где вы их найдете? — взвизгнул Шмейхелькатце, картая, как институтка. — Я погиб! Я буду отставлен!.

— Идите-ка за мной, мы приведем штрейкбрехеров, — шепнул мастер, корча самые ужасные гримасы и потирая себе коленку с такой силой, что она искренно начала болеть. — В такие минуты находчивость и решительность — первое дело! Доверьтесь мне!

Фон Шмейхелькатце схватил цилиндр, перчатки, портфель и тросточку. Дрожа и бледнея, он спустился по лестнице вслед за мастером, в ночную прохладу узельских улиц. Ему редко приходилось идти пешком! А мастер, прихрамывая, тащил его с улицы на улицу, в полном безмолвии, придерживаясь теневых сторон.

— По-о-слушайте, — пролепетал наконец редактор, — куда вы меня тащите? Ведь мы... ах, боже мой! Ведь мы спускаемся прямо на кладбище!

И в самом деле! Мастер тащил его вниз, по узкой улочке, вдоль крепостной стены, выходявшей на городское кладбище. Фонарей было все меньше и меньше. Ветер завывал в крепостных развалинах. Они заворотили за угол, и перед ними, в черном небе, зачернели кресты, памятники и остроконечные шпили.

Но прежде чем херр фон Шмейхелькатце мог унять дрожь своих узеньких дворянских ног в элегантных ботинках, — мастер постучал у огромного мрачного дома против кладбища и втащил его в освещенную переднюю. Это был «Велленгауз», несколько лет назад бывший интендантским складом, а теперь отданный Союзу инвалидов.

— Общежитие инвалидов! — сказал мастер, ведя редакто-

ра вверх по лестнице.— Мы найдем тут сколько угодно рабочих.

Они вошли в ярко освещенный зал. Здесь кишела лавина безногих и безруких людей, двигавшихся взад и вперед, точь-в-точь как муравьи в муравьиной куче. К ним подошел высокий белый человек с двумя пустыми дырками вместо глаз.

— Это — сам Тодте, председатель Союза, — шепнул мастер редактору, — он по нюху чувствует нового человека... Здравствуйте, херр Тодте! Мы к вам по экстренному делу!

Он отвел слепого в сторону и шепотом сказал ему несколько слов. Человек с вытекшими глазами молча поднял палец, и странная усмешка раздвинула его губы. Редактор почувствовал себя беспокойно.

— Послушайте! Уверены ли вы... — начал он тревожно, вцепившись в плечо мастера всеми своими ноготками, недавно отполированными маникюршей.

— Не беспокойтесь! Сядьте, херр Шмейхелькатце, сядьте! Вы сейчас сами увидите, какую мы получим помощь!

Тем временем инвалиды втащили стол, за который уселся президиум Союза: три человека, отравленных газами и пятнистых, как шкура леопарда. Рты и ноздри их были выедены и превратились в сплошную красную дырку, спины сгорблены, шеи тонки, как у индюшат. Слепой председатель позволил в колокольчик, уставился в залу страшными, черными впадинами, оскалится и пронзительно завопил:

— Дорогие товарищи по хромоте, слепоте, вывороченным костям и газовой отраве! Инвалиды! Отечеству угрожает опасность! Разные подозрительные люди, большевики и коммунисты (в зале хрипкое хихиканье), хотят спровоцировать новую войну! Убит наш дорогой министр-социалист Пфеффер, автор пацифистской книги «Стройте броненосцы» и исследования о пользе двенадцатичасового рабочего дня! В кармане убитого найдено письмо с советским водяным знаком! Несознательные рабочие типографии вздумали бастовать, не желая огласить этот факт! Мы должны помочь правительству! Дадим рабочих! Составим резолюцию!

В зале поднялся необычайный крик. Правда, фон Шмейхелькатце мог бы поклясться, что разобрал в этом крике не то насмешку, не то злорадство, но мастер сидел рядом с ним, благоговейно поддакивал ораторам, и на лице его было такое доброе, патриотическое одушевление, что редактор устыдился своей нервозности.

Не прошло и получаса, как Союз инвалидов отобрал рабочих и составил резолюцию. В этой последней он шел дальше, чем предполагал редактор: Союз клялся служить правительству всеми своими работоспособными членами. Клялся возмещать бастующих. Клялся отомстить за убийство Пфеффера и помочь его раскрытию всеми мерами и ассигновывал крупную сумму на выписку знаменитого американского сыщика Боба Друка и на выставление трупа убийцы несчастного Франциска Вейнтропфена, с обещанием награды в тысячу марок тому, кто его опознает.

Этот взрыв патриотических чувств пришелся херру фон Шмейхелькатце далеко не по душе, и, затаив тяжелое сомнение, он отправился назад.

Между тем в типографию «Золотой истины» постучали,— и, среди глубокой ночи, один за другим, к мастеру проследовали штрейкбрехеры. Это была компания как на подбор. Возглавлялась она степенным малым в стальном корсете с перешибленным позвоночником. За ним шли инвалиды на костылях, безрукие с пустыми рукавами, кривые, косые, глухие, глухонемые, трясшиеся в нервной судороге. В ярком свете электрических лампочек их лица, с темными впадинами и скулами, казались хихикающими. Тени от костылей, горбов, деревяшек плясали на стене, пустые рукава болтались наподобие крыльев. Даже шум их шагов напоминал пересыпание костяшек. Заглянув в типографию, херр Шмейхелькатце почувствовал настоящее сердцебиение и должен был немедленно вытащить из кармана флакончик с нюхательной солью, чтобы не упасть в обморок.

Глава десятая

Р^{уп}_в **моге**

Горный прирейнский городок Зузель с острыми крышами и колокольнями, виноградными склонами, кривыми улицами, трубами и развалинами крепости преобразился в несколько дней. Он наполнился толпой безруких, безногих, безносых. Инвалиды прыгали на костылях, ползли на тележках, размахивали пустыми рукавами. Они деловито кишели на панелях, в скверах и общественных учреждениях. Со-

циалистическое правительство получило в их лице поразительную поддержку, а именно:

Американский сыщик Боб Друк, чья звезда начинала затмевать другие сыскные имена, был выписан, труп неизвестного бродяги, покусившегося на Карла Крамера и убившего его секретаря, был заморожен и выставлен в морге, несмотря на ярые протесты самого Карла Крамера.

Тотчас же на всех столбах и стенах запестрело:

1000

1000

Тысяча

ЗОЛОТЫХ марок

**гражданину, опознавшему труп убийцы
секретаря Карла Крамера,
выставленный в городском зузельском морге.**

**Идите выполнить свой гражданский долг
все, все, все!**

1000

1000

Началось паломничество, равного которому Зузель не видел со дня въезда последнего пфальцграфа. Морг был открыт с девяти до трех. На столе, окруженном охраной в двенадцать инвалидов, мирно покоился замороженный убийца. Это был белобрысый человек с седеющими висками, вялыми чертами лица и скверным цветом кожи. Рост у него средний, фигура коренастая, одно плечо выше другого. Одет в холстинковую рубашу, сильно изодранную на груди. Босые ноги волосаты. На левой ступне шесть пальцев.

В Зузеле не осталось мальчишки, который не побывал бы в морге.

Женщины с грудными ребятами, старики, старухи, подростки, учащиеся, студенты, любители приключений, опереточные артисты, приезжие со всех концов Германии напирали один на другого, записывались в очередь, выстаивали сутками, подкупали часовых, устраивали истерики, чтоб пробраться в страшную залу. Войдя туда, они немедленно оглядывали убийцу и немедленно в нем разочаровывались.

Дамы находили его неинтересным.

Мужчины — хилым.

Спортсмены — неуклюжим.

Дети — обыкновенным.

И всем в один голос он казался не стоящим ровно никакого внимания. Тем поразительнее было зрелище двенадцати инвалидов, окружавших убийцу. Первый был с вытекшими глазами. Второй с искривленным позвоночником. Третий без рук. Четвертый без ног. Пятый с синим цветом лица. Шестой с оторванным подбородком. Седьмой в вечных язвах. Восьмой в пятнах. Девятый с дырой вместо носа. Десятый без плеча. Одиннадцатый с вырванным горлом, замененным вытянутым куском пищевода. Двенадцатый был круглым обрубком, сидевшим на деревянной подставке, подобно бенгальскому идолу.

Разинув рот и испуганно таращась, отшатывались от них дети. Женщины плакали. Мужчины проходили, стыдливо пряча здоровые руки и ноги за собственную спину.

В конце каждого дня неизменно выходило, что убийцу никто не опознал. Но зато инвалидов весь город запомнил с поразительной ясностью.

— Брр! — морщились жены, обнимая по ночам своих мужей. — Как подумать, котик, что и ты мог бы быть всего только до пояса! И кому это нужно — воевать!

В один из таких дней безрукий инвалид, стоявший у изголовья убийцы и внимательно осматривавший толпу, заметил странного мужчину. Это был древний старик с лицом в опаловых складках. Нижняя губа его висела до подбородка. Глаза, прикрытые целым лесом седых бровей, глупо моргали. Он пришел с утра и выстоял до конца. Когда же последний посетитель вышел, дав у сторожа подписку, что он не знает убийцы, старик самолично запер дверь, подошел, трясясь, к безрукому инвалиду и шепнул ему на ухо:

— Менд-месс!

С этими словами он сорвал парик, брови и прочую живопись, обнаружил веселое круглое лицо с карими глазами и чувственным ртом — лицо знаменитого американского сыщика, Боба Друка, — и дружески пожал инвалидам кому руку, а кому рукав.

ДНЕВНИК
БОБА
ДРУКА

Как только ребята из Велленгауза дали мне телеграмму, я потолковал с Миком, взял чемоданишко и перелетел океан. Работа предстоит интересная. Ребята играют в патриотов, а я в правительственного същника.

По приезде сделал визиты властям и моему начальству — здешнему главному следователю, същнику Карлу Крамеру.

Кстати, что находят жуткого в Крамере? Он произвел на меня приятное впечатление. Маленький больной человек, забинтованный, как кукла, с больными глазами, вечным катаром горла и экземой на подбородке. Никого никогда не принимает, а Боба Друка, черт возьми, принял тотчас же и угостил отличным турецким кофе. Мы говорили два часа. Точнее — я говорил, а он слушал (ему запрещено говорить). Развел турусы. Уверил, что большевизм считаю злокачественной язвой.

Плохо спал (от турецкого кофе). Приступил к обязанностям.

Осмотр обоих трупов дал следующее:

Пфеффер. Никаких знаков насилия на теле нет. Удар затылком о скалу, слегка задевший череп, не мог привести к смерти. Поза убитого, по точному протоколу, может быть объяснена тем, что он от чего-то пятился или полз, пока не стукнулся головой о стену. Смерть последовала от кровоизлияния в мозг. У министра довольно подвинувшийся артериосклероз (по свидетельству лечивших его врачей). Таким образом, формально насильственного акта налицо нет. Отравление его шофера и вся обстановка тем не менее говорят, что здесь налицо убийство.

Допрос шофера. Шофер, добрый малый, социал-демократ, сторонник Пфеффера, заявил, что он провел весь день до убийства в Мюльроке, где ходил на два собрания. Ел, как обычно, на кухне пансиона «Рюклинг». Хозяйка кормит их отбросами от того, что остается. Они поэтому частенько забирают у пансионеров сами, что те не доедают. Вечером он проходил по коридору, и один из жильцов отдал ему свой чай. В темноте он не разглядел, кто это был. Жильцов не всех зна-

ет в лицо. Случай этот произошел за два часа до отъезда. Возможно, что чай был отравлен.

Письмо в кармане Пфеффера. Документ, названный в газетах «таинственной уликой», мною изучен тщательно. Бумага действительно русская (клеймо советской фабрики). Содержит странное и не проливающее света:

«Излишне напоминать, г. министр, насколько для немецкого государства важно, чтобы известные вам данные не были опубликованы. Наши условия очень терпимы. Вы их узнаете сегодня вечером в Зузеле. Торопитесь, чтоб не приехать позднее одиннадцати».

Подписи никакой. Написано на хорошем немецком языке. Доставлено экстренной почтой. Сдано в Зузеле, в третьем почтовом отделении на Тюрк-платц, неподалеку от Советского торгового представительства.

Перехожу к убийце секретаря Крамера.

Убийца секретаря Крамера. Никаких знаков насилия на теле Вейнтропфена нет. Оба мертвеца найдены в теснейшем объятии, причем секретарь сжимал убийцу чуть выше талии, почти у подмышек, убийца же стиснул горло секретаря, что, по-видимому, послужило главной причиной смерти этого последнего. Смерть самого убийцы наступила от сильного припадка грудной жабы, как было выяснено медицинским осмотром. Убийца не опознан решительно никем, хотя крупная награда, обещанная инвалидами, привлекла в морг почти половину Германии.

Почему был убит секретарь Крамера? Пресса дает на это следующий ответ:

Карл Крамер живет в непосредственной близости от здания Торгового представительства. Он мог что-нибудь знать, и его надо было устранить. Наемный убийца не успел к нему проникнуть, так как разбуженный секретарь, жертвуя своей жизнью, кинулся на злоумышленника.

Обошел весь дом, где живет Крамер, и, можно сказать, всю улицу, вплоть до Тюрк-платц. Бросилось в глаза одно обстоятельство: у него совершенно нет соседей, и ближайшим к нему жилым домом действительно является здание Торгового представительства. Он живет в тупике. Справа по порядку: 1) интендантские склады, ныне пустующие; 2) закрытая музыкальная школа Далькроза. Слева — двенадцать кооперативных киосков, начиная от восьми часов вечера наглухо запертых

и необитаемых, и магазин рыболовных принадлежностей, хозяин которого совершенно глух. Первый постовой городской стоит у Тюрк-платц. В этот вечер он заходил, как всегда, к Карлу Крамеру, чтоб выпить у него чашку горячего супа перед дежурством. На посту он ровно ничего не слышал. В течение ночи обходил дважды Зумм-Гассе, где помещается дом Крамера.

Таковы скудные данные. Замечу еще одно: поза несчастного Вейнтропфена, державшего убийцу чуть ли не под мышки, неестественна. Предполагаю, что он или тянулся ответно к горлу убийцы, или же был настолько сильно опрокинут, что принял первое попавшееся положение.

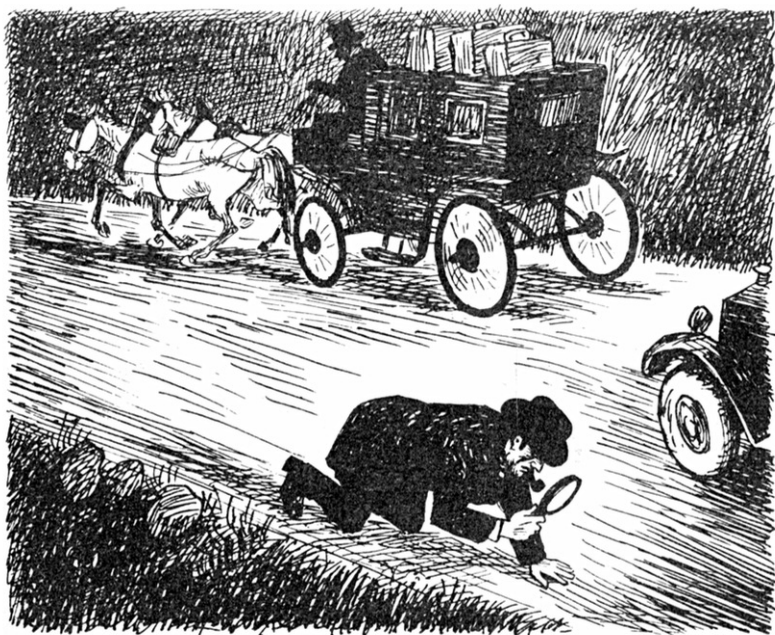
Плохо сплю. С тех пор, как попал в Зузель, я потерял сон. Это мне не нравится. Ныне совещался с председателем Союза инвалидов Тодте. Он говорит, что нужна сугубая осторожность. Малейший неловкий ход вызовет мою отправку обратно и скомпрометирует союз. Поспорил с ним о Карле Крамере. Утверждал, что он милый человек. Тодте, по-видимому, удивился и устался на меня своими пустыми впадинами.

— Жаль, что не вижу!—сказал он странным голосом.—В вашем лице, мой дружок, есть какая-то перемена, которую я не могу определить. Берегитесь! Берегитесь!..

Не понимаю его тона. Перед самым отъездом я собрал справки о здешних следователях, и вот мнение самого Тингсмастера, который, во всяком случае, видит своими голубыми глазами дальше, чем Тодте своими дырками:

— Вам придется, дружище, столкнуться в Зузеле с Крамером. Карл Крамер откровенно бездарный человек, по-своему честный немец, насколько я знаю, более больной, чем это видно, скрывающий болезнь, любящий рекламу. Его не следует переоценивать.

Таково мнение умнейшего человека в Америке, и стану я считаться с нервами своих инвалидов! Безрукие и безногие довольно равнодушно говорят о Крамере. Но слепые точно помешались. Они готовы оберегать меня самого от покушений. Странные претензии видеть что-нибудь именно потому, что не имеешь глаз!

Сегодняшний день я посвятил исследованию третьей версты от Зузеля по шоссе. Я исходил его пешком, что потребовало чуть ли не целого дня. Справа, по страшной крутизне вниз лежат покинутые угольные шахты, частью затопленные. Путешествие к ним могло бы быть интересным, но инвалиды убедили меня этого не делать, сказав, что пастухи со стадами баранов днюют и ночуют на тамошних склонах и ничего похожего на следы убийцы я там не найду. Прямо лежит шоссе на Мюльрок. Сзади идет остаток шоссе на Зузель. Слева, как оказалось, чудеснейшая местность, отлого спускающаяся к Рейну. Почти в полутора верстах от места убийства маленький залив, вокруг которого расположена деревушка Хепенхейм. Жители ее преимущественно рыбаки. Подружился с ними за рейнским винцом в кабаке. Они отклоняют всякий разговор об убийстве. Только один старый пьянчуга оказался сговорчивей. После двенадцатой кружки он наконец выболтал тайну:

— Лорелея! Его убила Лорелея Рейнских вод!

ЖИЛЬЦЫ ПАНСИОНА
«РЮКЛИНГ» В ПОРЯДКЕ
ОЧЕРЕДИ

(продолжение дневника Боба Друка)

Сегодня не спал совсем и вышел на улицу в отвратительном расположении духа. Мои инвалиды устроили патриотические манифестации. Десять тысяч человек заполонили весь город. Надо было видеть это зрелище. Костыли стучали, ноги волочились, сухие руки бились, как палки, пустые рукава взлетали, ужасные пятнистые лица кривились в неистовом патриотизме, — слепые таращились во все стороны. Они кричали «ур-ра» таким голосом, что в жилах моих стыла кровь. Надо отдать им справедливость, ребята очень талантливы.

Я отложил сегодняшнее посещение Карла Крамера (мы уговорились видаться каждые три дня) и решил допросить жильцов пансиона «Рюклинг», для чего на пароходе приехал в Мюльрок.

К своему удивлению, встретил на палубе старого рыбака Кнейфа, с которым вчерашний день пил вино. Узнав меня, он хотел было улигнуть в сторону, но я тут же предложил ему распить бутылочку.

Пьянчуга наотрез отказался. Во весь переезд он меня избегал. Возле Мюльрока он положил мне на плечо свою лапу, вонявшую рыбиной, и пренебрежительно шепнул в ухо:

— Молодой человек, а молодой человек! Помалкивай насчет Лорелеи. А то не ровен час... И вот что я тебе присоветую за твою простоту: ты, паренек, сделай-ка себе парочку пончиков из воска, да, как будешь в наших местах поздно ночью, забей ты себе ими уши.

С этими нелепыми словами он обежал с мостика и удрал...

Через десять минут я был в пансионе «Рюклинг». Меня встретила худая как палка женщина с блюдом цыплят в руках. Она оказалась баронессой Рюклинг. Узнав, что я прислан правительством, она упростила меня начать обход жильцов тотчас же после завтрака, так как многие, по ее словам, засиживаются за кофе вплоть до обеда и тем сильно портят себе аппетит. Честная немецкая женщина! Я постоял за портьерой, пока она угощала своих постояльцев цыплятами, и, признаюсь, не хотел бы быть на их месте (как цыплят, так и жильцов).

— Кушайте, фрау Вестингауз! — говорила она искренним, добрым голосом. — Что вы так мало взяли? Ведь это тот самый цыпленочек, которого вы кормили крошками. Серенький с черным. Уж как он пищал, бедняжка, когда Августа сворачивала ему шею! Ну, право, как будто звал вас на помощь: пик, пик, пик, Вестингауз!

Завтрак кончился раньше, чем я ожидал. Жильцы буквально разбежались по своим комнатам. Баронесса Рюклинг дала мне предварительные сведения. Всех комнат в пансионе одиннадцать. Из них две заняты русским семейством, уехавшим месяц тому назад в Париж; две заставлены зимней мебелью и библиотекой покойного мужа баронессы. И только семь занято жильцами в следующем порядке:

III этаж	Комната № 7.	Фрау Вестингауз.
	Комната № 2.	Виконт Луи де Монморанси.
II этаж	Комната № 11.	Банкир Вестингауз.
	Комната № 3.	Министр Пфеффер (запечатана).
	Комната № 4.	Мосье Растильяк, офицер 2-го Лионского полка, начальник по- граничной Рейнской полосы.
	Комната № 5.	Синьор Апполлино, скульптор из Мантуи.
I этаж	Комната № 1.	Пастор Атанасиус Шурке.

Все остальное помещение первого этажа занято хозяйством и общими комнатами.

Я спросил, не может ли она сообщить мне какие-нибудь особые сведения насчет своих жильцов. Она тотчас же согласилась.

— Прежде всего, дорогой мой молодой человек, отмечу очень аккуратного, хорошего, достойного жильца, скульптора Апполлино, из пятого номера. Про него, если вы меня даже лишите свободы, я никак не смогу выговорить ни единого дурного слова. Такого воспитания в наш век не сыщешь: за все заплатил вперед и, поверите ли, никогда не бывает дома. Его душа в горах. Он делает эскизы с натуры. За все это время он покушал... постойте, сейчас скажу: покушал у меня всего два раза. Один раз это был завтрак, другой раз это был чай.

Я хотел свести разговор с образцового жильца на менее образцовых, но баронесса уперлась, как улитка:

— Вы должны выслушать о нем, потому что вы его все равно не застанете. Остальные-то сейчас дома, если не считать бедного покойного Пфеффера, а номер пятый вы не увидите. Уж такой красивый, милый молодой человек — с удивительными, удивительными глазами, такой духовный.

Тут я решил ее прервать и направился в комнату № 1, к пастору Атанасиусу Шурке. Лицо баронессы потемнело; видимо, пастор не принадлежал к числу ее любимцев.

— Войдите, войдите! — воскликнул кто-то громовым голосом в ответ на наш стук. Я увидел толстого человека на постели с газетой в руках. Под газетой стояла тарелка. На тарелке были цыплята.

Изложив цель моего посещения, я спросил, знал ли он покойного министра и не заметил ли чего-нибудь странного в его поведении.

— Заметил! — отрезал пастор без дальних разговоров. — Министр Пфеффер был недоволен этим пансионом. Он неоднократно говорил мне, что его плохо кормят, а на голодный желудок, знаете ли, всегда легче быть убитым, чем на сытый.

— Вы, кажется, докушиваете?.. — сладко вмешалась баронесса, заглядывая под газету.

— Докушиваю! — отрезал пастор твердым голосом. — Судя по вашему рассказу, дорогая баронесса, Августу терзают укоры совести. Я, как пастор, не могу допустить, чтоб она корила и морила себя. Надо доесть все, что может ей напомнить... Вы понимаете меня?

С этими словами он отправил себе в рот полцыпленка. Если б Карл Крамер мог видеть лицо баронессы! Поистине, это лицо стоило бы отпечатать на немецких почтовых марках.

Мы поднялись во второй этаж и имели удовольствие застать двух жильцов в одной комнате. Это были небезызвестные мне по Америке банкир Вестингауз и красивый молодой человек, лежавший в качалке, виконт Монморанси. Банкир, узнав цель моего посещения, сообщил мне множество мелких подробностей о министре и, между прочим, не известное никому обстоятельство: что министр Пфеффер поселился в этом пансионе исключительно из деловых соображений, так как часто переговаривался по телефону с Зузелем.

Когда я обратился с вопросом к виконту, тот вызвал почему-то своего лакея Поля и признался, что лакей Поль знает

о нем гораздо больше, чем он сам. Лакей Поль кратко рассказал про знакомство своего барина с министром. Это произошло на лестнице, где министр наступил виконту на ногу, вследствие чего виконта пришлось донести до его комнаты в складном стуле. Больше он не имел ничего сообщить.

Мы вышли опять в коридор, и я хотел было постучать в комнату номер четвертый, как меня поразил доносившийся из нее шум. Можно было поклясться, что там ездят на чем-то взад и вперед. Пользуясь своим правом сыщика, я распахнул дверь без стука и увидел странную картину: молодой офицер упражнялся посреди комнаты на велосипеде, причем, сколько я мог заметить, упражнялся не в езде, а в падении.

— Что это значит? — заревел он, хватаясь за револьвер. — Кто смеет входить без стука к офицеру французской армии? Вон!

Баронесса и я с большим трудом его утихомирили. Узнав, в чем дело и что мне нужно, он улыбнулся весьма хитрой улыбкой и подмигнул мне сперва одним глазом, потом другим.

— Молодой человек отлично знает, кто убил министра Пфеффера, не так ли? Стоит ли еще играть всю эту комедию!

По-видимому, весь пансион «Рюклинг» твердо и непоколебимо убежден, что Пфеффера убили большевики. Я не добился этим опросом ничего нового. Проходя по коридору назад, я больше для формы, чем для дела, постучал в комнату образцового скульптора. Каково же было удивление — мое и баронессы, когда дверь слабо поддавалась...

Номер пятый вопреки всем своим привычкам оказался дома!

Глава тринадцатая

СКУЛЬПТОР АППОЛИНИО ИЗ МАНТУИ

(окончание дневника Боба Друка)

Вообразите себе комнату с цветным готическим окном. Два цвета преобладают: фиолетовый и густо-желтый. Вообразите посреди этой комнаты юношу в черной бархатной куртке, точь-в-точь как носили в Мантуе три столетия назад. Золотые локоны с рыжим отливом падают на плечи.

Лицо смуглое. Губы ярко-алые. Глаза... Баронесса очень права, что назвала их необыкновенными. Черные, горячие, одухотворенные глаза остановились на мне, и я, Боб Друк, почувствовал себя дураком.

Юноша улыбнулся и указал баронессе глазами на дверь. Она вышла, как будто это в порядке вещей. Я стоял истуканом. Он придвинул мне дубовый флорентинский резной стул, какие я видел в Нью-Йоркском музее. Потом, не садясь, он оперся локтем о столик, набросал что-то на бумаге и протянул мне:

«Будем переписываться. Соседям все слышно, даже шепот. Я не хочу, чтобы они знали о моем присутствии: не дают мне работать».

Это сразу установило между нами какую-то товарищескую интимность. От его локонов и бархатного кафтана шел запах духов. Руки были очаровательны. Пока мы переписывались, нагибаясь над одним столиком, я, честное слово, старался столкнуться головой с его головой, как сделал бы это с хорошенькой барышней. Не знаю, что он подумал, только пристально смотрел и улыбался. И странно — мне начало вдруг казаться, что где-то, где-то мы уже встречались.

Извлекаю из нашей переписки то, что важно для следствия, и помещаю здесь в точной копии:

«Апполлино. Имел с Пфеффером только две встречи. Одна с его ведома. Я знаю славянские языки. Он принес мне записку, чтоб я прочитал.

Боб Друк. На каком языке записка? Воспроизведите точно содержание.

Апполлино. На русском. Кажется, так: «Предлагаю продать известную вам корову за четыре нуля после ярмарки».

Боб Друк. Министр удивился или принял как понятное?

Апполлино. Мне показалось, шифр ему известен, но содержание удивило. Он покраснел, смутился, бормотал извинения, что затруднил.

Боб Друк. Вторая встреча?

Апполлино. Я рисую с натуры для большого горельефа рейнских рыбаков. Провожу время в пустынной местности с раннего утра. Незадолго до убийства видел министра, шедшего пешком по тропинке с каким-то высоким блондином.

Место уединенное, непосещаемое, тропинка крутая. Удивился, как он попал. Не позвал, чтоб не перебить своей работы. Они не заметили, ушли.

Боб Друк. Это все?

Апполлино. Да».

Я пожал ему руку с горячей благодарностью. Он улыбнулся и проводил меня до дверей. Не знаю, что такое случилось с моими нервами, но положительно я взбесился, когда по приезде в Зузель увидел инвалидов. На кой черт оставляют уродов в живых! Это противно здравому смыслу, противно вкусу, противно жизненному инстинкту. Я, Боб Друк, нормальный человек, я не могу выносить уродство.

Пошел вечером к Карлу Крамеру. Вот где уродство не режет вам глаз. Успокоил нервы. Говорили битых два часа. Вернее, говорил я; а он слушал и кивал. Карл Крамер, несмотря на свою профессию, удивительно тактичный человек. Хохо-тал, рассказывая ему про баронессу Рюклинг и пастора. Он покачал головой, давая понять, что я веду себя как ребенок. Чувствовал несносную охоту выболтать ему про Лорелею. Удержался только потому, что боюсь: сочтет за окончательного молокососа и перестанет давать мне аудиенции. Всякий раз, как от него выхожу, замечаю, что стал умнее; он расширяет мой горизонт. Это удивительно, если вспомнить, что ведь говорю только один я, а он молчит.

Опять не спал. Надоело. Утром одеваюсь — стук в дверь. Инвалиды. Приходит сам Тодте и его помощник, хромой и безрукий, противное зрелище. Я хотел притвориться спящим и юркнуть в постель, но не успел. Они вели себя как-то странно, пощупали мне пульс, посмотрели на язык. Когда я расхохотался, помощник Тодте снял со стены зеркало и поднес его к моему лицу. Надо сознаться, я стал зеленым, как груша. Это немного озадачило меня. В Зузеле определенно скверный климат, оттого всякое переживание здесь может быть рассмотрено метеорологически. Я знаю, что на это можно возразить. Меня не удивят теперь никакие доводы.

Был на музыке в парке. Поужинал. Голова болит. Пойду к Карлу Крамеру.

УСПЕХ
К
ГРУШАМ

И
СЛЫМИ
ТОРГОВЦА

— Дяденька, почем кило?

Вопрос был обращен к тонконосому продавцу груш, только что устроившему свой лоток под деревом.

— Дороже, чем обошлось тебе родство со мной,— сердито пробормотал торговец, раскладывая груши,— коли я тебе дяденька, так мы в ссоре. Я родственникам если и делаю какую скидку, так только с лестницы. Понял?

— Ой, какие вы сердитые мужчины,— игриво пролепетала новая покупательница, подходя к лотку.— Может быть, вы мне уступите парочку за пять пфеннигов?

— Смотря какая парочка!— продолжал торговец.— Ежели ты, красавица, захочешь у меня парочку вот таких племянников, я их уступлю тебе даром, с документом от нотариуса.

Юный газетчик, которому остроты тонконосого человека начинали не нравиться, дал пинка круглому столику и стянул грушу.

Торговец рассвирепел. Он прыгнул, как стрекоза, на мальчишку, схватил его за шиворот и покатился с ним вместе, наподобие детского серсо, прямехонько к подъезду пансиона «Рюклинг». Но тут неожиданное его родство с газетчиком увенчалось двумя синяками и глазным подтеком. Чья-то подошва прищлась по лицу дяди и по затылку племянника, и сочный мужской голос чертыхнулся прямо над их ушами.

Торговец разинул рот. Он не верил своим глазам: красивая молодая девица в чепце, наступившая ему на голову, чертыхалась баритоном. Она обладала знатными пятками, если верить собственному кровоподтеку. И она как две капли воды походила на убийцу министра Пфеффера.

Дурке, так как это был он, быстрее молнии очутился на ногах. Он увидел, как рослая девица подсаживает в автомобиль другую дамочку и садится рядом с ней... Он увидел также своего племянника, немедленно устроившегося с автомобильного тыла. Это подало ему счастливую идею, и, прежде чем автомобиль заворотил за угол, он уже висел рядом с газетчиком, уцепившись за него обеими руками.

— Молчи, или я отдам тебя под суд,— прошипел он на ухо мальчишке, собиравшемуся испустить рев.— Если ты хочешь

растягивать рот до ушей, делай это, как в кинематографе. Та-мошняя публика ловкачи насчет растяжения глоток, не производа при этом ни малейшего шума.

— Да вы меня дду-шите, — пролепетал мальчишка.

— По закону я имею право задушить тебя без всякой компенсации, так как ты несовершеннолетний. Гляди на меня. Узнаешь? Я полицейский агент. Ну, то-то.

Газетчик притих и забился под самый кузов автомобиля, Дурке нашел, впрочем, способ выкурить его и оттуда, шпаря ему затылок своим дыханием. Он немедленно пустил этот способ в действие и, когда мальчишка повис на одной руке, приказал ему именем закона слететь вниз и дать знать Лео-польду Дубиндусу, что дела идут на бензиновых парах.

Повторив это таинственное поручение дважды, мальчишка покорно слетел вниз и бросился наутек. Дурке уселся по-комфортабельней. Он достал из кармана кислую грушу, очень довольный наследством, перешедшим ему от племянника, и решил, что право наследования по справедливости должно было бы переходить от младших к старшим, а не наоборот.

Между тем автомобиль мчался к вокзалу. Грэс Вестингауз усадила свою горничную рядом. Она простерла свою болезненность до пределов, делавших положительно необходимым легкое прислонение к ее плечу. И так как, по-видимому, означенные меры не помогли, она побледнела и закрыла глаза.

Северный вокзал был полон народа, собравшегося к берлинскому поезду. Дурке получил палкой по ногам от жандарма, но был в ту же минуту узан и привел блюстителя порядка в полнейшее оцепенение.

— Шепните Дубиндусу при встрече, что мы, кажись, едем в Берлин! — С этими словами Дурке подтолкнул жандарма и ринулся вслед за двумя женщинами.

Билеты куплены. Дама с горничной вошли в купе первого класса. Кондуктор захлопнул двери, но в ту же минуту тонконосый человек, вынырнувший у него из-за спины, сделал ему таинственный знак рукой.

— Э? — спросил кондуктор.

— Э! — ответил тонконосый, сунув ему свой полицейский билет.

— Эге! — промывчал кондуктор, до которого еще не дошла весть об отставке Дубиндуса и Дурке, и распахнул двери соседнего купе.

— Эге! — подтвердил тонконосый и прыгнул.

Поезд тронулся. Он сидел на бархатном диване, по соседству от купе двух дам. Он был положительно доволен собой. Первым долгом надлежало вынуть тяжелый кошелек Дубиндуса и пересчитать деньги. Вторым долгом записать расходы.

Дурке вынул карандаш и бумагу, послонявил палец и написал:

Счет

День первый.

Билет от Мюльрока до Берлина в экспрессе

I класса — 22 золотые марки.

Поставив точку, он вынул означенную сумму из кошелька, сосчитал ее снова, тряхнул два раза на ладони и отправил в карман.

Грэс Вестингауз явно чувствовала себя нехорошо. Она забилась в угол дивана, прислонилась головой к его обшивке и из-под длинных ресниц глядела на свою горничную.

Та не обращала на это никакого внимания. Она подняла было юбку, чтобы поискать в кармане штанов табачку, но там ничего не оказалось: Дубиндус опорожнил его при обыске. Тогда она вытащила все тот же номер «Золотой истины» и принялась его изучать.

— Мелина! — слабым голосом произнесла Грэс.

Горничная не шевельнулась.

— Мелина.

При вторичном окрике горничная быстрым взглядом окинула купе и, сообразив, что Мелина — это она сама, нетерпеливо взглянула на свою хозяйку.

— Дайте мне газету.

Не без досады горничная протянула газету.

Грэс лихорадочно просмотрела столбцы. Еще одно убийство! Новый бродяга, выставленный в море. Письмо...

— Вы американец, — признала она с усилием, — я вижу это по вашему акценту. Скажите мне ради... ради... ну, хоть ради нашей близкой разлуки, это не вы убили министра?

— Я не убиваю на проезжей дороге, — ответила горничная, — но должен сказать вам, что министры и люди вашего класса стоят того, чтоб их истребили до последнего. Каждое их дело — новая подлость. Весь номер этой газеты наполнен подлостью. И если вы вздумали сейчас спасти рабочего, так это потому, что оно вам выгодно, барынька, вот и все.

Грэс закрыла глаза. Голос ее стал матовым.

— Я не спасала вас. Я сделала то, что мне приказано. Я не знаю, что вокруг затевается.

— Тем хуже.

Разговор был исчерпан. Горничная взяла назад газету. Она считала каждую минуту, приближавшую ее к свободе, и пологительно не хотела замечать нервического поведения своей хозяйки. А та отвернула голову к стене, спрятала лицо в платок, и, если б не тряска вагона, можно было бы подумать, что шея и плечи ее вздрагивают по какой-нибудь другой причине.

Когда в окне мелькнули первые предместья Берлина, она открыла глаза, порылась в сумочке и достала бумажку.

— Мне велено дать вам денег...

— Черт! — воскликнула горничная, становясь перед ней во весь свой рост и меряя ее засверкавшими глазами. — Неужели в вашей птичьей голове не хватает мозгу, чтоб не лезть ко мне с деньгами? Неужели вы не понимаете, как омерзительно получать свободу через махинации негодяев вашего класса! И если б не приступ лихорадки, разве я не предпочел бы любое дерево, любой камень, любую лужу вашей проклятой спальне! Да будьте вы трижды... А!

С этими громовыми словами горничная Мелина внезапно подобрала юбки и с быстротой молнии, на ходу отворив двери и защебив тонконосого человека, висевшего по ту сторону окна, прыгнула вниз, на насыпь.

Секунда — и она исчезла. Поезд полным ходом подходил к Берлину. Дурке глядел в окно на Грэс Вестингауз, тщетно стараясь высвободиться от прищемившей его двери. Грэс Вестингауз глядела мимо Дурке на летевшую внизу насыпь, на серые домики предместья, на телеграфную проволоку, на птиц, на пыль, на ветер.

Глава пятнадцатая

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ЗАПАДНОГО ПРЕДМЕСТЬЯ

— Любезные сестры и братие! — надрывался человек пасторского вида, в пасторской шляпе, с пасторским носом. — Достолюбезные! К чему такое напрасное оскорбле-

ние! Я секретарь пацифистского общества! Я не агент... Я добрый лютеранин!

— Уйдите, пока целы,— хмуро пробормотал старший мастер,—какого черта вы нам нужны, когда мы два месяца не получали жалованья!

— Не надо быть материалистом, надо быть добрым немцем. Моя брошюра стоит всего два пфеннига. За два пфеннига двадцать четыре страницы мелкого шрифта. Любезные сестры и братие,— вот она, голубая обложка... «Гиена в овечьей шкуре, или Военные замыслы большеви...»...

— Вон!

Пасторская шляпа кувырнулась в воздухе. Человек пасторского вида присел на корточки.

— Достолюбезные... Удержитесь! Даром. Брошюра продается даром, в убыток правительству. Каждый получит целую. Раз, два...

Но тут он был схвачен в охапку, вынесен за пределы железнодорожных мастерских и посажен в корзину с голубыми брошюрами, как раз под самый водосточный кран.

— Уф! — произнес старый рабочий, покончив с означенной операцией. — Можно прямо-таки взбеситься. Что ни день, то выносишь ихнего брата на собственных плечах. Не мешало бы нам стряхнуть его разок в паровой котел.

Между тем человек пасторского вида с глубоким вздохом вылез из-под крана. Оглянувшись кругом, он поднял свою шляпу, щелкнул ее и тотчас же вытащил из нее дамский чепчик. За чепчиком последовала длинная юбка, потом фартук, а потом и вся шляпа, вытянувшись куполообразно, превратилась в приличный ручной сак.

Человек облачился в чепчик и юбку, наложил сак доверху голубыми брошюрами, а затем, опасливо оглянувшись, распределил все остальное количество между старыми паровозными трубами, ящиком с опилками, дверной щелью и пойлом для цепной собаки. После чего мирно проследовал в женскую ремонтную мастерскую, помещавшуюся напротив.

Он не успел еще пересечь двора, как заметил подозрительного тонконосого человека с перепачканными глиной коленками, крадущегося вдоль забора, не сводя с него глаз. Это ему не могло понравиться, решительно не могло понравиться. Он ускорил шаги и юркнул в мастерскую.

Две дюжины работниц были заняты мытьем и чисткой котлов. При виде его они остановились.

— Это еще что за тетка?

— Достолюбезные сестры! — пропищал чепец тоненьким голосом. — Иду мимо, дай, думаю, загляну. Не желает ли кто духовную пищу? Три пфеннига штука, двадцать четыре листа мелкого шрифта. Издание пацифистского общества... Купите, сестрицы! Разоблачение гиены. Воинственная политика большеви... Ай, ай, чего хочет этот человек?

Последнюю фразу чепец рывкнул, к изумлению работников, густым басом. Прижавшись к стене между дверью и котлом, стоял тонконосый мужчина с выпачканными глиной коленками и пристально смотрел на проповедника.

— Коли ты чревовещатель, — изрекла одна из работников, уперши руки в бока и подходя к чепцу с видом, не обещающим ничего доброго, — коли ты чревовещун, так, верно, умеешь и колесом ходить на манер циркача. А ну-ка. Проколеси-ка!

С этими словами она примяла чепцу ближайшую часть тела, придав ей наибольшую вращательную скорость, и так как ее соседки немедленно вызвались ей подсобить, проповедник выкатился из мастерской в десять секунд. Вслед ему одна за другой полетели голубые брошюры.

Он, однако же, не остановился ни во дворе, ни в палисаднике, ни за палисадником, памятуя о странном тонконосом мужчине, и предпочел вкатиться в паровозное депо. Здесь было тепло, светло и гостеприимно. Три больших паровоза мирно дышали в углу, на рельсовом пастбище. Несколько приличного вида железнодорожников сидели на ступеньках асфальтовой лестницы и заняты были мирной беседой. Лица их худы и бледны, тела костлявы и истощены, глаза обведены кругами. Это зрелище, по-видимому, пришлось по душе секретарю пацифистского общества. Он отряхнулся, влез на пустую бочку и за неимением брошюр открыл свой собственный рот.

— Любезные братие и друзья! Я пришел к вам с веткою... ой, какая у меня слабая память... с веткою... с веткою того самого дерева, из которого делается прованское масло.

Вы, конечно, любите прованское масло. Еще больше вы любите салат с этим маслом. Но, когда наступает война, нет ни масла, ни салата, ни даже любви. — Он так растрогался нарисованной картиной, что глаза его наполнились слезами. В депо было тихо. Паровозы дышали. Железнодорожники слушали. — И вот, дорогие и любимые друзья мои, представьте же себе! Мы сидим мирно, спокойно. Французы подали нам руку, и мы подали руку французам. И тогда начинаются военные приготовления совсем с другой стороны. Все вы знако-

мы — кха-кха — с боль-боль-боль —... ай! — выгоните этого постороннего человека из депо, это, наверное, ихний шпион!

С этим непредвиденным восклицанием оратор так страстно запрыгал на бочке, что днище ее провалилось, и он исчез, как Диоген, в ее недрах.

Тонконосый мужчина с выпачканными глиной коленками торжественно приблизился к бочке. Он поднял палец и обвел железнодорожников глазами. Он постучал пальцем по бочке.

— Убийца! — произнес он шепотом. — Полицейский агент, — добавил он еще тише, вперяя палец в свою грудь. — Но... — И тут лицо его приняло страдальческое выражение. — Нет бланка об аресте!

Железнодорожники сомкнулись вокруг него плотной стеной. Один из них раздобыл новое днище, вбил его в бочку и произнес энергичным голосом:

— Коли вы говорите правду, я бы вам присоветовал задержать вашего убийцу в бочке, покуда вы не получите бланка.

— Легко сказать! — плачущим голосом ответил Дурке. — Он не огурец. Я не могу его засолить.

— Стой, братцы, — вскрикнул другой железнодорожник, — мне пришла мысль! Фирма Лурзе отправляет сегодня в Эльберфельд партию бочек с клеем, точь-в-точь этакого размера. Они стоят на восьмой платформе, совсем недалеко. Обменяем их бочку на эту, пусть она съездит в Эльберфельд, а когда дело выяснится, сдадим владельцу настоящую.

— Правильно, вы выиграете не меньше как сутки, — подержали другие железнодорожники, — за сутки он и с голоду не умрет, разве что малость обмякнет. Только уж вы поторапливайтесь с бланком-то.

— Молодцы! Правосудие вас наградит! — радостно изрек Дурке. — Я немедленно запишу ваши имена. Делайте, как сказали. Поставьте на бочке пометку.

С этими словами он вынул записную книжку, внес в нее имена железнодорожников и бегом пустился на телеграф для того, чтоб отправить Дубиндусу следующую депешу:

«Едем убийцей Эльберфельд Срочно вышлите бланк аресте творю чудеса ловкости

Дурке».

Как только он убежал из депо, железнодорожники взглянули друг на друга и разразились неистовым хохотом.

— Ведь бывает же, о-хо-хо, бывает же... — стонал один.

— Пойти сказать в мастерские...— вопил другой.— Пушай придут помогать. Этакое удовольствие нечасто случается!

Через десять минут рабочие железнодорожных мастерских усердно занялись оборудованием втулки. Когда она была готова, они натаскали полный комплект голубых брошюр, свернули их в трубочки и одну за другой отправили вслед за владельцем.

— В течение суток,— подмигнул старый рабочий,— польза духовной пищи выяснится для него как нельзя больше, особенно если она будет единственной.

Бочку вкатили на тележку, живо свезли на восьмую платформу — обменяли на настоящую и поставили номер:

Что же касается пометки, то они сочли вполне достаточным вместо требуемого слова *gummi* ошибочно поставить *dummi*¹, — и дело было сработано начисто.

Дурке, уведоменный о ходе вещей, явился к отходу поезда и сунул кондуктору полицейский билет. Вторично перед ним было раскрыто купе, на этот раз третьего класса, рядом с товарным вагоном. Дурке сел на одно место, ноги положил на другое, шляпу на третье, платок на четвертое и, вздохнув полной грудью, извлек из кармана записную книжку. Страница, где начинался счет, должна была значительно вырасти.

— Поистине,— сказал себе Дурке, вспоминая уроки политической экономии, преподанные ему в Главной Полицейской Школе на отделении «Поимка мелких воров и беглых кассиров», — поистине, я начинаю понимать, что есть репарация. А то читаешь, читаешь в газете и, хоть тресни, не разберешься, откуда куда. Тонкая штука бухгалтерия!

С этими словами он приписал к счету:

Провоз преступника Франко Эльберфельд —
за счет фирмы Лурзе.

Проезд от Западного Предместья до Эльберфельда
в купе III класса с продовольствием —
18 зол. марок 32 пфеннига.

Вслед за этим Дурке вынул кошелек, отсчитал звонкую монету, поиграл ею на ладошке и опустил в собственный карман, вынув другой рукой из-за пазухи кислую грушу, предназначенную быть его трудовым продовольствием.

¹ Игра слов: *gummi* — клей, *dummi* — глупый.

ДУБИНДУ
БЕ С ЕДУЕТ СО
СПЕЦИАЛИ ТОМ

На турецком диване возле стены, увешанной различными музейными предметами вроде кандалов, цепей, отмычек, ножей с потемневшим от яда лезвием, топоров, веревок с повешенного, арестантских халатов и фотографий знаменитых преступников своего века, спал доблестный Дубиндус.

Сон его был крепок и спокоен; когда же он пробудился, то выпил стакан содовой воды и прочитал утреннюю молитву, состоявшую из двадцати параграфов свода законов.

На этот раз он не дошел еще до седьмого параграфа, толковавшего о наказаниях за скотоложство, как племянник ворвался в комнату с депешей от Дурке:

«Едем убийцей Эльберфельд Срочно вышлите бланк аресте творю чудеса ловкости

Дурке».

— Гм! Гм! — сказал себе Дубиндус. Тем не менее он дочитал положенное число параграфов. Дойдя до точки, он вскочил, пригладил усы, накинул на себя партикулярное платье, отнюдь не скрадывавшее его осанки, и снова уткнулся в законы, на этот раз в главу об арестах.

Задумчивость на лице его сменилась решимостью. Он вынул десяток сине-серых камней, завернул их в первую попавшуюся тряпку, уложил в портфель, схватил фуражку и вышел. Пока он будет плестись из Мюльрока в Зузель, мы просто перепрыгнем в точку его паломничества и представим читателю новое действующее лицо.

С наружной стороны его двери висит:

Д-р химии, ученый член Института Минералогии
и Кристаллографии в Зузеле, член-корреспондент
Лондонского Физического Общества, Международной
Лиги химиков Сорбонны, Саламанки и Бостонского
Техникума

РУДОЛЬФ ГНЕЙС

Но среди зузельских горняков и металлистов всего округа он известен под кличкой дяди Гнейса.

В настоящую минуту он стоит среди богатейшей коллекции минералов, собранной им со всего света. Он маленького роста, пузатый, лысый (лысину скрывает красная феска), покрытый мельчайшими веснушками. Глаз дяди Гнейса почти не видно. Когда же бесчисленные лучистые радиусы морщин, расходящиеся от двух точек, где должны быть по закону анатомии его глаза, начинают расплываться и пропадать, на лицо дяди Гнейса выплывают два больших, кротких, умнейших глаза разного цвета: один желтый, другой зеленый.

— А ну-ка, серенький, иди-ка сюда, иди, мамочка,— нежным голосом говорит дядя Гнейс, поглядывая на полку; и если б в комнате был кто-нибудь, кроме него, он, по всей вероятности, ожидал бы появления кота, кролика или по меньшей мере морской свинки.

Между тем дядя Гнейс, продолжая нежное бормотание, сунул туда руку и извлек наружу кусок невзрачного серо-голубого камня. Он немедленно погладил его по гладкому месту, почесал у ребра, вытер о собственный рукав и поднес к самому своему носу:

— Излучайся, кисонька, излучайся. Твой Руди сегодня в плохом настроении, в очень плохом настроении. Вот так. Дыши на него, лечи его...

Дядя Гнейс прижал к себе камень с самой блаженной улыбкой. Глазные точки его окончательно скрылись в углублении между лучистыми радиусами. Он поцеловался бы со своим любимцем, если б грубый голос не прервал этой сцены:

— Сударь, вас спрашивает какой-то мужчина вулканического происхождения, из породы туфов, по всей вероятности, палеозойского периода, большой мощности, номер неизвестен, название Леопольд Дубиндус.

С этой странной речью дюжий слуга дяди Гнейса пропустил в комнату бывшего полицейского агента, в высшей степени оскорбленного подобной аттестацией.

— Уважаемый херр доктор,— произнес он взволнованно,— прошу вас объяснить моему слуге, что в нашем государстве спрашивают номера только у носильщиков, а также в театре, снимая верхнее носильное платье. Если же он полагает, что я...

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогой херр Дубиндус!— с жаром прервал его доктор Гнейс.— Мой слуга положитель-

но болен минералогической номенклатурой. Он не имел в виду ничего дурного.

— Ну, если он не имел, так и я не имею,— успокоился Дубиндус, опускаясь в ближнее кресло и озираясь по сторонам.— Вы, как видно, сударь, охотник до коллекций. Я тоже собираю в часы досуга, главным образом насчет уголовного кодекса. Милое, успокоительное занятие.

— Ага! Вы пришли посмотреть мою коллекцию!— сообразил дядя Гнейс, мгновенно одушевляясь.— И вы ее увидите, дорогой херр. На свете нет ничего живее и жизнерадостнее камней. Человек перед камнем просто испорченная машина, требующая отопления, и ничего больше.

— Сильно сказано,— пробормотал Дубиндус.— Собственно я, прежде чем посмотреть, хотел получить от вас, как от специалиста...

— Немножко вступительной теории?— Морщины на челе Гнейса разошлись в разные стороны, и два больших, кротких, умнейших глаза разного цвета озарили его лицо.— Вы, по-видимому, высококультурный человек, дорогой херр. Садитесь удобней! Я начинаю.

С этими словами доктор прижал к себе серо-голубой камешек, пробежался бархатными шажками по комнате, любовно зажмурился и начал:

— Когда вы ездите в толпе народу, вы замечаете, что через некоторое время вам трудно дышать... Это потому, любезный друг, что люди выделяют испорченный воздух, отработанную материю... Что может быть гаже и неприятнее существ, всюду поглощающих рабочий материал и испускающих из себя отработанный? Переведите теперь взгляд свой на камни. Они вбирают в себя отработанную материю человека. Они скрепляют ее в формулу. Они держат в себе колоссальные залежи рабочего материала, создаваемого из наших отбросов. Потенциал — вот что такое камень. Деликатное, воспитанное, общественное существо. Оно вам нигде не портит воздуха. Наоборот, оно вам его улучшает. Оно вбирает в себя вашу сырость, продукты вашего сторания, ваш распад. Оно сушит вам болота, укрепляет топи, собирает газы, чтоб сделать их твердыми, воспитанными и портативными. И самые ядовитые струйки, которые вы день и ночь выпускаете в воздух, оно укрепляет в гнездах своих благороднейших пород, гранитов,— в аметисты, бериллы, изумруды, топазы, бриллианты! — Дядя Гнейс мечтательно посмотрел на серо-голубой ка-

мешек. Лицо его озарилось нежнейшей улыбкой. — Но кто пьется, тот дышит!

«Надо было прийти камню-мамонту, радио идохнуть из тысячетонной челюсти, чтоб люди присели на корточки и завопили: «Камень дышит... эманация!» Дяде Гнейсу не нужны мамонты, он знает десятки лет, что если дышит мамонт, дышит и кузнечик, и муравей... Нет минерала, который бы не дышал!

— Э-кх! — чихнул Леопольд Дубиндус. — Я, собственно, насчет практического...

— Правильно! — прервал его Гнейс. — От теории перейдем к практике. Легко понять, что если камень дышит, он на нас воздействует. Он воздействует на нас потенциальной силой, но для человека не безразлично, какой. Одна потенция у железа, другая у меди, у мрамора, у золота, у гранита, у яхонта, у серебра, у платины... Все эти воздействия надлежит изучить. Их надо использовать. В первую очередь для устройства человеческих жилищ! Мы еще не знаем, чем обязан камню характер пещерного жителя, что дало дерево народам, жившим в деревянных постройках! Мы должны сделать опыты с железными домами, с домами из различных сплавов! И уж если эта гадина, отравитель пространства, человек, нуждается в священной поддержке минерала...

Но тут Леопольд Дубиндус не выдержал. Он решил ответить надоедливому оратору по существу вопроса:

— Уважаемый доктор! Сколько я знаю, как блюстителъ порядка, не все люди испускают вредные газы. Эткими делами занимается разве что простонародье. И если прибавить к параграфу 6 статута 248-го о площадях, улицах, портиках и мостах, если прибавить, говорю я, о недопустимости зловония, то из боязни штрафа даже простонародный человек удержится, когда нужно!

Доктор Гнейс вытаращил на него два кротких, больших глаза, желтый и зеленый, и провел по лицу маленькой, бархатной ручкой.

Перед ним, в кресле, сидел характернейший экземпляр гадов, именуемых человеками, а он забылся, увлекся, разговаривал! Голос его стал сух и холоден.

— Можно узнать, по какому делу?

Ага! Вот что называется прищемить ученого за хвост! Дубиндус был чрезвычайно доволен результатом своей дискуссии. Он немедленно полез в портфель, достал тряпочку с камнями и протянул ее ученому:

— Вот, уважаемый доктор. Именем правосудия умоляю вас определить, какой это камень, откуда он отбит и в чем его злокачественность для здоровья и автомобильных шин. Резолюцию вашу благоволите изложить письменно, и, если можно, на самой что ни на есть ученой, то есть академической, бумаге.

Гнейс развязал тряпку, вынул несколько камней, посмотрел на них, прищурился, понюхал, лизнул, и вдруг по лицу его разлилось изумление. Он хотел было что-то спросить у Дубиндуса, но удержался. Вынув желтый флакон, он капнул на один из камней, нагнулся и снова понюхал. Потом выхватил красный флакон и сделал то же самое. Потом резким движением он повернулся к Дубиндусу. Лицо его было бледно, как бумага:

— Вы хотите иметь анализ этого камня? Приходите сегодня в шесть часов вечера.

С этими словами он подхватил камни и выбежал из комнаты, оставив Дубиндуса одного.

Глава семнадцатая

РАЗЛИЧНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДУШУ ДЯДИ ГНЕЙСА

— Маленький номер пятый прихварывает, доктор. Ему надо профильтровать раствор.

С этими словами дюжий слуга вступил в святилище дяди Гнейса — его химическую лабораторию, где тот засел с утра, как безумный, в стеклянной маске и резиновых перчатках, возясь над сине-серыми осколками.

— Что такое?

— Я говорю, наш маленький плох, доктор, очень плох. Сколько я понимаю, у него грыжа.

Сердце дяди Гнейса не устояло. Он прикрутил лампочки, прикрыл баночки, открыл вентилятор и побежал в соседнюю комнату. Здесь было тепло и влажно. Они находились в детской.

Но дети доктора воспитывались без баловства, на искусственном питании. Они сидели в красивых банках и весело поглядывали сквозь стекло синими, красными, розовыми, жел-

тыми личиками, покорно кушая раствор и отлеживая себе бочок, куда их не переворачивали.

Номер пятый был самый маленький. Дядя Гнейс нежно сунул руку в его мокрую кровать и вынул великолепный бледно-розовый кристалл, по животику которого тянулась выемка, испортившая ему фигуру.

— Гм, малыш, ты перепитался! — недовольно проворчал Гнейс. — Обжорство, Зильке, никому не идет на пользу. Перемените ему пеленки да уберите снизу новый кристаллик.

Зильке выслушал распоряжение доктора насупившись. Его с утра терзало любопытство. Перед глазами его стояли сине-серые камешки, над которыми патрон забыл завтрак, обед и прогулку. Но тот как ни в чем не бывало снова повернулся к лаборатории. Зильке судорожно крикнул. Патрон поглядел на него.

— Я... я крошусь, доктор, от любопытства, — пробормотал он сердито, — вы чересчур напластываете меня. Ни одна порода не выдержит такого давления.

Дядя Гнейс растерянно улыбнулся. Он поднял пальчик в знак терпения и молчания. И, уже исчезая за дверью, облегчил малость геологическое состояние своего слуги, дав его пластикам залегания самый неожиданный уклон:

— Зильке! — крикнул он странным голосом. — Это кристалтики, не правда ли? Ну так не пройдет и месяца, как мы с вами... гм, гм... сделаем из них кристалломальчиков и кристаллодевочек, без всякого вреда для гексагональной системы.

С этими таинственными словами он погрузился в недра лаборатории, где снова забулькало, зашипело и потекло во всех трубочках, банках и ретортах. Желтый и зеленый глаза доктора светились острым блеском, когда он наконец оторвался от работы, глядя на темно-красную жидкость, стекавшую в хрустальную чашу под герметическим колпаком. Она приводила его в волшебное оцепенение. Он стиснул пальчики в резиновых перчатках, чтоб они не вздумали младенчески захлопать в ладоши. Именно в таком виде застал его Леопольд Дубиндус, пришедший за своей справкой.

— Вы хотите, дорогой херр, узнать анализ этой руды? — тихо спросил дядя Гнейс, вперяя в него звездочки морщин.

Дубиндус тревожно заерзал на стуле.

— Если это по части теории, — откашлялся он, — по части ...кха... теории, то в нашем деле, уважаемый доктор, она не

стоит даже той бабы, что снится нам во сне. Осмелюсь просить вас закрепить на бумаге, в двух-трех словах, злокачественность этих осколков с практической точки зрения.

— Злокачественность? — Странная улыбка прошла по лицу доктора. — Вы твердо уверены, что вам нужна именно злокачественность вот этих камешков, — он поднял руку с сине-серым осколком, — неизвестно откуда к вам попавших?

— Они попали под мой автомобиль из кармана злоумышленника, — сухо отрезал Дубиндус, — для нас, сударь, всякое вещество интересно не больше, как доказательство.

— В самом деле, — протянул доктор Гнейс, беря со стола лист бумаги и кусая кончик ручки. — Ну, хорошо. Я дам вам именно то, что вы желаете.

С этими словами он набросал на бумагу тончайшее кружево самого причудливого почерка в мире и протянул ее Дубиндусу.

«Могу засвидетельствовать, что представленные мне осколки — сине-серого цвета, твердой консистенции, неправильного октаэдра, будучи положены под шину автомобиля, могут вызвать повреждение этой последней.

Доктор Гнейс».

— Вот-вот! — обрадовался Дубиндус самым искренним образом. — Правосудие вам признательно. Прощайте!

Он схватил со стола осколки, спрятал бумагу в портфель и, не теряя времени, выбежал из комнаты, столкнувшись в дверях с дюжим слугой доктора, спешившим к своему хозяину с наименьшей скоростью.

— Ну! — проворчал Зильке, поддерживая свой нос. — Для палеозойского периода это слишком молодо. Не по возрасту! Сударь, к вам пожаловала какая-то слюдяная палка без всякого промышленного значения, сильно выветрившаяся, я бы даже сказал, склонная стать асбестом, если б это не противоречило науке.

В подтверждение его слов в комнату вошел маститый старец. Белоснежная бахрома волос и бороды украшала его голову. Стекловидные глазки смотрели сквозь стекла пенсне. Стекловидный нос раздваивался к середине и растрескивался к самому концу, напоминая удачный водосток, прорубленный в глине. Он был безукоризненно одет и держал себя с достоинством. Это был министр Шперлинг, друг и единомышленник убитого Пфеффера.

— Вы меня узнали! — ласково произнес он, мановением руки отклоняя всякие почести. — Я совершал свой обычный тур в Тироле, тем более что, как известно всему немецкому народу, наступает день моего рождения... Небольшое торжество, которому не следует, совсем не следует придавать национального характера!

С этой маленькой скромной речью (ибо скромность была отличительным признаком великого Шперлинга) он уселся против Гнейса, положил ноги на стоявшую внизу скамеечку и приготовился продолжать.

Доктор Гнейс был раздосадован. Он знал о своем посетителе ровно столько, сколько сообщил Зильке.

— Но вдруг, когда я завтракал в деревушке Нёслах, — я завтракаю просто: яичко, две-три тартинки, ломоть ветчины, блюдо с вареньем, чашка кофе и два-три яблока — это все. Иногда, знаете ли, этим приходится довольствоваться до обеда, — он весело и добродушно засмеялся, — мы служим, как и все другие!

— Но позвольте! — возмущенно перебил его доктор.

— Нет, нет, — министр ласково поднял руку, — не говорите мне о моем здоровье! Когда речь идет о пользе отечества и... — министр поперхнулся, — рабочего класса, Шперлинг забывает о своем здоровье. Я привык почти никогда не думать о себе. Воспитание моей покойной матушки и чтение Маркса сделали из меня человека, просто органически неспособного останавливать мысль на своей особе. На эту тему в моем дневнике... — Тут министр вынул из кармана записную книжку. — В моем дневнике есть прелюбопытные мысли... Позвольте, я вам... «Я родился в тот год, когда...» нет, это не то... «моя жена сообщила, что на этот раз мои воротнички»... опять не то... «я тихо улыбнулся»... — не то, не то... — кажется, на сто двенадцатой странице...

Но тут, нечаянно подняв глаза, он увидел, что кресло его собеседника пусто. Доктор Гнейс большими шагами удирал на противоположный конец комнаты.

— Ради бога! — вскрикнул министр, подняв руку. — В этот час дня я не пью и не ем. Не беспокойтесь. Ничего не надо. Решительно ничего.

Удивительная стойкость и выдержанность этого человека, несмотря на сильную его выветренность, справедливо отмеченную Зильке, удивила даже доктора Гнейса. Он вернулся и покорно сел на место, зажмурившись так крепко, как только мог.

— Время мое рассчитано до последней минуты, ведь без меня не обходится ни одно заседание,— виновато проговорил министр,— вот почему я не в состоянии излагать вам дело детально. Скажу только, что в Тироле меня буквально потрясли, дав мне газету, где сообщалось об убийстве моего друга Пфеффера. Я понял, что настал миг экстренных соображений. Я дал телеграмму жене и партии. Я был встречен на вокзале. Все плакали. Множество венков с надписью: «От генерала Гика», «От гильдии купцов», «От заводов Круппа», «От германского про... промышленного класса», «От профилактического общества», «От фабрики промокательной бумаги», «От протезной фабрики» — словом, от пролетариата устилали дорогу. Если б был убит я сам, полагаю, похороны не были бы более внушительными.

Министр отер глаза носовым платком, наклонился и шепнул:

— Дальнейшие события показали, что нам угрожает новая война. Пацифистское общество обратилось к правительству со справедливым меморандумом. Я созвал совещание. Было решено пустить в ход все средства, чтобы предотвратить народное бедствие. В настоящую минуту, любезный доктор, лучшие химики государства изготавливают по моему указанию ядовитые газы. Но мне важно, чтоб такой ум, как ваш, заработал в унисон с моим.

— Вы хотите,— сказал наконец доктор Гнейс, кладя нежную руку на стол,— вы хотите, чтоб я стал раскрепощать весь яд, скованный камнями и металлами путем всей их многовековой деятельности? Вы хотите, чтоб я разложил минерал?

— На пользу ближнему своему, вот именно. Ведь не можем же мы устранять вас от государственной работы, когда, по общему мнению, вы являетесь одним из крупнейших химиков!

Министр был положительно возмущен наивностью этого лысого человека, ухитрившегося сохранить свой средневековый ум в эпоху величайших социальных катастроф.

— Поймите, мы этим обезвредим армию противника! Мы свяжем ее по рукам и ногам, прежде чем она на нас двинется.

— О какой армии идет речь?

— Об армии варваров, убийц и драконов, называющих себя социалистами,— о большевиках.

Доктор Гнейс вздрогнул. Наступило минутное молчание.

— Хорошо,— медленно сказал химик, вставая с места,— я к услугам правительства.

— Зильке с большим удовольствием выпроводил министра; он не прочь был бы расщепить ему нос дверью, чтоб докончить процесс расслоения, протекавший в означенном экземпляре слишком медленно и непоказательно. Но голос патрона привел его в себя.

— Зильке, я ухожу! — сказал доктор Гнейс со странным выражением лица, держа в руках хрустальную чашу. — Что бы ни случилось, расти моих деток. Береги мою лабораторию. Охраняй наш музей. Прощай.

С этими загадочными словами доктор Гнейс вышел, запахнувшись в черный плащ с капюшоном. Зильке остолбенел, посмотрев ему вслед. Он чувствовал, как весь его телесный материк дрожит от непредвиденного удара, равного которому не извергала даже Фудзияма.

Глава восемнадцатая

ЗУЗЕЛЬСКИЕ УГОЛЬНЫЕ ШАХТЫ

С того самого места, где на шоссе белеет роковой столбик

идут вниз, по непроходимым кручам, дорожки в покинутые угольные шахты. Уголь давно разработан, оборудование снято и разрушено, шахты засыпаны и залиты водой. По мнению зузельских обывателей, шахты наполнены чертями. Ни один гражданин не рискнет к ним спуститься. Ни один мальчишка не забредет дальше первой платформы, где кончается узкоколейка, давным-давно снятая по кускам. Только пастухи богатых рейнских аграриев облюбовали себе склоны к этим шахтам и пасут на них огромные стада мериносовых баранов.

Надо признаться, издалека эти черные шарики, перекатывающиеся по тропинкам, придают ландшафту, особенно на рассвете, большую живописность. Пастух в широкой шляпе

и с кнутом в руках бегают от одного мериноса к другому. Животные переваливаются, тряся курдюками. Они кушают траву в высшей степени экономно, как по крайней мере показалось бы внимательному наблюдателю. Вот один баран юркнул в расщелину и исчез. За ним перекатился второй. За вторым третий. Не прошло и пяти минут, как исчезло все стадо, а за ним провалился и сам пастух. Пастбище пусто.

Расщелина, куда направились животные, идет прямехонько в полукруглую пещеру, невидимую ни сбоку, ни сверху. Здесь мериносы один за другим поскидали с себя баранью шкуру и вытерлись рукавами собственных курток.

— Жарко, братцы,— простонал один из них, с сильным провансальским выговором,— не мешало бы обрядить Сорроу разок в этакую шубу.

Пастух погрозил ему кнутом.

— Помалкивай!— отрезал он безжалостно.— Вот когда растопят твой жир на стеариновую свечку, как нынче проделывают с военным покойником,— помянешь ты мериносовую шкуру.

— Сорроу,— не унимался провансалец, прыгая вниз за остальными ребятами, спускавшимися теперь по высеченным в скале ступеням,— я так думаю, что нам лучше вместо всякой канители залезть в шкуры раз и навсегда, да и уйти в горы.

— Ага!— проворчал Сорроу.— Римские рабочие выкинули штучку по этой части в незапамятные времена. Только, я полагаю, ребята, не в пример лучше загнать в баранью шкуру врага, да потом выколотить, да потом вымыть, да потом маленько постричь, ну, а потом и в гору погнать на подножный корм.

Вся компания поддержала его одобрительными криками, наградив провансальца тумачами. Их было человек до ста, разнообразнейшей национальности. Каждый говорил на своем языке и отлично понимал другого. Впереди пробирались горняки со всех частей света: угольщик из Донбасса, медник из Мексики, платиновец из Испании, каменщик из Памира, солевик из Аравии, железник из Лотарингии, искатель драгоценного камня из Бразилии и другие — каждый с мешочком у пояса, где он хранил образчик своей добычи, с молотком на бедре, как носят оружие, в остроконечной кожаной шапочке — символе высшей квалификации по части своего дела. Горняки шли цепью, положив руку на плечо переднего товари-

ща, и на разных языках пели свою переключку, не терявшую от этого ни складу, ни ладу:

Бей, рудокоп!
Рой глубоко.
Проходи молотком
Жилу...

Затягивал один, а другой откликался:

В воде и ветру,
В строю и смотрю
Быть тебе, друг,
Живу!

Вслед за горняками попевали металлисты. Эти шли скопом, как люди солидные. Лица у них были серые, со свинцовым оттенком, щеки ввалились, руки пропитаны металлической пылью. Каждый носил куртку цвета обрабатываемого им металла. У каждого была на рукаве треугольная нашивка — символ высшей квалификации по своей части.

Это был цвет — самый отборный цвет рабочего мира. Каждая отрасль из каждой части света прислала сюда умнейшего и толковейшего парня, на всемирную конференцию горняков и металлистов, созданную союзом «Месс-Менд».

Между тем дорога становилась все круче да круче. Каменная лестница уперлась в нишу, откуда началась железная воронка вниз. Тут и металлистам пришлось пропустить своего брата поодиночке. Горняки кончили переключку; первые из их отряда уже достигли площадки. Тогда и металлисты грянули свою песенку, подхваченную тысячью эхо под каменными сводами и бесчисленными покинутыми галереями. Коновод затянул:

Братцы, сбросим рабство с плеч!
Смерть бывшим мученьям.
В мир велим металлу течь
С тайным порученьем.....

Хор ответил стремительным речитативом:

Чтоб металл
В себя впитал
Нагревом и ковкой,
Заклепкой, штамповкой,
Сверленьем, точеньем
И волоченьем...

Одна группа спускающихся, отбивая такт по перилам лестницы, выводила с силой:

Дутым,
прокатанным,
резаным,
колотым,

другая отбивала ей в ответ:

Домною,
валиком,
зубьями,
молотом,

и все, сколько их было, металлисты и горняки, в унисон, громовым раскатом, подхватили:

Через станки,
От рабочей руки
Клятву одну:
Долой войну!
К черту долой войну!..

Не успели еще отзвучать последние слова песенки, известной под названием «Клятвы металлистов», как толпа рабочих дрогнула и остановилась.

Перед ними — огромная сталактитовая пещера, с небольшим озером посредине, светящаяся бледным опаловым блеском. И на отполированном камне, возле самого озера, залитый опаловым сиянием, сидит человек в черном плаще с капюшоном, поднимая хрустальную чашу, ни дать ни взять как в каком-нибудь балете.

Глава девятнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КОНФЕРЕНЦИИ ГОРНЯКОВ И МЕТАЛЛИСТОВ

— Ребята, это доктор Гнейс, величайший химик и минералог нашего времени! — крикнул Сорроу.

Рабочие сбежали в пещеру и окружили старика, растерянно смотревшего мимо них двумя кроткими глазами — желтым и зеленым.

— Сорроу, — произнес он, выпрямляясь и сбрасывая капюшон, — я ушел от них навсегда. Примите меня к себе.

Сорроу хлопнул его по плечу без всякой торжественности:

— Выкладывайте, старина. Нынче последний день нашей конференции. Вас будут слушать самые умные парни в мире. Мы ждали из Зангезура бедняжку Лори, а вместо него получим вас.

— Я ушел оттуда,— задумчиво начал Гнейс.— Они потребовали, чтобы я разложил минерал. Сорроу, друг мой, они хотят, чтоб минерал отдал им назад все скверное дыхание, весь яд, все зловоние, скованные тысячелетиями! И чтоб в этом я помог им моими собственными руками.

— Верно, вас тащат в химическую войну! — догадался Сорроу.— Ну, дядя, без этого не обойдется.

Гнейс поник головой и заглянул в хрустальную чашу.

— Друзья мои,— слабым голосом пробормотал он,— у меня был какой-то министр. Он уверял, что на Германию наступают русские. Война предстоит с большевиками. Значит, и вы тоже пойдете бить своих братьев?

Рабочие переглянулись и расхохотались.

Сорроу быстро подмигнул своему соседу, рурскому шахтеру Францу, и тот, сбросив куртку, вошел в озеро. Дойдя до его середины, он нырнул головой вниз. Не прошло и секунды, как свет в пещере изменился. Он погустел, опаловые краски отдали багрянцем. Вода в озере шевельнулась и пошла на убыль. Вскоре от нее не осталось ни капли. Вся пещера горела оранжево-красным огнем. Перед ними вместо озера лежали отлогие, полированные ступени вниз — откуда, как дым, излучался пурпур.

— Ну-ка, дядя, спускайтесь в нашу собственную лабораторию,— не без гордости промолвил Сорроу и, подхватив Гнейса под мышки, потащил его вниз. Горные хрустали передавали друг другу трепетание тысячи красных огоньков. Внизу шел гул от подземной реки. Вверху носились подземные ветры. Во второй пещере перед Гнейсом открылась отлично оборудованная мастерская. Все виды машин стояли тут в строгом порядке. Способы обработки металлов, изготовления сложных сплавов,ковка, отливка, прокатка, выделка машинных частей, их соединение, их демонстрация — одно за другим открывалось зрению. Но все это было детского размера. Пушки, аэропланы, пулеметы, газобросы и газопрожекторы, убивавшие светом,— все было рассчитано на пятилетнего ребенка.

— Мастерская военных моделей,— произнес Сорроу.— Слушайте меня, дядя Гнейс! Раз в год горняки и металлисты

собираются сюда на конференцию. Каждый приносит за пазухой чертежи. Каждый знакомит другого с тайным изобретением своей страны. Нет ни одного рабочего, который не знал бы, чем вооружен его брат в другом государстве. Лучшие умы, сойдясь вместе, в течение недели изобретают здесь способы, как поворотить эти штуки в нашу пользу. А вы воображаете, что мы пойдем бить своего брата!

Он был прерван ярко-зеленой вспышкой прожектора, загоревшейся под потолком.

— Вода пущена из озера. Кто-то идет! — закричали рабочие, кидаясь к гранитной стене, защищавшей лестницу. — Пустите электрический ток!

В мгновение ока между мастерской и стеной протянулся обнаженный электрический ток. Пурпур пещеры померк. Рабочие выхватили оружие.

...В мир велим металлу течь
С тайным порученьем...

Загремел с лестницы веселый голос, и в ту же минуту, перепрыгивая через десять ступеней сразу, к ним ринулось ободранное, грязное, странное существо в женском чепце и широчайшей юбке.

- Менд-месс, братцы!
- Месс-менд!
- Лори Лэн!
- Скотина!
- Мошенник этакий!

Сотни рук протянулись к бегущему для того, чтоб хозяева их были отшвырнуты на самый конец пещеры.

— Эй, уберите ток, черт возьми!

Провод, свистя, потянулся обратно.

Лори вбежал в мастерскую и упал на шею к Сорроу, стиснув его так судорожно, словно дамский чепчик решительно отразился на его мозгах:

— Сорроу, дружище. Ребята. Ух!

— Ну, теперь тебе в пору упасть в обморок, раскинув все четыре лапы, — ворчливо пробормотал Сорроу. — Когда ты утомился, Лори Лэн, металлист?! Откуда ты в таком виде?

— К черту! — проревел Лори, сбрасывая с себя юбку и чепчик. — Меня задержали. Не стоит об этом говорить. Хорошо, братцы, что я все-таки очутился среди вас.

— Садись и говори! — С этими словами Сорроу потряхнул Лори за шиворот и поместил его на каменную плиту, прямо-

хонько у ног дяди Гнейса, задумчиво прислушивавшегося к происходящему.

Лори вытер лицо рукавом.

— Коротко говоря, ребята, в Зангезуре мною найден новый минерал. Вышло это диковинным образом. Я не мог определить, что это за штука. Знаю только, что сила его эманации огромна. Он разложил все соединение залежей меди, он превратил руду в какое-то кипение. Глина вокруг него превратилась в фарфор. И при всем том, ребята, он на вид самый холодный, простой, серо-синий камешек, не оказавший ровно никакого действия на мои руки, покуда я его отламывал от скалы. Молоток-то мой пришлось бросить. Никакой металл с ним не справляется. Я орудовал руками.

— Что за сказки! — вырвалось у Сорроу, слушавшего Лори с нахмуренными бровями.

— Посмотрел бы я на тебя, Сорроу, с этим минералом в карманах! — ответил Лори спокойно. — Посмотрел бы я, как бы ты отмахал тысячи верст без железных дорог, аэропланов и автомобилей.

Рабочие вытаращили на него глаза.

— Ну да, я прослыл конокрадом и контрабандистом, — продолжал Лори, — я загонял одну за другой всех коняг, которых мне удалось стибрить. Я плыл на лодках и кораблях. Я летел на старом аэростате, точь-в-точь таком, как рисуют его в старых книжках. Бедняга Ребров сидел три ночи, обдумывая план моего продвижения.

— Да почему, черт возьми?

— А потому, ребята, что поезд сойдет с рельсов, аэроплан потеряет высоту, каждый мотор начнет врать, как газета, каждая стрелка отклонится, каждый револьвер даст осечку, если вы возьмете с собой кусок этого вещества. Только вода умеряет его действие. Но не мог же я, черт возьми, сесть в вагон вместе с ванной или пуститься к вам вплавь!

— Дай-ка сюда эту диковину!

Лори развел руками:

— Скрадена, братцы. Скрадена при обыске немецким жандармом, в трех верстах от нашей пещеры, на Зузельском шоссе!

— Н-ну! — промычал Сорроу иронически. Рабочие переглянулись между собой.

— В Зангезуре, как я слышал, — начал Сорроу миролюбивым тоном, — свирепствует страшная лихорадка, ребята. Люди от нее так и валятся и спят по суткам. В эти сутки не без

того, конечно, чтоб им не снились разные там сны. Вот и наш Лори, по-видимому...

— Сорроу, — свирепо прервал его Лори, вспыхнув, как ку-мач, — какие бы сны ни снились... — Он стиснул зубы, словно отгоняя от себя надоедное воспоминание, — какие бы сны ни снились во время лихорадки, а они снятся, черт их побери!.. То, что я рассказал вам...

— Совершенная истина!

Голос, произнесший эти два слова, принадлежал дяде Гнейсу. Старик обвел изумленных рабочих задумчивыми глазами и положил руку на белокурую голову Лори Лэна:

— Такой минерал существует, юноша не соврал. Он сейчас перед вами, вот в этой чаше из горного хрусталя. Не бойтесь, друзья мои, в таком виде он связан по рукам и ногам, потому что он бессилен над девственным холодом хрусталя. Он закупорен.

— Где вы его взяли? — спросил Лори.

— Полицейский агент принес его ко мне для определения. Я дал ему взамен несколько безвредных кусочков медной окиси. Все, что я получил для исследования, мною претворено до последней крошинки вот в этот драгоценный сок.

Наступило торжественное молчание. Сотня глаз устремилась теперь на хрустальную чашу, высоко поднятую стариком. Не это ли наконец страстно искомое рабочими всего мира средство, что сделает их хозяевами положения?

Глаза старика светились грустью. Он медлил. Казалось, он не хотел открыть тайну.

— Перед вами, — сказал он наконец дрожащим голосом, отдавшимся под сводами пещеры, — перед вами конденсированная кровь той странной руды, которая не должна была бы никогда быть найдена человеком, ибо ее пребывание связано с центром нашего земного шара. Это магнитная сила всех элементов, это пол неорганического вещества в его обнаженном виде. Как и откуда этот элемент мог найтись в Зангезуре, нам расскажет Лори. Я же могу только сказать, что если он здесь, он может пойти в работу. Но, дети мои, друзья мои... — Глаза старика наполнились крупными слезами. — Простите мою слабость. Эта страшная сила принесет камню страдание. Она должна дать ему то, что двигает человеком, что лишает покоя вселенную, крутит все живое в отвратительной судороге, умножая бессмысленный хаос форм. Она должна принести ему то, от чего он был до сих пор почти свободен, должна обокрасть его, унижить, раздвоить его, словом, она должна

принести металлу то нарушение земного ритма, которое вы, слепые люди, называете... л ю б о в ь ю.

— Чертовщина, дядя!— ласково упрекнул Сорроу.— Вайте-ка безо всякой алхимии!

— Хорошо,— решительно ответил Гнейс, твердыми шагами подходя к рабочим,— идемте, друзья. Я покажу вам колоссальное практическое значение этой жидкости, призванной поляризовать металлы.

С этими словами он взял под руку Сорроу и повлек его в то отделение мастерской, где производились опыты по сплаву и ковке.

Глава двадцатая

КАК ФИРМА ЛУРЗЕ ПОЛУЧАЕТ БОЧКИ С КЛЕЕМ

Как только поезд приблизился к Эльберфельду, Дурке протер глаза и выскочил из своего купе на приступку. Перед ним шел товарный вагон с бочками. Он не спускал с него глаз. Платформа уже надвигалась, как вдруг он заметил, что она оцеплена жандармами, на ней не виднеется ни единого пассажира, и только два каких-то господина в крылатках и с бумагами в руке одиноко прохаживаются взад и вперед. В ту же минуту поезд дал задний ход, товарный вагон отцепился от соседнего и полным ходом пошел к платформе, в то время как его собственный выразил намерение пятиться назад.

— Пассажиры выходят на нижней платформе,— крикнул кондуктор,— здесь происходит приемка груза.

Дурке выскочил на перрон быстрее зайца.

— Как бы не так!— пробормотал он, подсовывая кондуктору полицейский билет.— Скорей фрау Дурке отцепится от своего мужа, чем я отцеплюсь от этого вагона. Пустика, любезный!

— Проходите,— буркнул кондуктор.— Эй, да куда вы! Берите пропускной билет!

Он вырвал из чековой книжки розовый билетик и вручил его Дурке как раз вовремя, ибо честный слуга правосудия собрался уже покатиться вслед вагону. Сунув розовый билетик в зубы, он-таки догнал его и, подскочив, устроился на пло-

щадке. Между тем кто-то выглянул из вагона и отсалютовал двум мужчинам в крылатке черным флагом.

— Клей фирмы Лурзе?

— Клей фирмы Лурзе,— послышалось в ответ многозначительным тоном.

Тут двое людей заметили Дурке. Один из них выхватил свисток. Раздался свист.

— Стой! Держи! Кто таков!

— Свои люди,— ответил Дурке с важностью,— разве не видите, что я полицейский агент?

— Черт!— выругался человек в крылатке, топнув ногой.— Двадцать раз говорил, чтоб не вмешивали сюда полицию! Остановите вагон у ссыпки.

Огромный элеватор был спущен к самому вагону. Безлюдная платформа мертва. В полной тишине и молчании несколько человек принялись выгружать бочки.

Вот выкатилась одна. За ней другая. Приподняты к элеватору, зацеплены за крюк, опрокинуты...

Глаза Дурке вылезли на лоб от изумления! Клей фирмы Лурзе обладал необычайными свойствами: из открытых бочек в чашку элеватора посыпался порох.

Между тем два человека считали бочки. Когда чашка наполнилась, элеватор поднял ее, точь-в-точь как слоновый хобот поднимает копеечку, и перебросил за вокзал, во двор великолепного белого здания, похожего на молитвенный дом или воскресную школу.

Девяносто восьмая, сто первая, сто двадцатая, сто тридцать шестая... сто сорок...

— Стой!— завопил Дурке, когда бочка номер сто сорок один взлетела над чашкой элеватора.— Осторожней! Держите ее горизонтально. Там не... не клей!

Но было уже поздно. Голова несчастного проповедника высунулась вниз, в тщетной попытке найти перемещенный центр тяжести, потом судорожно втянулась в плечи, и хозяин ее пролетел, как снаряд, прямехонько в чашку с порохом, под дождем голубых брошюр.

— Что это значит?— свирепо зарычал господин в крылатке, подходя к Дурке.— Извольте объяснить, кто уполномочил вас вмешиваться в чужие дела? Как вы смеете подсовывать нам вместо нашего товара...

— Помалкивайте!— отрезал Дурке.— Это беглый убийца. Тащите его сюда. Вяжите его по рукам и ногам!

Проповедник высунул голову из чашки и установился на них побелевшими глазами. Он был обсыпан порохом, как мукой. В ноздрях, волосах, ушах и веках его сидел порох.

— Любезные братие,— завопил он диким голосом,— не слушайте этого человека с тонким носом. Дайте мне покушать. Дайте мне попить. Я агент Международной Лиги мира!

Жандармы сунули ему шест с перекладной и сняли его из чашки, как гусеницу с фруктового дерева.

— Хорошенькое место для проповеди,— заметил человек в крылатке, подозрительно оглядывая проповедника.— Все это очень мило, но каким образом вы попали в бочку?

— Интриги, — просто-на-просто проповедник, сжимая себе живот обеими руками, как если б духовная пища, вкушенная им в течение суток, вызвала в нем судороги,— интриги разоблаченной гиены. Дайте мне покушать! Дайте мне попить! Я все открою.

Между тем Дурке прыгал вокруг своего врага с отчаянием настоящей гиены, бессильной пожрать живую жертву.

Он никак не мог привести ее в тухлое состояние. Он не имел в кармане бланка об аресте!

— Поймите,— взывал он к жандармам,— я Дурке, полицейский агент! Вот мой билет, вот пропуск. Я охочусь за этим преступником двое суток.

— Попросите этого доброго человека достать из пороха мою брошюрку,— был проповедник,— вы увидите, что я жертва политической мести.

Жандарм полез тем же шестом в порох и извлек оттуда несколько голубых брошюр:

ГИЕНА В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ, ИЛИ ВОЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ БОЛЬШЕВИКОВ

— Гм! Гм!— произнес человек в крылатке, не без удовольствия перелистывая брошюру.— Очень хорошая вещь. Разумная, популярная, современная вещь. Это издание Лиги мира? Так, так... Петер! Возьмите этих людей под руку и выведите их вон. Если один хочет арестовать другого, пусть сделает это на улице. Я умываю руки. Брошюры оставьте тут, они могут нам пригодиться.

С этим соломоновым решением человек в крылатке оборотился к бочкам и махнул платком:

— Сто сорок вторая...

— Ай-ай!— взвыл проповедник }
— Гыррр!— зарычал Дурке }

влекомые жандармом
с платформы.

Но крики и вопли их не предотвратили течения судьбы, поставившей их через десять минут друг против друга на чистенькой улице Эльберфельда.

Глава двадцать первая

ГОСТИНИЦА СВЯТОЙ КУНИГУНДЫ

Справа и слева от них тянулись прехорошенькие домики, занятые главным образом благочестивыми книжными магазинами и типографиями. Витрины пестрели духовными картинками о «Конце мира», «Сошествии в ад», «Чуде святого Конкордия» и «Молитве на сон грядущий», изображавшей дитя с приподнятыми кулаками. Это зрелище, по-ви-

димому, подняло дух проповедника. Он сунул руки в карманы своей юбки, задрал чепец и толкнул Дурке плечом.

— Фью! — пискнул он вызывающе.

— Фью! — ответил Дурке, взъерошиваясь, как петух, и, в свою очередь, сунув руки в карманы.

— Ну-ка! — ехидствовал проповедник, явно издеваясь над агентом.

Черт побери Дубиндуса! Дурке был разбит, побежден, унижен. Он ничего не мог сделать, кроме как повторить восклицание проповедника, вложив в него всю силу ненависти:

— Ну-ка!

Неизвестно, сколько времени простояли бы они плечом к плечу, один — сотрясаясь от злобы, другой — хихикая от насмешки, если б проповедник не счел за нужное прервать эту опасную близость с разоблаченной гиеной: он победоносно оглядел Дурке с ног до головы, преспокойно перешел улицу — и скрылся в книжном магазине.

Однако Дурке был не из таковских, чтоб выпустить птицу из-под самого своего носа. Оглядевшись вокруг, он увидел приветливую вывеску:

ГОСТИНИЦА
СВЯТОЙ КУНИГУНДЫ

и, не медля, вбежал в нее, то и дело оглядываясь на книжный магазин.

За конторкой сидела приятная полная дама в зеленом переднике. У дверей стояла длинная, худая дама в зеленом платье. На лестнице мелькнуло еще что-то зеленое, и через секунду агент был окружен целым цветником милых, приятных созданий, одетых в зеленое. Правда, каждой из них было не менее сорока, но еще покойный Овидий, специалист по женской части, как известно, рекомендовал «отсчитать пять раз семь» и предпочитал женский пол «как раз вскоре после этого».

Зеленые нимфы оглядывали его, то и дело хихикая себе в ручки.

— Мадам, — сказал Дурке, подходя к конторке, но не выпуская из поля зрения книжного магазина, — дайте мне комнату с окном на улицу, точь-в-точь как эта самая.

— Хи-хи-хи! — залилась приятная дама.

— Хи-хи-хи! — ответил ей весь цветник, скрыв покрасневшие лица в зеленых складках фартуков, отчего они удивительно напомнили разрезанные арбузы.

— Я нанимаю у вас комнату! — сердито повторил Дурке, придвигаясь к конторке.

— Но, дорогой господин и, смею надеяться, добрый христианин! — вспыхнув, произнесла дама. — Ведь это же христианская гостиница для одиноких женщин. Разве вы не видели вывеску?

Дурке хотел было чертыхнуться, но вовремя удержался. Взглянув в симпатичные глазки дамы, он нашел, что они, право же, были недурны собой.

— Я полицейский агент и должен караулить преступника, скрывшегося в магазине, что напротив, — произнес он самым нежным голосом. — Правосудие, дамочка, стоит выше предрассудка! Вы можете положить полицейского агента прямо к себе в постельку, если этого требует правосудие, и, смею вас уверить, красавица, оно не повредит вам ни на волосок.

Прелестная хозяйка залилась краской, что сделало ее еще соблазнительней. Она беспомощно поглядела на свою помощницу.

— Вот мои документы, — продолжал Дурке, выкладывая на конторку полицейский билет. — Не думал я, сударыня, что наши лютеранки хуже католичек. Коли я пойду с моим чином и званием в католический монастырь, они меня впустят во всякое время дня и ночи.

— Если правосудие требует, — шепнула хозяйка расслабленным голосом, — чтоб мы приняли в свои недра мужчину, то пусть Октавия Фрунк проведет уважаемого господина в мою комнату.

— Моя не в пример удобней! — взволнованно вмешалась худая помощница. — Из моей, фрейлейн Тропик, видно каждое окошечко парфюмерного магазина.

— Но ему нужен книжный магазин, а не парфюмерный! — настаивала хозяйка. — Из моей комнаты можно прочесть псалом над молящимся дитятей буква в букву. И так как, дорогой господин, вы представили документ, я не имею права взять с вас за содержание... Нет, нет, ни слова!

Октавия Фрунк с сердцем подхватила агента под руку, чтоб провести его в комнату своей хозяйки.

— Еще одно! — повернулся Дурке. — Вы, душечка, сидите тут перед самым окном. Следите, пока я дойду до комнаты, не выйдет ли из магазина кособокая фигура в чепце и женской юбке... О, не волнуйтесь, это и есть переодетый преступник! Чуть что, мамочка, забейте тревогу.

С этой ласковой речью Дурке последовал вслед за нервной Октавией Фрунк, страдавшей затяжными сердцебиениями, по причине которых она вынуждена была то и дело падать на руки своего спутника.

Глава двадцать вторая

У С ПЕХИ СЫ С КА

Попросив одновременно горчицу, сою, зубочистку, плевательницу, полотенце, бинокль и ряд разнообразнейших предметов домашнего обихода, Дурке на минуту добился одиночества, вздохнул широкой грудью, извлек свой счет и написал:

С ч е т

За комнату с пружинным матрацем в отеле святой Кунигунды против магазина, укрывшего преступника, — 8 марок посуточно.

За пользование биноклем для слежки — 1 марка посуточно.

За полный пансион — 12 марок посуточно.

После этого он вынул заметно полегчавший кошелек, отсчитал сколько нужно, подбросил на ладошке и отправил себе во внутренний карман.

Не успел он произвести означенную репарацию, как в комнату вбежали Оливия с соей, Олимпия с горчицей, Октавия с зубочисткой и остальные девицы, каждая с каким-нибудь предметом в отдельности, вплоть до хозяйки, фрейлейн Кунигунды Тропик, принесшей бинокль. Они разместили все это на столе перед Дурке, уже обильно уставленном пудингами, печеными яблоками и вареным картофелем, и добродетельно разместились вокруг него, чтоб оказывать правосудию помощь.

Каждая из них во все глаза глядела в окно. При появлении чего-либо, хотя отдаленно напоминающего преступника, как, например, стриженной собаки аптекаря, подметальщика или почтальона, все двадцать девиц пронзительно вскрикивали и падали в обморок друг на дружку, делая таким образом пространство, окружавшее полицейского агента, в силу теории относительности, все более и более относительным. Они отнесли бы его и совершенно в сторону, если бы действия их были согласованы и не страдали внутренними противоречиями. Как бы то ни было, внимание их было столь сильно поглощено преступником, что ни одна не заметила руки полицейского агента, поочередно облегавшей их талии.

— Ах,— вздохнула Кунигунда,— ах, дорогой господин! Вы не должны были пускать его в книжный магазин. Он оттуда не выйдет раньше, как через неделю.

— Может быть, он даже нанялся в магазин приказчиком,— подала голос Октавия.— Каково-то нам будет не спать все ночи напролет, чтоб не упустить его, когда стемнеет!

— Я буду варить кофе,— вмешалась Кунигунда,— и, наконец, мы можем сторожить по очереди.

— Вам необходим покой,— сладко протянула Октавия Фрунк.— Как христианка, я не могу допустить, чтоб вы, умаявшись за целый божий день, еще отказались от ночного сна. Не могу и не могу!

— Но, душенька моя, ведь я тоже христианка! — нежно настаивала фрейлейн Тропик.— Почему это вы хотите, чтоб моя совесть была спокойна, когда вы бодрствуете? Да я глаз не сомкну!

— Позвольте, дорогая фрейлейн Тропик...

— Нет, уж разрешите мне, любезная Октавия Фрунк...

— Ни за что, ни за что!

— И я ни за что!

— Фрейлейн!

— Октавия!

Здесь две нервные женщины внезапно так судорожно наклонились друг к другу, что зыбкое равновесие стула, на котором сидел полицейский агент, не выдержало, и Дурке полетел на пол, сопровождаемый пронзительными воплями двадцати девиц. Кунигунда и Октавия свалились рядом с ним, одна по правую, другая по левую руку, и в ту же минуту зоркие глаза Октавии увидели недопустимую, неслыханную вещь — полицейский агент чмокнул ее хозяйку сперва в одну щеку, а потом в другую. Она не могла этого вынести.

— Преступник! — заорала она неистовым голосом. — Преступник, преступник, преступник!

Дурке вскочил и подбежал к окну. Черт побери: перед книжным магазином действительно стоял извозчик, нагруженный розовым портпледом и чемоданом. На чемодане белело клеймо:

ПОМЕРАНИЯ

— Да почему же?.. — попыталась было вмешаться фрейлейн Кунигунда.

— Нет, простите меня, фрейлейн Тропик, — процедила Октавия с ненавистью, — я имею два своих глаза, которые видят все, что происходит. Это самый настоящий преступник с алиби. Он приготовил себе извозчика и чемодан. Он сейчас выйдет и наверняка будет заgrimирован... ай!

Она никак не ожидала от себя подобной пророческой силы: дверь книжного магазина раскрылась, и из нее вышел преступник. Он был заgrimирован симпатичной старой дамой. Белый парик выбивался у него из-под шляпки. Лицо его было покрыто густой синей вуалью. Преступник держал в руках газету, он добрал до извозчика неверными шагами, сел и...

Но тут полицейский агент быстрее молнии сунул себе в карман остаток пудинга, нахлобучил фуражку и помчался вниз по лестнице, даже не сделав ручкой двадцати нежным христианкам, ничего не пожалевшим для правосудия.

Глава двадцать третья

СТАРАЯ ДАМА ИЗ ПОМЕРАНИИ

Старая дама из Померании тихо ехала на старом эльберфельдском извозчике. Она оттянула вуальку и с величайшим интересом читала купленную газету, прерывая чтение глубокими страдальческими вздохами. Извозчик, вздыхая, держал вожжи и ехал точь-в-точь так, как ездят все извозчики в Эльберфельде — словно он перевозил отошедшую душу через Лету и не видел причины торопиться ни для себя, ни для нее. Именно поэтому ни он, ни старая дама не заметили Дурке, отлично висевшего сзади и посматривавшего в ту самую

газету, которую читала старуха. Полицейский агент испытывал нестерпимое волнение. Он видел перед собой старый номер зуельской «Золотой Истины», не распространенной ни в Померании, ни в Эльберфельде. Старая дама, купившая этот номер, должна была иметь к тому особые причины. Номер сообщал об убийстве министра Пфеффера и Франциска Вейнтропфена.

Не было ни малейшего сомнения, что преступник наслаждался воспоминаниями или терзался укорами совести. И Дурке был не в состоянии арестовать его даже с такой уликой в руках!

Проехав все книжные магазины, типографии и молитвенные дома, извозчик поворотил лошадь к вокзалу и здесь, как Харон, протянул руку за деньгами. Дама расплатилась, подхватила обе вещи, несмотря на старческий возраст, энергично оттолкнула носильщиков и прошла к вокзальной кассе.

— Зуель? — переспросил кассир. — Четырнадцать марок десять пфеннигов.

Старая дама всплеснула руками:

— Помилуйте, я от Кноблоха до Эльберфельда заплатила всего семь марок, а там гораздо дальше и дорога труднее — все мосты да тоннели, мосты да тоннели! Нельзя ли мне как-нибудь за восемь марок?

— Четырнадцать марок и десять пфеннигов, сударыня, — откашлялся кассир. — Здесь не магазин. Цены напечатаны для всех граждан.

— Ох, как вы запрашиваете! — тянула старая дама. — Вы посмотрите, с кого вы просите. Я одной ногой в гробу стою, разве я сяду в вагоне на полное место? Когда покупает толстый, хороший немец, пьющий пиво, еще можно брать такую цену. А с худощавой женщины...

— Не задерживайте публику! — прохрипел кассир.

— Вот девять марок, и дело с концом!

Кассир бросил обратно девять марок.

— Следующий!

Следующим был Дурке. Он совсем не купил билета и отошел в сторону. Старая дама долго еще торговалась и вздыхала, но кончила тем, что уступила кассиру. Через полчаса они сидели друг против друга в вагоне третьего класса.

«Талантлив, собака, — думал Дурке завистливо, — и виду не показывает, что узнает. А какую комедию разыграл у кассы!»

Преступник был действительно талантливым и на редкость хладнокровным человеком. Он вытянул ноги, как толь-

ко уселся, на скамейку, занятую Дурке, сложил руки на животе и мирно свистел носом, смеживши глаза. Он не шелохнулся, когда Дурке протянул кондуктору полицейский билет. Не шелохнулся, когда Дурке пошел давать телеграмму. Не шелохнулся, когда Дурке заглянул ему под вуалетку. Только запах пудинга, извлеченного Дурке из кармана, подействовал на его железные нервы настолько, что он вздрогнул и втянул в себя воздух. Часы протекали мирно и без приключений. Ранним утром поезд подошел к Зузелю. На вокзале виднелась статная фигура Дубиндуса, нетерпеливо прохаживавшегося взад и вперед. Завидя Дурке, он кинулся к вагону и шепнул своему помощнику лихорадочным голосом:

— Преступник тут?

— Увиден, пойман и побежден! — торжественно ответил Дурке. — Ваш помощник, херр Дубиндус, проявил необычайную ловкость. Он схватил убийцу, можно сказать, прямо из кучи пороха и доставил его сюда точь-в-точь как подстреленную дичь. Вы можете взять его голыми руками!

— Но Дурке! — простонал Дубиндус в полном отчаянии. — У меня до сих пор нет бланка об аресте.

Старая дама между тем проснулась, спустила вуалетку пониже, схватила пожитки и энергично выпрыгнула из вагона. Можно было прозакладывать голову, что она кого-то боится. Поглядывая по сторонам, она шмыгнула на площадь и тут, за углом, вытащила из кармана смятый номер «Золотой Истины». Дубиндус и Дурке, затаив дыхание, следили за каждым ее шагом.

— Гм! Гм! — пробормотала дама. — Попробую-ка я, попробую-ка я... — И с этими загадочными словами она подозвала извозчика и крикнула:

— В морг!..

Глава двадцать четвертая

ВЕЛОСИПЕД МОСЬЕ РАСТИЛЬЯКА

Политика, если на нее смотреть с точки зрения медицинской, вещь неудержимая, как чиханье.

Молодой офицер французской армии, мосье Растильяк, наехал на велосипеде на ворота Советского торгового предста-

вительства как раз в ту минуту, когда оттуда выходил заведующий. Он опрокинулся на спину, получил тяжкие увечья и потребовал от Советской России извинений, компенсаций и гарантий.

— Мы просим извинения за то, что на нас наехали. Мы выдаем компенсацию в размере установленном, за вычетом наших убытков. И мы отказываемся выдать гарантии, поскольку мосье Растильяк имеет склонность ездить по воротам, стенам и прочим вертикальным плоскостям.

Таков был в высшей степени иезуитский и уклончивый ответ советской дипломатии. Весь город был крайне взволнован происшедшим. Рейнский пограничный кордон увеличился вдвое. Солдаты ходили с траурным бантом на рукаве.

Прошел день, и мосье Растильяк мог уже встать на ноги, поддерживаемый денщиком и ефрейтором. В таком виде он стал ходить по кофейням и бильярдным, усиленно утрамбовывая кулаком то место, где, по анатомии, должно было находиться сердце. Но странное дело! Те, кто знал плутоватую рожицу Растильяка, были сбиты с толку совершенно новым для них выражением: Растильяк казался напуганным. Частенько посередине речи он обрывал самого себя, бледнел и оглядывался по сторонам.

— Что с тобой, Жорж? — конфиденциально спрашивали товарищи. — Не может быть, чтоб ты струсил! Какого черта ты нервничаешь?

— Я убежден, — тихо ответил Растильяк на один из таких вопросов, — что за мной кто-то следит. Я чувствую на себе чьи-то глаза...

Он вздрогнул и передернул плечами, забыв, что у него перелом ключицы, засвидетельствованный печатью и подписью гарнизонного врача.

Нервозность такого весельчака и озорника, как Растильяк, наполнила суеверным страхом сердца ефрейтора и денщика. Среди солдат пошли рассказы самого пагубного для дисциплины свойства.

— Идем это мы, братцы, по улице, — рассказывал ефрейтор Растильяка, — а за нами катится парочка — ну, лопни я на пятой рейнской бутылке, если вру, — катится парочка этаких, знаете, глаз, обыкновенных, черного цвета. Катится и тарашится, катится и тарашится.

— Что же они, с ресницами? — шепотом расспрашивали солдаты.

— Не скажу этого точно — глаза и глаза. А вот как у них насчет ресниц, этого я не разобрал.

Понятно поэтому, что когда Растильяк объявил, что он перестанет ездить по шоссе в автомобиле, а будет брать из Мюльрока в Зузель лодку, честный ефрейтор запротестовал всем сердцем.

— Что за толк в воде, скажите мне на милость! — ораторствовал он на кухне пансиона Рюклинг, в то время как его офицер спустился один на мюльрокскую пристань. — И когда только был в ней какой-нибудь толк, начиная с Ноева потоп-па?! Плавать я не умею, пить воду разучился с трехлетнего возраста! Пускай плывет, если ему нравится.

Между тем не прошло и часа, как в зузельскую береговую полицию явился старый рыбак Кнейф. Он был бледен, как смерть, и объявил, что к их деревушке прибило лодку с испорченным мотором и трупом французского офицера.

Дознание установило, что Растильяк был задушен. На шее его нашли синие пятна от чьих-то пальцев. След их очень походил на руки и ногти самого офицера, да и пальцы его были так скрючены, что можно было подумать о самоудушении, если б только подобное предположение не было вздором.

Следственные власти выехали к месту происшествия. Крытый автомобиль доставил на берег Карла Крамера вместе с его новым секретарем. Другой автомобиль привез полицейских агентов и Боба Друка.

Место, где лежал убитый француз, было в полутора километрах от дороги, на скалистом и совершенно пустынном берегу.

Черные утесы торчали, громоздясь друг на друга. Рейн ревел вокруг них не хуже, чем море. Разбитая моторная лодка лежала на самом берегу, носом в галуны. Возле нее, со скрюченными пальцами, страшный, посинелый, вздутый Растильяк походил на тухлую медузу. Язык его высунут, глаза вылезли из орбит.

Карл Крамер с величайшим вниманием обследовал местность, разглядывая вместе со своим секретарем все, что напоминало следы. Он прыгал взад и вперед, поводя круглыми очками и делая движения пальцами, как глухонемой. Что касается Боба Друка, то он опустился на камни возле трупа и сонно поглядывал туда, где прыгала черная крылатка Крамера.

— Тс! Пст! Молодой человек! — зашипел возле самого его уха старый рыбак Кнейф. — Пст! Не показывайте виду, что со

мною разговариваете. Нагнитесь над покойником, ниже, ниже!..

Друк лениво наклонился над покойником.

— Поглядите на его уши!

Удивительное обстоятельство: красные маленькие уши Растильяка были вздуты и напряжены неестественным образом. Хрящик стоял торчком, мочка завернута внутрь, как если б кто-нибудь собирался заткнуть его ушное отверстие.

— Видели? — торжественно шепнул рыбак. — Ни слова! Помните меня, если она не отомстит, коли мы станем чесать языки.

Боб Друк туманно улыбнулся в ответ.

— Вы опять про свое, старина, — пробормотал он с блаженной негой в голосе. — Как вам не лень! Я не могу спать ночью, а сейчас я положительно задремал бы вот на этом берегу, в присутствии умного, милого человечка. Видите, он прыгает по камням? Это знаменитый Карл Крамер. Любите его, рыбак.

В ответ на эту речь старый Кнейф протер глаза и уставился на сыщика. Испуг его был сильнее, чем осторожность. Он вскрикнул:

— Парень, да вы... Да никак вы... Эй, дружок, сходите к береговому фельдшеру! Право, если б мне дали хороший молодой лопух и я приставил бы его к вашему лицу, он не показался бы мне зеленей, чем вы!

Глава двадцать пятая

АР СТ ДАМЫ **Е** ИЗ ПОМ **Е** РАНИИ

Духота и жара, установившиеся над Зузелем, имели одно радикальное следствие: убийца Франциска Вейнтропфена, до сих пор искусственно подмораживаемый не хуже, чем в ледяном кругу Дантова ада, согрелся и провонял. Барометрическое давление было слишком для него сильно.

Было объявлено поэтому, что морг закрывается в двенадцать часов дня, после чего неопознанный труп убийцы предадут земле. Незачем писать, что вся уважающая себя зузельская публика, аккуратно посещавшая похороны, пожары, судебные процессы и железнодорожные провода, с корзинкой

провизии и бутылкой кипяченого молока, что вся эта часть Зузеля ринулась в морг целой лавиной.

Провонявший убийца с пятнами разложения на щеках был по-прежнему вознесен на столе. Десять отборных инвалидов, из отравленных газами, стояли вокруг его ложа. Почетная публика расположилась по чину и званию, здороваясь друг с дружкой и обмениваясь впечатлениями дня. Полицейский агент зевал в углу безо всякой надежды на профессиональную работу.

Как вдруг в залу ворвалась никому не известная пожилая дама с синей вуалью на лице и допотопным лорнетом в руках и тотчас же начала работать локтями, точь-в-точь как рыбы жабрами. Она двигала ими до тех пор, покуда негодующая толпа не приняла ее в свои недра, сопровождая этот невольный акт внедрения примечаниями вроде «старой нахалки», «африканского верблюда» и «воровской отмычки».

Пожилая дама принимала это без всякой обидчивости и продолжала работать жабрами, покуда не очутилась у самого ложа убийцы.

Но тут лицо ее странно перекошилось под вуалькой, лорнетка повалилась вниз, руки судорожно вцепились в мертвеца, а из горла ее вырвался вопль до такой степени странный, что ни один профессор рефлексологии не мог бы определить его корни.

Это был вопль торжества. И вместе с тем это был вопль отчаяния. Вслед за ним дама резко, отчетливо, победоносно расхохоталась. И тотчас же испустила рыдание, преисполненное дикой скорби. Когда же голосовые средства ее были исчерпаны, она перекувырнулась на пол и заколотила ногами в воздухе, точь-в-точь как автомобиль с перевернутыми колесами.

Публика давно уже шарахнулась от нее в сторону. Жандармы и инвалиды окружили ее тесным кольцом. Запыхавшийся Дубиндус шептал на ухо полицейскому агенту вне себя от гордости:

— Да, да, коллега! Это убийца! Переоделся женщиной. Ловлю его от самой Померании. Ухлопал уйму собственных средств! Арестуйте его! Я подам по начальству подробнейший рапорт!

— Сударыня, вы опознали убийцу? — спросил агент, энергично тряся кричащую женщину. — Я обязан допросить вас!

— Нет, нет, я не узнала его, — вопила старуха резким голо-

сом,— о боже, тысяча марок! Дайте мне капель, я жертва иронии судьбы, жертва, жертва!

Ничего, кроме этих слов, сменяемых пароксизмами горя и торжества, от нее нельзя было добиться. Тогда жандармы подхватили ее под мышки и энергично вытащили на улицу, где уже поджидала полицейская карета. Зрелище это, действовавшее на каждого арестованного, как холодная вода, по-видимому, понравилось переодетому преступнику. По крайней мере вопли его утихли, и он самым деловым тоном осведомился, где его извозчик.

— Тут,— угрюмо откликнулся извозчик, подъезжая к дверям.

— Возьмите с него мои вещи и переложите в карету!— приказал преступник, сверкая глазами.— Я арестована. Арестованные ни за что не платят. Арестованные, как и пьяные, доставляются в полицейские участки без уплаты за провоз.

Это была суцая правда, и извозчик с проклятием швырнул вещи наземь.

— Коли хотите знать, старая виселица с перекладной вместо рта,— произнес он злобно,— коли хотите знать, что мне обидно, так это я вам скажу без утайки: мне обидно, что приходится жалеть о вашем аресте!

С этими горькими словами он отъехал в сторону. Преступника усадили в карету вместе с двумя жандармами и медленно тронулись в путь, окруженные огромной толпой.

— Талантлив, собака, ах, как талантлив!— шептал Дурке Дубиндусу, пока они шествовали вслед карете.— Выдержка, тренировка, актерский пошиб. Теперь вы понимаете, херр Дубиндус, почему вашего кошелька еле хватило на всю операцию? Удивительно, право, как он не заставил нас положить в дело три таких кошелька!

Глава двадцать шестая

ОБЫСК В ТЮРЬМЕ

Доставленный в тюрьму преступник уселся на своих вещах с клеймом «Померания», охватил колени руками и стал качаться из стороны в сторону с переменным выра-

жением высшего триумфа и самой черной скорби. Так именно застали его тюремный надзиратель, агент и дюжая баба в чепце, пришедшие в камеру.

— Сперва обыщите вещи и сдайте их сторожу, — проворчал агент, садясь на табуретку, — потом сорвите с него парик. Ты, Анна, помоги спутать эти самые дамские бахромки, черт бы их побрал. Ну и мужчина! Да я бы не напялил на себя женскую канитель даже для того, чтоб пробраться ночью в католический монастырь.

Пока он давал волю своему красноречию, заменявшему ему менее дешевое удовольствие курения, надзиратель и Анна приступили к обыску. В розовом портпледе оказались подушка, одеяло, ночная кофта и клизма. В чемодане — белье, фуфайка, набрюшник и еще одна клизма. Агент недоверчиво покачал головой на это в высшей степени подозрительное обстоятельство.

— Сорвите с него парик! — проворчал он сердито.

Надзиратель и Анна подступили к качающейся даме. Анна крепко схватила ее за шляпку и сорвала шляпку. Потом, не слушая криков преступника, она еще крепче вцепилась в седую прическу, рванула ее и ничего не сорвала. Седые космы

рассыпались во все стороны вокруг старческой головы — это были настоящие волосы.

— Гм! — протянул агент.

— Звери! — подбоченилась Анна, — с чего это вы заставляете меня рвать бабушку за волосы? У меня у самой бабка есть. Подите вы к шуту!

Между тем бабушка, мало вникая в то, что с ней происходит, простоволосая, растрепанная, охрипшая от крика, снова забегала по камере, ломая руки и бормоча:

— Тысяча марок, о-о-о! Тысяча золотых марок! Насмешка... Нестерпимая насмешка! Пусть мне дадут капли. Пусть дадут мне сюда доброго, хорошего пастора! Я должна понять свое положение!

Полицейский агент, выйдя к Дубиндусу, дожидавшемуся вместе с Дурке в приемной, насмешливо пожал плечами:

— Боюсь я, коллега, что вы могли бы потратить свои деньги на доставку чего-нибудь почище этой дамочки. Она такой же мужчина, как мы с вами женщины. Грим с нее не смоешь даже серной кислотой. Это обыкновенная старуха лет за шестьдесят.

Дубиндус разинул рот и повернулся к Дурке. Но тот подмигивал, дергался, делал так и этак носом и глазами до тех пор, покуда Дубиндус не увидел стоящего в дверях нового посетителя тюрьмы.

Очкастое, небольшое существо в широкой одежде, похожей на дамское кимоно, вошло в комнату. На голове его тюбетейка, щека повязана пунцовым платком, подбородок заклеен английским пластырем, черные стекла очков покрывают глаза. Руки в черных шелковых перчатках протянулись к полицейскому агенту с повелительным жестом. Черные стекла очков взглянули на Дубиндуса и Дурке уничтожающе.

— Карл Крамер! — вырвалось у Дубиндуса.

Это был следователь Карл Крамер, вслед за ним вошел и его новый секретарь, идеально одетый, вылощенный, выхоленный, вытянутый молодой человек.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! — рассыпался он медовым тоном. — Мы только что узнали о произведенном аресте над трупом убийцы моего несчастного предшественника. Херр Крамер крайне доволен этим обстоятельством. Он берет на себя следствие. Вот распоряжение, по которому ни одна живая душа, кроме него самого, не должна допускаться к задержанному.

— Старуха просит к себе пастора,— протянул полицейский агент, не очень-то довольный отнятием у него следствия.— Это самая паршивая старуха третьего сорта, если кому угодно знать мое мнение.

Секретарь медово улыбнулся.

— У херра Крамера, любезный господин агент, мнение как раз обратное. Херр Крамер считает, что мы имеем перед собой величайшего преступника. Он боится больше всего самоубийства со стороны задержанного. Надо лишить его всякой возможности покончить с собой. Что касается херра Дубиндуса, доставившего преступника в Зузель, то херр Крамер (здесь секретарь очаровательно повернулся на каблуках в сторону Дубиндуса и Дурке), то херр Крамер немедленно представит его к награде и полному восстановлению в правах.

С этими словами секретарь положил на стол официальную бумажку, подхватил своего безголового патрона под руку и с большой предупредительностью вывел его из тюрьмы.

Агент, Дубиндус и Дурке посмотрели друг на друга, как три собаки, которым брошена одна-единственная кость.

«Я буду восстановлен в правах и получу награду!» — пронеслось в голове Дубиндуса.

«Он будет восстановлен и награжден за то, что я сделал в поте лица!» — подумал Дурке.

«Его восстановят, а меня, значит, побоку!» — сделал выводы новый полицейский агент.

Вполне понятно поэтому, что все трое вышли из тюрьмы гуськом, а выйдя, тотчас же разошлись в разные стороны, чтоб не видеть друг друга вплоть до той удобной, счастливой и, по всей вероятности, загробной минуты, когда можно будет встретиться в полное свое удовольствие — с дубинкой, плеткой, палкой и чем-нибудь в этом роде. К чести Дубиндуса надо, впрочем, сознаться, что мысли и надежды эти принадлежали только двум его коллегам, что же касается его самого, то он предпочел бы не встречаться с ними ни в этом, ни в том мире.

Начальник тюрьмы между тем прочитал официальную бумагу и дал немедленное распоряжение:

— Пойманную преступницу, отказывающуюся себя называть, поместить в изоляционную камеру. Отнять от нее все, что могло бы повести к самоубийству. Давать ей пить только дистиллированную воду в кружке, которая будет прислана в тюрьму самим следователем. Не пускать к ней никого, в том числе пастора и дежурных сторожей, даже если б она звала их во весь голос.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ
ПИСЬМО
ГЭС

Ду-рацкое положение!

Если б я еще могла рассказать о нем кому-нибудь или в крайнем случае сорвать злобу. Но мисс Клэр Вессон, моя за-кадычная подруга, провалилась сквозь землю после процесса ее отца, а мой собственный отец, сенатор Нотэбит, страшно боится, как бы Вестингауз не сделал из меня передаточного векселя с доставкой обратно. Это удивительно, как мужчины любят сбывать женщин под видом любви к ним. Папа положительно сбывл меня банкиру Вестингаузу, воспользовавшись первой же рассеянной минутой в моей жизни. Банкир Вестингауз сбывл меня виконту Монморанси, а тот мысленно сбывает меня ежесекундно своему лакею Полю. Неужели это зависит от капитализма и есть вредное влияние денежного хозяйства?

Итак, мне не с кем переписываться. На столе сидит кот.

Кот! Я буду писать тебе письма. Ты должен понять, что иметь мужа, иметь вдобавок единственного, первого и последнего (ибо я начинаю думать, что в условиях денежного хозяйства женщина не больше, чем передаточный вексель), иметь первого и последнего, говорю я тебе, мужа и не знать, как его зовут, где он живет, кто он такой, помнит ли он тебя, встречу ли я его когда-нибудь в жизни, — это ужасно. Кот, ты должен вникнуть до самого хвоста в безвыходность моего положения.

Экономические книги пишут, что надо полагаться на разум и анализировать явления. До сих пор я никогда не анализировала, разве что у портнихи, но с сегодняшнего дня я начинаю. Посмотрим, из чего состоит данное явление (то есть мой муж).

Что мне известно о моем муже

1. Я люблю его.
2. Я его люблю.
3. Я люблю, люблю его.
4. Я его люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.

Что мне неизвестно о нем

1. Любит ли он меня?
2. Знает ли он о том, что он мой муж?
3. Подозревает ли он о моей любви?
4. Как его зовут?
5. Кто он такой?
6. Существует ли он вообще?

Подведем итоги. Мне известны четыре пункта и неизвестны шесть. Если б ты, Кот, учил арифметику в Бостонском пансионе для молодых девиц, где я покончила с наградой со всеми науками, кроме экономических, то ты сразу же сообразил бы, что анализ не в мою пользу. Но ты забываешь, что, кроме арифметики, есть математика. Я беру карандаш и прибавляю к первому столбцу:

5. Я его все-таки люблю
6. Я буду любить его, несмотря
ни на что.
7. Я буду его любить, хотя бы
весь мир (и капитализм в том
числе) стал на задние ноги
и пошел на меня войной.

Теперь у меня семь пунктов против шести, и всякая экономика скажет тебе, что с этим можно начать дело.

Я принадлежу к эксплуататорскому классу. Мой муж, по всей вероятности, — к рабочему классу. Я его эксплуатирую. Он меня ненавидит. Это понятно, как дважды два. Но вопрос: можно ли выйти из класса, если в нем нет ни окон, ни дверей? Я положительно не хочу оставаться в классе, который он ненавидит. Откуда же мне прикажете выйти?

Кот стал вытягивать лапы и зевать. Ему-то хорошо, когда он лазает по крышам и трубам и даже по моему туалетному столу. Если вы думаете, Кот, что крем Коти принадлежит вам по закону созвучности, то этим вы только испортите себе навеки желудок. Я не могу позволить вам кушать всякую помаду, предназначенную для наружного употребления. Кот! Кот! Научите меня выйти из класса!

На этом месте я ставлю точку.

Сегодня я лицом к лицу столкнулась с моим мужем, — и он был в куртке и кепке, надвинутой на затылок. Он поглядел на меня своими серыми, прищуренными, ненавидящими, сверкающими, милыми глазами, он оттолкнул меня и закричал, что я «женщина чужого класса», обманщица, враг и что он не верит мне ни на полушку, а я расплакалась и убежала, так и не узнав ничего насчет выхода из класса. Значит, он в Зузеле. Он меня ненавидит. Он кричит на меня теми самыми губами, которые... О Кот, если б ты знал, какие у него бедные, милые, трогательные, просящие, детские губы и какой он тихий, когда он в лихорадке. Я вовсе не хочу, чтоб у него всю жизнь была лихорадка, но я добьюсь, чтоб он меня полюбил, хо-

тя бы для этого мне пришлось поджечь свой собственный класс.

Остаюсь, Кот, при твердой решимости продолжать борьбу и больше не пускаться в слезы, потому что это глупо.

*Грэг,
не знаю, чья по фамилии.*

Глава двадцать восьмая

СЕНСАЦИОННЫЙ МИНИСТЕРСТВО ШПЕРЛИНГА

Большой особняк министра Шперлинга, одолженный ему в пожизненное пользование его другом, фабрикантом рыболовных удочек, освещен ярким светом. К особняку министра то и дело подлетают экипажи. Из экипажей выходят гости. Министр дает торжественный вечер, на который приглашены только избранные. Чтоб не проник никто из посторонних, вокруг дома стоит целая группа сыщиков, в вестибюле сторожит наряд полиции и постовые жандармы всего района удвоены в числе. Министр Шперлинг должен продемонстрировать у себя новейшее химическое открытие, только что сделанное знаменитым химиком Гнейсом и доставившее в руки франко-германской лиги универсальное средство борьбы.

Гости поднимаются по лестнице и переходят в залу. Все партии сегодня в мире: крупнейший аграрий, барон фон Чечевица, известный тем, что поддерживал социалистических депутатов картофелем в голодные годы, находится тут рядом с фабрикантом клея Лурзе. Непримирымый генерал Дюрк беседует с представителем Общества пацифистов. Французский посол ухаживает за немецкой актрисой, а принц Гогенлоэ — за женой французского посла. Банкир Вестингауз шепчется с другом министра Шперлинга, фабрикантом рыболовных удочек, пока его жена, блестяще одетая, побеждает сердца двух химиков и заведующего государственной обороной.

— Мы, сударыня, выведены из терпения! Вопрос о ликвидации преступного Советского Союза — это вопрос двух-трех месяцев! — ораторствовал заведующий обороной.

— Но разве они нас трогают?

Заведующий обороной кашлянул; на него смотрело два прелестных серых глаза.

— У них... гм... грандиозные завоевательные планы. Я дам вам почитать кое-какие издания пацифистского общества. И потом, сударыня, приблизьте ко мне ваше ушко... Между нами говоря, не особенно важно, имеют ли они эти планы или нет. Важно то, что Европа больше не может выносить их в своей среде без вреда для всей цивилизации.

— Значит, это борьба двух классов?

— Если угодно, да.

— Но... я бы хотела знать, можно ли переходить из одного класса в другой?

Заведующий обороной расхохотался от всей души. Она была положительно прелестна.

— Переходить из класса в класс! Вон там стоит херр Андреас Фицкус, фабрикант рыболовных удочек, — он разговаривает с вашим мужем. От него вы можете получить справку, как члены рабочего класса работают на нашу мельницу...

— А мы? — робко настаивала Грэс. — Я хочу знать, можем ли мы работать на их мельницу?

— Не бойтесь, моя дорогая! — рыцарски воскликнул заведующий, найдя своевременным поцеловать ей ручку и перевести стрелку сразу на пять минут, как делают грубые уличные часы с простым механизмом. — Мы никому не позволим работать на их мельницу, даже если найдутся дураки, которые этого захотят.

Вокруг загремели стульями. Гости двинулись в кабинет министра, откуда уже доносились взволнованные голоса. Два молодых химика вынырнули перед Грэс:

— Сударыня, сейчас будут происходить опыты... Если позволите!

Грэс порхнула, просунув ручку в предложенную ей руку. Они вошли вслед за другими в кабинет, где были расставлены ряды стульев, а за длинным столом расположился старичок в красной феске с лучистыми морщинами на маленьком, смешном личике и с такими нежными пальцами, точно он делал искусственные цветы, а не химические опыты.

— Доктор Рудольф Гнейс, знаменитый химик, — шепнул Грэс заведующий обороной. Он усадил ее в удобное кресло первого ряда, принес ей афишку, а сам не без грусти откланялся — место его было за председательским столом, рядом с министром, французским послом и генералом Дюрком.

Грэс заглянула в афишку. Там стояло:

**ХИМИЧЕСКОЕ ВКРАПЛИВАНИЕ ЭЛЕМЕНТА «Э»
В МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СИЛЫ**

1. Проба снаряда.
2. Проба бронированной поверхности.

ВЛИВАНИЕ ЭЛЕМЕНТА «Э» В ЯДОВИТЫЕ ГАЗЫ

1. Проба хлора.
2. Проба азотистых соединений.

— Милостивые государи и государыни,— начал министр Шперлинг, вставая с места и делая обворожительный поклон.— Позвольте мне, хотя я и не химик, если не считать годичного курса лекций, прослушанных мной у профессора Крейцнаха по совету моего дорогого друга Александра Фицкуса, только что получившего чин тайного советника,— поздравим его, господа! (Все встают, аплодисменты) — что, впрочем, совершенно вне всякой связи с его удивительным вниманием ко мне, как главе государства, выразившемся в предоставлении такому бедняку, как я...— о, господа, поблагодарим его! (Аплодисменты) — вот этого самого роскошного дворца... Но что именно хотел я сказать? Да, я не химик, что, впрочем, и не требуется от человека, держащего руль — сперва своей партии, потом своей партии и семейного очага, потом своей партии, семейного очага и государства! (Продолжительные аплодисменты.) Но... и здесь, господа, как и всюду, есть «но». Я пацифист, убежденный, глубочайший и неумолимый противник войн, как и вся моя партия. Я никогда не допущу, пока руль в моих руках, чтоб он... чтоб он забирал бы против течения!! (Браво. Бурные аплодисменты.) И если на нас идут несметные полчища предателей и разрушителей цивилизации, то мы не смеем дать себя уничтожить. Вот причина, по которой мы идем навстречу нашим недавним противникам (окации французскому послу), и вот причина, почему доктор Рудольф Гнейс по специальному моему указанию избрал поразительное средство!..

Министр Шперлинг махнул в воздухе ручкой с таким видом, как если б он прощал все грехи ближнего своего, и мягко упал в кресло.

ОПЫТЫ ДОКТОРА ГНЕЙСА

Доктор Рудольф Гнейс позвонил в колокольчик. Вошел дюжий парень с угрюмым выражением лица. Это был Зильке. Он держал в руках хрустальную чашу с густым красным сиропом и поставил ее перед химиком.

— В этой чаше новый элемент, обозначенный нами пока буквою Э,— произнес химик приятным тихим голосом.— Где он найден, хранится государством в тайне. Главное его свойство — это способность не открывать своего присутствия никаким признаком, доступным нашим средствам анализа. Это, можно сказать, элемент-невидимка. Если вы капнете одну его каплю в сплав, вы этим достигнете поразительных результатов. Но если враги ваши разложат тот же металл при помощи любых средств, они не смогут найти в нем присутствие этого чудодейственного элемента.

Доктор Гнейс отодвинул чашу, засучил рукава и снова позвонил в колокольчик. Зильке, вместе с высоким старым швейцаром в галунах и ливрее, внес большую доску из горного хрусталя и положил ее на подставку в глубине эстрады. Старый швейцар, тряся седыми бакенбардами и поблескивая серебряными очками, достал из ящика очаровательную маленькую пушку и поставил ее на доску. Потом он вынул полукруг стальной чешуйчатой брони и поставил его на большом расстоянии от пушки.

Гнейс указал на белый крест, отмечавший пушку, и желтый крест, отмечавший броню.

— Перед вами пушка с ядрами, сделанными при участии элемента Э. Бронированная поверхность, наоборот, из обыкновенной стали. Теперь будет выстрел... Взгляните!

Игрушечная пушка выстрелила рукой седовласого швейцара. От бронированной поверхности не осталось и дюйма. Казалось, она была пожрана страшной судорогой. Серо-пепельные завитки, на которые распался металл, вились и корчились в воздухе, как червячки, сочетаясь и распыляясь. Странное жужжание наполняло комнату.

— Вот каково действие одной капли нашего элемента! — сказал Гнейс бесстрастным голосом.— И если мы напоим

им все наши ядра, то на земле не устоит перед ними ни одна металлическая поверхность.

Грэг глядела в оба глаза, как очарованная. Она запаслась кусочком бумаги и карандашом и старательно записывала все, что слышит. Швейцар тем временем убрал пушку и смел хрустальной палочкой трепетавшие остатки сине-серого пепла. Потом достал новую пушку и новый бронированный полукруг. На этот раз на пушке был желтый крест, а на броне белый.

— Взгляните на обратную комбинацию!— заговорил доктор.— Здесь пушка и ядра обыкновенные, броня же с вкраплением элемента Э. Представим себе, что враг обстреливает наш броненосец. Взгляните!

Снова выстрел. На этот раз ядро, как горошина, отскочив от брони, упало на доску и подверглось странной деформации. Оно распалось на сотни пепельных ниточек, корчившихся и содрогавшихся в воздухе, осыпаясь серо-синим пеплом.

— Превосходно!— на всю залу произнес генерал Дюрк.— Доктор Гнейс, мы озолотим вас. Знаете ли вы, что дадите вы нам в руки?!

— Еще не все!— улыбнулся химик.— Минута терпенья. Прошу публику отодвинуться подальше. Зильке, раздай маски.

Зильке пошел в публику с ворохом противогазных масок. Швейцар внес на эстраду стеклянную кабину на колесиках вышиной в человеческий рост. В ней сидела маленькая грустная обезьяна, обнявшая себя своим собственным хвостом. При виде публики в масках она заморгала и оскалилась.

— В этой кабине воздуха на час. Она закупорена. Я подвергну обезьяну сперва действию обыкновенных сортов ядовитого газа и попрошу моих молодых коллег приводить ее в себя соответствующими противогазами. Потом я соединю те же самые газы с частицей элемента Э, приведенной в газообразное состояние, и попрошу моих коллег спасти обезьяну.

Из залы на эстраду поднялись два химика и присели возле старого Гнейса. Тот улыбнулся обезьяне грустной улыбкой, взял шприц и сквозь герметическую закупорку впустил в стеклянную кабину струю ядовитого газа. Обезьяна посмотрела вокруг, припала, потом сунула голову между колен и дрогнула хвостом. Через секунду она вскочила и забегала. Еще через секунду язык выпал у нее изо рта, и слезы посыпались по ее личику. Она чихала, плевалась, плакала. Она исхо-

дила слюнями. Она терла обеими лапами по лицу, кувыркалась, подпрыгивала, пока не забилась в угол и не оцепенела.

Тотчас же швейцар приподнял герметическую закупорку. Молодой химик, хлопотавший со шприцем, поднял его вверх: Антигаз! Шприц ввели в отверстие, — обезьяна медленно ожила. Тусклые, заплаканные глаза ее поднялись. Она встала во весь рост и припихивалась к идущей сверху струйке.

— Я не знаю, стоит ли пробовать другие соединения, как написано в афишке, — решительно произнес доктор Гнейс. — Ведь все равно демонстрация нашего элемента может быть произведена только в единственном числе! Молодые мои коллеги скажут вам, господа, что на земле до сих пор все было относительно. Когда изобрели порох, думали, что пришла смерть человечеству, однако же, можно сказать, только пороку мы обязаны тем, что у нас есть хирургия, эта единственно могучая отрасль в медицине. Сейчас вы думаете, что мы стоим перед уничтожением человечества, раз изобретено такое средство убийства, как ядовитый газ. Но нет и не может быть ни одного ядовитого газа, у которого не было бы своего антипода — противогаса! В поисках защиты человечество поднимет химию на небывалую высоту, и кто знает? Может быть, наступит минута, когда окуриванием и газовыми ваннами мы будем лечить не только отравленных, но и тысячи болезней, считающихся неисцелимыми. Не пугайтесь поэтому ничего, идущего от человека! Он носит в себе двойную природу. Он — диалектик... И, создавая минус, он тотчас же покрывает его плюсом!

Помолчав и взглянув на уже оправившуюся обезьяну, отдышавшую в углу клетки, Гнейс закончил:

— Безнадежней обстоит дело в нашем случае. Этот элемент опрокидывает доступное человеческому опыту поле сознания, — кто знает на какой промежуток времени? Взгляните, господа, — в этой трубке из горного хрусталя собраны атомы нашего элемента, приведенного в газообразное состояние, и я вкапаю их в тот же самый газ, действие которого вы только что наблюдали. Зильке, приготовь обезьяну!

Зильке бросил обезьяне какую-то игрушку, она поднесла ее к носу, и в ту же секунду Гнейс впустил шприц с новой струей. Зала вскрикнула в ужасе. Несчастная обезьяна лопнула с внезапным треском, как если б она была пузырем. Складки ее кожи не хотели успокоиться и ходили по клетке, вздымаясь. Внутренности, шипя, лезли вверх. Не прошло и минуты, как все обратилось в пепел.

— Ну, господа, ваши противогазы,— спокойно обратился доктор к химикам.

Те стояли безмолвно.

— Еще последний опыт! Я попрошу вас, коллеги, открыть присутствие нашего элемента в этом газе, свойства которого вами изучены. Вот еще немного здесь, в шприце.— Он протянул им шприц. Едва дотрагиваясь до него, химики, с помертвелыми лицами, занялись своим страшным исследованием. Зажжены лампочки. Горит синее пламя. Трубки передают разложившиеся струйки в хрустальные реторты. Одна за другой проверяются жидкости — ничего, нигде! Присутствие элемента уничтожено разложением. Оно невидимо. Его нельзя поймать ни за какой хвост.

— Удивительно! — произнесли оба химика, взглянув друг на друга. — Поистине, мы стоим перед новой эрой. Надо реорганизовать всю экспериментальную химию!

Глава тридцатая

УЖИН В КРГЛОЙ КОМНАТЕ

Грэс, закрывшая глаза, чтобы не видеть кабины с несчастной обезьяной, снова открыла их, когда застучали стулья. Никто ничего не говорил. Гости встали с места и пошли к эстраде. Два человека стояли возле нее и смотрели на химика с весьма странными лицами. Это были генерал Дюрк и французский посол.

— Нельзя за-бы-вать,— сквозь зубы пробормотал посол,— что Катарские рудники, где найден элемент, оборудованы на французские средства, подняты французским капиталом и принадлежат французам!

— Но нельзя по-за-быть,— лобезно ответил Дюрк,— что открытие элемента, его разработка и тайна его свойств принадлежат немецкому химику и, следовательно, немецкому государству!

— А еще менее можно забыть, друзья мои,— сладко протянул банкир Вестингауз, вынырнувший из-за их спин,— что концессия уже передана американскому подданному, мосье Надувальяну, в высшей степени надежному представителю капита-

ла. И если мы станем нервничать, то... Америка захочет сказать свое собственное слово.

По-видимому, «слово» Америки в ряду других ее собственности, в том числе и векселей, совершенно не улыбалось ни Дюрку, ни послу. Они мягко раскланялись и разошлись в разные стороны.

Безмолвная толпа гостей начала мало-помалу оживать. Кое-кто отважился полезть на эстраду, откуда была уже убрана кабина и где Зильке со старым швейцаром уничтожал следы опытов.

— Ишь, галька, — пренебрежительно шептал Зильке, — поглядывая на толпу, — самый некудышный камень! Наметет его видимо-невидимо, сверху гладкий, под ногами падкий, а что есть его природа? Гольши, гольши и есть, только что облизанный.

— Не можете ли вы мне дать на память кусочек этого минерала? — приставала барышня в палевом платье, глядя Зильке в рот. — У меня коллекция минералов, я отблагодарю вас.

— Могу, могу, — утрюмо ответил Зильке, — только отойдите в сторону, а не то можете лопнуть, барышня, прямо в публику. Нехорошо, знаете!

Барышня, вскрикнув, попятилась на руки толстой фрау Шперлинг, жены министра. Фрау Шперлинг находилась в гнетущем состоянии — ей надо было удалить лишнюю часть гостей заблаговременно до ужина — и приняла барышню прямехонько, как божий перст.

— До свидания, ангелочек, — простонала она на всю залу, прижимая к себе палевую особу с такой силой, что та не сме-ла и пикнуть. — Очень и очень жаль! Не смею, однако, задерживать... Гости расходятся.

Громовой голос фрау Шперлинг облетел все углы, и гости со вздохом начали расходиться. Спустя десять минут не осталось никого, кроме Дюрка, принца Гогенлоэ, начальника государственной обороны, виконта, Вестингауза с женой и химиков. Министр широким жестом пригласил их в столовую, где приятно благоухали продукты аграрных владений фон Чечевицы, изготовленные собственными демократическим руками жены министра, умевшей из каждого фунта сделать полтора.

— Пожалуйста, пожалуйста, господа...

— Но где же Грэс? — Банкир Вестингауз беспокойно оглянулся по сторонам. Крысиные глазки его нигде не видели Грэс. Он шмыгнул туда и сюда, начиная свирепеть, как вдруг между двумя шкафами узкого коридора увидел свою жену.

Она была бледна и дрожала как в лихорадке. Она положительно намеревалась упасть на грудь заведующему обороной, рыцарски подскочившему к ней, опередив банкира. Невдалеке от нее старый швейцар с галунами подметал осколки какой-то посуды.

— Что это значит, крошка? — прошипел банкир.

— Я нечаянно разбила какую-то банку и испугалась, — матовым голосом ответила Грэс. — Пойдемте ужинать!

Она подхватила под руку заведующего и невзначай метнула взгляд на старого швейцара, тоже поднявшего голову. Две пары глаз встретились и скрестились.

Вестингауз удовлетворился объяснением и поспешил вперед. Но заведующий обороной был человеком деловым:

— Сударыня, скажите мне, что случилось?

Грэс поглядела на него сквозь ресницы:

— На вашем месте... — шепнула она, — я была бы очень осторожна. Я... я... видела сейчас, как лакей министра подслушивал у дверей. Не лучше ли отпустить всю прислугу? Нам могли бы прислуживать эти два старых глупца, приведенных доктором Гнейсом. Право, это было бы благоразумней!

— Вы прелесть, — восхищенно воскликнул заведующий. — Ах, американские женщины!.. Но пройдите в столовую, я сейчас же переговорю с министром.

Спустя минуту он усаживался возле нее и затыкал за воротник салфетку. Все было улажено! Министр не имел оснований доверять своему лакею, тем более что у него никогда не было своего лакея: два унылых молодца, приглашенных с этой целью на один вечер, были безработными вегетарианцами и посетителями воскресной школы. Итак, вместо них и к большой выгоде для кошелька фрау Шперлинг и к большой выгоде для союза «Месс-менд» (совершенно разрушая правило, по которому то, что выгодно для капиталистов, не может быть выгодным для рабочего класса) — вместо них в столовую вошли Зильке и старый швейцар. Один нес блюдо с бараниной, другой корзину с винными бутылками. Один начал свой обход, подойдя, по указанию жены министра, к фрау Вестингауз, и другой должен был подойти к фрау Вестингауз, спустившей с плеча свой мех и кокетливо придвинувшейся к заведующему обороной. Плечо было, правда, худенькое, как у девочки, но это не мешало ему быть лилейно-белым и нежнейшим по очертанию. Не успел старый швейцар наклониться над ним с бутылкой шампанского, как Грэс резко повернулась

и толкнула его. Секунда — и золотая пена залила ей плечо к величайшему негодованию заведующего обороной.

— Ничего, ничего, мой друг! — милостиво улыбнулась Грэс. — Помогите мне вытереться!

Салфетка в руках швейцара поистине напоминала скребницу. Он принялся скоблить ею детское плечико с такой злобой, как если б перед ним был лошадиный круп. Но Грэс и не пикнула. Она только вскинула на швейцара кроткие глазки. Он скорчил самую свирепую гримасу; его седые бакенбарды грозили ежесекундно оторваться от щек, очки упасть вниз, галуны отпоротся, грим отойти, а сам Лори Лэн — ибо это был он — броситься отсюда ко всем чертям. Но лукавый голос привел его в себя:

— Не трите мне так плечо, а то я не услышу важных вещей!

Нельзя было не признать, что в замечании был толк. Он двинулся дальше, держа бутылку не хуже, чем охотничье ружье, и старательно наострил уши.

— Преимущество?... — говорил Дюрк, отправляя в рот кусок ветчины. — Наша граница приведена в порядок. Тем самым создается большое преимущество!

— Но позвольте, дорогой Дюрк!..

— Нет, позвольте, дорогой Шперлинг!..

— Но войдем же, дорогой Дюрк...

— Мы войдем, дорогой Шперлинг. Вы всегда можете проголосовать против. Вы будете исторической фигурой. Вы один проголосуете против!

— Но как вы на это посмотрите, любезный Дюрк?

— О, с удовольствием, — рассеянно ответил Дюрк, накладывая себе баранину. — Нет ничего приятней, знаете ли, как иметь свою оппозицию... Белого вина, пожалуйста. Потому что своя оппозиция, видите ли, это все равно, что запросы своей совести. Нельзя быть человеком без совести! Я стою за то, чтоб мы имели свою оппозицию. Я не бурбон.

— Благородный человек! — воскликнул Шперлинг, хватая его за руку. — Благородный, непонятый человек! Еще одна историческая ошибка... В моем дневнике, дорогой Генерал...

Швейцар с галунами двинулся дальше. Он наливал принцу Гогенлоэ.

— М-м, — мычал принц, поглощая омара и нагибаясь к вконту, — никаких отсрочек! Это средство делает нас хозяевами вселенной. Мы скрутим их. Они будут навозом, удобрением, жвачкой, домашней собачкой, машиной. К черту социальные

проблемы! Через три месяца никаких социальных проблем, Советский Союз сожжен, рабочие у наших ног, и... — вот когда я приведу свой проект в исполнение: всех безработных на тот свет.

— Браво! — ответил виконт, умоляюще поглядывая на вилку. Он был убежден, что, если б она захотела, она могла бы сама подносить ему в рот маленькие кусочки сардины, удобной тем, что ее не нужно разжевывать.

За бараниной последовала хорошая немецкая рыба, нафаршированная решительно всем, что оставалось у министра со стола в течение недели.

Швейцар с галунами вошел в роль. Он обносил гостей слишком часто, по мнению фрау Шперлинг, но зато к концу ужина он знал отличные вещи:

Во-первых, соединенные государства должны сделать запрос Советской России по поводу убийства Растильяка.

Во-вторых, вслед за запросом они должны закричать, что на них нападают.

В-третьих, они должны обороняться, с каковою целью соединенные армии двинутся на Союз.

В-четвертых, Закавказье объявит о своих национальных чувствах, перережет всех комиссаров и двинется, в свою очередь, на Союз.

И — что самое главное во всей этой истории, по мнению заведующего обороной, молчавшего почти весь вечер, глядя на плечико Грэс, — самое главное, самое главное:

англичанину
будет

...

Глава тридцать первая

НОС АНГЛИЧАНИНА, ИЛИ ХЛОПОТЫ ЛОРДА ЧИРЕЯ

Лорд Чирей, английский посол, проснулся в скверном настроении и тотчас же чихнул.

Чихание у лорда Чирея было плохим признаком. Оно предвещало тревожный день. И точно. Спустя десять минут, когда лорд Чирей стоял под душем, к нему явился секретарь с омраченным лицом.

— Сэр, прошу прощения. Ужасные новости!

Лорд вышел из-под душа и облачился в халат.

— Скверные новости!

Лорд отдался в руки своего парикмахера.

— Интриги держав. Извольте сами послушать! — Секретарь поднял портьеру, ввел в комнату двух унылых молодых людей и сделал им поощрительный жест.

Молодые люди были безработные, вегетарианцы и слушатели воскресной школы. Они одновременно раскрыли рты и уныло загудели:

«Их пригласил министр Шперлинг в качестве мажордомов. По уговору они должны были прослужить весь вечер, получить по две марки и ужин. Вместо этого их выставили до ужина и дали им по марке, да и то не деньгами, а чечевицей».

— Какое мне дело, — поднял брови лорд Чирей, — какое мне дело, Джон, что эти молодые люди получили чечевицу от министра, тем более что сам министр получает чечевицу от клерикалов, аграриев и консерваторов?

— Сэр, слушайте дальше! — загадочно ответил секретарь.

— Нам это показалось обидным! — снова загудели вегетарианцы. — Мы сказали друг другу, что это несправедливо! Почему, сказали мы, министр позвал на вечер французов и не позвал англичан? Почему французы видели — какой такой новый металл открылся у немцев, а англичане не видели? Мы обиделись, сэр, и мы пришли к вам. Вот, сэр, чистосердечная исповедь.

— Гм... Что за металл?

— Стреляет, сэр, насквозь. Живая обезьяна лопается, как пузырь. Мы слышали, будто металл открыли у русских, где-то в Зангезурии...

— Джон! Принесите справочник!

Секретарь подал лорду справочник. Лорд раскрыл его тонким желтым пальцем и прочел про себя:

З а н г е з у р. Катарские рудники. Бывший владелец виконт Луи де Монморанси. Концессия передана четвертого июля сего года американскому подданному мистеру Надувальяну, армянину. Медь хорошего качества. Импорт. 30% чистой прибыли на акцию.

— Джон, я слышал об этой концессии от лорда Хардстона, дня за три до его смерти. Дайте молодым людям по шиллингу и прикажите их накормить! Автомобиль!

С этими словами лорд Чирей попудрился, скинул халат и через несколько минут был в блестящем посольском наряде. Взяв цилиндр и перчатки, он заткнул в глаз монокль, сел в автомобиль и приказал везти себя на Тюрк-Платц, в Советское Торговое представительство.

В Кабинете Торгового представительства, как всегда, тишина. Жалюзи притворены. Пол затянут ковром. За столом сидит мягкий человек в пенсне и читает деловые бумаги. Но вот против него на дверях вспыхнула фиолетовая лампочка, невидимая клавиатура светового «Ундервуда» приведена в движение, и одно за другим загораются слова:

**АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ К ГЛАВНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ
ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА ПРОСИТЕЛЬНОЕ**

Через секунду фиолетовые слова стерты. Агент кивнул секретарю.

— Я занят с французским депутатом. Заставь его ждать (взгляд на часы) тринадцать минут.

Секретарь кивнул головой и вышел из кабинета, прикрыв дверь. Тринадцать минут для английского посла — это все равно, что чаша знаменитого райского напитка, уготованная добрым пролетариям и называемая терпением. Английский посол прихлебывал от нее по глотку, резко шагая взад и вперед. Породистые баки его трепетали. Когда на доньшке осталось всего несколько капель, дверь мягко открылась, и в вестибюль вышел главный агент, ласково приветствуя посла.

— Э-гм! — начал посол, усаживаясь в кресло и сбрасывая монокль: — Очень жалею, что вы не приняли меня вне очереди. Выгодное предложение. Что вы скажете, любезный сэръ, о больших уступках с нашей стороны?

— Я скажу, что это будет благоразумно, — ласково ответил агент.

— Но вы понимаете — кое-что нужно для этого и нам! Ряд сделок второстепенного значения, между ними, — передача Зангезурской концессии...

Мягкий человек в пенсне поднял обе руки:

— Зангезурская концессия передана, дорогой сэръ.

— Но... она может быть переоформлена. Вы понимаете, с уплатой неустойки!

Мягкий человек грустно улыбнулся:

— Сэръ! Вы огорчаете меня... Международное право и основы европейской этики, сэръ, не должны быть колеблемы из этого кабинета.

— Но, между нами говоря...

— Сэр! Между нами не может быть говорено ничего, что не стало бы уделом гласности, в интересах международного правового порядка.

Лорд Чирей был положительно возмущен наивностью русского агента, не понимающего основ, подоснов, видов, субвидов и других разветвлений этики:

— Но, любезный сэр, вы могли бы быть лично заинтересованы...

— Сэр! — мягкий человек приподнялся со стула.

Лорд Чирей схватил свою треуголку и подбросил монокль в глаз. Пальцы его полезли в перчатку.

— Я до глубины души сожалею, — кротко произнес агент, когда прощальные жесты были уже проделаны, — но, может быть, сэр, вы повидаете самого концессионера, мистера Надувальяна, отель «Ливорно», Зальцгассе, 8?

— Как? Отель «Ливорно»?..

Агент терпеливо повторил адрес.

— Это было бы, — закончил он с обворожительной улыбкой, — правильной попыткой войти в дом через двери.

Лорд Чирей вышел, сжимая в руках книжку с адресом. Глаза его засветились надеждой.

Отель «Ливорно» — пышная гостиница над торговой частью Зузеля, с громадным количеством буфетных столиков, не пустующих ни днем ни ночью. Мосье Надувальян только что приступил к своему первому завтраку, состоящему из бараньей ноги и салата, мирно разделяемому его сожителями, полковником Мусаха-задэ и князем Нико Куркуреки, как торопливо подошедший хозяин шепнул ему:

— Синьор! К вам знатный гость в треуголке. Бросьте баранью ногу! Бегите к себе!

Надувальян пристально посмотрел на своих соседей, потом на баранью ногу, вздохнул и поднялся с места.

— Нико! — сказал он князю. — Поручаю тебе беречь мою баранину! А тебе, Мусаха-задэ, — беречь мой салат!

Установив таким образом систему экономического равновесия, он поднялся наверх, где его ждал английский посол.

— Мистер Надувальян, перепродайте мне вашу концессию! — решительно произнес посол, вынимая чековую книжку. — Ваши условия?

— Вот уж плохая погода, сударь, — задумчиво ответил Надувальян, — как плохая погода — у меня глухота на оба уха. Вы насчет чего?

— Катарская концессия? — заорал англичанин.
— Катары и компрессы. Гм, гм, до этого еще не дошло, сударь.

Английский посол выхватил карандаш и написал крупными буквами: «Перепродайте нам право на Катарскую концессию».

Надувальян потер обеими руками переносицу.

— Катарскую концессию? Это, сударь, замечательное дело. Медь — просто мармелад. Климат, местоположение, ручьи, скалы. Горячий ключ бьет прямо из недр. Помогает от чесотки. Баранина первый сорт. Ширванское вино в бурдюках. Вы ширванское вино пили? Надо пить ширванское вино.

Лорд кивнул головой в знак согласия. Он дрожал от нетерпения.

— Пилавы, сударь, — продолжал Надувальян, разгораясь, — нельзя есть без ширванского вина. Ба-а-льшой доход иметь буду. Роговые изделия в горах. Разведение свиней. Фабрика щеток. Хороший процент и никакая себестоимость, ходит в горах, траву кушает.

— Позвольте узнать ваши условия?

— Катарская концессия... — задумчиво протянул армянин, — очень хорошее дело. Но, извините, не могу. Не перепродаю.

Лорд подскочил на стуле:

— Я не поскуплюсь, — пробормотал он хриплым голосом.

— Зачем скупиться? И я бы не поскупился. Да говорю тебе, душа, не продаю.

Английский посол поднялся с места посеревший.

— У вас там открыт новый металл, — вырвалось у него в бешенстве, — вместо свиней вы бы лучше не дали выгнать его у себя из-под носа!

— Свиньи — большой процент и никакая себестоимость, — хладнокровно ответил армянин, — а насчет металла посмотрим. Ты приезжай в Зангезур к Надувальяну, поговорим. Зачем сейчас духом падать? Духом не падай. Может, ты и будешь первый покупатель. Концессию не продам, металл продавать буду. Кому фунт, кому два, а захочешь, так десять.

С этим сомнительным утешением английский посол, злой, как собака, уехал к себе домой. А Надувальян, ставший весьма задумчивым, вернулся в столовую, где Нико Куркуреки и Мусаха-задэ сидели над бараньей ногой и салатом, меряя друг друга сверкающими глазами и держась за кинжалы.

ШТАБ
МЕТАЛЛИСТОВ

Раздевальная машиностроительного завода Гурлянда полным-полна. Инвалиды помогают друг другу — кто снять шапчонку, кто поправить рукав, кто вычистить о циновку костыль. Они торопятся изо всех сил, чтоб не пропустить ни единой рабочей минуты. Инженеру, прошедшему к себе, подняв воротник и насупившись, решительно нечего делать: такого собачьего патриотизма, угодничества, строительства, залезания в рот он прямо-таки не выносит. Ему начинает даже казаться — о ужас! — что все это воспитывает в нем скрытую оппозицию. Поэтому инженер сидит у себя в кабинете, подписывая бумаги, пьет чай с монпансье и не заглядывает в мастерские ни разу в день — к великому огорчению старшего техника, ничуть не скрывающего своих чувств.

— Вам хорошо тут сидеть, — шепчет он на ухо инженеру с самыми безумными гримасами, — а мне каково! От них пахнет трупом! Они хуже, чем чума! Почему вы знаете, может, эти самые штуки тоже заразительны, и у меня пойдут по всему телу пятна!

— Молчите! — вырывается у инженера страдальчески. — Я... я нервничаю! Вы мешаете мне работать!

А старший техник, высказав еще несколько мрачных взглядов по поводу чумы, проказы, гангрены, столбняка, вампиризма и трупного пота, подхватывает свои бумажки и бежит в мастерские, оставив инженера в полуобмороке над выплунутым монпансье.

Вбежав в мастерские, он опасливо оглянулся, юркнул в жерло огромной неподвижной машины и крикнул:

— Менд-месс, ребята! Готово! Он скорей сунет нос себе под мышку, чем заглянет сюда... Торопитесь!

Инвалиды один за другим попрыгали в отверстие. Они проползли по узкому каналу, нащупали железные ступеньки вниз, юркнули в люк и через минуту очутились в длинном прямоугольном коридоре, обшитом металлическими листами. Здесь все было сделано из белесоватого сплава, похожего на алюминий. Стены, полы, потолки, круглый стол, стулья — легкие, белесоватые, эластичные, как посуда. Матово-серый блеск струится отовсюду — это штаб металлистов, устро-

енный так ловко, что ни один архитектор не мог бы его отыскать. Дядя Гнейс давно твердил, что не пройдет и столетия, как все города и жилища будут строиться из этого сплава, будут подниматься на руки, как кубики, складываться, переноситься с места на место. И все станет легче в этих легких постройках оттого, что люди окружают себя не деревом, разлагающим мускулы, не известью, отяжеляющей мозг, не камнем, крушащим кожу, не железом, останавливающим кровь, не глиной, влияющей на диафрагму, не сталью, затрудняющей внутреннюю секрецию, — а металлом, блаженно снимающим тяжесть и дышащим на них потенциальной силой особого свойства.

За белым столом сидели и техник Сорроу, Жорж — металлист и Ханс — шахтер. Лица их были важны. Они кивнули инвалидам, и те безмолвно расселись по скамьям. В ту же минуту легкая, складная дверь, похожая на игрушку, собралась в металлические складки и пропустила в комнату Лори Лэна.

Лэн был бледен и хмур. Прищуренные глаза его смотрели в землю. Он подвигался под пристальным взглядом всей залы прямо к столу. Здесь он остановился, вынул из кармана шнур, бросил его на стол и протянул обе руки технику Сорроу. В зале наступило безмолвие. Брови рабочих и инвалидов сдвинулись.

— Так ли я понимаю, Лори Лэн, металлист? — сурово спросил Сорроу.

— Вяжи, старина, — упрямо ответил Лэн.

Сорроу взял шнур и обмотал им протянутые руки рабочего. Потом он встал и заговорил:

— Ребята, это второй случай себясуда за все время нашего союза. Первым, как помните, был Карло с Ямайки. Он соблазнился на тысячу дукатов. Но в день предательства он зубами схватил веревку сигнального колокола и, можно сказать, против своей воли вызвал наш трибунал. Мы помешали ему стать предателем. И вот ныне, среди полного спокойствия, накануне наших побед по всему фронту, любимец союза, баловень, умница, парень, важнейший для нынешнего дела, прибегает под сигнальный колокол штаба. Трибунал готов. Делегаты союза собраны. Лори Лэн, товарищи спрашиваю, в чем ты себя обвиняешь против союза?

Молодой рабочий поднял голову. Серо-голубые глаза его потемнели и окружены синевой, лицо осунулось, губы сжаты.

— Я звонил, ребята, чтоб вы связали меня! — начал он с таким трудом, словно язык у него стал пятипудовым. — Черт ме-

ня знает, что со мной делается. Я ехал сюда одним человеком, а стал вроде куклы. Делаю глупости. Ошибаюсь. Голова, как приклеенная. Дальше этак нельзя, к черту меня, к чертовой матери!

Он с ненавистью схватил себя за волосы и стал их дергать с такой силой, как если б намеревался выполоть из себя всю негодную сорную траву.

— Лэн,— прикрикнул на него техник Сорроу,— не закатывай нам истерики! Мы тебя спрашиваем, в чем дело? Ежели ты только что-нибудь выболтал насчет открытого металла...

— Молчи! — поморщился Лори Лэн.— Я ничего не сделал, ребята! Но в том-то и дело, что я, Лори Лэн, ни-че-го не сделал... Где моя воля, мой разум, мои хитрости? Куда я теперь похужу! Слушайте-ка, в Зангезуре меня пришибла лихорадка, об этом вам уже известно. Я свалился в этой лихорадке прямехонько на балкон пансиона Рюклинг... Там были люди. Эти люди схватили меня за руки и за ноги и бросили,— как вы думаете, куда? В чужую кровать, будь она проклята, братцы, в кровать с кисеей, кружевами, подушками и разными тонкими штуками! В этой кровати я заснул...

— Ты нам об этом ни слова не рассказывал,— сердито пробормотал Сорроу.

— Я заснул и увидел сон,— продолжал Лори, становясь все беспокойней и беспокойней.— Ребята, я утаил эту занозу, я ее припрятал от вас, это была тайна! И сейчас мне трудно сказать об этом. Но она грызет меня, как сотня собак. Она сделала меня тряпкой... Так вот же. К черту! Мне приснилась женщина. Она была кудрявая, худенькая, бледненькая. Она ласкала меня по лицу и голове, словно я был ее ребенком. Потом она открыла рот и поцеловала меня. Я ее обнял. Она стала моей женой. Это была первая баба в моей жизни во сне и наяву. Когда лихорадка прошла, и я очнулся, эта самая женщина сидела против меня.

Сорроу неодобрительно крикнул. Лэн закончил резким голосом.

— И она, братцы, взбесилась, когда я разинул рот, почему это я оказался рабочим, а не переодетым принцем. Я не знаю, какого черта она мне снилась! Но я знаю, кто она, я ее встречаю на улицах и в домах, она мутит мне голову, делает меня дураком. Я ее ненавижу, как ящерицу! Отправьте меня отсюда, иначе я выкину глупость и напутаю такого, что потом не распутать. Слышь, ребята?!

Глаза его загорелись самой дикой ненавистью. Он выпо-
трошил душу. Больше у него ничего нет своего собственного,
ни выломанного гроша. И если он теперь не исцелится от про-
клятого наваждения, ему остается лопнуть, как вчерашняя
обезьяна.

Трибунал шепотом посовещался друг с дружкой. Инвали-
ды хранили молчание.

— Вот что, Лори,— произнес наконец Сорроу,— твое дело
табак, парень, если ты не возьмешь себя в руки. Знаешь прави-
ло нашего союза: лучше положить голову под маховое коле-
со, чем съякшаться с врагом. Вот этак, с завязанными рука-
ми, иди, брат, немедленно к ребятам-транспортникам. Скажи, что со-
юз приказывает переправить тебя на живой манер в Зангезур.
Да прибавь, пусть они приглядывают, чтоб ты не сморозил
еще какую-нибудь глупость. Ну, валяй!

Лори Лэн повернулся, как солдат, и с завязанными рука-
ми зашагал к транспортникам.

Глава тридцать третья

Я И ЧНИЦА ПО- К И ТАЙСКИ

Рано утром, к удивлению лакея Поля, виконт
Монморанси заговорил. Оглянувшись во все стороны, он до-
стал маленький ящик, позвал Поля и сказал безо всякой эконо-
мии речи и жестов:

— Поль! Соберитесь с мыслями. Я намерен погрузить вас
в тайны механической биологии, изготовленные по моему за-
казу старшим лаборантом великого ученого Павлова.

Поль почтительно наклонил голову.

— Знайте, что человек старится от бессознательных уси-
лий. Человек тратит колоссальную энергию на пищеварение,
сердцебиение, дыхание, движение, обмен веществ, не говоря
уже о расходах по мелочам — на чихание, сморкание, плева-
ние, зевоту и прочее. Я это предусмотрел. Отныне, Поль, я не
потрачу на все это ни единого атома своей энергии.

Поль судорожно вытянулся, предвкушая новую нагрузку
для своей собственной энергии.

Виконт щелкнул ящиком, вынул какие-то трубочки, щип-

чки, пульверизаторы, резиновые шары, проволоки и разложил их перед лакеем.

— Вот,— произнес он торжественно,— вот все инструменты механической биологии. Вы составите расписание, что надлежит делать моему организму. Вы вывесите его на стене. Затем вы произведете каждую функцию при помощи одного из этих инструментов. Например: который час?

Поля сообщил, что пробило девять.

— Отлично. Что надо сделать организму в утренний час, вставая с постели?

Поля решил предположить, что организму надо зевнуть.

— Хорошо. Вот трубка с резиновым шаром. На ней пометка «зевота». Возьмите ее за наконечник. Нажмите. Поднесите к моему носу. Наполните воздухом правую ноздрю, выкачивая насосом из левой. Так. Я начинаю сокращаться. Мой пищевод... У-у-а-а.

Но сладкая механическая зевота виконта Монморанси была безжалостно нарушена. Дверь хлопнула. В комнату быстро вошел генерал Дюрк, мановением руки отослал Поля, сдвинул со стола инструменты, сел и проговорил:

— Любезный Монморанси, собирайтесь!

Виконт поднял брови.

— Небольшое путешествие. По назначению известного лица вы и Вестингауз должны сегодня после обеда выехать...

— О!

— ...вместе с закавказским комитетом в Зангезур.

Виконт Монморанси вскочил с места для того, чтобы снова свалиться в полном изнеможении.

— Н-ни з-за ч-что! — процедил он дрожа.

— Тем не менее вы поедете,— ласково повторил Дюрк,— ваши бумаги уже приготовлены. Доктор Гнейс выехал заблаговременно. Вы и Вестингауз должны тщательно следить, чтоб концессионер отдавал всю выработку нового элемента в наши руки. Кроме того, вы поднимете Закавказье по первому же полученному от нас знаку. Привейте холеру. Впрысните сальварсан. Возьмите хины. Держите в каждом кармане по револьверу.

С этими словами Дюрк дружески пожал ему руку и вышел.

Банкир Вестингауз давал между тем генеральное сражение своей жене. Он стоял посреди номера одиннадцатого, за-

ложив руки за спину, и пристально смотрел на Грэс, валявшуюся с котом на кушетке.

— Вы поедете, душечка,— скрипел он тихим голосом,— я поеду с вами, и Луи поедет с вами. У-кла-ды-вайтесь!

— Отстаньте!

— У-кла-ды-вайтесь. Мы едем в приятном обществе. Марсель, Константинополь, Батум. Оттуда на Юнкерсе в Баку, и Тифлис, Эривань, Зангезур. Тысяча женщин повесилась бы на шею ради такого путешествия.

— Отстаньте!— Грэс забила ногами по кушетке точно-точно как в счастливую пору своего девчества. Вестингауз поднял брови.

— И кроме того, душечка, вам предстоит поработать. Успех зависит теперь от нас. Наши руки...— Банкир с удовольствием посмотрел на свои крючковатые пальцы,— ...наши руки держат ключ ко всему делу. Поняли?

Грэс бросила кота на ковер.

— Ну, если так,— ладно. Едем,— произнесла она утрюмым голосом,— едем, но чтоб вы дали мне самую главную роль.

Положительно малютка становилась политической женщиной. Вестингауз поднял руку, чтоб потрепать ее по щеке, но встретив мрачный взгляд, предпочел погладить свою собственную лысину.

Через полчаса все было уложено у виконта и у банкира. Лакей Поль спустился к баронессе Рюклинг с покорнейшей просьбой поторопить кухарку. Баронесса взглянула на часы, всплеснула руками и тотчас же отставила в сторону все котлы и сковороды.

— До поезда всего только полчаса!— воскликнула она деловым голосом.— Мы не опоздаем, никак не опоздаем, если даже будем жечь газ без всякого внимания к руководству по газотоплению и газоосвещению. Единственное, что в силах человеческих, это яичница. Я сделаю ее по-китайски, будьте покойны.

С этими словами она побежала в кладовую, где Августа отбирала по запаху самые подходящие яйца.

Ровно через полчаса наши путешественники собрались в столовую. Виконт Монморанси и Грэс были в высшей степени бледны. Вестингауз довольно потирал руки.

— Но что это значит,— воскликнул он при виде трех скромных приборов в конце стола,— разве мы будем обедать одни?

— Мы будем кушать яичницу по-китайски, — сладко запела баронесса, внося в комнату дымящееся блюдо. — Садитесь, садитесь. Пospеть с обедом не было никакой возможности. Я приложила все силы... Августа, дай тарелку фрау Вестингауз!

— Китайцы, — продолжала она, раскладывая по тарелкам что-то в высшей степени пахучее с непостижимой, прямо-таки беспримерной щедростью, — китайцы, как известно, не любят всякие там яйца из-под кур, которые к лицу подавать разве что мужику или мелкому торговцу. Они вкушают яйца выдержанные, с печатью. Вроде наших благородных сыров и благородных вин... Кушайте, кушайте, я их выдерживала специально для вас. Это яичница по-китайски, редкое блюдо!

— Бля! — сделал виконт Монморанси, роняя глоток обратно в тарелку. — Поль, вытрите мне усы!

Баронесса Рюклинг сильно удивилась, что никто не оценил ее редкого блюда, и радушно простилась с дорогими постояльцами, быстро выбежавшими из столовой.

Автомобиль подан. Шофер и лакей Поль принялись носить саквояжи.

Грэс бросила последний взгляд на голубую спальню и сунула в муфту кота. И в эту торжественную минуту Монморанси без помощи механика затратил еще фунта полтора внутренней энергии на самый честный обморок, опрокинувший его головой вниз, ногами вверх, между креслом и камином его номера.

Потребовалось значительное усилие со стороны лакея Поля, чтоб привести его в чувство. Лакей Поль влил ему в горло несколько капель рому, валерианки, хинину, даже горькой воды и только, когда все это вытекло обратно и он по ошибке воткнул виконту в рот ложку с китайской яичницей (переданной баронессой в «людскую»), только тогда по телу Монморанси прошла судорога, ресницы его затрепетали, и он ожил. Но вместо того, чтоб встать, он втянул голову, насколько это возможно, в плечи и прошептал:

— Поль! Они уехали?

— Ждут вашу милость, — ответил лакей.

Виконт глубоко вздохнул.

— Вы уложили мой ящик?

— Так точно.

— Не можете ли вы... гм... Не можете ли вы, Поль, запоминать за меня все, что происходит, и записывать это в последо-

вательном порядке? Человека старит изобилие впечатлений. Память есть смерть, как говорит Врун-си-пьян... Вы понимаете?

Лакей Поль решительно ничего не понимал, кроме необходимости как можно живее стащить виконта в автомобиль.

— Обопритесь на меня, ваше сиятельство,— предложил он, хватая своего барина в охапку,— шагните ножками. Не извольте волноваться, если нужно что запомнить, я поставлю себе в книжку под календарным числом — день в день!

— Вот именно! — облегченно ответил виконт. — Вы будете моей мнемой, Поль, запомните, мнемой. Люди стареют от балласта памяти... Складывайте все это в свою память и, если хотите, пользуйтесь моими сигарами. Уф! Не напоминайте мне никогда о том, куда я еду и что я еду вообще!

Глава тридцать четвертая

МН Е МА Е ИХ СИЯТ Е ЛЬСТВА

Согласно распоряжению, начинаю запись мнемы господина виконта. Полагаю, их сиятельство взваливают ее на меня по причине боязни судебного следствия. Но и я не дурак.

Сегодня с четырех часов дня началось мое сильное впечатление. Доехали мы до города Марселя. Пройдясь по берегу перед отплытием, заметил трех осанистых людей, которых встречал в пансионе «Рюклинг» раз или два. Один — ястребиного взгляда, в кафтане с серебряными позументами, другой — пониже, с обритой головой, в широких штанах, и третий совсем невысокий, но при значительном объеме тела, в хорошем английском костюме первого разряда и в цилиндре. Они ходили и говорили на неизвестном языке.

В час отплытия они поднялись на пароход и оказались нашими соседями. Их имена в пароходной книге:

Князь Нико Куркуреки.

Полковник Мусаха-задэ.

Мосье Надувальян.

Путь следования, как и наш, на Батум.

Не успели мы отойти от Марселя и поехать по воде, как капитан парохода вышел на мостик в мундире военного вида,

при звездах, с обшлагами, через всю грудь опоясанный лентой.

Команда, сколько ее ни было, тоже высыпала на палубу в мундирах военного вида, при звездах, с обшлагами. Из кочегарки полезли черные рожи, и те в мундирах, при звездах и с обшлагами. Войдя в открытое море, они выбросили на корме неизвестный мне флаг и начали горланить дикие песни. В эту самую минуту я увидел среди них жену банкира в меховой накидке, с котом в руках, с распущенными из-под шляпки кудрями. Она заливалась, совсем как парижская девчонка, показывая все свои зубы. Разговор между ними шел на французском языке.

— Я в восторге! — хохотала банкирша, точно ее щекотали под мышкой. — Чудно придумано! Но неужели и поваренок, и кочегар, и матросы?..

— Все, мадам, — офицеры его императорского величества. У нас нет ни одного человека ниже чина поручика.

— А если вас поймают?

— В дружеских морях нас никто не поймает! — воскликнул капитан. — Взгляните, мадам, в эту трубку. Вы видите — на горизонте французский сторожевой крейсер. Он видит нас, как мы видим его... А теперь встаньте.

Банкирша встала.

— Осмотрите наше судно. Купеческий пароход «Лебедь», не правда ли? Все точь-в-точь как на купеческих пароходах. Теперь внимание!

Он вынул из обшлага какой-то предмет и свистнул на манер кобчика. В ту же минуту перед ними раскрылись круглые люки. Из них полезли вверх пушки. В борту с треском подскочили вентиляторы и обнаружили круглые дыры. Пушки легли носами в дыры, а снаружи раздался грохот — точь-в-точь, как на городской улице, когда купцы закрывают магазины железными щитами, и весь пароход оделся в броню.

— Не угодно ли встать на мостик?

И банкирша, как была с котом, полезла на мостик. Я задрал голову. Раздался громовой салют из пушки холостым зарядом и вслед за ним — ответный салют с французского крейсера. Банкирша захохотала. У меня же началось под мышками сильное биение нерва, так как я подразумевал во всем этом уголовные деяния по кодексу законов и сильно захотел возвратить обратно мнею господина виконта, каковая, будучи найдена при мне, может послужить уликой. Однако я ниче-

го не успел сделать, услыша звонок к обеду. Все спустились вниз, и я повез господина виконта к его месту, достал из ящичка электрическую жевалку, каучуковую проглотку и слонетягу из морской губки, разложил все это возле его прибора и принялся орудовать. Как и следовало ожидать, капитан и команда выразили большой интерес, и все наперерыв хотели испробовать наши инструменты, против чего я был в сердечном неудовольствии. Особенно досталось слонетяге, которую они прикладывали без всякого соответствия к различным местам, не считая, что возле сидит дама. Господин виконт объяснял короткими словами, сколько сил у человека уходит на рефлекс и какую экономию жизни они могут приобрести. Насчет слонетяги господин виконт выразились, что ей ко всему прочему принадлежит оживление желудочного сока и впрыск всего организма.

Настала ночь. Шли мы, как обыкновенно, по морю. Небо было довольно ясное, если не считать звезд, загораживавших его большим скопом, благодаря чему я не мог разглядеть никаких меридианов. Не успел уложить господина виконта, как услышал многократный визг, шум и бой бутылок со стороны главной кают-компания. Прибежав туда, наткнулся на большую потасовку двух офицеров, трех матросов и кочегара, а в середине князя Нико Куркуреки с кинжалом в руках. Князь отпрыгивал от команды во все стороны и вертел кинжалом туда и сюда. Команда била его куда попало, большей частью по ногам.

— Удивляюсь, — хрипел капитан, — как может лига доверять этой сволочи? Мой высокий ранг не мешает быть только капитаном. Свобода народностей гарантирована моим высоким словом. А этот дурак...

— Ррр! — зарычал князь Нико Куркуреки, вращая кинжалом и делая такую мимику, что у меня опять началось биение нерва.

— Успокойтесь, успокойтесь, господа! — ласково увещевал банкир, подхватывая капитана за обшлаг, а князя за рукоятку кинжала. — Дайте друг другу руки. Развеселитесь, примиритесь, придите в себя. У вас общий враг. Вы никогда не сразите его без помощи капитана, князь. И вы никогда не осилите его без помощи князя, капитан. Что будет после — будет после.

Умная речь подействовала на обоих. Князь сунул кинжал за пояс, капитан пожал плечами. Матросы с сердитыми лицами разошлись во все стороны.

— Ты что тут делаешь, истукан? — закричал вдруг банкир, поворачиваясь ко мне. — Вон!

Ну, признаюсь, такого обращения со мной я не допускаю. Поворотясь и выйдя вон, я, как гражданин прекрасной республики Франции, сел на место и обдумал свое впечатление. От того дня, как я сам себя помню, я неколебимо решил разбогатеть. Ныне пришло к тому время. Ясно, что они совершают уголовное деяние по кодексу законов. Мне надо только представить счет. Заплатят! Не дураки, чтоб не заплатить! Только бы потрудить голову и выяснить:

Кому?

Сколько?

В какой удобный момент?

Под какой угрозой устрашения?

Здесь я ставлю точку препинания и перехожу к делу.

Глава тридцать пятая

БАТУМСКАЯ СЕКРЕТНАЯ БАЗА

Рейс парохода «Лебедь» приближался к концу. Капитан и матросы заняты на палубе, Вестингауз прочитывал последние радиотелеграммы, Монморанси спал, а Грэс сидела рядом с капитаном.

— Вы смело могли бы сделать меня своим помощником! — уверяла она, болтая ножками и делая вид, что курит матросскую трубку. — Вот Батум. Какая прелесть!

Восхищение относилось к открывшейся панораме Батума. Между лазурью неба и моря лежала зеленая полоса пальм и скал. Перед ними чернел маяк. Со сторожевого поста раздался сигнал.

Пароход «Лебедь» выкинул торговый флаг и медленно подходил к середине бухты. Две черных лодочки отделились от берега и пошли ему наперерез.

Капитан встал с места. На лице его было волнение. Он кинул далеко не спокойный взгляд на Куркуреки, Надувальяна и Мусаха-задэ, стоявших у самой кормы, и лихорадочно шепнул Грэс:

— Береговая стража, милиция, таможенники... Сейчас бу-

дет осмотр. Бегите к вашему супругу, пусть он приготовит дипломатические документы!

Грэс круто повернулась, приложив два пальца к кудрям. Исчезая в дверях, она все-таки заметила двух грузин в милицейских мундирах, прыгнувших на палубу. Это были таможенники. Капитан пошел им навстречу с веселой улыбкой.

— Торговое судно «Лебедь» франко-грузинской компании? Нуга и пастила? Груз — столько-то тонн? — отрывисто произнес на скверном французском языке первый чиновник, смерив капитана взглядом.

— Точка в точку, — ответил капитан, сплевывая на палубу — нуга, пастила и прованское масло. Грузено в Марселе, франко-Батум. Извольте получить документы.

— Покажите груз!

Но капитан, открывший рот для ответа, не успел произнести ни звука. Резкий, отрывистый свист, похожий на крик кобчика, прорезал воздух. Таможенники вздрогнули и схватились за револьверы, капитан, бледный, как смерть, сунул руку в обшлаг — черт возьми! Свистка там не было. Между тем перед ними с быстротой молнии раскрылись круглые люки. Из них полезли вверх пушки. В борту с треском подпрыгнули вентиляторы. С шумом и грохотом поползли стальные щиты. Команда, ничего не подозревая, торопливо разоблачала торговый пароход «Лебедь», покуда капитан, едва не теряя сознание, упал на руки береговой стражи. Не прошло и получаса, как вся команда, арестованная и связанная по рукам и ногам, была заперта в кают-компании, а пассажиры согнаны на палубу.

Банкир Вестингауз, бледный от бешенства, мутными глазами следил за просмотром документов.

— Ищите, кто предатель, — шепнул он своей жене, безучастно стоявшей с котом в руках. — Я найду его... я его за-за-зза...

Он скрипнул зубами. Грэс молчаливо наклонила голову.

— Ваши бумаги в порядке, — сухо произнес грузин, — концессионеры Катарских рудников — Надувальян, Вестингауз, Монморанси и технический персонал. Слуга Поль Лаше. Товарищи, выдайте вещи концессионерам. Вы свободны.

Стража молча нагроулила лодки бочонками и ящиками. Путешественники спустились вниз. Монморанси молчал, Вестингауз трепетал от ярости. Гребцы мерно взмахнули веслами, и лодки подлетели к каменной пристани Батума, оставив

несчастливого «Лебедя» с опущенным флагом и арестованной командой.

Не успели они сойти на землю и усесться в автомобиль, как бешенство Вестингауза разразилось неистовой бранью...

— Провал,— зашипел он,— провал из-за мерзкого предательства! Кто это свистнул, хотел бы я знать?! Великолепно снаряженное судно с прекрасным командным составом для целой армии! Пушки! Претендент! Готовый родовой претендент на Советской земле! Стоило ему показаться, как у нас сама собой создалась бы армия... И все это провалилось, провалилось, провалилось.

— Тише, шофер может понять по-английски,— шепнула Грэс, наклонясь к его уху. И в ту же минуту маленькая ножка ее дрогнула и поджалась,— какой-то твердый сапог наступил на нее, как на птичку, с самым многозначительным пожатием. Перед ней, на боковом сиденье, был виконт, поддерживаемый лакеем Полем. Виконт не глядел ни направо, ни налево. Лакей Поль глядел на виконта.

— Ну,— продолжал банкир, круто повернувшись к Нико Куркуреки,— вы говорили, что вас знает в Батуме каждая собака. Вы говорили, что вас встретят стрельбой и музыкой. Я что-то не слышу ни стрельбы, ни музыки.

— Молчите!— мрачно ответил князь, сверкая глазами.— Это еще не Грузия, это Аджария.

— Предположим,— сухо ответил Вестингауз,— но где же ваша секретная база?

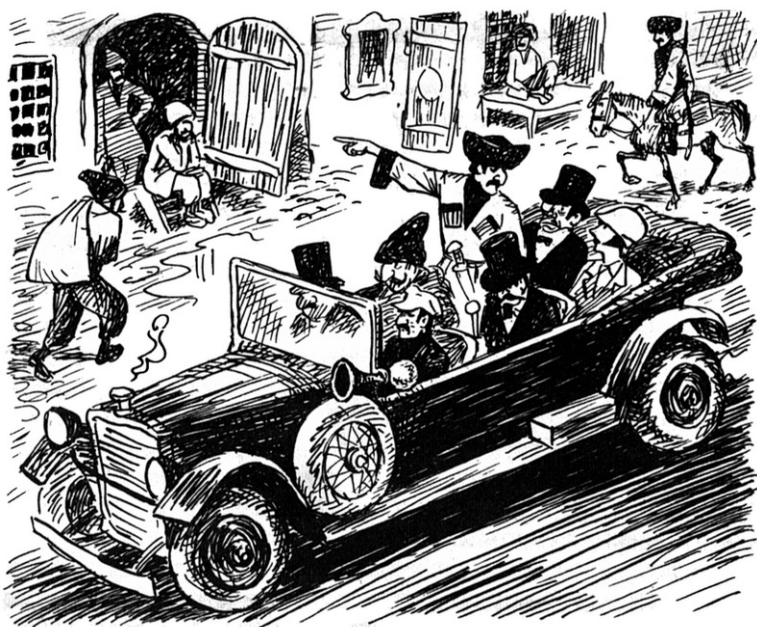
Князь Нико судорожно заерзал на сиденье.

Автомобиль заворотил в узкую улицу. Они неслись сейчас мимо глухих домов, глиняных заборов и пыльных фикусов. Над домами встала желтая каменная лестница, автомобиль обогнул развалины старой крепости, и перед ними открылось огромное здание с железными замками на воротах.

— Наши секретные склады!— пробормотал Нико, указывая вперед.— Здесь двести тысяч ружей. Порох. Военное снаряжение.

Автомобиль полетел дальше, спускаясь по широкой дороге к морю.

— Наша секретная печатня,— разошелся князь, указав на маленький старый забор, скрывавший татарский домик.— Тсс! Молчите! Не глядите в ту сторону. А вон там, рядом, видите — белый красивый дом в саду и с колоннами — наша секретная база!

Автомобиль замедлил ход. Нико положительно сиял от гордости. Забыв всякую осторожность, он вскочил во весь рост и тыкал пальцем в белое здание, откуда Вестингауз не схватил его за кушак и не посадил обратно.

— Вы ведете себя, как дурак! — зашипел он ему на ухо. — И к тому же... черт вас побери, с какой стати на вашем доме этот проклятый знак?

Здание секретной базы, медленно отступавшее в сторону, было снабжено отчетливым рисунком серпа и молота.

Наступило небольшое молчание. Нико Куркуреки потер правую сторону носа левою рукою, в то время как крысиные глазки Вестингауза положительно въедались в него с назойливым любопытством.

— Я вас спрашиваю, для чего вы размалевали вашу секретную базу?

— Для безопасности, — угрюмо ответил князь.

Автомобиль сделал круг и остановился перед гостиницей. Прогулка наших путешественников кончилась. Князь Куркуреки получил отпуск на два часа для приведения в порядок своих дел с секретной базой, все же остальные занялись пере-

броской вещей и самих себя на уютную белую аэростанцию, откуда «юнкерс» должен был доставить их по назначению.

Грэс только что швырнула саквояж и потянулась с усталым видом, вспоминая Мелину, как за спиной ее раздался шорох. Неприятный запах, преследовавший ее весь день, ударил ей в нос, и чья-то лапа легла на плечо.

Грэс вскрикнула. Перед ней стоял лакей Поль с глупейшим лицом в мире. Усики его шевелились, выпуклые черные глаза были масляны и черные волосы с пробором были масляны.

— Добрый вечер, мадам!

— Вы с ума сошли! — вспыхнула Грэс. — Что вам здесь надо?

— Будто уж и войти нельзя! — подмигнул Поль самым независимым образом.

— Вы пьяны?!

— Ничего не пьян, — взгляните-ка сюда!

Он вынул из кармана кружевной платочек и взмахнул им перед самым носом Грэс, вытаращившей на него глаза в немом ужасе. Платок был ее собственный, а к уголку его был привязан... свисток капитана.

— То-то, — медленно процедил Поль, захлебываясь от наслаждения. — Я знаю, банкирша, кое-кого, кто дорого даст за эту штучку!

Он еще раз взмахнул платком, задел Грэс по лицу, посмотрел на нее круглыми, рыбьими глазами и вышел.

Глава тридцать шестая

В СЕРДЦЕ АЗЕБАЙДЖАНА

По-видимому, секретные сношения князя со своей базой протекли не без терний и колючек. Нико Куркуреки опустил в кабину «юнкерса» в высшей степени странно настроенный. Он часто мигал, тер переносицу, упирал кулаки в бока, точно намеревался пуститься в пляс, и поджимал губы внутрь. Мосье Надувальян, приняхавшись, шепнул своему соседу, Мусаха-задэ, что кахетинское, конечно, можно пить, но только тогда, когда нет ширванского.

Впрочем, остальная публика вела себя не лучше. Монморанси при виде летательной машины потребовал, чтоб его усыпили и везли в бесчувственном состоянии. Вестингауз был встревожен внезапной болезнью своей жены, бледной и молчаливой, как сомнамбула. А лакей Поль, по-видимому, злоупотребил механической биологией своего хозяина, так как чихал, сморкался, хихикал и скалился без всякой к тому необходимости.

Пилот надел ушастую шапку и залез на свое место. Через десять минут они мерно неслись над горами Абхазии, разглядывая сквозь стекла кабины квадратики возделанных горных склонов. Всюду было довольство и работа.

— Хороший урожай, — произнес князь Куркуреки в высшей степени игривым голосом, — хороший виноградный урожай! Они выдумали новую штуку против филлоксеры.

Вестингауз поднял голову и в изумлении уставился на тайного агента лиги.

— Я полагаю, — произнес он скрипучим голосом, — вы не радуетесь успехам агрикультуры у большевиков?

Нико шмыгнул носом. Куриная голова у американцев! Разве он говорит про большевиков? Он говорит про грузинские виноградники!

Оскорбленный таким оборотом дела, Нико окончательно замолк, сунул нос в позументы и заснул. Вестингауз, изучавший карту Закавказья с трубкой в зубах, кивнул головой татарину:

— Полковник, вы видите эту зубчатую полоску? Мы сделали крюк, чтоб опуститься в Баку. Вы, как лицо заинтересованное, можете располагать сутками для посещения своих родных, промыслов, комитета независимости и преданных нам войск. Изучите подступ к промыслам, наладьте связи с татарским персоналом. Это будет предварительной рекогносцировкой.

Полковник торжественно наклонил голову. Он не такой слизняк, как этот Куркуреки. Честный Мусаха-задэ соблюдал все заповеди Корана и не брал в рот ни кахетинского, ни ширванского. Он ястребиным взором смотрел вниз. Машина тихо прядала под ними, словно струйки фонтана или ртуть в градуснике. Вот, вырастая, как птица, внизу поднялись прямые белые крышши. Горизонт внезапно сузился, и «юнкерс» сел на бакинский аэродром. Тотчас же дверцы кабины раскрылись, и к Вестингаузу двинулась внушительная фигура статного молодого татарина.

— Ваши документы?

Мусаха-задэ вылез из кабины, злобно пыхтя.

Вот она, столица Азербайджана, город нефти. Давно ли он был его собственным городом, полным нарядных, франтоватых татарских войск. Несчастные жители! Несчастливая страна!

Мрачно нахмурившись, Мусаха-задэ шел по шумным улицам, сострадательно взглядывая на прохожих. Если б эти несчастные знали, что он среди них, они побросали бы все свои тощие портфельчики и схватились за шашки, кинжалы, револьверы, чтоб сесть на коней и создать великую татарскую конницу. Все племена и народы, чтущие Магомета, стали бы его подданными. А он возлежал бы на подушках, как некогда Чингисхан, и творил правый, скорый и мудрый суд...

— Гражданин, вы оштрафованы на три рубля! Куда лезете? Вам кричат, кричат, а вы знай шагаете!..

Мусаха-задэ протер свои узкие глаза. Перед ним стоял татарчонок в костюме милиционера. Черты лица его показались ему удивительно знакомыми.

— Черт возьми! — воскликнул полковник по-русски. — Да это ты, Сулейман-бек, мой старший сын и наследник. Ты жив! Тебя не замучили! Обними своего отца и владыку!

Сулейман-бек упрямо качнул головой.

— Сперва три целковых, папаша. Я милиционер. Вы нарушили постановление.

Чтоб поддержать сыновнюю шутку, полковник милостиво достал три рубля и расхохотался, получив расписку.

— Ну, теперь, папаша, сойдемте с рельсов, а то вы будете снова оштрафованы, и поговорим, — произнес Сулейман, пряча книжку с квитанциями. — Вас амнистировали?

— Дай задавать вопросы отцу! — строго прервал его Мусаха-задэ. — Как живешь? Где мои дома? Где мои жены?

Сулейман свистнул:

— Вы, папаша, отучитесь у нас говорить «мое», «мое» — говорите «наше», вот тогда будет правильно. Все теперь стало нашим — дома, сады, дворцы, поместья, промыслы...

— Как! — вскрикнул удивленный полковник, не ожидавший от своего рода таких поразительных успехов. — Ведь вас было у меня всего-навсего семнадцать сыновей и двадцать две дочери. Неужели...

Сулейман с досадой поморщился.

— Я говорю — наши, нашего народа! Татарский народ стал хозяином всего.

Такая новость, по-видимому, не пришлась Мусаха-задэ по вкусу. Он огляделся по сторонам, увидел, что улицы пусты и что вокруг нет никого, кроме осла, покинутого своим хозяином по причине нашедшего на него ослиного раздумья, нагнулся к уху своего сына и зашептал:

— Слушай, Сулейман! Брось эти слова. Я говорю тебе, как отец,— дни вашей власти сочтены. Я привез деньги, много денег. Я привез оружие, много оружия. Мы будем снова править, беки и твой отец. Ты будешь богачом. У тебя будет сорок жен. От всей этой низкой уличной сволочи не останется ни души, даже для того, чтоб вознести молитву за остальных покойников. Иди ко мне, я тебя возьму в дело!

Лицо Сулеймана нахмурилось.

— Кто же вам помогает, папаша? От кого вы получаете оружие и деньги?

Мусаха-задэ надулся, как индюк:

— Знай, сын, француз и американец очень любят татарских беков. Они дают прежде, чем я попросил. И англичанин тоже дает, прежде чем я попросил. Они сделают меня главным властителем народов, чужих Коран!

— Эх, папаша,— сплюнул Сулейман в сторону.— А еще говорят, что вы начитанный человек. Плохо ж вы знаете пророка! Когда мне дают деньги во сне, утром они исчезают. А когда мне дают деньги наяву, за них приходится хорошенечко заплатить. Проваливайте, коли не хотите, чтоб я вас арестовал!

С этими словами Сулейман пошел к ослу, чтоб сдвинуть его с мертвой точки и придать ему перпендикулярное к его собственной оси направление.

Полковник Мусаха-задэ поглядел вслед своему сыну. Губы его прошептали мрачное проклятие, потом сомкнулись, и оскорбленный бек двинулся дальше.

Тяжелые думы удручали доброго мусульманина, как вдруг над ним в воздухе прозвенел крик муллы, и он заметил, что наступил вечер. Олеандры, в кадках посаженные вдоль улиц, благоухали сильнее прежнего. Синева неба сгустилась. В домах зажглись огоньки. С моря повеяло прохладой. В эту минуту полковника сшибла с ног веселая толпа мальчишек, пробежавших по улице в красных галстуках, коротких штанах и ранцах за плечами. Он поймал за шиворот самого маленького и приподнял его с мостовой в уровень своего носа.

— Всегда готов!—пискнул татарчонок, вращая глазами и поднимая руку.

— Ага! — утрюмо произнес полковник. — Всегда готов! Тем лучше. Но скажи-ка, не знаешь ли ты Лейли-ханум, жену полковника Мусаха-задэ, с улицы Четырех фонтанов?

— Да я сам живу на этой улице, — весело пропищал мальчишка.

— Что же, Лейли-ханум жива?

— Я вас проведу к ней, если хотите, — вызвался мальчуган и, как только полковник спустил его на землю, быстро побежал вперед.

Сердце Мусаха-задэ приятно забилося. Лейли была его последняя, самая молодая жена. Он еще не наслаждался ею как следует. Это была настоящая газель — тонкая, узкая, нервная, дикая, дрожавшая от прикосновения, утеха его зрелых лет. Он вспомнил, как она пугливо сверкала зрачками, встречаясь с его взглядом, и какие у нее рыжие кудри, рыжие от природы, а не от краски. Он снова попадет в знакомую крымскую галерею, проведет ночь среди подушек, отдохнет, обдумает план действий...

— Стойте! — крикнул татарчонок. — Вот здесь Лейли-ханум. Сегодня она выступает. Предвыборное собрание делегатов. Прощайте, мне некогда!

И мальчуган улизнул, взметнув галстуком.

Перед Мусаха-задэ лестница и открытая настежь дверь. Оттуда неслись голоса. Множество татарок без чадры, в европейских костюмах теснилось у дверей. Он медленно поднялся по ступеням, не понимая, что это за сброд. Как вдруг в густой толпе над женскими головами, на эстраде, он увидел золотые кудри своей Лейли без всякой чадры или покрыва.

Пугливая газель, сверкая глазами во все стороны, произносила предвыборную политическую речь!

Глава тридцать седьмая

**ЕСТЬ ЕЩЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ И
НИКОГДА НЕ ПЕРЕВЕДУТСЯ, ПО
МНЕНИЮ МОСЬЕ НАДУВАЛЬЯНА**

Великолепная стеклянная веранда бакинской гостиницы полна столиков и пальм. Оркестр гудит как раз настолько, чтоб нельзя было ничего разобрать.

За столом, отодвинув в угол князя и полковника, сидит мосье Надувальян, кушает котлету и беседует с двумя солид-

ными людьми смуглой наружности. Один смахивает на татарина, другой — на грузина, но, по-видимому, общество мосье Надувальяна им дает гораздо больше, чем таковое князя и полковника. По крайней мере, оба они обращают на злополучных вельмож столько же внимания, сколько на спинки своих стульев.

Мосье Надувальян скушал котлету и взялся за зубочистку. Он подмигнул одному из собеседников, на что тот подмигнул в свою очередь. Мосье Надувальян показал полпальца, собеседник палец с четвертью. Мосье Надувальян потряс головой. Собеседник тоже. Мосье Надувальян поглядел на свои пальцы, отогнув три четверти мизинца. Собеседник поднял на свет мизинец целиком. Другой солидный человек, взяв портфель, сделал вид, что собирается уходить. Мосье Надувальян остался равнодушен к этому жесту и подозвал официанта.

Через полчаса, когда Вестингауз уныло сидел в своем номере, подводя итоги и проклиная злополучную доверчивость Европейской Лиги, раздался стук, и в комнату вошел мосье Надувальян. Он вел под руки справа и слева двух в высшей степени солидных мужчин с портфелями и немедленно представил их банкиру самым задушевным голосом:

— Кароший человек — коммунист, помощник председателя Рогового треста из города Садахло. Тоже кароший человек — директор Карабахского национального банка. Пожми ему руку. Большой коммунист!

Банкир Вестингауз вздрогнул и в испуге уставился на мосье Надувальяна.

— Чего испугался? Товарищ Пикиришвили — умный человек. Товарищ Усланбеков тоже умный человек. Пожми руку!

Кончив представление, он отер пот, повалился в кресло и заказал четыре бутылки коньяку с персиками и лимоном, за счет зангезурской концессионерской прибыли.

Вестингауз молча сидел на своем месте, выпучив глаза. В глубине души он подвел итог партизанской деятельности только князя и полковника. Что же касается мосье Надувальяна, то тут он не успел вывести заключений и сейчас склонен был думать о случае циркулярного помешательства. Но армянин, выпив рюмку коньяку, и подлив своим спутникам, заговорил дружеским тоном, обращаясь к кончикам своих собственных сапог:

— Что нужно для умного человека — коммуниста? Процветание промышленности. А для процветания промышленности? Сбыт. И если у товарища Пикиришвили не поддающий-

ся никакому учету остаток, а мы хотим его закупить, то он ударяет по рукам. Доставку же берет на себя товарищ Усланбеков, как честный человек,— за свою цену, ни на копейку больше.

— Да о чем же речь? — с изумлением воскликнул Вестингауз.

Мосье Надувальян подмигнул ему в высшей степени наставительно.

— А химический завод забыл? А военное снаряжение забыл? Я по контракту ничего не забыл. Вот товарищи войдут ко мне пайщиками нашего дела.

Непроницаемые лица помощника председателя и директора банка приняли ласковый оттенок. Беседа сделалась более теплой, и когда через час оба гостя вместе со своими портфелями удалились, банкир хлопнул мосье Надувальяна по плечу.

— Я доволен вами! — воскликнул он весело. — Вы действуете по-американски. Так, черт возьми, ваши люди помогут нам справиться со всей технической стороной дела! Молодец!

— Есть еще люди на земле, — скромно ответил армянин, осушая последнюю рюмку. — Когда полетим, скажи, чтоб делали остановку. В каждом городе умный человек найдет умного человека. Мы себе цену знаем.

И действительно, не успели они пролететь среднюю Армению, намереваясь поворотить к Зангезуру, как у главного концессионера было уже двенадцать пайщиков, восемь членов правления, три завода и патент на весь транспорт, какой только пересекает землю, воду и воздух. Оставалось поставить все это на место и завести как надлежит.

Нико Куркуреки презрительно кривил губы. Мусаха-заде мрачно выкатывал глаза. В таком состоянии они долетели до гористой части Армении, и тут лицо Надувальяна расплылось в широчайшую улыбку, глазки сузились, волосики в усах и бороде закурчавились.

— Зангезур! — произнес он мягким голосом, тыкая в стекло пальцем. — Ширванское вино! Хороший пилав и ширванское вино!

Под ними лежали теперь дикие голые кручи песочного цвета с острыми конусами вершин. Между ними, как синие брильянты, сверкали озера и змеились реки. Скучная растительность запестрела по ребрам, рытвинам и ущельям. Дикие пропасти неслись вниз с отдыхающими на горячих каменных выступях змеями. Вот наконец сизые струйки дыма и тяжелый,

сырой запах болотистых котловин... Синие полосы, сине-зеленые, сине-зелено-серые полосы развороченных недр,— стоп. Машина снизилась. Они были где-то на дне мрачной, зловещей воронки.

— Катарские медные рудники, карошее место!— весело произнес мосье Надувальян, раскрывая дверцу кабины.— Разбудите этого молодого человека, нельзя спать на закате, иначе он схватит карошую зангезурскую лихорадку!

Последний совет относился к виконту де Монморанси, смежившему себе глаза с такою силой, как если б он задался целью опеленать их веками на манер младенцев кочевого племени. Лакей Поль занялся их распеленьиванием. Банкир Вестингауз вкатил в глаз монокль. Грэс прижала к груди кота и выскочила из кабинки, любопытно оглядываясь по сторонам. Положительно во всем мире не было места страшнее, пустыньнее, глуше, ужасней, душней, зловещей, чем Зангезурские Катарские рудники!

Глава тридцать восьмая

В МИР ВЕЛИКОГО МЕТАЛЛУ ТЕЧЬ!

— Ну?

Этот вопрос задал высокий сероглазый человек только что прибывшему Лори.

— Все в порядке, Ребров!— ответил Лори.— Мы можем начать разработку. Идемте к ребятам.

Узкая выючная тропка, доступная только пешеходам и мулам, привела их в знаменитые медные рудники. Вокруг теснились сизые, мрачные скалы, покрытые красной и синей плесенью. Внизу гудел плавильный завод. Оттуда несло дружное на разных языках:

Дутым, прокатанным,
резаным, колотым,
Домною, валиком,
зубьями, молотом.

— Ух!

...Стократный удар молота бухнул в воздухе.

Через станки,
От рабочей руки,

Волю одну —
К черту войну!
К черту, долой, долой и долой,

долой войну!

Ребята заколотили по металлу с такой прытью, что Реброву понадобилось крикнуть им дюжину-другую раз, прежде чем они заметили его и остановились.

— Братцы! — начал Лори. — Здесь сейчас знаменитый химик, доктор Гнейс. Он нашел, что разработка металла возможна. Он должен поставить вас, от имени концессионеров, на секретную выработку, заплатив вам вдесятеро против цены. Но дело-то мы повернули в нашу сторону, и вы будете работать на наш союз, поняли?

— Ладно! — в один голос отозвались рабочие. — А как насчет его пользы?

— Проверена! Металл делает войну навсегда невозможной. Только его разработка повлечет за собой смерть. Надобно выработать тысячу грамм сиропа, что может быть при нашем оборудовании достигнуто в три недели. Между тем трехнедельная работа ведет за собой паралич. Двухнедельная — разрушение костной ткани. Недельная — тяжелую форму известкового истощения. И ни одного дня нельзя проработать без вреда для своих костей. Что вы на это скажете?

Рабочие переглянулись. Самый старый выступил вперед:

— Какое число рабочих необходимо для работы?

— Самое меньшее — восемь душ.

— Ну, так мы дадим восемь душ на смерть — это умней, чем двести на безнадежную болезнь, при постоянном перерыве в работе.

— Правильно! — хором поддержали рабочие. — Дайте нам день сроку, мы сговоримся, кого поставить.

— И знайте, ребята, что я в том числе! — весело воскликнул Лори. — Меня поставили еще в Зузеле, на нашей конференции. Я первый лягу костьми, да зато и металл-то назвали в честь меня лэнием.

Ребров, добросовестно переводивший беседу на русский язык, флегматично добавил:

— Скостите со счетов двоицу. Лори выбран, а мне придется начать собой линию технического персонала. Доктора Гнейса мы бережем. Он нужен.

Суровые лица рабочих выразили недовольство. Обречь такую двоицу, как Ребров и Лори, им было жалче, чем десяток своего брата. Но делать было нечего.

— А теперь,— сказал старый рабочий, поднимая инструмент,— за работу, ну-ка!

Братцы, сбросим рабство с плеч.
Смерть бывшим мученьям!
В мир велим металлу течь
С тайным порученьем...

Лори зашагал рядом с Ребровым.

— Я должен узнать подробнее,— проговорил Ребров,— каким образом дядя Гнейс показал им свои фокусы? Нет ли опасности снабдить их действительно разрушительным веществом? Проверено ли это, Лори, до самой что ни на есть точки?

Лори оглянулся вокруг, увидел тенистое местечко под огромным кустом кизила и сделал Реброву знак.

— Сядем, я вам скажу, в чем дело.

Они подошли к выступу скалы, нагретому до тридцати градусов, несмотря на то, что солнце было за облаками, сели и сунули головы под ветку кизила, кое-где усеянную крупными красными ягодами.

— Вы помните, Ребров, странные действия руды на металл? Доктор Гнейс выплавил из нее, как вы знаете, красный густой сплав, похожий на сироп. Природа этого сплава полярна. Он действует искажающе и ослабляюще, взятый в единственном числе, использованный односторонне,— и он разрушает, заключенный в двух контрагентах...

— Вам не кажется, что тут кто-то есть? — перебил его Ребров, прислушиваясь. Лори оглянулся во все стороны.

— Ветер! Где тут спрятаться?

— Может быть,— удивленно продолжал Ребров,— только мне почудился запах вина и чье-то дыхание. Продолжайте, Лори!

— Короче сказать, наш опыт у министра мы сделали с двумя контрагентами, лишь изменяя пропорции. Мы впустили по определенному количеству и в орудия нападения, и в предметы обороны, то есть вооружили обе стороны. Отсюда действие взрыва.

— А газ?

— То же самое. Мы кинули обезьянке, прежде чем впустить к ней газ, таблетку с сухим лэнием. В нем тотчас же развилась отрицательная магнитная сила по отношению к первой.

— Значит, они собственными руками обезвредят все свои орудия истребления?

— Да, поскольку эти орудия направляются против нас. Но если Лига передерется и начиненные жерла обратятся друг против друга...

— О! — выразительно свистнул Ребров. — Это изумительно, Лори! Я не мог бы придумать ничего хитроумней!

Они встали и двинулись домой, задев густые ветки кизила. Солнце вылезло из-за туч и жарило немилосердно. Должно быть, поэтому ни Ребров, ни Лори не вздумали оборотиться еще раз и только ускорили шаги.

Когда они скрылись за поворотом, кизиловое дерево сильно чихнуло. Знаток запахов, принявшись к его чиханью, нашел бы, что оно ужасно как смахивает на ширванское вино.

— Гм! Гм! — произнесло кизиловое дерево. — Драгоценный металл! Это-то я понял изо всей чепухи, что они мололи. Англичанин тоже говорил о драгоценном металле. Надо глядеть в оба. Этот дырявый старичок, доктор Гнейс, кажется, уже нацелился расторгнуть мое добро!

С этими словами дерево расшумелось, распахнулось и из самой его середины, весь изодранный и выпачканный, выполз мосье Надувальян, только что хорошенько отдохнувший от первой встречи после многолетней разлуки — с ширванским вином.

Глава тридцать девятая

ТЕТКА А НАДУВАЛЬЯНА

Жилое здание, принадлежавшее французской компании, и когда-то погребшее в своих стенах семь управляющих виконта Монморанси, было отдано доктору Гнейсу под лабораторию. Крытые галереи Надувальян приспособил под склады. А для банкира, его жены и виконта на зеленых горных склонах разбили палатки.

В первый же день по приезде банкир принял отчет доктора Гнейса и теперь стоял у своей палатки, не спуская крысиных глазок с дороги. Он смотрел до тех пор, пока не увидел танцующую тень мосье Надувальяна, шедшего не столько по прямой, сколько справа налево и слева направо.

— Это, конечно, очень экономный способ хождения! — проговорил Вестингауз, выкатив монокль и беря мосье Надувальяна за руку. — Если бы все железные дороги строились по принципу этого хождения, мы не имели бы, дорогой мой, ни единого населенного пункта, лежащего вне полотна железной дороги.

С этой речью он столкнул мосье Надувальяна к себе в палатку. Армянин сел, вытер лицо носовым платком и сердито взглянул на банкира.

— Если ты думаешь, — произнес он в высшей степени трезво, — если ты думаешь, что я наклюкался, — ты прав. Но ты можешь лить в меня сколько угодно, а мозги Надувальяна останутся на высоте. Третий этаж наводнению не подлежит.

— Приятно слышать, — ответил банкир. — Будьте внимательны. Я имею сообщить вам огромную новость.

С этими словами Вестингауз оглянулся по сторонам и, не заметив никого, кроме Грэс, сосавшей шоколадку над брошюрами Пацифистского общества, спокойно продолжал:

— Мы открыли на вашей земле минерал. Он будет выплавляться тайком от Советской власти, которая, впрочем, и не имеет на него прав. Вы будете регистрировать общее количество выплавки и сдавать в закупоренных баллонах нашим агентам — ночью и под величайшей тайной. Мы предлагаем вам самому назначить цену за эту операцию!

Мосье Надувальян задумчиво покачал головой.

— Каков твой минерал на вид?

— Он похож на красный сироп. Хранить его нужно в сосудах из горного хрусталя. Каждый сосуд будет запечатан доктором Гнейсом. Но вы не бойтесь, мосье Надувальян, — отправка не грозит вам никакой опасностью.

— Надувальян ничего не боится! — сухо ответил армянин. — Надувальян думает, стоит ли этот товар, чтоб его отправлять?

— О! — воскликнул Вестингауз. — Милейший мой, он стоит полмира. Он дает в руки нашей армии несокрушимую силу. Он вернет вам вашу родину в полплевка.

— Карашо, — ответил армянин, вставая с места и быстро справляясь с двумя этажами, пострадавшими от наводнения, — карашо. Будешь доволен. Цену я назначу. Сегодня поеду за своим человеком для дела, одному не обойтись.

С этими словами мосье Надувальян ринулся из палатки, похвально отпечатывая свои ноги на каждой точке пространства. Когда он, спустя полчаса неустанной ходьбы, пово-

ротил наконец за угол, сделав колоссальное количество шагов, — говоря математически, двенадцать в квадрате, — ноги его подкосились, третий этаж свалился на два нижних, и мосье Надувальян в весьма неудобной позе занялся извлечением квадратного корня из создавшихся обстоятельств.

— Мало надежды, что этот плут отправится сегодня за своим человеком! — раздражительно произнес Вестингауз, опуская полог и подходя к жене. — Ну-с, крошка! Вы, кажется, стали умницей. Поль доволен вами, и я доволен вами.

Грэс приняла заигрывания банкира с самой милой гримасой. Когда он прошелся пальцем у ней под подбородком и намеревался несколько удлинить маршрут, Грэс мягко отвела его руки и посоветовала не напрягать свое сердце. Положительно, из нее выработалась дельная маленькая женщина. Если б не политика, он способен был бы уделить ей излишек своей энергии...

— Терпение, крошка! — воскликнул он игриво. — Терпение! Неделя, две, три — и мы станем наконец твердыми ногами на землю. Социальные бредни исчезнут с лица земли. У нас будет время заняться... Э... личной жизнью.

Между тем мосье Надувальян благополучно справился с математикой и был отнюдь не склонен подтверждать пессимистические выводы Вестингауза. Не прошло и получаса, как он добрал до своей палатки, вызвал туземца и плотно уселся на мула, которого означенный туземец повел под узды.

Мусаха-задэ и Нико Куркуреки, проводившие свой первый рабочий день в палатке за составлением сметы, плана восстания и руководства гражданской войной, выставили головы за полог, провожая его завистливыми глазами. Этот пошлый человек орудовал без всякого плана. Тошно глядеть, как он сидел на муле, точно игрушечный паяц на медведе в витрине детского магазина. И тем не менее он орудовал.

В настоящую минуту — пятками, усердно утрамбовывая ими ту часть живота доблестного мула, которая делала его единственным на земле ангелоподобным существом, лишенным греховных атрибутов.

— Гражданин, не бей мула под брюхом, — посоветовал туземец, — не то он станет поперек дороги и будет стоять суток пять, если не больше.

Мосье Надувальян прекратил свои намеки, и мул затрусил вниз по головокружительным зигзагам. Путешественники останавливались в каждой деревне, где только водился овечий сыр. Известно, что овечий сыр подается не иначе, как на

тарелке, которая прикрывает кружку, — таков горный обычай, не терпящий засорения доброго ширванского напитка.

Туземец не вникал в намерения путешественника. Он только осведомлялся, что именно ему нужно, и узнал, что мосье Надувальяну до крайности нужна тетка. Впрочем, мосье Надувальян не был уверен, что нужная ему тетка существует, тем более, что у него никогда не было опыта по части теток, перемерших в ранней молодости.

Они миновали уже несколько деревень, виадуков, оросительных каналов, туннелей и виноградников, а туземец рассказывал ему множество историй о процветании и возрождении его отчизны, как вдруг мул ударил задними копытами, взбесился и полез под мост. Под мостом он остановился, понурил голову и заснул.

— Плохая примета! — пробормотал туземец, залезая по пояс в воду и вскарабкиваясь на мула. — Если мул хочет промочить себя до колен, это значит, что он спасает от воды свои уши. Будет гроза!

Не успел он договорить, как молния иголкой поцарапала окрестность, загрохотал гром, и по месту — что есть силы — забил град величиной с куриное яйцо. Мосье Надувальян и туземец плотно прижались друг к другу, в то время как градины падали с плеском в воду, напоминая настоящую бомбардировку.

— Нехорошо! — вздыхал туземец. — Побьет виноградники и посевы. Сколько раз Советы собирались выписать из Италии градобитную пушку и не смогли! Денег нет.

— Гм! — крикнул мосье Надувальян.

Мул стоял под мостком около часу, покуда наши путешественники не промерзли до костей. Потом он вздернул хвостом и ушами, вылез из речки на дорогу и двинулся было дальше, как вдруг снова остановился. На мокрой, грязной дороге, еще усеянной крупными градинами, не успевшими растаять, стоял большой воз сена. В сене была дырка, а в дырке сидела толстая старая армянка с повязанным ртом. Она преспокойно ссыпала из сита к себе в подол целую кучу зернышек кукурузы, очищенной градом лучше всякой машинки.

— Гм! — снова произнес Мосье Надувальян. — Старуха мне нравится. Это и есть моя тетка. Здравствуй, тетка!

Неизвестно, какой разговор произошел между ним и старухой, так как он велся вполголоса и даже туземец не принял в нем никакого участия. Но, когда банкир Вестингауз поздно

вечером выкатил из глаза монокль, чтоб зевнуть и хрустнуть, как следует, собственными костями, на дворе раздался стук копыт и оглушительный хохот князя Куркуреки. Вестингауз лениво поднял полог.

По склону ехал мосье Надувальян, держа перед собой страшную черномазую ведьму, повязанную по самые ресницы. Он обращался с ней в высшей степени почтительно. Завидя банкира, он подмигнул ему левым глазом и крикнул:

— Карошая тетенька! Займется хозяйством. Сам знаешь, без своего человека справиться невозможно.

Глава сороковая

ЛКЕЙ ПОЛЬ **Н**А ПУТИ **К** БОГ**А**ТСТВУ

Горы лежали в раннем утреннем свете, острые, частые, прямые, как дьявольский кегельбан. Небо горело золотом. На траве белел иней. Но бедная Грэс, присло-

нившаяся к скале и спрятавшая плечи и кудри в шарфик, могла менее всего наслаждаться пейзажами: между нею и горизонтом, точь-в-точь как на поздравительных открытках, стояла трафаретная, круглая, бритая, красная, похожая на луну — голова лакея Поля.

«Что мне с ним делать? — думал Грэс, нащупывая за поясом кошелек и нож для разрезания книг. — Дать ли ему денег или проколоть ему глаза?»

По-видимому, последнее пришлось ей больше по нраву.

— Прочь! — закричала она грозным голосом, как только выпученные рыбы глаза подплыли ближе. — Не двигайтесь со своего места или же я проткну вас!

С этими словами она вытащила нож и взмахнула им в воздухе, как раз против самого носа Поля.

— Сядьте вон там, внизу. Какого черта вы преследуете меня днем и ночью? Что вам от меня надо?

— Денег! — хрипло ответил Поль. — Если вы будете меня морочить, я пойду и доложу банкиру, что вы погубили белогвардейское судно!

— Дурак, — презрительно ответила Грэс, — можете говорить об этом на все четыре стороны. Ну-ка, начните в виде репетиции!

— Вы выдали белогвардейское судно большевикам! — бешено закричал Поль. — «Лебедь» был военным судном, он имел полное снаряжение... Вы подмазались к капитану и выдали судно... Я видел, как вы свистели!

Грэс слушала, играя своим ножиком. Что ей делать? Она беспомощно оглянулась по сторонам... Дать ему раз, чтоб это животное...

...Ах!

Она вздрогнула и откинула голову. Прямо против нее, из расщелины, пара сверкающих серо-голубых глаз, таких знакомых, впилась в нее с неменьшим изумлением, нежели ее собственные.

Грэс истерически расхохоталась, вытащила кошелек и бросила его в физиономию Поля:

— Вот вам, глупое, грязное, злое животное. Убирайтесь!

Поль подхватил кошелек, пощупал, оскалился и полез вниз, удовлетворенный на ближайшие сутки.

Грэс подождала, пока он исчезнет, и быстрее молнии повернулась к расщелине. Но Лори там уже не было! Ей навстречу шел незнакомый высокий человек с серьезным лицом и трубкой в зубах.

— Итак, это вы нам выдали «Лебедя»?

— Я ничего не могла придумать другого, — слабо ответила Грэс, оглядываясь по сторонам, — а свисток я украла у капитана.

— Но это было превосходно! — ласково произнес сероглазый человек. — Кто вы такая?

— Я жена банкира Вестингауза, — ответила Грэс, — и... я много раз намеревалась выйти из своего класса... Но с вами тут был другой человек. Где он?

Ребров оглянулся. Лори уже не было.

— Он ушел на работу. Мне тоже пора. Мы работаем в шахтах.

Грэс разочаровано повесила голову.

— Если б я могла встретить того человека, я сказала бы ему об одной вещи! — пробормотала она, надув губки. — Это важнее парохода «Лебедь»... И вообще, сэр, не знаю, как ваше имя...

— Товарищ Ребров.

— Товарищ Ребров! Сейчас такое чудное утро. Банкир спит, как устрица. Почему бы вам не захватить меня с собой в шахты?

— Это невозможно, — ответил сероглазый с улыбкой. — Мы работаем в скверной шахте, где испарения разрушают живые ткани. Наше здоровье обречено. Ни один час не проходит так, безнаказанно. Вам нельзя туда спуститься даже на полчаса.

С этими словами он кивнул ей и быстро побежал к расщелине.

Но не тут-то было! Твердые, крепкие каблучки застучали вслед за ним. Он покачал головой и ускорил шаги. Добежав до головоломного спуска вниз, он повис на руках над воронкой, прыгнул и в полутьме стал перескакивать со ступени на ступень. Это была адская дорога, по которой не ходили даже козы. Тем не менее, на четвертом повороте чья-то рука проделась через его руку, и Грэс самым спокойным образом попросила его идти медленней.

Ребров взглянул на нее с искренним изумлением. Он видел на своем веку много разного сорта неповиновения — от подлежащего расстрелу до подлежащего порке. Но этот вид был ему совершенно не знаком. Он остановился.

— Я сказал вам, что туда нельзя! — произнес он резко. — Вы не посчитались с моими словами. Поверните обратно!

— И не подумаю, — ответила Грэс. — Если вы хотите разрушить свое здоровье, почему я не имею права разрушить свое?

— Поверните обратно!

— Не хочу!

Ребров выдернул свою руку из ее рук и рванул металлическую проволоку. Раздался звон колокола. Из-за поворота выглянул рабочий.

— Тащи эту женщину наверх и закрой воронку! — отрывисто произнес Ребров и потом, повернувшись к Грэсу, добавил по-английски:

— Научитесь слушаться! Без этого вы не годитесь ни для одного общества в мире.

Покуда Грэг, прикусив губу и покраснев от злости, принуждена была следовать за молчаливым рабочим, Ребров в два прыжка очутился внизу, у спуска в шахту. Здесь его ждал доктор Гнейс в стеклянной маске. Ребров быстро надел такую же маску, сел вслед за химиком в корзину, и они полетели вниз.

Глава сорок первая

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СМЕТИ

Лори с тремя товарищами неутомимо работал хрустальным молоточком. Руда отламывалась с величайшим трудом. Они не разговаривали. Рты и носы их были крепко завязаны и заключены в маски. Но, несмотря на это, они чувствовали, как по телу их бегают приятные мурашки от дыхания руды.

Если б не странные горловые спазмы, возникавшие от каждого отбитого кусочка, Лори с товарищами положительно готовы были бы работать день и ночь. Кости растягивались у них в теле, как резина. Странные видения, окрашенные багрянцем, проносились перед зрачками. Кровь билась в жилах, точно ее кипятили, как шоколад. Никогда еще Лори не испытывал такого подъема и уверенности в своих силах. Мы не знаем, думал ли он о Грэсе, но молоток его работал с невероятной быстротой.

Наверху, у дяди Гнейса, работа кипела не хуже. Огромный жар от электрической плавильни превращал руду в жидкое тело. Несколько желобков, трубок и фильтров принимали его, каждый раз очищая, покуда, капля по капле, красный сироп стекал в хрустальную чашу. К концу дня первая чаша напол-

нилась, и Ребров энергично выслал вместе с нею старого химика на свежий воздух. Дядя Гнейс посмотрел на своего заместителя, покачал головой и тихо выбрался из веселого места смерти.

Первое дуновение ветерка причинило ему головокружение. Второе уничтожило всякую веселость. Третье развязало мускулы и волю, и дядя Гнейс повалился на мула, как старый пустой мешок. Зобная железа его вспухла. Горло стянулось. Страшные спазмы сводили внутренности.

Мул тихо брел по горам, прядая ушами. И с каждой минутой пути старый Гнейс чувствовал себя хуже и хуже. Солнце село за горы, подул холодный, пронзительный ветер, тучи сползли в долины, когда мул остановился, наконец, перед длинным белым зданием. На пороге стояли мосье Надувальян со своей тетушкой. Мосье Надувальян принял мешок с сеном из рук химика и молча передал его тетке. Та с непроницаемым видом понесла его внутрь дома.

— Смотрите же, Надувальян! — тихо произнес химик. — Нынче ночью наш летчик полетит с первой партией в Зузель. Флакон запечатан. Будьте осторожны!

— Не беспокойтесь! — флегматично ответил армянин. — Тетка всю ночь топит печь. Мы спать не будем, а дело сделаем.

И действительно, из труб его дома валил такой дым, что даже горные туманы должны были уступить ему в плотности.

Дядя Гнейс повернул мула. Он страдал так сильно, что, добравшись до своей палатки, тотчас же лег и закрыл глаза. Первая доза смерти, принятая старым Гнейсом, была слишком сильна для его нежных костей рахитика. Но ему не суждено было отдохнуть.

— Проснитесь! — сказал кто-то гневным голосом над самым его ухом. — Проснитесь, злой и гадкий человек!

Гнейс раскрыл кроткие глаза. Перед ним была жена Вестингауза с растрепанными кудряшками и искаженным лицом.

— Я знаю, что вы заставляете их работать на смерть! — крикнула она диким голосом. — А потом отправляете этот проклятый металл их врагам, чтоб он задушил государство рабочих. Ведь вы старик. Вам недолго жить! Неужели вы хотите напоследок сделать величайшую подлость?

Доктор Гнейс приподнялся на постели. Маленькая Грэс всегда была ему симпатична и напоминала милый серый камешек нефрит. Но такие речи он все же не ожидал от нее услышать.

— Я требую, чтоб вы их спасли! Чтоб вы сказали им всю правду! — продолжала Грэс, схватив его за плечо и трясая изо всех сил. — Сейчас же идем вместе в шахту!

— Дитя мое, — слабо отозвался старик, взглянув на нее нежными разноцветными глазами, — не трясите меня, я плохо себя чувствую. Сядьте на стул. Так. Вы должны знать, что я не враг тем, о ком вы сейчас говорите. Наши действия обдуманы и согласованы. Они все знают.

— Знают? — воскликнула Грэс, надо сознаться, с некоторым разочарованием. — Как так? Зачем же они это терпят?!

— У них свой план. Они сильнее врагов. Не бойтесь.

— Но тогда... — Грэс запнулась. — Но тогда почему они работают в этой страшной шахте?

— Нужно для дела и для победы, — ответил старик слабым голосом. — Они обрекли себя на смерть. Это молодцы. Вы видите меня, дитя мое, — я принял первую ванну лэния и чуть жив. После семи таких ванн каждый из них будет инвалидом. После двадцати он умрет.

Грэс слушала, меняясь в лице. Умрут! Ребров ничего не сказал о смерти. Она вскочила, ломая руки.

— Слушайте меня, доктор Гнейс. Я должна попасть в шахту немедленно, немедленно. Что мне сделать, чтоб спасти его от смерти? Как себя вести?! Как быть?!

Она была в таком исступлении, что бедный старый Гнейс забыл про свои спазмы. Он вскочил с постели и схватил ее за руки. Но прежде чем ему удалось ее успокоить, она вытащила его из палатки, посадила на мула и повлекла за узды ангелоподобное животное, бесстрашно затрусившее в горы. Хорошо, что ни банкир, ни виконт, ни лакей Поль не видели этой кавалькады. Что касается Мусаха-задэ и князя Нико, они уже с утра отправились в конспиративную поездку. Таким образом Грэс беспрепятственно увлекла старого химика в авантюру, последствия которой были совершенно неясны для нее самой.

ОБЕД
У ВЕСЕЛЫХ
СМЕРТНИКОВ

Когда вторая чаша наполнилась, Ребров объявил перерыв. Но никто не хотел подняться наверх. Рабочие точно впервые нашли себя и свои члены: они кувыркались, играли, потягивались, глядя друг на друга расширенными зрачками. Ребров разложил на площадке еду и минут двадцать звонил в колокол, пока, наконец, не собрал их к обеду.

— Надо есть, ребята! — строго проговорил он. — Этак вы не протянете и шести дней. Лори! Садись. Ну-ка... — Он протянул руку за куском хлеба с сыром, как вдруг удивленно посмотрел вокруг себя, на хлеб, на свою руку — и улыбнулся.

— Эй! — воскликнул Лори, делая то же самое и откладывая кусок хлеба в сторону, — братцы, что это мы хотим делать? Неужто... Неужто мы собираемся запихнуть это в себя?

Рабочие переглянулись. Черт возьми, что такое!.. Они утратили необходимость в еде. А вместе с нею они утратили представление о том, как надо есть, что надо есть и зачем надо есть. Смутное воспоминание об этой процедуре наполняло их удивлением, точь-в-точь как у человека, видевшего во сне, что он летает, и сохранившего, пробудившись, странное летательное чувство в своих предплечьях.

— Н-да... — проговорил Ребров нерешительно. — Насчет этого я ничего не знаю. Дядя Гнейс научил меня делать сплав и беречь свою глотку. Он не сказал, что мы изменимся, точно родимся на какой-то другой планете.

— Поднимемся наверх, — пробормотал старый рабочий, — беспокойно у меня на сердце, братцы! Я согласился помереть для нашего дела, но ведь не в ангельском же виде! Неужто нам на прощание так и не покушать? Винца не попить? Ах, черт, да как мы раньше-то могли есть и пить?

Лори взглянул на него с сожалением.

— Эх ты! — вырвалось у него. — Брось глупости. Радуйся! По мне, так вовсе не надо выходить отсюда, до самого последнего дня. Мы не будем ни в чем нуждаться. Нам не нужно другого воздуха, не нужно пищи. Это я называю райской смертью.

— Все-таки я поднимусь, — пробормотал Ребров. — Заведи колесо, дядя. Я сяду в корзину вместе с чашей.

Он легко прыгнул на высоту трех футов, прежде чем старик взялся за колесо и сел в корзину.

— Странно! Мы потеряли тяжесть. Или земля потеряла здесь притяжение,— крикнул он, принимая из рук рабочего хрустальную чашу, подброшенную к нему, как мячик. Корзина взлетела наверх легче пушинки.

Но там, где должно было сиять солнце, Ребров увидел лишь голубую узкую щель. Когда первая струйка свежего воздуха коснулась его лица, он испытал нервный толчок и повалился из корзины вниз головой. Встав и отряхиваясь, измученный, голодный, усталый, Ребров с ужасом припал к щели. Скала сдвинулась. Шахта была закрыта.

— Эй!— крикнул он в щель.— Есть тут кто-нибудь?— Он вырвал листок блокнота, нацарапал:

20 грамм лэния

и просунул бумажку вместе с чашей в щель... Но тут ее подхватила нежная старческая рука с мягкими пальцами, и бледный дядя Гнейс придвинул лицо к щели.

— Вы погребены в шахте,— шепнул он.— Жена Вестингауза побежала на другую тропинку. Может быть, там все осталось по-прежнему.

— Беда не велика!— ответил Ребров.— Эта щель, дядя, отлично годится для пропуска чаш. Сторожите здесь посменно. Приносите нам... черт, я опять голоден, а десять минут назад... Дядя Гнейс! Там, внизу, мы не испытываем нужды в еде и питье.

Доктор Гнейс глядел на него сострадательными глазами.

— Тем лучше, друг мой! Все устроилось как нельзя лучше. Вы не будете страдать, если откажетесь от свежего воздуха и солнца. Но дело в том... дело в том... Мы выработали только сорок грамм. Заставьте ребят торопиться... Дело в том, что эта щель медленно сдвигается.

Слова застревали во рту у бедного Гнейса. Он страдал, встречаясь со взглядом Реброва.

— Нет никаких изменений земной коры. Ничего похожего на удары. А между тем скалы сдвигаются, и если движение их не прекратится...

— Мы будем раздавлены, как листья папоротника в пластах антрацита,— бодро ответил Ребров.— Не волнуйтесь, дядя! Кто утопает, тот не боится промокнуть.

С этими словами он опрометью кинулся вниз, к корзине. Ему оставалось теперь одно: всеми силами, всем напряжением

успеть довести сегодняшнюю выработку хотя бы до ста грамм,— пока щель не закроется окончательно.

— Лори! — крикнул он, появляясь в узком тоннеле. — Работай за четверых. Шахта заперта. Последняя щель сдвигается. Мы должны дать лэний хотя бы настолько, чтоб обезвредить врагов на первые дни войны.

Лори стал удивительно понятливым. Он даже не переспрашивал. Рабочие тоже поняли Реброва с первого звука. Локтями, ладонями, ногами заработали они в руде, отламывая, отряхивая, отсыпая, откусывая острые осколки. Каждый старался ударить молотком быстрее, чем в одну сотую секунды, и никто не чувствовал ни усталости, ни страха. Легкое, острое веселье охватило их танцующим вихрем. Легкость снова вернулась к Реброву. Все больше и больше осколков подвизилось к его лаборатории, все быстрее бежала по трубам красная струйка сиропа.

Двадцать грамм, еще двадцать грамм, еще двадцать — они перешли за сто грамм, когда, наконец, старик рабочий, взлетавший наверх вместе с чашами, опустился вниз серьезней, чем поднялся. Он держал в руках седьмую чашу. Щель сдвинулась еще тесней. Чаши не просовывались.

— Жаль, что мы не позаботились о флаконах! — крикнул Ребров. — К воронке, братцы. Может быть, выберемся через воронку.

Ход, высеченный в скале, употреблялся лишь в крайнем случае. Он был труден, длинен и вел на вершину горы. Ребров был уверен, что он задвинут, так как о жене Вестингауза, побежавшей к этому входу, не было ни слуху, ни духу. Они поспешили к каменной лестнице и остановились, столкнувшись с блестящим, отполированным куском огромного кварца. Воронка исчезла, точно ее и не было, а вокруг них вились новые, неведомые коридоры, в высоту человеческого роста, посыпанные дивным золотым песком.

— Чудеса! — крикнул Лори. — Мы в пегматитовых жилах гранита!

С этими словами он упал на песок и проворно ощупал вокруг себя стены, пол, потолок, впадины.

Ребров был мрачен. Седьмая чаша, оставшаяся у него в руках, мучила его совесть.

— Сколько грамм нужно для отравления орудий всех наших врагов? — спросил он у Лори, ползшего по земле.

— Мы обезвредили их на десять — пятнадцать дней войны, — откликнулся Лори. — Но идемте вперед, братцы. Может быть, перед нами откроется какая-нибудь щель.

Он смело пустился вдоль по коридору, глядя руками бока и ребра, жилы и старательно перебирая каждую горсточку песку. Ребята засветили фонари и двинулись вслед за ним.

Глава сорок третья

ВСТРЕЧА В ГНЕЗДЕ БРИЛЛИАНТОВ

Жилы вились змеями на огромное расстояние. Они пересекали друг друга. Заходили в тупички, разветвлялись, образовывали гнезда, но никаких щелей Лори найти не мог. Почувствовав усталось, он повернул обратно и положил руку на плечо Реброва.

— Делать нечего, идемте назад. Наша работа закончена на седьмой чаше.

Ребров сердито сдвинул брови.

— Восемь жизней за десять дней ихних неудач — это дорого. Черт возьми, я не герой. Я готов стучать кулаками об стену, чтоб не умереть с проклятым чувством недовольства.

— Но мы должны быть трезвыми, — мягко ответил Лори. — Не забудьте, друг, что в десять дней, покуда их пушки, пули, моторы и газы будут куролесить и фокусничать, у сотни тысяч солдат пробудится сознание. Я убежден, что союз победит и начнется революция во всем мире.

— А мы ее не увидим! — сумрачно воскликнул Ребров. — Я начинаю задыхаться. Эти жилы увели нас от лэния. Смерть начинает быть слишком обыкновенной. Идемте назад.

Он повернулся и побежал, отбрасывая фонарем на стены гранита фантастические искры. Лори догнал его опять и зашагал рядом. В противоположность Реброву, всегда сдержанному, а сейчас взволнованному и теряющему спокойствие, Лори, всегда живой и беспутный, стал удивительно мягок и тих. Глаза его засветились, губы приняли мечтательное выражение.

— Ребров, — шепнул Лори, — вы сказали, что жена Вестингауза побежала к воронке. Я надеюсь, она осталась жива. Это — та самая женщина, от которой я звонил в сигнальный колокол себясуда.

Он не успел кончить свое признание. Коридор внезапно расширился. Слабый блеск пролился им навстречу. Они заблуж-

дились,— вместо знакомой земляной площадки перед ними была странная круглая пещера, полузасыпанная песком, на котором лежали две человеческие фигуры.

Ребров оцепенел. Лори судорожно сжал его плечо.

Старый рабочий навел фонарь на лежавших.

— Это ужасно!— вскрикнул Ребров.— Дядя Гнейс, вы здесь, вместо того, чтоб передавать чаши по назначению. Вы погубили дело!

— Ничуть,— спокойно ответил женский голос.— Мосье Надувальян забрал чаши собственноручно. Он предупрежден. Он отправит их нынешней ночью в Зузель.

— Очень хорошо. Но кто вам позволил забраться в шахту? Зачем вы здесь, вы и доктор Гнейс?

— Во-первых, вы не смеее на нас кричать,— сердито пробормотала Грэс, поднимая старика и помогая ему держаться на ногах,— иначе мы тут засыплемся и умрем назло вам. Доктор Гнейс хотел вытащить меня из щели, но вместо этого попал в нее вместе со мной. Если земля замыкается по своему собственному желанию, мы не можем отвечать за ее поступки.

— Упрямая женщина!— разозлился Ребров.— Никогда вы не научитесь быть общественной. Вы погубили первоклассного химика, нужного для рабочего дела. Вас следует изгнать отсюда в двадцать минут, если только мы разыщем какую-нибудь дырку.

— И если только вы вылезете отсюда вместе со мной...— спокойно ответила Грэс.

— Друзья мои, не ругайте ее,— прошептал химик слабым голосом,— она хороший, честный камешек, и, право же, я не мог больше жить, зная, что вы тут погибаете. Я принял слишком сильную понюшку лэния.

— Вот что!— отрывисто произнес Лори, взглянув прямо на Грэс сияющими серо-голубыми глазами.— Дело сделано, теперь ничего не поправить. Обсудим положение: пока мы здесь, то есть в пегматитовых жилах, вне эманации лэния, мы умираем, хотя мы живем. Если же мы спустимся вниз к лэнию, мы станем жить, хотя будем умирать.

— Что за алгебра!— пробормотал Ребров.

— Лори Лэн прав,— тихо сказал химик.— Здесь мы дышим кислородом и поставлены в обыкновенные условия. Но именно потому нам предстоит умереть — от отсутствия пищи и воздуха, когда мы съедим и выдохнем все, что тут есть. Внизу — дело другое. Внизу мы попадем в иные условия существо-

вания. Лэний пропитает нас, будет нашей пищей и воздухом. Мы почувствуем себя превосходно, но мы будем утасать со дня на день, пока лэний не поглотит весь известковый запас нашего организма.

— Я за смерть внизу! — воскликнула Грэс.

— Я тоже, — пробормотал ученый.

Ребров и рабочие угрюмо кивнули головой.

— Ну, так сидите тут и ждите, пока я найду дорогу, — крикнул Лори и, заметив судорожное движение Грэс, прибавил, — нет, нет, я непременно вернусь! Я вернусь со всех ног...

Он повернулся и бегом бросился вниз по галерее. Ребров меланхолически опустил на песок. Рабочие подсели к нему. Никто из них не боялся смерти. Но каждый с грустью помянул свою трубочку, которую здесь, внизу, нельзя было раскурить.

— Знаете, что окружает нас? — спросил старый ученый, сунув руку в золотистые груды песку и доставая оттуда тусклые кристаллы. — Здесь их несчетное количество. Это — алмазы, слезы земли, дивные камни, которые гранят ювелиры и делают сверкающими источниками молний. Мы в гнезде бриллиантов! И если вам кажется, что вы в полумраке, то это потому, что свет их прячется в потенциале... Так же и смерть, друзья мои! Смерть есть невидимый свет алмаза. Когда последнее мгновение, как ювелир, снимает с него тайные грани, искры хлынут на нас ослепляющим светом. Нет в жизни ничего интереснее последнего мига смерти. Счастье, кто встречает его в полном сознании и памяти, зрачки в зрачки, с брызгами света!

Эта тихая речь старого Гнейса была услышана разве что тусклыми кристаллами, свисавшими над его лысиной. Шестеро рабочих молчаливо сидели на песке, думая об оставленных семьях. Ребров погрузился в расчеты: когда прогремит первая пушка, брызнет первый прожектор, закружится первый баллон с газом, несущие посрамление капиталистической армии всего мира и победу Советскому Союзу. А Грэс, опустив голову в руки, затуманенными глазами следила за золотыми песчинками.

— Его зовут Лори Лэн, Лори Лэн, Лори Лэн, — прошептала она довольным голосом.

Ребров вздрогнул и пришел в себя. Черт! Эта женщина была выходцем из вражеского лагеря. Она дотащилась до могилы, чтоб опутать его товарища и здесь, перед лицом смерти. Она была все так же упряма и легкомысленна, как и все люди

ее класса — пустые, пошлые, подлые, уверенные в себе! Спокойный Ребров почувствовал внезапно прилив ненависти.

— Не смейте называть его по имени! — произнес он хрипло.

Грэс вздрогнула и подняла на него глаза.

— Ну да, не смейте! — повторил Ребров. — Знаете ли вы как он очутился здесь? Когда вы начали преследовать бедного парня, он спасался от вас как от огня. Он готов был подпалить свою собственную шкуру. Вы путались в его планы, сбивали его с толку. Когда он понял, что вы от него не отвяжетесь, он подбежал к сигнальному колоколу и зазвонил во всю мочь. У нашего союза есть такой колокол. В него звонит каждый, кто хочет обвинить себя самого. Лори собрал трибунал. Он протянул им руки и сказал: братцы, мне тошно, я погибаю, спасите меня от этой женщины! И союз связал его и переправил сюда. Если б вы были мало-мальски честные, если б в вашем сердце тлела хоть искра простой человеческой любви, такой, какою любят добрые женщины нашего класса, — вы устыдились бы, спрятались бы, оставили бы его в покое, убежали бы от него на край света.

Грэс слушала эту речь, склонив голову и водя пальчиком по песку. Глаза ее сияли, щеки медленно разгорались. Известно, что бы она ответила Реброву, если бы в эту самую минуту Лори не прыгнул в пещеру, легкий и стройный, как ветер.

— Я нашел дорогу, идемте! — запыхавшись, произнес он. И опять глаза его устремились на Грэс, но на этот раз они не встретили ответа. Грэс стояла, выпрямившись и глядя в землю. Лицо ее было спокойно и задумчиво. Когда рабочие вскочили с песка и вся компания тронулась в путь вслед за Лори, она тихо продела ручку через руку старого ученого и шагнула вперед, полная все той же суровой задумчивости.

Глава сорок четвертая

ТУРИСТЫ В ЗАНГЕЗЬЕ

Мосье Надувальян вздохнул, дотавив до склада последнюю хрустальную чашу. Странное сжатие скалы, закрывшее разработку лэния, на нервы его подействовало

очень мало. Гораздо больше нервировал его треск пропеллеров.

Так и теперь. Не успел он дойти до склада, как над Зангезуром опять зареяла точка. Спустившись вниз, она затрепетала и застрекотала над его ушами самым несносным образом, покуда не села, растопырившись, на площадку. В ту же минуту из нее выпрыгнули двое людей чистокровной английской наружности, если верить опере «Лакмеэ» и другим популяризациям английского гения среди восточных туземцев. То были мужчины и женщины одного роста, в полотняных цилиндрах, изобильно снабженных синей вуалькой и в длиннополых летних пальто. И мужчина, и женщина бряцали огромными лорнетами, висевшими вокруг шеи, и полевыми биноклями, заткнутыми за бело-розовые пояса. Попрыгав туда и сюда, по лужам, оврагам и кочкам Зангезура, они испустили несколько восторженных криков, натерли себе глаза и переносицу лорнетами и, наконец, приблизились к складу мосье Надувальяна.

— Ваш пароль? — тихо спросил мосье Надувальян.

— Мы мирные туристы в Зангезуре! — ответили оба в один голос, после чего Мосье Надувальян ввел их с большими предосторожностями внутрь своего склада.

Здесь было темно и затхло. Освещение давала лишь маленькая отполированная платиновая пластинка, на которую перебрасывался зеркалами свет из стеклянного купола. Баллоны, пустые и полные, стояли вокруг стен. Хрустальные чаши лежали на столе. Множество флакончиков валялось в корзине.

— Товар сильно возрос в цене, — пробормотал Надувальян, вынимая из корзины два закупоренных и запечатанных флакона и тотчас же опуская их в каучуковый баллон с водой, — два лота — пятьдесят тысяч фунтов стерлингов золотом.

— Черт возьми! — воскликнул турист. — Вы спятили!

— Ничего подобного, — отозвался армянин спокойно, — разработка засыпана. Это последний фунтик нашего минерала.

Туристы посоветовались друг с дружкой, тяжело вздохнули и вытащили из карманов битком набитые бумажники. Не менее тяжело вздохнул и Надувальян, принимая от них сумму, на которую он мог бы купить весь Зангезур.

— Ну и работа! — прошептал он, выпроваживая туристов за дверь. — Один улетает, другой прилетает, пилава не дадут доесть!

И точно. Не успел он закончить вздоха, как на площадку услась новая стрекоза.

На этот раз оттуда выскочил итальянец. Он был в чесучовом костюме и блестящей шляпе. Сделав небольшую прогулку по окрестностям и нащелкав кодаком к великому удовольствию армянских галок немалое количество безвредных видов, он приблизился к роковому складу и распахнул пиджак. На нем была розово-белая жилетка.

— Пароль? — спросил Надувальян, выглянув в окно.

— Я мирный турист в Зангезуре.

— Войдите, — утрюмо ответил армянин, дожевывая хорошую ложку пилава и вытирая губы салфеткой, — войдите и соблюдайте осторожность. Воздух заряжен. Баллоны взрываются. Вам сколько надо?

— Пять фунтов! — жадно выпалил итальянец.

— Восемнадцать триллионов, двести восемь миллионов одиннадцать тысяч лир сорок два центезима, — выщелкал на счетах Надувальян.

Итальянец всплеснул руками и пошатнулся.

— Не падайте, — посоветовал Надувальян. — Упадете, взорветесь. Скажи простым языком, сколько имеешь покупательской способности?

— Десять тысяч лир... — простонал итальянец.

— Эх ты, душа, — сплюнул Надувальян набок. — Надувальян солидный человек. Так и быть, возьми золотник на память, денег не надо.

С этими словами он сунул итальянцу флакончик и выпроводил его за дверь, дрожащего и бледного от неудачи.

А за дверьми уже стоял новый турист. Он раздвигал ноги, щепоткой подтягивая у колен полосатые брюки, приподнявшиеся над парой носков снежно-белого цвета с ярко-розовыми полосками. Он пристально глядел на мосье Надувальяна. Мосье Надувальян взглянул сперва на носки, потом на брюки, потом на огромный живот, воротник и круглое красное лицо восточного типа, — и попятился. Можно было подумать, что он испугался.

— Пароль? — пробормотал он дрожащим голосом.

— Парапупондопуло в Зангезуре! — ласково ответил толстяк, подмигивая армянину. — Свой своя не опознаша!

— Грек! — подумал Надувальян, чувствуя спазмы в желудке, горле и подмышками.

Суетливо провел он его в склад, не спуская глаз со своего гостя ни на секунду.

— Сколько изволишь?

— Сколько продашь,— ответил грек милостиво и ударил себя по карману.

— Восемь тысяч драхм золотник. Своя цена. Меньше ни единой лепты.

— Дорого, друг. Скинь тысячу.

— Рад бы душой,— не могу.

— Недаром ты александрополец! Бери! Соси мою кровь! Дай сюда пять лотов в хорошей упаковке.

Надувальян опрометью сунул флаконы в каучуковый баллон, упаковал, завернул в собственную салфетку.

— Уехал,— пробормотал он, вытирая пот.— Ну, счастлив я... Ай, что такое? Скандал! Обман! Убийство! Держи!

Но пропеллер журчал уже на недостижимой высоте. А кредитки в дрожащей руке Надувальяна, все до одной, были фальшивые.

Глава сорок пятая

КИМОНО АРЛА РАМЕРА

При дневном свете обширное здание Велленгауза смотрит не менее мрачно, чем ночью. Вся штукатурка покрыта пятнами сырости. Ни одно окно не завешено. С кладбища веет кипарисом и резедой, что, впрочем, не скрадывает запаха живого гниющего тела, просачивающегося из каждой щели. За длинными столами сотни инвалидов молча ели деревянными ложками суп из картофельной кожуры, когда Тодте и молодой человек на протезах провели под руки в кабинет председателя сыщика Боба Друка.

Сыщик Боб Друк стал другим человеком. Зеленые складки виснут у него на лице точь-в-точь, как обои в отсыревшей комнате. Глаза померкли. Рот выпятился. Он сел в придвинутое кресло, подтянув на коленях брюки, и безразлично уставился на Тодте.

— Карл Крамер сильно болен, Друк,— произнес безглазый, растягивая каждый слог,— сильно, сильно болен. Следствие тормозится, ему нужно помочь.

Лицо Друка порозовело, глаза оживились.

— Но я был у Карла Крамера еще вчера вечером! — воскликнул он беспокойно. — Я видел его совершенно здоровым. Мы проболтали часа три, хотя, разумеется, говорил я, а он молчал и слушал.

— Вчера здоров, сегодня болен, — так оно и бывает на свете, Друк. Вы должны, наконец, помочь ему чем-нибудь. Нельзя выезжать на одном Карле Крамере!

Друк насторожился.

— Например, арестованная старуха! К чему навязывать ее Крамеру, и без того занятому днем и ночью? Вы могли бы ее допросить и доложить ему имя убийцы его секретаря. Разве это приятно, по-вашему, узнать самому, кто убил дорогого вам человека? Нет, Друк, нет, у вас не хватает чуткости. Вы хороший сыщик, но вы... вы предпочитаете, чтоб за вас делали дело другие.

— Старуха, — пробормотал Друк, — паршивая старуха! Я с первого раза узнал, что она не переодета. Это ошибка Крамера. Я ему вчера сказал, что он ошибается насчет старухи.

— Правильно! Только ведь убийцу-то она как будто знает! Нет ничего легче, как подмазать вас под Карла Крамера и дать вам в подмогу секретаря. Тюремный надзиратель примет вас за следователя и пропустит. Решайтесь, а? Странно вы себя будете чувствовать в кимоно Карла Крамера!..

Последняя фраза повлияла на сыщика магнетически. Дрожь прошла по его телу, точно от предвкушения удовольствия. Он вскочил с места, юношески подбежал к зеркалу, но, взглянув на себя, отшатнулся.

— Я как будто опять побледнел, — сказал он упавшим голосом, — это от бессонницы. Тут странный климат...

— Ничего, ничего, обойдется, — примирительно произнес молодой человек на протезах, живо снимая со стены кимоно, тюбетейку, пунцовый платок. — Садитесь-ка! Я был, покуда меня не мобилизовали, театральным парикмахером. Хорошее это дело!

Он во мгновение ока закутал Друка полотенцем и выхватил бритву. Раз-два: подбородок сыщика заклеен пластырем. Щека повязана пунцовым платком. Нос прижат щипчиками, на голове тюбетейка, на глазах черные круглые очки. Руки и ноги сыщика окутаны халатом, похожим на дамское кимоно. Он стоит посреди комнаты, глядя на самого себя в зеркало. И — странное дело.

Боб Друк испытывает приятную теплоту. Мозги его оживились и начали работать. Глаза заискрились лукавством. Му-

скулы снова молоды, как в первый день приезда. Работать для Карла Крамера, под Карла Крамера, в одежде Карла Крамера! Давно бы так! Это безобидный, милейший, оклеветанный человек... Бедняжка лежит больной. Надо поддержать его репутацию. Он, Боб Друк, поддержит его репутацию ценой своей собственной...

Тодте внимательно глядит на сыщика своими дырками и держит его кисть: он считает пульс. Боб Друк не видит в этом ничего особенного — дружеское внимание перед маленьким дельцем. Он чувствует теперь даже к нему прилив нежности и благодарности.

— Давно бы так, Тодте! — шепчет он лихорадочно, не вырывая у него руки. — Такой милый, безвредный человек, милый собеседник, добрейшая и милейшая личность! Вы его полюбили, ведь полюбили, Тодте, а? Будем работать вместе!

— Именно, дружочек, именно... В тюрьме ни с кем ни слова. У надзирателя наденьте пасторскую шляпу. Войдя в камеру старушки, выдайте себя за пастора. Налегайте на тысячу золотых марок!

— Знаю, знаю! — восторженно ответил Друк. — Странно, как прояснились мои мысли. Я был подавлен, положительно подавлен... Я не мог вынести вашего недоверия к Крамеру. Ну, едем, едем. А вечером мы все вместе отправимся к нему с отчетом!

Человек в протезах между тем покончил со своим собственным гримом. Он был сейчас ни дать ни взять щеголеватый секретарь Карла Крамера. Он взял Друка под руку и сошел с лестницы как раз в ту минуту, когда черная закрытая карета с инвалидом-извозчиком на козлах была подана к крыльцу Велленгауза.

Глава сорок шестая

ПРИЗНАНИЕ ДА **М** **ИЗ ПО** **М** **ЕРАНИИ**

Доехав до тюрьмы, секретарь осторожно выпрыгнул, быстро ввел Друка в приемную, вызвал начальника тюрьмы, и через несколько минут оба уже стояли перед камерой старухи.

— Беснуется! — шепнул им надзиратель. — С полчасика, как снесли ей ужин. Вашу кружку и прочую посуду получили и подали.

Боб и не подумал спросить — «какую посуду». Впрочем, он даже не мог говорить: спазмы давили ему горло, точно он схватил сильнейшую жабу.

Между тем секретарь отворил дверь и вошел в камеру. Друк последовал за ним.

Старая дама из Померании была в истерике. Она бегала взад и вперед по комнате с распущенными волосами и разорванным воротом. Останавливаясь по углам, она колотила себя в грудь, кричала, охала, хохотала, плакала, то в последовательном порядке, то одновременно, наподобие симфонического tutti¹. Завидя Друка и секретаря, она остановилась и как подкошенная, упала на кровать:

— О, о, о! Это вы, господин пастор?

— Да, — ответил Друк низким, сильным голосом, с трудом ворочая языком, — я пастор, добрая женщина, и пришел дать вам утешение... Ай! Что это такое?

Шагнув к кровати, он споткнулся и чуть было не покатился вниз. На полу лежала опрокинутая синяя эмалированная кружка. Вокруг нее валялось несколько дохлых мышей животами и лапками вверх.

Старуха взглянула вниз и судорожно захохотала.

— Они принесли мне жижу и кипяченую воду! Женщине моих лет и в моем отчаянии, господин пастор! Я пью воду только тогда, когда иду под дождем без зонтика. Две-три капли рому на кипяток, господин пастор, — вот все, что требуется для женщины моих лет. А эти негодяи, убийцы, казнокрады вообразили, что я пью кипяченую воду!

— Вы бросили кружку на пол? — спросил Друк, нагибаясь за синей кружкой.

— Я передернула плечами от негодования... Если она свалилась, вините надзирателя, ставящего все на самый кончик стола!

Боб Друк держал в руках странную круглую кружку, сделанную без единого острого угла и без ручки. Она была не тяжелее кусочка ваты. Эмаль покрывала какое-то легчайшее вещество, похожее скорей на картон, чем на металл. Кружка была пуста и суха.

Глаза Друка блеснули странным светом.

¹ Полный оркестр (когда играют все инструменты сразу).

— Взгляните,— сказал он секретарю, протягивая ему кружку,— это моя кружка. Не странно ли? Самоубийца жива.

Секретарь пристально глядел на мнимого Карла Крамера. Сыщик был в необычайном волнении. Он остро поглядывал из-под очков, ноздри его трепетали, пальцы судорожно двигались. Подняв за хвост одну из дохлых мышей, он раскачал ее в воздухе и отшвырнул в самый дальний угол.

— А эта глотнула воды и подохла. Соберите посуду и мышей. Возьмите мою кружку с собой. Они будут вещественными доказательствами.

С этими словами он подсел на кровать к старухе и взял ее за обе руки. Голос его сделался ангельски нежным.

— Добрая, дорогая дама, соберитесь с мыслями. Вы хотели видеть пастора. Я пастор. Что у вас на совести? Как вы дошли до тюрьмы?

— Не дошла, а доехала,— злобно ответила старуха, глядя на сыщика недоверчивыми желтыми глазами.— Коли вы пастор, ушлите того человека, уставившего на меня свои дурацкие глаза, точно я преступница.

— Он должен остаться, дорогая дама. Не бойтесь говорить при нем.

Старуха опустила голову с седыми космами.

— Я должна вас спросить, господин пастор. Того... покойничка, которого я видела в морге, обвиняют в убийстве этого дурака Вейнтропфена. Между нами будь сказано, хоть он и убит, а дурак, и я всегда говорила, что дурак и дурррак!

— Не только обвиняют. Он найден на несчастном Вейнтропфене с пальцами, сжимающими его шею. Смерть Вейнтропфена наступила от удушения.

— Ага!

Старуха самодовольно закивала головой.

— Я всегда знала, что дурак-то получит по заслугам. Доказал-таки, чего стоит. Но, господин пастор, значит, покойничек считается убийцей?

— Он и есть убийца.

— Какое же ему будет за это наказание?

— Первым долгом, дорогая моя сударыня, он будет лишен всех прав состояния, во-вторых, заклеямен перед потомством. В-третьих, его имущество будет взыскано в пользу семьи убитого, если таковая предъявит иск.

— Ох, ох!— взывала старуха.— Да Вейнтропфен был холостяк. Где же ему, подлецу, жениться при такой глупости,

когда он мог вместе с булкой откусить свой собственный язык?

— Вы хорошо знали убитого,— не знаете ли вы убийцу?— этот вопрос мнимый пастор задал самым легким и нежным тоном, вполголоса. Но дама из Померании вскопчила, как посаженная на горячую сковородку.

— Откуда мне его знать?!— завопила она диким голосом.— Если ближайшие родственники разоряют несчастных женщин, которым на старости лет остается кипяченая вода, так вы думаете, что я разожму глотку и сболтну лишнее?! Зря думаете, зря, зря! Никого не знаю! Знать не хочу!

— Но ведь тысяча марок... Все-таки, сударыня, это сумма. Нельзя же вам забывать, что вы можете получить тысячу марок.

Старуха выпрямилась и схватила пастора за плечо:

— А вы думаете, они мне выдадут тысячу марок?

— Конечно, выдадут. Выпустят из тюрьмы. Оплатят судебные издержки. Обратный путь до дому!

— И они мне выдадут, что бы я ни сказала?

— Разумеется, если только сказанное вами будет правдой.

— Хотела бы я посмотреть, как они ухитрятся найти это неправдой, если он был таков в моем собственном чреве!

— Итак, убийца, по-видимому, ваш сын?

— Не по-видимому, господин пастор, а по всей совокупности видимого и невидимого, не будь я вдова старшего лесничего из Кноблоха.

— Кто же он такой?

— Кто-о?— Старуха пронзительно взглянула на сыщика, вытянула синие губы к самому его уху, всхлипнула и прошептала:— ...Карл Крамер!

Боб Друк вздрогнул, вскочил, из груди его вырвался невольный крик ужаса, похожий одновременно и на его собственный голос, и на голос того существа, которое он называл до сих пор— Карлом Крамером...

Секретарь быстро подхватил его под руку и, прежде чем старуха пришла в себя, вытащил мнимого пастора в коридор.

СТРАШНАЯ ЗАГАДКА

Тюремный надзиратель мирно ловил муху у себя на носу, когда к нему вбежали мнимый Карл Крамер и его секретарь. Карл Крамер сорвал с себя пасторскую шляпу и швырнул ее на пол. Но, когда он начал срывать пластыри, болячки, нос, губы, волосы, платок, очки и кимоно, тюремный надзиратель вскочил с места.

— Не бойтесь! — хрипло произнес сыщик. — Это был маскарад. Мы дознались у старухи, кто такой убийца Вейнтропфена!

Надзиратель уставился на Друка с любопытством.

— Убийца Вейнтропфена — Карл Крамер, — странным голосом продолжал Друк.

— Что-о?!

— Не тот, кого мы знаем под этим именем, а настоящий следователь — Карл Крамер. Я знал, что он окажется безобидным. Мик не наврет... И, если б не его любовь к рекламе и таинственности, к переодеванию и вот этим тряпкам, его узнал бы весь город. Он сам вырыл себе западню. Он был дурак!

Боб Друк произнес все это в лихорадке, разговаривая сам с собой. Зубы его стучали. Надзиратель слушал, побледнев.

— Но тогда... Кто же такой теперешний Карл Крамер?

Все трое вздрогнули и уставились друг на друга.

С зеленым и одутловатым лицом сыщика происходила между тем медленная перемена. Тупое напряжение исчезло со лба. Глаза прояснились и зажглись мыслью. Губы втянулись внутрь. Плечи распрямились. Крупные капли пота, стекавшие с лица, говорили, что Боб Друк переживает страшный внутренний перелом.

— Сядьте! — начальнически крикнул он на надзирателя и своего мнимого секретаря. — Каждая секунда дорога. Мы должны выработать план.

Секретарь и надзиратель послушно сели.

— Прежде всего берите трубку и звоните к Карлу Крамеру!

Надзиратель послушно взял трубку.

— Говорите испуганным голосом: «Несмотря на все меры предосторожности, старуха отравилась». Сделайте вид, что смертельно боитесь и выговора, и увольнения.

Надзиратель позвонил и выполнил приказ с точностью, тем более для него легкой, что зубы его все время так и стучали о телефонную трубку.

Когда разговор кончился, Боб Друк встал:

— А теперь мы будем решать загадку, — сказал он надзирателю с улыбкой, от которой того бросило в дрожь. — Не пускайте мнимого следователя к ее телу под каким-нибудь предлогом... А вы (это относилось к человеку на протезах) немедленно отправитесь к Тодте и передадите ему все. Пусть он знает, что я заглажу свою глупость.

С этими словами Друк резко повернулся и выбежал из тюрьмы.

Через самое короткое время веселый, жизнерадостный молодой человек с круглым лицом и чувственными губами подходил к знакомой калитке в глубине безлюдной Зумм-Гассе. Правда, лицо его было зеленого цвета, но глаза улыбались, а щеки так и прыгали от смеха. Щеголеватый, нарядный секретарь Карла Крамера поздоровался с ним кивком головы.

— Можно к вашему милому патрону? — лихорадочно пробормотал Друк. — Я так стосковался... Сколько дней я у него не был. День, два, три?..

— Вы были здесь вчера! — сухо ответил секретарь. — Идите, вас примут.

Боб Друк взбежал по лестнице. Он вошел в круглую пустую приемную Карла Крамера, где было шесть глухих окон, нарисованных скверным маляром, потертый ковер, стол, два стула, мягкое низкое кресло со скамеечкой для ног.

Сыщик вздрогнул и принюхался. Вот это кресло, у которого он часами просиживал, неудержимо болтая. От него идет приятный знакомый запах. Друк зажмурил глаза и втянул его в ноздри.

Мягкие, вялые пальцы в перчатках, похожие на тряпичные, дотронулись до его плеча, и Карл Крамер опустился в кресло. Круглые очки обратились в сторону сыщика.

Существо в кимоно, залепленное пластырями, улыбающееся, странное, милое, мягкое, безобидное — плюшевая игрушка — опять глядело двумя круглыми стеклами на Боба Друка. Ведь бывают же нежные страсти у маленьких детей

к безобразным плюшевым уродцам! Друк судорожно стиснул руки.

— Дорогой мой,— начал он болтливым голосом,— вы, наверное, ужасно огорчены, ужасно, ужасно. Еще бы! Я так и знал. Несмотря на все ваши меры, проклятая старуха отравилась... Но не горюйте! Судьба все-таки оказалась ужасно милостива к нам обоим. Вообразите себе, старуха успела открыть свою тайну!

С этими словами он всем корпусом повернулся к креслу. Очкастое мягкое существо сидело неподвижно, держа маленькие черные ручки на коленях. Два круглых стекла неотступно глядели на Друка. Ни страха, ни дрожи, ни малейшего изменения в позе!

— Должно быть, она захотела облегчить душу перед смертью. Она написала письмо с просьбой передать его мне. Вы понимаете смехотворную сторону дела: не вам, не знаменитому сыщику Карлу Крамеру, а так и написала: *частно - му сыщику в собственные руки*.

— Ха-ха-ха!— Боб Друк увидел, заливаясь смехом, что существо дрожит от беззвучного хохота. Маленькая ручка дотронулась до его руки— такая безобидная, как плюшевая кисточка.

— Вы радуетесь за мои успехи, понимаю!— бормотал Друк.— Дорогой коллега, все это ради вас, ради вас! Я горю желанием помочь вам вести следствие. Сейчас я должен отправиться в тюрьму. Письмо будет вручено мне из рук в руки. И я его снесу— ха-ха-ха!— вы можете быть уверены, что я снесу его семимильными шагами прямо к главному прокурору города Зузеля... Почему не к вам? Да?— Боб Друк потирал руки от хохота.— Ни за что к вам! Не просите! Вы бессильны в этом маленьком пункте. Я не хочу вас затруднять. Вы нездоровы. Вы волнуетесь. Я скажу прокурору, что признание старухи— дело ваших рук. Мы потребуем опубликования письма в газетах. Это дело прославит вас еще больше.

Тут Боб Друк поднял пальцы к горлу,— ему показалось, что там что-то ноет. Он встал со стула, напрягая всю свою волю. Существо глядело на него неотступно, перебирая пальчиками. Оно походило на крохотного паучка в паутинке. Боб Друк с силой разорвал нежные, нудные, ноющие нити, тихонько обтягивающие его мускулы, захохотал и выбежал на свежий воздух.

Дьявольская игра под самого себя! Еще секунда — и он потерял бы силу сознавать, что это только роль, а не он сам, настоящий, влюбленный, помешанный, одуроченный Боб Друк.

Он шел теперь со всех ног назад в тюрьму.

Узнав у надзирателя, что Карл Крамер не звонил, не заезжал и не подавал признаков жизни, он вызвал Тодте по телефону:

— Я хочу раскусить способы его странных убийств, — быстро шепнул он в трубку. — Нет никакого сомнения, что ему следует убрать меня с дороги. Установите за мной тщательную слежку. В случае чего будьте готовы поймать преступника на месте. Я иду сейчас береговой дорогой из тюрьмы к дому главного прокурора.

Он положил трубку, взял чистый конверт со стола, запечатал, вложил к себе в карман так, чтоб уголок виднелся снаружи, и, посвистывая, вышел на улицу. Ни справа, ни слева ни души, кроме старого, хромого нищего, переходившего мостовую, опираясь на клюку.

Боб Друк медленно заворотил за угол. Дорога к дому главного прокурора шла широкой улицей по правому берегу Рейна. Ни одна подворотня не грозила здесь западней. Каждый перекресток охранялся береговой стражей. Сады кишели детьми. На небе стояло солнце.

И тем не менее сыщик, пустившись в путь, привел себя в полную готовность выйти из этого мира. Пока на губах его играла беззаботная усмешка, сердце сжимала ледяная рука ужаса. Он не знал, с какой стороны и как придет к нему смерть. На каждом шагу ему мерещились плошевые черные пальчики, быстрые, как паучьи лапки. Одурачивающий знакомый запах бил ему в ноздри. Не глядя ни направо, ни налево, сыщик видел то там, то здесь одинокую фигуру нищего инвалида. Безрукий шел через дорогу, безногий полз по тротуару, слепой стоял у ворот, дюжие пятнистые молодцы чистили сапоги, водили собачку, убирали навоз, мели улицу. Он знал, что каждый его шаг оберегается десятком людей, и теперь эта близость калек наполняла его благодарностью. Но вот он споткнулся в своем беге и поднял голову...

Что это значит? Перед ним блестели белые, как молоко, воды Рейна. Город остался далеко позади. Нигде ни души. Ни следа инвалидов. Когда он успел своротить и где это произошло?

ЛОРЕЛЕЯ РЕЙНСКИХ ВОД

Он прыгнул к берегу, заглядывая себе за спину. Перед ним был маленький мокрый шалаш из гнилых досок, почти залитый водой. Тогда почти безотчетно, как зверь, он помчался к шалашу, вполз в него, запачкавшись в воде и грязи, и только что собрался забиться в угол, как увидел на мокрой соломе полууголого пьяного человека, храпевшего над пустой бутылкой. Это был старый рыбак Кнейф.

Боб Рук готов был упасть на колени от счастья. Он схватил Кнейфа за плечи и стал трясти его до тех пор, покуда на лице спящего не появилась глупая, масляная улыбка и он не раскрыл красных глаз. Хмель еще не соскочил со старого Кнейфа. Но он узнал Боба Друка и хитро подмигнул ему:

— А, паренек. И ты пришел выпить?

— Молчите! — шепнул Боб Друк взволнованно. — Меня должны убить. Защищайте меня... Я... кажется...

Он не успел закончить. За шалашом раздался внезапный вопль. Голос был не мужской и не женский. Это был нечеловечески страшный голос, низкий, с контральтовыми переливами, напоминающими рев тигрицы. Волосы на голове Друка стали дыбом. Пальцы его зашевелились, и вдруг он почувствовал, что поднимает их к своему горлу, непроизвольно, неудержимо, бесстрастно. В ту же секунду толчок запрокинул ему голову. Старый рыбак с серым лицом стоял над ним, залепляя ему уши грязью и глиной. Пока Друк мог еще слышать, он слышал бормотание старика:

— Лорелея... Лорелея... Молчи, паренек, молчи!

Полная тишина наступила для него вместе с судорожной головной болью. Старик стоял возле него, забивая свои собственные уши. Судя по его движениям, крик еще продолжался. И Друку чудилось, что зловещая тишина становится стеклянной, ломается тысячью осколков, падает ему на голову...

— Гляди, гляди, — жестикулировал рыбак. Он продырявил в шалаше дырочку и кивал головой Друку, чтоб тот припал к ней глазами. На тропинке стоят два инвалида... Молодцы! Они добрались за ним и сюда. Но что они делают? Друк хотел закричать, но грязная, толстая рука Кнейфа со всей силы зажала ему рот.

Инвалиды, с налившимися кровью лицами, смотрели друг на друга. Глаза их казались глазами двух разъяренных диких зверей. Секунда — и вдруг они вцепились друг другу в горло... Он видел, как они покатились по земле, стискивая один другого. Видел их страшные вздутые лица, судорогу их забившихся ног, высунутые окровавленные языки. Через минуту они оцепнели, застыв в мертвом объятии.

Друк глядел в щель, чувствуя, что сознание его все более мутится. Кнейф обнял его за плечи, выглядывая в дырку с пьяным любопытством. Старик ни чуточки не боялся. Он подмигивал и подмаргивал своему соседу, крепко держа его за плечи, как только Друк собирался сдвинуться с места.

Между тем пустынная тропинка, где лежали теперь два трупа, наполнилась тихим шарканьем мелких, осторожных шагов. Ни рыбак, ни Друк не могли их расслышать. Зато они увидели нечто приближавшееся к трупам. Это было маленькое, доброе, милое существо в тюбетейке и кимоно, с черными, вялыми, тряпичными ручками. Осторожно, крадучись, оно подобралось к инвалидам, вздрогнуло и топнуло ножкой. Потом, поглядывая очками во все стороны, оно вдруг резко повернулось и побежало к шалашу. Прежде чем Друк и Кнейф успели опомниться, мокрые доски шалаша затряслись, и тот, кто выдавал себя за Карла Крамера, вбежал в их убежище, размахивая черными рукавами кимоно. Боб Друк видел, как маленький рот, обычно облепленный пластырями и скрытый под пудрой, растягивался сейчас, как у жабы. Лицо человека было бледнее мела. Это все, что запомнилось сыщику, когда и он и рыбак сделали одновременный страшный прыжок на человека, — прыжок бенгальского тигра.

Борьба не длилась и секунды. Существо в кимоно упало в глубокий обморок, как только они схватились за его тельце. Тюбетейка соскочила с парика, парик с головы. Очки упали и разбились, щипцы, кусочки бумаги, мнимые шрамы, язвы, подтеки сползли вниз...

Перед ними лежала смуглая странная красавица — с лицом бронзового цвета, с алым, крупным ртом и рыжими локонами. Боб Друк отшатнулся и вскрикнул: это был «скульптор Аполлино» из Мантуи!

— Этакая гадина! — прошептал рыбак, обтягивая хрупкое тельце веревками. — Ты у меня запоешь!

Он вырвал грязный лоскут из полы своей рубашки, свернул его комком, открыл рот Лорелеи охотничьим ножом и хотел было забить его тряпкой, как что-то заставило его вы-

тарашить глаза от изумления. Бросив лоскут, он сунул туда два пальца и вытянул из горла скульптора странную полуметаллическую, полупластиковую штучку, окровавленную и покрытую пеной.

— Сирена! — воскликнул Друк. — Но какого необычайного устройства! В жизни моей не видел ничего подобного! — Он схватил круглый предмет и с гримасой отвращения сунул его в карман.

Кнейф покончил с рыжеволосой красавицей и стал очищать от грязи свои уши.

— Что нам делать, Кнейф? — пробормотал Друк. — Власти отдать его мы не можем! Куда нам деть этого человека?

— Добро бы еще человека! — сплюнул рыбак. — Невесть какая гадина, а ты, паренек, обзываешь ее человеком! Поручи это мне, уж я-то ее не выпущу, будь покоен.

— Хорошо, — медленно ответил Друк, — убери трупы. Помни — ни единого волоска...

С этими словами он повернулся, чтоб идти...

И в ту же минуту Лорелея шевельнулась. Ресницы ее дрогнули. Она раскрыла глаза — и поглядела в глаза Боба Друка глубоким, черным, бездонным взглядом, от которого он не смог бы оторваться, если б старый рыбак не накинул на лицо Лорелеи кусок грязного мокрого холста.

Глава сорок девятая

В ОЙНА БЪЯВЛЕНА

Как в полусне возвращался Друк в Зузель. Странно, что по пути ему не попало ни одного инвалида.

Улица, где жил прокурор, пройдена. Друк миновал тюрьму. А инвалидов нет, инвалиды исчезли, провалились сквозь землю, точно их никогда и не было. Измученные глаза Друка нетерпеливо обыскивали улицу. Никого! Ни в подворотне, ни за углом, ни у подъезда — нигде. Стены домов и заборов белели в огромных афишах. Друк подошел, хотел было прочитать, но судорожная зевота сомкнула ему челюсти и ослезила глаза. Он так устал, так устал... Он чувствует страстную тоску по покою. Вот вдалеке краешек мрачной и пустынной Зумм-Гассе. Никого нет и там, в домике за стеной. Домик пуст, кресло

пусто, милое, странное, очкастое существо, такое безобидное, такое мягкое, плюшевое, пушистое, — разоблачено, уничтожено, исчезло. Его больше не будет!

Пройдена и Зумм-Гассе. Он подошел к Велленгаузу, но тут его нервам суждено было еще одно потрясение: дом инвалидов был пуст. Совершенно и окончательно пуст, снизу доверху. Нигде ни лоскутка, ни бумажки, ни шапчонки. Все выметено, выскоблено, пустынно. Как сумасшедший выскочил Боб Друк на улицу, остановился перед кладбищем и посмотрел вокруг себя потерянными глазами.

— Друк, — сказал кто-то за его спиной.

Сыщик обернулся и радостно схватил протянутую руку. Перед ним стоял слепой председатель союза, Тодте.

— Как вы узнали, что это я? — спросил он с живостью. — Откуда вы, куда делись инвалиды?

— Я узнал вас по запаху. Я пришел из мобилизационного участка. Инвалидов нет. За два часа, что вы охотились за Крамером, объявлена война. Инвалиды разбились по районам. Все они до одного пойдут снова в армию.

Друк слушал, ошеломленный.

— Война?!

Вместо ответа Тодте подвел Друка к стене Велленгауза. Он пальцами оцупал афишу и подтолкнул сыщика к стене.

— Читайте!

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Граждане Зузеля, вы были свидетелями дьявольской провокации. Соединенные государства сделали запрос Советскому Союзу по поводу гнусного убийства юноши Растильяка и получили неудовлетворительный ответ. Вынужденные к самозащите, они двинули армию к советской границе. Мы объявляем мобилизацию.

Все, в ком жива честь, в ряды соединенной армии!

Друк свистнул:

— Мы опоздали!

— Ничего не опоздали, — пробормотал Тодте. — Ребята пошли работать в армию. Я вам говорю, не останется ни одного солдата, не начиненного нами, как бомба.

Друк тихо ломал руки, уставившись глазами на афишу.

— Но Лорелея! Тодте, она добилаь своего, и мы не знаем, что нам с ней делать. Мы не можем поднести немецкому правительству всей правды. Оно бежит на цепочке за господами фашистами!

— Терпение! — ответил Тодте и поднял палец. — Терпение, Друк. Остерегайтесь, выжидайте, прячьте убийцу, вы найдете меня через три дня в Велленгаузе.

Он оставил сыщика одного и быстро ушел, постукивая впереди себя длинной палкой. Друк стиснул голову. Она горела и гудела. Он побежал по улице, качаясь из стороны в сторону и делая нечеловеческие усилия, чтоб не спуститься опять к Рейну. Чем ближе к городской площади, тем люднее становились улицы. Множество рабочих вперемежку с инвалидами тянулось в участки: они шли записываться в добровольную дружину. Жены и дети сопровождали их, ничуть не плача: они как будто даже хихикали. Министр Шперлинг на белом коне ездил с площади на площадь и держал политические речи.

— С тех пор, как я родился, — говорил он, подпрыгивая на лошади, точь-в-точь как горячая пышка на сковороде, — я был пацифистом. Ни одна из войн не изменила моих убеждений. В англо-бурскую войну я сидел за Марксом, в мировую войну я сидел за Марксом. Я сажусь за Маркса и в эту великую войну! Граждане, невзирая на свое положение, я высказался — единогласно — против войны. Да здравствует истинное понимание социализма!

Популярность Шперлинга возросла до такой степени, что городские мальчишки стали играть в министров, подскакивая на палочках по всем площадям. Приехав домой, к встревоженной событиями фрау Шперлинг, министр тихо поцеловал ее в губы и прошептал свою последнюю историческую фразу:

— Делай запасы, моя дорогая! Приготовь мне ночные туфли, — я опять засяду за Карла Маркса!

Между тем в лаборатории доктора Гнейса угрюмый и мрачный Зильке, под защитой двух пушек, проволочного заграждения и целого взвода солдат, принимал уже вторую порцию баллонов с элементом Э, привезенных курьером на аэроплане из Зангезура. Представители крупнейших металлических и газовых заводов Франции и Германии поджидали своей порции сиропа и в ту же секунду воздушной дорогой отлетали к себе, чтоб снабдить элементом снаряды. Боевая способность армии была обеспечена на пять дней. Тринадцатидневная война при помощи элемента Э должна была смести

с лица земли все города и деревни, испорченные советским духом.

Зильке работал один, так как двенадцать отборных химиков, назначенных для приемки и проверки яда, писали в соседней комнате свои завещания. Правда, они писали их в высшей степени долго, но известно, что человеку, отягощенному культурным наследием пяти тысяч лет, не так-то легко завещать его, в свою очередь, потомкам.

Оттого-то ни один из них не услышал отчаянного вопля Зильке, походившего на залп из старого ружья. Испустив его, Зильке повалился на землю и долго был неподвижен. Никто не интересовался его обмороком. Ни одна живая душа не помогла Зильке встать. Возможно, что никто не похоронил бы его, если б он умер. Эта мысль пришла ему в голову как раз вовремя, чтобы встать и задумчиво произвести ряд странных и даже безумных манипуляций, в данное время для нас совершенно непонятных. Так, он начал с того, что долго и с удовольствием сосал свои пальцы. Обсосав их хорошенько, он сполоснул руки и принялся толочь в медной ступке кусочек разбитого стекла. Превратив его в порошок, он почему-то сплюнул, высыпал все в грязное ведро и произнес мрачное, зловещее проклятие, полное таинственной минералогической номенклатуры. Как раз в это время, раздав кому надо десять пропусков с печатями, в страшную лабораторию проник третий агент из Зангезура с баллоном. Он был бледен и измучен. По лицу его текли капли пота. Осторожно поставив свою смертоносную поклажу в угол, он вытер лицо и хрипло рассказал Зильке о последних событиях в Зангезуре:

— Доктор засыпан землей, разработка покончена, десять человек погребено, и больше не будет ни одной капли, ни одного атома чудодейственного элемента.

К его изумлению, Зильке не выказал никакого отчаяния. Он принял поклажу, наложил печать, нахлобучил шапку и, схватив измученного курьера под руку, вытащил его из лаборатории на вольный воздух.

— Где твоя машина, парень? — воскликнул он мрачным голосом. — Веди меня к ней сию секунду! Я должен сломя голову лететь в Зангезур!

П 0 ГРЕБЕННЫЕ ЗАЖИВ 0

Маленькая группа погребенных, предводительствуемая Лори Лэном, углубилась в бесконечные пегматитовые коридоры. Они снижались и снижались. Дыхание лэния становилось все ощутительней. Лихорадка и веселость вернулись к ним снова. Но вот на повороте Лори носом уткнулся в гранит, издал восклицание и ударил ладонью о стену:

— Она появилась только что! — крикнул он изумленно. — Здесь был проход на площадку; я весь путь отмечал меловыми крестиками — взгляните!

На стенах коридора стояли меловые кресты. Но тем не менее перед ними не было никакого выхода.

Гнейс покачал головой.

— Движение продолжается, друзья мои. Можно подумать, что у земли судороги и спазмы. Лучшее, что мы можем сделать, — это остаться здесь на ночлег.

Он скинул свой плащ, разостлал его на земле и преспокойно улегся.

— Не будем нарушать стиля! — крикнул он рабочим, бродившим по коридору. — Наша песенка спета. Вся эта суетня похожа на то, будто мы стараемся вернуться к жизни. Неужели вы забыли, что обречены?

Ясный голос Гнейса вместо отчаяния разом вернул им спокойствие. Рабочие подошли к нему ближе, поскидали куртки и картузы и разлеглись вокруг старого химика. Ребров сел на выступ скалы, усердно проглядывая записную книжку. Он один был зол как собака. Эта живописная смерть казалась ему оперной глупостью. Изучая план шахты и наводя на бумагу схемы новых геологических образований, он ломал голову, что происходит вокруг и не откроется ли где-нибудь лазейка. Может быть, поэтому он совершенно позабыл о Грэс и о Лори Лэне, очутившихся друг перед другом в глубине коридора.

Лори бесстрашно глядел на Грэс. Смеющиеся серо-голубые глаза его были сейчас раскрыты во всю их природную ширину. Он глядел на нее так неотступно, что Грэс опустила ресницы и сделала слабую попытку спрятать голову под крыло:

— Вы собираетесь снова проклясть меня или запустить мне что-нибудь в голову? — пробормотала она самым невинным тоном.

— Да, я готов был бы поколотить вас за то, что вы сюда пришли, — ответил Лори Лэн. — Сядемте. Дайте сюда вашу кофту.

Он лихорадочно вынул у нее из рук какую-то перепутанную дамскую штучку с перьями, мехом и пуговицами, долго вертел ее во все стороны, чтоб расшифровать, где у нее длина и ширина, но, отчаявшись найти то и другое, шлепнул ее на гранит, как блин. Потом он опустился к ногам Грэс и потянул ее к себе. Она покорно села рядом. Он изумленно глядел на ее ножку — это была удивительная ножка, меньше, чем его ладонь.

— Ну, давайте знакомиться, — проговорил он дрогнувшим голосом. — Вы захотели умереть — это глупо. Это глупо, как все, что выделяется людьми вашего класса. Вы перво-наперво подумали о себе. Разве вам придет в голову, что другому человеку надо думать о многом, а не о вас? Как бы не так! Вам понадобилось, чтоб в последнюю минуту другой человек думал о вас и больше ни о чем...

Грэс не ответила ни звука. Лори продолжал лихорадочно развивать теорию «другого человека».

— И вот теперь надо сделать его дураком, выбить у него из головы честные, натуральные мысли насчет ребят и ихнего спокойствия, насчет того, чтоб как-нибудь услышать про наше дело от тех, кто остался снаружи, насчет поисков щели... Видите, там Ребров черкает в своей книжке? Правильный парень. Он стоит на своих рельсах. А другой человек должен метаться, как перепел под шапкой, — в тоске и беспокойстве, в укорах самому себе, в тревоге, в чертовской лихорадке, оттого что вы все-таки свалились поперек его дороги, хотя он... Грэс...

Он назвал ее по имени — уже другим голосом. Он провел шершавой рукой по ее маленькой, беленькой ручке. Она сжала его пальцы.

— Продолжайте о другом человеке!

Лори охотно бормотал бы все, что только взбредет на язык, чтоб заглушить стукотню своего сердца и припрятать глупейшее волнение, охватившее его, как пожар. Он прислонился головой к ее плечу.

— Продолжайте же! — тихонько поощрила Грэс.

Вместо всякого ответа он закрыл глаза.

— Ну, так я вам сама расскажу о другом человеке. Другой человек струсил, как самый последний мальчишка. Он побегал в свой союз и затрезвонил во все колокольни. Он стал просить, чтоб его связали и спрятали, потому что он сам ничего не умеет сделать за себя,— ни связаться с кем-нибудь, ни спрятаться от него, ни... вообще, ничего...

— Так-таки ничего? — пробормотал Лори, обнимая ее и привлекая к себе с такой силой, как если б она была рычагом станка или осколком гранита.

— Ничего! — ответила Грэс. — Даже этого вы не умеете сделать как следует. Сидите смирно.

Она снова положила его голову к себе на плечо, но на этот раз она держала ее ладонями и смотрела ему в глаза. Лори прищурился, выдерживая ее долгий взгляд.

— Милая, — проговорил он тихонько, — если б мы не были сейчас под землей и лэний не ел наши кости и если б нам не оставалось жить несколько часов, — я бы опять побегал от вас и затрезвонил во все колокольни. Я не смею связать себя с вами. Вы не понимаете, что это бесповоротно. Вы делаете серьезные вещи смешными и большие вещи маленькими. Вам впроку играть в куклы.

— У нас тоже есть большие вещи, которых вы не понимаете, — ответила Грэс кротко. — Перед самой смертью я вам скажу на ухо... Но не надо, не надо думать о смерти.

Она вздохнула ему волосы, что дало ему право положить руку на ее собственные кудри, прохладные и мягкие, как шелк. Он погладил их осторожно, как птицу.

— Грэс!

— Что, Лори?

— Я видел сон...

— Когда это вы видели сон?

— Вы отлично знаете, когда я его видел. Это было так странно, что большая взрослая женщина в кружевах и лентах, пестрая, как попугай, нагибается к незнакомому человеку...

— Лори Лэн! — крикнул Ребров резким голосом. — Идите сюда. Обратите внимание!

Лори встал, чувствуя головокружение. Он с усилием собрал свои мысли и тяжело опустил руку на плечо Реброва. Тот поглядел на него с сердитым укором, — и Лори ответил ему остерегающим взглядом.

— Вы не правы сейчас, Ребров, — пробормотал он, — не правы!

Ребров указал на скалы, возле которых уже копошился дядя Гнейс с измерительными приборами.

— Взгляните сюда, Лори, — произнес он сухо, — эти скалы втягиваются под прямым углом с наклоном в двадцать градусов. Движение происходит равномерно. Мы его высчитали. Возможно, что нас втянет в какой-нибудь каменный водоворот.

Лори Лэн подбежал к скале и с удивлением почувствовал под ногами странную тягу, медленную, как зыбучие пески, но мощную по своему напору. Он сделал несколько шагов и пошатнулся. Они очутились в каменном течении. Земля медленно втягивала их в себя. Лори припнулся — эманации лэния стали слабее и отдаленней.

— Возможно, что раскроется щель наружу, — сказал он Реброву. — Братцы, поставьте часового у противоположного конца коридора. Я чувствую близость воздуха. Лэний уходит от нас. Надо сторожить во всех концах жилы!

Гнейс кивнул головой. Ребров и Лори, посоветовавшись, разделили маленькую группу на четыре поста и поставили по двое человек в конце четырех разветвлений пегматитового коридора.

Сделав все, что от него требовалось, и оставив себе тот угол, куда он усадил Грэс, Лори быстро побежал к оставленному местечку. Он чувствовал, как тело его, терявшее веселую зарядку лэния, становится тяжелым, измученным и горячим. Он испытывал нечто похожее на приступ зангезурской лихорадки.

Глава пятьдесят первая

ЛЭНИЙ УХОДИТ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

Грэс между тем выбрала местечко поуютней, на золотистом песке одного из углублений жилы, и ждала Лори, чувствуя себя счастливей, чем сотня героинь романа, поджидающих жениха где-нибудь в беседке, аллее или маленькой гостиной.

— Плохо дело, Грэс, — проговорил Лори деловым голосом, очутившись возле нее, — камни движутся, лэний перемещается. Все наше освещение, отопление и питание — это он.

Если он отойдет, мы потеряем способность питаться, видеть и греться запасом собственного фосфора. А это значит, что смерть будет далеко не веселая для вас, девочка.

Он сел на землю, делая тщетные попытки унять свой озноб. Но, так как зубы его начали колотиться друг о дружку, он отодвинулся от Грэс и не дотронулся до ее пальчиков, протянувшихся к его руке.

— Не сочиняйте глупостей! — проворчала Грэс. — Что это еще с вами делается? Мы и не подумаем умереть.

— Согласен... — с трудом ответил Лори. — Н-не об... обращайтесь вни-мания. Я...

Он не мог удержаться от страшной судороги, забившей ему челюсти друг о дружку.

Грэс вскрикнула и охватила его руками. Он опять лежал в лихорадке, как тогда, в голубой спальне, и, почти теряя сознание, глядел на нее прищуренными глазами. В них было столько же юмора, сколько и нежности. Возмутительный человек.

Ей совсем не нравилось такое восстановление прошлого. Она быстро схватила за сумочку — там была хина. Вытащив облатку, она сунула пальчик между двумя челюстями с храбростью, достойной укротителя львов, и выдавила ему хину на язык.

— Сосите ее, Лори, сейчас же! Ничего, что горько. Если уж очень горько — не беда!..

Беглым, быстрым движением она скользнула по его губам поцелуем. Очевидно, этого было достаточно для того, чтобы подсластить горечь двадцати граммов хины, проглоченных Лори с величайшим удовольствием. Но это окончательно подорвало его силы. Слабо подняв обе руки, как если б он собирался обхватить ими Грэс за шею, полураскрыв губы и потянувшись в ее сторону, он опять потерял сознание и упал на гранит без проблеска жизни. Озноб — и тот прекратился. Он лежал холодный и неподвижный, как мертвец.

Между тем вокруг шло странное угасание света. Красными полосами вспыхивали то здесь, то там отдельные куски коридора. То здесь, то там загоралось светлое пятно. Сумрак боролся с ними все сильнее да сильнее, застилая глаза багровым мраком. Борьба тьмы и света происходила, впрочем, не снаружи, а в глубине их собственных зрачков: эманация лэния переставала оказывать действие.

Через несколько минут началось похолодание. Грэс почувствовала холод и сырость окружающих камней. Песок под ни-

ми внезапно стал влажным. Тепло уходило из каждой поры, и ее тоже охватили легкие спазмы озноба.

Она сидела над Лори, прижав его к себе, как ребенка. Она укутала его всем, что только можно было сорвать с себя самой, грела его дыханием, терла ему ладони. Но, когда медленно подступило третье и самое последнее зло, она судорожно вскочила, напрягая все свои силы на мысли, как бы спасти его от смерти.

Третье зло было обезвоздушивание пространства. Лэний поставлял им до сих пор кислород из их собственных костей. Сейчас поставка кончилась. Их легкие судорожно начали вести работу. А вокруг был спертый, тяжелый воздух, которого не хватит и на полчаса.

— Ребров! — крикнула Грэс.

— Я здесь! — ответил он со скалы. — Мы движемся. Где Лори? Надо собраться вместе, чтоб не быть разделенными!

— Лори в обмороке, — ответила Грэс, — нам скоро нечем будет дышать.

Ребров звал рабочих, но голос его звучал хрипло, и они откликались слабо и отдаленно. Движение камней уже разделило их. Он бросил Грэс свою фляжку с водой и крикнул:

— Для Лори!

Грэс подобрала фляжку и оглянулась по сторонам. Мрак стусился. Она втянула воздух и, повинуясь почти животному инстинкту, вскарабкалась на какую-то каменную ступеньку. Здесь была новая ниша. Земля выступала из гранитных трещин. Дышать было легче. Недолго думая, Грэс подхватила Лори и втащила его с неженской силой в нишу. Здесь она сорвала с него кушак, наделала веревок из шелковой накидки, платья и пары своих чулок. Крепко обвязав Лори, она приподняла его себе на спину и сделала несколько шагов в глубину ниши. Теперь под ногами ее была земля. Впереди открылся проход.

Единственным путеводителем Грэс стали ноздри. Она шла, припихиваясь к дуновению кислорода. Слабые струйки воздуха вели ее от одного углубления в другое. Становилось все холоднее, и дышать было легче. На минуту оборотясь, она крикнула в пространство:

— Идите все в эту сторону! Здесь есть земля, легче дышится...

— Мы знаем! — издалека ответил Ребров. — Идите вперед, мы понесем Лори.

— Я сама несу Лори! — ответила Грэс и, словно боясь, что его у нее отнимут, зашагала дальше. Она сделала, может быть, пять шагов, а может — пятьсот. Нечеловеческое усилие мутило ее сознание. Ей казалось, что плечи ее превратились в стекло, а жилы на шее и на затылке — в канаты. Но она жадно шагала вперед, навстречу воздуху, пока ноги ее не подкопились и хлопья сырой, мягкой земли не посыпались на нее сверху. Грэс упала, почти ничего уже не сознавая. Голоса товарищей доносились издалека. Вдруг зрачки ее вспыхнули пламенным светом, как будто из глубины их кто-то выбил кремнем молнию, и в ослепительной ясности она увидела перед собой каменные круги, похожие на Дантов ад, воронки, ступеньки, проходы, группу рабочих, столпившуюся далеко внизу, отчаянно машущую руками, — и багровую фигуру доктора Гнейса, прильнувшую к серо-синей глыбе.

— Дядя, назад, назад!

— Прощайте! — глухо откликнулся доктор Гнейс. — Мозг мой работает, как никогда. Я хочу навестить Эрду... Друзья, лэний втягивается к земному центру, на прежнее место, и если я буду жить еще сутки, я увижу то, чего никто никогда не видел. Прощайте! Не жалейте меня! Я увижу подземный

мир... Там есть моря, и горы, и материки, и реки, и воздух. Там есть свой животный мир. Я не могу от этого отказаться... Прощайте! Прощайте!

Он медленно уходил на своей глыбе. Зло взяло Реброва. Он готов был за шиворот стащить дядю Гнейса со скалы, но было уже поздно — ученый исчез, а с ним вместе исчезла и последняя вспышка света, тепла и веселья: лэний ушел в глубь земли.

Они, впрочем, уже ничего не сознавали. Страшный подземный удар — на этот раз самое обыкновенное землетрясение — отбросил их далеко от гранитных скал, развернул над ними огромное, ясное, звездное небо и опрокинул их вдалеке друг от друга, без сил и без чувств.

Глава пятьдесят вторая

БИТВ НА ОБЛАКАХ

— Куда вы? — простонал курьер, хватая Зильке за руку. — Вас не пропустят! Воздух объявлен на военном положении, война!

— Ну так снимай свой курьерский кафтан и облачайся в мой фартук, — прохрипел Зильке, — я полечу вместо тебя. Курьер Высшего Совета Оборона будет пропущен!

Он сорвал с него фуражку, скинул фартук и напялил на костлявые плечи еще мокрый и горячий от пота кафтан курьера.

Тот не сопротивлялся, передал ему документы и был рад-радешенек уснуть хоть под забором, если не хватит сил дотащить до дому.

Зильке побегал на аэродром. Хотя достойный слуга ученого относился к видимому миру с большим презрением и привык уважать явления природы не моложе третичного периода, он вынужден был заметить вокруг нечто необычайное.

Улицы Зузеля замерли. Военные патрули сторожили заводы и фабрики. Мимо Зильке пробежали два смущенных человека — друзья министра Шперлинга, спешившие домой с митинга.

— Ничего не понимаю,— услышал Зильке торопливую речь,— рабочие себе на уме. Часть попряталась в подвалы, часть пошла добровольцами на войну. Митинг не собрал никого, кроме торговцев...

— Подождите разгрома Союза! Тогда настанет историческая минута,— мы должны будем достойно защититься...

Конца Зильке не расслышал. Человечки побежали дальше.

Аэродром находился в верхней части города, над крепостью. Здесь он попал в сплошную, слитную толпу военных шинелей. Это была эскадра французских летчиков. Вся береговая стража Рейна участвовала в воздушном походе. Маленькие плоские воздушные суденышки ждали своих всадников. Каждое вмещало двух человек — летчика и баллонометателя. Первый прыгал к мотору, второй садился в кабинку. Офицеры давали команде последние инструкции:

— Дать сражение противнику под Москвой, уничтожив по пути Ленинград, Волховстрой, Новгород, Псков, Бологое, Тверь и полотно Октябрьской железной дороги.

— Скажите, все эти баллоны начинены новым элементом? — спросил Зильке у молодого солдата.

— Все, чем нас вооружают, начинено новым элементом! — гордо ответил француз. — Все заводы и фабрики работали без передышки тридцать восемь часов.

Зильке покачал головой с весьма странным выражением лица. Но пробраться на аэродром гражданского и дипломатического авиасообщения ему все-таки не удалось: командир поднял белый платок, и ласточки, одна за другой, принялись вылетать в небо. Задрав головы, тысячи людей глядели, как белые птички описали дугу, собрались стайкой, выстроились треугольником и плавно понеслись через Рейн к западной границе, где их поджидала целая воздушная флотилия.

Тут только Зильке выбрался из толпы и добежал до своей машины. Летчик выслушал его, выпуча глаза.

— Да ведь это сумасшествие! — воскликнул он. — Вылететь я вылечу, но мы с вами покатаемся в облаках не хуже Юпитера-громовержца. Ведь вся воздушная полоса объявлена зоной газовых действий. Зангезур принадлежит Союзу. Даже если мы до него доберемся, нас не подпустят к нему на пушечный выстрел.

— Садись! — упрямо ответил Зильке, хватая летчика за шиворот. — Садись и делай свое дело, если не хочешь прослыть шлаком самого скверного сорта.

Они вылетели вслед за ласточками, и сторожевой авиапост остановил их на высоте тысячи метров. Зильке показал свои бумаги. Постовой офицер пожал плечами:

— Если вы надеетесь добыть еще несколько фунтов элемента — летите, мы во всяком случае гарантируем пенсию вашей вдове.

Через десять минут они неслись по широкой небесной дороге. Небо было явно взбудоражено и перевернуто во всех направлениях. Стальные птицы рвали его на части. Облака плыли растрепанные, как после драки, и все небесное окружение носило в высшей степени расстроенный характер.

Зильке неотступно глядел в воздушный бинокль. Он видел млечный путь аэропланов, — тысячи военных воздушных судов, вытянувшихся лентой, кружком, треугольником, квадратом, ровившихся стаями в стаях, комплексами еще в больших комплексах, и державших путь, как огромное звездное течение, к западной границе. Они круто повернули от этого страшного зрелища, и летчик направил «Юнкерс» на юг.

Между тем небо, видимо, не хотело сдаваться без боя и мобилизовало свои собственные силы. На горизонте появились три вертикальные черные черты. Через минуту они распустились в букеты, расплылись грозными черными тучами, и вокруг началась ужасная воздушная буря. Громовые раскаты грозили рассыпать стекла кабины. Молнии тыкались в Зильке раскаленными иголками, не доставляя ему этим ровно никакого удовольствия. Машина прыдала все чаще и чаще, напоминая сердцебиение бегущего человека. Кончилось тем, что летчик заплутался в черной облачной стихии, руль сломался, и они стали нестись неизвестно куда. Между тем наступила ночь, а прожектор бездействовал.

— Радуйтесь! — злобно прокричал летчик. — Недостает еще, чтоб мы врезались в гулгу военной флотилии и нас приняли за врагов и подожгли в одну минуту, как блоху. Сумасшедший вы человек!

— Лети! — хладнокровно ответил Зильке, не отрываясь от бинокля. Сквозь черноту ночи он все-таки видел небесную дорогу и утешался поразительной быстротой полета. Они неслись таким способом всю ночь, а когда рассвело, увидели себя над плоской синей равниной. Четыре маленьких аэроплана окружали их с четырех сторон. Они стали медленно приближаться к «Юнкерсу», покуда не взяли его на прицел.

— Так я и знал, — прошепел летчик через полчаса, когда они были снижены на аэродром красивой горной деревушки

Северного Кавказа, на берегу Черного моря.— Можете грызть свой локоть. Вы попадете теперь в Зангезур после того, как будете расстреляны, повешены или четвертованы. Мы в руках у Союза.

Оцепившие их люди между тем вытащили Зильке из кабинки и под револьверным дулом повели обоих путешественников в комендатуру.

— Неужели они так счастливы нашей поимкой? — удивленно прошипел летчик.— Взгляните-ка, спятили они, что ли?

В самом деле, пока их вели, они увидели всю деревню, танцевавшую, певшую, маршировавшую по улицам — с флагами, музыкой, цветами, знаменами. Дети подскакивали на пол-аршина от земли. Девушки обнимались и целовались с юношами. Балконы утопали в коврах. И повсюду и отовсюду летали в воздухе крупные красные розы, гвоздики, глицинии. Это походило на сплошное безумие.

Но когда в комендатуре при виде их обрадованно расхохотались, — удивление Зильке и летчика перешло в ужас: «Не пали ли они в поселок сумасшедших?»

Между тем красноармейцы уперли руки в бока, затрясли головами и чуть не лопнули от смеха, растягивавшего им рот до самых ушей. Вдруг один подошел, взглянул на Зильке, сунул руку в карман и...

— Расстреляют! — пронеслось в голове у тощего любителя номенклатуры.— Расстреляют, и я полечу, как метеорит, в неизвестное пространство!

Он закрыл глаза, чтобы достойно встретить смерть, как вдруг почувствовал у себя на губах нечто удивительно знакомое, липкое и сладкое, — это был шоколад.

— Ешь, чертов сын! — произнес красноармеец на отборном русском языке.

И вслед за шоколадом Зильке получил увесистый удар пирогом в зубы, флягу с вином, добрую корзину фруктов и — черт знает какую — уйму жаренной на вертеле баранины, именуемой этими варварами «шашлыком». Летчик и Зильке заработали челюстями, изумленно глядя друг на друга.

В эту минуту в комнату вошел молодой, сияющий командир. Он посмотрел на обоих с улыбкой и спросил на отличном немецком языке:

— Немцы?

— Немцы.

— Поздравляю вас, друзья мои! — ласково произнес ко-мандир. — В Германии провозглашена Советская республика!

Зильке и летчик вытаращили глаза, так и застыв с кусками баранины, напиханной за правую и за левую щеки.

Глава пятьдесят третья

СУ НА Д ЛОРЕЛЛЕЙ

Грандиозные события, развернувшиеся в течение нескольких часов с момента объявления войны, положительно перевернули Бобу Друку всю его мозговую механику. Он ходил по улицам с открытым ртом, останавливаясь на каждом шагу. Инвалиды опять появились в Велленгаузе, но только Велленгауз стал комендатурой города Зузеля. Дворец прокурора — реввоенсоветом красной зузельской авиармии. Особняк, одолженный фабрикантом рыболовных удочек министру Шперлингу, — отделом социального обеспечения, а страшный маленький дом в Зумм-Гассе, где он провел такие смутные, но и такие счастливые дни своей жизни, был теперь ревтрибуналом.

И повсюду — в здании совета на Тюрк-Платц, как раз против Торгового представительства, в комендатуре, на образе, исполкоме, ревтрибунале — засели его друзья-приятели инвалиды с рабочими-подпольщиками, рабочими-добровольцами, рабочими — членами компартии и союза «Месс-менд».

Ни одного фашиста не разгуливало больше по улице. Пансион Рюклинг выдержал настоящую осаду. Дюрк, Гогенлоэ сидели в тюрьме. Шперлинг был мирно перенесен вместе с томиком Карла Маркса, ночными туфлями и женой в дом предварительного заключения — не столько в качестве арестованного, сколько в качестве недобровольного свидетеля. Патрули немецких комсомольцев разгуливали по городу. И всюду с домов, балконов и башен развевался веселый красный флаг.

— Да, — сказал себе Боб, потирая переносицу. — Мик, видно, смеется своим раскатистым смехом, напевая песенку деревообделочников. И все-таки...

Все-таки он чувствовал легкую боль в сердце. Его часы показывали без десяти четыре. А в четыре часа он должен был быть в роковом домике на Зумм-Гассе, потому что сегодня там

судили военным судом — в порядке спешности, при полном составе военных комиссаров, в присутствии делегата рыбацкого населения, товарища Кнейфа, представителя от Месс-менда, техника Сорроу, и его самого, в качестве приглашенного гражданского защитника, — Лорелею Рейнских вод.

Уныло поднялся Друк по невзрачным ступенькам. Круглая маленькая зала была полна. За перегородкой с четырьмя красноармейцами сидел злобный фашист — выхолненный секретарь подложного Карла Крамера — и кусал себе ногти.

Друк тихо пробрался на место и сел за стол. Вот они, рядом — молодые рабочие, комиссары, старичина Сорроу, добрый Кнейф, — но ни один из них не смотрит на бедного Друка. Он должен сам справиться с бурей нелепых чувств, разрывающих ему сердце.

Звякнул колокольчик. Поднялся военный прокурор.

— Мы судим сейчас человека, именующего себя скульптором Апполлино из Мантуи. Он прибыл в Германию по плану фашистов в начале текущего лета и поселился в пансионе «Рюклинг», где одновременно с ним жили другие фашисты: банкир Вестингауз и виконт Монморанси. Сколько нам известно, ему принадлежала какая-то главенствующая роль. Товарищ, введите преступника.

Боб замер. Все глаза обратились в сторону маленькой двери, откуда рыбак Кнейф торжественно вывел, точнее — вынес хрупкое очаровательное создание в бархатном камзоле, итальянском воротнике и серебряных пряжках на маленьких стройных ногах. Лицо его было бледно и смугло, рыжие кудри падали на воротник. Скульптор Апполлино уселся за решетку, и тотчас же его глубокий, томный, бездонный взгляд устремился на Боба Друка.

Боб неуверенно поднялся с места. Глаза его блуждали.

— Я требую медицинской экспертизы, — начал он трепетным голосом, — скульптор Апполлино невменяем. Он действовал по чужому плану, как исполнитель, но он столько же понимает в своих преступлениях, сколько пятилетний ребенок.

— Глупости! — произнес вдруг низкий, басистый, отвратительный голос, похожий на царапанье ножей друг о друга. — Дурак! Я никогда не была и не буду исполнителем.

Боб, судьи, Кнейф вздрогнули. Отвратительный голос принадлежал Лорелее. По лицу ее змеилась улыбка безумной гордости. Она продолжала хрипеть:

— Задавайте вопросы. Я скажу все. К черту идиотскую канитель!

Друк упал на стул, раздавленный тошнотворным чувством омерзения. Он вылез из него в один миг от первого звука.

Обвинитель начал допрос.

— Вы скульптор Апполино из Мантуи?

— Нет!

— Назовите ваше настоящее имя!

— Я — Клэр Вессон.

— Вы дочь сумасшедшего Грегорио Чиче?

— Великого принца Чиче!

— Расскажите нам историю убийства Пфеффера. Каким документом вы завлекли его в Зузель?

— Ха-ха-ха! — расхохоталось существо ржавым смехом, от которого у судей задрожали мускулы, а Кнейф судорожно дернул револьвером. — Нет ничего легче. Я пригрозила, что опубликую в германской печати его письмо к министру Шперлингу, написанное десять лет назад.

— Не можете ли вы прочесть нам это письмо?

Лорелея сунула руку в камзол и бросила судьям окровавленный, грязный лист бумаги. Главный обвинитель брезгливо поднял его двумя пальцами и прочел вслух:

«Дорогой Куртельхен!

Сегодня утром я подумал: вот подходящая минута для революции. Эта мысль пронзила меня до такой степени, что я топнул ногой и заходил взад и вперед по комнате... Тсс!

*Твой неукротимый
Муми Пфеффер».*

— Черт побери! — воскликнул обвинитель. — Примите эту гадость!

Он с отвращением бросил письмо секретарю и выждал, покуда не умолкнут громовые раскаты хохота. Потом он обвел судей глазами.

— Не прошло и года, товарищи, как мы с вами читали о нашумевшем процессе принца Грегорио Чиче. Мы видели тогда перед собой выродившегося человека, почти утратившего человеческое обличье. Взгляните на его дочь. Вот список ее преступлений: живя под чужим именем в пансионе «Рюклинг», она организует и приводит в исполнение убийство ми-

нистра Пфеффера. Далее, она прокрадывается к следователю Карлу Крамеру и убивает его вместе с секретарем. Пользуясь тем, что Крамера никто не знает в лицо, благодаря его любви к рекламе и гримировке она принимается за выполнение роли Карла Крамера и сама ведет следствие об убийстве Пфеффера. Она назначает француза Растильяка на провокационную роль, а потом, чтоб усилить эту провокацию, подвергает его гипнозу и убивает. Она пытается отравить приехавшую из Померании мать Карла Крамера. Наконец, она с первого же дня гипнотизирует нашего сыщика Боба Друка, связывая его волю и заставляя служить себе. Когда же узнает, что он стал опасным, пытается убить и его, погубив вместо него двух несчастных инвалидов. Но как она убивает? Ручки ее слишком чисты для этого. Дитя дегенерата, безумца-шарлатана, она пускает в ход дьявольское изобретение — сирену со столь невыносимым звуком, что он действует на психику особым образом, мгновенно сводя с ума и заставляя людей душить друг друга и самих себя. Мысль изобрести такое орудие убийства взята из глубокой древности. Медицинская экспертиза привела мне данные об убийствах, циркулярном помешательстве и попытках посредством звуковых явлений. Спрашивается, для чего была произведена вся эта цепь бессмысленных убийств, все это кошмарное хитросплетение ужасов? Для того, чтобы свалить вину на Советский Союз, очернить республику рабочих и вызвать против нее войну, которая задушила бы и стерла с лица земли миллионы пролетариев. В вашем приговоре, товарищи, я не сомневаюсь, и чем скорее он будет произнесен, тем лучше. Но тут я подчеркну еще одно обстоятельство. Против нас борются две силы: одна — лицемерно-фарисейская, считающая себя демократизмом. Она идет против нас, пользуясь черной помощью другой силы, дегенеративно-уголовной, фашистской. Наши враги — фарисей и дегенерат. Один пользуется другим, и ни тот, ни другой не хотят нести полной ответственности. Думается мне, товарищи, что лучшим судом будет, если мы наконец поставим их друг против друга и заставим свести между собой дружеские счета... Товарищ Кнейф, приведите сюда великого министра Шперлинга!

О ДНИМ ВЕРЕВКА
И ДРУГИМ ВЕРЕВКА, ИЛИ
ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ

— Милейший виконт!—шипел банкир Вестингауз, стоя в палатке Монморанси и ядовито сверкая глазками.— Вы тратите колоссально много энергии на то, чтоб воздержаться от действий. Положительно, вы—самоубийца!

Монморанси лежал недвижно.

— Очнитесь! Землетрясение! Радиотелеграмма! Союз будет уничтожен и испепелен. Вчера воздушная эскадра соединенной армии вылетела с баллонами на Россию. Я получил предписание поднять Закавказье и отрезать бегство советских главарей в Азию!

Эта длинная речь продолбила наконец нервы виконта, и он приподнялся на подушках.

— Тем лучше,—пробормотал он довольным голосом.— Я смогу вернуться, чтоб получить наконец корону Франции. Это будет... презабавно. Я давно не видал Версаля.

— Но до тех пор нам надо работать! Где, черт побери, наши восточные идиоты? Отчего они не дают вестей? Куда делась крошка? Я не видел ее весь вчерашний день. Не видел во время землетрясения. Не видел ночью. Надеюсь, Луи...

— Ах, отстаньте!—раздражительно прервал виконт.— Я сам на это надеюсь. Где мой Поль? Почему вы не привели Поля, если намерены поднять меня в четыре часа утра?

Но Поль уже поднял полог и стоял как изваяние, выпучив на виконта рыбы глаза.

— Ваше сиятельство!—шепнул он испуганным шепотом.— Мадам Вестингауз засыпана в шахте вместе с ученым доктором. Склады взрывают динамитом. Какие-то люди с винтовками рыщут по заводу и хотят вас арестовать.— Вестингауз и Монморанси вскрикнули. Поль стащил своего хозяина с постели, в то время как банкир кинулся в свою палатку.

Но что же это такое? Наперерез идут военным шагом скверные, черномазые людишки в красноармейских мундирах. Они хватают его за шиворот, трясут, приподнимают от земли.

— Мерзавцы! — зарычал банкир. — Американского подданного? Не смей! Прочь!

— Вы — пленник и арестант, — проговорил командир на английском языке. — Вы открыли, пользуясь правом концессионеров, химический и пороховой заводы, подготавливали восстание, орудовали, как фашист. Следуйте за нами.

Вестингауз запахнул полы своего халата и презрительно оглядел командира.

— Я последую за вами впредь до той минуты, когда...

— Когда вас повесят, — холодно закончил тот. — Война кончена. Германия присоединилась к Советскому Союзу. Во Франции идет гражданская борьба, и не сегодня-завтра там будет Советская республика.

Банкир присел на корточки. Он позеленел, как груша.

Через несколько минут его палатка превратилась в тюрьму. Потомок Бурбонов полуодетый лежал в кресле. Банкир бежал как сумасшедший из угла в угол. Лакей Поль, вытянувшись, стоял в дверях. Вокруг палатки ходили патрули.

— Черт! — шипел Вестингауз. — Это провокация! Не верю. Не верю!

Между тем лакей Поль усиленно трудил свои мозги.

«Мое впечатление опять начинается, — думал он про себя, — их повесят, а я освобожусь. Теперь или никогда. Ну-ка!»

С этой трезвой мыслью он вкрадчиво взглянул на банкира.

— Не извольте волноваться...

Вестингауз остановился.

— Если вы сможете вознаградить меня, — смиренно шепнул Поль, — я вам открою великую тайну.

— Ну? — процедил банкир.

— Ваша жена... Дайте мне чек на сто тысяч франков!

— Дурак! — вскрикнул Вестингауз, швыряя в лицо лакея пачками денег. — Олух! Говорите!

— Ваша жена и есть главный заговорщик. Это она свистнула на пароходе. Она подговорила рабочих, она...

— А, собака! Ты это знал и молчал, — взвыл Вестингауз диким голосом и, схватив со стола самородок зангезурской меди весом в пять кило, запустил им в голову Поля. Удар пришелся по темени. Поль свалился, не пикнув, и покинул злополучный мир как раз в ту минуту, когда руки его сжимали полную пригоршню кредиток.

Полог шатра приподнялся. На пороге выросли красноармейцы. Они молча оглядели маленькую группу. Один из них достал лист бумаги и прочитал:

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СУДА
ЗАНГЕЗУРСКОЙ АВИААРМИИ:**

Банкир Вестингауз, член комитета фашистов, участник заговора против Союза, приговорен к смертной казни через повешение. Гражданин Монморанси, член комитета фашистов, участник заговора против Союза, претендент на французский престол, приговорен к смертной казни через повешение. Гражданин Поль...

— Да он умер! Выведите арестованных на место казни.

Красноармейцы обступили виконта и банкира. Вестингауз дико вскрикнул и упал в обморок. Монморанси оглядел палачей с вежливым спокойствием.

— По крайней мере,— сказал он медленным голосом,— мне не придется умереть своей смертью!

И достойный потомок Бурбонов позволил палачам поднять себя под руки и потащить к месту казни.

Между тем другой отряд красноармейцев во главе с рабочими медных рудников рыскал по исковерканной, перевернутой землетрясением, неузнаваемой местности, взрывая скалы, стуча молотками, оглашая воздух зовами и криками. Они искали погребенных рабочих.

Наконец они добрались до круглой земляной ямы. В утреннем свете на дне ее были видны очертания безжизненных человеческих фигур.

— Веревку!— крикнул красноармеец.— Братцы, спускайте меня вниз!

Через полчаса Ребров и рабочие были вытащены из ямы, оживлены глотком крепкого рома и согреты сияющим утренним зангезурским солнцем. Но ни Грэс, ни Лори не находились в их числе.

Глава пятьдесят пятая

**ГРЭС ВЫХОДИТ
ИЗ КЛА С С А**

Грэс пришла в себя от какой-то мягкой подушки, залепившей ей лицо. Подушка перевалилась на шею и замурлыкала. Это был ее собственный кот, ободранный, го-

лодный и холодный, отыскавший свою хозяйку после многочисленных походов на воде и на суше.

Грэс вздохнула и приподнялась. Тело ее ныло, голова кружилась. Она увидела себя в небольшой расщелине, рядом с безжизненным телом Лори. Лицо его было спокойно и розово, губы сжаты, брови нахмурены — Лори спал обыкновенным человеческим сном. Грэс схватила кота и посадила его на Лорину грудь.

Почетный корреспондент Грэс немедленно поднял хвост, затрубил песню и пошел колесить по новому месту, пока не добрался до подбородка. Здесь он остановился, поднял лапку и мазнул Лори по носу. Вслед за этим последовало чиханье, потом зевота, потом богатырская гримаса, и веки Лори приподнялись над смеющимися глазами.

— Мы спасены! — прошептала Грэс. — Надо встать и выкарабкаться.

Лори повернул к ней голову. Это был нежный, детский взгляд, длившийся только секунду. Он вскочил, подавая ей руку.

— Но что с вами? — вырвалось у него изумленно.

Грэс была полураздета, платье ее висело ключьями, ножки голы и исцарапаны, волосы полны земли и камней. Он посмотрел вниз, на самого себя: у пояса его висели обрывки каната из локутьев женского платья, чулок и лент.

— По-видимому, вы тащили меня на своих плечах, — проворчал он странным голосом, — нелепая женщина!..

— Спасибо, — ответила Грэс насмешливо. — Это была величайшая нелепость с моей стороны, тем более что вы могли бы там задохнуться, не вытаски я вас из гранитной жилы.

Лэн не ответил. Он помог ей встать, взял ее под руку и сделал несколько шагов из расщелины. Кот бежал перед ними, трубя песню и показывая дорогу. Они шли, тесно прижавшись друг к другу, и ничуть не спешили выбраться. Лори молчал.

Но вот расщелина кончилась, и перед ними как на ладони открылась долина рудников, горный склон, увенчанный палатками, крытые белые тропинки, полные каких-то незнакомых людей с палками, шестами и мулами. Лори остановился и повернул к ней голову.

— Сейчас эти люди будут здесь. Поцелуйте меня, милая! Только один разочек, как тогда!

Он глядел умоляющим взглядом на ее губки. Ей нравилось видеть его бледным, тихим, просящим. Она, улыбаясь, приблизила свое лицо к его побледневшему, серьезному, из-

менившемуся лицу и вдруг звонко расхохоталась и оттолкнула его от себя.

— Не думаете ли вы, Лори Лэн, что это зверская эксплуатация с вашей стороны, эксплуатация беззащитных людей другого класса?

С этими словами она легко, как козочка, прыгнула вниз и исчезла за поворотом.

Лори провел рукой по лицу. Он не успел ни ответить, ни опомниться, как толпа его старых товарищей с Ребровым во главе показалась на тропинке. Все были спасены, все до единого, кроме старого Гнейса.

— Лэн, дружище, обнимите меня!.. — крикнул Ребров взволнованным голосом. Глаза его сияли. — Мы не напрасно потрепали наши косточки в этой проклятой шахте! Война начата и кончена! Союз победил! В Германии и Франции борются за советский флаг!

Лэн вскрикнул и как сумасшедший кинулся на шею Реброву, переходя из рук в руки.

Никто не пострадал слишком сильно. Истощенных вели красноармейцы. Они шли и шли, обнявшись, сплошной цепью, пока не показались перед ними ворота медных рудников, с часовым у входа. И в ту же минуту — не успели они распахнуть их — во всю мочь зазвонил сигнальный колокол металлургического завода. Он гудел, будя тысячекратное эхо.

— Что это значит? — крикнул Ребров. — Вперед, ребята! Толпа кинулась на звон и остановилась в изумлении.

Под сигнальным колоколом, с веревкой в руках, стояла бледная кудрявая женщина, с плащом, накинутым поверх лохмотьев. Она глядела на рабочих упрямыми серыми глазами.

— Я зазвонила в колокол... — Голос ее дрогнул и прервался. — Зазвонила в колокол, чтоб обвинить вот этого человека!

Маленькая ручка указала на бледного Лори, выступившего из толпы.

— Этот человек — отец моего будущего ребенка! И он хочет, чтоб я — тунеядка, паразитка, капиталистка, жена банкира — воспитала нового лишнего человека для враждебного вам класса, потому что он не хочет взять ни меня, ни его!

— Черт возьми, Лори, — пробормотал Ребров, поворачиваясь к своему другу, — теперь вам придется...

— Вывести меня из буржуазного класса! — победоносно закончила Грэс, кидаясь на грудь к Лори Лэну.

НЕОБЫЧАЙНО

О

ТКРЫТИЕ ЗИЛЬКЕ

Толпа не успела еще опомниться, как в воздухе застрекотала белая стрекоза, снизилась, раскрылась и выпустила на полянку тощего слугу доктора Гнейса.

Зильке был взъерошен и зол, хотя петлицу его и украшала красная ленточка, а его спутник, молодой красноармеец, обращался с ним чрезвычайно почтительно.

— Кто тут есть?— обратился Зильке к толпе.— Я подразумеваю, кто тут есть из концессионеров. Где доктор Гнейс?

— Говорите нам все, что собирались выложить концессионерам,— ответил Ребров по-немецки.— Лори, подойди сюда на минуту!

Зильке узнал Лори и торжественно поздоровался.

— Дело идет о важном предмете,— начал он.— Схватите эту пакостную роговую обманку, эту пучеглазую раковину, эту известковую насыпь и трясите ее до тех пор, пока не пропустите через сито, чтоб она призналась в своих обманах!

— О ком идет речь?

— Надувальян! Хватайте Надувальяна!

— В самом деле, где наши азиатские приятели?— пробормотал Ребров.— По-видимому, их еще не схватили и не арестовали.

Красноармейцы и рабочие кинулись к складу. Им пришлось стучать до тех пор, покуда тетка мосье Надувальяна с завязанным ртом не раскрыла двери. При виде их она подскочила к жаровне, на которой кипел огромный таз с вареньем, и уронила от страха ложку. Красноармейцы, Зильке, Ребров и Лори прошли мимо нее, в главный склад Надувальяна. Они шагали по осколкам стеклянных флаконов, отодвигали столы и стулья, пока не добрались до темного угла, где горела свеча, воткнутая в бутылку ширванского вина. Надувальян, Куркуреки и Мусаха-задэ, сидя на корточках, играли в карты. Все трое были пьяны как стельки.

Увидя винтовки, Куркуреки испуганно закашлялся.

— Сто пятьдесят тысяч солдат... Восстание организовано... Завтра еду в Борчалу...

— Молчи!— дернул его Мусаха-задэ за полу черкески.— Это совсем не те люди, а как раз наоборот.

— Вы арестованы! — произнес командир. — Ребята, общитесь их!

Красноармейцы живо опрокинули пьяниц на спины и выпотрожили их карманы, сапоги и пояса.

— Что это такое? — изумленно спросил Ребров.

В кармане мосье Надувальяна покоилось несколько расписок с печатями и за подписью Исполкома Армении:

«Принято от гражданина Надувальяна 40 (сорок) тысяч рублей на выписку градобитной пушки из Италии».

«Получено от гражданина Надувальяна сто тысяч рублей на прорытие Сардарабадского канала».

«Получено от гражданина Надувальяна на улучшение ширванских виноградников 58000 фунтов стерлингов...»

Надувальян мрачно глядел на Реброва.

— Оставь, душа, — произнес он заплетающимся языком, — мои деньги. Куда хочу, туда даю!

Между тем красноармейцы опустошили карманы полковника Мусаха-задэ и князя Нико Куркуреки.

— Черт побери, и тут расписки! — воскликнул Ребров веселым голосом.

«Получено от Мусаха-задэ на улучшение конного завода Азербайджана сто тысяч долларов.

Бакинский Чусоснабарм».

«Получено от Нико Куркуреки сто тысяч долларов на музей национальной грузинской культуры.

Тифлисский наробраз».

— Черти! — насмешливо проворчал Зильке. — Вот они на что ухлопали денежки Европейской Лиги.

Нико Куркуреки и Мусаха-задэ стояли потупившись и тербили рукоятки кинжалов.

— Но это еще не все! — завопил Зильке, прерывая веселый хохот красноармейцев. — Спросите этого пьяного борова, куда он девал наш лэний. Потому что — слушайте, братцы! — я случайно разбил один из баллонов, присланный этой роговой обманкой, и он оказался не из хрусталя, а из стекла. А я остался в живых, хоть облизал изрядное количество ядовитого сиропа, на вкус, ей-ей, даже очень сладкого!

На этот раз Лори и Ребров вздрогнули.

— Что это значит?

— А то значит, — хитро ответил армянин, подмигивая пьяными глазками, — что Надувальян не дурак. Зачем, скажи, от-

давать драгоценный металл чужой державе? Зангезур родил, Зангезуру останется. Ни одной капли не отдал никому. Все зарыто в землю, до последнего флакона.

— Что же вы посылали с курьером в Зузель, отпетый вы жулик? — вскрикнули Ребров и Лори в один голос.

— Кизиловое варенье.

С этими словами он спокойно уткнулся в угол и захрапел.

— Но... — обратился ошеломленный Ребров к молодому командиру, — объясните же мне, тысячу чертей, как победил Союз Европейскую Лигу, если ни одного вражеского снаряда не было испорчено лэнием?

— Не понимаю, о каком лэнии идет речь, — ответил вояка, вытаращив глаза на Реброва. — Дело было проще простого. Французы, немцы и англичане передрались друг с дружкой. Армия перешла на сторону рабочего класса, арестовала командный состав и вернулась на родину. Ни один вражеский аэроплан не долетел до нашей границы.

— Братцы!.. — воскликнул Лори, поворачоясь к металлистам. — Братцы! Дайте-ка мне хо-о-рошенький подзатыльник! Ведь победил-то не лэний, а Ленин!

1924 г.

Кисловодск — Ленинград.

ОБГОНЯЯ ВРЕМЯ

Появление в 1924 году романа Мариэтты Шагинян «Месс-менд, или Янки в Петрограде» было встречено современниками с большим интересом, но и вызвало разноголосицу мнений, высказываний, оценок. Ведь совсем недавно писательница успешно выступила на страницах журнала «Красная новь» с романом-эпопеей «Перемена» (1922 год, № 6, и 1923 год, №№ 2, 4, 6), принесшей автору широкую известность. Реалистически сильно, ярко, с большой социальной остротой воссозданы здесь были события на Дону в годы гражданской войны, рассказано о «действительности 1919—1920 гг.» — «грозной и гениальной». Свое новое произведение М. Шагинян подчеркнуто определила как роман «авантюрно-фантастический». Публиковался он в традиционной тогда для этого жанра форме — по частям, отдельными выпусками и, конечно, с броскими, интригующими названиями: «Маска мести», «Тайна знака», «Вызов брошен», «Труп в трюме», «Радио-город», «За и против», «Черная рука» и т. д. — всего десять небольших брошюрок. Обложки к ним делал талантливый художник А. Родченко, соратник В. Маяковского по агитплакатам РОСТА. Подписаны выпуски были сатирико-пародийным псевдонимом — Джим Доллар. Автором романа якобы являлся простой американский рабочий, выходец из той же трудовой среды, что и главные герои «Месс-менд». В подкрепление литературной мистификации приводилась даже «биография» этого «пролетарского писателя», а его портрет, созданный по фотографии самой Мариэтты Шагинян, появился 25 сентября 1925 года на страницах ленинградской «Красной газеты».

Обращение к авантюрному жанру, к литературной мистификации было для писательницы отнюдь не случайным. Политическую направленность романа, связь его с литературными спорами тех лет она подчеркнула в ироническом послесловии к отдельному изданию — «Как я писала „Месс-менд“», где признавалась, что, когда окончила книгу, друзья сказали: «Это

черт знает что! Союз писателей обидится. Что скажет Евгений Замятин?» Но Мариэтта Шагинян «наскребла денег на «максимку» — так называли медлительные, старинные паровозы, — «завернула рукопись в газету, надела шинель, стоившую четыре миллиарда», — ведь после гражданской войны в стране была сильнейшая инфляция, — и поехала в Москву сдавать роман в издательство. В Москве замысел романа поддержали. «Месс-менд», а затем и его продолжение — «Лори Лэн, металлист» (вышел в 1925 году в девяти еженедельных выпусках) печатались в Госиздате, во главе которого был видный партийный работник ленинской школы Н. Л. Мещеряков. Завершил трилогию роман «Международный вагон»¹; его публиковала ленинградская «Вечерняя Красная газета» с начала октября по 1 декабря 1925 года. Затем основательно переработанный писательницей, под новым названием — «Дорога в Багдад», он вышел уже в 1935 году, в декабрьском номере журнала «Молодая гвардия». Наибольшей популярностью неизменно пользовался первый из романов — «Месс-менд», который, по свидетельству М. Шагинян, она написала с увлечением — «залпом», в короткий срок — с 6 октября по 23 декабря 1923 года.

Отклики в прессе на «Месс-менд» были противоречивыми. Рапповская критика сразу же обрушилась на это произведение, безоговорочно отвергая избранный писательницей жанр, обвинив ее в насаждении «псевдореволюционной романтики». Г. Лелевич, один из лидеров РАППа, выступил со статьями в «Рабочей газете» (18 июня и 8 октября 1925 года), а также в журнале «Октябрь» (1925 год, № 8), ответственным редактором которого он являлся, пугая «рабочего читателя» «месс-мендовщиной», какую насаждает «попутчица» М. Шагинян. Узрел здесь критик не что иное, как возвращение к дореволюционной бульварной литературе, и объявил, что опасность эта принимает уже «угрожающие размеры». Однако Н. Л. Мещеряков в своем предисловии к первой книге трилогии выразил иную точку зрения. Он писал: «„Янки в Петрограде“ — кинематографический роман: действие в нем развивается головокружительным аллюром. В этом отношении „Янки“ — роман нашего времени, когда крупнейшие события сменяют друг друга с чисто кинематографической быстротой...». И далее так развивал эту мысль, подчеркивая идейный смысл, политическую остроту произведения Мариэтты Шагинян: «„Янки“ — роман фантастический... Но разве не фантастична вся наша эпоха?.. Разве не были и не являемся мы все время очевидцами того, как самые обыкновенные, казалось бы, рядовые люди совершают великие фантастические деяния? И, как роман фантастический, „Янки“ вполне отвечает вкусу читателя эпохи революции».

¹ В книгу включены первый и второй романы трилогии.

Высоко оценил этот роман и Максим Горький. В беседе с рабкорами, селькорами и военкорами в Тбилиси 27 июля 1928 года, отвечая на вопросы собравшихся, он назвал «Месс-менд» в числе примечательных явлений современной литературы. «У нас есть целый ряд любопытнейших работ... Например, в нашей литературе не было авантюрных романов, мы не писали их раньше, а вот явились молодые люди и стали писать приключенческие романы, и у нас есть многие такие, которым позавидовали бы английские писатели. Таковы: Никулин — «Никаких случайностей», Мариэтта Шагинян, которая написала книгу «Месс-менд». Эти книги не могли быть написаны десять лет тому назад».

Писательница обратилась к авантюрно-фантастическому роману в период, когда шли острые споры о судьбах самого жанра; то и дело разгорались идейно-эстетические схватки и в печати, и в окружавшей М. Шагинян литературной среде. Происходило это в Петрограде, когда по возвращении с юга России поселилась она в «Доме искусств», где нашли пристанище многие представители старшего поколения литераторов. Здесь же образовалась группа молодых писателей, еще лишь начинавших свой творческий путь. Они назвались «Серапионовыми братьями» по одноименному роману прославленного немецкого фантаста Т. А. Гофмана. Дружба сразу же связала Мариэтту Шагинян с «серапионами»: ее влекло к этой молодежи многое и прежде всего их страстный интерес к новой действительности, смелость творческих исканий. Позднее Михаил Слонимский в своих воспоминаниях рассказал о том, что сближало их, «серапионов», с такими писателями, как Ольга Форш или Мариэтта Шагинян. «В первые годы Советской власти, — говорит он, — страх, непонимание, заблуждения... гнали многих старых литераторов из Петрограда на юг, не только поближе к хлебу, но и к белым, а затем в эмиграцию. В те же самые годы, когда этот поток стремился прочь из Петрограда, Ольга Форш проделала (так же, кстати, как и М. Шагинян) обратный путь — с юга на север, в голодный, холодный, сыпно-тифозный, холерный Петроград». Решающий жизненный выбор был сделан обоими писательницами именно потому, что «ураганный ветер Октября» их не отталкивал, но влек за собой. Это и породило их с молодыми «серапионами», которых, по словам Михаила Слонимского, объединяла сама «родившая нас эпоха, отчаянная любовь к литературе, стремление, ломая инерцию дореволюционной беллетристики, выразить в слове все испытанное и виденное в годы войн и революции».

Молодые ленинградские писатели искали новых форм повествования, и это отметила М. Шагинян в статьях, посвященных их творчеству, стремились расширить рамки романа, наполнить его «пафосом широких пространств», добиться обличения огромных жизненных пластов: «Рим и Кинешма, Сене-

гал и Москва», — ведь человек теперь выброшен из своего «жизнейского угла, он находится на просторах истории». Да, сама действительность тех непередаваемых лет порождала ощущение невероятности происходящего, грандиозности перемен, граничащих со сказкой, чудом. «Мы переживаем фантастически ускоренный процесс времени...» — писала М. Шагинян в марте 1923 года.

Советская литература еще только прокладывала свои собственные, новые пути, потому-то и разгорались острые идейно-эстетические споры и в печати, и на широких собраниях, проводившихся в «Доме искусств», и на субботних встречах «серапионов», когда собирались они в тесной комнатенке одного из «братьев», «гнездясь плечом к плечу на кровати, на подоконнике, на раздобытых в соседней комнате стульях...» — как позднее вспоминал Константин Федин, — читали только лишь написанные произведения, разбирали их строго, без каких-либо скидок, стремясь разрешить при этом важные творческие проблемы, которые выдвигала сама жизнь. В этих встречах принимали участие также и старшие писатели: Корней Чуковский и Мариэтта Шагинян, Ольга Форш и Евгений Замятин, а особо Виктор Шкловский, считавший себя тоже «серапионом», одиннадцатым в этом «братстве», но, согласно свидетельству К. Фекина, бывший «быть может, даже первым «серапионом», — по страсти, внесенной в нашу жизнь, по остроумию вопросов, брошенных в наши споры». Об остроте тогдашних дискуссий рассказал в письме к А. М. Горькому (16 декабря 1922 года) младший из «серапионов» — Лев Лунц. Решительно отстаивая главенство формы в художественном произведении и призвав учиться «сюжетосложению» у мастеров западноевропейского романа, оказался он «обстрелян» всеми «серапионами».

Непримиримо тогда в литературе противостояли друг другу «бытовики» и «условники», формалисты. Одни объявляли основным все повседневно-жизненное — «нутро, быт, почву»; другие на первое место выдвигали форму — «беспредметный мир приема, трюка, фокуса», условно-авантюрного сюжета. Об этом размышлял в своих «Дневниках писателя» Андрей Белый (журнал «Россия», 1924 год, № 2). Об этом писала Мариэтта Шагинян, включившись в дискуссии рядом статей, вошедших затем в состав ее книги «Литературный дневник» (1923 год). «Два молодых писателя спорили между собой о том, что брать материалом искусства — условность или быт... спор их заставил меня задуматься» — так начиналась одна из этих статей. Анализируя поставленную здесь творческую проблему, писательница убежденно отстаивала главное — неразделимую связь искусства с исторической реальностью. Истинно художественное произведение, какие бы «условные» формы оно ни обретало, всегда корнями своими уходит в толщу жизни. Нельзя превращать «условность» в прием, потому что

«произвольная, ничем не вызванная условность — приведет к беспочвенности и бесстильности», — утверждала Мариэтта Шагинян. Да, основа всякого искусства — сама жизнь, «натура». И потому, как бы ни была причудлива, фантастична избранная художником форма, его произведение говорит хотя бы и «косвенными способами», но всегда «о современном, о выношенном и рожденном своей эпохой». Об этом и шла речь в статье писательницы «Условность и быт», опубликованной петроградской газетой «Жизнь искусства» (1922 год, № 11). А ранее с тех же самых позиций высоко оценила она талантливую «новизну «Серапионовых братьев», определив в статье, целиком им посвященной («Жизнь искусства», ноябрь, 1921 год), все значение их творческих исканий: «Они храбро вступают во владение новыми формами жизни; делают современность содержанием искусства; они оформляют для нас текучую прыгающую злободневность, даруя ей „лик и число“». В молодых своих соратниках Мариэтта Шагинян увидела подлинных художников, в полный голос заговоривших о своем времени, «о революционном быте», «о новом мироощущении» людей. В статье «Серапионовы братья» отчетливо проявилась идейно-эстетическая позиция самой писательницы: вопреки «условникам», формалистам, отрывавшимся от действительности, и «бытовикам», заземлявшим жизненные процессы, М. Шагинян требовала познавать и воплощать реальность в художественных образах не обедненной, а во всем богатстве новых исторических ее форм, в движении и непрестанном обновлении.

Полемика эта оказалась продолженной в романе «Месс-менд, или Янки в Петрограде». Обратившись к подчеркнуто условной форме «авантюрно-фантастического романа, даже «романа-сказки», — по определению самого автора, — М. Шагинян создает остросовременное, политическое произведение: написанный с революционным задором, весело, изобретательно — первый в нашей литературе антифашистский роман.

В «Месс-менд» могучее единство рабочих противостоит международному заговору фашистов, готовых развязать новую чудовищную войну против Советской страны. Две группы героев, два классовых лагеря противопоставлены Мариэттой Шагинян. Старый, эксплуататорский мир она рисует с остротой сатирического гротеска. Мир этот бесчеловечен и страшен, а фашисты, как наиболее полное его выражение, представлены в виде кучки вырождающихся злодеев. Их главарь Грегорио Чиче болен таинственной болезнью — он из человека деформируется в зверя. Но такова судьба реакции в целом, она в своем развитии выпадает из человеческого общества, утверждает писательница.

Новый мир — рабочих, осознавших свою коллективную созидательную мощь, — М. Шагинян рисует, прибегая к веселой,

яркой, романтической фантастике. Рабочие — это творцы вещей, а следовательно, всего материального окружения человека. «Подумайте-ка, — восклицает главный герой романа, рабочий Мик Тингсмастер, — никому еще не пришло в голову, что мы сильнее всех, богаче всех, веселее всех: дома городов, мебель домов, одежду людей, печатную книгу, утварь, оружие, инструменты, корабли, пушки, сосиски, пиво, пирожное, сапоги, железнодорожные рельсы — делаем мы и никто другой. Стоит нам опустить руки — и вещи исчезнут, станут антикварной редкостью...» Но этого мало, считает автор романа, рабочие не просто труженики, но и создатели жизни. Они приносят с собой в мир дух творчества, оптимизма, жизнеутверждения. Поэтому-то герои «Месс-менд» — простецкие рабочие ребята — предстают в романе умными, благородными, смелыми людьми. Они всегда находчивы и веселы, быстры на выдумку и уверены в победе над заговорщиками из лагеря реакции. Таковы Мик Тингсмастер — «отец вещей», техник-изобретатель Сорроу, рабочие — Лори Лэн, Виллингс, Нэд, Бикс, Том Ван Гоп. С ними-то и связана сказочная линия повествования. Все эти герои наделены особой чудесной силой — властью над вещами. Сделанные руками рабочих, вещи обладают таинственными свойствами, известными только их творцам. И служат не деньгам, а людям труда. Рабочие проходят сквозь стены, пользуются подземными ходами, открывают все заперы, слышат и видят все то, что фашисты пытаются свершить тайно. Фантастика всех этих приключений, однако, лишь романтическая оболочка. В основе реальность: люди труда становятся могущественными, когда объединяют свои разрозненные усилия.

В авантюрно-фантастический роман у М.Шагинян вплетаются элементы романа производственного — пафос созидания вещей — и романа утопического. Главы, посвященные Советскому Союзу, рисуют страну социализма, увиденную глазами Джима Доллара, рабочего — мечтателя, романтика. Это сказочная страна будущего. Здесь уже построена гигантская сеть электростанций и даже изобретен регулятор электроклимата, обеспечивающий высокие урожаи. А кроме того, мирные социалистические города хорошо защищены от нападения с воздуха «электроприемниками колоссальной мощности». Советский профессор из «Университета практической экономики» поясняет американцу Артуру Рокфеллеру сущность этого изобретения: «Мы можем в одно мгновение наэлектризовать все пространство над городом на высоте более чем тысячи метров, что делает нас недоступными для неприятельского воздушного флота. Когда до нас дошли сведения об изобретении французами ядовитого вещества, мы занялись, в свою очередь, техникой. Но цель наша — не нападение, а защита».

Прибегнув к романтико-утопической форме повествования, Мариэтта Шагинян как бы прогнозирует будущее, загля-

дывает в грядущие десятилетия и высказывает весьма важные догадки о новом типе хозяйствования, присущем социализму. Позднее она разовьет эти мысли на страницах реалистического произведения — «Гидроцентральный». В романе «Месс-менд» один из его персонажей — американец, прибывший из «мира прошлого» в Советский Союз, видит здесь много нового. Это и торжество в экономике «единого метода», соединение в целостный комплекс разных отраслей промышленности. Захватывает его и «симфонизм труда» на производстве. Герои романа — большевики утверждают: «Счастье дают лишь две вещи: созидание и познание». Но в старом мире «те, кто созидал, ничего не знали, а те, кто познавал, ничего не созидали» — это повело к разрыву между мыслью и действием. Разрыв должна устранить новая система хозяйствования: «Мы твердо решили сделать производство познавательным, а познание — производственным». Деловой американец Артур Рокфеллер не может не увлечься «чудесным зрелищем труда» в стране социализма. Невольно вопреки предвзятости своего класса он проникается симпатией к советским людям: «Сердце его сжалось... Вот эту сумасшедшую, удивительную, трижды милую страну должен он помочь разрушить, залить кровью, обесплодить, наводнить врагами... Он знал, что прежней ненависти в нем нет ни капли». Так произошла моральная победа над убежденным противником молодой социалистической страны.

Нарисовав утопическую картину еще не существовавшей тогда, в начале 20-х годов, могучей индустриальной державы, писательница, обгоняя свое время, смело заглянула в будущее Страны Советов. А ведь в 1924 и 1925 годах, когда печаталась трилогия, только лишь начиналось восстановление отечественной промышленности, разоренной двумя войнами — первой империалистической и гражданской, — голодом, разрухой. Но роман «Месс-менд» оказался подлинным провозвестником грядущего подъема во всех областях жизни страны. Утопию вскоре превзошла «сказочная действительность наших дней», как записала в своих дневниках М. Шагинян.

Еще одной важной особенностью обладал цикл фантастико-утопических романов писательницы: это был острый, полемический отклик на международные события середины 20-х годов. Обстановка в мире становилась все более грозной и тревожной. В Германии уже зародился фашизм, и его главарь сделал первую попытку захватить власть в стране (гитлеровский «пивной путч»). В Италии укреплялся реакционный режим Муссолини. Нарастала угроза новой мировой войны. Это и определило внутреннюю направленность трилогии. «Все три книги «Месс-менд», — говорит автор, — имеют, помимо антифашистской темы, еще и ярко выраженную антиимпериалистическую тенденцию; они были написаны мною как аги-

тационные приключенческие романы, направленные на разоблачение фашистской агрессии».

«Месс-менд» довелось сыграть боевую пропагандистскую роль за рубежом и прежде всего в Германии. Здесь в период жесточайших репрессий после разгрома трагического гамбургского восстания, в период, когда буржуазное «всегерманское правительство» даже «перешеголяло методы Муссолини», когда шло непрестанное преследование левой прессы, — в это самое время на страницах «Роте фане», органа коммунистической печати, в течение нескольких месяцев — с 1 ноября 1924 года по 19 февраля 1925 года — из номера в номер печатался «Месс-менд, или Янки в Петрограде».

Публикация романа сопровождалась редакционными комментариями. Разнообразные по форме, весьма изобретательно поданные, они подчеркивали политическую и полемическую суть романа, указывали читателям, на что им следует обратить внимание. Первые же эпизоды романа предваряла заметка «Коммунизм и авантюрный роман». Критик задорно восклицал: «А почему бы и нет?» — ведь рабочий-читатель «взамен уютно слащавого мелкобуржуазного семейного романа» уже требует новой литературы. Он хочет «более быстрого темпа в развитии сюжета», большей динамичности и остроты, разнообразия форм — «нам нужны фантастические повествования... когда они подкрепляют нашу борьбу и веселят нас в наши свободные часы».

Прибегнув к фельетонной форме, редакция «Роте фане» приводит «высказывания» о романе различных политических деятелей того времени. Во Франции Пуанкаре возмущался, что «Лига Наций не приняла еще никакого параграфа» против литературы, подобной «Месс-менд». В Англии Макдональд советовал: «Пока не поздно, предложите Джиму Доллару пост министра. Таково мое мнение, лорды». Здесь явно прозвучала насмешка над соглашательской политикой великобританских лидеров. В Италии грозно негодовал Муссолини: «Намеки в романе Доллара глупы. Никакая каналья не станет утверждать, что я похож на героя романа Грегорио Чиче». Подобные политические шаржи прямо связывали фантастический роман М. Шагинян с действительностью двадцатых годов.

В 1925 году «Месс-менд» выходит в Берлине двумя изданиями: и в виде серии выпусков, и отдельной книгой. Появился роман и в Австрии. Буржуазная пресса вскоре спохватилась, что дело с авантюрно-фантастическим произведением «американского писателя», некоего Джима Доллара, обстоит не так-то просто, что это отнюдь не пустое развлечение, а боевая политическая пропаганда. Но было поздно, роман пошел в массы, широко читался, особенно в рабочей среде. Об этом рассказала передовая немецкая критика. В статье «„Месс-менд“, в Германии», переведенной и опубликованной

ленинградской «Красной газетой» 17 сентября 1925 года, говорилось: «Шумный триумф «Месс-менд» в коммунистическом органе «Роте фане», его праздничное шествие по немецким рабочим кварталам, колоссальный тираж выпусков «Нового немецкого издательства» в Берлине и «Модернер Ферлаг» в Вене — все это симптомы, и притом весьма внушительные». Критик стремился выявить основу такого успеха: «Романы Джима Доллара — тонкая пародия на европейский роман...» Но этого мало, дело не только в обновлении формы: рядом с пародией роман «дает и здоровый пафос грядущего, воплощая его не через фабулу (сплошь сатирическую), а через главную тему «Месс-менд»: мир принадлежит тому, кто его создает, а не тому, кто им владеет. Мысль простая, как арифметика, но гениальная в своей простоте... «Владыкой мира будет труд» — вот, в сущности, ось романов Месс-менда, пронизывающий их пафос».

Роман Мариэтты Шагинян обрел и богатую сценическую судьбу. Произошло это именно в силу его открыто агитационной направленности. Писательница так и определяет замысел трилогии: «Своей авантюрно-фантастической серией» она стремилась создать «международную агитку, красную приключенческую литературу для нашего читателя, для нашего молодняка...».

Трилогия «Месс-менд» продолжала традиции «устных газет» времен гражданской войны, выступлений «Синей блузы», массовых агитспектаклей, которые в праздничные дни разыгрывались актерами на городских площадях. Совсем еще недавно и эти постановки, и плакаты РОСТА с сатирическими стихами Маяковского, Демьяна Бедного, с карикатурами Дени, Моора, Бориса Ефимова обращались к каждому человеку, говорили с ним, кто бы он ни был, прямо здесь в толпе, на улице. Говорили о политических событиях, о жизни внутри страны и международных ситуациях, об острейших социальных столкновениях того времени. Так и роман «Месс-менд» в середине двадцатых годов обращался с плакатной прямоотой к «человеку с улицы», заставляя его задуматься над угрозой фашизма и новой мировой войны.

Традиция народного массового зрелища, фольклорность, ощутимые в «романе-сказке» М. Шагинян, привлекли к нему внимание разных театров. Воплощению «Месс-менд» на экране кино, на театральных подмостках помогли быстрая смена ситуаций, событий, ведь действие то и дело перебрасывалось с континента на континент, а также буффонадная сатирическая обрисовка отрицательных персонажей, задорно-веселая, почти опереточная романтичность главных героев трилогии.

В 1926 году московская киностудия «Межрабпом-Русь» выпустила по трилогии М. Шагинян многосерийную картину, назвав ее «Мисс Менд». Студия находилась в ведении интернационального общества «Международная рабочая помощь»,

что создавало широкие возможности контактов и взаимосвязей деятелей искусства антифашистского фронта.

Роман неоднократно инсценировался. Когда в 1931 году возник Центральный театр кукол, то первой его работой была пьеса «Джим и Доллар», осуществленная создателем и руководителем театра С. В. Образцовым. Об этой постановке уже в наши дни с увлечением вспоминал народный артист РСФСР Е. Сперанский в статье «Так мы начинали» («Советская культура», 15 сентября 1981 года). Кукольный театр по роману «Месс-менд» сразу же, по его словам, «выдал на-гора нечто небывалое». Молодому коллективу здесь открылся простор для творческой фантазии. Так и возник «без оглядки на застывшие традиционные формы современный спектакль на интернациональную тему дружбы народов. Спектакль «Джим и Доллар» был современен не только по теме, но и по средствам художественного выражения...». Выдумка, задор, веселая пародийность лишь усиливали остросовременное звучание. Казалось, вплетающиеся то и дело в сказочно-авантюрную интригу беглые характеристики, сжатые описания социальных явлений и социальных типов откровенно плакатны. Но именно гротеск, сатиричность подчеркивали их подлинно жизненную основу. Все это и захватило молодой театральный коллектив, вспоминает Е. Сперанский: «У спектакля был большой успех. У С. Образцова были хорошие помощники. Пьесу написал Андрей Глоба, поэт и переводчик. Эскизы декораций и кукол сделала Татьяна Александрова, художник-самородок... Музыку написал композитор В. Н. Кочетов, на долгие годы ставший другом театра... Не могу назвать здесь всех членов этого молодого, веселого содружества. Все эти люди, как и сам С. Образцов и его актеры, были молоды, всех их ожидало разное будущее, но все они в то время находились под обаянием «странного жанра», были вовлечены в орбиту Театра кукол».

Постановка была отнюдь не чисто экспериментальной. Новаторские искания молодого коллектива вышли к массовому зрителю, встретив здесь полное понимание, пьеса безоговорочно завоевала свою аудиторию, как свидетельствует Е. Сперанский: «Со спектаклем «Джим и Доллар», показав его Москве, театр отправился в длительные гастроли по великим стройкам первой пятилетки. Показали его детям строителей Днепрогэса, строителей Горьковского автозавода — часть его цехов стояла еще в лесах. Забрался театр и совсем в глухие места, где на много верст вокруг не было еще никаких очагов культуры. Туда актеры добирались на лошадях, реже на тракторах — их в стране было еще мало».

Позднее, в послевоенные годы, театры вновь обратились к роману Мариэтты Шагинян.

В 1973 году Ленинградский театр юного зрителя создал увлекательный, красочный спектакль «Месс-менд». Пьесу напи-

сал Владимир Меньшов, музыку — композитор Сергей Баневич. Руководил постановкой заслуженный деятель искусств РСФСР З. Я. Корогодский. В газетах отмечали, что постановка эта «по жанру неожиданна не только для ТЮЗа». И действительно, приключения героев Джима Доллара, как всегда, давали толчок творческим поискам и драматурга, и постановщиков пьесы. «Театральный боевик со «стереофоническими, стереоскопическими... эффектами... Сказка, фантастика, детектив и пародия соединились в приключенческом спектакле по одноименному роману Мариэтты Шагинян...» — писала «Комсомольская правда» 21 мая 1978 года.

В 1979 году пьесу поставил Норильский драматический театр имени Владимира Маяковского. Во время его гастролей в Москве на спектакле присутствовала писательница («Месс-менд» из Заполярья», газета «Советская культура, 25 сентября 1979 года).

Такими многообразными жизненными дорогами прошли герои Мариэтты Шагинян, веселые рабочие люди, мечтающие создавать, а не разрушать, умеющие воплотить мечту в действительность. Соратник писательницы еще с ленинградских времен Михаил Слонимский, оглядываясь назад, на пройденный ими вместе путь, высоко оценив ее творчество, особо выделил веселый, причудливый цикл авантюрно-фантастических романов: «Произведения Шагинян умны, активны, требовательны, в принципе своем агитационны. Построены они всегда очень точно, композиция их отчетлива, так как этого, естественно, требует развивающаяся в них тема организации жизни... Есть книги приключенческого жанра, с острой занимательной фабулой («Месс-менд», например). И это не случайно: вещи эти рождены стремлением к наиболее активным, убеждающим и увлекающим читателя формам художественной агитации. Мариэтта Шагинян — выдающаяся писательница и общественный деятель — стремится и в жизни, и в литературе быть организатором, строителем».

Сама М. Шагинян так определяла свой роман: «Я считаю «Месс-менд» моей самой счастливой книгой».

Л. Скорино

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ

Доллар, его жизнь и творчество	
<i>Вступительный очерк</i>	5
Пролог	11
<i>Глава первая</i>	
Артур Рокфеллер встречается своего отца	12
<i>Глава вторая</i>	
Доктор Лепсиус наедине с самим собой	16
<i>Глава третья</i>	
Начинающаяся с междометий	21
<i>Глава четвертая</i>	
Отель «Патрициана»	24
<i>Глава пятая</i>	
Совещание под председательством отсутствующего	27
<i>Глава шестая</i>	
Странности содержанки банкира Вестингауза	31
<i>Глава седьмая</i>	
Учительница музыки и нотариус	34
<i>Глава восьмая</i>	
Застенный мир	38
<i>Глава девятая</i>	
Зеркала-помощники	42
<i>Глава десятая</i>	
Дровяная балка	45
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Приключения Лори гольшом	49
<i>Глава двенадцатая</i>	
Исповедь мисс Ортон	53

<i>Глава тринадцатая</i>	
Приключения Друка в костюме	58
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Совещание на вилле «Эфемерида»	61
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Василов и его жена	65
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Приятное знакомство	68
<i>Глава семнадцатая</i>	
Лепсиус видит руку	70
<i>Глава восемнадцатая</i>	
Отпльгтие «Амелии»	74
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Рискованное путешествие Бьюти	77
<i>Глава двадцатая</i>	
Харвейские доки	82
<i>Глава двадцать первая</i>	
Отпльгтие «Торпеды»	85
<i>Глава двадцать вторая</i>	
Дневник Биска	88
<i>Глава двадцать третья</i>	
Продолжение дневника Биска	91
<i>Глава двадцать четвертая</i>	
Дочь сенатора	95
<i>Глава двадцать пятая</i>	
Частью на суше, а частью на воде	98
<i>Глава двадцать шестая</i>	
Целиком на суше	102
<i>Глава двадцать седьмая</i>	
«Амелия» идет полным ходом	104
<i>Глава двадцать восьмая</i>	
Артур Рокфеллер лицом к читателю	107
<i>Глава двадцать девятая</i>	
Янки в Петрограде	111
<i>Глава тридцатая</i>	
Муж, жена и собака	114
<i>Глава тридцать первая</i>	
Помощь голодающим и привходящие обстоятельства	118
<i>Глава тридцать вторая</i>	
Мистер Василов в стране чудес	120
<i>Глава тридцать третья</i>	
Первая ночь супругов Василовых	129

<i>Глава тридцать четвертая</i>	
Черная рука	133
<i>Глава тридцать пятая</i>	
Кошка мистрисс Друк	135
<i>Глава тридцать шестая</i>	
Лепсиус встречается с фруктовщиком	
Бэром	138
<i>Глава тридцать седьмая</i>	
Торговое соглашение	142
<i>Глава тридцать восьмая</i>	
Снова в Петрограде	145
<i>Глава тридцать девятая</i>	
Похождения матроса	149
<i>Глава сороковая</i>	
Положение запутывается	153
<i>Глава сорок первая</i>	
Читайте газету	156
<i>Глава сорок вторая</i>	
Рокфеллер в действии	160
<i>Глава сорок третья</i>	
Зеркальная пытка	163
<i>Глава сорок четвертая</i>	
Токсовский лес	165
<i>Глава сорок пятая</i>	
Монтер Аэр электростанции	168
<i>Глава сорок шестая</i>	
Благодарный осел соседа	173
<i>Глава сорок седьмая</i>	
О причинах благодарного чувства в осле	175
<i>Глава сорок восьмая</i>	
Морж из Сан-Франциско	178
<i>Глава сорок девятая</i>	
Польза кролиководства	183
<i>Глава пятидесятая</i>	
Эмиграция ворон, или Чего можно добиться,	
сидя на одном месте	188
<i>Глава пятьдесят первая</i>	
Генеральный прокурор штата Иллинойс	
в поисках Друка	193
<i>Глава пятьдесят вторая</i>	
Доктор Лепсиус в поисках профессора	
Хизертон	199
<i>Глава пятьдесят третья</i>	
Мик в поисках Грегорио Чиче	203

<i>Глава пятьдесят четвертая</i>	
К прибытию часов	209
<i>Глава пятьдесят пятая</i>	
Заседание Петросовета	211
<i>Глава пятьдесят шестая</i>	
Съезд психиатров	215
<i>Глава пятьдесят седьмая</i>	
Тайна доктора Лепсиуса	221
<i>Глава пятьдесят восьмая</i>	
Обращенный женоненавистник	225
<i>Глава пятьдесят девятая</i>	
Сетто получает проценты	226
Эпилог	228
Как я писала «Месс-Менд»	230

Часть II

ЛОРИ ЛЭН, МЕТАЛЛИСТ

Статья, проливающая свет на личность Джима Доллара	239
<i>Глава первая</i>	
Тяжелые предчувствия социалистического министра	242
<i>Глава вторая</i>	
Убийство на образцовой дороге	246
<i>Глава третья</i>	
Фокусы под дождем	250
<i>Глава четвертая</i>	
Приключение в голубой спальне	253
<i>Глава пятая</i>	
Концессионеры Катарских рудников	256
<i>Глава шестая</i>	
Дубиндус клянется своим мундиром	260
<i>Глава седьмая</i>	
Горничная у хорошенькой женщины	263
<i>Глава восьмая</i>	
Карл Крамер, следователь по особо важным делам	266
	443

<i>Глава девятая</i>	
Инвалиды-штрейкбрехеры	269
<i>Глава десятая</i>	
Труп в морге	273
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Дневник Боба Друка	276
<i>Глава двенадцатая</i>	
Жильцы пансиона Рюклинг в порядке очереди (Продолжение дневника Боба Друка)	280
<i>Глава тринадцатая</i>	
Скульптор Апполлино из Мантуи (Окончание дневника Боба Друка)	283
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Успехи торговца кислыми грушами	286
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Железнодорожные мастерские западного предместья	289
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Дубиндус беседует со специалистом	294
<i>Глава семнадцатая</i>	
Различные воздействия на душу дяди Гнейса	298
<i>Глава восемнадцатая</i>	
Зузельские угольные шахты	303
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Последний день конференции горняков и металлистов	306
<i>Глава двадцатая</i>	
Как фирма Лурзе получает бочки с клеем	311
<i>Глава двадцать первая</i>	
Гостиница святой Кунигунды	314
<i>Глава двадцать вторая</i>	
Успехи сыска	317
<i>Глава двадцать третья</i>	
Старая дама из Померании	319
<i>Глава двадцать четвертая</i>	
Велосипед мосье Растильяка	321
<i>Глава двадцать пятая</i>	
Арест дамы из Померании	324
<i>Глава двадцать шестая</i>	
Обыск в тюрьме	326
<i>Глава двадцать седьмая</i>	
Неотправленное письмо Грэс	330

<i>Глава двадцать восьмая</i>	
Сенсации министра Шперлинга	332
<i>Глава двадцать девятая</i>	
Опыты доктора Гнейса	335
<i>Глава тридцатая</i>	
Ужин в круглой комнате	338
<i>Глава тридцать первая</i>	
Нос англичанина, или хлопоты лорда	
Чирея	342
<i>Глава тридцать вторая</i>	
Штаб металлистов	347
<i>Глава тридцать третья</i>	
Яичница по-китайски	350
<i>Глава тридцать четвертая</i>	
Мнема их сиятельства	354
<i>Глава тридцать пятая</i>	
Батумская секретная база	357
<i>Глава тридцать шестая</i>	
В сердце Азербайджана	361
<i>Глава тридцать седьмая</i>	
Есть еще люди на земле и никогда не переведут-	
ся, по мнению мосье Надувальяна	365
<i>Глава тридцать восьмая</i>	
В мир велим металлу течь!	368
<i>Глава тридцать девятая</i>	
Тетка мосье Надувальяна	371
<i>Глава сороковая</i>	
Лакей Поль на пути к богатству	375
<i>Глава сорок первая</i>	
Первый день смерти	378
<i>Глава сорок вторая</i>	
Обед у веселых смертников	381
<i>Глава сорок третья</i>	
Встреча в гнезде бриллиантов	384
<i>Глава сорок четвертая</i>	
Туристы в Зангезуре	387
<i>Глава сорок пятая</i>	
Кимоно Карла Крамера	390
<i>Глава сорок шестая</i>	
Признание дамы из Померании	392
<i>Глава сорок седьмая</i>	
Страшная загадка	396
<i>Глава сорок восьмая</i>	
Лорелея Рейнских вод	400

<i>Глава сорок девятая</i>	
Война объявлена	402
<i>Глава пятидесятая</i>	
Погребенные заживо	406
<i>Глава пятьдесят первая</i>	
Лэний уходит в глубь земли	409
<i>Глава пятьдесят вторая</i>	
Битва на облаках	413
<i>Глава пятьдесят третья</i>	
Суд над Лорелеей	417
<i>Глава пятьдесят четвертая</i>	
Одним веревка и другим веревка, или торжество справедливости	421
<i>Глава пятьдесят пятая</i>	
Грэс выходит из класса	423
<i>Глава пятьдесят шестая</i>	
Необычайное открытие Зильке	426
<i>Л. Скорино. Обгоняя время</i>	429

Шагинян М.

- Ш 15 Месс-менд. / Послесл. Л. И. Скорино; Илл. Е. А. Ведерникова. — М.: Правда, 1988. — 448 с.

В романе-сказке «Месс-Менд» (часть I «Янки в Петрограде» и часть II «Лори Лэн, металлист») советской писательницы Мариэтты Шагинян (1888—1982) в форме увлекательного приключенческого повествования рассказывается о борьбе международного союза рабочих с заговором мирового фашизма против СССР.

Мариэтта Сергеевна ШАГИНЯН

МЕСС-МЕНД

Редактор
И. А. Бахметьева

Оформление художника
Г. А. Раковского

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 1653

Сдано в набор 1.06.87. Подписано к печати 18.01.88
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Эдисон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 26,87.
Тираж 500000 экз. (2-й завод: 100001–200000 экз.)
Заказ 2246. Цена 1 р. 80 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии
издательства Кузбасского обкома КПСС, 443086.
г. Кузбасс, проспект Карла Маркса, 201.

1 р. 80 к.

Месс-менд

Мариэтта ШАГИНЯН